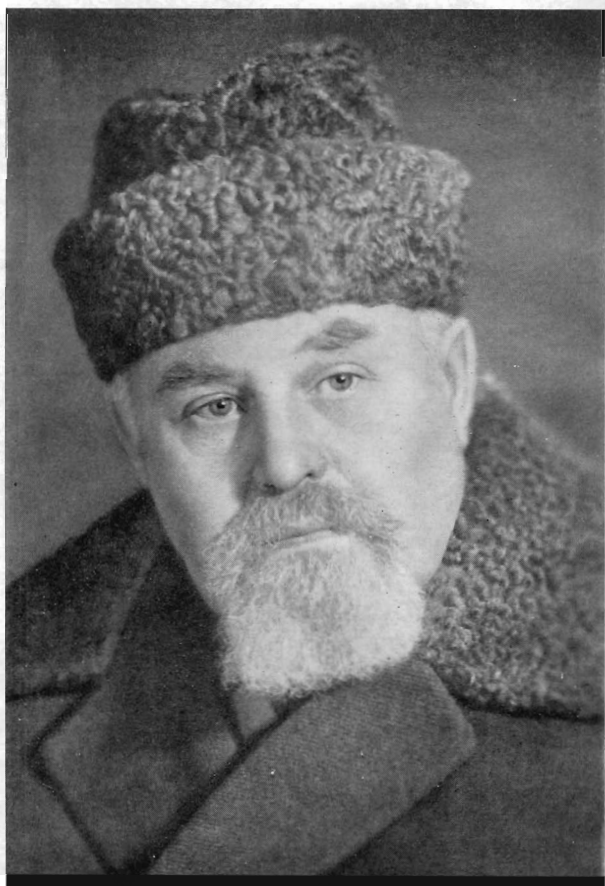

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СЛАВЯНСКОМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Osipov.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

СБОРНИК
В ЧЕСТЬ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ
ПРОФЕССОРА
С. Б. БЕРНШТЕЙНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1971

В сборнике представлены исследования многих ведущих лингвистов современности, посвященные изучению памятников славянской письменности, современных литературных языков и диалектов, вопросам сравнительной грамматики и этимологии.

Редакционная коллегия:

Е. И. ДЕМИНА, Э. И. ЗЕЛЕНИНА (ответственный секретарь),
Н. И. ТОЛСТОЙ, Е. В. ЧЕШКО (ответственный редактор)

**Библиография трудов
проф. С. Б. Бернштейна (1935—1970)**

- 1935 Польский язык. — Лит. энциклопедия, т. 9, стлб. 119—123.
- 1936 Рец.: A. Martel. Michel Lomonosov et la langue litteraire russe. Paris, 1933. — Мовознавство, № 9, с. 115—122 [на укр. яз.].
- 1937 З історії болгарської орфографії. — Мовознавство, № 11, с. 103—114. Розвиттєто на българския литературен език. Приложение към учебника на Д. П. Дринов «Българска граматика за средното училище». Киев, с. 1—16.
- 1938 Македонский язык. — БСЭ, т. 37, стлб. 743—744.
- ✓ 1939 Болгарские говоры Украины (Ольшанский район). — Наук. зап. Одеськ. пед. ін-ту, т. 1, с. 111—123. ✓
- 1940 К истории языковедения в Одессе. Материалы для биографии В. Ягича. — Труды Одесск. ун-та, т. 1, с. 41—56.
Любіти рідну мову. — Молода гвардія, Одеса, 8 червня.
Польский язык. — БСЭ, т. 46, с. 234—235.
Рідна мова. — Молода гвардія, Одеса, 28 травня.
- 1941 А. И. Томсон. (К пятилетию со дня смерти). — РЯШ, № 1, с. 80—84.
✓ К вопросу о диалектной основе польского литературного языка. — Изв. ОЛЯ, № 1, с. 99—105. ✓
Морфологические заметки. — Уч. зап. МГПИ, т. 5, вып. 1, с. 98—102.
Русская культура и славянство. — Красная новь, № 9—10, с. 133—137 [опубл. под псевдонимом С. Одинцов].
Öndra Lysohorský. — Nowe widnokreği. М., № 8, с. 38—40.
Turco-Slavica. К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII—XVIII веков. — Труды МИИФЛИ, т. 7, с. 24—40. [опубл. под псевдонимом С. Одинцов].
- 1944 О болгарском языке. — В кн.: И. Г. Кара-Иванов. Русско-болгарский словарь. М., с. 4—5.
Сербо-лужицкая литература. — БСЭ, т. 50, с. 849.
Сербская литература. — БСЭ, т. 50, с. 850—853.
Сербский язык. — БСЭ, т. 50, с. 854—855.

- 1945 Словацкая литература. — БСЭ, т. 51, стлб. 397—399.
 Словацкий язык. — БСЭ, т. 51, стлб. 400.
 Словенский (словинский) язык. — БСЭ, т. 51, стлб. 401—402.
- 1946 Культурные связи болгар и русских. — В кн.: Балканские страны. М., с. 374—376.
 Культурные связи сербов и русских. — В кн.: Балканские страны, с. 178—179.
 Литература (болгарская). — В кн.: Балканские страны, с. 365—368.
 Литература (сербская, хорватская, словенская). — В кн.: Балканские страны, с. 157—166.
 Славянская филология в Московском университете. — Моск. университет, 1946, 18 марта.
 Язык (Албания). — В кн.: Балканские страны, с. 481.
 Язык (болгарский). — В кн.: Балканские страны, с. 364—365.
 Язык (сербохорватский). — В кн.: Балканские страны, с. 155—157.
- 1947 Болгарско-русский словарь. Под общ. ред. акад. Н. С. Державина. С прил. краткого грамматиц. очерка болгарского языка проф. Бернштейна. Около 30 000 слов. М., ГИС. 495 с. [совместно с Т. С. Лукановым и Е. П. Тиневой].
 Рец.: С. Чукалов. — Български език, год. III, 1953, кн. 2, с. 190—195.
 В. Н. Щепкин — историк болгарского языка (К 25-летию со дня смерти). — ДСФФ, вып. 2, с. 84—87.
 К вопросу об источниках славянской письменности в Валахии. Изв. ОЛЯ, т. 6, вып. 2, с. 125—135.
 Краткий грамматический очерк болгарского языка. — В кн.: С. Б. Бернштейн, Т. С. Луканов, Е. П. Тинева. Болгарско-русский словарь. М., с. 467—495.
 Краткий грамматический очерк чешского языка. — В кн.: Чешско-русский словарь. Под ред. П. Г. Богатырева. М., с. 394—432.
 Программа по западнославянскому (чешскому) языку (для филол. фак. гос. ун-тов). [Киев], КГУ. 4 с.
 Селищев — балкановед. — ДСФФ, вып. 4, с. 11—30.
 Список печатных работ профессора Афанасия Матвеевича Селищева. — ДСФФ, вып. 4, с. 85—90.
 Рец.: Грунский М. К. Вступ до слов'янського мовознавства. Київ—Львів, «Рад. школа», 1946. — ДСФФ, вып. 3, с. 49—53.
- 1948 Академик Н. С. Державин. (К 70-летию со дня рождения.) — ДСФФ, вып. 6, с. 79—80.
 Болгарский лингвистический атлас. — ВАН, № 2, с. 119—122.
 Рец.: С. Стойков. Български езиков атлас. — Език и Лит-ра, год IV, 1949, кн. 3, с. 235—237.
 Из подготовляемых работ. Македонский язык. — ВАН, № 4, с. 85—86.
 К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке. — Вестник МГУ, вып. 2, с. 13—21.
 Крупнейший знаток истории славянского. — Труд, 1948, 1 июня.
 О подготовке славистов-филологов в Московском университете. — ДСФФ, вып. 6, с. 76—78.
 Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. 1. Язык валашских грамот XIV—XV веков. М.—Л., АН СССР. 370 с.

Рец.: В. Бородин, И. Шептунов. Новое исследование по истории болгарского языка. — Славяне, № 11, с. 52—55; И. Лекков. Нови славистични и общезнаковедски публикации в чужбина. — Език и лит-ра, год. IV, 1949, кн. 3, с. 238; И. Дуйчев. — Изв. на Археологическия ин-т, 17, 1950, с. 379; G. N a n d r i s. — The Slavonic and East European review, vol. 30, № 75, London, 1952, с. 617—621.

Учебник болгарского языка, М., Изд-во лит-ры на иностр. яз. 272 с.

Рец.: Румынский лингвистический атлас. Atlasul lingvistic român de Muzeul limbii române din Cluj sub conducerea lui S. Pușcariu. Partea I de Pop. Vol. I Cluj, 1938; Vol. II—1942; Partea II de E. Petrovici. Vol. I. Cluj, 1940. — Бюллетень диалектологич. сектора ИРЯ АН СССР, вып. 3, с. 93—100.

1949 Лингвистический атлас болгарских говоров СССР. — Изв. ОЛЯ, т. 8, вып. 3, с. 245—253.

Рец.: С. Стойков. Атлас на българските говори в Съветския Съюз. — Език и лит-ра, год. V, 1950, кн. 2, с. 170—171.

Из истории конъюнктивных местоимений в болгарских говорах. — Вестник МГУ, вып. 4, с. 81—88.

Отчет о диалектологической поездке в болгарские села Молдавской ССР и Измаильской области УССР летом 1947 г. — УЗИС, т. 1, с. 385—391.

Предварительный отчет о диалектологической экспедиции в болгарские села Молдавской ССР и Измаильской области УССР. — УЗИС, т. 1, с. 395—396 [совместно с И. К. Буниной].

Программа по истории сербского языка (для филол. фак. гос. ун-тов). М., МГУ. 8 с.

Страница из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. — УЗИС, т. 1, с. 327—341.

Рец.: С. Стойков. Нови проучвания на българските говори в Съветския Съюз. — Изв. Ин-та за български език, кн. 4, 1956, с. 427—428.

Рец.: Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М.—Л., 1948. — ВИ, № 1, с. 132—135. [Совместно с В. Т. Дитякиным].

1950 Болгарский язык. — БСЭ, изд. 2-е, т. 5, с. 452—454.

Задачи изучения болгарских говоров СССР. — УЗИС, т. 2, с. 219—224.

Рец.: С. Стойков. Нови проучвания на българските говори в Съветския Съюз. — Изв. на Ин-та за български език, кн. 4, 1956, с. 428—431.

К вопросу о периодизации истории болгарского языка. — Изв. ОЛЯ, т. 9, вып. 2, с. 108—118.

Рец.: 1) К. Н о г а л е к. — Sovětská věda. Oddíl ní jazykověda. Praha, 1951, № 3—4, с. 108—110; 2) К. Н о г а л е к. Sovětská práce o periodizaci dějin bulgarštiny. — Slavica, ročn. XXI, 1952, № 1, с. 50—62.

Краткое изложение доклада на Ученом совете Института славяноведения АН СССР 10 июля 1950 г. — Изв. АН СССР. Серия истории и философии, т. 7, № 4, с. 356—357.

То же. — Myśl współczesna. Warszawa—Łódź, № 11—12, с. 367—369. О языке города Болграда. — УЗИС, т. 2, с. 225—231.

Рец.: С. Стойков. Нови проучвания на българските говори в Съветския Съюз. — Изв. на Ин-та за български език, кн. 4, 1956, с. 459.

Предисловие. — В кн.: И. В а з о в. Под игото. М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., с. 3—6.

Предисловие. — В кн.: И. И о р д а н. Грамматика румынского языка. М. — ИИЛ, с. 5—12.

Перевод: И. И о р д а н. Грамматика румынского языка. М. — ИИЛ. 143 с.

1951 Вопросы изучения славянских языков в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. — УЗИС, т. 3, с. 5—38.

Новое о языке минойских надписей (по поводу работ проф. Вл. Георгиева). — Изв. ОЛЯ, т. 10, вып. 2, с. 198—200.

О некоторых вопросах лингвистического картографирования. — Слав. филология, вып. 1, с. 17—23.

Об одном чехо-моравизме в памятниках старославянского языка. — УЗИС, т. 3, с. 320—327.

Опыт классификации болгарских говоров СССР. — УЗИС, т. 4, с. 327—343. [Совместно с Е. В. Чешко].

Рец.: С. Стойков. Нови проучвания на българските говори в Съветския Съюз. — Изв. на Ин-та за български език, кн. 4, 1956, с. 432.

Программа по истории сербского языка (для филол. фак. гос. ун-тов). М., МГУ, 8 с.

Славянские элементы в молдавском языке. — Тезисы докладов научных сотрудников Института языкознания АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР на совместной сессии, посвященной вопросам молдавского языкознания. Кишинев, 1951, с. 43—44.

Труды И. В. Сталина по языкознанию и задачи кафедры славянских языков. — Слав. филология, вып. 1, с. 3—8.

✓ 1952 Атлас болгарских говоров СССР. — ДУСИЯ, т. 2, с. 135—141.

✓ Болгарские говоры южного Буджака. — СМБД, вып. 2, с. 4—20.

Рец.: С. Стойков. Нови проучвания на българските говори в Съветския Съюз. — Изв. на Ин-та за български език, кн. 4, 1956, с. 431.

К проблеме языковых смешений. — В кн.: Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Т. 2. М., с. 290—306.

О некоторых вопросах сравнительно-исторического метода в языкознании. — РСИС, вып. 7, с. 3—13.

Отчет о диалектологической экспедиции в болгарские села Запорожской области УССР в августе 1950 г. — СМБД, вып. 2, с. 99—106 [совместно с Е. В. Чешко].

Программа по истории болгарского языка (для филол. фак. гос. ун-тов). М., МГУ, 7 с.

Программа по истории сербского языка. М., МГУ, 8 с.

Программа по курсу сравнительной грамматики славянских языков (для филол. фак. гос. ун-тов). М., МГУ, 7 с.

[Развитие зарубежного языкознания после выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»]. Болгария. — ВЯ, № 3, с. 122—128.

Рец.: С. С п а с о в а. Обсъждане на статията за българското езикознание в сп. «Вопросы языкознания». — Български език, год II, 1952, кн. 3—4, с. 281—282.

1953 Болгарско-русский словарь. Около 45 000 слов. М., ГИС, 851 с.

Рец.: 1) Б. Симеонов. — Език и лит-ра, год V, 1955, кн. 1—2, с. 140—142; 2) С. Илчев. По повод на две рецензии. — Български език, год VI, 1956, кн. 1, с. 91—92. (по поводу рецензии Б. Симеонова); 3) К. Н о г а. — Slavica, годин XXVI, 1957, сеж. 1, с. 134—137; 4) М. Л е о н и д о в а. Мястото на фразеологията в българско-руските речници. — Български език, год XII, 1962, кн. 1—2, с. 32—46.

Задачи изучения современного болгарского литературного языка. — РСИС, вып. 10, с. 9—22, 65—67, 107—108.

Краткий грамматический справочник болгарского языка. — В кн.: С. Б. Б е р н ш т е й н. Болгарско-русский словарь. М., с. 854—886.

Славянские элементы в молдавском языке. — В кн.: Вопросы молдавского языкознания. М., с. 150—158.

Отчет о диалектологической экспедиции в болгарское село Суворово летом 1951 года. — СМБД, вып. 3, с. 110—149 [совместно с В. К. Журавлевым, М. Г. Сенкевич, Н. И. Толстым, Е. В. Чешко].

Рец.: С. Стойков. Нови проучвания на българските говори в Съветския Съюз. — Изв. на Ин-та за български език, кн. 4, 1956, с. 456.

Программа по истории болгарского языка (для филол. фак. гос. ун-тов). М., МГУ. 7 с.

Программа по истории сербского языка. М., МГУ. 7 с.

Программа по курсу сравнительной грамматики славянских языков (для филол. фак. гос. ун-тов). М., МГУ, 7 с.

✓ 1954 ^{Рец.:} Заметки по болгарской диалектологии. — Слав. филология, вып. 2, с. 68—75.

Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков». — ВЯ, № 2, с. 49—67.

То же. — ВСЯ, вып. 1, с. 5—23.

Рец.: K. Hořálek. Nové příručky srovnávacího studia slovanských jazyků. — Slavica, ročn. XXIV, 1955, seš. 2—3, с. 294—298.

1955 ^{Рец.:} Вячеслав Николаевич Щепкин. М. 43 с. (Замечательные ученые Моск. ун-та.)

Рец.: J. K u r z. Několik nových sovětských příspěvků k poznání dějin slavistické práce. — Slavica pragensia, t. 2, 1960, с. 164—165.

Вклад ученых Московского университета в изучение южных и западных славянских языков. — В кн.: Юбилейная научная сессия, посвященная 200-летию Моск. ун-та. Тезисы докл. филол. фак. М., с. 18—20.

✓ Задачите на картографирането на българските народни говори (по материалите на «Атлас на българските говори на територията на СССР». — Български език, год. V, кн. 4, с. 297—307.

Польский язык. — БСЭ, изд. 2-е, т. 33, с. 661—662.

Программа по курсу сравнительной грамматики славянских языков (для филол. фак. гос. ун-тов). М. 6 с.

Языкознание. — В кн.: История Московского университета. Т. 1. М., с. 179—183, 334—337, 470—472.

1956 ^{Рец.:} В отделе исторических наук (доклады о зарубежных поездках советских ученых). — ВАН, № 5, с. 85—86.

[Выступление на дискуссии по вопросам субстрата]. — ДСИЯ, № 9, с. 130—134.

Изучение македонского языка в Народной республике Македонии. — ВЯ, № 2, с. 136—138.

Очерк сравнительной грамматики славянских языков (проспект). — КСИС, вып. 18, с. 3—26.

1957 Вклад ученых Московского университета в изучение болгарского языка. — Изв. на Ин-та за български език, кн. 5, с. 383—392.

Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР. — ВСЯ, вып. 2, с. 123—152.

Рец.: J. K u r z. Několik nových sovětských příspěvků k poznání dějin slavistické práce. — Slavica pragensia, t. 2, 1960, с. 159—161.

К изучению редакций болгарских списков «Сокровища» Дамаскина Студита. — В кн.: Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София, с. 215—224.

М. С. Дринов — языковед. — КСИС, вып. 21, с. 37—50.

✓ Совместный труд болгарских и советских ученых. — Славяне, № 1, с. 13—14.

✗ Результаты от първата експедиция за събиране на материали за български диалектен атлас. — Български език, год. VII, кн. 2, с. 181—186. [Совместно с С. Стойковым].

List w sprawie pochodzenia polszczyzny literackiej. — Język polski, № 3, с. 236—237.

✓ 1958 Атлас болгарских говоров в СССР. Ч. 1—2. М., АН СССР. [Совместно с Е. В. Чешко и Э. И. Зелениной]. Т. 1. Вступительные статьи, комментарии к картам. 84 с. Т. 2. Карты. 109 карт.

✗ Рец.: 1) С. Стойков. Атлас на българските говори в Съветския Съюз. — Български език, год. IX, 1959, № 2, с. 182—188; 2) R. Vergard. — RSL, t. 36, 1959, fasc. 1—4, с. 340; 3) N. Iwanowa-Perczyńska. — Poradnik jezykowy, 1959, zesz. 8, с. 352—357; 4) M. Sander. Zum Atlas der bulgarischen Mundarten in der Sowjetunion. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. 4, 1959, H. 5, с. 745—748; 5) Ф. Славский. — ВЯ, 1960, № 3, с. 121—125; 6) Х. Холиолчев. Пръв атлас на български диалекти. — Език и лит-ра, 1960, кн. 2, с. 146—149; 7) Г. К. Венедиктов. Итоги изучения в СССР вопросов болгарской диалектологии. — КСИС, вып. 35, 1962, с. 77—90; 8) С. Стойков. — СМБД, вып. 10, 1962, с. 125—143; 9) M. Karas. — RSL, t. 23, 1964, cz. 1, с. 99—102.

Балто-славянская языковая сообщество. — Слав. филология. Т. 1. М., с. 45—67. См. также: Славяне, 1958, № 5, с. 51—52.

Борис Михайлович Ляпунов. — ВЯ, № 2, с. 67—75.

«Вардар» К. П. Мисиркова. — Slavistična revija, let. 11, № 3—4, с. 178—186. [Резюме на словенск. яз.]

Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках. — В кн.: Творительный падеж в славянских языках. М., с. 5—40.

✓ Об одном важном источнике «Болгарского лингвистического атласа». — В кн.: Сборник статей по языкознанию. Профессору Моск. ун-та акад. В. В. Виноградову. М., с. 67—72.

[Ответ на вопр. № 20]. Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по языкознанию. М., с. 167—169. То же. — ВЯ, № 1, с. 48—49.

[Ответ на вопр. № 24]. Какова роль субстрата в развитии фонетической системы и грамматического строя отдельных славянских языков? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по языкознанию. М., с. 216—219.

[Ответ на вопр. № 5]. Каковы принципы составления дифференциальных двуязычных словарей славянских языков (русско-чешского, чешско-русского, чешско-польского и т. п.)? В кн.: Сборник ответов на вопросы по языкознанию. М., с. 38—40.

✓ Лингвистическая география и структура языка. О принципах общеславянского лингвистического атласа. М., АН СССР. 130 с. (Доклад на IV Междунар. съезде славистов). [Совместно с Р. И. Аванесовым]. Резюме докл. см. в кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962, с. 355—358.

Cu privire la legăturile lingvistice slavo-române. — В кн.: Omagiu lui I. Iordan cu prilejul împlinirii a 70 de ani. București, с. 77—79.

Zur Genesis des Komparativs *слаще* im Russischen. — Cercetări de lingvistică, București, anul III, supliment, с. 115—117. (Mélanges linguistiques offerts á E. Petrovici.)

- ✓ Рец.: Р. И. Аванесов, С. Р. Бромлей, Л. Н. Булатова и др. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карты. Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам. М., 1957. — Изв. ОЛЯ, т. 17, вып. 4, с. 361—368.
- 1959^{Рец.} Академик А. Теодоров-Балан. [Некролог]. — Изв. ОЛЯ, т. 18, вып. 4, с. 391—392.
- Изучването на българския език в Съветския Съюз. — Българо-съветска дружба, София, № 17, с. 8.
- Предисловие. — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., с. 3—4.
- ✓ 1960^{Рец.} Из истории болгарских поселений в Крыму (по материалам Одесского исторического архива). — В кн.: Исследования в чест на Марин С. Дринов. София, с. 273—281.
- Из истории македонского литературного языка. «Вардар» К. П. Мисиркова. — Слав. филология, вып. 3, с. 70—79.
- ✓ Към историята на българската диалектология. — В кн.: Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. София, с. 345—348.
- ✓ 1961 Граюриле булгэрешть дин РССМ ши РССУ (режиуна Одеса). Болгарские говоры МССР и УССР (Одесская область). — Лимба ши литература молдовеняскэ. Кишинев, № 2, с. 33—38.
- Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков. — КСИС, вып. 33—34, с. 179—186.
- Очередные проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков. — В кн.: Координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения. (Программа совещания и тезисы докладов.) М., с. 47—51.
- Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., АН СССР. 356 с. (Введение. Фонетика.)
- Рец.: 1) И. Добрев. Нов принос към сравнително-историческото проучване на славянските езици. — Език и лит-ра, год. XVII, 1962, кн. 5, с. 77—83; 2) A. Vaillant. — RESL, t. 41, 1962, fasc. 14, с. 168; 3) O. Vinteler. — Studia Universitatis Babeş-Bolyai. Series philologica. Cluj, 1962, fasc. 2, с. 119—122; 4) V. Kiparsky. Comparativ and historical slavistics. — Current Trends in linguistics, v. 1. Hague, 1963, с. 103—104; 5) A. Sabaliauskas. Slavų kalbų lyginamosios gramatikos apybraiža. — Lietuvių kalbotyros klausimai, 6. Vilnius, 1963, с. 313—317; 6) Н. И. Толстой. Обзор исследований сектора славянского языковедения Института славяноведения АН СССР за 1960—1962 гг. — КСИС, вып. 41, 1964, с. 91—92; 7) J. Veurenс. — Bulletin de la société de linguistique de Paris, t. 58, 1963, fasc. 2, с. 159—163; 8) Š. Ondruš. — Jazykovedný časopis, 1964, № 1, с. 82—84; 9) T. Milewski. — RSI, t. 24, 1965, cz. 1, с. 119—131.
- Труды М. В. Сергиевского в области балкановедения. — В кн.: Сборник статей по языковедению. Памяти засл. деят. науки проф. М. В. Сергиевского. М., с. 13—26.
- Рец.: M. Romportl. Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšínsku. Fonetická studie. Ostrava, krajské nakl.-vi, 1958. 125 с. — ВЯ, № 1, с. 137—138.
- Рец.: Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovanicae. Hlavní redaktor J. Kurz. Seš. ukazk. 1—3. Praha, 1952—1959. — Slavica, ročn. XXX, seš. 2, с. 318—325.
- ✓ 1962 Об одной особенности глагольной флексии 1 л. ед. ч. настоящего времени в юго-восточных говорах Болгарии. — Slavica pragensia, t. 4, с. 241—245.

Предисловие редактора. — В кн.: Н. К. Дмитриев. Федор Евгеньевич Корш. М., с. 3—4.

[Резюме выступления на подсекции «Славянские литературные языки и лексикология». — В кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. М., с. 62—63.

A existat oare o limbă aparte daco-slavă? (Răspuns academicianului Al. Rosetti). — Studii și cercetări lingvistice. București, anul 13, № 2, с. 147—152.

1963 Да процъфтява във вековете славянската писменост. — Отечествен фронт, 25 мая.

К изучению истории болгарского литературного языка. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сб. в честь проф. Б. А. Ларина. Л., с. 34—41.

К истории слога в праславянском языке. — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., с. 53—69.

Карпатский диалектологический атлас. — ВЯ, № 4, с. 72—84.

Любомир Милетич (к столетию со дня рождения). — КСИС, вып. 38, с. 68—70.

[Ответ на вопр. № 2]. Съществувал ли единен балкански субстрат (или субстрати) и възможно ли е въз основа на анализа на балканизмите да се възстановят чертите на този субстрат (тези субстрати)? — В кн.: Славянска филология. Т. 1. Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание. София, с. 305—306.

[Ответ на вопр. № 1]. В какой мере и каким образом можно реконструировать лексический фонд праславянского языка? Каким путем следует решать вопрос лексических диалектных различий праславянского языка? — Изв. ОЛЯ, т. 22, вып. 4, с. 312—313.

То же. — В кн.: Славянска филология. Т. 1. Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание. София, с. 59—60.

[Ответ на вопр. № 7]. Какви са задачите и принципите за построяване на атлас на балканския езиков съюз? — В кн.: Славянска филология. Т. 1. Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание. София, с. 321—322.

Памяти Л. А. Булаховского. — КСИС, вып. 38, с. 98—99.

Предисловие. — В кн.: Р. Нахтигал. Славянские языки. М., с. 5—11.

Русское славяноведение о сербо-лужицких языках. — В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., с. 5—22.

Классификация юго-восточных говоров Болгарии. — Изв. ОЛЯ, т. 22, вып. 4, с. 289—299. [Совместно с Е. В. Чешко].

Слов'янські мови. — УРЕ, т. 13, с. 256—257.

1964 Български диалектен атлас. Т. 1—2. Югоизточна България. Съставен под ръководството на Ст. Стойков и С. Б. Бернщейн. София, БАН. Ч. 1. Карты. Ч. 2. Статии. Коментари. Показалци. 204 с. [Совместно с Т. Костовой, И. Кочевым, М. Лиловым, М. Младеновым, С. Стойковым, Х. Топаловой, Х. Холиолчевым, Г. К. Венедиктовым, Э. И. Зелениной, Г. П. Клепиковой, Т. В. Поповой, Е. В. Чешко].

Рец.: 1) К. Мирчев. — Език и лит-ра, год XX, 1965, № 4, с. 90—94; 2) Т. Бояджиев. Голямо научно дело. — Български език, год. XVI, 1966, кн. 1, с. 73—80; 3) В. Койчева, Д. Николов. Въпроси на историята

в «Български диалектен атлас». — Ист. преглед, т. 22, 1966, кн. 4, с. 128—131
4) E. H o r á k. — Slavica slovaca, ročn. 1, 1966, № 1, с. 106—107; 5) F. S t a w s k i
RSI, t. 26, 1966, cz. 1, с. 145—149; 6) M. Z d r e n g h e a. — Cercetări de lingvi-
stică, 1966, № 2, с. 355—357; 7) R. B e r n a r d. — RESI, t. 45, 1966, с. 428;
8) V. S a u r. — Slavia, 1968, № 1, с. 154—159; 9) J. S c h ü t z. — ZtsPh,
B. XXXIV, H. 1, с. 195—198.

✓ Еще раз о происхождении русского цоканья. — Romanoslavica,
t. 10, с. 191—192.

✓ Из «Карпатского диалектологического атласа». — В кн.: Lingua viget.
(Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky). Helsinki, с. 19—24.

К истории праславянского аблаута (ступень редукции). —
В кн.: Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских язы-
ков. Научная сессия. Тезисы докл. М., с. 78—79.

✓ Карпатский диалектологический атлас. — В кн.: Проблемы лингво-
этногеографии и ареальной диалектологии. Тезисы докладов. М.,
с. 28—31.

М. Фасмер. [Некролог]. — КСИС, вып. 41, с. 102—103.

✓ 1965 Изучение диалектов карпатского ареала. — В кн.: XII Респуб-
ликаńska диалектологична нарада. Тези доповідей. Київ, с. 13—14.
К изучению польско-южнославянских языковых связей. — Studia
z filologii polskiej i słowiańskiej, t. 5, Warszawa, с. 33—36.

✓ ← К истории слога в праславянском языке. Резюме по докладу и выступ-
ления по докладам М. Думитреску «Наблюдения над фонетикой
русских говоров на территории Румынии», Э. Рабие «Место славянских
говоров на территории Румынской Народной Республики в системе
славянских языков и их значение для славянской диалектологии»
и С. Стойкова «Основного диалектно деление на български език»
на V Международном съезде славистов». — В кн.: Славянска фило-
логия, т. 7, с. 166—167, 215—216, 223.

✓ Неславянские языки в Общеславянском лингвистическом атласе. —
В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. М., с. 36—47.
О некоторых вопросах теории чередований. — Сов. славяноведение,
№ 5, с. 45—52.

Памяти В. И. Григоровича (к 150-летию со дня рождения). — Изв.
ОЛЯ, т. 24, вып. 4, с. 359—362.

Тадеуш Лер-Сплавинский. [Некролог]. — Сов. славяноведение, № 3,
с. 139—140.

Тайное болгарское общество «Искра», 1892 год. (По материалам Одес-
ского областного архива). — В кн.: Славянское источниковедение.
М., с. 166—171.

Gramatica comparată a limbilor slave. Traducere și note de G. Mi-
hăilă. București, Editura didactică și pedagogică. 323 с.

Observații critice privind periodizarea istoriei limbii române. — В кн.:
Omagiul lui Alexandru Rosetti la 70 de ani. București, с. 61—64.

Р-ч.
1966 Болгарско-русский словарь. Около 58 000 слов. М., «Сов. энциклопе-
дия». 768 с.

Рец.: 1) А. Д и м и т р о в. — Български книги, 2'68, София, 1968, с. 111;
2) М. Ч а л ъ к о в. Нови българско-славянски речници, издадени в чужбина. —
Български език, год. XVIII, 1968, кн. 2—3, с. 260.

Грамматический очерк болгарского языка. — В кн.: С. Б. Б е р в-
ш т е й н. Болгарско-русский словарь. М., с. 743—768.

Международная конференция по изучению сербо-лужицких языков
в ГДР. — Вестник МГУ. Филология, № 6, с. 91—95.

Спомен за Димитър Гачев. — Език и лит-ра, год. XXI, кн. 1, с. 98—99.

Les langues turques de la péninsule des Balkans et «l'union des langues balkaniques». — В кн.: Les problemes fondamentaux de la linguistique balkaniques. Sofia, с. 82—91.

Рец.: К. Мирчев, Х. Кодов. Бнински апостол. Старобългарски паметник от XI в. София, БАН, 1965. 264 с. — Сов. славяноведение, № 1, с. 102—103.

Рец. «Филологические труды» в честь академика В. Дорошевского. — Сов. славяноведение, № 3, с. 90—93.

- ✓ 1967 В. М. Иллич-Свитыч. [Некролог]. — Slavia, № 2, с. 341-342.
- ✓ Карпатский диалектологический атлас. М., «Наука». Ч. 1. 271 с. Ч. 2. Карты. 212 карт. [Совместно с В. М. Иллич-Свитычем, Г. П. Клепиковой, Т. В. Поповой, В. В. Усачевой].
- Советской славянской филологии 50 лет. — Сов. славяноведение, № 5, с. 77—93.
- Подвигът на народните просветители. — Днес и утре, № 9, с. 4, 10—11.
- 1968 Введение в славянскую морфонологию. — ВЯ, № 4, с. 43—59.
- [Выступления по докладам Г. Хазаи о проблемах и задачах балкано-тюркологии, И. Русека о балканизмах в среднеболгарских памятниках XII—XIII вв., Е. Петровича о болгарских элементах в истро-румынском диалекте и территории формирования румынского языка, Е. Врание о терминологических метафорах у румын и других народов юго-восточной Европы]. — В кн.: Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est europeennes. VI. Linguistique. Sofia, с. 119, 182, 229, 646—647.
- Контракция и структура слога в славянских языках. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., с. 19—31.
- ✓ Предисловие. — В кн.: Полесье. (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., с. 3—4.
- [Приветствия]. — В кн.: Климент Охридски. Материали за негово то чествуване по случай 1050 години от смъртта му. София, с. 83—84.
- ✓ Рец.: С. Стойков. Банатският говор. София, 1967. 489 с. — Сов. славяноведение, № 4, с. 124—128.
- Kontraktion und Silbenstruktur in den slawischen Sprachen. — VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Rezumé přednášek, příspěvků a sdělení. Praha, с. 12.
- Les langues turques de la péninsule des Balkans et «l'union des langues balkaniques». — В кн.: Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est europeennes. VI. Linguistique. Sofia, с. 73—79, 89.
- Zum Studium des altslawischen ostbulgarischer Redaktion des IX—X Jahrhunderts. — Annuaire de L'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, t. XVIII, Bruxelles, с. 55—63.
- 1969 Заметки по болгарской лексикографии. — В кн.: Слав. филология. II., с. 50—56.
- Из болгарской лексикологии и лексикографии. — Сов. славяноведение, № 4, с. 76—80.
- К проблеме именных основ в праславянском. — Зб. за филологију и лингвистику. Нови Сад, књ. XII, с. 7—19.
- 221 Памяти Э. Петровича. [Некролог]. — Сов. славяноведение, № 2, с. 135.

- Руководитель — не покровитель! — Лит. газета, 7 мая, с. 10. ✓
 Успехи на болгарските езиковеди. — Народна култура, 16 августа. ✓
 Рец.: Атласул лингвистик молдовенеск. I, п. I — Фонетика де Р. Уд- ✓
 лер. 235 хэрць; п. II — Фонетика де Р. Удлер. Морфология де В. Мел- ✓
 ник ши В. Комарницки. 285 хэрць; Артиколе ынтродуктиве. Анексе. ✓
 176 с. Кишинэу, 1968. — ВЯ, 1969, № 5, с. 120—126. [Совместно ✓
 с Г. П. Клепиковой].
 Рец.: С. Стойков. Българска диалектология. Второ попр. издание. ✓
 София, 1968. 297 с. — ВЯ, 1969, № 4, с. 134—136. [Совместно ✓
 с Г. К. Венедиктовым].

- ✓ 1970 Памяти профессора Стойко Стойкова. — Сов. славяноведение, № 3, ✓
 с. 125—127.
 Очерки славянской морфонологии (чередование в парадигме настоящего ✓
 времени). — Вестник МГУ. Филология, № 3, с. 3—18; № 4, с. 45—58.
 Следы консонантных именных основ в славянских языках. (Следы ✓
 основ на -s). — ВЯ, № 3, с. 71—96.

Редактирование

- 1944 Кара-Иванов И. Г. Русско-болгарский словарь. М., ГИС. 368 с.
 1949 Вазов И. Неотдавна. Немили—недраги. Митрофан и Дормидолски. ✓
 М., Изд-во лит-ры на иностр. яз. 207 с. [на болг. яз].
 1950 Вазов И. Под игото. М., Изд-во лит-ры на иностр. яз. 444 с. ✓
 [на болг. яз].
 Рассказы современных болгарских писателей. М., Изд-во лит-ры ✓
 на иностр. яз. 212 с. [на болг. яз].
 1951 Мейе А. Общеславянский язык. Перев. со 2-го франц. изд. М., ИИЛ. ✓
 491 с.
 Славянская филология. Вып. 1. Статьи и монографии. М., МГУ. ✓
 135 с.
 ✓ 1952 Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 2. М., ✓
 АН СССР. 107 с.
 1953 Основные вопросы грамматики современного болгарского литератур- ✓
 ного языка. М., АН СССР. 142 с. (КСИС, вып. 10).
 ✓ Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 3—4. М., ✓
 АН СССР. Вып. 3. 150 с. Вып. 4. 167 с.
 1954 Вопросы славянского языкознания. Вып. 1. М., АН СССР. 139 с. ✓
 Славянская филология. Вып. 2. М., МГУ. 187 с.
 ✓ Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 5—6. М., ✓
 АН СССР. Вып. 5. 135 с. Вып. 6. 135 с.
 Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 9. М., ✓
 АН СССР. 252 с.
 ✓ 1955 Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 7. М., ✓
 АН СССР. 132 с.
 1956 Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 13. М., ✓
 АН СССР. 288 с.

- 1957 Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., АН СССР. 175 с.
- 1958 Вопросы славянского языкознания. Вып. 3. М., АН СССР. 172 с. [Совместно с Н. И. Толстым и В. Н. Топоровым].
Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов). М., АН СССР. 324 с. [Совместно с С. И. Котковым, Н. И. Толстым].
Славянская филология. Т. 1. М., АН СССР. 374 с.
- ✓ Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 8. М., АН СССР. 120 с.
Творительный падеж в славянских языках. М., АН СССР. 378 с.
- 1959 Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., АН СССР. 437 с.
Вопросы славянского языкознания, вып. 4. М., АН СССР, 144 с. [совместно с Н. И. Толстым и В. Н. Топоровым].
- ✓ Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 9. М., АН СССР. 159 с. [Совместно с С. Стойковым].
Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., АН СССР. 212 с.
Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 17. Исследования в области славянского языкознания. М., АН СССР. 275 с.
- 1960 И. А. Бодуэн де Куртене (к 30-летию со дня смерти). М., АН СССР. 120 с.
Славянская филология. Вып. 3. М., МГУ. 175 с.
Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию (библиографический указатель). М., МГУ. 356 с. [Совместно с Э. А. Нерсесовой].
- 1961 Сборник статей по языкознанию. Памяти заслуженного деятеля науки профессора Максима Владимировича Сергиевского. М., МГУ. 216 с. [Совместно с Р. А. Будаговым].
Топоров В. Н. Локатив в славянских языках. М., АН СССР. 379 с.
- 1962 Дмитриев Н. К. Федор Евгеньевич Корш. М., МГУ. 56 с. (Замечательные ученые Моск. ун-та).
Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 10. М., АН СССР. 148 с. [Совместно с С. Стойковым].
- 1963 Нахтигал Р. Славянские языки. Перев. со словен. Н. М. Елкиной. М., ИИЛ. 342 с.
Славянская филология. М., МГУ. Вып. 4—5. Вып. 4. 297 с. [Совместно с Е. З. Цыбенко]. Вып. 5. 495 с. [Совместно с Н. М. Шанским и Е. З. Цыбенко].
- 1964 Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов. М., МГУ. 88 с. [Совместно с Н. С. Чемодановым].
- ✓ 1965 Общеславянский лингвистический атлас. (Материалы и исследования). М., «Наука». 172 с. [Совместно с Р. И. Аванесовым, В. Г. Орловой, С. К. Пожарицкой].

- 1968 Славянская филология. М., МГУ. Вып. 6—7. [Совместно с Е. З. Цыбенко]. Вып. 6. 216 с. Вып. 7. 188 с.
Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., АН СССР. 428 с. [Совместно с В. В. Виноградовым и Н. И. Толстым].
Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию (библиографический указатель). Т. 2. 1958—1967 гг. М., МГУ. 353 с.
- 1969 Можаяева И. Е. Южнославянские языки. Аннотированный библиографический указатель литературы, опубликованной в России и в СССР с 1835 по 1965 г. М., «Наука». 183 с.
Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семаснологические этюды. М., «Наука». 269 с.

Принятые в библиографии сокращения

БАН	—	Болгарская академия наук
БСЭ	—	Большая советская энциклопедия
ВАН	—	Вестник Академии наук СССР
ВИ	—	Вопросы истории
ВСЯ	—	Вопросы славянского языкознания (Институт славяноведения АН СССР)
ВЯ	—	Вопросы языкознания
ГИС	—	Государственное издательство словарей
ДСИЯ	—	Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР
ДСФФ	—	Доклады и сообщения филологического факультета МГУ
Изв. ОЛЯ	—	Известия АН СССР. Отделение литературы и языка
ИИЛ	—	Издательство иностранной литературы
ИРЯ	—	Институт русского языка АН СССР
КСИС	—	Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР
МГПИ	—	Московский гор. педагогический институт им. Потемкина
МИИФЛИ	—	Московский институт истории, философии и литературы
НДВШ	—	Научные доклады высшей школы
РЯШ	—	Русский язык в школе
СМБД	—	Статьи и материалы по болгарской диалектологии (Институт славяноведения АН СССР)
УЗИС	—	Ученые записки Института славяноведения АН СССР
УРЕ	—	Українська радянська енциклопедія

Составила И. Е. Можаяева

Сорок лет в славистике

Р. И. Аванесов

Самуил Борисович Бернштейн, один из крупнейших славистов-языковедов, является учеником Афанасия Матвеевича Селищева, питомцем Московского университета. Диапазон его научных интересов чрезвычайно широк. Он много и успешно занимается историей и диалектологией болгарского и других славянских языков, проблемами сравнительной грамматики славянских языков, сложными вопросами индоевропейского языкознания, балканистикой. В сфере интересов Самуила Борисовича находятся также вопросы румынского языка, проблема субстрата и языковых взаимовлияний, проблемы лингвистической географии, лексикографии. По всем этим вопросам ему принадлежит большое количество глубоких, оригинальных исследований.

Имя проф. С. Б. Бернштейна широко известно как в нашей стране, так и за ее пределами. Болгарская академия наук (в 1963 г.) и Македонская академия наук и искусств (в 1969 г.) избрали его своим членом-корреспондентом. Правительством Болгарской Народной республики он награжден орденом Кирилла и Мефодия I степени и медалью в честь 25-летия Народной власти в Болгарии.

С. Б. Бернштейн родился 3 января 1911 г. в Забайкалье в городе Баргузин. По окончании в 1928 г. средней школы он поступил на историко-этнологический факультет Московского университета, где под руководством А. М. Селищева и Г. А. Ильинского изучал славянское языкознание. В 1931 г. был принят в аспирантуру Института языкознания при Наркомпросе РСФСР, а затем в 1933 г. в связи с закрытием этого института переведен в аспирантуру Института речевой культуры в Ленинграде, где молодой ученый работал под руководством проф. М. Г. Долобоко. В 1934 г. С. Б. Бернштейн защитил кандидатскую диссертацию на тему «Турецкие элементы в языке дамаскинов XVII—XVIII веков».

С 1934 по 1938 г. С. Б. Бернштейн руководил кафедрой болгарского языка и литературы в Одесском педагогическом инсти-

туте. С 1938 г. приглашен заведовать кафедрой языкознания в Одесском университете. В 1939 г. переводится на работу в Московский институт истории, философии и литературы им. Чернышевского, который с 1941 г. вошел в состав МГУ. В 1946 г. С. Б. Бернштейн защитил докторскую диссертацию «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии». С этого же времени он — заведующий сектором славянской филологии в только что созданном Институте славяноведения АН СССР. С. Б. Бернштейн принимал деятельное участие в организации в 1943 г. на филологическом факультете МГУ кафедры славянских языков и был назначен вначале заместителем заведующего, а с 1947 г. — заведующим этой кафедрой.

В послевоенный период проф. С. Б. Бернштейн возглавил в Советском Союзе работу по славянскому языкознанию, которое под его руководством в сравнительно короткий срок превратилось в одну из ведущих областей советской лингвистики. Он проявил себя как превосходный организатор научной работы, руководитель многих больших коллективных исследований, редактор славистических изданий, воспитатель научных кадров. Из его школы вышел ряд крупных ученых, работы которых встретили заслуженное признание у нас и за рубежом. Непосредственными учениками С. Б. Бернштейна являются И. К. Бунина, Е. И. Демина, В. К. Журавлев, В. М. Иллич-Свитыч, Н. И. Толстой, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Е. В. Чешко, С. К. Шаумян и др. Огромная эрудиция и высокая научная принципиальность, умение правильно определить перспективы развития науки, успешно руководить большими и сложными научными коллективами и доводить до конца свои научные начинания создали С. Б. Бернштейну большой авторитет блестящего руководителя и организатора науки, завоевали уважение и любовь его коллег и многочисленных учеников.

Педагогическая деятельность всегда играла большую роль в жизни ученого и многие его научные замыслы сложились в процессе этой работы. За сорок лет своей педагогической деятельности (с 1934 г.) С. Б. Бернштейн подготовил и прочел более двадцати различных курсов лекций по славянскому языкознанию и филологии, составил вузовские программы по истории и современной грамматике болгарского, сербского, чешского языков, курсу сравнительной грамматики славянских языков и введению в славянскую филологию. Тридцать аспирантов, работавших под руководством С. Б. Бернштейна, защитили кандидатские диссертации, пять — докторские. С. Б. Бернштейн очень много сделал для создания условий практического изучения болгарского языка в Советском Союзе своей работой в Московском университете, подготовкой учебников, в особенности составлением болгарско-русских словарей.

Труды С. Б. Бернштейна начали появляться в печати с середины 30-х годов. Это статьи по польскому, болгарскому и македонскому языкам. Его внимание привлекали вопросы истории болгарской орфографии, развития болгарского литературного языка, болгарской диалектологии. С начала 40-х годов появляются статьи С. Б. Бернштейна и по другим направлениям его разносторонней научной деятельности. Он пишет статьи по истории науки (о В. Ягиче и А. И. Томсоне), о генезисе флексий именительного падежа ед. числа основ на -о в праславянском, по вопросу диалектной основы польского литературного языка. В 1948 г. вышла в свет монография С. Б. Бернштейна «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии», восполнившая серьезный пробел в истории болгарского языка и получившая высокую оценку зарубежных и советских специалистов.

Работы С. Б. Бернштейна по истории болгарского языка характеризуются тем, что ученый обращается к новым источникам, отражающим народные говоры. Для него история языка это прежде всего история живого народного языка. В статье «К вопросу о периодизации истории болгарского языка» [1950] он пишет о необходимости строить периодизацию истории языка на основе изучения не только письменных памятников, но также и прежде всего народного языка.

С. Б. Бернштейн по-новому формулирует задачи изучения истории болгарского языка, считая, что наиболее плодотворным является путь ретроспективный — от новоболгарского языка, представленного дамаскинами XVII—XVIII вв., к изучению «народных говоров в более древнее время и прежде всего в XIV—XV вв. Подобное изучение народных говоров XIV—XV вв. дает возможность в будущем перейти к XII—XIII вв.» («Разыскания», стр. 15). Выполнению этой задачи — изучению народных говоров XIV—XV вв. и посвящена монография «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии», т. 1. Сложность этой задачи состояла в отсутствии собственно болгарских источников. «Таковыми источниками являются славянские грамоты валашских господарей XIV—XV столетий» (Там же). Но прежде чем воспользоваться этим источником, исследователь должен был выяснить «природу славянского языка в Валахии. Был ли славянский язык здесь чужим, книжным языком, понятным лишь духовенству и боярству (ср. латинский язык в Польше), или он развивался в родной (славянской) среде?».

В связи с решением этого вопроса возникал «вопрос о взаимоотношении славянского и румынского элементов, о роли славянского элемента в формировании румынского народа и румынского языка, о значении собственно румынских памятников и румынских диалектов для истории славянских языков».

Значение подобных исследований славистам было ясно и ранее. Языком валашских грамот занимался Л. Милетич. После его работ, написанных в конце XIX в. и уже вследствие этого не удовлетворяющих современным требованиям науки, никто исследованием языка валашских грамот не занимался. Данные языка валашских грамот почти не использовались ни в специальных исследованиях, ни в сводных работах по истории болгарского языка. Таким образом, исследование С. Б. Бернштейна ввело в научный обиход большой и новый материал. Труд С. Б. Бернштейна является первым капитальным исследованием в этой области. В нем он рассмотрел широкий круг вопросов, далеко выходящих за рамки обычных лингвистических исследований: проблемы этнических и языковых взаимоотношений на территории Дакии, вопросы возникновения письменности в Валахии, филологическая критика исследуемых текстов (выделение сербских и болгарских элементов). И лишь после этого автор обратился к собственно языковым вопросам — изучению глагола и системы именного и местоименного склонения. Результаты исследования внесли существенный вклад не только в историю болгарского языка, но также в изучение так называемого славянского периода в истории румынского народа и языка. Книга является также крупным вкладом в балканистику. Характерная особенность этого труда — органическая связь истории языка с историей народа.

В связи с занятиями историей болгарского языка С. Б. Бернштейн обращается к проблемам балканистики, и в частности к теории субстрата. Однако он предостерегает историков болгарского и македонского языков против опасности «переоценки роли неславянского языкового субстрата» (Сб. ответов на вопросы по языкознанию IV Международного съезда славистов. М., 1958, стр. 217). Он пишет: «Лингвист прежде всего обращается к данным сравнительной грамматики родственных языков, стремится изучить историю какого-либо явления в свете внутренних закономерностей данного языка. Если это не дает убедительного ответа, он обращается к теории субстрата, которая, начиная с середины прошлого столетия, помогла объяснить много фактов» («Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. IX, стр. 131). Он считает, в частности, «что разрушение болгарского склонения является следствием тех глубоких этнических и соответственно языковых скрещиваний, которые происходили в восточной половине Балканского полуострова в VI в. н. э.» (Там же). Однако нельзя понимать взаимодействие языков субстрата и суперстрата механически. Влияние языка субстрата это не внешнее влияние. В ряде случаев под влиянием субстрата преобразуются тенденции развития языка, вследствие чего какие-то особенности, возникшие под влиянием субстрата, могут проявиться очень поздно. Так было с возникновением аналитизма в болгар-

ском языке, образованием постпозитивного артикля и других так называемых балканизмов.

Много внимания С. Б. Бернштейн уделяет проблематике балканского языкового союза, в частности сложному вопросу о роли турецкого языка в его формировании. В докладе на I Международном съезде балканистов в Софии [1966] он высказал мнение, что хотя сам турецкий язык не входит в балканский языковой союз (в нем нет так называемых балканизмов), многочисленные заимствования из него, главным образом лексические и словообразовательные, являясь общими для всех балканских языков, становятся еще одной чертой, объединяющей эти языки и заслуживающей специального изучения.

Работы по истории языка тесно связаны с диалектологическими исследованиями С. Б. Бернштейна. В изучении современных говоров ученый видит также в первую очередь источник для истории языка, истории славянских народов, их древнейших связей и миграций.

Поэтому такое большое значение он придает лингвистической географии. «Много нового и очень важного материала дают атласы историкам и археологам, так как обнаруживают древнейшие границы различных племенных образований, следы многих колониционных процессов. Лингвистическое картографирование дает возможность установить связь современных говоров с древнейшими племенными диалектами, вскрыть изменение диалектных границ, изучить многие языковые факты и установить их соотносительную хронологию. Вот почему создание атласов является первоочередной задачей диалектологов» (Атлас болгарских говоров в СССР. Вступительные статьи и комментарии к картам. М., 1958, стр. 5).

Другим важным аспектом диалектологических исследований С. Б. Бернштейн считает монографические описания отдельных диалектов, которые дают «полное и целостное представление о системе говоров». Он считает, что «без детальных и всесторонних описаний отдельных говоров нельзя изучить историю языка» (Там же).

Таким образом, лингвистические атласы и монографические описания взаимно дополняют друг друга. Лингвистический атлас может пройти мимо важнейших языковых черт, если они не картографируются. Монографическое описание, в свою очередь, «не может выявить с достаточной полнотой всех дифференцирующих признаков говоров, многие из которых относятся к древнейшему периоду» (Там же). Выявить границы говоров и распространение отдельных явлений языка на всей его территории можно лишь методом лингвистической географии. «Именно поэтому картографирование диалектных черт современных языков представляет собою одну из важнейших задач исторического языкознания» (Там же).

С. Б. Бернштейн считает необходимым подходить к отдельным говорам как к определенным языковым системам. Благодатный материал для такого системного анализа представляли болгарские говоры на территории Советского Союза, которые развивались вне взаимодействия с болгарским литературным языком.

С 1947 г. по инициативе и под руководством С. Б. Бернштейна начинается интенсивная работа по изучению болгарских говоров Советского Союза. Создается программа Атласа, проводятся экспедиции, в которых деятельное участие принимает и сам проф. С. Б. Бернштейн. Он выступает с рядом теоретических статей, где формулирует свои взгляды по вопросам лингвистической географии, о задачах атласа, принципах и методах сбора и обработки материала, приемах картографирования и т. п. Под его редакцией начинается издаваться серия «Статьи и материалы по болгарской диалектологии» [1949—1962], где печатаются монографические исследования говоров и публикуется ряд научных очерков об экспедициях.

Теоретические основы советской лингвистической географии складывались в процессе практической работы над атласами в острой полемике с идеями зарубежной лингвистической географии (Жильерона, Доза, Мийарда, Яберга и др.), главным пороком которых является антиисторизм, а также с группой советских диалектологов, стоящих на позициях Марра, которые, как и Жильерон, игнорировали понятие диалекта, системы языка, закономерности развития языков (см. статьи С. Б. Бернштейна «О некоторых вопросах лингвистического картографирования» [1951], «Атлас болгарских говоров СССР» [1958] и др.). С. Б. Бернштейн поддерживает принципы русского лингвистического атласа, основной задачей которого является решение вопросов истории языка. Наряду с этим он ставит перед лингвистической географией и другую важную задачу: отразить на картах атласа тенденции развития языковых явлений в современных говорах. Эта задача определяет необходимость привлечения большого числа информаторов, принадлежащих к разным возрастным группам, сбор материала в естественных условиях непринужденной беседы и под. Такое изучение особенно важно для говоров со смешанным населением, как это часто представлено в бессарабских болгарских говорах. Статья С. Б. Бернштейна «Из истории конъюнктивных местоимений в болгарских говорах» показывает, какой интересный материал может дать лингвистический атлас для выявления тенденций развития современных диалектов.

В 1958 г. выходит «Атлас болгарских говоров СССР» (С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Э. И. Зеленина). В своих рецензиях на «Атлас» болгарский лингвист проф. Ст. Стойков отмечает его большое значение для болгарского языкознания, «диалектологии, демографии и истории, для славянского языкознания вообще». Отмечая, что «Атлас» создан на основе самых лучших

достижений лингвистической географии, примененных к специфическим особенностям болгарских говоров» («Български език», 1959, № 2, стр. 183), Ст. Стойков указывает на большое значение этого опыта для предстоящей работы по составлению болгарского диалектного атласа (Статьи и материалы по болг. диалектологии, вып. 10, стр. 143).

С 1956 г. начинается совместная работа советских и болгарских языковедов по сбору материала и созданию карт I тома Болгарского диалектного атласа, которая проводилась под руководством проф. С. Б. Бернштейна и проф. Ст. Стойкова. Этот том атласа, посвященный юго-восточным говорам, вышел в свет в 1964 г. и получил высокую оценку рецензентов.

Под руководством С. Б. Бернштейна был составлен также «Карпатский диалектологический атлас» [1967], выполненный совместно с В. М. Илличем-Свитычем, Г. П. Клепиковой, Т. В. Поповой, В. В. Усачевой. Этот региональный атлас ставил своей задачей выявление древнейших изоглоссных связей юго-запада восточнославянской и южнославянской областей.

Активное участие принимает С. Б. Бернштейн в обсуждении проблем и задач общеславянского и балканского атласов.

В диалектологии видит С. Б. Бернштейн важнейший источник сведений не только для истории языка, но также для сравнительной грамматики славянских языков. Метод лингвистической географии чрезвычайно важен для реконструкции соотношения славянских языков и диалектов в различные периоды их древнейшей истории. «Задача исследователя состоит в том, чтобы установить характер и направление важнейших изоглосс (фонетических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, лексических и фразеологических), определить их хронологию. Этот метод дает возможность установить общие и частные признаки, которые связывают и разделяют языки, входящие в общие группы, которые объединяют отдельные языки и диалекты, входящие в различные группы» (Очерк сравнительной грамматики, стр. 41).

В 50-е годы С. Б. Бернштейн начинает публиковать работы по сравнительной грамматике славянских языков. В 1958 г. выходит коллективный труд «Творительный падеж в славянских языках», выполненный под руководством и редакцией С. Б. Бернштейна. Во вступительной статье «Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках» он излагает принципы, по которым строится данная работа. В 1956 г. публикуется проспект книги «Очерк сравнительной грамматики славянских языков», а в 1961 г. выходит сама книга, заключающая в себе «Введение» и «Фонетику». Это капитальный и в ряде отношений новаторский труд. Он отличается структурным подходом к явлениям праславянского и отдельных славянских языков, строгостью фонологического анализа, пристальным вниманием

к вопросам лингвистической географии. Развивая некоторые положения Я. Эндзелина и Х. Станга, С. Б. Бернштейн предложил новую концепцию славяно-балтийских языковых связей. Специфические балто-славянские сходства он объясняет как результат вторичного сближения двух различных индоевропейских диалектов в период балто-славянской общности. Новую интерпретацию получил в книге вопрос о диалектном членении праславянского языка в период, предшествующий основным миграциям славян.

Книга С. Б. Бернштейна подводит итог сравнительно-исторических исследований славянских языков и намечает дальнейшие пути науки в этой области. Она переведена на румынский язык [1965].

На V и VI Международных съездах славистов в Софии и Праге С. Б. Бернштейн выступает с докладами, посвященными структуре слога в праславянском: «К истории слога в праславянском языке» [1963], «Контракция и структура слога в славянских языках» [1968]. В 1969 г. появляется статья «К проблеме именных основ в праславянском», основная идея которой состоит в том, что изучение древних словообразующих элементов имени должно относиться к компетенции сравнительной грамматики индоевропейских языков, иначе трудно различить архаизмы от новообразований и заимствований. Он акцентирует внимание на процессах переразложения основ, явившихся результатом изменений конца слова под действием закона открытых слогов.

Таким образом, основные направления исследовательской деятельности С. Б. Бернштейна, к которым принадлежат фундаментальные труды ученого (и его многочисленные статьи) — история болгарского языка, диалектология и лингвогеография и сравнительно-историческое изучение славянских языков — органически связаны между собой и объединены единством метода. С. Б. Бернштейн всегда выступает как историк языка, основной интерес которого приковывают проблемы реконструкции тех этапов исторического развития языков, которые не засвидетельствованы непосредственными источниками. (Идет ли речь об изучении праславянских процессов или загадочной истории болгарского языка). Для выполнения этих задач он использует ретроспективный метод, продвигаясь от современности в глубь веков. Пристальное изучение современных диалектов позволяет установить утраченные звенья в цепи исторического развития. Лингвистическая география позволяет проникнуть в тайны древнего соотношения диалектов. С. Б. Бернштейн привлекает новые источники, из которых можно извлечь новые материалы для истории болгарского языка — валашские грамоты, и исследует их во всеоружии историка, филолога и лингвиста. Он ставит вопрос об использовании древнерусских памятников как источника сведений по истории болгарского языка. Он обращается к балканистике для объяснения

особой судьбы болгарского языка в семье других славянских языков. Исследуя историю языка, С. Б. Бернштейн не отрывает ее от истории его носителей, широко используя данные истории, этнографии и археологии для объяснения конкретной исторической ситуации языковых контактов и других факторов развития языка. Привлекая к анализу материал конкретных памятников письменности, С. Б. Бернштейн всегда исходит из необходимости предварительной филологической критики текста, изучения его редакций и взаимоотношения списков [см. его опыт сравнительно-текстологического изучения болгарских дамаскинов].

Вместе с тем работы С. Б. Бернштейна характеризуются системным подходом к интерпретации языковых фактов. Большое внимание он уделяет вопросам относительной хронологии явлений, отделению архаизмов от более поздних заимствований. С. Б. Бернштейн внимательно относится к работам своих предшественников, опираясь на лучшие традиции прошлого и смело используя достижения современной науки. Характерной чертой ученого является большое внимание к истории науки. С. Б. Бернштейн — автор ряда очерков о крупнейших представителях славянского и балканского языкознания (А. И. Томсон, В. Н. Щепкин, Н. С. Державин, Б. М. Ляпунов, М. С. Дринов, Л. Милетич, В. И. Григорович, Л. А. Булаховский, А. М. Селищев, М. В. Сергиевский и др.), а также очерков по истории изучения славянских языков в России («К истории языковедения в Одессе» [1940]; «Вклад ученых Московского университета в изучение южных и западных славянских языков» [1955]; «Вклад ученых Московского университета в изучение болгарского языка» [1957]; «Русское славяноведение о сербо-лужицких языках» [1963]; «Советской славянской филологии 50 лет» [1967]; «Изучаването на българския език в Съветския Съюз» [1959] и др.). Работы С. Б. Бернштейна по истории науки высоко оценены критикой. Так, о его работе «Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР» [1957] И. Курц пишет: «Рецензируемая работа С. Б. Бернштейна является необычайно ценным вкладом в дело ознакомления с исследованиями, посвященными изучению южнославянских языков» (J. K u r z. — Slavica pragensia, t. 2, 1960, стр. 161).

С. Б. Бернштейн много работал и в области болгарской лексикографии. Его «Болгарско-русский словарь» [1947] и [1953] был незаменимым пособием для изучения болгарского языка в Советском Союзе и оказал заметное влияние на последующие двуязычные словари, в том числе в самой Болгарии. В 1966 г. вновь был издан словарь С. Б. Бернштейна, в котором уже содержится около 58 000 слов. В нем учтен опыт составления в Болгарской академии наук различных словарей, прежде всего однотомного и трехтомного толковых словарей современного болгарского литературного языка. Занимаясь практической лексикографической

работой, С. Б. Бернштейн глубоко интересуется теорией двуязычных словарей, которой посвящены у него специальные статьи.

Свое шестидесятилетие проф. С. Б. Бернштейн встречает в расцвете творческих сил, исполненный многими смелыми замыслами и начинаниями. В стадии завершения находится фундаментальный труд — II том «Сравнительной грамматики славянских языков». Ближайшие годы ученый думает посвятить проблемам языковой интерференции в районе Карпат и Балканского полуострова, вплотную смыкающимся с решением многих кардинальных вопросов этногенеза славян.

I

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ПИСЬМЕННОСТИ

О взаимоотношениях форм аориста и настоящего совершенного в старых белорусских, чешских и польских памятниках

А. В. Бондарко

В этой статье рассматривается один из «эпизодов» истории падения простых прошедших времен в некоторых славянских языках, когда вышедшие из живого употребления формы аориста в памятниках письменности вступают во взаимодействие с формами настоящего совершенного (далее наст. сов.) в повествовательной функции.

Рассмотрим вначале факты старого белорусского языка.

В Западнорусских (Литовских) летописях¹ нередко встречаются формы наст. сов., выступающие в сочетании с формами аориста, а также перфекта². Например: кнзь велики же Жикгимонтъ собра всю свою силуо Литовскоую, и посла своего сна кнза Михаила на Роусь, и пришед кнзь Михаило станеть на Рши (Супр., об. 75, 64); и поиде кнзь великий Витовтъ таки к городу Вилни, со своими воими, и цстоупать [Вил. остѹпи] город Вилню, и нача добывати Кривого города (Супр., об. 99, 79); тогда кнзь Скиргайло оусхочет ехати оу ловы за Днепръ тогда тот Тома чернецъ, почнет [Супр. нача] его просити на митрополиции двор на честь, и кнзь Скиргайло до него заехал (Крас., об. 81, 168)³.

¹ Западнорусские летописи. — ПСРЛ, т. 17, СПб., 1907. Примеры приведены из Супрасльского списка (1519) и списка Красинского (XVI в.).

² Лишь в двух случаях эти формы выступают в сочетании с настоящим историческим глаголом несовершенного вида.

³ В Супрасльском списке формы наст. сов. в повествовательной функции употреблены в 43 случаях. Это относительно высокая частота употребления, особенно при сравнении с редкими случаями использования рассмат-

Иногда (в 9 случаях) формам наст. сов. в Супрасльском списке соответствуют формы аориста или перфекта в других списках и, наоборот, на месте форм претерита в Супрасльском нередко (в 27 случаях) выступают формы наст. сов. по крайней мере в одном из других списков.

Важно отметить, что формы наст. сов. выполняют ту же функцию, что и формы аориста (а в ряде случаев и перфекта). Те и другие формы могут выступать в одном ряду, обозначая сменяющие друг друга факты. Контекст не дает никаких указаний на какой-либо особый стилистический оттенок (живости, наглядности и т. п.), который отличал бы формы наст. сов. от аориста или перфекта в аористической функции.

Употребление форм наст. сов. в указанных выше условиях связано с процессом падения простых прошедших времен. Можно предположить, что писец, зная употребление настоящего исторического глаголов совершенного вида, часто заменял чуждые живому языку формы аориста формами наст. сов.⁴ Такая постановка увеличивала частоту употребления форм наст. сов., вызывая их употребление вперемежку с аористом, без специальной функции живого «актуализирующего» повествования, свойственного в обычных условиях настоящему историческому⁵.

Обратимся теперь к истории чешского языка. Вот несколько примеров из «Хроники о Брунцвике» (список 1472 г.)⁶: A Bruncwik segma prstě sruky u wlozi dostribernice. A yhned shradu gide [аорист] a napiše [наст. сов.] nadwraty, ze ten genz predsedmi lety wygel, byl nahradie (14^b, 49); Bruncwik nageden hrad gide [аорист]. A tu pozemany taynie poše [наст. сов.] a Tehdy pani a zemanе sweliku radosti. . . prigidechu (15^a, 50). Примечательно, что формы наст. сов. и формы аориста выступают здесь как однородные сказуемые. В следующем примере на месте аориста в сборнике Баворовского находим форму наст. сов. в списке Университетской библиотеки: A yhned taky hřmot odhlaw wznide [Univ. wzeyde], až se wsecka zemie třešiese (14^a, 48).

Отмечая, что «. . . в текстах XV в. часто встречаются рядом глаголы в форме настоящего времени и аорист», Я. Гебауэр писал:

риваемых форм в русских памятниках XV—XVII вв. См.: А. В. Б о п д а р к о. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV—XVII вв. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 173, 1958, стр. 55—71.

⁴ Как отмечал Е. Ф. Карский: «. . . часто старинные формы аориста пишущему представлялись настоящими временами вида совершенного, только не имеющими личных окончаний. . .» (Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 3. М., 1956, стр. 373).

⁵ Ср. примеры из сборника А. К. Сержпутовского «Сказки и рассказы белорусов-полюшук» (СПб., 1911): «Ена, бачыце, спужаласа. . . Тым часам пан рап т ё ў н е да й каже. . .» (178); «Падняўса поп з кадушкі. З и р н у ц ь людзи, аж гэто якоесь страшыдлю. . .» (122).

⁶ Kronika o Bruncwиковi. Sbornik hr. Bavorovského. Přepsal a k tisku upravil Jan Loriš. V Praze, 1903.

«. . . глагол в форме настоящего времени предстает перед нами (будучи рядом с аористом) как *praesens absolutum*, но, как я полагаю, лишь мнимо; собственно, это должен был бы быть также аорист, но из-за неумения писца вместо него употреблен презенс. Объяснение этого: сильный аорист иногда совпадает по форме с презенсом. . . Форма настоящего времени других глаголов также употребляется вместо аориста, т. е. по аналогии и *jme*, *radne*, *radní* принимается за аорист. Из-за этого в текстах происходит большая путаница. . . »⁷.

Важно подчеркнуть, что взаимодействие форм наст. сов. и аориста в старочешских памятниках базируется не только на формальной основе — частичном совпадении этих форм, — но и на основе функциональной: широкое распространение настоящего исторического глаголов совершенного вида (наряду с несовершенным) как временного плана повествования⁸.

Рассмотрим теперь факты старопольского языка. Формы наст. сов. в повествовательной функции часто употребляются в «Библии королевы Софии» (1455)⁹. Например: *Tako lepak zawola Isaak Iacoba u pozegna gu, u przykaze gemu . . .* (Gen. XXVIII, Ма҃., 31); *A gdisz bil s yutra rano wstal, tedi poyol swe dwuye zenye u gich dzeczy a geden na szozye synow, u przezyd przez brod Yaboch* (Gen. XXXII, Ма҃., 57).

Интересно замечание С. Урбанчика, исследовавшего язык памятника в связи с его зависимостью от языка чешской библии: «Употребление формально настоящего времени в повествовании о прошедших событиях не представляет собой. . . чуждого налета, однако такая частота опять-таки вызвана чешским текстом. А именно, ВО (Bible Olohoucká. — А. В.) очень часто употребляет аорист, вероятно, чаще, чем сложные формы. Поскольку в 3-м лице ед. числа возникает или сильное сходство, или полная идентичность с настоящим временем, поляк чаще всего использовал форму настоящего времени в роли прошедшего»¹⁰. Примеры, приведенные С. Урбанчиком, убеждают в достоверности

⁷ J. Gebauer. *Historická mluvnice jazyka českého*, IV. Praha, 1929, стр. 538.

⁸ Так, в «Gesta Romanorum» (список 1443 г.) насчитывается 30 форм наст. сов. в повествовательной функции; на первых 90 страницах «Старых чешских летописей» (список 1-й половины XVI в.) употреблено 102 формы совершенного и 40 форм несовершенного вида в настоящем историческом. Ср. пример совместного употребления обеих форм: . . . *Žižka táhne po něm a král před ním a tak, že ve čtvrtek postihne jej u Německého Brodu, a se postaví a šikují proti bratru Žižkovi* (Staré letopisy české. Vyd. F. Šimek. Praha, 1937). Подробнее см.: А. В. Бондарко. Настоящее историческое (*praesens historicum*) употреблений аориста и совершенного видов в чешском языке. «Slavia», XXVII (1958), 4, стр. 556—584.

⁹ *Biblia królowej Zofii*. Wydana przez A. Małeckiego. We Lwowie, 1871.

¹⁰ S. Urbančzyk. *Z dawnych stosunków językowych polsko-czeskich*. Kraków, 1946 (Rozprawy Wydziału Filologicznego Polskiej Akad. Umiej. w Krakowie, LXVII, 2), стр. 86.

его предположения. Вот некоторые из них (вначале следует чешский текст, а затем польский): *abram otprouiedie — odprowye* Абрам (Gen. XV, 8); *zmaza — smasze* (Lev. VIII, 10)¹¹.

Возможность замены аориста формами наст. сов. обусловлена широким употреблением в польском языке XV—XVII вв. настоящего исторического глаголов не только несовершенного, но и совершенного видов¹².

Приведенные выше факты памятников старой белорусской, чешской и польской письменности, отмеченные историками соответствующих языков, до сих пор не рассматривались вместе, в их совокушности. Сопоставление их поучительно уже в том отношении, что в истории разных славянских языков, в памятниках разных жанров, у разных писцов обнаруживается одна и та же общая тенденция, которую можно рассматривать как существенный фрагмент истории падения простых прошедших времен в славянских языках. На основе частичного схождения форм аориста и наст. сов. осуществляется (обычно непоследовательно) замена формы, вышедшей из живого употребления, формой, повествовательная функция которой является фактом живой речи писца. Заменяя аорист и выступая рядом с ним, формы наст. сов. подвергаются его влиянию. Поскольку эти формы попадают в те условия, в которых употребляется аорист, и ассоциируются с ним в сознании писца, они обычно утрачивают оттенок особой живости и наглядности, свойственный настоящему историческому в народной речи, функционально уподобляются аористу. Формы наст. сов., взаимодействующие с аористом, уже не являются «чистым» настоящим историческим, а представляют собой своеобразное «гибридное» средство повествования, выступающее в аористической функции.

Взаимодействие форм аориста и наст. сов. в повествовательной функции наблюдается не только в памятниках некоторых славянских языков XV—XVI вв., но и в современном славянском языковом мире. Речь идет о фактах современного литературного сербохорватского языка. Настоящее историческое глаголов совершенного вида здесь обнаруживает тенденцию к сближению с аористом. Широко распространено смежное, параллельное употребление тех и других форм. Например: «Хајд' да го ословим!» — рекох [аорист] у себи. Па приђем [наст. сов.] мало ближе и викнух [аорист]: «Помаже бог!» (J. Веселиновић. Слика из сеоског живота. Изабране приповетке. Суботица, 1955, стр. 283).

¹¹ Там же.

¹² См.: S. Rospond. *Studia nad językiem polskim XVI wieku*. Wrocław, 1949 (Prace Wrocławskiego towarzystwa naukowego, seria A, № 20). Здесь отмечается, в частности, что С. Мужинковский, сторонник живого разговорного языка, в своем переводе Нового завета употребляет настоящее историческое обоих видов (стр. 166—167). См. также: Е. Кошч-

Природа и условия взаимодействия рассматриваемых форм в современном сербохорватском языке и в памятниках некоторых славянских языков во многом различны. В частности, в сербохорватском языке мы имеем дело не со смешением, а с параллельным употреблением «конкурирующих» форм повествования. Настоящее историческое глаголов совершенного вида здесь не является заменой аориста¹³. Тем не менее при всех различиях налицо факт взаимодействия аориста и форм наст. сов. в повествовательной функции в одном из современных славянских языков. Само наличие тесной связи указанных форм в современной языковой действительности служит дополнительным косвенным свидетельством в пользу предположений, высказываемых по поводу взаимоотношений этих форм в памятниках письменности XV—XVI вв.

Из сербской исторической акцентологии

Две просодические системы XVI в.

Р. В. Булатова

Памятники письменности могут дать ценные сведения о древних просодических системах, если писец, осознанно пользуясь надстрочными значками, расставлял их в соответствии со своим ударением. Обнаружить такие памятники можно с помощью специального анализа, который выявляет определенную, последовательно отраженную акцентную систему.

Предлагаемая работа посвящена сравнению двух штокавских просодических систем XVI в., одна из которых зафиксирована в рукописном Панегирике 1509 г., другая система печатника Мардария, родом с реки Дрины, передана им в трех печатных книгах — Евангелии 1552 г. (набрано в Белграде), Евангелии 1562 г. и Цветной Триоди 1566 г. (печатались в Мркшиной церкви — в районе Ужицы, западнее Чачка). Обе системы отражают живое произношение, так как Панегирик 1509 г., составленный двумя писцами из разных рукописей, имеет единую акцентную систему,

m i e d e r. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy. Wilno, 1934, стр. 207—208.

¹³ См.: А. В. Б о н д а р к о. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в современном литературном сербохорватском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 250. Серия филол. наук, вып. 44, 1958, стр. 141—157.

очевидно, систему самих писцов, а во всех трех книгах Мардария, набравшихся с разных протографов, также прослеживается одна акцентная система, которая могла быть только его собственной¹. Языковые особенности памятников и экстралингвистические факты свидетельствуют о том, что оба говора являются экавскими штокавскими, локально близкими: говор печатника Мардария находился на западе территории нынешнего шумадийско-сремского (по Беличу) диалекта, говор писцов Панегирика — юго-восточнее, на территории косовско-ресавских диалектов. Обе просодические системы, как предшествующие звенья цепи развития штокавского ударения интересны для истории современной сербохорватской литературной системы, которая в своей основе является экавской штокавской. Диалектные особенности каждой из систем пополняют сведения по сербской исторической диалектологии. Акцентная система памятников рассматривается на примере *i*-глаголов (презенс, инфинитив, аорист, причастия на *-lъ*), полный материал по которым имеется в указанных в сноске работах.

В древнесербских акцентованных памятниках не передавалась мелодика сербского ударения, а лишь фиксировалось место ударения и изредка — долгота (в наших памятниках значками ", `", -, удвоением гласных и редко ' и `). Для сопоставления просодий XVI в. с современной акцентной системой (литературной и диалектными) попытаемся реконструировать акцентно-интонационные отношения в рассматриваемых памятниках. Следует иметь при этом в виду, что развитие акцентной системы *i*-глаголов, переживавшей, как и вся штокавская просодическая система, фонетический процесс штокавской ретракции, происходило под действием тенденции перехода долгосложных глаголов исконной *с а. п.* в *б а. п.* и краткосложных глаголов исконной *б а. п.* — в *с а. п.* (кроме краткосложных итеративов и интранзитивов типа *нѡсѡм*, *сѡлѡм* в презенсе). В предлагаемой реконструкции принимается, что новый акцент в говорах Панегирика и печатника Мардария реализован как циркумфлекс $\hat{}$; в глаголах *с а. п.* перетяжка с циркумфлектированных слогов [$\hat{}$] давала $\grave{}$ в краткосложных основах, а в долгосложных $\acute{}$, которое заменено на $\hat{}$, если считать их переход в *б а. п.* совершившимся фактом. Обе просодические системы XVI в. имеют дублетные формы у глаголов исконных *б* и *с а. п.*, у печатника Мардария нередко в слове поставлено два ударения. Такие случаи или отражают вариативность просо-

¹ Обе просодические системы подробно рассматриваются мною в работах, находящихся в печати: в монографическом исследовании «Сборник 1509 г. как памятник истории сербского штокавского ударения (анализ глагольной системы)» и в статье «О надстрочных значках и акцентных системах трех книг Мардария — сербского печатника середины XVI в.» — В сб.: «Исследование по сербохорватскому языку».

дических форм, являющуюся результатом незавершенности указанных тенденций и процессов, или в определенной части примеров, возможно, передается двуслоговое ударение, которое многие исследователи (Мазинг, Решетар, Маретич, Храсте) считают обязательной переходной стадией в процессе штокавской ретракции*.

Т а б л и ц а 1

	I Гл. исконной а а. п.	II Долгосложн. гл. исконных б и с а. п.	III Краткосложн. итеративы и интранзит. б а. п.	IV Краткосложн. гл. исконных с и д а. п.
Презенс	слáвѣм, слáвѣш прѣ-слáвѣм [<про-слáвѣм]	лѹбѣм, лѹбѣш; хлá- дѣм, хлáдѣш пѣ-лѹбѣм [<по-лѹбѣм]; зá-хлáдѣм [<за-хлá- дѣм]	нѣсѣм, нѣсѣш дѣ-носѣм [<дѣ-нѣсѣм]; прѣ-плѣдѣм [<при-плѣ- дѣм]	плѣдѣм [<плѣдѣм] крѣстѣм [<крѣстѣм]
Инфинитив	слáвити прѣ-слáвити [<про-слáвити]	лѹбити [<лѹбѣти]; хлáдити [<хлáдѣти] по-лѹбити [<по-лѹбѣ- ти]; зá-хлáдити [<зá- хлáдѣти]	плѣдити [<плѣдѣти]; крѣтити [<крѣдѣти] при- плѣдити [<при-плѣдѣти]; пре-крѣтити [<пре- крѣдѣти]	
Аорист	слáвих, слáвѣ, слáвише прѣ-слáвих [<про-слáвих], прѣ-слáвѣ, прѣ- слáвише [<про- слáвише]	лѹвих [<лѹбѣх], лѹбѣ, лѹбише [<лѹбѣше] по- лѹвих [<по-лѹбѣх], пѣ-лѹбѣ, по-лѹбише [<по-лѹбише]; зá-хлáдѣх [<зá-хлá- дѣх], зá-хлáдѣ, зá-хлá- дише [<зá-хлáдѣше]	лѣмѣх [<ломѣх], лѣмѣ, лѣмише [<ломѣше] на-лѣмѣх [<на-ломѣх], на-лѣмѣ, на-лѣмише [<на- ломѣше]; пре-крѣтѣх [<пре-крѣдѣх], прѣ-крѣтѣ, пре-крѣтише [<пре-крѣдѣше]	
Причастие на -ѣ	слáвио, слáвила прѣ-слáвио [<про-слáвио]	лѹбио [<лѹбѣо]; хлá- дио [<хлáдѣо] по-лѹбио [<по-лѹ- бѣо]; зá-хлáдио [<зá- хлáдѣо]	лѣмио [<ломѣо]; крѣстио [<крѣдѣо] на-лѣмио [<на-ломѣо]; пре-крѣстио [<пре-крѣдѣо]	

* Здесь не учитывается ударение в тактовых группах, которое могло модифицировать акцентную характеристику определенной группы глаголов. Первичные наблюдения этого явления не дали результатов, которые можно было бы свести к строгим правилам, показав, однако, что существенного искажения реконструируемые системы не потерпят без учета тактового ударения.

В современном сербохорватском литературном языке акцентная система *i*-глаголов (с реконструкцией праштокавских форм) выглядит как на табл. 1.

Реконструируемая акцентная система презенса в Панегирике 1509 г. характеризуется следующими особенностями (табл. 2).

Таблица 2

I Гл. исконной а а. п.	II Гл. исконной в а. п.	III Гл. исконной с а. п.
с ^а в ^а лю, с ^а в ^а н ^т ь	сло ^у ж ^ѣ / сло ^у ж ^ѣ , сло ^у ж ^{ит} ь	д ^ѣ в ^а люсе, ст ^ѣ д ^ѣ нтсе (или ст ^ѣ д ^ѣ нтсе) / ст ^ѣ д ^ѣ нтсе
про-с ^а в ^а лю, про-с ^а в ^а -в ^н т ^ь	по-ло ^у ч ^ю / п ^ѣ -ло ^у ч ^ю / по-с ^л ж ^ѣ у, по-сло ^у ж ^{ит} ь м ^ѣ лю / мо ^л ю(се), м ^ѣ д ^н т ^ь , н ^ѣ -с ^н т ^ь по-л ^ѣ ж ^у / п ^ѣ -л ^ѣ ж ^у / по-м ^ѣ люсе, по-м ^ѣ д ^н т ^ь	по-ст ^ѣ ж ^ѣ се / з ^ѣ -г ^р ж ^ѣ , по-ст ^ѣ д ^ѣ нтсе (или по-ст ^ѣ д ^ѣ нтсе) / по-ст ^ѣ д ^ѣ нтсе т ^ѣ м ^л ю / в ^е с ^е л ^ѣ ю(се), т ^ѣ м ^н т ^ь / т ^ѣ -м ^н т ^ь по-к ^ѣ л ^н юсе / п ^ѣ -к ^ѣ л ^н юсе, по-к ^ѣ -р ^н тсе / по-к ^ѣ -р ^н тсе

1) Глаголы *а а. п.* с сократившимся акутом на корне.

2) Глаголы *в а. п.* представляют единый *а.* тип с накоренным ударением у долгосложных и краткосложных глаголов; в 1-м лице ед. числа — остаточные формы со старым наконечным ударением (слоужѣ, хвалю; по-слоужѣ, об-лчю; молю(се), творѣ, помлюсе), параллельно с ними употребляются формы с ударением на приставке (пѣ-хвалю, пѣ-лчю; пѣ-ложѣ, сѣ-творѣ...), которые не следует считать результатом штокавской ретракции, они восходят к позднеславянской эпохе²; возможно, о начале перехода краткосложных глаголов *в а. п.* в *с а. п.* свидетельствуют единичные примеры: творить, по-молить.

3) Долгосложные глаголы *с а. п.*, наряду со старыми, уже редкими формами с [˘] на тематическом гласном (вѣн^тсе, стѣд^ѣнтсе, оучиш^исе, ѣч^ѣтсе; по-стѣд^ѣнтсе, по-г^ѣб^ѣит^ь; р^ѣзр^ѣш^ѣтсе) имеют формы с перенесенным на корень ударением, которое было [˘] качества, если долгосложные глаголы перешли уже в *в а. п.*; у краткосложных глаголов *с а. п.* при обилии форм с [˘] на *-i-* есть случаи с перенесенным ударением на корень т^ѣч^ѣиш^исе/прѣстиши, прѣст^ѣит^ь(се) 2р./прѣст^ѣит^ь 1р., в^ѣс^ѣл^ѣт^ь 2р./в^ѣс^ѣл^ѣт^ь 1р., по-т^ѣч^ѣи^мсе 2р./по-т^ѣч^ѣи^мсе 2р. и т. д.);

² См.: В. А. Дыбо. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. — ВСЯ, вып. 6, М., 1962, стр. 9—15.

в 1-м л. ед. числа формы с ударением на приставке восходят к праславянской эпохе (см. сноску 2).

Определенную аналогию описанной акцентной системе презенса находим в новопазарско-сеничских говорах³, относящихся к зетско-сеничской группе, близкой по своим признакам и локально к косовско-ресавским говорам. Здесь глаголы *a* а. п. не знают штокавского переноса (*мѣрим*, *помѣрим*); долгосложные глаголы *b* и *c* а. п. составляют один а. тип: *љубим*, *брѣним*; а. тип *ндѣим* включает, по-видимому, более широкий круг глаголов (*твѣрим*, *скѣчим*, *рѣдим*); краткосложные глаголы *c* и *b* а. п. имеют дублетные формы *бродим* / *брѣдим*, *ломим* / *лѣдим*; наконец, среди этих диалектов есть говоры, не знающие штокавского переноса на приставку в *b* и *c* а. п.

Реконструкция акцентной системы презенса у Мардария показана в табл. 3.

Таблица 3

I Гл. исконн. <i>a</i> а. п.	II Гл. исконн. <i>b</i> а. п.	III Гл. исконн. <i>c</i> а. п.
<p><i>слѣваю</i> / <i>славляю</i>, <i>слѣвнѣ</i></p> <p><i>прѣ-слѣваю</i>(се) / <i>прѣ-славляю</i>(се), <i>прѣ-слѣвнѣ</i> / <i>прѣ-славнѣ</i>'се</p>	<p><i>љубляю</i> / <i>љубляю</i>, <i>љубнѣ</i></p> <p><i>вѣз-врѣщѣ</i> / <i>пѣ-служѣ</i> <i>вѣз-врѣщѣ</i> / <i>прѣ-лѣчнѣ</i>се</p> <p><i>мѣлю</i> / <i>мѣлю</i>, <i>твѣриши</i> / <i>тво-рѣши</i>, <i>тѣчнѣ</i> / <i>течѣ</i></p> <p><i>по-мѣлю</i>се / <i>пѣ-мѣлю</i>се, <i>по-лѣ-жить</i> / <i>прѣ-лѣжит</i>се</p>	<p><i>ивляю</i>се / <i>ивляю</i>се, <i>ивнѣ</i>се (или <i>ивнѣ</i>се) / <i>ивнѣ</i>се</p> <p><i>вѣз-вѣщѣ</i>, <i>по-гоуѣнѣ</i> (или <i>по-гоуѣнѣ</i>) / <i>по-гоуѣнѣ</i> / <i>пѣ-гоуѣнѣ</i></p> <p><i>плѣднѣ</i>, <i>рѣднѣ</i> / <i>редѣ</i></p> <p><i>раз-дрѣ</i>, <i>по-клѣнѣ</i> / <i>по-клѣ-нѣ</i>се (или <i>по-клѣнѣ</i>се) / <i>пѣ-клѣнѣ</i>се</p>

1) Глаголы *a* а. п. имеют, хотя и редкие, формы со штокавским переносом ударения на приставку (*оу-готоветь*, *прѣ-славить*, *рѣз-мыслить*, *прѣ-ставимь*...); в 1-м л. ед. числа здесь встречаются формы с конечным ударением по аналогии с глаголами *b* а. п. (*славлю*, *славлю*, *прѣ-славлю*, *ѡ-ставлю*, *ѡ-ставлю*); единичные примеры *оу-дарить*, *на-ситѣ*се, возможно, следует считать формами с обозначенной долготой (ср. *прѣ-славимь*);

2) в отличие от системы Панегирика глаголы *b* а. п. имеют формы со штокавской ретракцией (*прѣ-лоучит*се, *пѣ-хвалит*'се,

³ Материал этого говора дается по описанию: Д. Барјактаревич. Акцент новопазарско-сеничских говора. «Зборник филозофског факултета у Приштини», I. Приштина, 1963, стр. 125—129.

дѹ-дави; при-водитсе, при-ложитсе..); краткосложные глаголы переходят в с а. п. (*точить, творитьши, творить, твореть, просить; съ-творимь, съ-творить...**); несколько долгосложных глаголов и краткосложных итеративов имеют второе ударение на -i- (*въз-любьши, по-служьши, съ-блзньить; ѡз-носить, въс-хбдѣть..*), в которых, возможно, обозначена долгота;

3) долгосложные глаголы с а. п., очевидно, перешли в в а. п. (о чем свидетельствует подавляющее большинство форм с накоренным ударением), у них также встречаются формы со штокавским переносом на приставку (*пб-гоубить, пб-срамимсе, дѹ-диветсе..*) и сохраняются остаточные примеры с ударением на -i- (*по-стидимсе, по-гоубить*; часто это ударение стоит наряду с другим *прб-свѣтитъ, Ѡ-поустить* и т. д.); краткосложные глаголы имеют также три ряда форм: старые с ударением на -i- (преимущественно у приставочных глаголов), которые употребляются параллельно с формами с накоренным ударением и с формами с ударением на приставке (*родитсе | рбдитсе, веселитсе | весѣлитсе, о-солитсе | о-сблитсе, прѣ-льстѣть | прѣ-льстѣть, прѣ-льститъ; по-клонетсе | пб-клонѣтсе, ѡб-новѣши | ѡб-новѣши* и т. д.).

Очевидно, что почти все черты акцентной системы презенса печатника Мардария находят генетическое соответствие в современном литературном языке. К диалектной особенности системы можно отнести распространение наконечного ударения в 1-м л. ед. числа на глаголы а а. п., которому не найдены аналогии в современных диалектах.

Реконструкция акцентной системы инфинитива в Панегирике (табл. 4).

Таблица 4

I Гл. исконн. а а. п.	II Долгосложн. гл. в а. п., беспростав. итерат. в а. п., гл. исконн. с а. п.	III Краткосложн. гл. исконн. в а. п.
слѣвити про-слѣвити	любѣти / лбѣти; лишѣтисе / лишѣтисе по-хвалѣти / по-хвалѣти; по-гѣбѣти / по-гѣ- бѣти носѣти / нбсѣти; плодѣти, борѣти / лбѣти прѣ-льстѣти / прѣ-лѣстити	твѣрити / теорѣти по-лѣжити / по-ложѣти при-нбсѣти / при-носѣти

Реконструкция акцентной системы *лѣ*-причастий в Панегирике (табл. 5).

** Вряд ли можно по единственному примеру *носить* (при *носиши, носить, нбси; вбдиши, хбдиши, хбдитъ* и т. д.) говорить о переходе краткосложных итеративов в а. п. в с а. п.

I Гл. исконн. а а. п.	II Долгосложн. гл. в и с а. п., беспристав. краткосложн. в а. п.	III Краткосложн. гл. с а. п., пристав. краткосложн. в а. п.
рѣнналь	любѣиль / любѣиль, носѣла / носѣ- лосе; лишѣиль / вѣриль	рѣдѣла / рѣдѣла
про-слѣвнль	вѣз-любѣиль / вѣз-любѣиль; по- гоубѣиль / по-сѣдѣль	прѣ-лѣстѣль / прѣ-лѣстѣль; по- лѣжѣль / по-лѣжѣль

1) Глаголы а а. п. с сократившимся акутом на корне;

2) глаголы в и с а. п., наряду со старыми формами с ударением на -і-, имеют формы с перенесенным ударением на корень; эти последние преобладают: в инфинитиве у краткосложных приставочных в а. п. и бесприставочных неитеративов (*творити* 31р. / *творити* 8р.; *по-лѣжити* 14р. / *по-лѣжити* 5р., *съ-творити* 50р. / *съ-творити* 16р. и т. д.), в причастии на -ль у бесприставочных и приставочных с а. п. и приставочных в а. п. с краткосложной основой.

Реконструкция акцентной системы инфинитива у Мардария.

Таблица 6

I Гл. исконной а а. п.	II Гл. исконной в а. п.	III Гл. исконной с а. п.
слѣвити про-слѣвити / прѣ-сла- вити	любѣити / любѣити вѣз-вратѣтисе / вѣз-вратѣтисе / рѣз-дѣлѣити носѣти / носѣти, постѣти, про- сѣити съ-творѣити / съ-творѣити / съ-тво- рити	шѣвитисе / шѣвитисе по-гоубѣити / по-гоубѣити стрѣити, рѣдити / рѣдити вѣс-клонѣити / вѣс-клонѣити

Реконструкция акцентной системы *ль*-причастий у Мардария.

Таблица 7

I Гл. исконной а а. п.	II Гл. исконной в а. п.	III Гл. исконной с а. п.
про-слѣвнль / прѣ-сла- внль ^{те}	любѣиль, любѣиль вѣс-крѣсилъ / вѣс-крѣсилъ прѣснль / прѣснль съ-творѣиль / съ-творѣиль, прѣ- клѣннлсе / прѣ-клоннлсе	бучнль / бучнль вѣз-вѣстнль / на-шѣлсе рѣдѣла / рѣдѣла по-рѣдѣла / оу-стрѣиль

1) У глаголов а а. п. есть случаи штокавской перетяжки ударения на приставку (*прѡ-славити*, *прѣ-ставити*, *оу-тѣшити*; *прѡ-славил'те...*);

2) глаголы в и с а. п. наряду со старыми формами с ударением на -і-, имеют формы с перенесенным ударением на корень, причем старые формы преобладают у инфинитивов от долгосложных основ с а. п., краткосложных приставочных с а. п. и краткосложных бесприставочных неитеративов в а. п.; в причастиях на -лѣ преобладают формы со штокавской ретракцией;

3) встретилось несколько инфинитивов с се, где ударение оттянуто на конечный -і: глаголы с а. п. — *родитисе* и *рѡдитисе*, *оу-таитисе*, *цѣлитисе*;

4) диалектной особенностью системы Мардария являются формы с ударением на приставке у краткосложных глаголов в а. п. (*сѣ-творити*, *прі-ложити*, *прѣ-ложити*, *іѣ-ложити*, *прі-носити*, *іѣ-гонити* ... и *прѣ-клонилсе*), единичные примеры, где ударение на приставке стоит как второе, встретилось у долгосложных глаголов в и с а. п. (*рѡз-дѣлѣити*, *прѣ-стѡупити*; *рѡз-рѣшити*, *прѡ-сѣѣтити* и *оу-тѣрѣдити* наряду с *оу-тѣрѣдити*).

Реконструкция акцентной системы аориста в Панегирике дана в табл. 8.

Т а б л и ц а 8

I Гл. исконной а а. п.	II Гл. исконной в а. п.	III Гл. исконной с а. п.
моуѣчи(се), моуѣчише(се)	тѡуѡдѣхсе, тѡуѡдѣсе, хрѡнише, слоужнише / соудѣше	[—] лишѣхсе, лишн / поуѣтн, лишѣхсе, блажѣше
про-слѡвѣх, про-слѡвѣше	об-лѣчихъ, въз-вратѣхсе / оудалѣхсе, въз-любѣше 15р. / въз-лѡбѣше 5р.	оу-днѣхѣхсе, ш-гласѣше 30р. / ш-гласѣше 4р.
про-слѡвѣн	ѡ-дѡлн 11р. / ѡ-дѡлн 10р. / об-лѣчн [—]	ѡв-нажи 35р. / ѡв-нажи 21р. / ѡв-нажн [—] 11р.
	[—] лѡдн, пѡстн / крѣстн(же), постѣхсе, постѣшесе	рѡдѣх(се) / рѡднх(се), рѡдн, рѡдѣхомсе, рѡдѣше
	прн-лѡжн ^х / прн-лѡжн ^х , въз-лѡжнше 3р. / въз-лѡжнше 1р.	по-рѡднхъ, ѡ-кдннхсе / оу-покохѣхсе, сѣ-дрѡвѣше / по-рѡднше
	[—] въз-лѡжн / въз-лѡжн / въз-лѡжн	прѣ-клонн / прѣ-кднн

1) Глаголы а а. п. с сократившимся акутом на корне; нет переноса ударения на приставку во 2—3-м л. ед. числа;

2) у глаголов *b* и *c* а. п. — штокавская перетяжка ударения с *-i-* на корень; старые формы с перенесенным ударением и новые с перенесенным употребляются параллельно: новые формы преобладают у глаголов *b* а. п. — бесприставочных в 3-м л. мн. числа, приставочных в 1-м л. ед. числа и приставочных краткосложных с а. п. в 1-м л. ед. числа, в остальных случаях — преимущественное употребление старых форм; не зафиксированы формы с ретракцией, возможно, из-за недостаточного количества примеров у бесприставочных *b* а. п. в 1-м л. ед. числа и у бесприставочных с а. п. (кроме 1-го л. ед. числа краткосложных);

3) во 2—3-м л. ед. числа глаголы *b* и *c* а. п. имеют формы с ударением на приставке, которые употребляются параллельно с формами с накоренным ударением, причем глаголы *b* а. п. обычно отдают предпочтение последним формам (*въз-врати(се)* 15р. / *въз-вратисе* 1р., *по-хвали* 2р. / *пѡ-хвали* 1р., но *прѣ-стоупи* 3р. / *при-стѡупи* 1р.; *сѣ-твори* 6бр. / *сѣ-твори* 7р., но *прѣ-звѡзди* 4р. / *при-звѡзди* 3р.), у глаголов с а. п. преобладают формы с ударением на приставке (*пѡ-гѣби* 7р. / *по-гѣби* 2р.; *прѣ-клони* 4р. / *прѣ-клѡни* 2 р. и т. д.); формы типа *крстѣ*, *поустѣ*, *об-личѣ* не находят подтверждения в современных системах; если предположить, что здесь обозначена долгота, то не ясно, почему она не отмечается у глаголов а а. п.

Акцентная система аориста Панегирика не находит параллелей в новопазарско-сеничских говорах, где были обнаружены аналогии системе презенса.

Реконструкция акцентной системы аориста у Мардария дана в табл. 9.

Таблица 9

I Гл. исконной а а. п.	II Гл. исконной б а. п.	III Гл. исконной с а. п.
коўпнѣхъ, чѡднѣсе, чѡднѣсѣсе	троуѡднѣхъ / трѡѡднѣхъ, троуѡ- днѣсе, трѡѡднѣхъмѣсе, цѣннѣсе	ѡвнѣхъ / лншнѣхъсе, дѡвнѣсе / дн- внѣсе, ѡвнѣше / ѡвнѣше
про-слѡвнѣхъ / прѡ-сла- внѣхъ, про-слѡвнѣ- ше / прѣ-ставнѣше	въз-лѡбнѣхъ / въз-лѡбнѣхъ, прн- стѡѡпнѣше / прн-стѡѡпнѣше / прѣ-стѡѡпнѣше	въз-вѣстнѣхъ / оу-днѣнѣхъ'се, въз- вѣстнѣше / въз-вѣстнѣше(же) / прѣ-варнѣше
про-слѡви / прѡ-славнѣ	въз-лѡбнѣ / рѡз-дѣклѣ прѡснѣ / молѣхъсе, прѡснѣ, прѡснѣше / прѡсѣше	въз-глѡснѣ / въз-глѡснѣ рѡднѣхъ(се) / рѡднѣхъ(се), рѡднѣ(се), рѡднѣше / рѡднѣше
	по-лѡжнѣхъ / пѡ-ложнѣхъ, въ-прѡ- снѣше въз-прѡснѣше / въз-прѡснѣше прн-лѡжнѣ / прн-ложнѣ	въз-весѣлнѣсе, по-клѡннѣше / по- клѡннѣше прн-клѡннѣ(се) / прн- клѡннѣ

1) У глаголов *a* а. п. параллельно со штокавской ретракцией наблюдается перенос ударения на приставку во 2—3-м л. ед. числа: *о́у-дари*, *прѣ-слави*, *о́-стави*, *о́-чисти(се)*, *и́з-бави* и т. д.;

2) у глаголов *b* и *c* а. п. по сравнению с Панегириком штокавской ретракцией охвачены все формы и нет случаев, где бы при параллельном употреблении форм с перенесенным / неперенесенным ударением преобладали бы праштокавские формы (может быть, только в 1-м л. ед. числа бесприставочных долгосложных *b* а. п. и краткосложных *c* а. п., к тому же с тенденцией к увеличению числа форм со штокавской ретракцией в последней книге — 1566 г.);

3) диалектной особенностью системы Мардария, связанной с той, что отмечалась в инфинитиве и причастии на *-лъ*, является перенос ударения на приставку у глаголов *b* и *c* а. п. во всех лицах (речь не идет о 2—3-м л. ед. числа): *вѣ-просише*, *сѣ-творише*, *прѣ-ложише*, *пѣ-ложихъ*, *прѣ-стбунише*; *прѣ-варише*, *о́у-дивисте*, *прѣ-мених'се*, *прѣ-менихосе*, *прѣ-сѣѣти* и т. д.; возможно, некоторые параллели этому явлению находятся в говорах новопазарско-сеничских, где есть формы *пѣ-пуштѣше*, *пѣ-коѣсѣмо*⁴;

4) во 2—3-м л. ед. числа употребляются формы с ударением на приставке наряду с более многочисленными формами с накоренным ударением; конечный гласный здесь долгий (см. *вѣз-гласѣи*, *сѣ-творѣи* и *сѣ-творѣи*).

Рассмотренные экавские штокавские системы XVI в., отстоящие одна от другой на полстолетия, не являются разными стадиями развития одного диалекта. Это различные, хотя и близкие, диалектные системы. Диалектной особенностью просодии Панегирика, более ранней в хронологическом и генетическом отношении, является праславянское состояние глаголов *a* а. п. (т. е. постоянное накоренное ударение, отсутствие форм с ударением на приставке во 2—3-м л. ед. числа аориста), а также преимущественный перенос ударения с *-i-* на корень у глаголов с к р а т к о с л о ж н о й основой *b* а. п. (в инфинитиве, причастии на *-лъ*, причем в первую очередь у приставочных глаголов) и *c* а. п. (в 1-м л. ед. числа аориста у приставочных глаголов). Яркой особенностью говора печатника Мардария является перенос ударения на приставку в инфинитиве, причастии на *-лъ* и аористе у глаголов *b* а. п. и, возможно, *c* а. п. (только в аористных формах), который, очевидно, прошел следующие стадии: *сѣ-творѣти* → *сѣ-творѣти* → *сѣ-твориши*.

Обе акцентные системы XVI в. отражают черты, по-видимому, присущие штокавской экавской системе в целом в определенные

⁴ Д. Баряктаревич. Указ. соч., стр. 127, 137.

моменты ее истории: перенос ударения с *-i-* на корень у глаголов с а. п. (во всех формах) и *b* а. п. (во всех формах, кроме презенса) проходил в долгосложных и краткосложных основах параллельно; перенос ударения на приставку во 2—3-м л. ед. числа аориста не был завершен к началу штокавской ретракции, он или несколько предшествовал ей, или шел одновременно с ней.

Происхождение окончаний третьего лица множественного числа настоящего времени в болгарском языке

В л. Георгиев

В современном (литературном) болгарском языке окончания третьего лица множественного числа настоящего времени распределяются по спряжениям следующим образом:

I спряжение: окончания *-ат*, *-ят*, представляющие собой графическое обозначение для *-ѣт*, *-ѣѣт*, например: *отнесѣт*, *дрѣзнат*, *мѣжат*, *бѣят*, *копѣят*.

II спряжение: окончания *-ат*, *-ят*, представляющие собой графическое обозначение для *-ѣт*, *-ѣѣт* [-'ѣт], *-ѣѣт*, например: *мбѣят*, *мѣчат*, *стрѣят*.

III спряжение: окончания *-ат*, *-ят* [-'ат], например: *ѣмат*, *сѣбѣрат*, *стрѣлят*.

Остатки бывшего атематического спряжения: окончания *-а*, *-ат*, представляющие собой графическое обозначение для *-ѣ*, *-ѣт*: *са*, *дадѣт*, *ядѣт*.

В староболгарском языке соответствующими окончаниями являются: *-жѣтѣ*, *-ѣжѣтѣ*: *несжѣтѣ*; *дрѣзѣжѣтѣ*; *мажжѣтѣ*; *вижѣтѣ*; *копѣжѣтѣ*; *-атѣ*, *-ѣатѣ*: *молатѣ*; *мѣчатѣ*; *стрѣятѣ*; *-жѣтѣ*: *сжѣтѣ*, *имжѣтѣ*; *-атѣ*: *дадатѣ*; *ѣдатѣ*.

С точки зрения истории болгарского языка здесь встают три вопроса:

1. Как возникло окончание во втором спряжении и в глаголах *дадѣт*, *ядѣт*?

2. Что представляет собой окончание в III спряжении?

3. Почему *-т* исчезает только в *са* и не исчезает в других глаголах?

1. Существующее в настоящее время объяснение окончания *-ят* во втором спряжении и в глаголах *дадѣт*, *ядѣт* следующим

образом сформулировано в «Исторической грамматике болгарского языка» К. Мирчева [2 изд. 1963, стр. 190]: «В староболгарском языке было два окончания -жтѣ (-ѣтѣ) и -атѣ. . . Различие между этими двумя окончаниями сохраняется в большинстве славянских языков, ср., например, русское *берут*, но *говорят*. В болгарском языке вследствие фонетического сближения носовых в среднеболгарский период эти два окончания сливаются в одно, причем различие между ними сохраняется только в исконном характере согласной, которая находилась перед окончанием -жтѣ, ср. *идат*, *викат*, но *говорят*, *търпят*».

Это объяснение ошибочно. «Сближения» или «смещения» носовых нет в основных диалектах, на основе которых оформляется современный (литературный) болгарский язык. Впрочем, такого явления нет и в большинстве болгарских диалектов. Это видно из многочисленных примеров современного болгарского языка, где др.-болг. а > болг. е и др.-болг. ж > болг. ъ строго разграничены, например:

Др.-болг. а > болг. е

ДЕСАТѢ > десет
 МАСО > месо
 ПАТѢ > пет
 РАДЪ > ред
 СѢМА > семе
 и др.

Др.-болг. ж > болг. ъ

ДЖЪ > дъб
 ЗЖЪ > зъб
 МЖКА > мъка
 ПЖТЪ > път
 СЖДЪ > съд
 и др.

Действительно, после ж, ч, ш наблюдается колебание в заменах носовых в некоторых словах типа *шѣпа* / *шѣпа*, *шѣтам* / *шѣтам*, *жѣтва* / *жѣтва*. Но здесь имеет место воздействие упомянутых согласных на следующую гласную в силу особого характера этих согласных в истории болгарского языка. На основе этого явления, однако, не могут быть объяснены формы многочисленных глаголов типа *вбдят*, *горят*, *мблят* или *дабят*, *ядят*. С другой стороны, есть несколько глаголов с ж, ч, ш перед окончанием типа *мъчат*, *скбчат*, *утешат*, однако здесь в литературном языке нет колебания е/ъ как в случае *жѣтва* / *жѣтва*. Это показывает, что здесь не одно и то же явление.

В сущности, это вообще не фонетическое явление. Ему следует искать морфологическое (или морфонологическое) объяснение.

Объяснение рассмотренного окончания в болгарском языке подсказано аналогичным явлением в истории русского языка. Др.-рус. *дадѣть*, изменяющееся после перехода а > 'а в *дадѣтъ*[ь], в современном русском языке выступает как *дадут*. Окончание -ут в *дадут* не является фонематическим изменением старой формы *дадѣть*: -ут в *дадут* перенесено из многочисленных глагольных форм типа *берут*, *ведут*, *несут* и пр., где -у- восходит к др.-русск. ж.

Следовательно, окончания *-ат(-ът)*, *-ят(-'ът)* в глаголах типа *дадат*, *ядат*, *вобят*, *горят*, *любят* и пр. перенесено из глаголов I спряжения, где *-ат*, *-ят* восходят к др.-болг. *-жтѣ*, *-йтѣ*.

2. Категория III спряжения, в которую вошла часть глаголов на *-ае-*, *-ае-*, *-оуе-*, является новообразованием в истории болгарского языка. Можно было бы думать о наличии здесь контракции, но тот факт, что глаголы типа *копая*, *копаш*, *копаше* из др.-болг. *копѣж*, *копѣши*, *копѣтъ* сохраняются и поныне, показывает, что дело здесь не в контракции. Этот глагольный тип был создан по образцу глагола *имам* из др.-болг. *имамъ*, глагола с очень большой частотностью.

Третье лицо множественного числа настоящего времени др.-болг. глагола *имаги* имело написание *имѣтъ*: можно было бы предположить, что болг. *имат* представляет собой только графическое обозначение для **имѣтъ*. Поскольку глаголы этого типа не имеют ударения на последнем слоге в настоящем времени и поскольку почти во всех болгарских диалектах в большей или меньшей степени представлена редукция гласных в неударном слоге, здесь трудно определить фонетический облик гласной в окончании. Все же наиболее вероятно, что это окончание *-ат (-'ат)*, где гласная *a* перенесена из других лиц, ср. др.-болг. *имамъ*, *имаши*, *иматъ*, *имамъ*, *имате* > болг. *имам*, *имаши*, *има*, *имаме*.

3. Третье лицо множественного числа настоящего времени глагола *сѣм* выглядит как *са*, представляющее собой графическое обозначение для *сѣ*. Это единственный болгарский глагол, в котором исчезло произношение *-т(ъ)*, ср. др.-болг. *сѣтъ*. Причина кроется не только в энклитическом характере этой глагольной формы. Отпадение крайней согласной осуществилось в силу взаимодействия трех причин.

1) Энклитический характер глагольной формы.

2) Первое лицо звучит *сѣм* и отпадение конечного *-т* не приводит к омонимии форм (устранение излишнего различительного признака, редундантности), в то время как в других глаголах утрата *-т* привела бы к недопустимой омонимии, ср. *четѣ* — *четѣтъ*¹.

3) Стимулом к утрате являются случаи сандхи типа: *Те са тук*. — *Те не са диви*. — *Не са добри*. — *Те са прави* и под., где произношение *т* сливается с начальной согласной следующего слова.

Перевела с болгарского

Е. И. Демина

¹ В соответствующих формах в польском и чешском конечная согласная отпадает, поскольку здесь не возникает омонимия с первым лицом единственного числа, ср. польск. *krucę* (1 л. ед. ч. наст. вр.) — *krucą* (3 л. мн. ч. наст. вр.); чеш. *pesu* (1 л. ед. ч. наст. вр.) — *pesou* (3 л. мн. ч. наст. вр.).

Диалект и литературный язык в рукописных болгарско-новогреческих разговорниках первой половины XIX века

К. Г у т ш м и д т

В своей важной работе «Гръцко-български речник и разговорник от 1876 г. из южна Македония»¹ проф. К. Мирчев дает обзор известных в то время болгарско-новогреческих разговорников² и разделяет их на три группы. К первой группе он относит печатные книги (Хр. Павловича, К. Фотина и Д. Василева); ко второй группе — сохранившиеся лишь в рукописном виде разговорники самоковского круга (все восходящие к русско-новогреческим оригиналам); и, наконец, к третьей группе — также рукописные разговорники, но иного, не самоковского круга. Болгарский ученый рассматривает эти разговорники преимущественно с точки зрения их значимости для исторической диалектологии. Хотя самоковские рукописи не являются непосредственным объектом исследования упомянутой работы, проф. Мирчев приводит, однако, важнейшие фонетические, морфологические и лексические особенности, которые в них представлены. Он характеризует язык самоковских разговорников следующим образом: «Благодаря своей сравнительной старинности — почти все они относятся к первой половине XIX века — эти рукописи содержат необыкновенно ценные данные по самоковскому говору. Правда, в языке этих переводных и подражательных произведений, находившихся под сильным влиянием русских оригиналов, можно заметить известную искусственность. Стремление к книжной языковой правильности весьма затемнило диалектные особенности. Все это, однако, отнюдь не умаляет их большого значения как важных языковых свидетельств с точно определенным местом происхождения»³.

Проф. Мирчев правильно подметил одну очень важную особенность разговорников — язык болгарской части не идентичен с самоковским говором, а содержит также элементы, чуждые ему.

¹ «Годишник на Университета Св. Климент Охридски». Историко-филологически факултет, т. XXXVIII, 10. София, 1942, стр. 1—109.

² Обнаруженные позднее разговорники отмечены в работе: М. С т о я н о в. Български ръкописи с гръцки елементи. «Известия на Народна библиотека „Кирил и Методи“», т. IX (XV). София, 1969, стр. 330—340.

³ К. М и р ч е в. Гръцко-български речник. . . , стр. 7.

В своем описании языка самоковских разговорников К. Мирчев не останавливается специально на рассмотрении этих не свойственных данному говору элементов и приводит только отдельные русские слова, заимствованные из источников в болгарские тексты. По моим наблюдениям, язык самоковских разговорников, наряду с книжными элементами, которые могут быть возведены к оригиналам, содержит также отдельные черты, указывающие на то, что переводчик или писец сознательно избегал некоторых локальных языковых особенностей. Соотношение между диалектом и литературным языком в отдельных самоковских текстах будет показано здесь на примере некоторых фонетических и морфологических черт.

За основу взяты рукопись 1831 г. библиотеки Софийского университета Бс. II, 119 и рукопись Народной библиотеки Кирилла и Мефодия № 384 (видимо, также относящаяся примерно к 1830 г.)⁴. Обе рукописи содержат один и тот же разговорник «Нѡвѡи употребителнѡйшѡи простогреческѡи и болгарскѡи разговоры» (это заглавие рукописи Бс. II, 119). Источником послужили изданные в Москве в 1809 г. «Новые употребительнѡйшѡе просто-греческѡе и российскѡе разговоры, раздѣленные на 120 уроковъ. Изданные М. А. С. Владимировъ Цвѣтковымъ»⁵.

Взаимоотношения между этими двумя текстами не совсем ясны. По-видимому, они восходят к общему первооригиналу. Во всяком случае, разговорник № 384 является созданием двух авторов (переводчиков) или, скорее, двух переписчиков. В этой рукописи «matimъ» (уроки) 1—5 и 45—61 принадлежат писцу, который говорил не на самоковском говоре (эта особенность, видимо, ускользнула от проф. Мирчева). Об этом свидетельствуют формы личных местоимений: *азъ* (вм. *язе*)⁶, *тѡй*, *тѡя*, *тѡб*, *тѡя* (вм. *бнѡъ*, *онѡя*, *онѡб*, *онѡй*); член *-атъ* вм. *-о* (*земѣте си хлѣбатъ* — *земѣте хлѣбо си*, 50; цифровые обозначения всегда являются ссылкой на соответствующий урок); глаголы *-е* и *-и* спряжения, имеющие иногда в 1-м л. ед. числа настоящего времени окончание *-а* (вм. *-емъ*, *-имъ*). Следующее предложение ясно демонстрирует различия между двумя рукописями (в скобках приводятся формы из Бс. II, 119): *кѡлжото за мѣне, азъ (язе) на тойзи (тѡя) обѣдъ ца да направа (це да направимъ) похваля когѡто (когѡто) се наймъ (нарѡчамъ) добрѣ* (47). Наконец, писец

⁴ В указанной работе К. Мирчева эти рукописи даны с более ранними сигнатурами Бс. № 779 (стр. 11—14) и № 3844/64 (стр. 17—18).

⁵ К. Мирчев. Гръцко-български речник. . . , стр. 10, 17.

⁶ Графика оригинала здесь слегка упрощена; все диакритические знаки, кроме акцентных, опущены; вм. *ѡ* и *ѡ* дается *у*, вм. *ш* — *о*, вм. *ш*, *л* — *я*.

При более полном исследовании, ставящем целью установление отношения разговорников к более ранним памятникам письменности, должны, разумеется, учитываться все эти графические особенности.

регулярно заменял отдельные слова: например, вм. *рѹчамъ* — *ѧмъ*, вм. *вѣркамъ* — *брѣзамъ*, вм. *керевѣ* — *ѡдаръ* и т. д.

Важнейшие фонетические особенности самоковского говора, отраженные в обеих рукописях, были уже приведены проф. Мирчевым, например: 1) *a* < ж *каца*; 2) *o* < ъ прежде всего в префиксах и суффиксах *вѡсокъ*; 3) *ца* < цѣ *цѧпимъ*; 4) неодинаковое развитие *лѣ ѧболка*, *клубб*, *вѹна*; 5) «вторично изясняване» *ѣ* > *a* *маглѧ*, *тѧнокъ*, но также *тѣнка*, *тѣнко*; 6) несколько случаев перехода *tj* > *к'* *векѣ*, *пѡвеке*, *врѣкѧ*, *тѣкѧ* и 7) переход *т'*, *д'* > *к'*, *г'*. Что касается этих двух последних фонетических особенностей, то для некоторых слов можно заметить стремление писца избегать форм с *к'*, *г'*. В рукописи Бс. II. 119 встречаем, например, *зѧпали свекѧта* (34), однако в словнике — *свѣщѣ*; затем находим сначала *дѡнеси свецѧ*, после — *вѡсчената свѣкѧ*, вновь — *ѹсекни свецѧ*; в словнике — *вѡсчена свѣщѣ*. Рукопись № 384 знает только *свѣщѣ*. Оба текста совпадают в употреблении исключительно форм *мѣске* (27) и *цѣке*, мн. число *цѣкета*, *цѣкенце* (25). Но только в Бс. II. 119 находим *рѹчайте з'рната от грѡзгето* (27), в № 384 — . . . *грѡздето*; дальше в обеих рукописях употребляется только форма *грѡзде*.

Таким образом, в самих разговорниках чаще находим собственно самоковские формы, а в словниках — общebolгарские, т. е. не местные и не книжные (русские или церковнославянские). Важно, что, как уже отметил проф. Мирчев, разговорники в своей болгарской части больше опираются на греческий текст и часто действительно отражают непринужденную речь самоковских болгар, в то время как словники частично были списаны с источника. Этим объясняется и то, что в словниках при греческих словах иногда даются значения, которые не встречаются в соответствующем тексте.

Такие книжные формы, как *пѹтъ* (97), *пѹтникъ* (97, № 384, но в Бс. II. 119 *пѧтникъ*), *дѹбъ*, *да бѹде*, *пѣрво* и т. д. восходят, однако, не только к русскому оригиналу. Речь идет об определенных словах, к написанию которых, начинающемуся с Часослова и простирающемуся вплоть до Грамматики А. Мразовича, писец привык. Уже применение кириллицы (а не греческого алфавита), как в Словаре и Разговорнике 1876 г. из южной Македонии) показывает, что переписчик самоковских разговорников определенно был связан со старой литературно-языковой традицией. В написании упомянутых книжных форм не наблюдается, однако, никакой последовательности; их следует расценивать как реликты, которые в последующем развитии болгарского литературного языка большей частью полностью исчезли. Напротив, в написании буквы *x* видна явно выраженная тенденция, которая ведет к установленным позднее нормам литературного языка. Проф. Л. Андрейчин замечает: «Влиянием книжной традиции, главным образом, следует объяснить установление нормы сохранять всегда

согласную *x* на ее историческом месте: *хляб, сух, пееха* (диал. *ляб, суф, пееа* и др.)⁷.

Можно установить три типа расхождений в употреблении *x* в болгарском литературном языке и в диалектах.

1. *x* отсутствует в диалектах в тех позициях, в которых оно представлено в литературном языке, т. е. налицо отношение $x \sim \emptyset$, например, *хубав ~ убав, чуха ~ чуа*.

2. В позициях, в которых в литературном языке представлено *x*, в диалектах выступают другие согласные (сокращенно *C*), т. е. налицо отношение $x \sim C$, например, *сух ~ суф, духам ~ дувам, башча ~ башча*;

3. *x* в диалектах встречается в позициях, в которых в литературном языке представлены другие согласные, т. е. налицо отношение $C \sim x$, например, *ножче ~ нохче, лакти ~ ляхти, фурна ~ хурна*.

Различная фонетическая реализация *x* в отдельных диалектах здесь не принимается во внимание. Описанные типы расхождений в употреблении согласного *x* по-разному проявляются в отдельных болгарских диалектах. В самоковском говоре находим прежде всего расхождения первого типа (т. е. отсутствие *x*), в значительно меньшей мере — второго типа, в то время как третий тип, кажется, полностью отсутствует⁸. Разговорники, весьма точно отражающие некоторые фонетические особенности самоковского говора, в употреблении *x* представляют почти такую же картину, как и современный литературный язык. Отношения между современным литературным языком, рукописью Бс. II, 119 и современным говором Самокова наглядно отражены в следующей схеме (стр. 49).

Приведем теперь примеры употребления *x* в рукописи Бс. II. 119, сопоставляя их с соответствующими формами современного самоковского говора. Затем будут привлечены также формы из № 384 и более поздней рукописи библиотеки Софийского университета Бс. II. 464⁹. Материал приводится отдельно для каждой позиции употребления *x*, причем сначала (под буквой *a*) даются диалектные формы, затем (под буквой *b*) формы из рукописей.

⁷ Л. Андрейчин. Взаимодействие между народен език и книжовни влияния при формирането на новобългарския книжовен език. — «Български език», год. XIII, 1963, стр. 349.

⁸ Основанием для установления дистрибуции *x* в современном городском наречии Самокова может послужить работа: Ив. К. Шапкарев и Л. Близнаев. Речник на самоковския градски говор. «Българска диалектология. Прочувания и материали», кн. III. София, 1967, стр. 197—291.

⁹ Речь идет о небольшом разговорнике этой рукописи, который также имеет русский источник. Ср.: К. Мирчев. Гръцко-български речник... стр. 14—16 (старая сигнатура рукописи — Соф. Универс. Библ. инвент. № 1087).

Позиция	Литературный язык	Рукопись Бс. II. 119	Самоковский говор
1. <i>xV-</i>	+	+ ⁺	—
2. <i>xp-, xл-</i>	+	+ ⁺	—
3. <i>xв-</i>	+	+; ф	ф
4. <i>-VxV-</i>	+	+ ⁺	— ⁺
5. <i>-xC-</i>	+	+	+ ⁺
6. <i>-xи-</i>	+	+	+; —
7. <i>-xл-</i>	+	+	— ⁺
8. <i>-Cx-</i>	+	+	—
9. <i>-x</i>	+	+	+

Пояснение к схеме: C — согласный; V — гласный; знак (+) рядом с (+, —) показывает, что отдельные слова отклоняются от общего правила.

1. Позиция *x* в начале слова перед гласным (*xV-*):

а) *о́кам, ора́тим, ил'áдо, абéр, амбáр, ёндак, а́н, амáм, айду́к, а́рч, е́ймин, измик'áрин, измéт, еса́н, айде, арéсувам, у́лим;*

б) *хо́камъ, ви́камъ (12), хб́димъ (70), ху́лимъ (118), хорáтимъ (5), хорятлжкъ (15), хі́ліáдо (26), харті́я, кні́га (59), хабéре (11), хаберці́я (25), хамбáрете (26), хенда́къ (рб́въ) (30), ханда́къ (30), това́ я́зе чині́хъ хáсь — ἐγὼ τὸ κáνω χάσι (84), хамáмъ (бáня) (75), хáнъ — τὸ χάνι (75), ханці́я (99), хайдў́цьте (97, 110), хáрчъ, масрáвъ (102), халава́йска (59), хекимці́ята (111), хансанá(те́мні́ца) (75), кь́рна, хавлі́я (56). Без *x* регулярно пишутся *айде* (45 и др.) и *аресувамъ* — ἀρεζώ (6); в последнем слове *x* в современной литературной форме — *харэсвам* гиперкорректно; ср. также: *не é ўбава* (70) и *астáро* ~ τὸ αστáρι (81). Колебания в написании: один раз встречается *измикáр* (3), в остальных случаях с *x* — *хизмекáро* (100), *хизмéтъ* (6) и т. д.; *еса́нъ* (102), но *у хеса́но, хеса́нимъ, прохеса́нете*, причем в рукописи № 384 написание также колеблющееся — *еса́н, у еса́но, проеса́нете*, но *хеса́нимъ*; наконец, *това́ кў́че хáне* (62) наряду с *áнемъ* (62), *да áнемъ мáлко от пї́ле* (114) и *за да не хáне* (95). В рукописи Бс. II. 464 один раз *икимці́ята*. Иначе все три рукописи согласны в написании начального *x*.*

2. Позиция *x* в начале слова перед плавным (*xp-, xл-*):

а) *рéн, лéп, ра́кол', 'храчка'*;

б) *хрénъ* — μέ χρένον (42), *хлѣбъ* (46), но *сўхъ лѣбъ* (44, очевидно, описка), *хрэмава, хремáвица* (4) с гиперкорректным *x*, как в современном литературном языке. Начальное *x* отсутствует в *рѣтки* (104). Две другие рукописи не знают написаний без начального *x*, поэтому *х'рѣтки* в № 384, ср. *балта́нъ (хра́колъ)*,

хлъцѣне в Бс. II.464. В словниках, разумеется, пишется *х:* *хрѣните (чѹвате)* (18), *книгохранителница* (75).

Отдельные редкие формы без *х* в начале слова перед гласным или плавным показывают, что в самоковском говоре начальное *х* уже не существовало. Дополнительным доказательством этого являются случаи с гиперкорректным *х*, как, например: *на хбдаро* (34), но и без *х* — *на бдаро, одрбеве; обѣчай, хадѣтъ* (72), *съ кбнь (хатлѣа)* (97); *всѣдникъ, хатлѣа* (97); *искачамъ, хрипамъ* (110) — все примеры из Бс. II.119; в № 384 находим только *хатлѣа*, ср. также *хергѣнь* (Бс. II.464).

Х как правило сохраняется также в префиксальных образованиях от слов с начальным *х*, например, *нахбдите* (1), *дохбждане* (6) и т. п., *да похорѣтимъ* (8); *произхбдимъ* (14), *да се обхбдите* (18), вероятно, два последних слова книжные. Напротив, *х* регулярно отсутствует в словах со значением 'завтрак', 'завтракать', а именно во всех трех рукописях: *за потѣпоко, потѣпахте ли вѣе* (38), *да потѣпнеме* (39), в Бс. II.119 и № 384; *за потѣпокъ, да потѣпнуваме* в Бс. II.464. То же слово в форме *подхпакъ* употребляет Ив. Богоров, например, в переводе «Чюдеси-гѣ на Робенсына Круссо» (1849).

В современном самоковском говоре параллельно употребляются *потѣпок* и *подѣпок*.

3. Позиция *х* в начале слова перед *в* (*хв*):

а) *фалба, фанѣл*.

б) *фѣцѣмъ* и т. д., *фѣрлямъ* (95) (в Бс. II.119 и в № 384); *кривѣчка, фѣтка, шѣка* (Бс. II.464). В Бс. II.119 интересное написание *слѣва, хфалѣ* (107).

4. Позиция *х* в середине слова между гласными (*-VxV-*):

а) *дрѣа, крѣок, муѣ, прѣове, брео бѣше крѣок; бѣа, дойдба, простѣйа*. Можно привести отдельные случаи сохранения интервокального *х*: *ѣахѣр* (и *ѣаѣр*), *кахѣр, закахѣрѣвам се* (и *каѣрен, каѣрен'е, каѣрим се*), *ѣхам* (и *ѣам*), *наѣхувам, малохѣ* 'стайно цвете мушкато';

б) во всех трех разговорниках интервокальное *х* последовательно пишется в этимологической позиции¹⁰. Примеры из Бс. II.119: *дрѣа* (57), *крѣокъ* (47), *охота* (47), *стихотворѣн'ѣта* (70), *сахатѣята* (21), *кабахѣтъ* (59), *махалѣ* (75), *маханѣ* (81), *яхѣро, яхѣръ* (99), *кожѣхо* (28), *ищѣхо* (114), *сѣха* (103), *нетражѣха ли ме* (3), *узрѣяха* (11), *дойдѣха* (19), *дигнѣха* (102) и т. д. Примеры из № 384: *сахѣтъ* (4), *виѣгоръ* (22), *тиѣхо* (23), *праханъ* (35), *стомѣхо* (40). В обеих рукописях написано *куха-*

¹⁰ В рукописях Бс. II.119 и НБКМ № 384 только два турецких слова написаны без *х*: *мѹѣръ* (73) < mühür 'печать' и *ѣ маслахѣтъ* (17) < maslahat 'дело'. В Словаре Герова приведены оба слова: *маслахѣтъ* (III.52) и *михѣръ* (III.70).

рѣца (4), в современном говоре произносятся *куфарѣца* (ср. также *кѣфн'а*). Примеры из Бс. II.464: *ѹго, снаха, сахатъ*.

5. Позиция: *x* перед согласным (-*xС*):

а) *вѣхтите, ставѣхте, прахта, ахмак, махмѹзете, вапѹахте, рѣкохте, бѣхте*, но *мѣмурлѣя*. Перед *ч* наблюдается колебание между *x* и *ш*: *ахчѣя* и *ашчѣя*, *бохчалѣк* и *бошчалѣк* (но только *бохчѣ*), *дрѣшче*, *ахчѣ* 'градинско цвете';

б) *чинѣхте* (11), *бѣхте* (11), *щѣстѣе*, *бѣхтѣ* (63), *махмѹзѣте* (95), *излезнѣхте* (19), *плѣтѣхте* (85), *бахчѣта* (83), *бохчѣ* (85).

Как в Бс. II.119, так и в современном самоковском говоре параллельно употребляются формы *зейтѣнѣ* и *зехтѣнѣ* (42). В № 384 только *зейтѣнѣ*.

6. Позиция *x* перед *н* (-*xн*):

а) В говоре *x* перед *н* отчасти утрачено, при этом иногда предшествующий гласный удлиняется: *замѣнувам* (и *замѣхнувам*), *измѣнувам* (также *измѣхнувам*), *ѣа се мѣни*, *мѣнувам* (также *мѣхнувам*), *ѣаниѣа* (также *ѣахнѣя*), *дѣнувам*, но только *исахнѣло*, *дѣхнувам*, *навѣхнувам*, *технѣ* 'спокойно'. После *и* перед *н* согласный *x* может перейти в *й*: *потсмѣйнувам се*, *утѣйнувам* (и *утѣхнувам*);

б) в разговорниках и в этой позиции последовательно пишется *x*: *да си отдѣхнете* (18), *нѣхни* (94), *да ѣхнеме* (98), *сѣхнемѣ* (113). В одном случае рукописи расходятся: *усмѣхнуванѣ* (91.Бс. II.119), *усмѣйнуванѣ* (№ 384).

7. Позиция *x* в середине слова перед *л* (-*xл*):

а) в говоре *x* перед *л* в середине слова обычно исчезает: *келибѣр*, *келибѣрен*, *пеливанѣн*, *сабѣле*, *сабѣлешен*. Колебания: *мѣлѣм* и *мехлѣм*, *мул'ѣсува* и *мухл'ѣсува* (но только *мухл'ѣ*);

б) в немногих словах этой группы *x* сохраняется: *заранѣ*, *сабѣхле* (19), *мухлѣсувамѣ* ~ *ἀρωχλιαζω* (42).

8. Позиция *x* после согласной /-*Сx*-. В этой позиции *x* вообще встречается редко:

а) в современном говоре *x* в такой позиции не представлено. Случаи типа *потѣпок* уже были рассмотрены в пункте 2. Примеры: *сѣлана*, *таранѣ*;

б) в разговорниках *x* этой позиции пишется: *таранханѣта* (75), *мензжлханѣта* (102), *елхѣ* (25) (в словнике, однако, — *елѣ*).

9. Позиция *x* в конце слова (-*x*). Как в говоре, так и в рукописях конечное *x* сохраняется:

а) *ишчѣх*, *мѣх*, *друснѣх*, *затѣкох*, *радѣх*, *нѣх*;

б) *ищѣхѣ* (30), *мѣхѣ* (82), *пердѣхѣ* (82), *бѣхѣ* (3), *видѣхѣ* (109), *найѣхѣ* (6), *чѣхѣ* (108), *тѣхѣ* (38), *изгубѣхѣ* (18), *нѣхѣ* (110).

Сопоставление фактов современного говора с данными разговорников позволяет сделать некоторые выводы.

1. К 1830 году в самоковском говоре уже не было начального *x*. Об этом говорят и отсутствие *x* в некоторых словах, и колебания в написаниях, и гиперкорректные формы. Было ли интервокаль-

ное *x* уже полностью утрачено, на основании материала разговорников решить с уверенностью нельзя. В говоре близлежащего села Говедарци *x* (в виде *x'*) сохранилось, например, в 3-м л. мн. числа простого претерита (*върках'а, седех'а*)¹¹.

2. Переводчики и переписчики разговорников стремились писать букву *x* во всех этимологических позициях, что им, за небольшими исключениями, удавалось. Этому способствовали следующие факторы: а) знакомство писцов со старыми литературными текстами местной традиции; б) оригиналы, с которых делался перевод, служили образцом верного написания как в своей русской части (прежде всего для славянских слов) как и в греческой (для греческих, турецких и даже славянских слов, ср. *хренъ*); в) знание турецкого языка; г) знакомство с болгарскими диалектами — писцы знали, что определенные слова в других областях Болгарии произносятся с *x*. Только так можно объяснить правильное написание слов типа *хѡкамъ, хльѡане, хрѡколъ*. Наконец, определенную роль играло также и стремление к унификации написаний форм одного и того же слова; так, писцы избегали передачи чередования *x ~ ѡ* при образовании различных форм слова. Это относится к образованию членных форм м. р. (*ищѡх — ищѡо, мех — меѡ*), к образованию форм рода и числа, а также к образованию наречий от прилагательных (*сѡх — сѡа, сѡо, сѡи; тѡх — тѡо*) и к образованию 3-го л. мн. числа простого претерита (*дойдѡх — дойдѡхме — дойдѡа*)¹². Уклонение от передачи этого чередования в разговорниках, а позднее и в литературном языке обусловлено не только воздействием старшей литературной традиции и русских написаний, но прежде всего имманентным стремлением литературного языка к большей регулярности.

Обратимся теперь к морфологии. Некоторые особенности самоковского говора, которые сейчас воспринимаются как диалектные в сравнении с литературным языком, в 1830 г. находились в полном согласии с литературной практикой наиболее известных болгарских авторов. Например, артикль *-о* находим у Софрония Врачанского в его Автобиографии, у Христаки Павловича и Неофита Рыльского, впрочем два последних автора употребляют артикль *-о* только при именах существительных в «номинативе». Личные местоимения *он*-ряда¹³ и притяжательное местоимение *нишн*-, окончания *-емъ, -имъ* в 1-м л. ед. числа наст. вр. глаголов I и II спряжений употребляет Неофит Рыльский в своем переводе

¹¹ Ст. Стойков, К. Костов и др. Говорят на с. Говедарци, Самоковско. «Изв. на Ин-та за бълг. език», кн. IV. София, 1956, стр. 262.

¹² Для одного из четырех встречающихся в современном самоковском говоре типов (*прах — праоге*, т. е. образование форм мн. числа односложных существительных м. р. на *-х*) в исследуемых памятниках нет примеров.

¹³ Ср.: Хр. Първев. Именителни форми за лични местоимения в българската възрожденска книжнина. «Славистични изследвания». София, 1968, стр. 112—116.

Нового Завета. Напротив, форма личного местоимения 1-го л. ед. числа *язе*, очевидно, уже и в то время считалась не литературной. Более подробно здесь стоит рассмотреть образование форм будущего времени в двух рукописях разговорников.

Если учесть значительные колебания в образовании форм будущего времени в болгарских диалектах, находившие себе отражение в литературном языке вплоть до 1878 г., замечательным представляется факт поразительного единообразия форм будущего времени в обеих рукописях самоковских разговорников. Это единство было, однако, достигнуто не путем последовательного употребления локальных самоковских футуральных форм, а благодаря тому, что переводчики или писцы воспользовались формой, взятой, по-видимому, из говоров, расположенных восточнее, которая приобрела тем самым характер надрегиональной, т. е. литературной формы. В современном самоковском говоре будущее время образуется с помощью частицы *ке*¹⁴. Эту частицу можно встретить также в обеих рукописях (Бс. II.119 и № 384), что уже было отмечено проф. К. Мирчевым: «Частица для образования будущего времени *ке*: *кога ке ни оудостоите*. Под влиянием книжного языка появляется также и *ще*»¹⁵. Фактически же в обеих рукописях употребляется почти исключительно форма будущего времени: *ще*+*да*+личная форма настоящего времени. Например, уроки 75—99 содержат 40 таких форм и ни одной с *ке*. В рукописи Бс. II.119 (в 120 уроках!) находим только 7 случаев употребления частицы *ке*: *кога ке ни удостобите* (3), *коя дрѣха ке нбсите днѣска* (34, 57), *на други нѣтъ ѓзе ке ти дадемъ* (61); в трех случаях после *ке* стоит еще и *да*: *кога ке да дбйдете у кѣщата ни* (10), *прбче ѓзе ке да идемъ да заповѣдамъ на кочѣято* (107), *ѓбѣе ке да найдешъ нанаблно* (62).

В рукописи № 384 мне удалось заметить только 2 случая с *ке*: *коя дрѣха ке нбсите днѣска* (34, тот же пример, что и в Бс. II.119); *що ке да речѣте за това* (8). В предложении *що кѣте да правите* (72) *кѣте* означает 'хотите'. Ср. *каква вѣщъ сѣкате да правите* (Бс. II.119), а также греческий вариант *Тѣ прѣгма ѓѣлете ѓ кѣмете*.

В обеих рукописях встречаются также отдельные случаи, когда вместо неизменяемой частицы *ще* перед *да* употреблен спрягаемый вспомогательный глагол *щемъ*, например: *Госпбдство ви щѣте ли да сте на свѣдбата* (92, № 384; ср. в Бс. II.119; *ще да сте ли на свѣдбата*); *Прбче ѓзе нещѣмъ да излѣземъ вонка, ѓко мнбго врѣме д'ржѣ такава каль* (22, Бс. II.119, так же в № 384, где, правда, придаточное предложение имеет вид: *ѓко мнбго врѣме ще да д'ржѣ такава каль*).

¹⁴ Ст. Стойков. Образование на бъдеще време (футурум) в съвременния български език. «Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски». София, 1960, стр. 239—258.

¹⁵ К. Мирчев. Българо-гръцки речник. . . , стр. 13.

Редкими являются также конструкции «*ще*+личная форма глагола» (т. е. без *да*), например: *сичкѣо свѣтъ ще ми се присмѣва* (68, Бс. II. 119; в № 384 — *ще ди ми се присмѣва*).

Архаические образования, состоящие из спрягаемой формы вспомогательного глагола+инфинитив полнозначного глагола, в рукописях не представлены. Стоит упомянуть, что и Неофит Рыльский, в языке которого были ярко отражены черты юго-западных болгарских говоров, не употреблял формы будущего времени с *ке*. В его переводе Нового Завета (мы пользуемся 5-м изданием 1859 г.) в Евангелии от Луки находим футуральные формы с *ще*, *ще да* и со спрягаемым вспомогательным глаголом *ща да*, *щещь да*, *щатъ да*.

В рассмотренных рукописных самоковских разговорниках наряду с многочисленными диалектными локальными особенностями представлены также черты, свидетельствующие о стремлении употреблять надрегиональные формы взамен местных. Эти формы имеют принципиально иной характер, чем заимствованные из источников книжные формы и слова, которые выступают спорадически, несистематически. Как было показано на примерах написаний с *х* и образования форм будущего времени, в разговорниках наличествует тенденция к определенным нормам, причем таким, которые не вытекают из системы собственно локального диалекта. Разговорники, таким образом, не только служили для изучения новогреческого языка, но и являлись попыткой создания определенного типа литературного языка. Поэтому они принадлежат к кругу письменных памятников, которые должны привлекаться при изучении истории болгарского литературного языка.

Перевели с немецкого

Е. И. Демина и Т. Б. Шведова

■

О характере влияния «Сокровища» Дамаскина Студита на болгарскую письменность XVI—XVII вв.

Е. И. Демина

В славянской филологии давно уже прочно утвердилось мнение, что памятники болгарской письменности XVII в. (так называемые дамаскины) своим живым народным языком обязаны влиянию «Сокровища» Дамаскина Студита (Венеция, 1557—1558) —

сборника проповедей на новогреческом языке, переводы произведений из состава которого получили широкое распространение в Болгарии. Впервые это мнение было сформулировано П. А. Лавровым в его известном исследовании «Дамаскин Студит и сборники его имени „дамаскины“ в югославянской письменности» (Одесса, 1899). «Мы не ошибемся, если влиянию греческого оригинала припишем народный характер самого славянского перевода», — утверждает Лавров и далее пишет: «Сначала переводной язык был обычный литературный язык той эпохи — болгаро-сербский, хотя и в нем заметна свежесть, и в нем пробивается народная струя, сказывающаяся в народных выражениях и во влиянии живого языка. Но еще очевиднее результаты этого влияния выступают в тех сборниках, в которых на смену языка литературного является народный язык во всем разнообразии живых его говоров» (указ. соч., стр. 3).

Те же мысли развивал Л. Милетич: «Сокровище Дамаскина стало весьма популярной книгой между его соотечественниками не только благодаря своему содержанию, которое, с одной стороны, отличалось простым, легким изложением, не лишенным и драматизма, а с другой стороны, импонировало большой начитанностью автора, но и благодаря своему простонародному греческому языку, доступному широкой публике. Нет сомнения, что именно последнее дало смелость и нашим первым переводчикам Сокровища воспользоваться более народным языком, а ему обязано широкое распространение дамаскинов у нас. Первый перевод, должно быть, был на более книжном языке, но, без сомнения, уже первые списки отдали полное преимущество современному народному языку с диалектной окраской согласно родному говору переписчиков»¹. В свою очередь Б. Цонев писал: «Произведения греческого проповедника Дамаскина Студита. . . , будучи составленными на простом греческом языке, переводятся также на простой болгарский и становятся любимейшим чтением болгар в XVII, XVIII и даже в XIX в.»² Вполне определенно высказывается в этом отношении С. Б. Бернштейн: «„Сокровище“ Дамаскина Студита сыграло большую роль в истории болгарской письменности и болгарского литературного языка. Под влиянием этого сборника проповедей, составленного на народном греческом языке, болгарские книжники впервые обратились к живому народному языку»³. Наконец, в одной из последних работ о болгарских дамаскинах читаем: «. . . еще в начале XVII в. под влия-

¹ Л. Милетич. Коприщенски дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век. «Български старини», кн. II. София, 1908, стр. V.

² Б. Цонев. История на български език, т. I. София, 1919, стр. 274—275.

³ С. Б. Бернштейн. К изучению редакций болгарских списков «Сокровища» Дамаскина Студита. «Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов». София, 1957, стр. 215.

нием Дамаскина Студита наши книжники начинают писать на разговорном языке»⁴.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на большое сходство этих утверждений, их авторы, как это можно судить на основании их исследований, по-разному представляли себе конкретный путь такого влияния, формы, в которых оно проявилось. Эти расхождения связаны, прежде всего, с различным пониманием происхождения старшего новоболгарского текста⁵.

Как известно, первая попытка определить происхождение этого текста принадлежит В. И. Ламанскому. Не располагая сведениями о греческом оригинале слова о втором пришествии по исследуемому им Люблянскому дамаскину XVII в., Ламанский путем внутреннего анализа особенностей самого болгарского текста слова пришел к выводу, что перед ним оригинальное болгарское произведение. «Если же писатель и переводил с греческого, то до такой степени вольно, что его труд мало заслуживает название перевода»⁶. В отличие от него И. И. Срезневский, впервые обративший внимание на связь болгарских дамаскинов с «Сокровищем» Дамаскина Студита, не сомневался в том, что оба известных ему перевода «на язык церковнославянский и на язык простой болгарский» независимо один от другого восходят непосредственно к греческому оригиналу⁷. П. А. Лавров высказался более осторожно: «Были ли новоболгарские списки переводимы со старшего славянского перевода или же с греческого прямо? Для точного ответа нужно иметь больше материала, чем тот, которым мы сейчас располагаем. Распространенность и популярность новоболгарских сборников склоняет к тому предположению, что могли быть примеры того и другого, т. е. и пользования старым переводом и перевода вновь»⁸. Можно, однако, думать, что мнение

⁴ Д. Петканова - Тотева. Дамаскините в българската литература. София, 1965, стр. 40.

⁵ Сведения о различных переводах Дамаскина Студита на книжнославянский и болгарский языки см.: Д. Петканова - Тотева. Указ. соч., стр. 41—104; Е. И. Демин а. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Часть I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968, стр. 24, 42—227.

⁶ В. И. Л а м а н с к и й. Непорешенный вопрос. Статья II. Болгарское наречие и письменность в XVI—XVII вв. «Журнал Министерства Народного Просвещения», ч. 144. СПб., 1869, стр. 86.

⁷ И. И. С р е з н е в с к и й. Разбор сочинения К. Невоструева: Слово св. Ишполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века с исследованием о слове и о другой мнимой беседе Ишполита о том же с примечаниями и приложениями. «Отчет о пятнадцатом присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1872 г.». СПб., 1874, стр. 164—165. Мнение о происхождении старшего болгарского текста путем прямого перевода с греческого оригинала в наши дни пыталась отстаивать Д. Петканова-Тотева, в своей канд. дисс. «Дамаскините в българската литература» (София, 1958, рукопись), однако она впоследствии пришла к иному заключению.

⁸ П. А. Л а в р о в. Указ. соч., стр. 60.

Лаврова о влиянии греческого оригинала как причине народного языка болгарских дамаскинов основано на представлении о прямом переводе с греческого, прямом влиянии языка оригинала. Судя по приведенному выше высказыванию, именно так представлял себе конкретный путь греческого влияния и Б. Цонев.

Согласно Л. Милетичу, язык новоболгарских дамаскинов XVII в. возник путем постепенного, все большего от списка к списку в их движении с запада на восток проникновения черт народного языка в первоначальный западноболгарский перевод с греческого оригинала на книжнославянский язык сербской редакции⁹. Следовательно, непосредственное влияние греческого оригинала мог испытать на себе лишь этот первоначальный славянский перевод. Не совсем ясно, связывал ли Милетич последующую постепенную демократизацию языка этого перевода, утрату им архаических черт и проникновение черт живого языка с наличием в книжнославянском переводе некоторых элементов народной речи, послуживших стимулом ко все большему их использованию в языке письменности, или предполагал широкую популярность идеи Дамаскина Студита о необходимости писать на общедоступном языке в среде болгарских книжников, каждый из которых в процессе переписки вносил свою лепту в сближение языка первооригинала с языком народным.

С. Б. Бернштейн исходит из того, что собственно болгарские «дамаскины», компилятивные сборники из «Сокровища» и других источников, отражающие письменные традиции различных областей Болгарии, появились «на основе» первого западноболгарского перевода (указ. соч., стр. 217). Более конкретно этот вопрос не раскрывается. Однако ясно, что подобное понимание истории новоболгарского текста исключает непосредственное влияние на него языка греческого оригинала.

В настоящее время признание получила предложенная впервые Б. Цоневым точка зрения, согласно которой старший новоболгарский текст произведений Дамаскина Студита представляет собой вновь осуществленный в начале XVII в. перевод (точный или более вольный, приближающийся к пересказу), непосредственным источником которого послужил, однако, не сам греческий оригинал, а один из его переводов на книжнославянский язык болгаро-сербской редакции — «среднегорский», по термино-

---

⁹ Л. Милетич. Указ. соч., стр. IX—X. Того же мнения об истории болгарских дамаскинов придерживался Б. Пенев: «Более старшие из них написаны на церковнославянском языке, а в более новых, тех, которые датируются XVII в. и далее, преобладает народная болгарская речь. В эти сборники народные элементы проникают постепенно; и после того как авторитет правописного традиционного канона ослабевает, их составители начинают более верно передавать болгарское произношение, наряду с народной речью в них проникает и фонетическое правописание» (Б. П е н е в. История на новата българска литература, т. II. София, 1932, стр. 16).

логии Цонева, перевод¹⁰. Отсутствие непосредственной зависимости между старшими новоболгарскими сборниками и «Сокровищем» подтверждено данными сравнительного анализа состава и структуры входящих в них произведений, а также данными текстологического сличения произведений устойчивого состава болгарских дамаскинов, восходящих к архетипу начала XVII в., в том числе и не принадлежащих Дамаскину Студиту, с их славянскими источниками¹¹.

В связи с этим вопрос о характере влияния деятельности Дамаскина Студита на болгарскую письменность XVII в., о роли этого влияния в возникновении книжного болгарского языка на народной основе нуждается в дальнейшем уточнении. Это важно не только для правильного понимания особенностей языка старших болгарских дамаскинов и путей его формирования, но и в меньшей мере для решения актуальных проблем истории новоболгарской письменности и истории болгарского литературного языка и, шире, истории болгарской культуры и болгарского национального самосознания.

Прежде всего оценка влияния Дамаскина Студита на различные славянские и болгарские переводы и редакции его произведений должна быть дифференцированной и носить более конкретный характер. Необходимо ясно отдавать себе отчет в том, когда речь может идти не только о влиянии самой идеи общедоступного языка письменности, но и о ситуации греческо-славянского и греческо-болгарского двуязычия, о прямом в процессе перевода влияния языковой модели оригинала (понимая под таковой всю специфическую для «Сокровища» совокупность лексико-грамматических и стилистических средств в их отношении к византийской языковой традиции), и когда непосредственное влияние греческого оригинала в процессе создания переводного текста не имело места и соответственно изменена или отсутствует ситуация двуязычия. Здесь нет возможности специально аргументировать достаточно

¹⁰ Б. Ц о н е в. История на български език, т. I, стр. 275, 280; О н ж е. Книжовни старини от Елена. III. Еленски Дамаскин Студит. «Годишник на Софийския университет», филол. ф-т, кн. XIX, 7. София, 1923, стр. 34—35, 50—53. С теми или иными вариантами эта точка зрения отстаивается в работах: П. И л и е в с к и. За «средногорскиот» превод на Дамаскинов. «Македонски јазик», год. XI—XII, кн. 1—2, 1960—1961, стр. 69—71 (высказывается мнение, что новоболгарский текст представляет собой переработку «среднегорского»); Б. В е л ч е в а. Към установяването на взаимоотношенията и диалектната основа на новобългарските дамаскини. «Български език», год. XI, 1961, кн. 5—6, стр. 407—409 (отмечается наличие «прямой связи между архаичной и новоболгарской редакциями», влияние первой на вторую); Е. И. Д е м и н а. Классификация болгарских дамаскинов по редакциям «Чуда о ковре». — «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XXIII, 1962, стр. 219—245; Д. П е т к а н о в а - Т о т е в а. Указ. соч., стр. 61—72 (в двух последних исследованиях новоболгарский текст рассматривается как перевод архаичной редакции).

¹¹ Е. И. Д е м и н а. Тихонравовский дамаскин. . . , I, стр. 54—58, 81—217.

очевидную важность разграничения этих лингвистических ситуаций.

Что касается переводов XVI в. на книжнославянский язык болгаро-сербской редакции: македонского и «среднегорского» переводов, перевода, отраженного в дамаскине № 79 собрания Яцимирского Румынской академии наук, — то, как известно, каждый из них порознь восходит непосредственно к греческому тексту и испытал на себе его прямое влияние¹². При этом влияние оказывал и сам выбор оригинала между традиционными и новогреческими грамматическими формами и лексемами. Так, славянским переводчикам удалось понять и перенести в свой текст принятый греческим автором принцип использования традиционного языка в цитатах из Библии и новогреческого в их толковании. В частности, это нашло отражение в использовании синонимических книжнославянских и народных лексических средств на месте аналогичного распределения традиционных и новогреческих слов оригинала¹³.

Иначе обстоит дело со старшим новоболгарским текстом. Как уже отмечено, прямого влияния «Сокровища» здесь нет¹⁴. Но может быть влияние греческого оригинала проявилось опосредствованно, через народные элементы славянского перевода, послужившие своеобразным стимулом, толчком к дальнейшему повсеместному их употреблению в языке письменности, как это допускал Л. Милетиц? Или прав П. Илиевский, отметивший, что свободное отношение к греческому оригиналу со стороны создателей «среднегорского» перевода дало основание последующим переписчикам еще свободнее относиться к самому славянскому первооригиналу (сокращать текст, опускать отдельные эпизоды, в частности введения к словам, заменять целые рассказы о чудесах святых) и в конечном счете привело к новоболгарской «переработке» этого первооригинала «вполне в духе и в тенденциях, которые, как в зародыше, в нем содержались»¹⁵.

¹² См. об этом: П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 26—31, 55—58; П. Илиевски. За македонскиот превод на Дамаскинот. «Македонски јазик», год. XI—XII, кн. 1—2, 1960—1961; стр. 40—46; Он же. За «средногорскиот» превод на Дамаскинот, стр. 59—69; Д. Петканова-Тотева. Указ. соч., стр. 48—61; Е. И. Демипа. Тихонравовский дамаскин. ., I, стр. 42—53.

¹³ П. Илиевски. Некои лексички особености во македонскиот превод на Дамаскинот. «Македонски јазик», год. XV, кн. 1—2, 1964, стр. 95.

¹⁴ Влияние греческого оригинала через его «среднегорский» перевод на болгарский текст, проявившееся, например, в проникновении в последний ряда грецизмов, в том, что и в нем цитаты из Библии даются на традиционном языке в отличие от их толкований, бесспорно, имело место, однако для понимания причин возникновения письменности на народном языке это несущественно.

¹⁵ П. Илиевски. За «средногорскиот» превод на Дамаскинот, стр. 69—71. — С оценкой Илиевским «среднегорского» перевода как свободного высказала несогласие Д. Петканова-Тотева. По ее наблюдениям, создатели

Уже априорно вызывает сомнение сама высказанная Л. Милетичем идея о возможности такого постепенного движения текста, когда благодаря спонтанным усилиям не связанных между собой создателей отдельных списков язык синтетического строя с присущим ему архаическим словарем и лишь отдельными вкраплениями черт народной речи, каким является книжнославянский язык первооригинала, сменяется целостной системой народного болгарского языка, выдержанной последовательно на протяжении многих произведений, причем и произведений, не связанных с творчеством Дамаскина Студита¹⁶. В свою очередь, ближайшее знакомство с составом новоболгарских дамаскинов и историей его формирования заставляет усомниться в достаточности объяснения П. Илиевского.

Сравнительный анализ структуры старших болгарских дамаскинов, восходящих к архетипу начала XVII в., показал, что набор статей, вошедших в первооригинал новоболгарского сборника, отнюдь не был случайным. Его создатели поставили перед собой задачу составить сборник, который бы подобно древним славянским гомилиям содержал цикл произведений, соотнесенных с церковным календарем (по месяцеслову с начала индикта 1 сентября, далее по дням и неделям Великого поста) и предназначенных для чтения в церквях простому народу. Это определило особый состав статей и структуру первого новоболгарского сборника, которым нет соответствия ни в «Сокровище» Дамаскина Студита, ни в сборниках «среднегорской» редакции. Особенно важно, что в процессе перевода или вольного пересказа одновременно создавался болгарский текст произведений, как почерпнутых из «среднегорского» перевода, так и восходящих к иным книжнославянским источникам¹⁷. Таким образом, нет оснований говорить о наличии общей для всех вошедших в новоболгарский сборник произведений заложенной в зародыше в их источнике тенденции к демократизации. Вместе с тем, даже в тех случаях, когда болгарский текст восходит к книжнославянским источникам, отличающимся весьма архаичным языком и стилем (ср., например, житие Иоанна Златоуста, апокриф о деяниях апостола

всех переводов XVI в. ставили своей целью точную передачу оригинала, внимательно следили за особенностями греческого текста (Д. Петкова - Тотева. Указ. соч., стр. 60—61).

¹⁶ На эту последнюю особенность текста по Коприштенскому дамаскину обратил внимание сам Л. Милетич, объясняя ее тем, что в основу новоболгарских сборников, очевидно, был положен дамаскин на церковно-книжном языке с тем же составом статей (указ. соч., стр. XX—XXI). Однако это предположение не подтвердилось данными сравнительно-текстологического исследования «среднегорских» и новоболгарских дамаскинов (см.: Е. И. Демин а. Тихонравовский дамаскин. . . , I, гл. II, III).

¹⁷ См. подробнее: Е. И. Демин а. Тихонравовский дамаскин. . . , I, стр. 76—80.

Фомы в Индии, слово на Воздвижение креста и др.), ему свойствен все тот же живой народный язык, обогащенный книжнославянскими элементами, и доступная манера изложения¹⁸.

Оценивая влияние Дамаскина Студита на новоболгарскую письменность начала XVII в., следует, по нашему мнению, говорить о сознательном восприятии болгарскими книжниками с а м о й и д е и греческого писателя о важности общедоступного языка письменности и проповеди, без которого последние, по выражению Дамаскина, уподобляются красивому и благоуханному, но обнесенному неприступной оградой саду, опечатанному источнику, и о попытке осуществить эту идею на болгарской почве, взяв за основу языка письменности один из восточноболгарских балканских диалектов. Принципиально важно, что эта попытка была предпринята в условиях своеобразного книжнославянско-болгарского двуязычия. Перевод с развитого и еще вполне нормированного литературного языка, выполненный прекрасно владевшими им книжниками, обладавшими хорошим филологическим чутьем, определил существенные особенности первого типа книжного болгарского языка на народной основе, обогатив его недостающими выразительными средствами и придав ему с самого начала относительно нормированный характер. Попытка включить один из народных диалектов в сферу достаточно высокой культуры при этом, бесспорно, облегчалась и намеренно популяризаторским, общедоступным содержанием произведений Дамаскина Студита.

Именно тот факт, что в основу болгарского текста был положен перевод греческого оригинала на литературный книжнославянский язык, а не сам греческий оригинал, во многом определил успех начинания книжников начала XVII в. Благодаря ситуации своеобразного двуязычия, характеризующейся генетической общностью взаимодействующих языков (собственно, представляющих собой различные идиомы одного языка на разных исторических этапах его существования), им удалось осуществить синтез выразительных средств народного и традиционного литературного языков, что сразу придало вновь созданному типу письменного языка наддиалектный, книжный характер¹⁹.

Преимущества этого пути демократизации языка письменности очевидны, если сравнить первый тип книжного языка на народной основе с языком некоторых последующих переводов «Сокровища» непосредственно с греческого оригинала на какой-

¹⁸ Е. И. Демина. Тихонравовский дамаскин... I, § 29—32, 85—89 главы III.

¹⁹ См.: Е. И. Демина. «Начало» современного болгарского литературного языка в свете общей периодизации истории литературного языка в Болгарии. «Вопросы языкознания», 1969, № 6, стр. 91—92.

либо из болгарских диалектов ²⁰, не получивших широкого хождения. Не случайно Иосиф Брадатый, переводя греческий оригинал «Сокровища», счел необходимым прибегнуть к своеобразному «получерковному», по выражению Б. Цонева (указ. соч., стр. 282), языку, с чертами сербского правописания и широким использованием лексики и грамматических моделей живого народного языка ²¹.

Раз возникнув, феномен книжного языка на народной основе в свою очередь оказывает влияние на последующее развитие болгарской письменности. В частности, вновь осуществленный в конце XVII в. перевод на болгарский язык ряда произведений Дамаскина Студита как по «среднегорской» редакции, так и непосредственно с греческого оригинала ²² своим народным языком обязан, безусловно, уже не только влиянию греческого текста и самих идей Дамаскина, но, главным образом, письменности начала XVII в., традициям которой он следует.

Чтобы сама идея демократизации языка письменности глубоко укоренилась на болгарской почве, были необходимы, однако, определенные социально-исторические условия внутри страны, что следует иметь в виду, оценивая влияние Дамаскина Студита ²³. По-видимому, истоки такой популярности его идей можно усмотреть, прежде всего, в росте национального самосознания в Болгарии в XVII в., явившемся реакцией на политику насильственной ассимиляции болгарского народа со стороны Османской империи. В этих условиях создание письменности на доступном народу языке явилось начинанием большого патриотического значения, способствовавшим сохранению и сплочению народности. Не случайно болгарские книжники в демократизации языка и содержания письменности пошли значительно дальше Дамаскина Студита.

---

²⁰ Ср., например, язык так называемого Бачковского перевода XVIII в., с образцами которого можно познакомиться в указ. соч. Д. Петкановой-Тотева (стр. 97—98).

²¹ О переводе Иосифа Брадатого см., в частности: Д. Петканова-Тотева. Указ. соч., стр. 85—92.

²² См. о нем: Д. Петканова-Тотева. Указ. соч., стр. 72—85; Е. И. Демин. Тихонравовский дамаскин. . . , I, стр. 60—63, а также гл. III.

²³ В одном из своих исследований о болгарских дамаскинах С. Б. Бернштейн дал содержательный анализ общественно-исторических условий в Болгарии в XVI—XVII вв., вызвавших к жизни письменность на народном языке. См.: С. А. Одинов [С. Б. Бернштейн]. Turco-slavica. К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII—XVIII вв. «Труды Моск. Ин-та истории, философии и литературы им. Чернышевского», т. VII, филол. ф-т. М., 1941, стр. 25—29.

К классификации среднеболгарских акцентных систем (Предварительные итоги)

В. А. Дыбо

Изучение болгарских акцентуированных текстов XIII—XV вв. связано с известными трудностями из-за пестроты и разнообразия акцентных систем, отраженных в этих памятниках. Расхождения между этими системами таковы, что недифференцированная выборка примеров не может привести к сколь-либо значительным результатам, так как при этом методе исследователь соберет коллекцию противоречащих друг другу показаний по наиболее изменчивым сейчас и, следовательно, наиболее интересным для него частям акцентной системы. Исследование получит определенную гарантию точности при сужении его рамками отдельного текста, а при многопочерковом тексте рамками почерка. При таком подходе акцентовка текста (почерка) рассматривается как отражение более или менее значительного фрагмента акцентной системы среднеболгарского диалекта писца, расставившего акцентные знаки (последний не всегда тождествен лицу, писавшему текст). Очевидно, что и в этом случае точность вывода возможна лишь при полной выборке материала, хотя бы в пределах строго заданной программы (последнее ограничение, как и возможное ограничение частью текста, не может быть связано с какими-либо акцентологическими характеристиками).

Ограничение отдельным текстом дает значительный выигрыш в точности, но исследователь теряет в полноте характеристики акцентной системы. Даже по большому тексту можно судить об акцентной системе в целом только для наиболее частотных частей языковой системы. Менее частотные элементы как правило представлены в тексте столь скудно, что не позволяют определить систему их акцентовки. Большая полнота характеристики акцентной системы может быть достигнута при объединении фрагментов тождественных акцентных систем, отраженных в текстах. Последнее требует подробной акцентологической классификации текстов и соотнесения ее с другими их особенностями (языковыми, орфографическими, палеографическими, историко-культурными и др.), с одной стороны, и с акцентологическими и прочими языковыми особенностями современных болгарских диалектов, — с другой. Требуемая классификация — дело будущего. Сейчас можно пред-

ложить ряд критериев для такого объединения и некоторые, во многом гипотетичные, группировки в той или иной степени исследованных текстов.

1. Проблема второго акцента. Уже при беглом ознакомлении с акцентуированными среднеболгарскими текстами устанавливается разделение их на две группы: тексты, характеризующиеся вторым (не связанным с праславянским местом ударения) значком акцента над фонетическим словом (тактовой группой), и тексты, в которых такой значок практически отсутствует¹. Первую группу текстов можно разделить на две подгруппы: а) тексты с регулярно проставленными знаками акцента (обычно — вария) в конце тактовой группы (практически на конце слова или на примыкающей к слову энклитике)²; б) тексты, в которых дополнительный знак акцента в большинстве случаев сдвинут с конца тактовой группы на предшествующий слог (в этом случае ставится оксия). Однако при завершающих тактовую группу *во*, же (*ВВ* краткостный гласный в этих частицах), по крайней мере в части текстов знак акцента сохранен на этой энклитике³.

Такое соотношение между группами а) и б) заставляет признать постановку второго знака акцента в данных текстах отражающей просодическую реальность живого языка. По-видимому, есть основание связывать памятники со вторым акцентом с соответствующими юго-западноболгарскими и македонскими акцентными системами, некоторые из них и сейчас сохранили двойное ударение⁴.

2. Восточный и западный акцентные типы. Второе ударение является дополнительным средством локализации среднеболгарских текстов, относя их суммарно к юго-западной части болгарско-македонской территории, однако основное различие, проходящее внутри болгарских и, по-видимому, македонских акцентных систем связано с тем явлением, которое

¹ В последних текстах такой значок также может спорадически появляться, но он крайне редок, не мешает при исследовании словесной акцентовки и не затемняет старые фразовые закономерности.

² Примером текста с такой акцентовкой может служить западноболгарская рукопись 1389 г. «Поучения Исаака Сирина», ГБЛ, ф. 304, № 172 (первый почерк); далее — Поуч. Ис. Сир.

³ Такая акцентовка последовательно проведена в рукописи сочинения Константина Философа «О письменех» (далее — О письм.) (см.: И. В. Я г и ч. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895) и в Южнославянском отрывке (XV в.) сербской орфографии, ГБЛ, ф. 178, № 3070 (Муз. № 3070), а из текстов юсового письма — в «Поучениях аввы Дорофея», ГБЛ, ф. 304, № 164.

⁴ В качестве предварительной гипотезы можно выдвинуть предположение, что такая акцентовка тактовых групп явилась результатом обобщения акцентовки тактовых групп типа «энклиномен» + энклитика, где конечное ударение появлялось по закону Васильева-Долобко. Требуется специальное изучение соотношения между указанным типом фразовой акцентовки и фразовой акцентовкой византийских текстов.

мы называем восточноболгарской рецессией ударения. Этот сдвиг ударения наиболее четко разделил акцентные системы на западный и восточный типы⁵, наложив отпечаток на акцентовку буквально всех частей акцентной системы, и предопределил различное развитие западных и восточных типов. К моменту фиксации ударения (XIII—XIV вв.) восточноболгарская рецессия ударения была уже, по-видимому, морфологизована и фонетические границы ее не поддаются установлению⁶. Результатом рецессии явилось почти полное совпадение а. п. *a* и *b* у имен и глаголов в едином неподвижном типе с накоренным ударением (этого совпадения избежали *ā*-основы имен и диалектально аористы глаголов тематического класса). Наиболее последовательно этот сдвиг осуществился с внутренних слогов, поэтому отличия восточного и западного типов лучше всего можно показать на акцентовке многосложных слов. Наиболее характерным является класс глаголов на *-i-* уже потому, что первичное ударение для них устанавливается с большой степенью вероятности (табл. 1).

Различия между этими двумя типами в имени менее характерны. В восточной области рецессия привела к совпадению а. п. *a* и *b* *o*-основ м. и ср. рода в неподвижном типе с накоренным ударением. Западнотолковские тексты показывают обычно в именах праславянской а. п. *b* ударение, тождественное восточноболгарскому, однако в них всегда имеется большое количество вариантов с несдвинутым ударением (табл. 2).

Однако данное отличие, как сказано, не является четким, тем более, что варианты с конечным ударением в ряде слов этого акцентного типа изредка встречаются и в восточноболгарских текстах. Более ясно отражаемая в памятниках черта и ввиду высокой частотности в текстах более полезная для классификации ударение тв. п. ед. ч. м. р., которая отделяет западнотолковские тексты не от восточноболгарских в целом, а от северо-восточных текстов («тырновская» группа и система Киприана⁷). В отличие от се-

⁵ Характерными представителями западного типа акцентовки являются указанный выше текст Поуч. Ис. Сир. и рукопись № 1/26 библиотеки Рыльского монастыря, два отрывка из которой опубликованы Йорданом Ивановым в работе «Жития на св. Ивана Рилски» — «Годишник на Софийския ун-т. Ист.-филол. фак.» кн. XXXII, 13, София, 1936. — О различных группах восточного типа см. ниже.

⁶ Наиболее ясное ограничение: отсутствие переноса с конечных долгот на предшествующий краткий (перенос с конечного долгого на предшествующий долгий осуществился, по-видимому, еще в праславянском).

⁷ В «тырновскую» группу нами включаются: 1. Зографский сборник житий и слов — библиотека Афонского Зографского монастыря, № 103, II, г. 6 (ряд текстов из него опубликован Й. Ивановым в кн.: «Български старини из Македонија». София, 1931) — Зогр. сб. № 103; 2. Толкование псалмов, ГБЛ, ф. 173, № 18 (Толк. пс.); 3. фрагмент II из папки с общим названием «Отрывки из трех южнославянских сборников слов и поучений» в собрании В. И. Григоровича — ГБЛ, ф. 87, № 1703 (Григ. № 1703); 4. текст Жития

	Праслав. а. п.	а	б	с
Запад- ный тип	Презенс 1 л.	наста́вал	сѣтворѣ (сѣтвѣрѣ, сѣтворѣ)	Ѡпѣсѣж (Ѡпѣсѣжъ, Ѡпѣсѣж)
	3 л.	наста́внтѣ	сѣтвѣрнтѣ	Ѡпѣсѣтѣ
	Инфинитив	наста́внѣти	сѣтвѣрѣти	Ѡпѣсѣти
	Аорист 1 л.	наста́внхѣ	сѣтвѣрѣхѣ	Ѡпѣсѣхѣ
	2—3 л.	наста́ви	сѣтворѣ (сѣтвѣрѣ, сѣтвори)	Ѡпѣсти (Ѡпѣсѣти)
	l-причастие	наста́внѣ	сѣтвѣрѣнѣ	Ѡпѣсѣнѣ
	Прич. наст. ж. р.	наста́вѣщи	сѣтвѣрѣщи	Ѡпѣсѣѣщи (Ѡпѣсѣѣщи)
	Прич. прош. ж. р.	наста́вѣши	сѣтвѣрѣши	Ѡпѣсѣши
Восточ- ный тип	Презенс 1 л.	наста́вал	сѣтвѣрѣ	Ѡпѣсѣж (Ѡпѣсѣж)
	3 л.	наста́внтѣ	сѣтвѣрнтѣ	Ѡпѣсѣтѣ
	Инфинитив	наста́внѣти	сѣтвѣрѣти	Ѡпѣсѣти
	Аорист 1 л.	наста́внхѣ	сѣтвѣрѣхѣ	Ѡпѣсѣхѣ
	2—3 л.	наста́ви	сѣтвѣрѣ	Ѡпѣсти (Ѡпѣсѣти)
	l-причастие	наста́внѣ	сѣтвѣрѣнѣ	Ѡпѣсѣнѣ (редк. арх. вар. Ѡпѣсѣ- стнѣ)
	Прич. наст. ж. р.	наста́вѣщи	сѣтвѣрѣщи	Ѡпѣсѣѣщи (Ѡпѣсѣѣщи)
	Прич. прош. ж. р.	наста́вѣши	сѣтвѣрѣши	Ѡпѣсѣши (Ѡпѣсѣши, Ѡпѣсѣши)

* В таблице обобщенно представлена среднеболгарская акцентовка на примере трех типичных глаголов праславянских а. п. а, б и с (зафиксированные в памятниках формы приводятся нами в соответствующих работах). В основу положены наиболее архаические типы, в скобках — варианты из текстов с более продвинутой акцентовой, архаический, но редкий вариант специально оговаривается.

Евпраксия Олимпийской из Сборной минеи-четы на июль, XVI в. — ГБЛ, ф. 304, № 678 (Мин. № 678) (об этом тексте см.: В. А. Дыбо, В. А. Кучк и н. Болгарский текст в русской минее XVI в. «Byzantinobulgarica», П. Sofia, 1966); 5. Норовская псалтырь XIII в. — ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 285 (Нор. пс.); 6. Служебник патриарха Евфимия Тырновского — библиотека афонского Зографского монастыря, № 1 (Служ. Евф.), издан П. Сырку в кн.: «К истории исправления книг в Болгарии», т. I, вып. II. СПб., 1890; 7. Зографский свиток, содержащий «Устав литургии св. Иоанна Златоуста» Евфимия Тырновского (Зогр. св.), издан П. Сырку в указанной книге; 8. первые 13 листов «Пандектов Никона Черногорца»

	Восточно-болгарские	Западноболгарские *	
М. р. Род. ед.	—	—	вѣла (Рыл. № 1/26, 28)
	—	оѣла (Поуч. Ис. Сир. 31а)	оѣла (Поуч. Ис. Сир. 99а)
	ѡ плѣда	ѡ плѣда (Рыл. № 1/26, 33)	плѣда (Поуч. Ис. Сир. 53б, 109а)
	живѣта	живѣта (Поуч. Ис. Сир. 86б)	живѣта (Поуч. Ис. Сир. 102а)
Твор. ед.	грѣхѣ ^х	грѣхѣ (Поуч. Ис. Сир. 14б)	сѣ грѣхѣ (Поуч. Ис. Сир. 48б)
	—	трѣдѣ (Поуч. Ис. Сир. 63б)	сѣ трѣдѣ (Поуч. Ис. Сир. 48б)
	пѣтемѣ	пѣтемѣ (Рыл. № 1/26, 31)	пѣтемѣ (Рыл. № 1/26, 28)
Мест. ед.	въ ѡмѣ	въ ѡмѣ (Поуч. Ис. Сир. 75б)	въ ѡмѣ (Поуч. Ис. Сир. 81а)
	въ сѣнѣ	въ сѣнѣ (Поуч. Ис. Сир. 104а)	въ снѣ (Рыл. № 1/26, 36, 41)
	на пѣти	на пѣти (Поуч. Ис. Сир. 50а)	на пѣти (Рыл. № 1/26, 41)
Ср. р. Им.-Вин. ед.	лицѣ	ѣ на лице (Поуч. Ис. Сир. 12б)	лицѣ (Поуч. Ис. Сир. 90а)
	ѣ число	число (Поуч. Ис. Сир. 61а)	число (Рыл. № 1/26, 47)
	лѣже	—	лѣже (Рыл. № 1/26, 28)
Род. ед.	лица	лица (Поуч. Ис. Сир. 61б)	ѡ лица (Поуч. Ис. Сир. 59а)
Мест. ед.	въ лицѣ	на лица (Поуч. Ис. Сир. 61а)	на лица (Поуч. Ис. Сир. 61а)
Им.-Вин. дв.	ѣ плѣци	ѣ плѣци (Поуч. Ис. Сир. 11а)	ѣ плѣци (Поуч. Ис. Сир. 46а)

* В левом столбце представлен вариант, тождественный восточноболгарскому, в правом — специфический западноболгарский вариант.

веро-восточных болгарских диалектов, обобщивших в тв. п. ед. ч. м. р. а. п. с. конечное ударение, западноболгарские диалекты сохранили в этой форме накоренное ударение с возможностью перенесения его на проклитику (табл. 3).

из собрания Н. П. Лихачева — ЛОИИ, к. 238 (Лих.) и некоторые из почерков в части этой рукописи, хранящейся в ГБЛ, ф. 98, № 1.

К системе Киприана относятся: 1. Лествица — ГБЛ, ф. 173, № 152 (Леств.); 2. Псалтырь — ГБЛ, ф. 173, № 142 — первый почерк (Пс. Кипр.); 3. (условно: требует дополнительного исследования) Сочинения Дионисия Ареопажита — ГБЛ, ф. 173, № 144 (Дион. Ареоп).

Северо-восточноболгарские	Западноболгарские
вѣсѣмѣ (Зогр. сб. № 103, 335)	съ вѣсом ^ѣ (Поуч. Ис. Сир. 45а)
гласѣмѣ (Зогр. сб. № 103, 334)	гласѣм ^ѣ (Поуч. Ис. Сир. 76, Рыл. № 1/26, 36)
съ гнѣсѣмѣ (Зогр. сб. № 103, 373)	съ гнѣсѣм ^ѣ (Рыл. № 1/26, 30)
съ мирѣмѣ (Служ. Евф. 47а)	ѣ мирѣм ^ѣ (Поуч. Ис. Сир. 54б)
свѣтѣмѣ (Нор. пс. 266а)	свѣтѣм ^ѣ (Поуч. Ис. Сир. 4б, 54б)
ѣ съ страхѣмѣ (Служ. Евф. 82а)	съ страхѣмѣ (Рыл. № 1/26, 32), ѣ съ·страхѣм ^ѣ (Поуч. Ис. Сир. 8а)
рѣдѣмѣ (Зогр. сб. № 103, 371)	рѣдѣм ^ѣ (Рыл. № 1/26, 40)
чинѣмѣ (Леств. 228б)	чинѣм ^ѣ (Поуч. Ис. Сир. 78б)
съ трепетѣмѣ (Леств. 86а)	ѣ трепетѣм ^ѣ (Поуч. Ис. Сир. 8а)

3. Проблема локализации акцентной системы «О письменех»⁸. По большинству акцентных показателей эта система примыкает к северо-восточной болгарской и может рассматриваться как ее архаичный вариант (архаичны: устойчивое сохранение подвижной акцентной парадигмы в презенсе, в аористе *i*-глаголов, сохранение систем, построенных на законе Васильева-Долобко, архаично и сохранение накоренного ударения в тв. п. ед. ч. основ м. р.). Однако в ней очень последовательно проводится второе ударение, и она встречена лишь в текстах, написанных сербской орфографией (текст Муз. № 3070 представляет собой Хрисовул Охридской церкви). Локализация этой акцентной системы в Македонии должна означать более широкое распространение там в прошлом акцентных систем восточноболгарского типа, отмечаемых сейчас лишь в районе Сухо и Высока⁹.

4. Группировки внутри северо-восточной системы. Что касается текстов, относящихся к северо-восточноболгарской языковой области, то они различаются в основном по отражению в них закона Васильева-Долобко и степени сохранения подвижных типов. Система, условно называемая нами «тырновской», характеризуется наибольшей сохранностью подвижности в глаголе, преимущественно в *i*-глаголах, тогда как

⁸ О письм. и Муз. № 3070. К ним примыкает также Южнославянский текст XV в. с сербской орфографией из собрания В. И. Григоровича — ГБЛ, ф. 87, № 1707 (Григ. № 1707).

⁹ См.: М. Маѣски. Dwie Gwary Macedońskie, I, II. Kraków, 1934—1936.

в ряде текстов, писанных в XV в. в Молдавии («система писца Гавриила»¹⁰), подвижность в значительной степени потеряна, а формы с переносом ударения на частицу *сѧ*, во многом утратив мотивированность, сохраняются как традиционные¹¹ (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

	Тырновские формы	Система Гавриила
През. 1 л.	пѡгѣѡѧ пѡгѣѡѧ сѧ	погѣѡѧ погѣѡѧ сѧ (погѣѡѧ сѧ)
3 л.	пѡгѣѡѧтъ	погѣѡѧтъ
Аорист 1 л.	пѡгѣѡѧхѣ	погѣѡѧхѣ
2—3 л.	пѡгѣѡѧ пѡгѣѡѧ сѧ	погѣѡѧ погѣѡѧ сѧ
Прич. наст. ж. р.	гѣѡѧщѡѧ	гѣѡѧщи (тип гѣѡѧщѡѧ со- храняется у некото- рых глаголов)
Прич. прош. м. р.	пѡгѣѡѧѧ гѣѡѧѧ сѧ, стѧнѡѧ'сѧ	погѣѡѧѧ гѣѡѧѧ сѧ, стѧнѡѧ'сѧ (реже встречается гѣѡѧѧ'сѧ)
ж. р.	гѣѡѧѧщѡѧ	гѣѡѧѧщи (и гѣѡѧѧщи, со- храняющаяся лишь у некоторых глаголов)
l-прич. с сѧ	не засвидетельство- ваны	погѣѡѧѧсѧ

Характерной особенностью молдавских текстов системы Гавриила является сильное колебание в выборе акцентной парадигмы в презенсе глаголов на *-i-*.

¹⁰ Большинство изученных нами памятников этой группы написаны писцом Гавриилом (об этих текстах см.: А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии. СПб., 1906. — Там же и маловероятная гипотеза о тождестве этого лица с Григорием Памблаком). К ним относятся: 1) Отрывки из сборника 1447 г. писца Гавриила — ГБЛ, ф. 178, № 923; 2) Слова постнические Василия Великого 1444 г. — ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 8 по «Первому прибавлению к описанию рукописей. . . библиотеки А. И. Хлудова» А. Попова. М., 1875 (Вас. Вел.); 3) Сборник житий и слов 1448 г. писца Гавриила — БАН, 13.3.19 (Сб. № 19); 4) Сборник поучений второй четверти XV в. — БАН, 13.3.20 (Сб. № 20); 5) тексты из Сборников № 106 — 1437 г. и № 20 — 1441 г. Нямецкого монастыря (см. Сб. ОРЯС, т. 83, № 2. СПб., 1907 и А. И. Яцимирский. Указ. соч.); 6) тождественную акцентную систему отражает Евангелие конца XV в. (ошибочно относимое к XIV в.) — Одесская гос. научная б-ка им. Горького, собр. В. И. Григоровича, № 27.

¹¹ Акцентовку имени в этих текстах не удается свести к строгой системе, охватывающей все формы, встречаемые в этих текстах, что, возможно, связано с разрушением флексии имени в живой речи писца.

Особое положение занимают тексты, приписываемые руке митрополита Киприана, из которых Лествица (Леств.) и первый почерк Псалтыри (Пс. Кипр.) отражают единую акцентную систему северо-восточноболгарского типа. В этих текстах регулярно остаются без акцентовки формы с «подвижным» акцентом, что может говорить о сильных колебаниях в ударении этих форм. В основных своих частях эта система близка «тырновской», но возвратные формы 1 л. презенса и 2 и 3 л. аориста от глаголов а. п. с получают ударение на слоге, предшествующем частице *са*.

5. А к ц е н т о л о г и ч е с к и е к р и т е р и и о п р е д е л е н и я юго-восточноболгарских текстов. Вопрос о текстах, которые можно было бы отнести к юго-восточной части болгарской территории, остается открытым. Основными акцентологическими критериями для установления таких текстов должны быть два: 1) наличие восточноболгарской рецессии ударения и 2) оттяжка ударения на приставку во 2 л. ед. ч. пов. накл. по крайней мере у глаголов а. п. с. Последняя черта является архаизмом в южноболгарских диалектах и не могла не отразиться в памятниках. Нами такие тексты не обнаружены.

Кириллические надписи на кошель, принадлежавшем, по преданию, венгерскому королю Иштвану (Степану) первому

II. К и р а й

1. В венском музее (Schatzkammer) хранится кошель, который по преданию принадлежал венгерскому королю Иштвану первому. Этот кошель до сих пор не подвергался всестороннему изучению, достойному значения объекта. Первое описание кошелька было опубликовано в 1883 г.¹, а в дальнейшем кошель как памятник изучался А. Ипои² и Л. Мирковичем³.

¹ Aus dem Schatze des Capuciner-Kloster in Wien. Mittheilungen der k. k. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst- und Historischen Denkmale. Wien. Neue Folge IX, 1883, стр. 111—114.

² I p o l y i A. A magyar szent korona és a koronázási jelvények története és műleírása. Bp., 1886, стр. 193—199. (А. И п о и. История и описание венгерской королевской короны и регалий).

³ Л. М и р к о в и ч. Црквени уметнички вез. Београд, 1940, стр. 45—48.

2. Как на лицевой, так и на обратной стороне памятника имеется кириллический текст. На лицевой стороне находятся следующие надписи: в середине выведены греческим шрифтом сокращения $\text{ic } \chi\tau$, а кругом — по направлению слева направо — стоят следующие имена: (наверху в середине, по-видимому, вышито имя $\text{c}\tau\text{ρα}\text{φ}\text{ι}\text{μ}\text{ι}\text{ζ}$, но оно из-за более поздней накладки четко не видно), $\text{μ}\text{ι}\chi\alpha\text{-}\mu\text{ι}\chi\alpha$ 'Михаиль', σι 'Власий'(?), $\text{ο}\text{ρι}\text{η}\text{λ}$ 'Ориель', $\chi\tau\text{ρ}\text{o}$ 'Хѣровимъ', $\text{ρ}\alpha\text{φ}$ 'Рафаиль', $\text{ν}\text{ικ}\text{o}\lambda$ 'Никола', $\text{γ}\alpha\text{β}\text{ρ}\text{i}$ — $\text{γ}\alpha\text{β}\text{ρ}$ 'Гаврииль'⁴.

Считаю необходимым выяснить, нет ли какой-нибудь надписи на нижней поверхности лицевой стороны памятника, прикрытой каймой.

На задней стороне кошеля имеется два текста: один в крестовом обрамлении, другой на нижней полосе кошеля.

В крестовом обрамлении вышит следующий текст: $\text{ε}\delta\delta\text{i } \tau\text{i}$
 $\text{μ}\alpha\tau\alpha$ $\tau\text{η}\varsigma\alpha$ $\text{n}\alpha$ $\text{n}\alpha\varsigma$ $\text{n}\eta\mu\alpha$ i $\text{k}\alpha$ $\text{k}\tau\text{i}$.

На нижней полосе памятника находится следующая надпись: $\text{β}\epsilon$ $\delta\text{i}\epsilon\alpha\text{δ}\text{ρ}\text{i}$ $\text{n}\eta$ $\text{β}(\lambda)\alpha\text{γ}\text{o}\lambda\text{o}\kappa\text{i}$ $\text{n}\eta$ i $\text{π}\text{ρ}\text{o}\varsigma\kappa\tau\text{i}$ $\text{μ}\epsilon$ to $\text{n}\alpha$ $\text{n}\eta$ i $\text{o}\mu\alpha\text{i}$.

Обе надписи задней стороны кошеля были впервые опубликованы в немецком переводе, а затем их опубликовал А. Ипоу на венгерском языке⁵. Кириллический текст впервые был опубликован Г. Крайняком, а за ним Мирковичем⁶.

2. 1. С лингвистической точки зрения об указанных надписях можно сказать следующее.

Фонетический облик имен, находящихся на лицевой стороне, не представляет особого интереса; заслуживает внимания лишь сохранение τ в слове $\chi\tau\text{ρ}\text{o}$.

Текст обеих надписей, вышитых на задней стороне, большей

⁴ Уже в Mittheilungen было указано, что вокруг Христа можно видеть несколько фигур, а именно Херувима, Есаия, Николая, Серафима, а также архангелов Михаила, Гавриила и Рафаэля. Ср. Mittheilungen N. F. IX (1883), стр. 113—114. Этот перечень, однако, не полон, так как не упомянут архангел Уриель, а кроме того, он и не точен, потому что имя Исаия на памятнике не отражено. Указанные имена греческим шрифтом и кириллицей — как на кошеле — были опубликованы Мирковичем: $\text{ic } \chi\tau$ — $\mu\text{ι}\chi\alpha$, $\text{γ}\alpha\text{β}\text{ρ}$, $\text{ο}\text{ρι}\eta\lambda$, $\text{ρ}\alpha\text{φ}$, $\text{σε}\alpha(\text{φ})\text{i}(\text{μ})$, $\chi\text{ε}\rho\text{o}$, $\text{ν}\text{i}\kappa\text{o}\lambda$, $\text{c}(\text{β}\text{ε}\tau\text{i})$ $\text{i}(\text{o}\alpha\text{n})$ $\mu\text{i}\alpha\lambda$ (!)[$\sigma\text{i}\gamma\text{n}\eta$]. (Указ. соч., стр. 47). Однако — как можно в этом убедиться — и это чтение не точно, а кроме того, последнее имя разясняется неправильно, так как автор не заметил, что имена Михаил и Гавриил вышиты два раза, причем одно из двух имен не $\mu\text{i}\alpha\lambda$, а $\mu\text{ι}\chi\alpha$; впрочем, в связи со словом $\mu\text{i}\alpha\lambda$ и сам автор делает замечание, что правильной формой было бы $\mu\text{i}\alpha\sigma\text{i}\tau\text{i}\eta\text{i}$ (указ. соч.).

⁵ Ср.: Mittheilungen. . . , стр. 114. I p o l y i A. Указ. соч., стр. 197.

⁶ G. K r a j n y á k. Szent István veszprémvölgyi donatiójának görög egyházi vonatkozásai (Г. Крайняк. Византийско-греческие церковные отношения дарения короля святого Степана в Веспремвельдь) «Századok», LIX—LX (1925—1926), стр. 506; J. M i r k o v i c h. Указ. соч., стр. 47.

частью тоже соответствует старославянским (древнеболгарским) нормам. Ср. применение ъ, ѳ: в парном положении они не встречаются; ъ в слабой позиции сохраняется: м[и]л[о]ѳга; ѳ в слабой позиции в одном случае отражен, в другом же случае нет: кѳ ~ наѳ. Гласный ѣ этимологический не встречается (а фигурирует как графема, но об этом будет сказано ниже); ж должен был выступить лишь в одном случае, но на его месте мы находим ѣ — бѣди; ѣ встречается в двух местах, а в одном случае вместо него стоит а: кѣки, проѣкѣти ~ ныма; ѳ сохраняется в четырех случаях, а в одном случае заменен буквой и: ныма, ны ~ ны, на ны ~ кѣки. Из морфологических явлений назовем форму вин. п. ны, соответствующую первоначальной форме.

Из упомянутых явлений особый интерес представляет ѣ на месте ж. (Об остальных явлениях будет идти речь в связи с орфографическими свойствами). Переход ѣ в и в русском языке произошел в X в.⁷ Так, например, уже в Остромировом евангелии (1056) в нескольких случаях мы находим оу на месте первоначального ж: коупѣи, водоу, морѣ⁸.

2. 2. С точки зрения историко-орфографической особое внимание следует уделить применению знака а на месте первоначального ѣ и ѳ: ткоа им. п. ед. ч. ж. р. ~ ныма. В связи с этим нужно отметить следующее: в памятниках русского языка звукосочетание ja (ѣ) стали обозначать знаком а после падения носового е. В этой функции знак а местами выступает уже в Остромировом евангелии, хотя а как правило обозначало там первоначальное носовое е. В остальных памятниках русской редакции буквы а и ѣ применяются во всех позициях одинаково, безо всякой системы варьируясь друг с другом. Употребление этих знаков становится более или менее регулярным и последовательным лишь в конце XII в., когда в положении после согласных стали писать знак а, а после гласных и в начале слова ѣ. Например, ѣгда из XI в. и стаѣ бѣа из XII в. (ср. Срезн. Мат. III, стр. 1631, 1677—1678)⁹. Иными словами это значит,

⁷ К. Ногалек. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1962, стр. 130; П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 71: «в середине X в. в языке восточных славян в древнерусском языке носовые перешли в чистые ртовые и 'а».

⁸ Ср.: Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 320; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, III. СПб., 1903, стр. 1677—1678.

⁹ Другие данные: 1095—1096: земля им. п. ед. ч. ~ земли, ся (< se), ако ~ ако. Ср.: «Liturgické mineje» севернорусского происхождения; V. Vondrák. Církevněslovanská chrestomatie. V. Brně, 1928, стр. 210—212, 216 — XI в.: анѣдра им. п. ед. ч., мѣа декабрьа род. п. ед. ч., мѣа апрѣла род. п. ед. ч., мѣа маяа род. п. ед. ч., ср. «граффити XI в.». См.: С. А. Висоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., I. Киев, 1966, стр. 18, 24—25, 37, 47, 53.

что форма ткса, вышитая на кошеле, заменяющая первоначальную форму ткса, относится к периоду между XI и концом XII в., так как здесь знак л выступает в положении после гласного. Так же можно оценивать и знак л на месте љ в слове ѡна. Основанием этого послужил тот факт, что старославянское ѡнѣ в русской огласовке звучало как ѡна. Нужно отметить, что, по моим сведениям, форма ѡна засвидетельствована с XII в., вариантная же форма ѡна с XI в.¹⁰

Другие явления, заслуживающие внимания с точки зрения истории орфографии: (на) на: в конце слова отсутствует знак ѡ. Ср. в этой связи: падение ж и л в слабой позиции в памятниках русской редакции засвидетельствовано уже в XI в., причем как внутри слова, так и в конце слова. Например, ѡ — Остромирово ев., стр. 1, Тмуторок. надпись (1068), памат — Литург. миц. (1095—1096)¹¹, князѣ, книги — 1068, 1073, 1076¹². — (кѣ) кѣки: в этом слове на месте первоначального ѣ стоит и. Подобные явления в русских памятниках встречаются с XI в., например, рѣка, фѣуники — Изб. 1073, небесакима, кѣ — Четвероев. 1144 (ср. Срезн.: Мат. I, 1015—1016).

2. 3. Надписи на изучаемом памятнике слишком коротки для того, чтобы в вопросе редакции можно было бы занять во всех отношениях определенную позицию. Все же мне думается, что появление графемы л на месте ѡ — это своеобразная русская черта — определенно позволяет сделать предположение о русской редакции текста надписей¹³. Здесь нужно упомянуть,

¹⁰ Ср. ѡна: Кир. Тур., 29 — Калайд., см. Срезн. Мат. II, стр. 480; ѡна: Изборник 1076 г., л. 117 об.; л. 131 об., 948, и. т. д. (В этом памятнике форма на -л встречается одиннадцать раз); Мстиславово ев. 1125 г., л. 213 (запись); Миней XI—XII вв. (июль), л. 52 об. (запись); Сборник Троицкий XII—начало XIII в., л. 178 об.; Миней XII в. (июль), л. 116, л. 114 об.—115 (эти данные я получил из картотеки «Древнерусского словаря», по любезности Р. И. Аванесова); Сказ. Бор. Гл., см. указ. место I, 485.

¹¹ V. V o n d r a k. Указ. соч., стр. 212—213.

¹² Ср.: Срезн. Мат. III, 1615—1618; П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 99—100: выпадение ѣ, к в слабой позиции началось не позднее XI в.

¹³ Ср.: K. N o g á l e k. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1962, 313; «Ruská redakce v důsledku ruských hláskoslovných změn směšuje ж, ѡ с ѣу, ю, дале л, ѡ с ѡ . . .». Стоит сравнить и то, как обозначаются форма тѡа и слово ѡнѣ в памятниках разных редакций. Psalt. Sin.: мѡасть твоѣ Ps. 32, 22, дѡа моѣ Ps. 33, 3, мѡасть твоѣ, рѣснѡта твоѣ Ps. 66, 11, дѡа моѣ, мѡасть твоѣ Ps. 62, 2, 4, земѣ им. п. ед. ч. Ps. 66, 7, ѡнѣ «Словарь» 297, ѣже Ps. 32, 22; С. Северьянов. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Пг., 1922 (этот глаголический памятник был написан в Македонии, ср.: Slovník jazyka staroslověnského. 2. Úvod. о. с. LXIV. — Apost. Enin.: твоѣ им. п. ед. ч. ж. р. 216, 4, ѣрѣсть твоѣ [ѣ] 32а, 1, ѣже им. п. ед. ч. ж. р. 226, 4, 29а, 1, ѣо встречается только это (Речник 256), земѣ им. п. ед. ч. 266, 7, 32а, 14, земѣ им. п. ед. ч. 19а, 8 (Речник 236), ѡнѣ встречается только

что до меня уже Mittheilungen и Миркович считали эти надписи памятником русской редакции¹⁴.

2. 4. Вероятным временем возникновения памятника можно считать лишь вторую половину XI и XII вв. Стоит указать, однако, на то обстоятельство, что в текстах памятника нет ни одного явления, характерного исключительно только для XII в.

Все же, на основе результатов палеографического и предметно-исторического анализа создание изучаемой ткани и вышитых на ней надписей должно быть отнесено к концу XII в. Таким образом, кошель не мог принадлежать Стефану первому, время господства которого относится к началу XI в. Тем не менее с достаточным основанием можно считать, что изучаемый памятник является одним из предметных памятников венгеро-русских связей средневековья.

это (Речник 243), ср. еще «За означение на звук ѣ служи винаги ꙗ: и се среца в целия ръкопис само 8 пъти»; ср.: К. Мирчев, Хр. Кодов. Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в. София, 1965, стр. 183 (это — памятник кириллический, возникший в Болгарии) Psalt. Вон. ~ Psalt. Рог: мнѡстѣ твоѡ Ps. 32, 22 ~ мнѡстѣ твоѡ' там же, доуша моѡ Ps. 33, 3 ~ дѡша моѡ' там же, мнѡстѣ твоѡ Ps. 56, 11 ~ мѡтѣ твоѡ' там же, слава твоѡ Ps. 16, 15 слава твоѡ' там же, ѡко Ps. 56, 11 ~ то же, земѡкъ дасть Ps. 66, 7 ~ земѡкъ дасть там же, нѡнк Ps. 2, 10 ~ ннк там же, нѡнк Ps. 16, 11 ~ ннк там же; Ср.: V. Jagić. Словѣнскѡм псалтѣрь. Psalterium Bononiense Vindobonae—Berolini—Petropli, 1907 (... codex... redactionis bulgaricae saec. XIII... ср.: «Slovník jazyka staroslověnského». 2. Úvod. о. с. LXIV), Ягич приводит параллели в указанной выше работе и из Погодинской псалтыри; Psalt. Рог. '... codex... redactionis bulgaricae saeculo XII exeunte scriptus...' (ср. Slovník...). Относительно нового издания Psalt. Вон., ср. Болонски псалтир. Psalterium Bononiense. Български книжовен паметник от XIII в. Изд. Иван Дуйчев. София, 1968 — Psalt. Sluck.: мнѡстѣ твоѡ Ps. 118, 41, Ps. 118, 76, доуша моѡ Ps. 118, 81, 167, моѡтѡ моѡ Ps. 118, 169, рѡка твоѡ Ps. 118, 173. Ср. V. Jagić. Specimina Linguae palaeoslovenicae. Образцы языка церковнославянского. СПб., 1882, стр. 52—56; M. Weingart—J. Kurz. Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského. V Praze, 1949, стр. 100—105 ('Psalterii fragmentum Slucense, 5 folia vetustissimi textus cyrillici cum nonnullis elementis russicis, saeculo XI scripti...') ср. Slovník LXIV). — Приведенные здесь памятники свидетельствуют о том, что знак ѡ в них не заменяет первоначальные и и ꙗ, а в этой функции выступают знаки ꙗ и ѡ (а').

¹⁴ Ср.: «... Die in russisch-altslovenischer Sprache...» (см.: Mittheilungen., стр. 114; «... текстови на другој страни кесе: Бѡди ꙗ и т. д. су рускословенске рецензије...; ... споменути рускословенски текстови...» (ср.: Л. Миркович. Указ. соч., стр. 47).

Варианты церковнославянского языка в Македонии в первой половине XIV века

Б. Конеский

В истории церковнославянского языка специальный интерес представляет вопрос о контакте его различных вариантов (редакций) на определенной территории. Такая ситуация сложилась в Македонии в начале XIV в. в связи с распространением сербской редакции церковнославянского языка.

Известное сближение орфографических навыков в результате контакта с сербской письменностью наблюдалось в северной Македонии еще в XIII в. На это определенно указывает такой, например, северомакедонский текст этого времени, как Вранешницкий апостол. Сохраняя юсовое письмо с характерной для данного периода меной юсов, этот текст вместе с тем характеризуется употреблением только одного *ѣ*, как в сербской редакции. Впрочем, сохранение одной еровой буквы, находило опору в том, что в северомакедонских говорах *ѣ* и *ѣ* в корне слова совпали в одном звуке.

Пример с Вранешницким апостолом показателен. Здесь сохраняется традиционное юсовое письмо с определенными правилами постановки юсов, хотя эти правила совершенно не отражают действительного положения в северомакедонских говорах. А в случае с ерами, правописание которых в македонских текстах XIII в. характеризуется неустановленностью, принимается правило, характерное для сербской письменности, и его усвоение облегчается тем, что оно полностью соответствует положению в северомакедонских диалектах.

Этот контакт получает иные черты в новой обстановке, возникшей в связи с расширением сербского государства, включившего в свои границы в конце XIII—начале XIV в. македонские земли. Перемена состояла в усилении употребления церковнославянского языка и расширении его функций, с одной стороны, а с другой в том, что создавались условия для внедрения сербской редакции под давлением новой государственной и церковной власти.

Наиболее ярко обогащение функций церковнославянского языка в данный период проявилось в том, что его начинают употреблять в надписях на фресках и в других надписях в церквях Македонии. До начала XIV в. в македонских церквях употреб-

лялся в этой функции греческий язык. Этот факт понятен, если иметь в виду длительное византийское господство и то, что Македония была центральной областью Охридской архиепископии, руководимой греками. Расширение сербского государства на юг сопровождалось отделением епархий северной и центральной Македонии от Охридской архиепископии и их включением в сербскую архиепископию.

Хотя греческий язык не был полностью вытеснен из употребления в церковных надписях, в течение XIV в. церковно-славянский язык в этой функции завоевывал все новые позиции в Македонии. Вместе с тем для старой македонской юсовой редакции оставалось все меньше возможностей утверждения в этой сфере, потому что и в других функциях ей пришлось отступить перед сербской редакцией.

Тем больший интерес представляют, хотя и малочисленные, примеры юсового письма в упомянутом употреблении. Юсовое письмо встречаем в надписях на свитках в росписях церкви св. Богородицы с. Сушица, Скопско, в самом начале XIV в. Это, пожалуй, единственный известный в настоящее время случай, когда македонский вариант встретился в церкви без параллельно употребленного сербского варианта. В церкви св. Георгия в с. Старо Нагоричино, построенной по велению короля Милутина, юсовое письмо находим в датируемой 1313 г. ктиторской надписи над входом, в то время как в других славянских надписях, правда, немногочисленных, так как здесь еще преобладает греческий язык, употреблен язык сербской редакции. Церковь в Старо Нагоричино была расписана в 1318 г. В Лесновском монастыре (церковь расписана около 1346—1349 гг.), где почти полностью преобладает сербская редакция, юсовое правописание имеется на двух свитках в алтаре и наосе. Текст свитка на фреске с изображением св. Николая гласит следующее: Рече Гд азъ юсма дкврѣ мнѡж аще кто кнѣдетъ спсѣтъ га бѣнѣдетъ и изыдѣтъ и пакът(не) швращѣтъ. Как видим, кроме юсов, в этом тексте употребляются обе еровые буквы. Для полноты картины упомянем, что в надписи на изображении ктитора этого монастыря, деспота Оливера, употреблен юс в слове ксеа (сербские земле).

Приведенный нами материал, несмотря на всю свою скудость, все-таки освещает некоторые важные стороны контактов македонского и сербского вариантов церковнославянского языка в первой половине XIV в. Прежде всего он дает нам возможность более точно определить временные рамки всего процесса. Можно также заключить, что юсовое письмо отступало постепенно и что не следует предполагать какой-либо резкой замены его сербским вариантом в той новой исторической обстановке, которая сложилась в Македонии в рассматриваемый период. Мы видели, что

юсовый вариант использовался даже в ктиторских надписях. Наконец, тот факт, что указанные надписи мы встречаем в церквях северной Македонии, где сербское влияние было наиболее ярко выражено, также свидетельствует в пользу предположения о постепенном переходе к сербскому варианту.

Особую важность приобретают наблюдения над церковными надписями, если их сравнить с материалом, который нам предоставляют в этом отношении рукописи и некоторые записи, сделанные в Македонии в первой половине XIV в.

Во времена короля Милутина в Скопле жил поп Никола, от которого осталось три рукописи: паремейник (известный под названием Хлудов паремейник), одно евангелие и один апостол¹. Евангелие и апостол, по мнению И. Иванова, были переписаны, вероятно, в 1313 г., как это можно заключить из следующей приписки, сделанной писцом: *писа љж сита книга ка Скопи градѣ попоу Градоу вратоу ми ѿ Винька ка дни Оуроша краѣ Милутина егда поби Тоуркж ка градѣхѣ*. Один из этих писцов, которые как и поп Никола, были воспитаны в традициях старой македонской письменности, оставил нам, как мы видели, надпись этого времени в церквучке св. Богородицы в с. Сушица, Скопско. В записях пона Никола ѣ решительно преобладает, но употребление юсов не один раз отступает от правила, проведенного во Вранешницком апостоле.

Личность другого македонского писца первой половины XIV в. в связи с рассматриваемой темой нам открывается больше. Это Станислав, который в 1330 г. переписал пролог в Лесновском монастыре и оставил послесловие к этому своему списку². Станислав употребляет юсовое правописание, решительно предпочитает ѣ, хотя у него встречается и з. Но в 1342 г., переписывая по заказу деспота Оливера один мишей, он пользуется уже сербской редакцией.

Здесь мы имеем яркий пример того, как македонские писцы переходили от одного варианта церковнославянского языка к другому. И здесь дело не в резком отказе от местной традиции. Мы видели, что в надписях Лесновского монастыря 1346—1349 гг. еще встречается, хотя и ограниченное, употребление юсового правописания. Такие писцы, как Станислав, выученные по традициям македонской письменности, участвовали в создании этих надписей. Может быть, он сам также принимал в этом участие. Для этих писцов старая система письма была настолько живой, что она проявлялась стихийно. Как, например, в уже упомянутой надписи на фреске с изображением деспота Оливера,

¹ И. И в а н о в. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 103—105.

² Там же, стр. 161—164.

которую мы приводим целиком: *дза раба хѣка ивана шликера по
 мѣти бжии гна ми крапа стефана виха ѿ сраблѣма велика начелника.
 Пома велики слбга пома велики ксеевода пома велики (секастокра-
 тора?) за вѣрно емо поработанине по мѣти бжиен и великы деспота
 вѣса срабскыне земле и помораскыне и ѿчестника гракомѣ. По «ошибке»
 появился здесь малый юс во ксеа, а ошибки в падежах в этом
 небольшом тексте указывают, что писец происходил из македонской среды.*

То, что в Лесновском центре письменности юсовое правописание вытеснялось постепенно, особенно ясно видно из того факта, что даже в 1353 г. так называемый Лесновский паренесис был написан по правилам этой орфографии. «Если судить по почерку, — пишет Й. Иванов, — паренесис, по-видимому, был переписан Станиславом или же его учеником». Второе кажется более вероятным, так как в приписке к паренесису писец извиняется за возможные ошибки таким образом: *понеже не вѣха писаца, нж повелѣнѣма господина ми епископа арсенѣа начротоха сѣха книга.* Конечно, Станислав не сказал бы о себе, что он не писец. Мы не можем упускать из виду и тот факт, что даже рукописи, выполнявшиеся по заказу епископа, в северной Македонии в 50-х годах XIV в. были написаны по правилам юсового письма. Несмотря на то, что обстановка была благоприятной для расширения сербской редакции и что в какой-то мере можно говорить о ее форсированном введении, едва ли на основе фактов, приведенных здесь, можно считать, что в отношении употребления письменных вариантов церковнославянского языка существовала какая-либо исключаемость. Как обстояло дело с произношением при богослужении, мы знать не можем.

Впоследствии сербская редакция завоевала престиж в Македонии, как это несколько позднее случилось и в западной Болгарии. Преобладание сербской редакции чувствовалось вплоть до XVIII в.

Однако не следует думать, что мы понимаем это как полное господство сербской редакции в ее «классическом» виде. Черты старой македонской письменности встречаются в большей или меньшей мере и позднее. Тщательное изучение этого вопроса представило бы интересную страницу истории языка славянской письменности в Македонии. Здесь мы лишь заметим, что стимулы к обновлению традиции могли идти с разных сторон. В этом отношении особенно нужно учитывать роль Святой Горы.

Перевела с македонского
 Р. П. Усикова

Предлог *оу* в посессивной функции в истории болгарского языка

К. Мирчев

Греческие сочетания форм третьего лица настоящего, прошедшего или будущего времени глагола *εἶναι* с дательным падежом существительного или местоимения, означающим лицо, которое обладает или не обладает чем-либо, в староболгарских памятниках передаются дословным переводом, например: не *бѣ има чада* Мар. Лк. I, 7; *οὐκ ἦν αὐτοῖς τέκνον*; *те двамата нямаха дете*; *δύο χρεοφειλέται ἦσαν δανειστῇ τινι — един заемодавец имаше два длъжника*; *дъщги иночада бѣ ёмоу* Мар. Лк. VIII, 42, *θυγάτηρ μονογενῆς ἦν αὐτῷ — той имаше дъщеря единствено чедо*; не *бѣ има мѣста къ обитѣли* Мар. Лк. II, 7 — *οὐκ ἦν τόπος ἐν τῷ καταλύματι — те двамата нямаха (за тях двамата нямаше) място в обиталището*¹. Вместо *εἶναι* в более редких случаях в греческих оригиналах может стоять и другой глагол, выражающий существование, например: *аште бждеть етеросу чыкоу. ρ.окецз* Мар. Мт. XVIII, 12 — *ἐὰν γένηται τι ἀνθρώπῳ ἑκατὸν πρόβατα — ако някой човек има сто овце*.

Отличительной чертой дательной формы в отмеченных конструкциях является то, что она, помимо своей функции косвенного дополнения, заключает в себе и оттенок локального значения, что ей отводит известную обстоятельственную синтаксическую роль². Эти конструкции являются старым наследием не только в греческом языке, но и в староболгарском и встречаются в ряде других индоевропейских языков. Вот почему в их дословном староболгарском переводе нельзя усматривать какое-то подражание. О зависимости между оригиналами и переводом можно говорить

¹ Р. Мразек считает, что в примерах, подобных последнему, дательный падеж содержит следы своего первичного значения предназначения, из которого, по его мнению, развилось дополнительное значение обладания, характерное для указанных выше староболгарских примеров. У него приведены следующие случаи с подобными семантическими следами: *сѣде тѣмѣ нѣсть мѣста* Треб. 37а, 24; *нѣсть лишеникъ воцрнимъ са его* Син. 33, 10. См.: Р. Мразек. Дательный падеж в старославянском языке. «Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага, 1963, стр. 244.

² А. М и н ч е в а. Развой на дателен притежателен падеж в български език. София, 1964, стр. 24—25.

только в связи с частотой примеров в староболгарских переводных текстах, обусловленной, очевидно, их частотой в греческих оригиналах³. О регулярном функционировании этих конструкций в староболгарском языке свидетельствуют и немногочисленные, но весьма показательные случаи их употребления в оригинальных сочинениях староболгарских писателей. Приведем несколько примеров. Из «Беседы» пресвитера Козьмы укажем следующие случаи: *нѣсть имъ коспрѣтацаго шт тѣх дѣлєзъ зых* гл. VIII; *такъ бо естъ обычаи диаколу* гл. XIII; в предисловии Иоанна Экзарха к переводу «Небес» Й. Дамаскина находим следующий типичный пример — *попки чѣто естъ ино дѣло разкѣ оучєна (каква друга работа има свещеникѣт освен поучєниєто)*; *обычаи естъ богатицѣмъ* Жит. Конст. гл. III; *ѣкоже нѣсть обычаи чокѣкомъ* Жит. Меф. гл. XII.

Как и в большинстве славянских языков, в истории болгарского языка указанный старинный способ выражения обладания, владения, весьма стабильный в период IX—XI вв., начал выходить из употребления и полностью исчез. Согласно данным Троянской повести XIV в., написанной, как известно, на весьма непринужденном в синтаксическом отношении языке, дольше всего в болгарском языке сохранялись конструкции с дательной формой личного местоимения и формой будущего времени глагола *быти*, например: *да моу не бѣдетъ скъды — да си няма свада; до колѣ ми не бѣдетъ дѣци агамена царѣ... не хощѣ ихъ поустити — докато нямам (не притежавам) дѣщерята на цар Агамен... не ще ги пусна*. Оба примера дательного падежа имеют семантический оттенок предназначения. Современный болгарский язык не сохраняет уже ни малейшего следа синтаксической модели *манѣ естъ*, которая заменена моделью *аз имам*.

Об известной конкуренции между двумя оборотами еще на староболгарской почве свидетельствует тот факт, что греческое сочетание формы глагола *εἶναι* с дательным падежом в одном единственном месте староболгарского перевода евангелия передано не дословно, а глаголом *имѣти*, ср. *не имамъ гдє каштє пати хлѣбъ* Лк. IX, 13 — *οὐκ εἶσιν ἡμῖν πλεῖον ἢ ἄρτοι πέντε*. Так как это отклонение от греческого текста типично для всех староболгарских евангельских текстов, можно допустить с большой вероятностью, что оно было свойственно первоначальному переводу евангелия. Любопытным является, однако, факт, что цитируемый у пресвитера Козьмы (гл. XXXI) отрывок из евангелия Мт. V, 46, которому в греческом тексте соответствует *τίνα μισθὸν ἔχετε*, передан следующим образом: *каа кам мазда естъ вместо кѣж маздѣ иматє*, как во всех уцелевших староболгарских евангельских текстах. Из этого факта мы можем

³ Р. М р а з е к. Указ. соч., стр. 243.

заклЮчить, что в X в. в Болгарии существовали переводы евангелия, в которых глагол ѣхѣи переводился сочетанием мнѣ естѣ. Этим подтверждается стабильный характер данного сочетания в болгарском литературном языке X в.

Помимо конструкций с глаголом имѣти, конкурентами модели мнѣ естѣ еще на староболгарской почве являются конструкции с предлогом оу и родительным падежом. Эти конструкции в староболгарских памятниках представлены скудно. Несколько шире они отражены в среднеболгарских памятниках, но все же остаются в количественном отношении незначительными. Несмотря на это, случаи употребления этих конструкций важны прежде всего потому, что дают нам доказательства такого синтаксического развития в болгарском языке, которое считалось до настоящего времени характерным только для русского языка.

Наиболее достоверный пример дает нам Ассеманиево евангелие, где отрывок ἐὰν γένῃται τινὶ ἀνθρώπῳ ἕκατὸν πρόβατα Mt. XVIII, 12 переведен следующим образом: аште вѣдетѣ оу етера чѣка. ꙗкоца⁴. В остальных староболгарских евангелиях дается перевод: аште вѣдетѣ етеросу чѣкосу. ꙗкоца. Несколько особенным является пример, который нам предлагает Саввина книга: кѣде оу насѣ кѣ поуѣтѣ мѣстѣ хѣбѣз толико Mt. XV, 33 на месте греческого текста с глагольным эллипсисом — πῶθεν ἦντῶν ἐν ἐρημίᾳ ἄρτοι τωσούτοι. Здесь поссесивное значение более тесно переплетается с локальным. Остальные староболгарские евангелия дают в этом месте глагол кѣзати: отѣ кѣдѣ (отѣ кѣдосу) кѣзмемѣ на поуѣтѣ мѣстѣ хѣбѣз (Зогр., Ассем., Мар.). То обстоятельство, что в Остромировом евангелии соответствующее место передано откѣдоу намѣ кѣ поуѣтѣ мѣстѣ хѣбѣз толико свидетельствует, что староболгарский текст, с которого делался русский список, оставался верным греческому оригиналу со своим намѣ для передачи ἦντῶν с ясно подчеркнутым поссесивным значением.

Среди среднеболгарских евангельских текстов, которые сохраняют нетронутой староболгарскую синтаксическую модель мнѣ естѣ, выделяется Добрейшево евангелие XIII в. с одним единственным отклонением — не бѣше оу нем чѣда Лк. I, 17 вместо сохраняемого везде в староболгарском и среднеболгарском не бѣ има чѣда. Следует отметить тот факт, что отклонение в указанном среднеболгарском памятнике не совпадает по месту с отклонением в Ассеманиевом евангелии. Известно, что в тексте Добрейшева евангелия представлено много новых языковых черт. Отмеченное отклонение от староболгарской нормы, возможно, является делом его переписчика. Однако оно может

⁴ А. Вайан в своей книге «Руководство по старославянскому языку» подчеркивает, что здесь сочетание оу етера чѣка имеет смысл 'un homme a' (A. Vaillancé. Manuel du vieux slave. Paris, 1948, стр. 184).

также рассматриваться как доказательство того, что этот среднеболгарский памятник переписывался с более старого болгарского евангельского текста, который не имел связи с оригиналами Ассеманиева евангелия. Таким образом, открывается известная вероятность более интенсивного функционирования соответствующих предложных конструкций в староболгарскую и среднеболгарскую эпоху.

Ряд примеров предложных сочетаний «оу+родительный падеж» в посессивной функции мы находим в Манасиевой хронике. Перевод этой написанной в стихах византийской хроники был сделан в Търново в середине XIV в. весьма архаичным языком, несмотря на проникшие местами морфологические и лексические инновации. Перечислим эти примеры:

дъшти вѣ оу царѣ мидскаго 24 — θυγάτηρ ἦν τῷ βασιλεῖ τῶν Μήδων; вѣше сынъ оу царѣ кира именемъ змердѣ 28 — ὑπῆρχε παῖς τῷ βασιλεῖ Κύρῳ τὴν κλησιν Σμέρδης; оу сего кѣ царѣ езпржжница еѣодора 120 — τοῦτῳ συνῆν τῷ βασιλεῖ σύζυγος Θεοδώρα; нж таковыми дарми цареки исплзнтемоу не вѣ оу него дзцере ни сына 120 — ἀλλὰ τοιαύτας χάριτας τῷ βασιλεῖ πλουτοῦντι οὐκ ἦν θυγάτηρ, οὐχ υἱός.

Помимо употребления при глаголе εἶναι, в указанных примерах дательный падеж стоит и при его близких синонимах συνεῖναι, ὑπάρχειν. Эти предложения весьма однообразны по лексическому составу. Примечателен тот факт, что единственный пример сочетания «оу+родительный падеж» с посессивным значением, который мы находим в Троянской повести, полностью совпадает с ними в лексическом отношении, ср. 8 того вѣ кралѣ. Ѣддцери. Последний пример особенно важен для нас потому, что он представлен в памятнике, язык которого чувствительно отклоняется от традиции и дает немалый доступ болгарской разговорной речи XIV в. Однообразный лексический состав предложений с предлогом оу в посессивной функции в указанных болгарских памятниках XIV в. дает нам известное основание предположить, что посессивные оу-конструкции в болгарском языке, прежде чем исчезли полностью, употреблялись в ограниченных пределах для выражения обладания лицами узкого семейного круга — сын, дочь, супруг, супруга.

Как видно из изложенного выше, в истории болгарского языка предлог оу развил в известной степени посессивное значение, но позже его утрачивает. Таким образом, намечается параллель к развитию этого предлога в русском языке. Известно, что посессивная функция предлога оу является широко развитой особенностью как исторического, так и современного русского синтаксиса. С течением времени конструкция *у меня есть* со значением владения и обладания в значительной степени ограничивает употребление синонимической конструкции *я имею*. Этот процесс считался типично русским на том основании, что он чужд ка-

кому бы ни было другому славянскому языку. Приведенный в этой статье болгарский языковой исторический материал, как уже было отмечено, показывает, что подобное развитие могло иметь место и вне границ русского языка. Специальную и, очевидно, весьма трудную для разрешения проблему представляет вопрос, почему в русском языке это явление принимает широкие размеры, а в болгарском языке, слабо проявившись в прошлом, оно полностью исчезает.

Надо отметить, что о параллельных связях русской конструкции *у меня есть* со староболгарским материалом говорится не впервые. В своей работе «Синтаксис предлога *оу* с родительным падежом в старославянском языке»⁵ К. И. Ходова привела отмеченные нами выше примеры из Саввиной книги и Ассеманиева евангелия с предложными *оу*-конструкциями «для передачи греческого дательного». Ею не подчеркнуто, однако, что в данном случае речь идет о «дательном притяжательном» в греческом языке. Примеры из Саввиной книги и Ассеманиева евангелия К. И. Ходова дает в качестве дополнения к приведенному ею староболгарскому материалу, в котором предлог *оу* употреблен в локальном значении, но с посессивным оттенком на месте греческого предлога *παρά*, причем всегда при глаголе *бѣти* со значением 'иметься, существовать'. Нет никакого сомнения, что посессивная функция предлога *оу* развилась на основе его локальной функции, шире всего представленной в староболгарском языке. Обособленные К. И. Ходовой в отдельную группу случаи локального употребления предлога *оу* при глаголе *бѣти* в указанном его значении представляют действительно самый близкий переходный этап к использованию предлога *оу* в посессивном значении. Поэтому мы их приводим ниже полностью:

ѡзъ томъ же домоу рѣкъъѡаите ꙗджште и пижште ꙗже сътъ оу ниъхъ Мар. Лк. X, 7; нѣнѣ прослави ма ты отче... славоу ꙗже имѣхъ. рѣжде даже не бѣтъ миръ оу тебе Мар. Ио. XVII, 5; впогасъ моѣ оу тебе естъ Син. пс. XXVIII, 8; оу тебе естъ источникъ живота Син. пс. XXXV, 10; оу тебе естъ источникъ животоу Син. евх. 79, 5; оу тебе естъ дръжаба Син. евх. 64, 6—7; водъ же оу немъ възма не вѣше. из отъ рѣкы ефрага ношааста Супр. 547, 29; огнѣ во... кеса естъ оу имъштадо Супр. 95, 5.

Важным и совершенно правильным является комментарий, который К. И. Ходова дает к перечисленным примерам: «Специфическая ситуация, создаваемая соотношением лексических компонентов, приводит здесь к возможности присоединения к локальному значению значения владения, обладания предметом, находящимся в близости к лицу. В некоторых же случаях на-

⁵ «Scando-slavica», XII, стр. 96—114.

звание лица становится названием владельца, т. е. локальное значение исчезает. Красноречивое указание на новое осмысление формы заключено в примере: и принесоша юликоже къаше оу н'его коумира. съребраны и златы Супр. 6. 28. 'Кумиры не были в непосредственной близости к лицу, пока их не принесли, но они уже были (то-есть имелись) у того лица, принадлежали ему'⁶.

Приведенный в предложенной здесь статье староболгарский и среднеболгарский материал дает нам достаточное основание сделать следующее заключение о развитии притяжательных оу-конструкций. В праславянском языке был широко представлен так называемый дательный притяжательный типа *manĕ estъ — mihi est — moi ěstĭ*. В семантическом отношении он содержал и известный оттенок локальности. Эти конструкции хорошо сохраняются и в староболгарских памятниках. С X в. на болгарской почве начинается их частичное вытеснение предложными оу-конструкциями с родительным падежом, в которых предлог оу вследствие весьма ясного семантического развития теряет свое локальное значение и становится предлогом для выражения притяжания. Это семантическое развитие предлога было облегчено его употреблением при глаголе къѣти в конструкциях, означающих, что нечто у кого-то существует. Следует допустить, что в это же время отмеченные процессы развились и в русском языке, где притяжательные оу-конструкции получают широкое распространение, в то время как в болгарском языке они рано исчезают.

Перевела с болгарского
М. Г. Рожновская

Окказиональные смещения падежных форм в старославянском языке

К. И. Ходова

1. Понятие оппозиции в плане содержания предполагает разложимость сопоставляемых единиц означаемого на часть общие, частью различные элементы — дифференциальные признаки означаемого или семантические дифференциальные признаки. Формы языка, выражающие четко противопоставленные единицы плана

⁶ К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 106—107.

содержания, по идее, должны и четко разграничиваться¹, поэтому смешение форм, представляющих коррелирующиеся единицы означаемого, служит указанием на превращение их коррелятивного семантического признака в несущественный и бывает правилом, например, при нейтрализации противопоставления в ее начальной фазе, когда «архисема» — совокупность дифференциальных семантических признаков, общих для двух «семем», — реализуется в виде вариантов, а константная форма ее манифестации еще не выработана². Однако явление нейтрализации действительно только для тех случаев, «когда речь идет о синтагматически обусловленном отсутствии дифференциального признака в данном множестве»³, и следовательно, чтобы с полным правом констатировать нейтрализацию, требуется как обязательное условие наличие нейтрализующего контекста⁴. Между тем известны случаи, когда колебания в выборе форм, представляющих противопоставленные друг другу единицы смысла, наблюдаются вне нейтрализующего контекста, в позиции релевантности противопоставлений: в тех же самых условиях, где формы максимально различаются по значениям, они могут и смешиваться. Следуя примеру А. Мартине, мы называем такие смешения окказиональными⁵, потому что они не отражаются непосредственным образом на системе значений (не затрагивают систему). Уместно в данном случае обратить внимание на аналогичное разграничение, предложенное А. Мартине для звукового уровня. Согласно этому окказиональное изменение звуковой субстанции следует отличать от перманентного. Первое вызывается некоторыми случайными обстоятельствами. Это — явление «достаточно исключительное для

¹ «„Значимой“ оппозиции (т. е. оппозиции между означаемыми) может соответствовать любой тип отношений между означающими, лишь бы они были различны»; «оппозициям, членами которых являются единицы плана содержания, соответствуют лишь различия в плане выражения», — констатирует Т. В. Булыгина (см.: Т. В. Булыгина. Грамматические оппозиции. К постановке вопроса. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 192—193).

² Константная форма манифестации архисеммы диахронически следует за ее вариантной формой. См. К. И. Ходова. К вопросу об осуществлении нейтрализации семантических противопоставлений (на материале старославянских падежей с предлогами). — ВЯ, 1970, № 5.

³ Вяч. Вс. Иванов. Понятие нейтрализации в морфологии и лексике. «Бюллетень объединения по вопросам машинного перевода». М., 1957, вып. 3, № 5, стр. 55.

⁴ См. об этом, например: А. Мартине. Нейтрализация и синкретизм. — ВЯ, 1969, № 2, стр. 109.

⁵ Используется термин А. Мартине, примененный им по отношению к звуковым вариациям в работе «Структурные вариации в языке» (см. раздел «Окказиональные и перманентные звуковые вариации») «Новое в лингвистике», вып. IV, М., 1965, стр. 459—460].

того, чтобы не оказывать устойчивого влияния на различительные параметры языка»⁶.

Замена одной формы через другую в позиции релевантности противопоставления вызывается, вероятно, двумя различными факторами, которые, возможно, иногда пересекаются. Прежде всего, не все различительные возможности языка оказываются одинаково актуальными для всех актов коммуникации: в зависимости от конкретных целей высказывания выявление некоторых семантических дифференциальных признаков бывает то более, то менее необходимым. Во-вторых, следует принимать в расчет и чисто субъективный фактор. Спорадические случаи смешения грамматических форм могут идти от неумения или нестарания обозначить достаточно сложные представления, уже известные и разграничиваемые в масштабе всего языка.

Но не принятый во внимание в одном случае, коррелятивный признак восстанавливается и снова выражается отчетливым различием форм в другом случае, так что оппозиция в целом не нарушается. В этом отношении окказиональные смешения форм, представляющих коррелирующиеся единицы плана содержания, существенно отличаются от тех, которые известны в условиях нейтрализующего контекста, где взаимная мена форм является обязательным и неотъемлемым свойством всего языка.

Ниже мы рассмотрим окказиональные смешения предложно-падежных и беспредложных форм имени существительного в старославянском языке.

2. Формы имени существительного максимально различаются по значению в тех случаях, когда они передают наиболее конкретные представления, главным образом пространственные; можно полагать, что каждая из них — как падеж без предлога, так и падеж с предлогом — была вызвана к жизни как раз для того, чтобы служить целям различения этих древнейших представлений, возникших на базе практического опыта. Но старейшие формы имени существительного — синтетические или беспредложные — за долгую историю своего существования эти первоначальные значения почти полностью утратили; в славянских языках конкретные значения у беспредложных падежей встречаются очень редко и с трудом различаются. Семантическую недостаточность падежной флексии в области выражения конкретных отношений восполнило соединение падежной формы имени существительного с предлогом. Беспредложные падежи перешли, в основном, в сферу выражения грамматических функций: «... наряду с „конкретным“ употреблением, где необходим предлог, абстрактные значения не требуют предлога: творительный падеж без предлога выражает способ совершения действия,

---

⁶ А. Мартине. Структурные вариации в языке, стр. 459.

в то время как творительный падеж с *sz* указывает на сопровождение»⁷, — заметил А. Мейе.

3. В тех рамках или сочетаниях, в которых функционируют формы имени существительного, несущие конкретные значения, присутствие одной формы исключает присутствие другой, возможной в том же сочетании; иначе говоря, в одних и тех же условиях употребления одна из форм может стать предметом выбора, продиктованного целями и намерениями говорящего. Существование таких отношений между формами и позволяет считать, что их значения находятся в оппозиции друг к другу⁸.

Условия, в которых наблюдается большее или меньшее число семантических противопоставлений, определяются в терминах лексической семантики имени и глагола, образующих словосочетание с формой имени существительного. Большинство предложнопадежных форм максимально различаются в условиях максимальной (но не абсолютной!) свободы от ограничений такого рода.

Рассмотрим некоторые примеры оппозиций единиц означаемого, выражаемых формами имени существительного. Остановимся только на тех оппозициях, для которых характерны случаи окказиональных смещений форм, представляющих семантические противочлены. Попутно выявим и сами случаи таких смещений в области форм.

а) Форме «между + твор.», сигнализирующей о том, что местом действия является пространство, замкнутое несколькими предметами (чаще всего двумя), противостоит по значению употребляющаяся с теми же глаголами, состав которых весьма широк, форма «*posrědk* (*posrědku*) + род.», которая вносит в эту характеристику важное уточнение, касающееся положения действия и действующего предмета в таком пространстве. Эта форма содержит по сравнению с первой лишний дифференциальный признак, указывающий на центральное положение в замкнутом пространстве, и ее значение образует тем самым по отношению к значению формы «между + твор.» отмеченный член привативной семантической оппозиции. Между двумя близкими, но все же различающимися значениями делается выбор, и в соответствии с целями высказывания останавливаются на одной из

⁷ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 371.

⁸ Ср. определение сигнификативных оппозиций, принадлежащее А. Мартине: «... оппозиция определяется как отношение между двумя такими единицами, которые взаимно исключают друг друга в некоторой точке высказывания или, другими словами, присутствие которых в этой точке противопоставлено... Единицы, находящиеся в оппозиции друг к другу, или, что то же самое, входящие в один класс, — это, конечно, те единицы, между которыми говорящий должен каждый раз делать выбор для того, чтобы построить нужное ему сообщение» (А. Мартине. Структурные вариации в языке, стр. 455—456).

форм их выражения. Ср.: между нами и вами пропаде великѣ оут-
крьди $\epsilon\alpha$ μεταξὺ + род. Лука XVI, 26, Супр. 373, 17⁹, но: по $\epsilon\rho\tau\alpha\tau\epsilon$
настоящій жизни. I градъштіи. $\epsilon\lambda\delta\iota$ κτήνη $\epsilon\tau\delta\alpha$ ἐν μέσῳ Клоц. 13
b 37, Супр. 451, 11. Однако отличие понятия центрального по-
ложения в каком-либо промежутке от понятия любого положения
в каком-либо промежутке, как видно, не всегда одинаково
важно, потому что формы «между + твор.» и «по $\epsilon\rho\tau\alpha\tau\epsilon$ + род.»
иногда употребляются без различия, в соответствии одной и
той же форме греческого оригинала. Вот некоторые параллели:
между закономъ и пророки въкоупѣ проповѣдаемъ ἐν μέσῳ Супр.
451, 7 — по $\epsilon\rho\tau\alpha\tau\epsilon$ закона I пророкъ. въ коупѣ проповѣдаемъ ἐν μέσῳ
Клоц. 13 b 33; между бѣтма разбойника бога. разумноумоу
разбойнику $\tau\alpha\kappa\lambda\iota\alpha$ $\epsilon\alpha$ ἐν μέσῳ Супр. 451, 8 — по $\epsilon\rho\tau\alpha\tau\epsilon$ бѣтма раз-
бойника бѣ. разумноумоу разбойноу $\tau\epsilon\kappa\lambda\iota\alpha$ $\epsilon\alpha$ ἐν μέσῳ Клоц.
13 b 35.

б) Формам «на + лок.» и «къ + лок.», обозначавшим замкнутое
пространство как место действия (их семантических различий
мы здесь не касаемся), противостоит по значению употреб-
ляющаяся с теми же глаголами, лексико-семантический состав
которых весьма широк, форма «по + дат.», указывающая не только
на то, что пространство, в котором происходит действие, замк-
нуто, но также и на то, что действие в этом пространстве рас-
средоточено или распределено. Значение формы «по + дат.» яв-
ляется по отношенію к значениям форм «на + лок.» и «къ + лок.»
отмеченным членом привативной оппозиции: при выражении
определенных ситуаций делается выбор между «на + лок.» и «по +
дат.», «къ + лок.» и «по + дат.» Ср., например: $\gamma\eta\iota$ $\epsilon\sigma\tau\alpha$ ... късе-
лена и късі жикъшгеі на неі Син. пс. 23, 1, но: $\omega\tau\alpha$ него же
подвѣжатъ $\epsilon\alpha$ жикъшгеі по оуселенті Син. пс. 39 b 8. В то же
время из материала бывает ясно видно, что форма «по + дат.»
иногда очень слабо отличается по значению — или совсем не
отличается — от форм «на + лок.» и «къ + лок.». Ср. чередования
форм в параллельных местах: $\rho\iota\sigma\tau\alpha$ $\rho\iota\sigma\tau\alpha$ $\rho\iota\sigma\tau\alpha$ по пжти ἐν
ὄψῳ Мат. XXI, 8 Мар., Савв. — в Зогр. на пжти; $\rho\omega\kappa\epsilon\mu\tau$ $\rho\omega\kappa\epsilon\mu\tau$
народоу къзлещи по $\tau\epsilon\tau\epsilon\kappa\tau$ ἐπί + дат. Мат. XIV, 19 Савв. — на $\tau\epsilon\tau\epsilon\kappa\tau$ Мар.,
Ассем., Остр.; $\epsilon\lambda\iota\delta\epsilon$ $\epsilon\lambda\iota\delta\epsilon$ $\epsilon\lambda\iota\delta\epsilon$ его къ късен $\epsilon\lambda\iota\delta\epsilon$ $\epsilon\lambda\iota\delta\epsilon$ Мат. IV, 24

⁹ В статье употребляются следующие условные сокращения. Для евангелий:
Ассем. — Ассеманиево, Деч. — Дечанское, Зогр. — Зографское, Мар. —
Маринское, Ник. — Никольское, Остр. — Остромирово, Савв. — Сав-
вина книга. Для других памятников: Клоц. — Клоцов сборник, Син.
евх. — Синайский требник, Син. пс. — Синайская псалтырь, Супр. —
Супрасльская рукопись. Примеры из евангелия, не имеющие специальных
помет об источнике, приводятся по Маринскому кодексу.

Зогр. — по кѣти сирии — Деч. Переписчики, допустившие в этих случаях мену форм «по + дат.» и «на + лок.», «по + дат.» и «кз + лок.», видимо, не считали существенным выявлять или не выявлять средствами языка при описании ситуаций, наблюдаемых в приведенных примерах, такой признак как рассредоточенное распределение в замкнутом пространстве.

в) Нескольким синонимичным предложнопадежным формам, реализующим семему пространственной связи или близости, в том числе форме «при + лок.», противостоит по смыслу форма «прѣдз + твор.», употребляющаяся при тех же самых глаголах, минимально ограниченных по их лексическому составу. Кроме признака близости, общего у нее с формой «при + лок.», она несет в себе еще признак положения впереди предмета. Ср.: по кѣга дани сѣдѣхъ при кѣга прѣс + дат. Мат. XXVI, 55 Мар., Ассем., Савв., Остр. Ник. (в Зогр. сѣдѣхъ сз ками), но: се си стоатъ прѣдз товож прѣс + род. Супр. 59, 4. Семема, представленная формой «прѣдз + твор.», по отношению к семеме, представленной формой «при + лок.» и синонимичными ей формами, является отмеченным членом привативной семантической оппозиции. Нам известен, однако, один пример чередования в параллельном месте, который указывает на необязательность различения в определенной ситуации таких важных пространственных представлений, как близость и положение впереди: Петръ же стоѣше при дѣрехъ канѣ прѣс тѣ дѣрѣ Ио. XVIII, 16 Мар., Зогр., Ассем. (в Савв. — прѣдз краты канѣ).

г) Форме «отз + род.», обозначающей предмет, близ которого или в пределах которого находится исходный пункт движения, противостоит форма «из + род.», обозначающая исходный пункт, расположенный внутри замкнутого пространства. Значение этой последней формы относится к значению формы «отз + род.» как отмеченный член привативной оппозиции. Условием релевантности противопоставления служит сочетаемость с глаголами движения: бтиде отз мѣста того Супр. 518, 29, но: изиди изъсѣда сего Син. евх. 55, 23. Но ср. взаимную мену коррелирующих форм в позиции релевантности противопоставления: да не ѓ сѣмѣницѣ изгнанѣ вѣдѣтѣ Ио. XII, 42 Ассем. (и-сѣмѣницѣ Мар., Зогр., и-сѣворица — Остр.); изиде и-црѣкке Ио. VIII, 59 Мар., Зогр. (ѓ црѣкке — Ассем.); изходаштаа из него ѓп' адтоб Марк. VII, 15 Мар. (штѣ него — Ник.).

д) Форме «отз + род.», обозначающей предмет, близ которого или в пределах которого находится исходный пункт движения, противостоит форма «сз + род.», обозначающая предмет, на поверхности которого находится исходный пункт движения. Условием релевантности противопоставления служит сочетаемость с глаголами движения. Форма «отз + род.» обозначает неотме-

ченный член семантической оппозиции, форма «сз + род.» — отмеченный член. Ср.: *бтиде отъ мѣста того Супр. 518, 29, но: спаде коумира сз мѣста ского еѣ Супр. 33, 15.* Но в позиции релевантности противопоставления формы могут смешиваться: *гради от нѣге надъ кѣмѣ еста ѣх Ио. III, 31 Ассем. (сз нѣге — Мар.).*

е) Как было сказано в п. 2, семантические оппозиции имени существительного выражаются в старославянском главным образом различиями предложноподлежащих форм. Беспредложные падежи в подавляющем большинстве случаев обозначают чисто синтаксические различия, так как эти падежи, будучи формами объектов, занимают разные позиции по отношению к глаголу, принадлежат к различным парадигматическим классам и «связаны отношением „in praesentia...“, которое представляет собой не оппозицию, а контраст»¹⁰. Вместе с тем имеется участок таких отношений, где означаемые двух беспредложных падежей — родительного и винительного объекта, занимающих одну и ту же позицию при одних и тех же глаголах — соотносятся как противочлены коррелятивной оппозиции.

В старославянском родительный и винительный объекта противопоставляются по семантике при ограниченном круге глаголов: это глаголы преимущественно совершенного вида, не имеющие приставок количественного значения. Имена существительные, от которых образуются две формы с коррелирующимися значениями, также входят в замкнутую лексико-семантическую группу: они имеют не «предметное», а вещественное, собирательное или отвлеченное значения¹¹.

Ср.: *вздѣнѣ намъ дѣха сѣгаго тѣсого Супр. 22, 4, но: вѣдоу-нетъ къ ны сѣги доухъ Супр. 321, 15.*

¹⁰ Т. В. Булыгина. Грамматические оппозиции, стр. 205—206. См. об этом также в работе: S. L a m p a c h. Remarques sur la neutralisation des oppositions grammaticales. «Travaux de l'Institut de Linguistique», v. II. Paris, 1957, стр. 190—192.

¹¹ Описание условий релевантности семантического противопоставления родительного и винительного объекта для восточнославянских языков выполнено в работах: А. М. Кузнецова. К вопросу о глагольной переходности и значении так называемого родительного разделительного. «Уч. зап.» МГПИ, 1960, т. 158; Она же. Выражение прямого объекта в современных украинских говорах. «Уч. зап.» МГПИ, 1962; Она же. Некоторые вопросы управления приставочных глаголов в русских, украинских и белорусских говорах (на материале переходных глаголов с приставкой *на-*). «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964. — Эти условия оказались близкими к тем, которые наблюдаются в старославянском. См. об этом также в работе: К. И. Ходова. О неоднозначности понятия «падежное значение» (на материале старославянского языка) (в печати).

Перед нами весьма необычное и даже уникальное явление: семантический коррелятивный признак проявляется, несмотря на то, что он связан определенными, весьма немногочисленными сочетаниями, т. е. в условиях, в которых он должен был бы стать несущественным, а оппозиция нейтрализоваться.

По типу отношений между членами оппозиция привативная, значение родительного является здесь маркированным членом. Содержание оппозиции определяется по-разному разными авторами; в настоящее время преобладает точка зрения, согласно которой родительный несет значение неопределенного объекта в противоположность винительному, несущему значение определенности¹².

Винительный и родительный объекта с коррелирующимися значениями иногда смешиваются, что указывает на несущественность их противопоставления в некоторых ситуациях. Например: егда же прииѣтъ оцага и҃зъ Ио. XIX, 30 Мар. (прииѣтъ оцага — Зогр.); ошзали вѣдѣхъ кз града да брашана коупага Ио. IV, 8 Мар. (брашано — Остр.).

4. Уже из этих примеров, неполных по составу и извлеченных из источников, круг которых ограничен дошедшими до нас памятниками, очевидно, что окказиональные смешения форм, выражающих члены коррелятивных грамматических оппозиций, — явление не исключительное, но достаточно широкое. Существование в языке грамматической оппозиции, как видно, вовсе не означает, что в позиции релевантности она должна реализоваться в незамысловатой последовательностью и что выражение коррелятивного признака четким противопоставлением форм одинаково актуально во всех ситуациях и для всех пользующихся языком. Исходя из этого, кажется возможным ввести для грамматики такое понятие как степень реализуемости оппозиции в условиях релевантности: она зависит от большей или меньшей последовательности и обязательности в различении при помощи форм языка коррелирующихся единиц означаемого. Вероятно, эта степень различна и для разных оппозиций в одну и ту же эпоху (так, в старославянском она невысока для оппозиции «между+твор.» : «посрѣдѣ+род.», так как эти формы часто смешиваются), и для одной и той же оппозиции в разные эпохи. Наиболее последовательно различаются противочлены эквивалентных оппозиций, менее последовательно — привативных.

Каковы возможные последствия окказиональных смешений, могут ли они таить в себе ростки каких-либо инноваций?

¹² См.: Т. В. Булыгина. О сочетаниях с родительным падежом в современном литовском языке. «Lietuvių kalbotyros klausimai», II. Vilnius, 1959; А. М. Кузнецов а. Выражение прямого объекта в современных украинских говорах, стр. 86.

При окказиональных смещениях, как показывают наши материалы, не только форма неотмеченного члена ставится на место формы отмеченного члена, но возможно и обратное, т. е. смещения не имеют направленного характера; именно поэтому колебания и не вызывают сдвигов в системе. Но если бы смещения форм имели определенную направленность, состоящую или в регулярной замене формы отмеченного члена формой неотмеченного члена, или, наоборот, в систематическом предпочтении формы отмеченного члена, — то этот процесс привел бы к расплыванию, а потом и тотальному разрушению оппозиции, которая лишилась бы одного из способов внешнего различия двух единиц означаемого.

Значение приафъективной приставки *при-* в языке старославянских памятников

Р. М. Цейтлин

В старославянских памятниках употребляется всего девять прилагательных с приставкой *при-*: *приимчлнз* (Супр.)¹, *прилежанз* (Зогр., Мар., Ас., Сав., Евх., Супр., Ен.), *приаплнз* (Супр.), *припжтлнз* (Супр.), *пристрашлнз* (Зогр., Мар., Ас., Супр.), *прикръблнз* (Зогр., Мар., Ас., Сав., Син., Евх., Супр.), *пригранз* (Супр.), *приазникз* (Супр.), *приагланз* (Мар., Ас., Сав., Евх., Хил.). В пяти из приведенных здесь слов приставка *при-* отглагольного происхождения. *При-* в них не является словообразовательной приметой прилагательных, так как последние образованы (непосредственно или опосредствованно) от глаголов, уже осложненных этим префиксом. Так, например, *прилежанз* образовано от

¹ В статье употребляются следующие условные сокращения. Для евангелий: Зогр. — Зографское, Мар. — Мариинское, Ас. — Ассеманиево, Сав. — Саввина книга, Унд. — Листки Ундольского; для остальных памятников: Евх. — Синайский евхологий, Ен. — Енинский апостол, Клоц. — Клоцов сборник, Рыл. — Рыльские глаголические листки, Син. — Синайская псалтырь, Служ. — Синайский служебник, Супр. — Супрасльская рукопись, Хил. — Хиландарские листки.

В круглых скобках после старославянского слова указываются памятники, в которых оно употребляется, вслед за указанием памятников может быть в случае надобности указано арабской цифрой общее количество известных по старославянским текстам употреблений данного слова, а также его греческие соответствия.

глагола *прилежати*, *прижтънъ* — от страдательного причастия прошедшего времени *прижтъ*, *прижтъникъ* — от отглагольного существительного *прижтънъ*. Во всех этих словах так же, как и в *приимичънъ* и в *приимѣнъ*, *при-* сохраняет свое приглагольное значение приближения, присоединения². Здесь же следует упомянуть и четыре прилагательных со сложным префиксом *непри-*: *неприжтъникъ* (Зогр., Мар., Ас., Сав., Унд., Евх., Служ., Супр., Рыл., Еп.), *неприжтънскъ* (Евх.), *неприимѣнъ* (Евх.), *неприжтънъ* (Евх.).

Остальные четыре прилагательных на *при-* (*прижтънъ*, *прискръбънъ*, *пристръшънъ*, *пригъранъ*) или непосредственно образованы от основного прилагательного посредством данной приставки или унаследовали ее от имени существительного, которое оказалось незафиксированным в языке сохранившихся до нашего времени старославянских рукописей³. *При-* здесь отчетливо „неглагольно“ по своим значениям, и эти значения труднее поддаются определению, чем у множества префиксальных старославянских глаголов и образованных от них слов.

Существующее мнение о том, что *при-* в *прискръбънъ* и *пристръшънъ* имеет усилительное значение, неточно⁴. Рассмотрим эти прилагательные.

Прижтънъ (Супр., 1, *παρόδιος*): *ѣдѣ ѣа патрѣдръски къ прижтънѣи ѣни*. Супр., 250, 15. Данное прилагательное означает ‘находящийся, расположенный у дороги, придорожный’. Греческое прилагательное-соответствие имеет примерно то же значение; приставка *παρ-* в данном случае имеет значение смежности. Ср. *жтънъ* (Супр., 1, *τῆς ὁδοῦ*): *тросудна ма жтънъ отъ шѣткѣи жтънадо*. Супр., 118, 22. *Жтънъ* здесь означает ‘относящийся к пути, путешествию’. Таким образом, *при-* в *прижтънъ* имеет

² О значениях приглагольного *при-* в 87 старославянских глаголах говорится в монографии Ст. Слопского: St. Słoński. Funkcje prefiksów werbalnych. Warszawa, 1937, стр. 158—177. — Всего в старославянских памятниках — 127 глаголов с префиксальными *при-* (подсчитано по Словарю Садник и Айтцетмюллера с дополнениями по индексу Мирчева и Кодова к Еп.), что говорит о высокой продуктивности данного словообразовательного типа.

³ Этимологически к этой же группе прилагательных относится и слово *прижтънъ* со своими производными. Бернекер, Вондрак, Станг и некоторые другие исследователи выделяют здесь приставку *при-* (спор идет о корне), но для старославянского языка *прижтънъ*, несомненно, простое слово, а потому в дальнейшем мы им не занимаемся. См. этимологическую часть Словаря Садник и Айтцетмюллера, № 717 и 315, этимологической Словарь Фасмера, а также статью Станга: Chr. S. S t a n g. L'adjektif slave istъ. «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bd. XV, 1949, стр. 343—351.

⁴ F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865, стр. 679 и 681; А. М. Сел и щ е в. Старославянский язык, ч. II. М., 1952, стр. 44; М. В р о д о в с к а - Н о н о в с к а. Słownikotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków—Wrocław—Warszawa, 1960, стр. 224.

вполне ясный смысл обстоятельства места, пространственное значение, полностью совпадающее с основным значением старославянского предлога при⁵. Ср.: *ока оубо падоша при пжти*. Мт., 13, 4 Зогр., Мар.; *и се дзка слѣпца сѣдашга при пжти*. Мт., 20, 30 Мар., Сав. (на пжти — Ас., в Зогр. нет этого листа).

Возможно, припжтанз образовано не от пжтанз, а от не сохранившегося в старославянских памятниках существительного припжтине. Ср. приморие (Супр., 2, αἰγιαλός, τὸ παραθαλάσσιον μέρος): *коликко огтркз. колико рѣкз колико примориа*. Супр., 431, 3.

Прискрзбанз (Зогр., Мар., Ас., Сав., Син., Евх., Супр., 22, περίλυτος, κατῶδυνος). Это самое распространенное прилагательное с данной приставкой. Прискрзбанз встречается преимущественно в тексте евангелия и в выдержках из него: Мт., 26, 38 Зогр., Мар., Ас., Сав.; Евх., 47а, 3; Супр., 383, 8—9; Мк., 6, 26. Зогр., Мар., Ас.; Мк., 14, 34 Зогр., Мар; Л., 18, 23 и 24 Зогр., Мар., Ас., Сав. (оно последовательно сохраняется и в церковнославянских рукописях евангелия). Приведем несколько примеров употребления этого прилагательного: *прискрзбана еста дша моѣ до смрзти*. Мт., 26, 38 Зогр., Мар., Ас., Сав; то же Мк., 14, 34 Зогр., Мар.; Евх., 47а, 3; Супр., 383, 8—9; сходный текст в Пс., 42, 5 Син; *онз же слышакз се. прискрзбанз высктз. вѣ во богатз сѣло*. Л., 18, 23 Зогр., Мар., Ас., Сав.; *рече црѣ дѣвици. емоуже ште хощеши дама ти. и клатз са еи ... хощгж да ми дази оустченж на блндѣ глакж юана крестителѣ. и прискрзбанз высктз црѣ за клатвы ...* Мк., 6, 26 Зогр., Мар., Ас.; ср. печаланз в изложении того же эпизода у другого евангелиста: *печаланз высктз црѣ клатвы ради*. Мт., 14, 9 Зогр., Мар. (λυπέομαι); тако и *покаанзы постз кз мамѣ авѣтетз са прискрзбанз. нз ка вѣкы радостыныя плоды подаетз*. Евх., 69в, 9.

В 21 случае из 22 старославянскому прискрзбанз в греческих протографах соответствует περίλυτος. Основное значение этого греческого прилагательного 'крайне, весьма опечаленный', что и дало основание Миклошичу, Селищеву, Бродовской-Гоновской (см. выше, примечание 4) толковать старославянское прискрзбанз как 'очень печальный'. Анализ всех контекстов с этим словом убеждает нас, что при- здесь не имело значения усиления, указания на предельную степень. Возможно, этого значения не было и в прилагательном περίλυτος в интересующих нас греческих протографах, так как греческая приставка peri- имела не только значение 'сверх, через, весьма' (ср. наречие περί), но и значение

⁵ Ст. Геродес. Старославянские предлоги. «Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага, 1963, стр. 354—355.

‘около, вокруг, кругом’, т. е. значение, весьма близкое славянскому *при-* в его наиболее общем выражении. Именно это второе значение приставки *peri-* в прилагательном *periλυτος*, с ней образованном, передано старославянским *прискръбънъ*. Последнее имело значение ‘охваченный скорбью, в состоянии скорби’⁶. Данное прилагательное, возможно, образовалось от существительного *прискръбию*, которое, как и *припжтине*, не зафиксировано в известных нам старославянских рукописях, но которое употреблялось в более поздних памятниках (в русских словарях *прискорбие* значит с конца XVIII в.). *Прискръбие* образовалось в свою очередь из предлога *при* и существительного *скръбъ*. Ср. старославянское *приморие* (Супр.), *причастие* (Син., Евх., Служ., Клоц., Супр., Хил.) или *везмзлзкие* (Евх., Клоц., Супр.), *вещадие* (Син.)⁷. Ср. то же значение, что и в нашем прилагательном, в предложном сочетании *кз скръби* в ис. 80, 8, Син.: *кз скръби призка ма*. *При-* в *прискръбие* и в *прискръбънъ* имело значение ‘во власти какого-либо чувства, в состоянии чего-либо (радости, печали, страха и т. п.)’⁸. Характерно, что в словаре П. Берынды *прискорбенъ* толкуется как ‘опечаленъ’, в Словаре начала XVIII в. наречие *прискорбно* — как ‘печальный’⁹. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. (ред. Востоков) *прискорбный* толкуется как ‘чувствующий скорбь, огорченный’. Срезневский в своем Словаре объясняет это прилагательное как ‘печальный, скорбный’. Характерно, что церковнославянское *сѣтънъ* ‘печальный’ также имеет своим соответствием *periλυτος*¹⁰.

Единственный случай употребления *прискръбънъ* в соответствии с другим греческим словом протографа *κατωδυνος* также подтвер-

⁶ *Peri-* только один раз (в *periερητος*) выступает как соответствие старославянскому *прѣ-* (в *прѣтрѣвнѣ* Супр., 338, 1).

Характерно также, что *haraх legomenon прискръбънъ* имеет греческое соответствие с приставкой *παυ-* — *παυδυνος* (Супр., 461, 17), которая имеет отчетливо усилительное значение.

⁷ А. Л е с к и н. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915, стр. 135.

⁸ Ср. значение *при-* в древнерусском языке хотя бы в следующих двух словах. *Присърдь* ‘ласково’: *Глагола имъ присърдь* (εις την καρδιαν, ad cor eorum; в сп. XIV в. *въ срѣци*; в др. сп. *присердно, оусердно, присердь, посердь*). Быт. I, 21. *Притужьныи* ‘затруднительный, трудный’. Один из многих примеров: *изби мразъ всяко жито... и бяше притужно людем велми*. Псков. I л. 6822 г.

⁹ «Рукописный лексикон первой половины XVIII века», ЛГУ, 1964, стр. 318.

¹⁰ V. J a g i ć. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, Berlin, 1913, стр. 458. — Для старославянского *сѣтънъ* греческое соответствие неизвестно. Это слово встречается только в Супр. (дважды) в тексте, греческий протограф которого не установлен. Характерно, что составители Загребского словаря не дают при *priskrban* толкования, а ограничиваются примерами из поздних церковнославянских памятников и примечанием о том, что смысл слова неясен («Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», d. XII, 1952).

ждает отсутствие усилительного значения в приставке *при-* в этом слове: *тоу ѿкъмъ къ адѣ низъ печаленъ. сзи древѣе прискръзвнъ за ѿшифа къспра.* Супр., 460, 25. В греческом тексте старославянского печаленъ также соответствует прилагательное *κατῶδυνος* (ср. также *пристрашнъ* с этим же соответствием в Супр., 464, 27). Таким образом *прискръзвнъ* и *печалнъ* в этом контексте выступают как синонимы. Известное значение в доказательстве синонимичности *печалнъ* и *прискръзвнъ* имеет и равноценное их употребление в Мк., 6, 26 и в Мт., 14, 9 (примеры см. выше). *Прискръзвнъ* в своем употреблении в старославянских памятниках теснее переплетается с *печалнъ*, чем со *скръзвнъ*. Интересно, что *беспечалнъ* и *бесскръзвнъ* также употребляются синонимически в значении 'спокойный, тихий, безмятежный': *бес'печално и бескр'вно житие жыкы.* Супр. 492, 16—17 (*ἡσυχίον βίον*). Примечательно также употребление *печалнъ* в ряде церковнославянских кодексов различных редакций на месте *прискръзвнъ* старославянских. Так например, во Врачанском евангелии (среднеболгарской рукописи XIII в.) в Мк 6, 26 находим *печалнъ* (стр. 217), тогда как в других стихах (Мт 26, 38, стр. 164; Л 18, 23—24, стр. 139—140) сохраняется старославянское *прискръзвнъ*. В Вукановом евангелии (сербском тексте рубежа XII—XIII вв.) употребляется *печалнъ* вместо *прискръзвнъ* старославянских кодексов в стихах: Мк 6, 26 (л. 182г 25) и Л 18, 23 и 24 (л.л. 106в 24 и 106г 1), хотя в Мт 26, 38 (л. 161в 22) и Мк 14, 34 (л. 130г 11) сохраняется *прискръзвнъ*. Такое употребление данных прилагательных соответствует и особенностям употребления существительных *скръзъ* и *печала*. И. В. Ягич неоднократно отмечал, что слово *печала* на месте первоначального *скръзъ* характерно в ряде случаев для поздних памятников¹¹. Сопоставляя *скръзѣти* и *прискръзвнъ*, тот же И. В. Ягич не отмечает в прилагательном усилительного значения: «печала соответствует греческому *θλίψις* и *ρέρινα*, первое также *скръзъ*, но *скръзѣти* обыкновенно передает *λυπεῖσθαι*, оттого *περίλυπος прискръзвнъ*, иногда *печалнъ*»¹².

Отметим также, что *прискръзвнъ* 21 раз употребляется при глаголе *бѣти*, 1 раз — при глаголе *ѿкъмѣти сѧ* (также и *покаднъны постъ къ малѣ акаѣтѣ сѧ прискръзвнъ*. Евх., 69в 9), но ни разу в функции определения существительного. Это синтаксическое и синтагматическое ограничение также безразлично для семан-

¹¹ И. В. Я г и ч. Указ. соч., стр. 394; И. В. Я г и ч. Маринское четвероевангелие, стр. 470.

¹² И. В. Я г и ч. Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884, стр. 42.

тического функционирования данного прилагательного, и именно здесь причина неверного толкования значения этого слова. Отенок завершенности действия, имеющийся в выражениях типа *прискръбѣнъ быти* создает семантическую близость к значению усиления: *быть при (в) скорби* → *быть опечаленным* → *наполненным скорбью, печалью* → *быть очень печальным*.

Пристрашѣнъ (Зогр., Мар., Ас., Супр., 11, *ἔκφοβος*, *ἔμφοβος*, *κατάδυνος*, *ἐκκατάπληκτος*). Семь раз это прилагательное употребляется в евангельском тексте: Мк., 9, 6 Зогр., Мар.; Л., 24, 5 Зогр., Мар., Ас.; Л., 24, 37 Мар., Ас. (оно последовательно сохраняется в церковнославянских евангельских рукописях). Четыре раза — в Супр.: 88, 22—23; 121, 18; 162, 24—25; 464, 27. В евангелии старославянскому *пристрашѣнъ* в греческом тексте соответствуют два прилагательных: *ἔκφοβος*, *ἔμφοβος*, оба со значением 'наводящий ужас, страшный'.

Например: не *кѣдѣше* во что *глет*. *пристрашѣни* во *кѣдѣж*. Мк., 9, 6, Зогр., Мар.; *оубоуѣше* же *са* и *пристрашѣни* *выкъше*. *мѣдѣж* *дѣж* *видаште*. Л., 24, 37 Мар., Ас.; *сакеларъ* же *слышѣж* и *пристрашѣнъ* *выкъ*. *откъштѣж* *рече* к *немоу*. Супр., 121, 18 (аналогично Супр., 162, 24—25). Значение и употребление прилагательного *пристрашѣнъ* аналогично значению и употреблению *прискръбѣнъ*. Оно, вероятно, образовано от существительного *пристрашѣнѣ*, не зафиксированного в старославянских рукописях. Миклошич в своем Словаре приводит это слово, но без примеров из памятников. *Пристрашѣнъ* в девяти случаях из 11 употребляется при глаголе (*быти*). Значение прилагательного 'в состоянии страха, исполненный страха, испуганный'. Востоков в Словаре 1847 г. так и толкует это значение: 'приведенный в страх, испуганный'; Срезневский — 'устрашенный'. Усилительное значение во всех евангельских примерах и в двух случаях из Супр. отсутствует. *Пристрашѣнъ* имеет то же значение, что и сочетание *къ страѣ* в таком, например, контексте: и *выкъше* *къ страѣ* *бе* *сзна* *рѣкъше* *до свѣта*. Супр., 71, 3.

В двух случаях из одиннадцати (и неслучайно оба раза в Супр.) *пристрашѣнъ* выступает в необычной функции, в функции определения и в значении 'очень страшный, ужасный'. Например: *къкоупѣ* же и *сзмѣштѣнѣ* и *страѣж* *пристрашѣнъ* *нападаѣтѣж*. Супр., 464, 27 (*κατάδυνος*). Характерно здесь и употребление в роли усилительного эпитета. Ср. также: *нз* не *страшникомъ* *рѣштѣ*. *ни оужаснымъ*. *ни пристрашѣнымъ*. Супр., 88, 22—23 (*ἐκκατάπληκτος*).

В двух последних примерах из Супр. приставка *при-* имеет значение усиления. Она показывает, что данный признак выражен в предмете в предельной степени. В этой своей функции

префикс *при-* полностью дублирует функцию приставки *прѣ-* в старославянских прилагательных типа *прѣвагаъ*, *прѣвеликъ*, *прѣдобръ*, *прѣлѣпъ*, *прѣмрачъ* и т. п., употребление которых характерно для Супр., Евх., Син., Ен. и Клоц. в отличие от евангельских текстов. Употребление *при-* в аналогичных случаях, по всей вероятности, следует толковать как ошибку писца, так как прилагательные с *при-* и *прѣ-* не только были близки по значениям, но и созвучны. Срезневский в своем Словаре приводит ряд таких ошибочных написаний прилагательных с *при-* вместо *прѣ-* в русских памятниках. Например: *привѣщныи* (Мин. 1096 г.), *присловьи* (там же), *пристрашныи* (*Тѣмъ же ти соудижъ пристрашна имоуть имѣти*. Сб. 1076 г.), *приступныи* (Поуч. Влад. Мон.), *приужастьныи* (Иак. Бор. Гл. 116).

Притранъ (Супр., 1, *τρανής*): ... *призыкажштемъ ба. прити на помощга имъ. и акие тому же ажитъ са еппоу. и глас[з] оуслышитъ притранъ глаголжшга к ъмоу. иди къ рабоу моему наиквоу*. Супр., 530, 11. *Притранъ* в данном контексте имеет значение 'исполне ясный, отчетливый, явственный'. Прилагательное выступает в функции определения в тексте Жития Иакова (Супр., стр. 513—532), где усилительные эпитеты, в том числе и прилагательные с приставкой *прѣ-*, составляют одну из характерных черт стиля произведения.

Притранъ считается всеми этимологами словом неясного происхождения, при этом выделяются аффиксы *при-* и *-ан-* и корень *тр* (*ter)¹³. Мы считаем, что данное прилагательное является прямым заимствованием из греческого (*τρανής* 'явственный, ясный, определенный') со славянской приставкой *при-*¹⁴. При этом приставка выступает здесь в значении усиления, т. е. ошибочно вместо *прѣ-* (ср. *пристрашъ* в Супр., 88, 22—23 и 464, 27).

Притранъ в старославянском языке следует считать бессуффиксальным прилагательным. Сопоставление его с другими прилагательными на *-анъ* в этом языке показывает, что, во-первых, *притранъ* — изолированное по своему окончанию прилагательное,

¹³ См. этимологическую часть Словаря Садник и Айтцетмюллера, № 985 (там же литература по этому слову); М. В г о d о w s k a - Н о п о w s k a. Указ. соч., стр. 136. — *Притранъ* и его производные довольно широко представлены в Словаре Срезневского, но там значения слов не всегда позволяют сопоставлять их со старославянским *hara legomenon притранъ*, а потому, возможно, в древнерусских примерах (во всяком случае в части их) следует предполагать другую этимологию.

¹⁴ Ср. аналогичные в старославянском языке образования: *похризмити* и *хризмъ* от *хризма* (греч. *χρῖσμα*) посредством славянских аффиксов *по-* и *-ън-*; *иеренство* и *епискоупство* посредством славянского суффикса *-ство*.

во всех остальных старославянских прилагательных -анз следует после палатальной согласной; во-вторых, с суффиксом -ѣн- (-'ан-) образуются только относительные прилагательные со значением 'состоящий, сделанный из вещества, материала (соответственно значению производящей основы)'. Например: класѣнз, дрѣвѣнз, ѡмѣнз, мѣдѣнз, олоуѣнз и т. п. или можданз, рожанз, цѣтѣчанз, шпизчанз и др. В слове пригранз подобного значения нет.

Анализ употребления прилагательных с приставкой при- в языке старославянских памятников позволяет сделать следующие наблюдения. Приставка при- в старославянских прилагательных приименного происхождения придает слову в целом одно из трех следующих значений: во-первых, 'расположенный вблизи, около чего-либо' (припжѣнз); во-вторых, 'проникнутый, полный какими-либо чувствами' (прискрѣбанз, пригращанз); в-третьих, 'обладающий предельной степенью чего-либо' (пригращанз, пригранз).

Первое значение приставки при- представлено только одним словом, но широкое употребление предлога при в этом значении в языке старославянских памятников и дальнейшая судьба прилагательных с таким значением префикса в различных славянских языках (народных и литературных) позволяет заключить, что наличие только одного слова объясняется экстралингвистически — с одной стороны, сравнительно нечастыми потребностями в такого рода прилагательных, с другой, — в ограниченном количестве известных нам памятников старославянской письменности. Данный случай пример того, когда продуктивность словообразовательного типа и степень употребительности конкретных слов данного типа могут не совпадать.

Слова с приставкой при- во втором значении характерны для всех типов старославянских памятников, и для евангельских рукописей и для Супр. и близких к ней памятников (по времени и условиям создания). Анализ данного значения префиксального при- и путей формирования значений прилагательных на при- в этой функции говорит о том, что в старославянском языке, вероятно, существовало малоупотребительное значение предлога при ('во власти какого-либо чувства, в состоянии чего-либо'), оказавшееся за пределами известных нам памятников.

Приставка при- в третьем значении появилась в языке старославянских рукописей тогда, когда стали достаточно широко употребляться прилагательные (кальки с греческого) с префиксом прѣ- типа прѣвѣлгз, прѣдобрз и т. п. Созвучный последнему исконно славянский префикс при- иногда смешивается с искусственно созданным прѣ- в этом значении. Употребление прила-

гательных с при- в этом значении неслучайно ограничивается в старославянском языке Супр., так как именно в этом памятнике особенно широко употреблялись прилагательные на прѣ-усилительного значения.

Заметки о среднеболгарском Златоусте

Е. В. Чешко

Рукопись известного Златоуста, описанного И. В. Ягичем¹ «Иоанна Златоуста слова и поучения» (Оп. 1—56) в каталоге ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, отнесена к XIII в. С. М. Кульбакин относит этот памятник ко второй половине XIII века². И. В. Ягич датирует памятник концом XIII — началом XIV в. Рукопись, видимо, западно-болгарского происхождения. В ней отсутствует вокализация сильного ѣ в о, и переход ж в а, что исключает почти всю территорию македонских говоров. В памятнике употребляются оба ера с преобладанием ѣ, встречается написание нж (ἀλλα). Обе эти черты типичны для восточноболгарских памятников и встречаются в западноболгарских. Однако беспорядочная мена юсов, характеризующая памятник, исключает восточноболгарские области, где нормировка юсов в этот период строго соблюдалась. Наконец, поздняя правка болгарской орфографии в соответствии с сербскими нормами также указывает на то, что памятник находился в западных областях. Правка проведена черными чернилами, несколько отличающимися от тех, которыми написан текст. Чаще всего по стертому первоначальному тексту выведены буквы ѣ, ю и е, ѳ на месте этимологических ж и а. Иногда нж переправлено на на. К концу рукописи

¹ V. Jagić. Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13—14 Jahrhunderts. «Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften. Philosoph.-histor. Cl.», CXXXIX B. Wien, 1898. — И. В. Ягичем были опубликованы два отрывка. Один в упомянутом выше издании:

это — слово стаго нивана златиуостагу по погребенне тѣлоу гоу егоу ісоу хсоу нисифоу Ѡ аримаетеж и никодимоу на снхтне гоу нашетоу по спсѣти мже дневоу вывш (л. 185—204 об.). Другой отрывок — послание тиверію кесарю в римѣ Ѡ платѣ ш сѣдѣни гоу ншетоу ісоу (л. 10 об.—16 об.) напечатан в «Изв. ОРЯС» (т. III, кн. 3, 1898) в связи с его статьей «Критические заметки к славянскому переводу двух апокрифических сказаний...».

² С. М. Кульбакин. Охридская рукопись апостола конца XII века. София, 1907, стр. LXIII.

эти поправки становятся реже и в некоторых частях исчезают совсем.

XIII век явился переломным периодом в истории болгарского языка. Именно в это время произошли коренные изменения в падежной системе. Так, памятники начала XIII в. отражают только начальные стадии процесса разрушения склонения, в то время как памятники конца XIII в., такие, как Норовская псалтырь, Хлудовская триодь, свидетельствуют уже об утрате ряда падежей и существенных сдвигах в значениях сохранившихся в живом языке падежей.

В своем исследовании Болонской псалтыри В. Н. Щепкин выделяет в среднеболгарской письменности XII—XIII вв. три периода или разряда. К I разряду относятся памятники XII в., ко II разряду — памятники первой половины XIII в., III разряд среднеболгарской письменности относится ко второй половине XIII в. Его «составляют памятники с поколебленными графикою, правописанием, фонетикою и флективным строем. По этой примете третий разряд с самого начала ясно отличается от второго. Но в самом третьем разряде обнаруживается непрерывное ускоренное движение, и к концу его многие перемены, уже намечающиеся с начала, достигают крайних пределов»³. Из сказанного ясно, что уточнение даты написания памятника в пределах XIII в. является необходимым для того, чтобы наблюдаемые в нем особенности в употреблении падежей, которым посвящена эта заметка, могли быть использованы для восстановления каких-то звеньев в истории утраты склонения.

Рукопись Златоуста (Qп 1—56) характеризуется такими особенностями орфографии и графики, которые соответствуют концу III разряда среднеболгарской письменности у В. Н. Щепкина.

1) В памятнике наблюдается беспорядочная мена юсов. Часто Δ встречается на месте ж вне условий старой мены юсов — в позиции после твердых согласных, например: не приггапи 138, градаци 33 об., скрежетъ забомъ 233, саднж 123, сатъ 28 об., 109 об., 169 об.; вѣхъ 100, голубиномъ 64 об., звѣка травнаго 14, тако вадемъ 113 об., гла травѣ 139 об., прѣмдарьно 11 об.; мажи 135 об., прѣди теката млъниа 141, толикъ сила далъ ти естъ 176 об. и др.; в позиции после шипящих и свистящих, например: и трапеца оустрои 151, приведе ѡтрококица 20 (В. ед.); и крава ѣго ѡверѣтоша састдыша са гѣко и камика 70 об., звѣздъ... кытѣкша 28, не наша оубо пахъж хотѣхъж оученици оутоготи нж индѣскъ 179 об. Наоборот ж на месте Δ представлен после исконно мягких согласных; казнѣца ба 102 об.; и мѣста оукъ-

³ В. Н. Щ е п к и н. Болонская псалтырь. СПб., 1906, стр. 72.

даютъ 233, и вѣсж чѣвкы на крѣцине приведе 60, ѿ землж 101; равинж (И. мн. ч.) 234, разроуши сж 83, не стижж сж 82 об., мжжж единѣ любжи пѣстѣнж на мѣстѣ мѣстѣ сѣдж 80 об.

2) ж смешивается на письме с л. Это явление широко представлено в Златоусте: например, единослицномоу 60, единослицатко 65 об., пристѣплѣ 69 об., застѣпникѣ 244 об., рекѣтъ 127 об., обратная замена: ж на месте редуцированных з, л: мжздж 115, 127, 149, 176 об., мжзды 143, 146; тжмж 145 об., вѣ мжгнокѣнне ока 163, за вжсж жизнь 125 об., сжжждет сѣ 142, мѣдз чистж 92, кж сѣвѣ 184, и пронжзе 135.

3) Широко представлено в Златоусте характерное для III разряда смешение ѣ и и. При этом ѣ на месте и встречается значительно чаще, чем обратная замена. Например: вѣдѣти, вѣдѣ, исплѣны сѣ 3, ѣвѣе 38, ѣвѣмы 12, на земѣ 57, отрокѣвѣца 20, монѣвѣты 31, закѣвѣгнѣ 31 об., оубѣвѣы 43 об., сѣвѣвѣрати сѣ 36, истѣвѣнѣкѣ 35 об., ѣвѣвѣвѣтъ 46, молитѣвѣамѣ 54, вѣсѣмѣрѣтыѣ 47.

4) Встречается характерное для данного разряда удвоение букв и в ии, ѣ в ѣи, например: изколѣнѣхѣ 65; покѣвѣстѣвѣнѣичѣ 69 об., нащѣнѣхѣ 71, сѣвѣнѣхѣ 57, мжжѣи 80.

5) Встречаются отдельные примеры смешения ю и оу после л, например, лоуѣжѣи 84—6.

6) Употребляется а вместо ѣ или ѣ после мягких согласных, например: добѣраго правѣтѣла 64 об., вѣвѣка оумѣ 65 об., и вѣвѣткарѣ сѣ поноки 65 об.

7) Употребление ѣ в начале слова и слога, например: ѣѣ 2; ѣкатѣрина 2; ѣс'мы 2, ѣже 3, прѣемѣ 61 об.; наряду с сѣтъ 3, сѣе 60, единж 138.

В графике памятника отражены следующие особенности, относимые В. Н. Щепкиным к III разряду среднеболгарской письменности: у буквы ѣ мачта поднимается выше строки с коромыслом на высоте других букв. У ѣ и т коромысла часто асимметричны, хвостик с одной стороны может доходить до низа строки, например ѣ в словах: мирѣ 78—14; тѣхѣ 78—7 сл., ѣвѣтѣковѣннѣ 70—2, 1 сл.; т в словах тѣ 68—3; ѣтѣрѣча 70 об.—9; чѣстѣвѣнѣамѣ 3—12; в букве н перекадина более отлогая, чем раньше, идет сверху до половины или до одной трети буквы. У буквы и перекадина выше середины, тонкая. В. Н. Щепкин отмечает, что для III разряда характерны новые, произвольные способы написания ж. В Златоусте буква ж сохраняет симметричность, но верхняя часть буквы представляет собой прямую тонкую линию с двумя жирными точками на концах. Нижние дуги полукруглые, правая жирная, левая тонкая (напр. ж 2—7) или обе жирные. Буква з с большим округлым загнутым внутрь

хвостом, начинающимся с низа строки и доходящим до следующей.

Приметы третьего разряда в Златоусте выражены более последовательно, чем, например, в Орбельской триоди, что свидетельствует о более поздней дате написания памятника (Орбельская триодь относится к началу III разряда⁴). Златоуст мог быть написан, видимо, не раньше конца XIII в.

Ошибки в употреблении падежей разнообразны по своему характеру. Златоуст примыкает к группе памятников, в которых наблюдается смешение форм именительного и винительного падежей в словах жен. рода ед. числа старых основ на -а и -ја. В Златоусте встречаются примеры употребления форм именительного падежа вместо винительного, например: ега еумие прпоктада ... прѣ мжжж вестѣднѣхъ трапеца лестаикна 80 об., сѣктады ми тайнаа окаанаго срѣца 166 об., еда ва прѣстоша разоумѣхомъ ѿнго юнша сѣг 64.

В отличие от Орбельской триоди, где имеются случаи обобщенных замен, т. е. как употребление именительного вместо винительного падежа, так и употребление винительного вместо именительного⁵, в Златоусте представлена односторонняя замена. Здесь отмечены только формы именительного на месте винительного падежа. Обратные замены не наблюдаются.

Форма именительного вместо винительного зафиксирована и в других категориях слов, например: се же полсжж ва сионт камѣ прѣтѣчению и камы прѣжали 101 об., 3, 4; тогда хоулачим' азыци полата винж и нѣ кто оутѣоудди 123 об.; следующие случаи могут быть объяснены смешением или заменой букв ѣ и и, а и е: ега видиши ма бѣси изгонжца 66 об., еже сткори ихъ идологложителе 5 об.; и прѣстожщѣ нама други и родителе или братиж не познаема 237; помазаж блгодѣтиж прржкы и цре 244 об., нж паче жителе рѣю сткори 129; характерно, что обратная замена е на а во флексиях именительного мн. числа не отмечена. В других случаях а на месте е встречается, например: иманема 2, имане 10, люды кѣсе (В. мн.) 58 об., се родити 60.

Встречаются в Златоусте ошибки в употреблении винительнородительных форм ед. числа муж. рода одушевленных и неодушевленных существительных — сохранение старого винительного в одушевленных существительных и употребление новых вин.род. форм у неодушевленных, напри: ер: и оутѣшителз дастъ имз

⁴ Дата Орбельской триоди определена В. Н. Щепкиным («Болонская псалтырь», стр. 57).

⁵ Е. В. Чешко. История болгарского склонения. М., 1970, стр. 292—295.

л. 220; и вѣтъ твара дари емоу приносита ... гради внолеуѣма ...
пѣстына цѣна пѣгца голжа. ... дръко краста крѣга развоинька 43 об.

Такого рода ошибки характерны для памятников со смешением форм именительного и винительного падежей. Отмечен случай употребления формы винительного вместо именительного только в муж. р. ед. ч.: адама оуж не плачет са рата 206. Аналогичные случаи рассматривает Е. Русек.⁶

Большим числом примеров представлены в Златоусте ошибки в употреблении родительного падежа: 1) винительный вместо родительного при отрицании: и не вѣтъ събраж нѣхъ мѣсто 2, кто ли са шбрацетъ непослушаѣ црѣко поклечение 1; ты оубо не имаши хѣтѣа 114 об., не дати прощение сарѣшненма моима 105; и ничтоже ... сткорита не можета 103; да не видита злаа дѣтаниа чѣкѣтѣхъ 81 об.; 2) винительный при глаголах, употреблявшихся в древнеболгарском с родительным: ѡстани са рабж бѣжиж 9; вѣсхотѣла еси зло моѣмоу црѣсткоу 15; алачена бы да ны плаз свож напитаега жедена бы да ны краке свож напоига 34; бойни хѣи мѣи ... иже мира ѡвразгше са 138 об.; и чрѣва жежжѣи чѣж крава 112 об.; 3) винительный вместо родительного приименного: по ѡпоуцени стѣж слоужѣж л. 55; имѣцы м'нжастко сарѣшнениа 240; 4) дательный вместо родительного совокупности: тако аще кто сткорита единому симѣ мамимѣ мзнѣ сѣткорите 114; 5) винительный с отъ вместо родительного: и хота сѣткорити да бж прѣстали ѡ злобж свож 177 об.; 6) творительный с предлогом отъ вместо родительного: ѡ всеж силож 47.

Встречаются случаи смешения родительного и дательного приглагольного, например: твое во лице нѣтѣа тако жена земанѣхъ нѣа слакѣт нѣснѣи испланы са л. 8. Встретился и обратный случай формы родительного в функции дательного: како послегѣ анны га мѣта 20 об. Следует отметить, что ошибок в употреблении дательного адресата в других памятниках XIII в. нам не встретилось. Более обычными ошибками в употреблении дательного падежа для памятников 2-й половины XIII в. являются следующие: винительный вместо дательного неодушевленных существительных, например: оупѣоби ж златж иконж 5 об.; вместо дательного субъекта при инфинитиве, например: тако не прикоснѣти са има огна ни до единого блага 7 об.; поклѣт оубо вѣкоупѣ множастко воина прити 16. Эти ошибки связаны с разрушением оборота да-

⁶ Je. Ru sek. Deklinacja i użycie przypadków w trójdzie Chłodowa. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964, стр. 82.

tivus cum infinitivo, представленного и другими случаями, например, заменой инфинитива личной формой глагола при сохранении дательного субъекта: почто имаже не поглосшаша патриарха иакоко 210.

Встретились два случая употребления конструкции предлога на с винительным падежом в функциях дательного адресата и дательного приименного: покелѣ покелѣние, написати на юдеи 15 об.; лоукнину старѣшиштѣ казочити странѣ области на нечѣстивыж юдеж 16.

В употреблении творительного отмечено три типа ошибок: 1) винительный вместо творительного мѣкж да ни мжичѣ 33; 2) винительный вместо творительного с предлогом: и чоу шьрѣщещи глаж мѣкж каздѣ подѣ зема лежжщж 87; 3) конструкция с предлогом съ вместо творительного беспредложного в различных функциях: а) творительного инструментального: женж же сиж виѣши съ слѣзми екоими ѡмы ми нозѣ и класы гликы екож ѡтера 170 об.; съ страхомѣ и трепетомѣ одражми лютомѣ 14; б) творительного субъекта: и съ женами екрѣнами ѡблещенѣ прѣдичеочу ѡна оуѣткнѣ 83.; в) творительного места: и съ жизнныма пѣтемѣ идѣма. 59 об.

Встретился пример, характеризующий стадию дальнейших изменений — вместо творительного беспредложного употреблен предлог съ с общей падежной формой: и рыдажще съ каздиханые и горькыми слѣзми глатѣ 148.

В употреблении локатива отмечены следующие ошибки: 1) винительный вместо локатива с предлогом къ: къ начало бѣ елоко 35 об.; 2) родительный вместо локатива с предлогами по и ѡ: по вжѣтѣхъ градока и странахъ распоущаа епистолия 6; а юже ѡ платонѣ и дионисиа и филистиона... и прочихъ философа 6; ѡбѣщаж ѡ едѣканыхъ множ вечислыныхъ грѣхъ 54; 3) творительный вместо локатива с предлогом ѡ: ѡ елпостатомѣ багомѣ ѡ клететаникомѣ 41 об.

Итак, падежная система памятника сильно поколеблена. Больше всего ошибок встречается в употреблении родительного падежа, что находится в полном соответствии с данными других памятников второй половины XIII в. (Орбельская триодь) и конца XIII в. (Норовская псалтырь). Ошибки в употреблении дательного падежа относятся главным образом к неодушевленным существительным, что также наблюдалось в указанных выше памятниках XIII в. Больше и разнообразнее, чем в Орбельской триоди, замены творительного беспредложного конструкцией с предлогом съ. Интересно, что в Норовской псалтыри эти замены почти отсутствуют. Там представлены замены творительного беспредложного конструкцией локатива с предлогом къ, что свидетельствует о разнообразии способов вытеснения творитель-

ного беспредложного в памятниках, относящихся к разным центрам среднеболгарской письменности. Ошибки в употреблении локатива не представляют своеобразия. Употребление форм именительного вместо винительного падежа в большей части примеров может иметь фонетическое объяснение. Однако обращает на себя внимание тот факт, что фонетические причины могли служить основой и для обратной замены форм именительного винительным, однако этого как правило не наблюдается: во всех категориях случаев винительный падеж заменяется именительным.

О языке Киевского миссала

З. Штибер

Уже в 1922 г. С. М. Кульбакин опубликовал статью о классификации старославянских текстов¹, в которой он развил высказанное им ранее мнение, что Киевский миссал это «рукопись, отражающая старославянский язык конца X века и отмеченная чертами перехода от диалектной области южных славян (болгар) к западнославянской диалектной области»².

Странно, что точка зрения Кульбакина была как будто забыта.

Продолжает господствовать мнение, что язык Киевского миссала представляет собой какое-то беспорядочное смешение древнецерковнославянского языка с чешским. Между тем я неоднократно отмечал уже перед войной, а Кульбакин подчеркнул еще раньше, что язык Киевского миссала отнюдь не является смешанным. Каждая фонетическая или морфологическая черта этого памятника проведена с абсолютной последовательностью, что обычно не наблюдается в случаях, когда кто-либо пытается писать на языке, которым недостаточно хорошо владеет.

Мы знаем, что для языка Киевского миссала характерны регулярные рефлексy с, з праславянских групп *tj*, *dj*. Примеров много: *ogrędōca*³, *obidōca*, *hodataęcu*, *ęstęce*, *priemlōce*, *protivęsixъ*, *nasyceni*, *obęcalъ*, *obęcanije*, *obęcanija*, *picę*, *romosъ*, *romosę*, *dazъ*, *podazъ*, *otdazъ*, *tuzimъ*, *tъze*, *toęze*, *o tomъze*, *takoze*, причем

¹ S. K u l' b a k i n. Du classement des textes vieux-slaves. «Revue des Études Slaves», II, 1922, стр. 187.

² С. М. К у л ь б а к и н. Древнецерковнославянский язык. Харьков, 1917, изд. III.

³ Я пользуюсь здесь самой простой транскрипцией, опуская детали, несущественные для содержания этой статьи.

часть этих форм встречается несколько раз (например, *dažь* 5 раз). Но зато нет ни одной формы с *št* или *žd* на месте праслав. *tj*, *dj*. Если бы писец был болгаро-македонского происхождения, трудно было бы понять, почему он так старательно избегал своих родных *št*, *žd*, освященных к тому же кирилло-мефодиевской традицией. Если бы он был чехом, так же трудно было бы понять, почему он с такой последовательностью должен был вводить эту чешскую черту, сохраняя одновременно другие южнославянские черты.

Южнославянской особенностью (общей и для восточнославянских языков, которые, однако, в данном случае не имеют значения) является последовательный рефлекс *s* (не *šl*) праслав. *x*, смягченного в период «III палатализации». Таким образом, в Киевском миссале в таких формах, как *вьсѣхъ*, *вьсѣ*, *вьsego*, *вьseмого*, мы имеем только *s*. При этом некоторые из указанных форм повторяются по нескольку раз (например, *вьсѣхъ* 7 раз). Южнославянский рефлекс *sc* праслав. группы *sk*, смягченной в период «II палатализации», мы имеем в форме *nebesъscĕi*. Здесь у нас только один пример, но, несомненно, южнославянского типа. Так же, как и в предыдущем случае, здесь речь идет об инновации, а не об архаизме.

Другой южнославянской особенностью была утрата *t* и *d* в праславянских группах *tl*, *dl*. Примеры из Киевского миссала: *molimъ*, *molitvq*, *molitva*, *molitvami*, *вьseli*. Формы с корнем *mol-* встречаются много раз. Все случаи представляют южнославянский тип с утраченным *d*. Примеры на праслав. *tl* отсутствуют.

Севернославянской инновацией явилось введение окончания *тв. п. ед. числа — ѣть* (старых основ на *-u*) у существительных с твердой основой склонения на **-o* и у новых существительных мужского и среднего рода (заимствования). В Киевском миссале все соответствующие формы *тв. п. ед. числа* имеют окончание *-ѣть*: *oplatъь* (7 раз), *obrazъь*, *съsqdъь*. В памятниках собственно древнецерковнославянского языка такие формы встречаются только в виде исключения (например, четыре раза в таком большом памятнике, как Зографский кодекс).

Характерной особенностью, объединяющей язык Киевского миссала с болгарским языком (особенно в более поздней фазе его развития), является *им. п. ед. числа пу 'мы'*. В Киевском миссале эта форма выступает шесть раз, формы *пу* здесь вообще нет. В древнецерковнославянских памятниках эту форму встречаем только один раз (в Клоцовом сборнике). Два раза выступает она в среднеболгарском Добромировом евангелии XII в. Это, бесспорно, древняя болгарская черта, которая, однако, с трудом проложила себе дорогу в литературный язык. Во всяком случае, здесь речь идет о болгарской инновации, которая, возможно, впервые появилась на северо-западной периферии первоначаль-

ной болгарской территории (в период, предшествующий приходу венгров).

Мы не можем с полной уверенностью утверждать, что наличие эпентетического *l* являлось особенностью, уже в X в. отличавшей южнославянские языки от западнославянских, так как в этот период эпентетический *l* мог быть представлен, например, в тогдашнем чешском языке и исчезнуть из него лишь позднее. Во всяком случае в Киевском миссале этот *l* выступает последовательно: *priemlěmъ*, *priemli*, *priemlōce*, *izbavlěnija*, *prěstavlěnija*, *vъzlъblenuę*, *vъ vzlъblěniі*, *zemlъskaja*, *zemlъskuyixъ*. Поскольку в XI в. в чешском языке эпентетического *l* уже не было, мы можем с полной вероятностью считать последовательное употребление этого *l* в Киевском миссале южнославянской чертой.

Несомненным архаизмом является сохранение в Киевском миссале группы *šč*, возникшей из праслав. *sk* в результате «*l* палатализации». Без сомнения, на болгаро-македонской территории уже в X в. это *šč* дало *št*. Однако в Киевском миссале мы имеем формы *zaščiti* (3 раза), *zaščititъ*, *očiščeniје* (3 раза). В чешском языке изменение *šč* в *št* произошло только в XIV в. и то только в западной части страны. В Моравии, а также в западной Словакии, т. е. на той севернославянской территории, которая могла иметь контакт с окрестностями Балатона, *šč* до сих пор сохранилось без изменения в народных говорах.

И снова трудно себе представить, зачем писец Киевского миссала стал бы вводить *šč* на месте кирилло-мефодиевского *št*.

Архаизмом является и последовательное обозначение мягкости мягкого сонанта *г* буквами *г+ъ*: *tvгъдъ*, *utvгъdilъ*, *utvгъdi*, *skvгъnostъni*, *sgъдса*, *drъžimъ*, так же, как и обозначение мягкого *l* в *парлъпєni*. Только в одной форме *skгъьпni* находится твердый *г*, обозначенный буквами *г+ъ*. В древнецерковнославянском языке различие между твердыми и мягкими *г* и *l* очень рано стерлось, в чешском же еще около 1300 г. оно, несомненно, существовало. Таким образом, различие мягкого и твердого *г* в Киевском миссале можно, вероятно, считать чертой, связывающей диалект писца этого памятника с чешской территорией.

Как видим, язык Киевского миссала имеет ряд последовательно проведенных черт. Одни из них являются общими для южно- и западнославянской территории (метатеза *tärt* $\geq$ *trāt*, *těrt* $\geq$ *trēt*, *tālt* $\geq$ *tlāt*, *tělt* $\geq$ *tlēt*), другие — только южнославянскими (рефлексы *ǰ₂* и *sk'₂*, *l* $\leq$ *dl* и, может быть, эпентетический *l*), третьи — только западнославянскими (*c z* $<$ *tj*, *dj* и окончание *-ъмъ* тв. п. ед. числа), одна черта свойственна всей (тогдашней) западнославянской территории и западной части южнославянской (сохранение *šč* из *sk'₁*) и, наконец, одна черта — болгарская, которая, однако, в письменном болгарском языке получила распространение значительно позже (пу им. п. мн. числа).

Таким образом, в языке Киевского миссала нет никакого беспорядочного смешения. Каждая черта проведена последовательно. Такая последовательность могла быть только в действительно существующем, живом диалекте, которым пользовалась какая-то конкретная славянская этническая группа. Эта этническая группа географически может быть локализована где-то на границе чешско-словацкой, словенско-кайкавской и юго-востока болгарской территории. Легче всего поместить ее в Паннонии, где-то около озера Балатон.

Что мы знаем о славянской письменности в этих краях? Знаем, что солунские братья задержались на несколько месяцев у Коцеля на озере Балатон, и что он дал им пятьдесят учеников обучить славянскому письму (глаголице). Вполне понятно, что за несколько месяцев пребывания у Коцеля солунские братья научили своих учеников славянскому письму, а не диалекту, на котором они сами говорили. Вероятно также, что после ухода апостолов паннонские князья стали писать глаголицей, но на своем родном диалекте, который должен был быть чем-то средним между диалектами северных и южных славян.

О том, что Киевский миссал возник в этих краях, отчасти свидетельствует также его римско-католический характер. Ведь в X в., когда возник памятник, Паннония, несомненно, была в орбите влияния Рима. С другой стороны, некоторые факты указывают на то, что в ранневенгерском государстве к связям церкви с Византией не относились так недоброжелательно, как в пределах римско-немецкой империи. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что на территории, входившей до 1918 г. в состав Австро-Венгрии, находится 11 церквей святого Димитрия. Из них одна — вблизи города Эйзенштадт в теперешней Австрии (Burgenland).

Перевела с польского

М. И. Ермакова

II

СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ

О месте ударения во множественном числе односложных существительных мужского рода в современном болгарском литературном языке

Р. Бернар

В современной форме болгарского языка, как и в русском языке, ударение является динамическим, т. е. ударный слог выделяется по интенсивности, иначе говоря, тоновые различия, существовавшие в общеславянском, а, может быть, и в древнеболгарском, в настоящее время не сохраняются. Как и русское ударение, болгарское ударение свободно и подвижно — в отличие от других современных славянских языков — его место не определяется фиксированными правилами, а при добавлении флексии оно может передвигаться.

Нами предлагаются (как часть общего исследования о месте ударения в морфологической системе болгарского существительного) некоторые более частные наблюдения над ударением в односложных существительных мужского рода — категории, которая в современном болгарском существенно отличается от многосложных существительных мужского рода.

Первой отличительной чертой таких односложных существительных является то, что все они оканчиваются на согласную (*хляб, въл, град. . .*) или на *-й* (*слабй*). Этим они отличаются от соответствующих многосложных существительных, большинство из которых имеет в основном те же окончания, однако значительная их часть оканчивается на *-а* (*-я*) или *-о*, что создает особые проблемы. Другой характерной чертой односложных существительных является их широкая склонность принимать окончание *-ове* во множественном числе, что нетипично для многосложных существительных, напротив для односложных существительных нехарактерно окончание *-и*, типичное для многосложных; более того, имеется ряд ограниченных по употреблению окончаний, которые

присоединяются лишь к односложным существительным, а у многосложных, по крайней мере в литературном языке, отсутствуют. Другой важной чертой является и то, что несколько десятков односложных существительных мужского рода переносят ударение на артикль единственного числа, что для многосложных существительных невозможно; даже для сложных существительных, вторым компонентом которых является слово односложное. Сравним в этом плане *рѣд* — *рѣдѣтъ*, *лѣв* — *лѣвѣтъ* и слова многосложные — *словорѣд* — *словорѣдѣтъ*, *риболѣв* — *риболѣвѣтъ*. Во множественном числе односложные существительные часто меняют место ударения, тогда как существительные многосложные в этом плане просты: существует правило, почти не знающее исключений, по которому ударение во множественном числе остается на том же слоге, что и в единственном.

Многосложные и односложные существительные мужского рода обладают, наряду с собственно множественным числом, которое, если угодно, можно обозначить как «обычное множественное» еще и другой формой, так называемым «вторым множественным», употребляемым только после числительных и количественных наречий.

Обычное множественное односложных существительных мужского рода

А. Окончание *-ове*

Это окончание, столь характерное для большинства односложных существительных мужского рода в современном болгарском языке, восходит к прежней форме именительного множественного слов староболгарского языка, имевших *и* в качестве тематической гласной (тип *сынз*, им. мн. ч. *сынке*). Все эти весьма немногочисленные существительные относились к мужскому роду. Вначале они были двусложными, но очень рано в результате падения конечных редуцированных, стали односложными. Это объясняет распространение окончания *-оке* и на старые двусложные существительные, имевшие другой флексийный тип, но также ставшие односложными, и даже на бывшие трехсложные существительные как, например, *сърскъ*, *къродъ*, ставшие односложными в виде форм *срѣк*, *вѣд* с множественным числом *срѣкове*, *вѣдове*. Необходимо также заметить, что по мере распространения окончания *-оке* слов типа *сынз* (твердый тип) появилась параллельная форма *-ѣке* (после мягких согласных). В современном болгарском языке она представлена только после гласной во множественном числе односложных существительных, оканчивающихся в единственном числе на *-ий* (*слабий* — мн. *слабѣве*,

скорее, чем *слѡйове*), но не на *-ей* (*змѣй*, мн. ч. *змѣйове*, скорее, чем *змѣеве*).

Эти существительные, односложные в единственном числе, во множественном числе, присоединяя окончание *-ове* (*-еве*), становятся трехсложными. При этом могут различаться три типа ударения.

Тип А. Ударение начальное: *хляб* — *хлябове*, *слбй* — *слбеве*.

Тип В. Ударение падает на предпоследний слог: *вбл* — *вблбве*.

Тип С. Ударение падает на конечный слог: *град* — *градбве*.

Поскольку существительных с мн. ч. на *-ове* в болгарском языке несколько сот, можно составить длинные списки для каждого типа акцентуации мн. числа; при этом разумеется, эти три типа не вполне строго отграничены друг от друга.

В этой связи мы отсылаем читателя прежде всего к работам Л. Болье (RÉS, XXVII, г. 1951, стр. 19—30) и Ст. Стоянова (Год. Соф. Ун. фил. фак. [LIII, 2 (1958), стр. 1—138]. Соответственные указания имеются также в «Речник на съвременния български книжовен език», изданный в Софии в 1954—1959 (в дальнейшем — РСБЕ), а также в орфографических словарях, вышедших в течение последних 25 лет¹. Именно на эти работы мы в основном и опирались.

Из приведенных фактов можно заключить, что тип А (*хляб* — *хлябове*) стал доминировать над двумя остальными и что в современном состоянии языка эта тенденция усиливается. К этому типу относятся в настоящее время следующие слова: 1) большинство исконно болгарских односложных слов с консонантным исходом; 2) все односложные слова на *-й*, за исключением слова *ббй*, которое в литературном языке имеет только форму *ббеве*; 3) почти все односложные слова иностранного происхождения. Этих односложных существительных иностранного происхождения сейчас уже больше, чем исконно болгарских слов, причем этот список заимствований может пополняться, так что они могут оказывать в свою очередь влияние даже на собственно болгарские слова. Для таких недавно заимствованных слов, как *танк*, мн. ч. *танкбве*; *джип*, мн. ч. *джипбве*, другое ударение кроме начального представляется немыслимым. Вхождение неологизмов иностранного происхождения в тип А настолько регулярно, что мы имели возможность отметить в речи одних и тех же говорящих два разных по месту ударения в формах множественного числа на *-ове* для одного и того же слова *стбл*: с одной стороны, *стблбве*, когда имеется в виду болгарское слово со значением «стулья», с другой стороны, — *стблове*, — в том случае, когда слово ощу-

¹ «Правописен и правоговорен нарѣчник». София, 1945 (в дальнейшем — Нар.), «Правописен речник на българския книжовен език». Подготовлен Ст. Романским. София, 1950 (в дальнейшем — Ром.); «Правописен речник на българския книжовен език» (Л. Андрейчин, Вл. Георгиев, Ив. Леков, Ст. Стойков. София, 1965, в дальнейшем — Анд.).

щается как неологизм иностранного происхождения со значением «столы, за которыми едят, столовая», которое объясняется как недавнее заимствование из русского языка. Точно так же единственное заимствованное иностранное многосложное слово с мн. ч. на *-ове* — *цѣнтър* — имеет во множественном числе начальное ударение *цѣнтрове*, чем отличается от двух собственно болгарских слов с множественным числом на *-ове*, а именно *вѣтър*, мн. ч. *ветровѣ*, с ударением на последнем слоге, и *огън*, мн. ч. *огньове*, с ударением на предпоследнем слоге. Эта регулярность вхождения слов иностранного происхождения в тип А во множественном числе является признаком жизнненности этого типа.

Тем не менее мы не думаем, что эту очень заметную тенденцию к вхождению слов иностранного происхождения в тип А необходимо было возводить в абсолютное правило — как это делает Христо Кодов². Так, в действительности, мы отметили ряд слов иностранного происхождения с множественным числом на *-ове*, которые все же не подчиняются этому типу с ударением на начальном слоге. Не претендуя на полноту списка, приведем лишь следующие: *борч* — *борчове* (РСБЕ, Нар., Ром.); *грѣш* — *грѣшове* (РСБЕ, Ром., Анд.); *гьол* — *гьолове* (Ром.); *джѣб* — *джѣбове* (Нар.); *звѣк* — *звѣкове* (Нар.); *кѣт* — *катове* (Болье, указ. соч., стр. 26); *кѣр* — *кирове* (там же); *клас* — *класове* (РСБЕ, Нар., Ром., Анд. и т. п.); *стих* — *стихове* (Ром., Анд.); *тѣк* («каблук») — *токѣве* (Ром.); *тѣп* — *топѣве* (Нар., Анд.).

Мы ограничиваемся этими несколькими словами, зарегистрированными в изданиях, опубликованных между 1945 и 1965 гг., не приводя других иностранных слов, которые, согласно данным более старых источников, например словаря Дювернуа, или по данным недавно проведенной нами анкеты, необязательно имеют ударение на начальном слоге в форме множественного на *-ове*.

Нам могут возразить, что некоторые из приведенных слов заимствованы давно и малоупотребительны в современном языке. Однако их свидетельство тем самым лишь более ценно, поскольку оно доказывает, что эти заимствованные слова, по большей части греческого или турецкого происхождения, проникали в болгарский язык в ту эпоху, когда тип ударения В (*волѣве*) и тип ударения С (*градѣве*) были достаточно продуктивными, чтобы стать фокусом притяжения для иностранных слов. В этой связи необходимо отметить, что Романский дает форму множественного числа для слова *тѣк* со значением «каблук» с ударением на предпоследнем слоге — *токѣве*, хотя речь идет о заимствованном слове, тогда

² См.: Хр. К о д о в. Ударението в българския език. София, 1966, стр. 22. — Автор пишет: «Никакие отклонения недопустимы», приводя около тридцати односложных существительных м. р., большая часть которых турецкого происхождения.

как *тбк* со значениями «течение» и «гумно», славянский омоним этого слова, во множественном числе у него имеет форму *тбкове* с начальным ударением. Столь же неправильно было бы выдвигать в качестве возражения то, что почти все приводимые выше слова могут во множественном числе иметь и форму с начальным ударением (*ббрчове, гьблове, джббове. . .*), которая часто более употребительна в наше время, что обычно отмечается и в тех трудах, на которые мы ссылались. Это не что иное как знак все более очевидной победы типа А над другими двумя типами, в особенности над типом В, которому он серьезно угрожает. Если мы сравним указания, которые дают по этому поводу более новые исследования, с более давними указаниями по поводу рифм и ритма стихотворений прошлого века или начала этого века, то убедимся в том, что типу В в самое последнее время пришлось отступить и что он несомненно и понемногу становится жертвой типа А. Почти из 450 односложных слов с окончанием *-ове*, которые были нами собраны, можно насчитать лишь единичные случаи слов типа *волбве*, которые не имели бы конкурирующего варианта типа *хлябове*, с начальным ударением. Это особенно очевидно в речи молодого поколения. Заимствованные слова, которые приводились нами, являются весьма поучительным свидетельством того, что имеет место тенденция к поглощению типа *волбве* типом *хлябове*. Этот процесс, в основе которого лежит все более и более характерная для болгарского языка тенденция к отсутствию противопоставления по месту ударения единственного и множественного числа облегчается в данном случае одной чертой, присущей обоим типам — редко переносить ударение на определенный артикль единственного числа, поскольку для слов типа В наиболее характерна акцентуация *вбл — вблът*, т. е. как в типе *хляб — хлябът*.

Тип С (*градове*) являет собой несомненно большую стабильность, чем тип В. Однако если мы сравним списки односложных слов с разными ударениями во множественном числе, то мы убедимся, что в настоящее время существует относительно мало колебаний между типами В и С. Это наводит на мысль о том, что ни один из этих типов не является достаточно сильным, чтобы оказывать воздействие на другой. Большая жизненность типа С несомненно связана с характерной для него тенденцией ассоциировать конечное ударение во множественном числе (*градове*) и перенос ударения на артикль в единственном числе (*градът*). Тем не менее этот принцип единства ударения, подчеркиваемый еще Л. Милетичем 70 лет назад, становится все менее и менее строгим, а сам тип понемногу распыляется. Можно сказать, что там, где сохраняется ударение на конце *-ове*, ударение обычно падает на артикль единственного числа, за очень редкими исключениями вроде *ббг — богове — ббгът, ббй — боеве — ббят*. Однако обратное верно далеко не всегда. Можно заметить все растущее

число односложных существительных мужского рода, где ударение на артикле является более устойчивым, чем конечное ударение во множественном числе. Это существительные типа *рѣб* — *рѣбѣт* — *рѣбове*, *крѣг* — *крѣгѣт* — *крѣгове*. Хр. Кодов приводит их около пятнадцати, не претендуя при этом на полноту списка³. Еще более многочисленным был бы перечень односложных существительных мужского рода, у которых ударение на артикле в единственном числе сохраняется (*умѣт*, *родѣт*), однако во множественном числе обнаруживаются колебания между начальным и конечным местом ударения (*умовѣ*, *родовѣ* и *ѹмове*, *рѣдове*). При этом формы с начальным ударением побеждают (насколько нам удалось заметить в последние тридцать лет). В этих случаях также очень интересно свидетельство слов иностранного происхождения. Так, в этой связи Стоян Стоянов отмечает перемещение ударения на артикль единственного числа в некоторых заимствованных словах, в частности, он приводит *класѣт*, *стилѣт*, *телѣт*, *тимѣт*, *тинѣт*⁴. Весьма существенно при этом то обстоятельство, что все эти существительные, за исключением слова *клас* с множественным числом *класовѣ*, с ударением на конце, имеют ударение на начальном слоге (*стѣлове*, *тѣлове*, *тѣмове*, *тѣнове*), по свидетельству словарей, которыми мы пользовались и по данным живой речи, которые нам удалось подметить. Сходные наблюдения были сделаны нами и в отношении слов типа *план*, с формой *планѣт*, представленной наряду с *плѣнѣт*, но с формой множественного числа *плѣнове* или слова *стих* — *стихѣт*, с формой множественного числа *стихове*, которая все более и более вытесняет форму *стиховѣ*. В целом из всех этих фактов вытекает со всей отчетливостью, что конечное ударение во множественном числе слов типа *градовѣ* является менее стабильным, чем ударение на артикле единственного числа (*градѣт*) и что будет более сложно настаивать на развитии типа на *-овѣ* или даже на сохранении позиций этого типа в настоящее время, чем решиться признать несомненно жизненную тенденцию противопоставлять форму единственного числа с ударением на артикле (*рѣбѣт*) остальным формам того же слова (*рѣб*, *рѣбове*, *рѣбовете*, *два рѣба*). Эта тенденция, состоящая в выделении формы единственного числа с артиклем из всех других форм того же существительного, находит, кажется, в современном болгарском языке весьма основательную опору, особенно, если обратить внимание на ее триумф в типах существительных женского рода с консонантным окончанием — *болестѣ*, но *болест*, *блѣсти*, *блѣстите*, или *дрѣбѣ*, но *дрѣб*, *дрѣби*, *дрѣбите*. И это

³ См.: Хр. К о д о в. Указ. соч., стр. 19. — В действительности, большая часть слов, фигурирующих в этом перечне, на наш взгляд, колеблется между начальной и конечной позицией ударения во множественном числе.

⁴ См.: Ст. С т о я н о в. Указ. соч., стр. 26.

правило относится ко всем существительным женского рода с консонантным исходом без исключения, в том числе и к весьма многочисленной группе односложных существительных, с которыми часто смешиваются односложные существительные мужского рода, причем при этом достаточно велико число колебаний в роде. Хотя это стремление изолировать форму с артиклем единственного числа в некоторых типах существительных мужского и женского рода несомненно менее действенно для существительного, чем стремление уподобить место ударения во множественном числе месту ударения в единственном, мы все же думаем, что оно достаточно сильно, чтобы внести со своей стороны вклад в распад типа *град*, *градът*, *градовé*.

Все эти факты позволяют сделать вывод о том, что в будущем от типа *град*, *градът*, *градовé*, *два града* отойдет еще ряд слов, которые присоединятся или к более простому типу *хляб*, *хлябът*, *хлябове*, *два хляба* с обобщенной начальной позицией ударения, или смешанному типу *рѣб*, *рѣбове*, *два рѣба*, в котором начальная позиция ударения противопоставлена конечной в формах с артиклем единственного числа — *рѣбът*. Жертвой этой далеко уже зашедшей эволюции в обоих случаях бывает форма множественного числа на *-овé* с конечной позицией ударения.

В. Окончание -и. Некоторые односложные существительные мужского рода противостояли притяжению типа с окончанием *-ове* во множественном числе и сохранили окончание *-и*, являющееся старым окончанием именительного падежа множественного числа существительных мужского рода с тематической гласной *о* (к этой группе принадлежало наибольшее число староболгарских существительных). К таким существительным относятся:

а) Все без исключения слова с названием национальности. Форма на *-ове* невозможна в этом случае даже для односложных существительных. Так, регулярно образование *кѣлт* — *кѣлти*, *гѣт* — *гѣти*, *фрѣнк* — *фрѣнки*, *чѣх* — *чѣхи*. В этих двусложных формах множественного числа место ударения, как и в единственном числе, остается начальным. Это начальное положение ударения сохраняется даже в единственном слове, перемещающем ударение на артикль единственного числа *грѣк* — *грѣкът*. Форма множественного числа *грѣци*.

б) Около 25 общеупотребительных односложных слов, большей частью исконно болгарских и принадлежащих ранее к тематическим основам на *-о*, как, например, *внѣк* — *внѣци*. Сюда же относятся слова и других морфологических типов, как, например, *гѣст* — *гѣсти* (старая тема на *-и*) *дѣн* — *днѣ*, восходящие к словам с основой на согласный. Хотя этот тип множественного числа на *-и* является менее продуктивным для односложных существительных мужского рода, чем тип с окончанием на *-ове*, можно насчитать несколько односложных существитель-

ных иностранного происхождения, которые принимают именно эту форму: *нѣрв* — *нѣрви*, *фáкт* — *фáкти* и т. д. Среди них несколько слов вошло в язык совсем недавно, например, *фíлл*, форма множественного числа которого *фíлли* вытеснила предписанную некоторыми грамматистами форму *фíллове*. Формы на *-и* могут сосуществовать с формами на *-ове*, отличаясь оттенками употребления, вплоть до самых четких различий в смысле. Характерным примером в этом отношении может служить слово *трѹп*, для которого форма *трѹпи* означает «стволы деревьев», а форма *трѹповѣ* «мертвые тела».

И в этих случаях ударение во множественном числе остается на том же слоге, что и в единственном. Тем не менее мы можем привести ряд исключений из этого правила.

Так, определенное исключение представляет слово *лѣч* — *лѣчи*, с обязательным ударением на конце. Наблюдаются также языковые колебания между *зѣби* и *зѣби* (множественное от *зѣб*). Едва ли можно признать и форму *врази* (от *враг*), которая теперь архаична, в отличие от употребительной формы *враговѣ*. Необходимо заметить, что в перечисленных трех случаях форме множественного числа соответствует форма с ударением на артикле в единственном числе: *лѣчѣт*, *зѣбѣт*, *врагѣт*. Однако этот закон соответствия множественного числа и формы с артиклем далеко не ясен. Так, например, существует форма *вѣлци*, с начальным ударением, но наиболее употребительная для этого слова форма с артиклем *вѣлкѣт*. Множественное число от *бѣк* — *бѣци* (наряду с *бѣкове*), от *звѣк* — *звѣци* (наряду с *звѣковѣ*), в формах множественного числа на *-и* здесь обязательна начальная позиция ударения, но в единственном числе употребительны формы с артиклем *бѣкѣт*, *звѣкѣт*. Литературный язык, сохраняющий форму *зѣбѣт*, все более предпочитает форму *зѣби* форме *зѣби*. Что касается стойкости конечного ударения в слове *лѣчи* (множественное от *лѣч*), то она, вероятно, объясняется не столько влиянием формы с артиклем *лѣчѣт*, сколько влиянием параллельной формы женского рода *лѣча*, в наше время уже не совсем литературной, хотя и распространенной до сих пор в диалектах. У этого слова множественное число регулярно являет форму *лѣчи* с конечным ударением.

Таким образом, можно сделать вывод, что в двусложных формах множественного числа на *-и* существительных (одно-сложных) мужского рода перенос ударения на окончание почти никогда не происходит, за исключением формы *днѣ* от *дѣн*, где чередование *е/ноль* объясняется различным поведением прежнего «ера» в слабой и сильной позиции. В качестве особого случая заметим слово *жрѣц* с формой множественного *жрѣци*, где ударение переходит на окончание, несмотря на сохранение *-е*, которое позволяет избежать непроизносимой консонантной группы, как это имеет место в некоторых многосложных словах на *-ец*: *мѣдрѣц* — *мѣдрѣци*, (*мѣдрѣци*), *беглѣц* — *беглѣци* (*беглѣци*), также

имеющих форму множественного числа с конечным ударением, несмотря на отчетливую тенденцию не переносить ударение на окончание в болгарских многосложных словах. Эти факты могут объясняться влиянием русского языка.

С. Окончание *-ица* во множественном числе по сфере своего употребления не отграничено четко от множественного числа на *-ове* и *-и* (эти формы почти всегда сосуществуют наряду с *-ица*). Оно представлено у ограниченного числа существительных, причем оно выражает особые оттенки, обычно оттенок собирательности, аугментативности или нейоративности. У некоторых односложных существительных бывают представлены во множественном числе даже все три формы: *клѳн* — *клѳни*, *клѳнове*, *клѳнища*, каждая со своими оттенками употребления. Особенно сложно оценить число односложных существительных, которые во множественном числе допускают форму на *-ица*. Л. Болъе в своей «Грамматике болгарского языка» (стр. 49) перечисляет девять таких слов. В RĚS (XXVII, стр. 23—30) он добавляет к ним еще около десятка. В диалектах и в сочинениях некоторых писателей можно найти еще несколько таких слов. Тем не менее эти списки сильно сократились бы, если оставить в них только те формы множественного на *-ица*, которые широко употребляются в современном литературном языке, и если ограничиваться только теми случаями, когда множественное число на *-ица* для данного слова есть единственно употребительная форма, более употребительная, чем другие формы множественного числа или хотя бы столь же употребительная. Яркими примерами этого будут: *сѳнища* — единственная форма множественного от *сѳн*; *кратища* — множественное от *кратѳ*, более употребительное, чем *кратѳове*; *кѳтища* — множественное от *кѳт*, почти столь же употребительная форма, что и *кѳтове*, правда, отличающаяся от нее оттенками значения; *пѳтища* 'дороги' форма, отличающаяся от *пѳти* 'разы' (форма единственного числа *пѳт* имеет оба значения: 'дорога' и 'раз').

По отношению к месту ударения форма на *-ица*, трехсложная, она различает три вида ударения — так же, как и форма на *-ове*. Во всяком случае самые употребительные в языке формы на *-ица*, а также большинство из приведенных нами слов, имеют начальное ударение, в том числе и форма *сѳнища*, несмотря на то, что в форме единственного числа с артиклем ударение переходит на артикль — *сѳнѳт* (*сѳнѳт*). Напротив, грамматистам было бы трудно найти убедительные примеры форм на *-ица* с ударением на предпоследнем или на конечном слоге. В действительности оба типа ударения представлены в виде допустимых колебаний, особенно для слов, с существующими или возможными окончаниями *-ове/-ове*, но очень трудно найти точные соответствия в месте ударения в форме на *-ове* и на *-ица* для одного и того же слова. Так, например, одни работы приводят *дворища*, *долища*,

калища, плетища а другие *дворища, долища, калища, плетища*. Мы же добавим, что большинство опрошенных нами информантов, особенно молодых, предпочитает в этих формах начальное ударение — *двѳрища, дѳблища, кѳлища, плѳтища* (даже в тех случаях, когда те же информанты не ставят начального ударения в соответствующих формах на *-ове*, а сохраняют традиционное ударение — *дворѳве, долѳве, калѳве, плѳтеѳе*). Мы ограничимся этими примерами множественного числа на *-ища* (необязательно с начальным ударением), достаточно широко представленными, чтобы авторы некоторых работ по литературному языку сочли уместным их отметить.

Все это говорит о том, в какой степени в современном литературном языке отсутствуют строгие нормы постановки ударения в формах на *-ища*, по крайней мере в тех весьма малочисленных случаях, когда начальная позиция ударения не является обязательно единственной. И в то же время можно констатировать неприязнь молодого поколения к большинству таких форм, причем одни называют эти формы «вульгарными», осознавая, что они скорее употребляются в народной и диалектной речи, чем в речи образованных людей, другие же, напротив, считают эти формы «литературными», поскольку они встречаются у старых писателей, а у современных — при желании придать своему стилю некий колорит, сами же эти молодые люди никогда не употребили бы большинство таких форм. В этом отношении замечателен тот подтверждающий меньшее употребление форм на *-ища* факт, что нам не удалось найти, по крайней мере в литературном языке, ни одного неологизма из иностранных слов, который бы принял во множественном числе форму на *-ища*. Те несколько заимствованных слов, которые это окончание все-таки принимают, слова турецкого или греческого происхождения, вошедшие в язык уже давно. Большинство из них, как, например, *дрѳм — дрѳмѳве* и *дрѳмища*, *гѳбл — гѳблѳве* и *гѳблища*, *хѳн — хѳнове* и *хѳнища*, *кѳр — кѳрища* (более употребительно, чем *кѳровѳе*), в настоящее время не являются литературными. Из всего этого очевидна слабость позиции форм на *-ища* по отношению к формам множественного числа на *-ове*, где неологизмы иностранного происхождения изобилуют и даже по отношению к формам на *-и*, откуда такие неологизмы еще исключены не полностью. Характерно, что во множественном числе на *-ища* слов иностранного происхождения ударение, как и почти во всех аналогичных формах на *-ове*, падает на начало. Так, даже Романский приводит форму *гѳблища* с ударением на начальном слоге, тогда как он же дает форму *гѳлѳве* с ударением на предпоследнем слоге.

Таким образом, мы приходим к выводу, что формы множественного числа на *-ища*, гораздо менее многочисленные, обычно менее употребительные и менее нормированные в литературном языке, чем формы на *-ове*, хуже выдерживают те трудности, которые

создаются возможностью тройной акцентуации. Таким образом, начальное ударение (т. е. ударение единственного числа) безусловно утвердится и еще более распространится среди слов, которые сохранятся в литературном языке.

Д. Окончание *-е* характеризует форму множественного числа пяти односложных слов, где ударение перемещается на окончание: *мѣж* — *мѣжѣ*, *кѡн* — *кѡнѣ*, *цѣр* — *цѣрѣ*, *крѣл* — *крѣлѣ*, *кнѣз* — *кнѣзѣ*, причем слово *мѣж* в форме единственного числа имеет ударение на артикле — *мѣжѣт*.

Е. Окончание *-а* восходит к формам двойственного числа. В двух формах на *-а* односложных существительных мужского рода (эти формы восходят к старым формам именительного — винительного двойственного числа) обязательно ударение на окончании. Это *кракѣ* (единственно допустимая форма множественного числа слова *крѣк*, в единственном числе — *крѣкѣт*) и *рогѣ* (форма множественного числа от *рог*, параллельная форма *рогѡвѣ*, форма единственного числа с артиклем *рогѣт*).

Г. Другие формы множественного числа. В слове *брѣтя* (множественное число от *брѣт*, единственное число с артиклем *брѣтѣт*) ударение на окончание не переносится. Само это окончание, будучи по происхождению формой собирательных существительных единственного числа женского рода, в настоящее время воспринимается как окончание мужского рода (ср. *двѣма брѣтя*, *трѣма брѣтя*, где употребляются числительные *двѣма*, *трѣма*, характерные только для личных существительных мужского рода).

В форме *листвѣ* (множественное число от *листв*, форма с артиклем *листвѣт*) со значением 'листья дерева' ударение переносится на конечный слог, тогда как существует правильная форма *листвовѣ* со значением 'листья бумаги' или 'листки металла'. На самом деле, форма *листвѣ* есть правильная форма от существительного среднего рода *листвѡ*, по значению синонимичного слову *листв*, но теперь уже в литературном языке менее употребляемого. Таким образом, здесь имеет место сушплетивизм.

Это же явление сушплетивизма мы находим в форме *сѣдѣлища* (от *сѣд*, единственное число с артиклем *сѣдѣт*), которая восходит к мало употребительной в литературном языке форме единственного числа *сѣдѣлище* (средний род). Эта форма сохраняет во множественном числе место ударения этого существительного среднего рода, согласно правилу места ударения в словах среднего рода на *-ище* (ср. *огнище* — *огнища*, *учѣлище* — *учѣлища*), формы с конечным ударением — *учѣлища*, *сѣдѣлища* не были бы признаны литературными. Этой формой *сѣдѣлища* слово *сѣд* со значением 'трибунал' отличается от своего омонима со значением 'сосуд' (множественное число *сѣдовѣ*). Оба слова, вероятно, имеют общее происхождение, но четко различаются по смыслу.

Второе множественное односложных существительных мужского рода

Одной из специфических особенностей современного болгарского языка является то, что, ликвидировав двойственное число, он создал новую грамматическую категорию, второе множественное. Оно строится на старой форме именительного—винительного существительных мужского рода с тематической гласной *o*. Окончание этой формы *-a*, (*-я*) распространилось на все существительные мужского рода, оканчивающиеся на согласный или на *-й* и употребляется со всеми числительными (расширив сферу своего первоначального употребления).

С точки зрения второго множественного не наблюдается различия между односложными и многосложными существительными мужского рода. Разница между ними лишь в том, что область второго множественного распространяется на все односложные существительные мужского рода, которые все оканчиваются на согласный или на *-й*, тогда как для многосложных существительных трудно найти такое единство (там отмечают довольно большое число слов на *-a* (*-я*) и на *-o*, для которых второе множественное невозможно). И действительно, все односложные существительные мужского рода, кроме *singularia tantum*, должны бы обладать особой формой второго множественного. Тем не менее отмечено, как для односложных, так и для многосложных существительных, что если употребление второго множественного вполне соответствует литературной норме для слов — названий вещей или названий животных (*дѣсет бѣка, стб брѣя*), то для слов, обозначающих личности, употребление этой формы далеко не так последовательно. Особенно убедительным в этом смысле является выделение для односложных существительных особой группы слов с названием национальности, использующих, даже и после числительных только общую форму на *-и*: *трѣма чѣхи, дѣсет фрѣнки* 'десять франков' (название народа), в отличие от *дѣсет фрѣнка* 'десять франков' (монет).

Эта форма второго множественного отличается от общего множественного не только наличием специфического окончания *-a* или *-я* и не только спецификой своего употребления. Оно наиболее последовательно сохраняет специфические особенности форм единственного числа — так, для многосложных существительных второе множественное сохраняет, например, суффикс *-ѣк* (*кѣмѣк — кѣмѣка*, тогда как общее множественное будет *кѣмѣни*); точно так же эта форма сохраняет беглые гласные: так *e* в *дѣн* в общем множественном элиминируется *днѣ*, но во втором множественном сохраняется *дѣня* (*дѣна*). Обычно это явление характеризует многосложные существительные, но в данном случае — это единственный пример. Третьим, не менее важным, отличием является то, что второе множественное, в отличие от общего множественного,

последовательно сохраняет место ударения единственного числа. Это единство ударения обнаруживается отчетливее в формах односложных существительных мужского рода, у которых во множественном числе чаще имеет место сдвиг ударения, чем в формах многосложных существительных, у которых за немногими исключениями, ударение во множественном числе не перемещается.

Таким образом, намечается значительное число противопоставлений по месту ударения в обычном и втором множественном числе: *волве* и *вбла*, *градové* и *града*, *конé* и *кбня*, *кража* и *крака*, *рога* и *рба*. . . Это правило единства ударения в форме второго множественного и форме единственного числа у существительных мужского рода мы считаем абсолютным, не считая исключением частный случай со словом *час*, хотя оно обладает уникальной возможностью иметь конечную постановку ударения после числительных. Болгарский язык различает при этом ударение в такой фразе, как *рабѣтих три часа* (сколько?) и *пристигнах в три часа* (когда?). Это различие покоится как раз на том, что в первом случае выступает форма второго множественного с регулярным сохранением места ударения единственного числа, тогда как во втором случае это форма с артиклем (*час-ѣт*, *час-а*), с ударением на артикле. То же самое можно сказать о сочетании с числительными *едѣн*, которое не может считаться формой второго множественного — *пристигнах в едѣн час*. Это употребление формы единственного числа *час*, с ударением на артикле, должно быть, восходит к оборотам типа *часѣт* (*час*) *е едѣн*, *часѣт* (*час*) *е три*.

Эта регулярность постановки ударения на начальном слоге в двусложных формах второго множественного — формы, которую литературный язык различает все более четко, способствует развитию множественного числа на *-ове* с начальным ударением.

Выводы

Если мы обратимся к проблеме ударения во множественном числе существительных во всей ее полноте, мы увидим, что противопоставление по месту ударения единственного и множественного чисел сохраняется в некоторых категориях существительного. Это противопоставление сохраняется полнее всего в наиболее употребительных существительных, принадлежащих к категориям мертвым с малым количеством слов. Этими существительными являются (если говорить об односложных словах) пять слов на *-ѣ* во множественном числе (тип *кбн* — *конé*) или две формы на *-а* (из старого двойственного). Сходные заключения можно сделать по поводу множественного на *-еса* и на *-енá* для существительных среднего рода, также сведшихся к нескольким словам.

Эти и подобные им случаи выглядят крайне малочисленными и не имеющими значения на фоне количественно подавляющего числа тех существительных современного болгарского языка, в которых полностью или почти полностью стирается противопоставление между единственным и множественным числами по месту акцента:

а) формы множественного числа на *-и* многих многосложных существительных мужского рода, а также нескольких десятков односложных существительных (почти без исключений);

б) формы множественного числа на *-овци* от некоторых многосложных существительных мужского рода, особенно слов на *-о* (почти без исключений);

в) формы второго множественного числа существительных мужского рода (без исключений).

г) формы множественного числа женского рода (почти без исключений);

д) формы множественного числа на *-я* существительных среднего рода (с незначительным числом исключений);

е) формы множественного числа на *-ета* существительных среднего рода (без исключений).

Мы ограничиваемся этими категориями, крайне обширными, включающими не единицы, не десятки, а сотни существительных.

Наряду с существительными среднего рода, образующими множественное число на *-а*, формы множественного числа односложных существительных мужского рода на *-ове* являются единственной из многочисленных по составу групп болгарских существительных, которые еще допускают до известной степени противопоставление ед. и мн. чисел по месту ударения.

Тем не менее и в самих этих категориях в недавнем прошлом произошла некоторая стабилизация места ударения, продолжающаяся, хотя и иным, иногда даже противоположным способом, и на наших глазах. В формах множественного числа на *-а* ударное окончание есть та точка фиксации, которая все чаще определяет место ударения в единственном числе. Например, рассмотрим три трехсложных имени существительных среднего рода: *езеро*, *коляно*, *облекло*; с конечным ударением во множественном: *езерá*, *коленá*, *облеклá*. Несмотря на сходство ударения во множественном числе, в единственном числе все эти три существительных имеют различные формы ударения: *éзеро*, *коля́но*, *обле́клб*. Это объясняет то, что тип с конечным ударением в единственном числе начинает развиваться все более и более в словах среднего рода на *-á* во множественном числе, хотя болгарский язык еще не утратил различия по ударению в типе *éзеро* — *езерá*, *ста́до* — *стадá*. Напротив, трехсложные формы множественного числа на *-ове* все еще допускающие (хотя и с трудом) три типа акцентуации, имеют тенденцию ориентироваться на акцентуацию единственного числа. Все эти факты еще раз позволяют сделать вывод о все более

ощутимом выдвигении на первый план типа *хлябове*, который, благодаря начальному месту ударения, сохраняет ударение односложной формы единственного числа *хляб*.

В результате в формах на *-ове* и на *-ища* в литературном языке растет число трехсложных форм с начальным ударением. Причина этого вовсе не в том, что тип с начальным ударением является для современного болгарского языка более характерным, чем тип с конечным ударением или даже занимающий привилегированное положение тип с ударением на предпоследнем слоге. Ведь очевидно, что именно у трехсложных форм на *-ове* заметна тенденция к победе начальной позиции ударения (*хлябове*) над типом с конечным ударением (*градовѣ*) и в особенности над типом с ударением на предпоследнем слоге (*волбве*). Это самый наглядный признак того, что болгарский язык в своей современной форме имеет тенденцию все менее и менее допускать противопоставление в ударении существительных между единственным и множественным числом. В болгарском языке область этого противопоставления все более и более ограничивается в именах существительных, так это противопоставление в нем уже исчезло в прилагательных и находится в процессе исчезновения в глаголах, там где речь идет о категориях презенса и аориста. Дело в том, что этот процесс, уже почти завершившийся у прилагательных, развивающийся у глаголов, уже переходит, правда, постепенно на некоторые категории существительных. Именно этим объясняется еще неясное в настоящее время состояние постановки ударения в формах множественного числа на *-ове* и *-ища* у односложных существительных мужского рода.

Перевела с французского

Т. М. Николаева

Категория времени или категория таксиса?

(О противопоставлении относительных и абсолютных времен болгарского индикатива)

И. К. Бунина

На страницах журнала «Български език» ведется дискуссия по вопросам, связанным с интерпретацией значений глагольных времен болгарского индикатива. В статье Й. Пенчева «Към въпроса за времената в съвременния български език», которой открылась эта дискуссия, предлагается новая модель болгарских времен

в рамках так называемой «хронологической» теории¹, которая нашла себе первоначальное изложение в трудах Б. Гавранка, Т.-Балана, Л. Андрейчина. Й. Пенчев вносит существенные поправки, затрагивающие фундаментальные понятия, используемые в этой теории. В частности, он по-новому трактует содержание категории относительных времен.

Й. Пенчев, как он сам об этом пишет, опирается на некоторые идеи Р. О. Якобсона, высказанные им в известной работе «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол»². В этой работе Р. О. Якобсон предложил различать, кроме известных грамматических категорий, выражаемых глагольными формами, еще одну, которую он назвал «таксисом» (taxis). Эта категория, объединяющая в качестве своих разновидностей такие глагольные формы, как относительные времена и дееспричастия, противопоставляется категории времени, что находит себе отражение в следующих определениях. «Время, — пишет Р. О. Якобсон, — характеризует сообщенное событие со ссылкой на акт речи (§ 2.3 1). Таксис характеризует сообщенное событие со стороны его отношения к другому сообщенному событию без ссылки на акт речи» (§ 2.5)³.

В рамках хронологической теории еще не создано строгой модели времен болгарского индикатива. Й. Пенчев полагает, что использование понятия таксиса позволит освободиться от непоследовательностей и неточностей, которыми обычно грешат работы авторов, стремящихся к чисто хронологической интерпретации значений глагольных времен. Так, по его мнению, становится очевидной ненужность использования при построении модели болгарских времен таких «стилистических», с его точки зрения, понятий, как «основная» и «побочная, или «второстепенная», линия повествования или «главное» и «второстепенное действие» и им подобных⁴.

Именно понятие таксиса побудило Й. Пенчева также переосмотреть имеющее широкое распространение представление об относительных временах, которое получило наиболее отчетливое

¹ См. «Български език», кн. 2, 1967. София, стр. 131—143.

² R. J a k o b s o n. Shifters, verbal categories and the russian verb. Harvard University, 1957.

³ Там же.

⁴ Можно согласиться с Й. Пенчевым, что при построении модели времен использовать эти понятия не следует. В своей исследовательской практике мы тоже стремились к этому (см.: И. К. Б у н и н а. История глагольных времен в болгарском языке. М., 1970, стр. 25—44). Но если иметь в виду, что выбор говорящим формы относительного или абсолютного времени определяется той иерархией событий, которую он устанавливает для своего повествования, то при интерпретации модели времен без этих понятий не обойтись. Поэтому выбрасывать их совсем из арсенала грамматики и зачислять в число «стилистических» средств, как это делает Й. Пенчев, по нашему мнению, нет оснований.

выражение в трудах Л. Андрейчина. Согласно этому представлению формами относительных времен грамматически выражается «двойное отношение во времени»⁵: отношение сообщенного события к другому сообщенному событию и к акту речи.

И. Пенчев справедливо замечает, что такое представление является плодом неправомерного перенесения физических и логических представлений на область языковых отношений. Он убедительно показывает, что события, которые в физическом плане выступают как характеризующиеся двойным отношением во времени, грамматическими формами времени представляются как действия, характеризующиеся только через отношение к одному событию, а именно к тому, которое составляет содержание высказывания, т. е. к сообщенному событию. И. Пенчев пишет: «нет времен с двойной ориентацией, т. е. относительные времена не имеют грамматически выраженного отношения (отношения, выраженного с помощью форм глагола) к моменту речи»⁶. Поэтому он вслед за Р. О. Якобсоном считает необходимым выделить болгарские относительные времена в особую категорию, именуемую таксисом.

Однако возникают некоторые сомнения относительно целесообразности такого категориального противопоставления болгарских относительных и абсолютных времен на грамматическом уровне.

Во-первых, в самой работе Р. О. Якобсона есть высказывание, которое дает основание думать, что таксис скорее надо отнести к синтаксису, чем к грамматике: «Время, — пишет Р. О. Якобсон, — в зависимых таксисах само функционирует как таксис (разрядка наша — *И. Б.*): оно указывает на временные отношения с главным сообщенным событием, а не с актом речи, как это имеет место в независимых таксисах» (§ 3.5.1)⁷. Правда, здесь речь идет о русских временах, которые не знают противопоставления относительных и абсолютных времен. Однако, если иметь в виду в болгарском языке не относительные времена, а абсолютные, то можно констатировать аналогичное положение, о чем скажем еще ниже.

Во-вторых, само содержание интересующих нас здесь грамматических категорий и прежде всего содержание категории времени, как оно обычно трактуется в трудах по грамматике и в частности в названных выше работах, не согласуется с некоторыми фактами, которые всем известны, но которые тем не менее почему-то в расчет обычно не берутся. Мы имеем в виду следующее.

Ни в русском языке, который характеризуется трехчленной системой времен, ни в болгарском языке, в котором представлена

⁵ Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. Перев. с болг. В. В. Бородич. М., 1949, стр. 169.

⁶ И. Пенчев. Указ. соч., стр. 134.

⁷ R. Jakobson. Указ. соч.

многочленная система времен, совсем нет времен, которые бы выражали и с к л ю ч и т е л ь н о отношение сообщенного события к «моменту речи».

Это представляется общезначимым и общепризнанным для русского языка, поскольку в нем нет двух рядов форм, как в болгарском, и поскольку формами каждого из трех времен можно обозначить как действие, время протекания которого определяется относительно «момента речи», так и действие, время протекания которого определяется относительно другого сообщенного действия. Таким образом, указание на «момент речи» не может рассматриваться в качестве постоянного обязательного характеристического элемента в грамматическом значении русских глагольных времен, на что еще в свое время указывал Е. Курилович⁸.

Как же обстоит дело с абсолютными временами в болгарском языке?

И. Пенчев убедительно показал, что в болгарском языке в качестве признака, разграничивающего относительные и абсолютные времена используется не то, двояким или простым отношением во времени характеризуется действие, а то, какое именно событие (акт речи или сообщенное событие) выбирается в качестве непосредственной системы отсчета времени. Однако его дальнейшие рассуждения вызывают несогласие. Из верного положения о том, что относительные времена грамматически не выражают отношения к «моменту речи», И. Пенчев делает далеко не самоочевидный вывод о том, что именно отношение к «моменту речи» может рассматриваться в качестве признака, лежащего в основе противопоставления этих групп времен. Он пишет: «Между глагольными формами имеется различие: одни выражают отношение к моменту речи (имеются в виду абсолютные времена — *И. Б.*), другие — не выражают (имеются в виду относительные времена — *И. Б.*)»⁹.

О характере этой оппозиции И. Пенчев ничего больше не говорит. С нашей точки зрения, можно утверждать, что интересующие нас здесь группы болгарских времен находятся в отношении, которым характеризуются члены привативной оппозиции, однако в качестве отмеченного члена в этой оппозиции выступают не абсолютные времена, как это получается у И. Пенчева, а относительные. В качестве же признака, лежащего в основе этого противопоставления следует назвать не отношение к «моменту речи» (абсолютный момент), как это полагает И. Пенчев, а отношение ко времени совершения сообщенного события (относительный момент). Обратим внимание на следующие факты.

Формы относительных времен в отношении выражения момента отсчета характеризуются однозначностью. Ими никогда

⁸ Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 142.

⁹ И. Пенчев. Указ. соч., стр. 134.

не обозначаются действия, время которых в физическом плане определяется относительно «момента речи», но они всегда используются для обозначения действий, время которых в физическом плане определяется относительно других действий сообщения. В тексте это находит себе выражение в характерном явлении, именуемом в болгарской лингвистике «симбиозом» форм времени¹⁰: в неэллиптическом высказывании формы относительных времен всегда употребляются в сочетании с формами абсолютных времен. Так, исследователи постоянно отмечают симбиоз форм перфекта с формами настоящего времени, форм имперфекта, плюсквамперфекта и «будущего в прошедшем» с формами аориста. Сказанное убеждает в том, что именно указание на относительный момент, а не неуказание на абсолютный момент, положительно характеризует относительные времена и должно быть включено в качестве неотъемлемого элемента в инвариантное значение форм этих времен.

Напротив, для форм абсолютных времен характерна многозначность. Когда Й. Пенчев определяет их как формы, выражающие отношение к «моменту речи», он прав лишь с весьма существенными оговорками. Действительно, для обозначения действий, характеризующихся в физическом плане непосредственной соотнесенностью по времени с актом речи, в болгарском языке могут быть употреблены только формы абсолютных времен, но при этом надо иметь в виду следующее. Такое значение абсолютные времена принимают только в определенных контекстах, а именно тогда, когда они употребляются совместно с формами относительных времен. Но в отличие от форм относительных времен они могут употребляться и самостоятельно. В таком случае они могут использоваться и для обозначения действий, время которых в физическом плане лишь косвенно соотносится с моментом речи.

Рассматривая возможность отнесения относительных времен к категории таксиса, Й. Пенчев ссылается на возможность замены деепричастий формами относительных времен. Обратим, однако, внимание на то, что формы относительных времен сами могут заменяться формами абсолютных времен. Так, например, любой болгарский текст, в котором употребляются наряду с формами аориста такие относительные времена, как имперфект, плюсквамперфект и «будущее в прошедшем», может быть без ущерба для понимания переписан так, что в нем будут употребляться только формы аориста. Таким образом, формами аориста могут передаваться любые действия, обозначенные формами любого из названных выше относительных времен. Наконец, формы абсолютных времен могут употребляться при описании нейтраль-

¹⁰ Ц. М л а д е н о в. Времената в брезнишкия говор. «Статьи и материалы по болгарской диалектологии», вып. 9. М., 1960, стр. 35.

ных ситуаций, для которых отношение действий к «моменту речи» оказывается не существенным (вспомните, например, так называемое «настоящее вневременное»).

Наличие такой ситуации в болгарском языке дает основание констатировать следующее. Между группой относительных и группой неотносительных времен существует корреляция, которую принято называть привативной. В качестве маркированного члена оппозиции выступает группа относительных времен. Поскольку положительно формы этих времен характеризуются тем, что всегда указывают на относительный момент, постольку в качестве дифференциального признака, на который опирается противопоставление этих групп времен, должно быть названо указание не на абсолютный, а на относительный момент. И если перефразировать И. Пенчева, то можно сказать, что в болгарском языке одни времена выражают грамматически отношение к относительному моменту, другие — не выражают.

Вместе с тем напрашивается и более общий вывод. Поскольку относительные времена грамматически н и к о г д а не выражают отношение к «моменту речи» (абсолютному моменту), а неотносительные (абсолютные) времена выражают его не в с е г д а, то следует согласиться с Е. Куриловичем в том, что такой непостоянный признак как «момент отсчета», или, как говорит Е. Курилович, «временная вежа», не может вообще рассматриваться в качестве элемента, «конституирующего содержание категории времени»¹¹.

Синтаксический анализ творительного падежа

Ж. Вейренк

Институт славяноведения АН СССР посвятил много работ синтаксису падежей в славянских языках. В монографии, представляющей собой коллективный труд, созданный под редакцией проф. С. Б. Бернштейна¹, речь идет главным образом об употреблении творительного падежа (Т) и дается подробное описание значений падежа для всей области славянских языков

¹¹ Е. Курилович. Указ. соч., стр. 170.

¹ «Творительный падеж в славянских языках». Под ред. проф. С. Б. Бернштейна. М., 1958.

в исторической перспективе, что диктует применение классификации принципиально семантического характера. Используя данные этого фундаментального труда, мы предлагаем здесь преимущественно синтаксическую классификацию употребления Т, при этом ссылки на семантические категории даются лишь по мере необходимости, для ориентации.

Рамки анализа ограничиваются областью современного русского языка. Классификация применяется не к отдельно взятым формам Т, но к словосочетаниям с творительным падежом. Отношение Т к сочетанию, членом которого он является, определяется на основе трансформаций², порождающих рассматриваемое сочетание. Таким образом, мы пользуемся понятиями поверхностной структуры (терминальное сочетание или сложное высказывание) и глубинной структуры (базисные высказывания или элементарные предложения); признанные в качестве законных, взаимодействия между поверхностной структурой и глубинной структурой, выявляют природу синтаксических отношений и показывают в конечном счете единство структур.

1. Сочетания творительного падежа, основанные на инверсии диатезы

1а. Первое наблюдение — самое банальное. Конструкции, включающие так называемый Т агенса, представляют собой пассивную трансформацию активного оборота: *он был спасен другом* ← *друг спас его*; *обед готовится поваром* ← *повар готовит обед*. Три члена сочетания вместе изменяются от одного оборота к другому, и отношение равнозначности, устанавливающееся между Т и И (именительный), является солидарным с двумя другими отношениями, наблюдаемыми, с одной стороны, между И и В (винительный) и, с другой стороны, между страдательной и действительной формами глагола.

1б. Сочетание безличного типа *человека поранило пулей* предполагает две последовательные ступени трансформации: сочетание

² Условно в рамках настоящей статьи «трансформация» считается действительной лишь при условии, если она выполняется как в плане выражения, так и в плане содержания. Таким образом, допускается (а) *обед готовится поваром* ← (б) *повар готовит обед*, но не допускается (в) *обед готовится утром* ← (г) *утро готовит обед*, даже если внутренние отношения высказывания идентичны в (г) и в (б), ибо (г) будет отклонено всеми, пользующимися системой, как неадекватное ситуации, обозначаемой через (в). Так делает и Д. Уорс в своем трансформационном анализе творительного падежа в русском языке (см.: D. S. W o r t h. Transform analysis of Russian instrumental constructions. «Word», v. XIV, № 2—3. New York, 1958, стр. 247—290). Данные Д. Уорсом трансформы лишь частично совпадают с теми, которые предлагаются здесь. (Русский перевод названной работы Д. Уорса опубликован в сб. «Новое в лингвистике», II. М., 1962, стр. 637—683. — *Ред.*)

человек был поранен пулей, которое является вариантом класса Ia, и, в свою очередь, его основу — сочетание *пуля поранила человека*.

Ив. В сочетании *дорогу занесло снегом* поверхностная структура такая же, что и в Ib, но не такова глубинная структура. Ибо Ив возможно только с префиксальными глаголами в отличие от Ib: можно сказать *человека ранило пулей*, но нельзя *дорогу несло снегом*. Эти противоположные свойства отражают различную иерархию составляющих: в Ib префикс не является существенным в грамматическом отношении, и если он существует, то находится в зависимости от глагола, с которым он сочетается; в Ив именно префикс доминирует в сочетании, если глагол соответствует вторичной модальности, смежная функция которой будет выяснена при дальнейшем анализе.

II. Сочетания творительного падежа, основанные на имбрикации³ двух базисных высказываний

IIa. В сочетании *они засеяли поле пшеницей* T обычно рассматривается или как орудийное дополнение, или как дополнение сложного глагола. В действительности, специфика сочетания состоит в неотторжимости префикса: сочетание *они сеяли поле пшеницей* исключено точно так же, как и *дорогу несло снегом*. Чтобы отдать себе отчет в отношениях, которые лежат в основе сочетания, начнем с изъятия глагольного члена: ($\leftarrow$ *они за- (. . .) поле*), затем выявляем второе базисное высказывание, выражающее смежную модальность, представленную глагольным членом: $\leftarrow$ *они сеяли пшеницу*.

Сложное высказывание определяется, таким образом, как имбрикация двух базисных высказываний: *они за- (. . .) поле* и *они сеяли пшеницу*; при этом B (*пшеницу*) базисной структуры равнозначен T (*пшеницей*) сложной структуры.

Таким же путем отделяем сочетания *они засеяли поле машиной* ($\leftarrow^+$ *они сеяли машину*), *они засеяли поле всей бригадой* ($\leftarrow^+$ *они сеяли всю бригаду*) и т. д. Отделяем также сочетания: *они покрыли крышу черепицей* ($\leftarrow$ *крыли крышу черепицей*, но $\leftarrow^+$ *крыли черепицу*) от *они посыпали торт сахаром* ($\leftarrow^+$ *сыпали торт сахаром*, но $\leftarrow$ *сыпали сахар*); последний тип единственный, относящийся к классу IIa.

Имбрикация, осуществленная в *за-сеяли*, *по-сыпали*, так же как и в *за-бросали* (*забросали его камнями* в отношении к *забросили*

³ Имбрикацией здесь называется преобразование, основанное на таком соединении базисных высказываний, которое напоминает черепичное наложение (ср. лат. *imbrex, imbricis* 'черепица, черепичная крыша') [Ред.].

камни за дом) автоматически сопровождается изменением В (сеяли пшеницу) на Т (засеяли пшеницей). Если мы допустим ⁴, что глагол-основа (сеять) в силу синтаксической обусловленности, оказывающей на него принудительное воздействие, испытывает внутри сочетаний этого рода инверсию диатезы от активной (сеять → пшеницу) к медиальной (сеять ↔ пшеницей), тогда всю совокупность фактов, относящихся к классам I и II, можно подвести под единое определение: Т означает в отношении И или В преобразование активного оборота в пассивный (класс I) или медиальный (класс II). В обоих случаях имеет место формальная манифестация превращения внешней диатезы во внутреннюю диатезу.

IIб. Будем трактовать как вариант класса IIа сочетание типа *ствол оброс мохом* — имбрикацию от *ствол об-* (. . .) и *мох рос*. На поверхности IIб отличается от IIа отсутствием первого деятеля (одушевленное подлежащее *они*); сочетание включает только два именных члена (*ствол* и *мох*, соответствующие в структурном отношении словам *поле* и *пшеница*). На глубинном уровне отношения другие: во втором высказывании именно форма И, а не В, как в IIа, равнозначна Т терминального сочетания.

III. Сочетания, основанные на конденсации двух базисных высказываний

IIIа. Употребление так называемых творительных оформлений, совокупности, меры, которые относятся к числу наиболее продуктивных, основывается на конденсации двух базисных высказываний: *они радовались всей семьей* ← *они радовались + вся семья радовалась*; *они губили людей миллионами* ← *они губили людей + они губили миллионы*. Преобразование представляет собой двойную процедуру: а) вытеснение глагола, повторяющегося во втором базисном высказывании; б) изменение И или В (прямой падеж) в Т. Таким же образом мы будем интерпретировать так называемый творительный сравнения: *он летит стрелой* ← *он летит + стрела летит*. Функция творительного падежа (*с семьей, миллионами, стрелой*) состоит в инкорпорировании обозначаемой им сущности внутрь понятийного поля, занятого И или В (*они, людей, он*) в конечном сочетании. Тем самым творительный фиксирует отношение включения, которое не присутствует эксплицитно в базисной структуре.

IIIб. Тип предложения *он чист душой* может быть синтаксически интерпретирован подобным же образом: ← *он чистый + душа*

⁴ J. V e y r e n c. Structure aléatoire de l'énoncé minimum: syntaxe du préverbe en russe. «Otázky slovanské syntaxe», II. Brno, 1968, стр. 273—275.

чистая и параллельно: *он слаб здоровьем* ← *он слабый + здоровье слабое*.

Можно заметить, что в терминальном выражении прилагательное представлено в краткой форме; эта морфологическая черта, которая подразумевает концентрацию качества или свойства, внутренне гармонирует с характером включения, которое механически проявляется в превращении И (*душа, здоровье*) в Т (*душой, здоровьем*). С этим так называемым творительным определением внутренне объединяется так называемый творительный причины типа: *он этим интересен* ← *он интересный + это интересно*. Включение, осуществляемое с грамматической точки зрения изменением И (*это*) в Т (*этим*), имеет свой лексический эквивалент в предложении *это в нем интересно*. Зато творительный причины, свидетельствуемый в предложении *он спасся чудом*, не подходит под критерии этого рода: анализ сочетаний по их отношениям к глубинной структуре приводит к нарушению границ семантических классов.

IIIв. Так называемый Т средства или орудия образует класс, не вполне однородный с точки зрения преобразований. В предложении *убедили его доводами* выделяем две базы: *убедили его* и *доводы убедили его*. Та же операция остается возможной в границах предложения *убили его ножом* ← *убили его + нож убил его*. Но она исключается в случае *он ест вилкой*, так как *вилка ест* является высказыванием, неадекватным содержанию окончательного сообщения.

Для синтаксической трактовки Т в предложении *он ест вилкой* нужна предварительная операция семантического анализа. В семантической зоне, охватываемой глаголом *есть*, можно выделить две разных семы: *брать пищу* и *поглощать пищу*. Если исходить из первой семы, то получим в качестве второго базисного высказывания *вилка берет пищу*, которое приемлемо на тех же основаниях, что и *нож убил его*. Чтобы обозначить эту процедуру двух уровней, опирающуюся на часть семантического поля, можно принять термин «секторальная трансформация». Тем самым мы наделяем синтаксическим статусом случаи употребления, обычно обозначаемые как наиболее «конкретные» (см. класс V).

IV. Сочетания творительного, основанные на скреплении двух базисных высказываний

IVа. Скрепление заключается в простом соединении двух сложных базисных высказываний с изменением И второго высказывания на Т конечного сочетания. В противоположность конденсации, скрепление не подразумевает никакой операции вытеснения. Таким образом можно трактовать синтаксически так назы-

ваемый творительный частей тела: *он сидит спиной к стене* ← *он сидит + спина к стене*. Изменение И (*спина*) в Т (*спиной*) указывает на отношение включения, которое утверждается внутри конечного высказывания, где *спиной* может пониматься только как часть одушевленного субъекта.

IVб. Сочетание типа *у меня книга стоимостью в сто рублей*, где *стоимостью* обычно рассматривается как Т определения, интерпретируется синтаксически как скрепление *у меня книга и стоимость — сто рублей*. Конечное сочетание, которое включает И (*стоимость*) в форме Т (*стоимостью*), изменяет отношения базисной структуры, концентрируя сказуемость (*в сто рублей*) над *стоимостью*, принятой за очаг ареала, охваченного книгой. Изменение сочетания *сто рублей* (базисная структура) в *в сто рублей* (терминальное сочетание) подтверждает процедуру включения.

V. Сочетания, допускающие сокращение при секторальных трансформациях

Vа. Возьмем три сочетания: *они ехали пароходом*, *они ехали морем* и *они ехали вечером*, которые, по-видимому, не зависят от какой-либо из предыдущих операций. Если мы хотим здесь отказаться от семантических этикеток, определяющих Т соответственно как дополнение средства, места и времени, нужно в каждом случае построить второе базисное высказывание на секторе, адекватном ареалу, покрытому глаголом *ехали*. Первой, вполне точно определенной семой в *ехали* мы считаем сему «вспомогательного передвижения»: *пароходом* входит в содержание этой первой семы как отражение равнозначного ему И нижележащей структуры типа *пароход шел*. Другая сема, представленная в *ехали*, — это сема «пройденного расстояния»; эта вторая сема, не столь точно определенная, как первая, включает *морем*. Что касается слова *вечером*, то оно соответствует самой общей семе, характерной для любой глагольной функции, которую можно назвать семой процесса. Масштаб сочетаемости форм *пароходом*, *морем* и *вечером* является функцией, обратной степени спецификации, свойственной для каждой из трех рассматриваемых сем; сочетаемость ограничена для *пароходом* и неограничена для *вечером* — последняя форма допустима при любой предикативной синтагме (*она красивая вечером*).

Vб. Творительный дополнения при сравнительной степени прилагательного выделяется тем же методом секторальной трансформации: в сочетаниях *позже годом* или *этажом выше* формы *позже* и *выше* разлагаются на сему качественную (*поздно*, *высоко*) и сему количественную (*более*) — добавочную сему, соответствующую грамматическому значению степени сравнения, выража-

ющей преобладание: именно с этой последней семой сочетается Т, указывающий количество, включаемое путем присоединения (*год, этаж*).

VI. Сочетания, ставшие на путь застывания

Синтаксическое застывание соответствует ликвидации соотношений между поверхностной структурой и глубинной структурой. Оно проявляется в различной степени.

VIа. Синтагма творительного допускает свободную вариацию определяющего прилагательного в сочетаниях: *смотрели на него холодным / спокойным взглядом, отплатят тебе той же / другой монетой*. Т выражает включение форм *взглядом, монетой*, взятых из поля глаголов *смотреть, платить*. Дополнение часто бывает того же корня, что и глагол: *смеется громким смехом, болели острой болью*. Таким образом, детерминация формально проявляется как внутренняя. Все эти конструкции основываются на скреплении двух основных высказываний: *смеется + смех громкий*, как и в пункте IVа. Но механический характер соединения (*смотреть — взгляд, смеяться — смех*) позволяет говорить о частично застывших сочетаниях.

VIб. В *она хороша / недурна собой* свобода сочетаемости сокращается до ограниченного выбора прилагательного-предиката. В глубинной структуре отождествляем два идентичных базисных высказывания: *она хороша + она хороша*, сгущением которых является *она хороша собой* — согласно формуле, определенной в пункте IIIб, и с применением обязательной рефлексивной трансформации (*ей — собой*).

VIв. Другие сочетания отвергают какое бы то ни было внутреннее увеличение или изменение. Таким образом, Т множителя в *пятью восемь* ($\leftarrow$ *восемь* $\times$ *пять*) и Т, называемый тавтологическим, в *дурак дураком* ($\leftarrow$ *дурак + дурак*) или *осел ослом* ($\leftarrow$ *осел + осел*) — сложное сочетание, выражающее здесь включение знака в самое себя (ср. *круглый дурак, круглый осел*).

VIг. В *беге бежать, поезде есть, давным давно* застывание является окончательным и категорическим.

Главный тезис.

Все случаи семантических употреблений Т могут быть интерпретированы исходя из синтаксических критериев, при этом процедуры анализа по семам привлекаются лишь в качестве вспомогательных. Высказывания, которые содержат эти употребления, делятся на три группы в зависимости от того, происходят ли они от имбрикации, конденсации или скрепления двух базисных высказываний. По отношению к своему эквиваленту в базисной структуре, который всегда является прямым падежом

(И или В), Т в составе конечного сочетания может быть охарактеризован как падеж включения. Его грамматическая функция — установить внутренние отношения между обозначаемой им сущностью и солидарным ему окружением. Перестановка в отношениях составляющих соответствует эффекту внутренней диатезы, при которой Т всегда определяется как осязаемый и постоянный знак. В связи с этим получают новое освещение сочетания с фиксированным управлением.

VII. Сочетания с фиксированным управлением. Невозвратные глаголы⁵

VIIa. В сочетаниях *он заведует библиотекой, командует полком* Т обозначает скорее внутренний мотив компетенции, чем внешнее определение. Но шире, в сочетаниях *он обладает способностями, он располагает деньгами*, Т представлен как зависящий от свойств самого субъекта. Едва ли не постоянный характер *imperfectivum tantum* находится в соответствии с внутренней природой диатезы, которая выявляет в Т средоточие компетенции, не обозначая ее границ. Отметим, что управление парных по виду глаголов с тем же самым значением отличается от управления *imperfectiva tantum*: ср. *возглавить / возглавлять делегацию, направить / направлять судно* в отношении к *править* или *управлять машиной* (исключение — *управить*), но *вести / повести машину*.

VIIб. С добавлением одного актанта, фактитивные корреляты показывают, что свойствами объекта (в Т) наделяется (через посредство И) актанта, обозначаемый через В: *обеспечили его средствами, наделили ее талантами* — фактитивные обороты, соответствующие сочетаниям: *он располагает средствами, она обладает талантами*. Выражая активный процесс атрибуции, глаголы этого класса объединяются по виду. Что касается внутренней диатезы, то она устанавливается через объединение Т с В.

VIIв. Глаголы, которые управляют конкурирующими падежами В и Т, противопоставлены по диатезе: *двигает стакан, дергает веревку, бросает камни* выражают внешнюю диатезу, *двигает пальцем, дергает плечом, бросает камнями* — внутреннюю диатезу.

VIIг. Внутренняя диатеза констатируется для *мигать (глазами), махать (рукой), кивать (головой)* и др.

VIIд. При глаголах, которые допускают конкуренцию нуле-

⁵ Классификация, представленная под пунктами VII и VIII, была широко использована в главе, которую Роман Мразек посвятил творительному объекту в своей книге «Синтаксис русского творительного» (Прага, 1964, стр. 180—205).

вого распространения и распространения через Т (*обедать, страдать*), Т выражает спецификацию, взятую из поля глагола (*обедать овощами, страдать мигренью*).

VIIе. Следует отнести к III классу сочетания типа *лес гудел голосами*, представляющие собой конденсацию сочетаний *лес гудел + голоса гудели*. Отношение включения лексически фиксируется в сочетании *голоса гудели в лесу*.

VIIж. Безличный оборот *пахнет сеном* (характер, присущий запаху) противопоставляется в отношении диатезы сочетанию *сено пахнет* (источаемый запах). Его можно рассматривать как вариант класса I.

VIIз. Сочетание *он истекает кровью* — имбрикация из *он из- (. . .) + кровь течет* — относится к классу II.

VIII. Сочетания с фиксированным управлением. Возвратные глаголы

VIIIа. Pronominalia tantum без префикса или с неотделяемым префиксом, когда они управляют творительным, выражают свойство, местопребыванием которого является подлежащее: *гордиться успехом, наслаждаться жизнью*.

VIIIб. Pronominalia tantum с отделяемым префиксом ведут себя иначе: *он объелся пирогами* ← *он объ- (. . .)-ся + он ел пироги*, *они перекидывались снежками* ← *они пере- (. . .)-сь + они кидали снежки*. Этот тип представляет собой вариант II класса, при этом возвратный показатель соответствует объекту первого базисного высказывания.

VIIIв. Парные возвратные глаголы, которые допускают инверсию своей диатезы в активную, представляют собой предельный случай I класса: *он удовлетворяется этими условиями* ← *эти условия удовлетворяют его*, *он восхищается музыкой* ← *музыка восхищает его*.

VIIIг. Наконец, отношение функционирования некоторых возвратных глаголов и их активных коррелятов образует простую оппозицию управления Т / В: *меняются местами / меняют места, делятся мыслями / делят мысли*. Различие значений отражает обратные отношения в диатезе.

IX. Сочетания, содержащие творительный предикативный

О творительном предикативном можно говорить в тех случаях, когда Т является поверхностным отражением второго именительного (или И²) в предложении с двумя членами, типа И¹—И².

IXа. Характеристика включения, принадлежащая Т, позволяет отдать себе отчет в конкурирующих оборотах: *он был инженер и он был инженером*. В первом высказывании И² объединяется с И¹ отношением тождества или соответствия: *он и инженер* даны как равнозначные. Во втором высказывании Т вступает с И¹ в отношения включения или внутреннего отношения. Оппозиция того же порядка существует между сочетаниями *он стал силен и он стал сильным, он кажется силен (или сильный) и он кажется сильным*: как раз в последнем примере наблюдаемое семантическое различие является вторичным эффектом оппозиции грамматических отношений. Лексическая полнота связочного глагола может свести к нулю шансы появления отношений тождества. Отметим, напротив, что со словами *один, сам и весь* как элементами предикации Т исключается: эти единицы даны как адекватные полю, покрытому И¹, и поэтому могут вступать с И¹ лишь в отношения соответствия.

IXб. Явление конкуренции между Т и В больше совсем не встречается в русском языке, где говорят: *они считают его вождем, но не вождя*. В высказываниях этого рода, включающих трех деятелей (*они, он и вождь*), отношение, которое связывает *он и вождь*, основывается на предикации второй степени: наибольшая сложность грамматического механизма ограничивает такую конкуренцию, которая наблюдается в предикациях первой степени (*он (был) вождь / вождем*), и отношение главным образом представляется в форме логического включения. По отношению к прежнему состоянию, при котором был известен «второй винительный» в функции предметного сказуемого, современный синтаксис свидетельствует, таким образом, о более высокой степени абстрактности. Можно заметить, что конструкция *звали его Иван*, носящая явно исключительный характер, в форме И представляет предикат тождества, несовместимый с отношениями включения. Наоборот, сближаются сочетания *избрали его депутатом и избрали его в депутаты*, где отношение включения лексически выражено при помощи *в + винительный*.

Заключение

А. С точки зрения современного языка название «творительный» не соответствует фактам. В большей части своих употреблений Т не играет роли инструмента действия. Даже если эта функция и первична генетически, она все же не может считаться главной в современной системе. Если принять во внимание совокупность особенностей, побудивших нас определить Т как проявление внутренней диатезы высказывания, точнее было бы говорить об инклюзивном падеже, так как признак включения соответствует

инварианту, находящему свое выражение во всех тех синтаксических механизмах, которые мы пытались подвергнуть анализу.

В. В результате работ о падежной системе, выполненных Романом Якобсоном, а также дальнейших следовавших за ними исследований, стала допускаться идея фундаментального единства падежа. Но форме творительного как таковой нельзя приписать никакого фундаментального значения. Как функционально однозначное может быть описано как раз о т н о ш е н и е, которое объединяет эту форму со всем высказыванием: «включение» или «внутренняя связь» могут пониматься только в составе отношений.

С. Случаи употребления, наиболее ясно характеризуемые синтаксической трактовкой — это как раз те случаи, которые проявляют наибольшую жизнеспособность и которым можно предсказать дальнейшее развитие. Другие же перестают употребляться или кристаллизуются в наречия.

Перевели с французского

Е. М. Заблудовская и К. И. Ходова

К вопросу о лексико-синтаксической и чисто синтаксической синонимике

И. Вукович

1

Среди насущных проблем современного языкознания выдвигается проблема объединения и вместе с тем разграничения языковых фактов, относящихся одновременно к лексикологии и синтаксису предложения, а также к фразеологии и синтаксису предложения. Если всякое явление, к какому бы разделу лингвистики оно ни относилось, трактовать в соответствии с современными представлениями как единство ф о р м ы — з н а ч е н и я — ф у н к ц и и, то перед исследователем неизбежно должен встать вопрос о взаимопроникновении морфологии и синтаксиса, фразеологии (входящей как в лексикологию, так и в синтаксис) и синтаксиса и т. д. Из этого следует в первую очередь то, что синтаксис предложения на современном этапе его изучения должен включать в себя и лексикологию (намного шире, чем это

было возможно в рамках традиционного языкознания), и фразеологию (совсем иначе, чем это могло быть сделано традиционными методами, не учитывавшими связи этих двух дисциплин). Как только ставится в более широком плане проблема связи лингвистических уровней, на которых языковые факты рассматриваются в их семантическом (или, лучше сказать, функционально-семантическом) взаимодействии, неизбежно в сферу наших интересов попадает и уровень лингвистической стилистики (функциональная оценка каждого явления — лексического, лексико-морфологического, фразеологического и уже синтаксического — как стилистически маркированного или стилистически немаркированного по отношению к другому явлению с идентичным значением). Точно так же мы приходим и к тому, что синтаксическое исследование должно включать в себя и элементы фонологического порядка: в любой непосредственной реализации языкового содержания сила воздействия говорящего на слушателя, как необходимая составная часть передаваемого сообщения, проявляется также на фонологическом уровне. В этом смысле уже сейчас, хотя еще в недостаточно четком виде, вырисовывается звуковая значимость предложения: от фоностилистических до всей совокупности интонационных эффектов в самых разнообразных видах речевой коммуникации.

Чтобы выработать критерии, удовлетворяющие каждому из этих уровней, очерченных здесь в столь сложной комбинации, наука о языке должна стремиться к реализации (а в этом мы находимся еще на начальном этапе) тех идей, которые в самых разных областях предлагает новейшее языкознание. При этом понятен страх (о котором часто говорится в лингвистической литературе последних лет), что отдельные лингвистические дисциплины, особенно синтаксис, окажутся слишком расплывчатыми при столь широком определении их границ. Однако я считаю, что этой вполне реальной опасности можно избежать, если принять строгие критерии, которые бы, постепенно формируясь и последовательно применяясь, обеспечивали систематичность лингвистического исследования, постоянно подвергая проверке и всестороннему анализу теоретические положения. Если применять каждый раз, когда это требуется, принципы, выработанные в фонологии, то и в области синтаксиса предложения даже при столь усложненном понимании этой дисциплины, исследователь может идти вперед, не теряя при этом твердой почвы под ногами. Занимаясь в последнее время больше всего вопросами синтаксиса предложения в очерченном выше аспекте, я попытаюсь особо указать на релевантность лексикологии и морфологии в любом синтаксическом исследовании и на их все более тесную связь с синтаксисом вообще.

Совсем недавно в область синтаксиса предложения была включена синтаксическая синонимика (на уровне словосочетания и предложения). В этой связи укажем на книгу С. Ульмана как на одну из новаторских работ последнего времени, в которой область семантики представлена как «изучение „смыслов“ и „функций“, т. е. значений слов и синтаксических конструкций»,¹ цель которого — раскрытие отношений между означаемым (*signifié*) и означающим (*signifiant*). Если исходить из лексикологических принципов, на которых основаны понятия синонимии, полисемии и омонимии², можно, сравнив лексические и синтаксические синонимы, констатировать лексико-синтагматическую синонимику (*auto-put*, лексическая единица = (∞) *automobilski put*, синтаксическая единица, или *kolovoz* = *kolski put* и т. п., синонимичные оппозиции лексических и синтаксических структур); и далее возможно сравнение ч и с т о синтаксических синонимов (словосочетаний и предложений: *raspravljati o pitanju*, *raspravljati povodom pitanja*; *k a d smo se okupili*, *počeli smo sednicu* = *p o š t o smo se okupili*, *počeli smo sednicu* ≠ *č i m smo se okupili*, *počeli smo sednicu* и т. п.). Более широкая разработка синтаксической синонимии может помочь нам в изучении взаимных отношений между формой и значением и функцией во всех остальных разделах синтаксиса.

Этот путь лексико-синтаксического и синтаксического анализа, как мне кажется, надежнее всего может привести к осуществлению идеи, выдвинутой Н. Трубецким в его известном труде «Основы фонологии». Как хорошо сказал (проиллюстрировав это на примерах) Жан Кантино в своей статье «Сигнификативные оппозиции»³, в фонологии функциональная значимость звуков определяется путем установления д и с т и н к т и в н ы х (дифференциальных) оппозиций в фонетической системе, по тому же принципу возможно на основе сходства и различия определять отношения между значимыми элементами в языке. «... Можно ли распространить метод, характерный для фонологии и состоящий в изучении формальных отношений сходства и различия, на другие разделы лингвистики?» — спрашивает автор и отвечает: «Да, без всякого сомнения». — «Трубецкой, — продолжает Кантино, — прекрасно сознавал общий характер своей системы оппозиций, он писал в „Grundzüge“ (стр. 94) французского издания: „все эти принципы классификации действительны не только для фонологических оппозиций, но и для любых других систем оппо-

¹ S. U l l m a n. Précis sémantique française. Berne, 1952, гл. I.

² Там же, гл. VII—IX.

³ J. C a n t i n e a u. Les oppositions significatives. «Cahiers Ferdinand de Saussure», 10. Genève, 1952.

зий: они не заключают в себе ничего специфически фонологического»⁴.

Мы имеем прямую возможность устанавливать отношения между падежными формами, между формами суффиксальных и префиксальных морфем при словопроизводстве, между формами словосочетаний и предложений путем сравнения формальных различий при идентичном значении, с одной стороны, или формальных сходств при различных значениях (основных или контекстуальных), с другой стороны (оппозиция форм и их значений). Если речь идет о лексических (сложные и производные слова) и о синтаксических формах (словосочетание и предложение), то основным принципом является отношение формальной модели (signifiant) и всех возможных значений (signifiés), которые данная модель включает (обслуживает). В сербохорватском языке, например, суффиксы *-lac*, *-ač*, *-tor*, *-telj*, *-iša*, *-ica* используются для образования отглагольных существительных со значением действующего лица (активное действующее лицо: *čitalac*=lice koje *čita* — в квалификативном смысле) *čitač*=lice koje *glasno čita*; *rukovodioci*=*rukovodeći ljudi*; *reditelj*=lice koje *režira* (ср. и *redaktor*=lice koje *rediguje*), *kreditor*=lice (ustanova) koje *kreditira*; *posudilac*=*posudjivač*=*posuditelj*=lice koje *posudjuje* (*pozajmljuje*); *radiša*=lice koje (*marljivo*) *radi* и т. д. В каждой из конструируемых таким образом моделей существуют различные возможности противопоставления: а) либо семантически противопоставленные значения соответствуют дифференциальным признакам формальных моделей; б) либо семантические противопоставления допустимы в рамках одной модели (*čitalac*, квалификативное в принципе значение ∞ *davalac*, актуальное значение: тот, который в данный момент дает (*daje*), основное значение, которое может развиться и в квалификативное); в) либо тождественные семантические значения характерны для двух или более формальных моделей (*molilac*=*molitelj*, *spasilac*=*spasitelj*, однако тождество нарушается, когда вторая форма получает исключительно квалификативное значение).

Как видно из приведенных примеров (модели в значении действующего лица, откуда может развиться и значение носителя признака, обусловленного значением глагола), суффиксы придают новым лексическим единицам семантику синтагмы в рамках лексической структуры. Если какая-нибудь из подобных лексических единиц трансформируется в синтаксическую структуру, например, *rukovodioci* → *rukovodeći ljudi*, получаем: а) формальные оппозиции лексическая единица ∞ синтаксическая единица; б) семантические оппозиции в виде равенства: лексическое значение ∞(=) значение синтагмы (типичный пример

⁴ Там же, стр. 16.

лексико-синтаксической синонимии); в) стилистические оппозиции в соотношении семантически тождественных форм на основе корреляции: стилистически нейтральная форма (*rukovodioci*) и стилистически маркированная (*rukovođeci ljudi*), так как вторая форма употребляется только тогда, когда желают подчеркнуть общественную функцию людей, которые руководят работой. При изучении любых лексических или лексико-синтаксических явлений, а особенно синтаксических, надо иметь в виду указанные три уровня: формальный (лексическая или синтаксическая модель), семантический (смысловой) и стилистический (функциональное отношение, связанное с различием эффектов, которые желательно достичь в различных разговорных ситуациях).

3

Если мы выделим особо область синтаксической синонимии и лексико-синтаксической синонимии в той мере, в какой она может быть связана с первой, то перед нами открываются чрезвычайно сложные перспективы нашего лексико-синтаксического исследования: во-первых, в плане классификации категорий, с которыми в данном языке могут соотноситься модели выражения (лексико-синтаксические и собственно синтаксические), во-вторых, в плане соотношения диахронии и синхронии в системе одного языка. В специальной работе «Ka problemima ređeničke sinonimije» (в печати) я попытался разработать первый из названных планов. В данный момент актуально указать в самом общем виде на необходимость и значение разработки второго плана для того, чтобы в рамках соотношения «синхрония : диахрония» исследовать развитие и функции синонимичных форм, развившихся на синтаксическом уровне.

Прежде всего в синхронии одной языковой системы явления могут возникать по-разному, неодинаково развиваться и различно функционировать в диалектной перспективе языковой системы, а с другой стороны, они различно функционируют с точки зрения языковой нормы (литературный язык); кроме того, следует иметь в виду и различия между стандартным (литературным) языком и его подсистемами. Если взять из приведенных лексических примеров формы со значением действующего лица с суффиксом *-tor*, то увидим, что они возникли как элемент литературного языка за счет лексических заимствований из других языков (*kreditor* = *poverilac*, *zajmovačac* и т. п.). В таких случаях синонимия (если она возможна) перемещается на уровень лексических оппозиций, и, таким образом, слова противопоставляются (отчасти) стилистически. Если сравнить слова с суффиксами *-lac* и *-ač*, то различия между ними определяются продуктивностью первого

суффикса в стандартном языке, когда речь идет о лице, носителе глагольного значения, и, наоборот, меньшей продуктивностью в этой сфере значения второго из суффиксов (*pokretač, preduzimač, čitač, orač, korač*), который, однако, продуктивен в инструментальном значении: *zatvarač, prekidač, čitač* (в значении аппарата для чтения) и т. д. В отличие от этих суффиксов, стилистически нейтральных (кроме тех случаев, когда они противостоят словам иностранного происхождения и собственно сербохорватским образованиям), суффиксы *-telj, -iša, -lica* всегда привносят стилистическую окраску от едва заметной до ярко экспрессивной (кроме случаев, когда никакой другой суффикс в данном значении не употребляется). Слова *gradilac* и *graditelj* (из которых одно более новое, другое — более архаичное) стилистически окрашены, хотя и незначительно; а суффиксы *-iša* и *-lica* всегда подчеркнута экспрессивны (*hvališa, radiša, štediša; neznačica, sveznačica, ulizica* и т. п.) вследствие того, что такие слова по форме своей необычны: они имеют одну форму для мужского и женского рода (нейтрализация оппозиции рода), оба из этих суффиксов непродуктивны: эти редкие формы появились в языке с подчеркнута позитивным (*radiša, štediša*) или подчеркнута негативным (*hvališa, neznačica* и т. п.) оценочным значением. Если в качестве синонима (противопоставления) к этим суффиксальным формам может быть образовано словосочетание, то они будут противопоставлены друг другу как носители большей или меньшей экспрессивности (градации экспрессивности: *sveznačica, sveznajući čovek, sveznačica Marko sveznajući Marko* и т. п.).

Если такие или подобные отношения обнаруживаются в диахронии, то перед нами открываются два плана, причем всякое явление следует рассматривать в каждом из них особо: а) в современном языке речь должна идти о возникновении (когда?) форм и их значений и об утрате форм и их значений, б) в родственных языках с общим (для нас праславянским) праязыком — о происхождении форм и значений, их развитии на почве каждой отдельной языковой системы (сравнительное лексико-синтаксическое и лексико-семантическое изучение, специально в рамках синонимии).

Если, скажем, *bio je učitelj u našem selu* рассматривать в указанных аспектах, можно констатировать, что эта модель получила распространение на большей части сербохорватской территории. Возникла она в результате трансформации старой славянской формы: *bio je učiteljem (bio je učiteljem → bio je učitelj)*. В плане отношений наших двух вариантов литературного языка более старая, форма творительного падежа является типичным признаком хорватского варианта, более древняя из этих двух форм сохранилась в живом употреблении в восточных и западных славянских языках. В своей книге «Основания порождающей грамматики русского языка» С. К. Шаумян и П. А. Соболева в разделе «Транс-

формационные поля и грамматическая синонимия»⁵ дали интересную и обстоятельно разработанную основу для изучения синтактико-семантических структур, которая весьма успешно может быть использована при сравнительном изучении синтаксической синонимии в славянских языках. Сопоставление всего лишь нескольких русских и сербских примеров позволяет сделать чрезвычайно важные с точки зрения наших компаративных интересов выводы. Возьмем примеры синтагм, параллельные как в отношении формы, так и по значению: *мы шли лесом* → *мы шли через лес*⁶ = *mi smo išli šumom* → *mi smo išli kroza šumu*; *машина объехала болото* → *машина объехала вокруг болота* = *auto zaobišao blato* → *auto obišao oko blata*. Однако синонимический параллелизм русского и сербскохорватского языков отсутствует в примерах типа: *он не пришел из-за дождя* → *он не пришел по причине дождя* = *on nije došao zbog kiše (usled kiše, stoga što je bila kiša* и т. п., т. е. в сербскохорватском нет формы, которая бы соответствовала первой синонимической форме *из-за дождя* в русском языке). Что касается предложений, то примерами, показывающими очевидное различие между этими двумя славянскими языками, являются модели: *влага пропитала лес* → *влагой пропитало лес*; *луна осветила дорогу* → *луной осветило дорогу*⁷ (активная и медиальная форма предложений) = *vlaga natopila šumu* → *vlagom je natopljena šuma*; *месец је осветио пут* → *месецом је осветљен пут* (активная и пассивная форма, но нет медиальной). Русская модель *мне мечтается о счастье* (= *я мечтаю о счастье* — старая славянская форма) остается вполне употребительной, в то время как в сербскохорватском эта модель является диалектной и архаичной (у Негоша: *Ne misli se o tome Turcima* = *Turci o tome ne misle, nisu u situaciji da o tome misle*; у Мажуранича: *Vidi mi se, mrijet mi se пеће* и т. п.). В этом случае встает вопрос о происхождении: какая из двух форм более ранняя; причем целесообразно передавать отношения между исходными и вторичными формами. Сравнение форм придаточных предложений в составе сложного представляет особый интерес для изучения синтаксической синонимии. Если, скажем, сравнить синонимичные формы временных придаточных с союзом *когда* (русск.) и *kada* (серб.-хорв.) и другие придаточные времени, выражающие действия, одновременные с действием главного предложения, откроется широкая панорама фразовой синонимии; в этом плане полезно обратиться к анализу русских временных предложений, данному в статье А. З. Скрипниченко⁸.

⁵ С. К. Шаумян, П. А. Соболева. Основания порождающей грамматики русского языка. М., 1968, стр. 299 и след.

⁶ Там же, стр. 249.

⁷ Там же, стр. 283.

⁸ А. З. Скрипниченко. Временные парадигмы расчлененных сложно-подчиненных предложений. «Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики». М., 1968, стр. 297—316.

С. К. Шаумян и П. А. Соболева в упомянутом разделе своей книги справедливо указывает на необходимость изучения семантики (семантических полей) лингвистических единиц, больших, чем слово: словосочетаний и предложений, где лексические и синтаксические модели и их трансформации тесно связаны. Я не склонен думать, что следует идти только по пути выделения плана содержания и плана выражения и выявления взаимоотношений этих двух планов (в сущности значения, форма и отношения между ними, как предлагают Шаумян и Соболева — ср. стр. 145)⁹; при изучении всех явлений, и лексических и синтаксических, необходимо иметь в виду оба названных плана со всеми их особенностями и в их взаимоотношениях друг с другом. И также совершенно естественно возникает аспект стилистической оценки явлений, который в современных исследованиях по синтаксической синонимике совершенно или почти не представлен. Например, очень важно решить, какая из двух русских форм — *луна осветила дорогу* и *луной осветило дорогу* — функционирует как стилистически маркированный член оппозиции по отношению к другому, немаркированному, и далее, как эти отношения выглядят в стилистическом плане. Только тогда можно в полной мере понять функциональные особенности механизма языка во взаимодействии его формы и содержания.

Перевели с сербскохорватского
Р. В. Булатова и С. М. Толстая

К изучению конструкций с *да* в сербохорватском языке

В. П. Гудков

Состоящие из частицы (или союза) *да* и личной глагольной формы (презенс, перфект) конструкции, широко распространенные в южнославянских языках, все больше привлекают внимание

⁹ «Однако до сих пор не ставился вопрос об объединении в семантические (лингвистические) поля единиц, больших, чем слово, например, словосочетаний и предложений» (С. К. Шаумян и П. А. Соболева. Указ. соч., стр. 299).

исследователей, что находит свое выражение в довольно многочисленных публикациях. Возможны различные пути дальнейшего изучения этих конструкций. В качестве актуальной задачи остается и необходимость выявления их функционального спектра в отдельных языках.

В сербохорватском языке так же, как и в болгарском, конструкции «*да* + личная глагольная форма (презенс или перфект)» употребляются в независимых (главных) предложениях в качестве, во-первых, простого сказуемого, выражая императивное или оптативное, а в вопросительных предложениях и некоторые иные значения; во-вторых, в составе сложного глагольного сказуемого, заменяя инфинитив. В этом, «инфинитивном» случае после *да* может следовать только презенс. Помимо этого, конструкции «*да* + личная глагольная форма» выступают в сербохорватском языке как сказуемое независимых повествовательных предложений и выражают специфическое значение, которое можно определить как приближенность к реализации действия.

Грамматисты, начиная с Т. Маретича, находят в таких случаях неполноту высказывания, опущение перед конструкцией «*да* + презенс» личных форм глаголов *моћи* и *хтети*. Вот один из трех примеров, приведенных в грамматике Т. Маретича: Приповиједа се да је цар Дукљан... свезан у синџир који једнако глође, и очи Божића таман *да* га *преглође*..., а Циганин сваки по једном удари маљем и притврде. 'Рассказывают, что царь Дуклян... закован в кандалы, которые непрестанно грызет, и накануне рождества уж вот-вот перегрызет (чуть не перегрызет) их, а каждый цыган ударит молотом и укрепит цепь'. Т. Маретич полагал, что перед конструкцией *да га преглође* опущена и подразумевается глагольная форма *хоће* 'хочет'¹. М. Стеванович рассматривает подобные примеры как неполные предложения, в которых «легко угадывается невыраженное сказуемое»² (вернее, часть сказуемого. — В. Г.).

Языковые факты противятся такой интерпретации. Во-первых, в ряде случаев невозможно без насилия над текстом провести операцию восполнения высказывания, которую обычно допускают неполные предложения. В известном сербохорватско-немецком словаре С. Ристича и Й. Кангрги, например, в статье *скоро* находим предложение *скоро да паднем* *ich wäre bald gefallen*, в котором перед конструкцией с *да* невозможно употребить какую-либо личную глагольную форму. Во-вторых, в отдельных, редких случаях мы встречаем в сходных условиях при *да* не презенс, а аорист и перфект. Там о неполном предложении не может быть и речи.

¹ Т. М а р е т и ć. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963, стр. 426.

² М. С т е в а н о в и ћ. Савремени српскохрватски језик. II. Синтакса. Београд, 1969, стр. 92.

Личная глагольная форма перед конструкцией «да + прошедшее время» неуместна, невозможна. Ср.:

И од тог силног ударца увек у руди његовој остане њена шамија и праменови косе. Али она из ината *ни да јажуне* (Б. Станковић) — да + презенс; Али ми ниједно ни ухом *да макнусмо* (Л. Лазаревић) — да + аорист; А на то нико *да се постидео, поцрвенео*, већ су јој се сви смејали, особито жене... (Б. Станковић) — да + перфект.

В предложениях рассматриваемого типа употребляются только глаголы совершенного вида в форме презенса, иногда аориста или перфекта. Противопоставление настоящего и прошедшего времени фактически нейтрализовано. Как правило, применяются формы презенса, а временная характеристика глагольного действия определяется контекстуально. В утвердительных предложениях конструкция с *да* передает близкое к реализации (но не реализованное) действие. Эта близость к осуществлению действия может быть действительной, данной, объективной или кажущейся, воображаемой. Часто встречаются словосочетания типа *пропасти у земљу* 'провалиться сквозь землю', *искочити из коже* 'вылезти из кожи', *умрети (пући) од смега* 'умереть (лопнуть) от смеха' и т. п. (ср. русск. готов лопнуть от смеха, чуть не умер от смеха). Ср.:

Испред сваке куће има јендек пун воде, који се никад не празни; јер таман *да пресуши* а оно... удари благослов из неба, и јендек се напуни опет као што је и био... (С. Сремац); Сад ће већ на брод под воденицом. Таман *да нагази*, кад стаде плакати неко дете... (М. Глишић); Капетан из коже *да искочи* од љутине што Ђуко не даде изрази сад такому веселу; набрао обрве, па јурну на прозор... (М. Глишић); ... Ту га нађе једног вечера професор Недић и стаде му ватрено причати... Јанко *да искочи* из коже, али начелна учтивост не да му да брутално одбије професора (Л. Лазаревић); Кад јој штогођ кажете, а она поцрвени до ушију па у земљу *да пропадне*... (С. Сремац); Ја у земљу *да пропаднем* од стида 'ich möchte vor Schlam in die Erde sinken' (Словарь С. Ристича и Й. Кангрги); *Да пукнемо* од смеја 'vor Lachen möchten wir beinah platzen' (там же); Дао му сахат да се игра... Ја и сестра *да умремо* од смеха, а то се и оцу даде нешто на смех... (Л. Лазаревић); Дража тетурa тамо и овамо — а ми *да умремо* од смеја... (Ј. Веселиновић). Доцније чак и по две и три године, а од њега ни гласа: ни где је, ни шта је. Мати *да премре* од страха (Б. Станковић); Почели да се међ собом туку... тако да су морали, вучени женама, одлазити кроз кашицке... Марко опет *да излуди*. Једнако брани, не дâ, а кад примети да је ко умакао, он слуге *да побие* (Б. Станковић); ... Народ избра Лазара за кмета. Вук *да се помами*. Он викаше да ће да се жали «господину капетану»... (Ј. Веселиновић); Био је један од оних летњих дана... Пече

звезда [сунце] — мозак *да провери!* (Л. Лазаревић); Чим се фил [слов] са пратњом помоли одозго са врх чаршије, настаје немир и узбуна... Најгоре је пазарним даном. Коњи, говеда и ситна стока *да* ноге *поломе* од страха (И. Андрић).

Отрицательные предложения со сказуемым рассматриваемого типа характеризуются отрицанием *ни*, употребляемым либо самостоятельно, либо в составе наречий (*никако*, *нигде* и т. п.). В одних случаях выражается действие ожидаемое, естественное в данной ситуации, но не реализуемое, в других — действие, осуществить которое кто-то безуспешно стремится. Ср.:

«О госту ни речи! Видиш, бештије једне», — мисли у себи г-ђа Перса... *Ни да се бар пошали, да нас позове* после ручка! (С. Сремац); *Кад се вратимо тако са сабора, носе два пандура пуне вреће дарова... А сад нико да се пошали.* Нема, нема, браћо, ништа... (М. Глишић); *Шта ли је пута верни Ђуко његов чинио пазар с оном главом шећера, и никад да је прода* за три талира, него све као за пакост, дукат! (М. Глишић); *Напољу беше тишина — све спасало. Ни пас да регне, ни петао да кукурекне* (Ј. Веселиновић); *Г. Пери се завезао језик, па ни речи да рекне...* (С. Сремац); *Пре толико дано сам је карала, а она, видиш ти то чудо, још ни сад да се утешии!!! — вели г-ђа Сида...* (С. Сремац); *После тога сна никако да јој из главе изиђе* Шаца! (С. Сремац); *Капетан хтеде много штошта питати жену, али никако да отпочне...* (Л. Лазаревић); *А тек попови како су били угојени! Мантија само што им не прсне испод пазуха, а појас никако да се скраси* на трбуху, него све бежи под браду и ближе врату (С. Сремац); *Цигани се ређали. Морали једни друге да одмењују. А «слатка» велика вечера никако да почне* (Б. Станковић); ... *Спонаде га страшна чама... Нигде да нађе мира!* (Л. Лазаревић); *Тумара Бајдар по дворишту. Никако да се смири* (М. Дримколски); *Зашто сам купио њиву...? Муслија никако да се помири* са куповином (М. Дримколски); *Служба није тешка, али плата је мала, деце много, никад крај с крајем да саставиш* (И. Андрић).

Отрицательные предложения, имеющие конструкцию «да+презенс», скорее, чем утвердительные, могут рассматриваться как неполные. Ср.: *Никако не може да је се нагледа...* (Б. Станковић) и *Муслија никако да се помири са куповином* (М. Дримколски). Однако разделять их не следует — ведь и в утвердительных и в отрицательных предложениях конструкции с *да* выражают сходное значение приближенности к реализации действия.

Особенности употребления конструкций с *да*, охарактеризованные здесь, приводят к мысли о возможных коррективах в описании системы наклонений сербохорватского языка. Большой интерес представляет рассмотрение указанных явлений в историческом аспекте. Следует заметить, что в болгарском языке, как это видно

из грамматик и специальных работ, конструкции с *da* не имеют, кажется, функции, выявляющейся в сербохорватском и описанной выше.

О глагольном словоизменении в верхнелужицком литературном языке

М. И. Ермакова

1. Каждому глаголу в верхнелужицком литературном языке соответствует парадигма, представленная совокупностью ряда форм. Различия в составе глагольных форм парадигмы связаны с видовым значением глагола, так как в парадигму одного глагола включаются формы одного вида. Так, в составе парадигм глаголов несовершенного вида нет формы деепричастий прошедшего времени и форм аориста, а в составе парадигм глаголов совершенного вида отсутствуют формы деепричастий настоящего времени, формы действительных причастий настоящего времени и формы имперфекта.

Таким образом, с точки зрения состава форм парадигмы верхнелужицкого глагола представляют два типа: к первому относятся все парадигмы глаголов несовершенного вида, ко второму — все парадигмы глаголов совершенного вида.

2. Различия между парадигмами глаголов одного вида, тождественными по составу форм, связаны с элементами морфологической структуры глагола — основой и окончанием. Так, различными парадигмами надо считать парадигмы, в которых одноименные формы отличаются набором окончаний. Если в верхнелужицких глаголах в формах настоящего времени выделить простые одноморфемные окончания, то глагольные парадигмы в настоящем времени будут противопоставлены по признаку 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. В зависимости от различий в окончаниях 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. настоящего времени при тождестве всех прочих простых окончаний можно выделить семь типов в формах настоящего времени глаголов: 1) окончания 1 л. ед. ч. *-t*, 3 л. мн. ч. *-ja* или *-ju*; 2) окончания 1 л. ед. ч. *-u*, 3 л. мн. ч. *-a*; 3) окончания 1 л. ед. ч. *-u*, 3 л. мн. ч. *-a* или *-ja*; 4) окончания 1 л. ед. ч. *-u*, 3 л. мн. ч. *-u* или *-ja*; 5) окончания 1 л. ед. ч. *-u*, 3 л. мн. ч. *-u*; 6) окончания 1 л. ед. ч. *-u*, 3 л. мн. ч. *-ja*; 7) окончания 1 л. ед. ч. *-u*, 3 л. мн. ч. *-u* или *-a*.

Второй — седьмой типы включают глаголы, имеющие одинаковое окончание в 1 л. ед. ч. настоящего времени и отличающиеся только окончаниями в формах 3 л. мн. ч.

Если в верхнелужицких формах настоящего времени учитывать не только простые, одноморфемные окончания, но и гласный элемент, непосредственно предшествующий им¹, то все глаголы в формах настоящего времени будут отнесены к одному из трех спряжений: *a*-спряжение, *i*-спряжение, *e*-спряжение. Гласный элемент или тематический гласный относят или к основе (у глаголов *a*-спряжения) или включают в состав сложного двуморфемного окончания (у глаголов *i* и *e*-спряжения).

Если исходить из единства всех форм глагольной парадигмы, то у подавляющего большинства верхнелужицких глаголов можно выделить общую для всех форм парадигмы часть глагольной основы или общую формообразующую основу (ОФО). ОФО в данной парадигме может быть представлена с определенными изменениями. Речь идет или об изменении последнего элемента основы, или о сочетании изменения последнего элемента основы с изменениями внутри самой основы. В связи с этим можно говорить о вариантах ОФО данной парадигмы. Парадигмы разных глаголов в пределах одного спряжения отличаются по признаку «характер ОФО» (наличие или отсутствие вариантов, характер изменений в ОФО, обуславливающих эти варианты). Предлагаемый ниже анализ показывает следующее.

3. У подавляющего большинства верхнелужицких глаголов можно выделить ОФО. Не рассматривая подробно, перечислим глаголы, у которых выделить ОФО по тем или другим причинам не представляется возможным.

ОФО не выделяется в тех парадигмах, которые представлены сушлетивными формами (*buć, hić, hnać*).

В небольшой группе верхнелужицких глаголов с точки зрения современного языка выделяется две основы. Так, в следующих глаголах можно выделить основу инфинитива и основу, общую для всех других форм парадигмы: *bosć, kłasć, mjasć, mjesć, plesć, přasć, wjesć; rosć, tołć; móc, pjec, rjec, suc, ćec, wlas, wlec*².

Для глаголов *jěć, dać, jěsć, směć, wědžeć, chcyc* также выделяются две основы, соотношение или распределение которых в парадигме каждого из этих глаголов специфично.

Обратимся теперь к рассмотрению глаголов, у которых можно выделить ОФО. Предлагаемый ниже анализ показывает, что

¹ В статье Ю. С. Маслова («О морфологической структуре славянских глагольных форм». — «Советское славяноведение», 1968, № 4, стр. 40) подобные элементы до уточнения их морфемного статуса названы «промежуточными». По терминологии, принятой в работах по серболужицкой грамматике, это тематический гласный.

² Если рассматривать эти основы с исторической точки зрения, то их также можно считать вариантами ОФО, появление которых обусловлено историческим чередованием. (См.: Ю. С. М а с л о в. Указ. соч., стр. 51).

в каждом спряжении выделяется не меньше двух типов ОФО. В том случае, когда характер изменений ОФО у глаголов, относящихся к разным типам спряжения, совпадает, распределение вариантов ОФО у этих глаголов внутри парадигмы оказывается различным.

4. В *a*-спряжении представлено два типа ОФО на гласный: 1) ОФО на неизменяемый гласный *-a*: *dźęła-*, 2) ОФО на гласный, представленный чередующимися *-a//e*: *třěl<a>-//třěl<e>-*.

1) ОФО типа *dźęła-* наблюдается у глаголов отыменного образования (*bajkać*, *běhać*, *čítać*, *drěmać*, *hłodać*, *słuchać*³ и т. д.), у глаголов несовершенного вида с суффиксом имперфективации *-wa-*, образованных от глаголов *e*-спряжения (*naduwać*, *podrywać*, *pokrywać*, *přebiwać*, *rozbiwać*, *pašywać* и т. д.).

2) ОФО типа *třěl<a>-//třěl<e>-* наблюдается у глаголов несовершенного вида: а) в группе производных глаголов: *hanjeć*, *hašeć*, *hlinowaćeć*, *hošeć*, *chileć*, *kuleć*, *maćeć*, *měšeć*, *sadžeć*, *wěšeć*, *prašeć*, *třeleć* и др., б) в группе приставочных глаголов, парных к приставочным совершенного вида *i*-спряжения: *dolićeć*, *domysleć*, *dopaleć*, *nadpažeć*, *nadsadžeć*, *nakłonjeć*, *docyleć*, *doprajeć*, *dotřeleć*, *dowočinjeć*, *dozrawjeć*, *dožiwjeć*, *powarjeć*, *powjetšeć*, *powólnjeć*, *powróćeć*, *powyšćeć* и др. ОФО типа *třěl<a>-//třěl<e>-* выделяется также в группе глаголов совершенного вида: а) образованных с помощью приставки от некоторых из названных выше бесприставочных глаголов на *-eć*: *doměšeć*, *wuměšeć*, *podměšeć*, *namaćeć*, *womaćeć*, *podměšeć*, *wosadžeć* и др., б) двухприставочных, парных к соответствующим одноприставочным: *dowumysleć*, *powudospołnjeć*, *zeczapłaćeć*, *zwobroćeć*, *zwočinjeć*, *zwosadžeć*, *zwubudžeć* и др.

Распределение вариантов ОФО типа *třěl<a>-//třěl<e>-* в парадигме: вариант *třěl<a>-* характеризует в настоящем времени 1, 3 л. ед. ч., 1 л. мн. ч. и все лица дв. ч.; в имперфекте — 1 л. ед. ч., 1 и 3 л. мн. ч., 1 л. дв. ч.; формы причастий; в формах на *-t* — ед. ч., и личную форму мн. ч.; для глаголов совершенного вида — в аористе ед. ч., 1 и 3 л. мн. ч., 1 л. дв. ч., деепричастие прошедшего времени. В остальных формах парадигмы выступает вариант *třěl<e>-*.

5. В *i*-спряжении представлено два типа ОФО на согласный: 1) ОФО без изменений в последнем элементе основы: тип *wuś-*; 2) ОФО на согласный (*s*, *z*) с изменениями в последнем элементе основы (морфологическое чередование) типа *pro<s>-//pro<ś>-*, *ka<z>-//ka<ż>-*. ОФО первого типа имеют: а) все глаголы совершенного и несовершенного вида с тематическим гласным инфинитива *-i-*, который является парадигматическим показателем:

³ Называя (без специальных оговорок) здесь и в дальнейшем изложении бесприставочные глаголы, мы имеем в виду и все возможные приставочные образования с данной основой.

babić, bahnić bamborić, barbić, basnić, dobrać, dzędzić и др.; б) группа глаголов с инфинитивом на *-eć* несовершенного вида, образованных от прилагательных со значением 'становиться кем-либо, чем-либо': *będnjeć, błaznjeć, błudnjeć, černjeć, djasnjeć, drożdżeć, dubawjeć, hłowaceć, chłodnjeć, jałowjeć, kamjenjeć, mjechćeć, módrjeć, plesniwjeć, plęchaćeć, prochnawjeć, syrjeć, śędziwjeć, śerjeć, starjeć, swetleć, zerzawjeć*; группа звукоподражательных глаголов: *bórcęć, brinćeć, brjeśćeć, bruceć, brunćeć, bunćeć, bygnjeć, cуrćeć* и др.: группа отыменных глаголов: *bężeć, lećeć, leżeć, błyśćeć, blęśćeć, boleć, bojeć so, drożnjeć, dyrbjeć, dzerżeć, hłućeć, hodżeć so, hordżeć, hudżeć, chorjeć, kaśleć, klećeć, křićeć, kunćeć, kurćeć, laćnjeć, łakomnjeć, mjelćeć, pjerseć, ręćeć, słodżeć, słyśćeć, smjerdżeć, swarjeć, swjedzeć, swjerbjeć, šeršeć, tćeć, ćerpjeć, ćišćeć, zawidżeć* и др.; в) глаголы совершенного вида на *-eć*, образованные с помощью приставки от названных выше глаголов группы б) (*wućiśćeć, wuswarjeć, zamjawseć* и др.) и некоторые другие.

У глаголов разных видов на *-eć* с омонимичными формами инфинитива выделяются разные типы ОФО в зависимости от видового значения. Например, глагол *wochromjeć* как глагол совершенного вида имеет ОФО на согласный типа *wuć-* и изменяется по *i*-спряжению; глагол *wochromjeć*, как глагол несовершенного вида, имеет ОФО на согласный типа *třěl<a>-//třěl<e>-* и изменяется по *a*-спряжению. Это касается также глаголов: *wohłupjeć, woslepjeć, wowsędnjeć, wostarjeć, woduśnjeć, woćornjeć, wodybawjeć, wodziwjeć, wokmaujeć, wonēmćeć, wochromjeć*.

ОФО второго типа *pro<s>-//pro<š>-* имеют следующие глаголы с инфинитивом на *-yć*: *brusyć, dusyć, hasyć, kazyć, męsyć, nosyć, prosyć, přiپosyć, rosyć, trusyć, węsyć, wobęsyć, zapójsyć, zalęsyć, zapowęsyć, hospozyć, hrozyć, hazyć, łazyć, wobozyć, wotmjazyć, wozyć*.

Распределение вариантов ОФО типа *pro<s>-//pro<š>-*, *ka<z>-//ka<ž>-* в парадигмах: вариант *pro<s>*, *ka<z>-* характеризует в настоящем времени 2, 3 л. ед. ч., 1, 2 л. мн. ч., все формы дв. ч., форму на *-l*, аорист и деепричастие прошедшего времени глаголов совершенного вида. В остальных формах парадигмы выступает вариант *pro<š>-*, *ka<ž>-*.

6. В *e*-спряжении представлено два типа ОФО на гласный с неизменяющимся и изменяющимся последним элементом, и три типа ОФО на согласный: 1) ОФО без изменений в последнем элементе основы; 2) ОФО с изменением в последнем элементе основы; 3) ОФО, в которой сочетаются изменения последнего элемента основы с изменениями внутри самой основы.

А. а) ОФО на неизменяющийся гласный типа *pi-* имеет следующая группа глаголов: *bać, hrać, krać, kać so, tkać, tać, tkać, sać, trać, znać; bić, hnić, křićić, kwić, pić, śić, škrić so,*

wić, źić; dręc, hręc, hwęc, mlęc, mręc⁴, spęc, tręc, węc, plęc, pręc, wręc so, (wo)křęc, (wot)kćęc (wot)męc, namęc, škřęc, zacpęc, węc, wuřęc, wodźęc, wumęc; ćuć, duć, hnuć, muć, płuć, pżezuć, wobuć, zaruć; myć, guć, syć, kryć, tyć; глагол ćerwjenjeć.

б) Глагол на изменяющийся гласный характеризует глаголы kleć, smjeć so, leć, bleć, dzeć so. Kleć: ОФО представлена вариантами k|e>- (k|i>-)/|k|a>- . Вариант k|a>- находим в форме на -t, страдательном причастии прошедшего времени, деепричастии прошедшего времени, аористе; вариант k|e>- или k|i>- в остальных формах парадигмы.

leć: ОФО представлена вариантами |e>-//|i>-//|a>-: вариант |e> выступает в инфинитиве и личной форме на -t во мн. ч., |i> — в настоящем времени, в имперфекте, повелительном наклонении, причастии настоящего времени; |a> — в остальных формах.

bleć: имеет ОФО с вариантами b|e>-//b|i>-//b|a>-; вариант b|e> — в инфинитиве и в личной форме на -t, b|i>- в настоящем времени, имперфекте, повелительном наклонении; b|a> — в остальных формах.

smjeć, źnjeć: ОФО представлена вариантами типа źnje-//źnja-; вариант źnje- выступает в инфинитиве, настоящем времени, повелительном наклонении, имперфекте, личной форме на -t; в остальных формах представлен вариант с źnja-.

Для глагола dzeć so употребляется только форма 3 л. ед. ч. настоящего времени dźije so, имперфект dźiješe so и форма на -t dźało so.

Б. а) ОФО на согласный типа pjes- представлен в небольшой группе глаголов — pjesć, lezć, pasć, třasć, wjezć.

б) ОФО на согласный типа lub<ow>-//lub<uj>- с чередованием последнего элемента основы -ow-// -uj- выступает у всех глаголов, имеющих в инфинитиве элемент -ow(ać): adresować, bagrować, blotować, brachować, citować, deklinować, dokładować, harować и др. Вариант ОФО lub<uj>- выступает в формах настоящего времени, повелительного наклонения, деепричастии настоящего времени; вариант lub<ow>- — в остальных формах парадигмы.

в) ОФО на согласный типа wuk<n>-//wuk<n'>- представлена у всех глаголов, имеющих n перед гласным -y- в инфинитиве: błuknyć, błysknyć, cyrknyć, dohasnyć, hłódnnyć, hłuchnyć, grabnyć, hwizdnnyć и др.

Вариант wuk<n>- представлен в инфинитиве в 1 л. ед. ч. и в 3 л. мн. ч. настоящего времени (с окончанием -u), в формах на -t, аориста, деепричастии прошедшего времени. Вариант wuk<n'>- — в остальных формах парадигмы и в 3 л. мн. ч. настоящего времени с окончанием -eja.

⁴ Глаголы dręc, hręc, mlęc могут иметь ОФО на согласный с чередованием внутри основы типа -ř-// -e-. В современном языке формы, образованные от этой основы, ощущаются как архаические.

г) ОФО типа $pi\langle s \rangle // pi\langle š \rangle$ -, $ska\langle k \rangle // ska\langle č \rangle$ -, $ka\langle z \rangle // ka\langle ž \rangle$ - с чередованиями последнего элемента основы $-s // -š$ -, $-k // -č$ -, $-z // -ž$ - имеют глаголы *kazać*, *pokazać*, *mazać*, *plakać*, *řezać*, *skakać*, *wjazać*.

ОФО типа $dyrko\langle t \rangle // dyrko\langle c \rangle$ - имеет большая группа глаголов⁵ отыменного образования с элементом (o)t перед гласным $-a (\acute{e})$ в инфинитиве: *brinkotać*, *bubotać*, *campotać*, *cyrkotać*, *suchotać*, *dyrkotać* и др.

Варианты $pi\langle š \rangle$ -, $ska\langle č \rangle$ -, $ka\langle ž \rangle$ -, $dyrko\langle c \rangle$ - характеризуют все формы настоящего времени, повелительного наклонения и имперфекта. В остальных формах выступают варианты $pi\langle s \rangle$ -, $ska\langle k \rangle$ -, $ka\langle z \rangle$ -, $dyrko\langle t \rangle$ -⁶.

д) У парадигм группы глаголов *e*-спряжения выделяется ОФО на согласный, в которой при образовании форм происходят изменения не только в последнем элементе основы, но и внутри самой ОФО. Здесь есть несколько групп. Основа типа $\acute{e}\langle a \rangle h \langle n \rangle // \acute{e}\langle e \rangle h \langle n \rangle$ - с изменяющимся гласным внутри основы и чередованием в последнем элементе основы наблюдается у глаголов *śahnúć*-, *lahnúć*-, приставочных образований от этих глаголов и глагола *-přahnúć*. Вариант $\acute{e}\langle a \rangle h \langle n \rangle$ - характеризует инфинитив, 1 л. ед. ч. настоящего времени, формы на *l*-, аорист, деепричастие прошедшего времени. В 3 л. мн. ч. настоящего времени с окончанием $-u$ употребляется вариант $\acute{e}\langle a \rangle h \langle n \rangle$ -, с окончанием $-eja$ — вариант $\acute{e}\langle e \rangle h \langle n \rangle$ -.; в остальных формах парадигмы представлен вариант $\acute{e}\langle e \rangle h \langle n \rangle$ -.

Основа типа $br // bje\langle r \rangle // bie\langle r \rangle$ -, где чередование $-Ø // -e$ в основе сопровождается изменением первого и последнего элемента ОФО, охватывает глаголы *brać*, *prać*.

Вариант *br*- характеризует формы инфинитива, страдательного причастия, в глаголах совершенного вида — формы аориста, деепричастия прошедшего времени. Вариант $bje\langle r \rangle$ — 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. настоящего времени (с окончанием $-u$); повелительное наклонение; в остальных формах и в 3 л. мн. ч. настоящего времени с окончанием $-eja$ представлен вариант $bje\langle r \rangle$ -.

Основа типа $žr // že\langle r \rangle // že\langle r \rangle$ - выступает в глаголе *žrać*. Распределение вариантов такое же, как и в ОФО типа $br // bje\langle r \rangle // bie\langle r \rangle$ -.

Для глагола *kłóć* ОФО типа $k\langle l \rangle // ko\langle l \rangle$ - с соответственным распределением вариантов — инфинитив, аорист, деепричастие прошедшего времени // все остальные формы парадигмы — для современного верхнелужицкого языка воспринимается как архаическая. В современном языке вариант *kol*- сохраняется лишь

⁵ В этой группе глаголов формы парадигмы могут образовываться и от ОФО на гласный ($-a$); в этом случае они изменяются по *a*-спряжению.

⁶ Ср. это распределение вариантов ОФО с распределением вариантов ОФО типа $pro\langle s \rangle // pro\langle š \rangle$ - с чередованием $-s // -š$ -, $-z // -ž$ - в *i*-спряжении.

в 3 л. мн. ч. настоящего времени. Для всех остальных форм парадигмы ОФО является основа на гласный⁷.

Глаголы *słać*⁸ 'посылать' и *słać* 'стелить' имеют ОФО типа *sł-//sćel-*. Вариант *sł-* представлен в формах инфинитива, аориста, деепричастия прошедшего времени, в страдательном причастии.

Для глагола *wzać* ОФО представлена вариантами *wz-//woz<m>-//woz<m'>-* с чередованиями гласного основы с нулем (*-o-//o-*) в основе сочетаний с такими изменениями, как появление суффикса *-m-//m'* в одном из вариантов ОФО. Вариант *wz-* характеризует формы инфинитива, страдательного причастия прошедшего времени, формы на *-ł*, аориста и деепричастия прошедшего времени. Вариант *woz<m>-* выступает в 1 л. ед. ч. и в 3 л. мн. ч. (при окончании *-u*) настоящего времени; вариант *woz<m'>-* — в остальных формах.

ОФО типа *pr̄ij-//pr̄ij<m>-//pr̄ij<m'>-* с суффиксом в одном из вариантов, но без чередования гласного основы, зафиксирована в глаголах *pajeć, zajeć, zejeć, zjeć, wobjeć, podjeć, pr̄ijeć*.

ОФО типа *par'-//nar<n>-//nar<n'>-* находим также в глаголах *parjeć, pr̄irjeć, zarjeć*.

ОФО типа *pač-//nač<n>-//nač<n'>-* — в глаголах *paćeć, роćeć, spoćeć, zapoćeć*.

ОФО типа *ć-//t<n>-//t<n'>-* представлены в глаголах *ćeć, paćeć, sćeć* и др.

Варианты *pr̄ij-*, *par'-*, *pač-*, *sć-* характеризуют инфинитив, формы на *-ł*, аорист, страдательное причастие, деепричастие прошедшего времени. Варианты *pr̄ij<m>-*, *nar<n>-*, *nač<n>-*, *t<n>-* — 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. (с окончанием *-u*) настоящего времени. Варианты *pr̄ij<m'>-*, *nar<n'>-*, *nač<n'>-*, *t<n'>-* все остальные формы.

7. Для глаголов *bość, kłaść, mjeść, mjaść, plesć, p̄raść, wjeść, rość, tołć, pjeć, gjeć, sys, ćeć, wlać, wjeść, wleć* ОФО, выделяемая с учетом всех форм, кроме инфинитива, представлена двумя вариантами. Последние характеризуются чередованием в последнем элементе основы: *d//dź: bo<d>-//bo<dź>-; kłaść, kła<d>-//kła<dź>-; wjeść, wje<d>-//wje<dź>-; t//ć: mjeść, mjekt>-//mjektć>-; plesć, ple<t>-//ple<ć>-; rość, ros<t>-//ros<ć>-; k//č: tołć, toł<k>-//toł<č>-; pjeć, pje<k>-//pje<ć>-; sys, sy<k>-//sy<ć>-; ćeć, će<k>-//će<ć>-; wleć, wle<k>-//wle<ć>-*. Для глагола *gjeć* употребляется только форма на *-ł*: *gjeł, -a, -o*.

Варианты с согласными элементами *-d-*, *-t-*, *-k-* имеют одинаковое распределение и выступают в настоящем времени в 1 л.

⁷ То же можно отметить и для глаголов *próć, mlěć*.

⁸ Словарь Ф. Якубашиа для глагола *słać* 'посылать' дает формы с основой *sł-* для настоящего времени, повелительного наклонения и имперфекта (см.: F. J a k u b a š. Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954).

ед. ч., в 3 л. мн. ч. (с окончанием *-u*), в формах на *-l*, в деепричастии прошедшего времени.

В парадигмах глаголов *mjasć*, *přasć*, *włac* ОФО характеризуется не только изменением последнего элемента основы, но и изменением гласного основы: *mjasć*, *mja<t>-//mje<ć>*; *přasć*, *přa<d>-//pře<dź>*; *włac*, *wła<k>-//wle<ć>*. Варианты *mja<t>*-, *přa<d>*-, *wła<k>*- представлены в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. (при окончании *-u*), в формах на *-l*, и в деепричастии прошедшего времени (для глаголов совершенного вида).

Для парадигмы глагола *móc* характерны два варианта основы: *móh-* (в формах на *-l*) и *móż-* в остальных формах, т. е. *móh-//mož-*.

8. Парадигмы большинства верхнелужицких глаголов дают возможность выделить несколько типов ОФО: *a*-спряжение характеризуется двумя типами ОФО на гласный: 1) *dźěła-* и 2) *třě<a>-//třě<e>*; в настоящем времени представлен следующий набор окончаний: ед. ч. *-m*, *-š*, *∅*, мн. ч. *-ny*, *-će*, *-ja* или *-ju*; дв. ч. *-moj*, *-taj* (*-tej*), *-taj* (*-tej*). В прошедшем простом — суффикс *ch//š*, в форме на *-l* суффикс *l//l* присоединяется непосредственно к ОФО. В инфинитиве — суффикс *-ć*.

i-спряжение имеет два типа ОФО на согласный: 1) *wuč-* и 2) *pro<s>-//pro<š>*-, *ka<z>-//ka<ž>*;- в настоящем времени представлен следующий набор окончаний: ед. ч. *-u*; *iš* (*-yš*), *-i* (*-y*); мн. ч. *-imy* (*-umy*), *-ice* (*-uce*), *-a*, дв. ч. *-imoj* (*-umoj*), *-itaj* (*-ytej*), *-itej* (*-ytej*); суффикс простого прошедшего времени реализуется как чередующийся гласный *a//e+ch//š* (имперфект), как гласный (*i*, *y*, *a*) + *ch//š* (аорист); в форме на *-l* суффикс реализуется как сочетание гласный (*i*, *y*, *a*) + *l//l*. В инфинитиве — гласный (*i*, *y*, *e*) + *ć*.

e-спряжение представляет пеструю картину. В нем представлены различные типы ОФО. Характер изменений в некоторых из них сходен с теми, которые наблюдаются в ОФО *i*-спряжения, но распределение вариантов отлично. Так, например, в *e*- и *i*-спряжениях наблюдаются изменения последнего элемента основы типа *s//š*, *z//ž*. В *i*-спряжении варианты основ *s-š*, *-ž* характеризуют 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. настоящего времени, а в *e*-спряжении — все формы настоящего времени.

В настоящем времени представлен следующий набор окончаний: ед. ч. *-u*, *-eš*, *-e*; мн. ч. *-emoj*, *-eće*; *-a* или *-eja*, *-u*; дв. ч. *-emoj*, *-etoj* (*-etej*); *-etaj* (*-etej*).

Суффикс простого прошедшего времени реализуется как гласный (*e*, *a*) + *ch//š* (в имперфекте); как гласный (*∅*, *e*, *a*, *y*) + *ch//š* (в аористе); в инфинитиве — гласный (*∅*, *a*, *y*, *e*) + *ć*.⁹

⁹ В статье использован материал произведений современных верхнелужицких авторов, периодики и словарей (F. Jakubaš. Hornjoserbskóněmski słownik. Budyšin, 1954; H. Zeman. Słownik górnołużycko-polski. Warszawa, 1967).

О маркированности предиката придаточных предложений по признаку мобильности

М. И в и ч

Как известно, в последние годы советские синтаксисты уделяют большое внимание изучению парадигм русского предложения. Благодаря их усилиям мы получаем все более детальное представление о различных структурных возможностях простого предложения. Сказуемое такого предложения в зависимости от его лексических возможностей, а также от особенностей данного структурного типа фразовой конструкции, принимает разные грамматические формы, совокупность которых составляет синтаксическую парадигму. Основываясь на этой мобильности, обнаруживаемой предикатом, Н. Ю. Шведова, например, предложила классификацию структурных типов простого (независимого) предложения¹. Смотри по тому, способно ли сказуемое принимать все ожидаемые грамматические формы, или только некоторые из них, или, наконец, всего лишь одну грамматическую форму, Шведова различает три основных типа предложения: (I) предложения с полной парадигмой, (II) предложения с неполной парадигмой и (III) предложения без парадигмы. Признак мобильности предиката интересует ее, таким образом, в связи с тем, как он может быть использован при выделении и квалификации грамматических свойств отдельных фразовых структур. Между тем явление мобильности предиката может представлять интерес и в несколько ином аспекте. Можно было бы, например, поставить следующий общий вопрос: изменится ли и в какой мере характер предиката (а следовательно, и парадигматические возможности предложения), если простую независимую структуру перевести в зависимое положение, т. е. в придаточное предложение?

Чтобы рассмотреть, хотя бы в общих чертах, обстоятельства, с которыми связан ответ на этот вопрос, возьмем типичное для сербскохорватского языка придаточное предложение², образован-

¹ Н. Ю. Шведова. Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм. «Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова». М., 1965, стр. 282—287.

² При этом мы учитываем тот факт, что проблема зависимой функции предложения не имеет однозначного решения: как известно, до сих пор в науке нет единого мнения о том, какими критериями следует руководствоваться

ное по модели «*да*+полнозначный глагол-сказуемое»³, и определим характер его сказуемого в зависимости от изменения конкретного лексического значения управляющего им главного предложения.

В сербскохорватском предложении (а) *Ти ћутиш* в синтаксически независимом положении форма настоящего времени сказуемого может быть заменена формой прошедшего времени: (b) *Ти си ћутао*, либо формой будущего времени: (c) *Ти ћеш ћутати*. Эти парадигматические возможности сохраняются у этого предложения, когда оно превращается в придаточное дополнительное с союзом *да*, подчиненное предложению (1) *Он каже*: (1) *Он каже*+(a) *Ти ћутиш*→(1) (a) *Он каже да ти ћутиш*; (1) *Он каже*+(b) *Ти си ћутао*→(1) (b) *Он каже да си ћутао*; (1) *Он каже*+(c) *Ти ћеш ћутати*→(1) (c) *Он каже да ћеш ћутати*. Совершенно иначе обстоит дело, если вместо (1) *Он каже* взять в качестве главного предложения: (2) *Он моли*, (3) *Он се сећа* и (4) *Он предвиђа*. В отличие от предыдущего случая, где реализовались все три возможные комбинации, т. е. (1) (a), (1) (b) и (1) (c), здесь реализуется только по одной из трех теоретических возможностей: (2) (a) *Он моли да ћутиш* (но не **Он моли да си ћутао*, *Он моли да ћеш ћутати*), (3) (b) *Он се сећа да си ћутао* (но не **Он се сећа да ћутиш*, *Он се сећа да ћеш ћутати*) и (4) (c) *Он предвиђа да ћеш ћутати* (но не **Он предвиђа да ћутиш*, *Он предвиђа да си ћутао*).

Проведенный анализ показывает, следовательно, что в некоторых случаях зависимый предикат оказывается парадигматически связанным, т. е. он ведет себя как категория маркированная по признаку мобильности (—). Очевидно, что семантика глагола главного предложения постоянно регулирует значение признака мобильности у зависимого предиката (у сказуемого придаточного предложения). Поэтому верное представление о поведении зависимого предиката с точки зрения критерия мобильности позволяет точнее определить специфические семантические оттенки данного управляющего глагола.

Возьмем для примера следующие четыре сербскохорватских глагола: (1) *причати*, (2) *казати*, (3) *саветовати* и (4) *молити*. Все четыре входят в обширный семантический класс глаголов — так называемых *verba dicendi*, поскольку основным элементом их

при отнесении союзных и бессоюзных фразовых конструкций к категории зависимых, придаточных предложений. Поэтому здесь избрана конструкция с формально выраженным признаком подчинительности — союзом *да*.

³ В модели не учтена информация, касающаяся субъекта, поскольку в придаточном предложении субъект, если он идентичен субъекту главного предложения или если он относится к I и II лицу как правило опускается (в интересующем нас случае включение субъекта в придаточное предложение могло бы быть обусловлено эмфатическими требованиями). Экспликация подлежащего необходима тогда, когда речь идет о III лице, не идентичном субъекту главного предложения.

лексического значения является общее для всех представление о речевом процессе коммуникации. Однако эта их общая семантическая черта нерелевантна для их грамматических свойств, определяющих характер предиката в зависимом от них (дополнительном) придаточном предложении. Релевантным оказывается другой семантический признак, а именно тот факт, что в одном случае акт коммуникации мыслится как (А) чисто повествовательный, а в другом (В) — как побудительный. Глагол *причати* относится к семантическому классу (А), тогда как *молити* и *саветовати* принадлежат к классу (В). Что касается глагола *казати*, то он может выражать и значение типа (А), и значение типа (В). Когда имеется в виду одно, а когда другое значение — очень точно определяется по сказуемому придаточного предложения: в случае (А) сказуемое придаточного предложения мобильно (ср. *Он каже да ћутиш — да си ћутао — да ћеш ћутати*), тогда как в случае (В) это не так. Форма настоящего времени управляемого сказуемого в случае (В) функционирует по существу как своего рода «комбинаторный вариант» императива; он появляется как результат действия следующего грамматического правила: когда прямая речь переводится в косвенную, форма императива обязательно заменяется формой настоящего времени ⁴ (ср. *Он каже: ћути!* → *Он каже да ћутиш*; *Он моли: ћути!* → *Он моли да ћутиш*; *Он саветује: ћути!* → *Он саветује да ћутиш* и т. п.). Таким образом, двусмысленность, которую заключает в себе глагол *казати* с точки зрения оппозиции (А) повествовательность/ (В) побудительность, в каждом конкретном случае устраняется в пользу одного или другого смысла, что легко установить с помощью критерия мобильности предиката.

Придаточные предложения вообще отличаются скудным инвентарем глагольных форм, могущих выступать в роли сказуемого. Некоторые формы абсолютно недопустимы в структуре придаточного предложения (скажем, тот же императив), другие возможны только в отдельных типах придаточных предложений. Например, аорист в сербскохорватском может выступать во временных придаточных, но он не встречается в декларативных, т. е. придаточных, управляемых *verba dicendi* ⁵. Такое распределение только подтверждает верность существующих в науке мнений о том, что сербскохорватский аорист, в отличие от перфекта, — временная

⁴ См. об этом: М. I v i ć. О употреби glagolskih vremena u zavisnoj rečenici: prezent u rečenici s veznikom da. «Зборник за филологију и лингвистику», XIII (в печати).

⁵ В этом отношении было бы полезно разобрать примеры употребления аориста и примеры декларативных предложений в существующих описаниях литературного сербскохорватского языка. См. например: М. С т е в а н о в и ћ. Савремени српскохрватски језик (граматички систем и књижевнोजезичка норма). II. Синтакса. Београд, 1969, стр. 607—628 (рассмотрение аориста) и 793—798 (обзор декларативных предложений).

категория, отмеченная особым признаком «наблюдаемости» (doživljenosti).

В принципе, вероятно, целесообразнее было бы, говоря об употреблении глагольных форм, последовательно и как можно подробнее описать все случаи употребления этих форм в позиции сказуемого придаточного предложения. Эти сведения пополнили бы и углубили наши знания о грамматических свойствах отдельных морфологических категорий глагола. Несомненно, что настоящее время во всех славянских языках занимало бы первое место по свободе употребления в функции независимого сказуемого. Недавно осуществленное исследование мобильности сербскохорватского настоящего времени в придаточных предложениях⁶ выявило целый ряд деталей, касающихся отношения варьирования, которое связывает его с другими глагольными формами уже за пределами категории времени (с инфинитивом и сослагательным наклонением). Все эти данные в сущности только подтверждают, хотя и с новой точки зрения, тот давно установленный факт, что в рамках временной системы презент функционирует как нейтральная, немаркированная категория времени.

Поскольку признак мобильности предиката был избран основанием для классификации независимых структур предложения, нам остается выяснить, уместно ли использовать этот классификационный критерий применительно к придаточным предложениям.

Уже тот факт, что в пределах одной и той же зависимой структуры отмечаются и мобильные, и не мобильные предикативные единицы, обесценивает применение этого критерия, когда речь идет о придаточном предложении, вычленном из своего контекста. Однако, если от изолированного придаточного компонента сложного предложения перейти к рассмотрению целой структуры, куда входит этот компонент, то дело существенно меняется. Применение критерия мобильности к зависимому сказуемому придаточного предложения позволило нам получить ценные сведения о семантической интерпретации всего сложного предложения и тем самым указать на новые возможности более глубокого проникновения в синтактико-семантическую область, которая до сих пор еще недостаточно изучена.

Перевела с сербскохорватского

С. М. Толстая

⁶ См.: М. I v i ć. Указ. соч.

Несколько замечаний по поводу ассимиляции согласных *t'*, *d'* в славянских языках

А. М. Кузнецова

Диахронической фонологии славянских языков известны примеры так называемого переходного смягчения согласных. Это, прежде всего, три славянские палатализации — 1-я («шипящая»), 2-я и 3-я («свистящие»). Известны схемы этих «переходов», отражающие последовательные хронологические этапы фонетических изменений, приведших к качественно новому перераспределению фонологических единиц в системе¹.

Случаи переходного смягчения согласных зафиксированы и в процессе самостоятельного развития отдельных славянских языков. Примером может служить ассимиляция польских смычных <t'>, <d'> (XII—XIII вв.), в результате которой функцию коррелята по признаку твердости—мягкости по отношению к согласным <t>, <d> стали выполнять среднеязычные аффрикаты *ć*, *ź* (ср.: *ciho*, *dziesi* и т. п.). Новые аффрикаты заняли устойчивое положение в фонологической системе польского языка, вступив в дополнительные коррелятивные отношения с исконными аффрикатами *č*, *ž*.

В качестве примера ассимиляции <t'>, <d'> в восточнославянской языковой группе можно назвать белорусское дзеканье, первая фиксация которого относится к XVI—XVII вв. На белорусской почве имела место несколько иная фонетическая реализация согласных <t'> и <d'>, представленная свистящими переднеязычными аффрикатами *ц'* и *дз'* (*з'*), ср. *циха*, *дзеци* и т. п. Польская и белорусская ассимиляция получили соответствующее отражение в графике, что свидетельствует о их фонологической закреплённости в языке.

Более спорным представляется исследователям вопрос о дзеканье в русском языке. Случаи дзеканья в русских говорах были отмечены А. Н. Соболевским еще в конце XIX в.², в настоящее время это полностью подтверждено инструментальными исследованиями. Орфоэпической нормой русского литературного языка принято считать наличие незначительного, на слух слабо выра-

¹ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 169.

² А. Н. Соболевский. Опыт русской диалектологии. Вып. I. СПб., 1897, стр. 55 и др.

женного фрикативного свистящего призвука при произношении палатализованных (т') и (д')³.

Однако за последнее время фонетисты наблюдают все более широкое проникновение дзеканья в русское литературное произношение. По-видимому, уже возможно говорить о сосуществовании двух норм литературного произношения: с дзеканьем и без дзеканья. В связи с этим встает вопрос о критериях определения дзеканья как фонетического явления и о его фонологической интерпретации для русского языка.

В целом проблема дзеканья, взятая в более широком плане (в применении к тем славянским языкам и говорам, где оно зафиксировано), еще не окончательно решена в целом ряде аспектов. В частности, это относится к самому способу определения и фиксации этого явления исследователями⁴, основанному исключительно на слуховом восприятии.

Использование средств инструментального анализа позволяет подойти к оценке дзеканья с более объективной стороны, рассматривающей определение его физических (артикуляционных и акустических) характеристик. К числу последних следует отнести и признаки, подтверждающие аффрикатность палатализованных смычных⁵. В качестве одного из таких признаков принимается так называемая пороговая величина длительности фазы рекурсии соответствующего смычного, рассматриваемая в соотношении с величиной интенсивности той же фазы⁶. Так, в соответствии с данными ряда авторов (Б. Гала, Л. В. Златоустова и др.), а также по данным исследований, проведенных в Лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР, установлено, что фрикативный элемент смягченных аффрикат по длительности как правило преобладает над смычным в составе фазы выдержки. При этом более отчетливое восприятие свистящего фрикативного элемента обусловлено более ярко выраженной интенсивностью фазы рекурсии согласного. Учитывая дифференцированную оценку явления дзеканья и цеканья⁷ (т. е. в применении к звонкому и глухому представителю ассибилизированных

³ Р. И. А в а н с о в. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 77.

⁴ Разногласия среди наблюдателей, фиксировавших наличие или отсутствие дзеканья в белорусских и русских говорах, отметил А. Б. Пеньковский в своей кандидатской диссертации «Фонетика говоров Западной Брянщины» (ч. II. Владимир, 1966, стр. 95—96).

⁵ Принимаем за исходное то определение, которого придерживается большинство авторов, в соответствии с которым дзеканье представляет собой реализацию в речи аффрикат ζ' и ζ' . Некоторые авторы употребляют термин «мягкое дзеканье» и «твердое дзеканье».

⁶ См. по этому поводу: А. М. К у з'н е ц'о в а. Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости—мягкости согласных в русских говорах. «Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров». М., 1969.

⁷ Чаще всего в литературе оперируют одним из указанных терминов, имея в виду оба коррелята по признаку глухости—звонкости.

смычных) в плане их акустической характеристики, можно назвать следующий критерий принадлежности смычного согласного к аффрикатам: для глухого согласного щелевой элемент (в составе фазы рекурсии) составляет примерно 50% общей длительности согласного; для звонкого смычного эта величина несколько меньше (она варьирует в пределах 40—42%). Учет фактора взаимокompенсации акустических величин длительности и интенсивности, а также характеристика фазы рекурсии с точки зрения ее спектрального состава вносят дополнительные уточнения для названного критерия.

Помимо этого, во внимание должен быть принят критерий фонологического плана, включающий восприятие и оценку явления носителями данной языковой системы.

Экспериментально-фонетические исследования, выполненные в Институте русского языка АН СССР⁸, позволили обнаружить тождество фонетической реализации согласных, соответствующих палатализованным фонемам <т'>, <д'> в белорусском литературном языке, с одной стороны, и в ряде русских говоров, а также в одном из вариантов литературного произношения, с другой стороны⁹. Белорусское дзеканье в данном случае послужило своеобразным эталоном для сопоставления с аналогичным явлением, возникшим в русских диалектах, генетически не связанным с белорусскими говорами.

Рассматривая вопрос об артикуляционных предпосылках, способствующих возникновению ассибиляции в ряде славянских языков¹⁰, обращаем внимание на следующие моменты. Качественное видоизменение третьей фазы палатальных и палатализованных смычных обусловлено прежде всего дорсальным укладом активного органа речи. Апикальность (или апикальный уклад) и еще в большей степени какуминальность являются физиологическими моментами, препятствующими полному проявлению палатализации смычных¹¹. В фонологической системе тех русских говоров, где зафиксировано употребление апикальных и какуминальных переднеязычных [т], [д] и соответствующих им [т'], [д'], дзеканье как правило не встречается¹².

⁸ При исследовании были использованы акустические и артикуляционные методы, в частности метод осциллографии и метод палатографии.

⁹ Ореал русского дзеканья охватывает различные группы говоров, в том числе среднерусские (на территории Псковской, Калининской, Московской, Владимирской, Пензенской и других областей).

¹⁰ Ассибиляция <т'> <д'> белорусского типа наблюдается в словацких говорах, ассибиляция польского типа — в лужицких говорах.

¹¹ См.: С. С. Высок и й. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. «Очерки по фонетике севернорусских говоров». М., 1967, стр. 52—53.

¹² Типологически именно в таких диалектных системах наблюдаются случаи реализации фонем <т'>, <д'> как полумягких (или полутвердых) согласных *т̣*, *д̣*.

В литературе существует взгляд, согласно которому ассимиляция смычных связывается с понятием сильной степени смягчения согласных. Конкретизируя это положение (в рамках физиологических закономерностей), необходимо отметить, что усиление артикуляционной энергии в случае осложнения произносительной работы дополнительной артикуляцией (в данном случае — палатализацией) в соответствии с законом артикуляторной взаимокompенсации приводит к ослаблению основной артикуляции — смычки согласного и в связи с этим к качественному видоизменению фазы его рекурсии (преобразование взрыва во фрикацию).

Исследователи отмечают также неустойчивость напряженной артикуляции палатальных (по месту образования) среднеязычных согласных и обусловленную этим тенденцию к ее разрушению¹³. С палатальной артикуляцией связана ассимиляция польского типа, в результате которой палатальные [t''], [d''] подверглись фонетическому изменению в гоморганные аффрикаты.

Вопрос о дзеканье в русском языке включает рассмотрение не только артикуляционной и акустической стороны этого явления, но и учет данных перцептивного плана, что в известной степени обуславливает направление фонологической оценки конкретного фонетического явления.

Существенно то, что представители русской литературной нормы (если они не фонетисты) как правило не осознают факта дзеканья в своем произношении (в отличие от носителей белорусского литературного языка), чему в определенной мере способствуют и графические нормы русского письма (ср. *тихо, дети* и т. п.). При специальном аудиторском (слуховом) анализе примеров со случаями дзеканья (в частности, в записи на магнитофонной ленте) использование русских аудиторов — носителей литературного произношения не представляется наиболее целесообразным, поскольку эти лица могут испытывать тормозящее воздействие своей фонологической базы, являющейся в данном случае своеобразным препятствием для правильной фонологической оценки явления дзеканья (как известно, в системе русского литературного консонантизма представлена фонема <ц> и отсутствует фонема <ц'>).

Участие в данном эксперименте аудиторов с иной фонологической системой родного языка (в которой представлена фонема <ц'>, например, лиц украинского происхождения — позволяет с большей точностью решить вопрос о восприятии признака аффрикатности у согласных <т'> и <д'> в русском языке.

Возможность неадекватной оценки рассматриваемого явления во всех трех планах — артикуляционном, акустическом и пер-

¹³ Ср.: Н. К о н е с з н а. Co to jest mazurzenie? «Poradnik Językowy», 1953, № 9.

цептивном — обусловлена наличием различных степеней проявления ассибиляции <т'>, <д'> у лиц, являющихся представителями различных фонетических систем, независимо от того, принадлежит данная система конкретному диалекту или одному из вариантов русского литературного языка (ср. соответствующие обозначения при транскрибировании: $\overline{T'c}$ — $\overline{T'c}$ — $\overline{T'c}$ и т. д.).

Слабая степень фрикатизации смычных <т'>, <д'> обычно не воспринимается аудиторами, в произношении которых эта черта присутствует. Инструментальные данные дают основание рассматривать согласные такого рода как бы в качестве аффрикатоидов (по аналогии с дифтонгоидами в категории гласных звуков¹⁴).

Развитие дзеканья в русском литературном языке — живой фонетический процесс. Л. В. Щерба, отметив в 1942 г., что «для среднего немца русское *ть* звучит скорее как *ц*, чем как *т*», подчеркнул, что «развитие произношения мягких *т*, *д* в русском идет в том же направлении, что и в белорусском»¹⁵.

Фонологическая принадлежность аффрицированных согласных в русском языке к палатализованным <т'>, <д'> остается без изменения, другими словами, признак аффрикатности у данных согласных, будучи фонологически не существенным, не нарушает корреляции согласных <т>—<т'>, <д>—<д'> по признаку твердости—мягкости.

В случае отвердения гоморганных согласных, явившихся результатом ассибиляции смычных <т'> и <д'>, корреляция по признаку твердости—мягкости оказывается нарушенной, а признак аффрикатности указанных согласных приобретает фонологическую значимость. Именно такой процесс развития согласных, генетически связанных с мягкими <т'>, <д'>, отражен в истории кашубского языка, а также в некоторых словацких говорах (ср. каш. *das*, *scana* и др.).

Другое направление в развитии ассибиляции согласных <т'> и <д'>, зафиксированное, в частности, в нижнелужицком языке, связано с окончательной утратой смычки у новых аффрикат, в результате чего вновь возникшие сибиллянты *ś*, *ź* образовали коррелятивные пары по признаку твердости—мягкости в группе фрикативных согласных.

¹⁴ С. С. Высотский. Указ. соч., стр. 41.

¹⁵ Л. В. Щерба. Теория русского письма. «Избранные работы по русскому языку». М., 1958, стр. 169.

Об одном неотмеченном явлении синтаксической фонологии в некоторых славянских языках

Ив. Л е к о в

Известно, что попытки раскрытия и истолкования тех явлений, которые относятся к области так называемой синтаксической фонологии, чрезвычайно редки. Это находит свое отражение даже в словарях лингвистических терминов, в которых отсутствует единообразная и исчерпывающая характеристика всех аспектов синтаксической фонологии. Так, если обратиться к четырем вышедшим в последнее время трудам¹, богатым информацией и в целом очень полезным, то можно установить, что в словаре Э. Хэмпса не вообще упоминаются термины из области синтаксической фонологии, в то время как три польских автора в своем словаре ограничиваются лишь выделением ударения и немецкого *fester Vokaleinsatz* ('твердого приступа') в качестве примеров «делIMITативной функции звуков», как и озаглавлена сама статья. С другой стороны, у Ахмановой указан только термин «фонетика синтаксическая» (стр. 497), содержание которой определяется следующим образом: сандхи, переносы ударения, сверхсегментные фонетические явления, выполняющие различные синтаксические функции; в статье же под названием «функция» упоминаются «демаркационная» (стр. 506) и «разграничительная» (стр. 507) функции. И. Вахек под заглавием «Различия фонологические синтаксизованные» (стр. 182) предлагает вниманию читателей в самой общей форме только вопросительную и утвердительную интонации, а также фонологическое синтагматическое ударение, не иллюстрируя это никакими примерами.

Сущность синтаксической фонологии была кратко очерчена Н. С. Трубецким в связи с вопросом о так называемой «разграничительной, или делIMITативной, функции звука» человеческой речи (или о так называемых «пограничных сигналах» слова)².

¹ Э. Хэмп. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964; И. Вахек [при участии И. Дубского]. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964; О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Zb. Gołąb, A. Heinz, K. Polański. Słownik terminologii językoznawczej. Warszawa, 1968.

² См.: Н. С. Трубецкий. Основы фонологии. Перев. с нем. А. А. Холодовича. М., 1960, стр. 36, 299 и сл.

В этом важнейшем труде основоположника фонологии, а также в инструктивной статье другого русского языковеда С. Карцевского, опубликованной несколькими годами ранее³, не было еще возможно или целесообразно определять такую научную область, как синтаксическая фонология, указав при этом все присущие ей факторы сложного супrasegmentного характера. Один из этих факторов, а именно — роль ударения, связанного с небольшой последующей паузой (диэрема) и понижением тона в следующем слове, — выступает в функции релевантного фонологически-синтагматического признака в некоторых языках, являющихся представителями трех языковых славянских групп, независимо от различия их просодических систем. Это относится преимущественно к фонологизации отношения (нашедшего даже и орфографическое выражение) между отрицательными прилагательными с орфографически несамостоятельной частицей *не* и также отрицательными страдательными причастиями с орфографически самостоятельной частицей *не*.

Например⁴: болг. *ненаучен* (труд) ~ *не научен* (урок); рус. *невозможный* (характер) ~ *не возможный* (пример); польск. *niepowołany* (неуполномоченный) ~ *nie powołany* (некомпетентный) и т. п.

Как показывает материал, выделяется несколько типов отрицательных слов с частицей *не* (различные части речи), в которых наблюдаются не только произносительные, но и довольно частые орфографические различия, обоснованные орфоэпическими нормами, особенно в некоторых славянских языках.

Первый тип может быть назван структурно и графически неразложимым типом. В этом типе невозможно отделить отрицание, так как остальная часть слова реально в языке не существует. Ср., например, болг. (существительные, прилагательные, причастия, глаголы) *невежа*, *недостатък*, *невинен*, *недъгав*, *незлюбив*, *неимоверен*, *непокътнат*, *неустрашим*, *недей* и под., в целом не более 50 активно употребляемых слов в среднем по объему словаря, т. е. 9% всех типов слов с отрицанием *не*. Этот тип в русском и польском языках представлен еще в меньшем количестве, ср. русск. *неизбежный*, *несчастный*, *негодовать*, *невероятный*, *нельзя* и под.; польск. *niedoleństwo*, *niedowiarstwo*, *nienawistny*, *niemołęcy*, *niepomny*, *nieustanie* и др. В силу своей неразложимости данный лексический тип не входит ни в оппозицию «отрицательность ~ неотрицательность (отре-

³ S. K a r c e v s k i j. Sur la phonologie de la phrase. — TCLP, IV. Prague, 1931, стр. 188—227 (перепечатана: «A Prague School Reader in Linguistics». Bloomington, 1964, стр. 206—251).

⁴ В качестве иллюстративного материала будут использованы примеры из болгарского, русского и польского языков, являющихся представителями трех славянских языковых групп.

ченост ~ неотреченост)», ни в оппозицию «слитная (с точки зрения графики и произношения) отрицательность ~ неслитная отрицательность». Следовательно, он не входит в круг вопросов, которые нас в данном случае интересуют.

Точно так же и второй тип, который, напротив, можно назвать структурно и графически разложимым, не следовало бы считать предметом нашего анализа, ввиду присутствующего ему иного характера инвариантности, а именно: постоянной неслитной отрицательности, как с точки зрения правописания, так и с точки зрения произношения; ср. болг. *не бял, не сив, не глух, не страхлив, не виновен, не зает, не трябва, не днес* и т. п.; русск. *не достроен, не сшито, не надо, не жаль, не сегодня* и т. п.; польск. *nie badany, nie będący, nie czas, nie darmo, nie masz, nie zdany, nie dziś* и т. п.

Третий тип следовало бы назвать потенциально разложимым, поскольку отрицательные слова, рассматриваемые в данном случае, являются слитными как с точки зрения произношения, так и с точки зрения правописания. Однако в результате известной трансформации появляется возможность к разложению этих слов на составные части, причем, при наличии синтактико-фонологических различий порождаются полностью контрастные по значению оппозиции: ср. болг. *недостатъчно ~ не! ... достатъчно!, недеен ~ не! ... деен!, недействителен ~ не! ... действителен!, недоволен ~ не! ... доволен!* и т. д. (в орфографическом словаре насчитывается более 400 слов данного типа). В польском языке подобные примеры также многочисленны: *nieprzyjaciel ~ nie! ... przyjaciel! nierozumny ~ nie! ... rozumny!* и т. п.

Как видно из приведенных примеров, в данном случае начинают действовать не только чисто языковые факторы (например, диалог и интонация слова и контекста), но и такие экстралингвистические факторы, как конситуация. В качестве первого члена оппозиции может выступать вопрос, в качестве второго члена — всегда ответ на этот вопрос, соединяющий свое логическое ударение с ударением при нисходящей интонации (каденция).

Наиболее характерным следует считать четвертый, фонологизованный, тип лексических элементов со значением отрицания; в этом случае слитность отрицания со словом является условной, поскольку при одних обстоятельствах она обязательна, при других же — недопустима. Ср. болг. *немирни ~ не мирни*. При обязательной слитности интонация бывает восходящей или ровной, при недопустимой слитности — только нисходящей. Фонологизация этой оппозиции достигается следующим образом: а) усиленным ударением, падающим на отрицательную частицу во втором члене оппозиции; б) легкой паузой, которая следует после ударения; в) двумя полярными интонациями, характери-

зующими оба члена оппозиции ⁵. Орфографические системы также выделяют это явление, хотя и с известной условностью и колебаниями; однако несомненно, что в плане произношения и слухового восприятия оно сохраняет свою релевантность. Фонологизация проявляется в двух направлениях: в появлении контрастного, смысловоразличительного противопоставления или же в появлении более слабого, неконтрастного противопоставления. Полезно было бы сравнить данное явление с другими подобными случаями фонологизации, когда на месте отрицательной частицы стоял бы другой свободно сочетающийся лексический элемент типа предлогов *в* или *без*. Даже приблизительная статистическая характеристика этих явлений дает возможность произвести определенную классификацию и подтверждает мнение, что здесь речь идет о синтаксической (или, точнее, синтагматической в более узком плане) фонологии; более того, становится ясным, что в результате трансформации отрицательные примеры, в которых отрицание не является слитным со словом, превращаются в смысловом плане в полные предикативные синтагмы (ср. *те не са мирни* [средства для защиты]).

В последнее время в болгарском языке упомянутый пример *немирни* (в качестве прилагательного во мн. ч.) ~ *не мирни* 'революционные, боевые (средства)' стал актуальным. Имеются и другие, аналогичные данному, примеры: болг. *невероятен* 'исключительный' ~ *не вероятно* 'невероятный, невозможный', *непосредствен* 'непосредственный, искренний' ~ *не посредствен* 'не недостойный, не посредственный', *нечут* 'исключительный' ~ *не чут* 'не услышанный' и т. п. русск. *неподходящий* (пример) ~ *не подходящий* (к правилу), *неоконченный* (труд) ~ *не оконченный* (во-время), *ненадолго* ~ *не надолго*, *недаром* (не без основания) ~ *не даром* (не бесплатно), *немало* ~ *не мало* и др.

Данный структурный тип отличается достаточной частотностью и в польском языке. Это проявляется уже в орфографических правилах 1836 г.⁶, а в последнем издании польского орфографического словаря ⁷ примеров с-двояким, раздельным и слитным, написанием слов с отрицанием (основанным, может быть, на произношении) имеется более 50 пар.

Упомянем некоторые из них: *niebuły* 'несуществующий' ~ *nie były* 'не были', *niedobranu* 'неслаженный' ~ *nie dobranu* 'не

⁵ В последнее время вопросы об интонации и ее дискретном характере, а также о соответствующей единице этой области — интоне и составляющих ее паузе, темпе, мелодике, интенсивности — стали (в большой степени) актуальными (см., кроме старых трудов А. М. Пешковского, опубликованную недавно книгу Т. М. Николаевой «Интонация сложного предложения в славянских языках» [М., 1969], где приведена богатая библиография с указанием на труды М. Ромпорта, Ф. Данеша и др.).

⁶ St. J o d ł o w s k i i W. T a s z y c k i. Zasad y pisowni polskiej. . . Lwów, 1936.

⁷ Ortografia polska. Warszawa, 1968.

подобранный', niedokonany 'не совершенный (вид глагола)' ~ nie dokonany 'не совершенный', niedoświadczony 'неопытный' ~ nie doświadczony 'не проверенный (опытом)', nieoceniony 'очень ценный' ~ nie oceniony 'не оцененный', nieokrzesany 'невоспитанный' ~ nie okrzesany 'не обтесанный', nieopisany 'необыкновенный' ~ nie opisany 'еще не описанный', nieoszacowany 'бесценный' ~ nie oszacowany 'не получивший оценки', nieoświesony 'необразованный' ~ nie oświesony 'не освещенный', niepalący 'некурящий вообще' ~ nie palący 'не курящий (в данный момент)', niepoliczony 'несчётный' ~ nie policzony 'еще не сосчитанный', nieporównany 'несравненный' ~ nie porównany 'еще не сравненный', nieprzebrany 'многочисленный' ~ nie przebrany 'не переодетый', nieswój 'чувствующий себя неловко' ~ nie swój 'не свой, чужой', niezadługo 'вскоре' ~ nie za długo 'не слишком долго', nieużyty 'непригодный' ~ nie użyty 'не использованный', nieugaszony 'неугасимый' ~ nie ugaszony 'не погашенный', niewykluczony 'возможный' ~ nie wykluczony 'не исключенный (из организации)' и др.

Анализ польских примеров, орфография которых является очень четкой и последовательно проведенной, позволяет сделать интересные выводы. Тип оппозиций показывает, что их члены противопоставлены друг другу обычно по ступеням минимально, и в этом отношении напоминают фонологические эквивалентные, градуальные и привативные оппозиции. Нечеткий характер имеют эти оппозиции и в отношении грамматических категорий, поскольку прилагательные имена, представляющие первый член противопоставлений, являются с диахронической точки зрения причастиями, вторые же члены — представляют собой причастия в синхронном плане. Основная, наиболее часто встречающаяся оппозиция характеризуется тем, что первый член выражен прилагательным с прочно установившимся значением (ср. nieugaszony), второй — причастием, обладающим семантическим оттенком глагольности, вследствие чего при трансформации второй член оказывается эквивалентным фразе, характеризующейся нулевой предикацией. В основе других оппозиций лежат различия, полученные в результате развития переносных значений или в результате выделения дифференциальных значений «устойчивости ~ временности» (ср. niepalący ~ nie palący), и лишь в редких случаях эти различия достигают почти контрастного семантического противопоставления, что проявляется в таких парах, как nieokrzesany ~ nie okrzesany, nieoszacowany ~ nie oszacowany. Наконец, имеются и асимметричные оппозиции, появившиеся вследствие наличия многозначности слова (см. nieprzebrany), омонимии (например, niedowarzony 'умственно неразвитый' ~ nie dowarzony 'неизмеренный, неценный (багаж)', случайности (ср. niemy 'немые' ~ nie my 'не мы').

На поставленный выше вопрос о наличии в славянских языках другого отрицательного элемента, с помощью которого образуются подобные оппозиции, по-видимому, можно ответить, что наиболее близким по значению к частице *не* является предлог *без*, однако с этим предлогом противопоставления по типу предложенной здесь модели не образуются. Если пренебречь планом содержания, то известный параллелизм наблюдается в употреблении предлога *в* в русском языке, например: *не вовремя ~ не во время, не в пору ~ не в пору*, ср. также примеры из чешского языка: *v tom 'внезапно' ~ v tom 'в том'* и т. п.

Принадлежность рассмотренного здесь явления к области синтаксической фонологии служит еще одним ярким доказательством диалектической взаимосвязи между языковыми уровнями. Сложное совместное участие компонентов суперсегментного (акцентного, интонационно-мелодического и паузального), производительного, слухового, грамматического и словообразовательного характера является свидетельством многопричинности порождения и развития языковых функций и их разнообразного проявления, что служит основанием для типологической классификации таких языков, как славянские, которые относятся к одной и той же группе. Отмеченные синтаксические различительные (фонологизованные) признаки являются в целом действительно универсальными, но их комбинация, частотность и дистрибуция, даже во всех из сравниваемых здесь языков, характеризуются национальным своеобразием. Элементарный статистический анализ свидетельствует о том, что севернославянские языки (русский и польский) более богаты в отношении проявления данной модели славянской синтаксической фонологии. Типологическая характеристика этих языков пополнилась, таким образом, еще одной немаловажной чертой.

Перевела с болгарского
Т. В. Попова

О специфическом характере грамматической интерференции, связанной с происхождением так называемых пересказывательных форм болгарского языка

Р. Леч

В последнее время лингвисты все более убеждаются в том, что вопросы взаимовлияния и взаимопроникновения структурных элементов различных языков и на грамматическом уровне заслуживают самого пристального внимания. В этом отношении не последнее место занимает и проблема тюркско-славянской и славяно-тюркской грамматической интерференции. Вполне оправданным, например, является вопрос, не оказали ли тюркские языки и, в частности, турецкий язык, который в течение ряда столетий играл огромную роль в жизни всех балканских народов, влияния не только на лексику, где это бесспорно, но и на грамматическую структуру балканославянских языков, в первую очередь болгарского языка.

Наиболее существенные черты грамматического строя болгарского языка, несомненно, представляют так называемые «балканизмы», черты, которые он разделяет со всеми языками так называемого «балканского языкового союза». В этот «союз», как убедительно показал С. Б. Бернштейн, не входит ни турецкий язык, ни другие тюркские наречия, представленные на Балканском полуострове¹. В то же время в отличие от других балканских языков и всех остальных славянских языков болгарский и македонский языки обладают одной специфической грамматической особенностью, которую можно объяснить только воздействием турецкого языка. Имеются в виду так называемые пересказывательные формы (ПФ). Самое последовательное развитие система этих форм получила, как известно, в восточноболгарских диалектах, в которых турецкое влияние сказывается сильнее всего и в других отношениях. Именно на этих диалектах в основном базируется болгарский литературный язык. Поэтому в настоящей статье ограничусь рассмотрением системы ПФ в болгарском литературном языке, не останавливаясь на специфических чертах этой

¹ См.: S. B. B e r n s t e i n. Les langues turques de la péninsule des Balkans et «l'union des langues balkaniques». — «Les problèmes fondamentaux de la linguistique balkanique». София, 1966, стр. 82 и сл.

системы в западноболгарских и македонских диалектах, равно как и в македонском литературном языке. В мои задачи не входит детальное рассмотрение всех семантических, синтаксических и стилистических особенностей этой системы, оценка интерпретации этих форм в болгарской и, шире, болгаристической грамматической литературе, определение места ПФ в болгарской глагольной системе в целом. В этом отношении настоящая статья в основном опирается на выводы, содержащиеся в прекрасном исследовании Е. И. Деминой². В частности, это относится к положению о том, что система ПФ не является каким-то «четвертым наклонением», а выступает как маркированный член особой грамматической категории³, охватывающий не только изъявительное наклонение, но и повелительное и, если может быть доказано его существование в качестве особой формы наклонения, конъюнктив. Вопрос о наличии пересказывательного эквивалента и для так называемого простого условного наклонения (форм типа *работвам, ходвам, ядвам, носвам*) Е. И. Демина оставляет открытым. В свою очередь состав ПФ турецкого языка, пожалуй, не может еще считаться окончательно выясненным⁴. Поэтому будут сопоставляться лишь болгарские и турецкие ПФ изъявительного наклонения. При этом, несмотря на предложение Х. Аронсона интерпретировать все формы, образованные с помощью морфемы *ше* и производных от нее форм, не как временные, а как модальные, не входящие в состав изъявительного наклонения⁵, они здесь по-прежнему рассматриваются как формы будущего времени.

К тезису о непосредственной связи болгарских ПФ с соответствующими формами турецкого языка, впервые выдвинутому Б. Цоневым⁶, впоследствии, как известно, присоединились крупнейшие специалисты по болгарскому языку. Нужно отдать должное этим ученым, что они не отказались от этого тезиса даже в начале 50-х годов, когда после вскрытия антинаучной сущности марризма с его чрезмерным увлечением всякого рода «языковым смешением» многие языковеды склонны были огульно отрицать

² См.: Е. И. Де м и н а. Пересказывательные формы в современном болгарском языке. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959, стр. 313—378.

³ Е. И. Демина эту категорию называет категорией вторичной оценки отношения действия к действительности — «вторичным наклонением». О категории «преизказност ~ непреизказност» говорит М. Деянова в статье «За хронологията на преизказните форми в българския език» («Български език», 1969, кн. 1, стр. 18—26).

⁴ Насколько мне известно, монографических исследований о турецких ПФ (так называемых *rivayet*) вообще не существует.

⁵ См.: Н. А г о н с о н. The grammatical categories of the indicative in the contemporary Bulgarian language. «To Honor Roman Jakobson». The Hague. Paris, 1967, стр. 82—98.

⁶ См.: Б. Ц о н е в. Определени и неопределени форми в българския език. София, 1911, стр. 15—18; О н ж е. История на българския език, т. III. София, 1937, стр. 106.

возможность интерференции на морфологическом уровне⁷. Именно в это время, развивая тезис Цонева, Л. Андрейчин убедительно доказал, что поразительное сходство структуры всей системы ПФ в болгарском и турецком языках не может быть объяснено случайным совпадением (см. его доклад на сессии, упомянутой в сноске 7). Доводы его следующие:

1. В болгарском языке формы 3-го лица перфекта (минало резултативно или минало неопределено време болгарских грамматик) отличаются от соответствующих форм пересказывательного аориста (минало свършено време) наличием связки *e, sa*, а в турецком языке формы 3-го лица прошедшего-настоящего времени (*nakî geçmiş zaman*⁸) отличаются от соответствующих форм прошедшего-субъективного (прошедшего-неочевидного) времени (*öğrenilen geçmiş zaman*) наличием суффикса сказуемости *-dir/-dir/-dur/-dür (-tir/-tir/-tur/-tür)*. Ср.: болг. (*той*) *писал e* 'он (как я достоверно знаю, умозаключаю) писал' = тур. *yazmış-tır* с тем же значением и болг. (*той*) *писал* 'он (говорят, кажется, видимо, оказывается) писал' = тур. *yazmış* с тем же значением.

⁷ См.: Л. Андрейчин. Към въпроса за отношението между език и мислене. «Въпроси на езикознанието в сталинско осветление». София, 1951, стр. 33; Он же. Въпросът за националната самобитност на езика. «Изв. на Ин-та за български език», кн. II. София, 1952, стр. 39—45; Вл. Георгиев. Опит за периодизация на историята на българския език. Там же, стр. 113 и сл.; К. Мирчев. За съдбата на турцизмите в български език. Там же, стр. 119 и сл. — Последние три работы представляют доклады, прочитанные на научной сессии «История языка в связи с историей народа», организованной Институтом болгарского языка Болгарской академии наук в декабре 1952 г.

Нельзя обойти молчанием тот факт, что три участника той же сессии И. И. Лавров (см. «Изв. на Ин-та за български език», кн. II, стр. 191—193), Н. Дилевски (стр. 235 и сл.) и Г. Гылыбов (стр. 239 и сл.) довольно категорически высказались против мнения о том, что болгарские ПФ возникли под влиянием турецкого языка. Следует, однако, отметить, что эти выступления носили сугубо декларативный характер.

В 1967 г. К. Попов опубликовал обширную статью по вопросу о происхождении болгарских ПФ под заглавием «Нови данни за произхода на приказните глаголни форми в българския език» («Език и литература», 1967, № 6), в которой пытается доказать, что ПФ возникли задолго до завоевания Болгарии турками, поскольку они, якобы, в довольно развившемся виде встречаются уже во влахо-болгарских грамотах XV—XVI вв. Полная несостоятельность толкования соответствующих форм как ПФ была показана в упомянутой статье М. Деяновой, так что здесь не приходится останавливаться на этом вопросе.

⁸ Для обозначения временных форм турецкого языка используются русские термины, употребляемые А. Н. Кононовым в его «Грамматике современного турецкого литературного языка» (М.—Л., 1956) и турецкие, употребляемые в грамматике М. Эргина (М. Ergin. *Türk dil bilgisi*. Istanbul, 1962), переизданной в Софии в 1967 г. Исключение составляет термин *nakî geçmiş zaman*, заимствованный из книги Г. Гылыбова (Г. Гылыбов. Грамматика на турския език. Изд. 2. София, 1957), поскольку данная форма у Эргина не включается во временную систему.

Л. Андрейчин при этом не указывает на то, что в отличие от болгарского в турецком в *naklı geçmiş zaman* суффикс сказуемости прибавляется и к формам 1- и 2-го лица, ср. *yazmışsınız-dır* 'вы (как я достоверно знаю, умозакляю) писали' и *yazmışsınız* 'вы (говорят) писали'. В болгарском языке соответствующие формы омонимичны (*писали сте*). Это, разумеется, несколько не уменьшает доказательной силы приводимого Андрейчиным в пользу интерференции аргумента.

2. В восточноболгарских диалектах наряду с исконным славянским причастием на *-л*, образованным от основы инфинитива (*писа-л*) возникла вторая *л*-форма, образованная от основы презенса (*пише-л*). Первая *л*-форма входит в состав тех форм, которым в турецком языке по значению соответствуют формы, образованные сочетанием чистой основы с суффиксом *-miş/-miş/-muş/-müş*. Ср.: *писал(е)* = *yaz-mış (-tır)*, а также плюсквамперфект (минало предварительно, в тур. *naklı zamanın hikâyesi*) *писал бе(ше)* = *yaz-mış-tı* и соответствующие ПФ *писал бил* = *yaz-mış-mış*. Второй форме в турецком соответствует сочетание суффикса *-miş/-miş/-muş/-müş* с основой, расширенной суффиксом настоящего времени (*şimdiki zaman*) — *(u)yor/(i)yor/(u)yor/(ü)yor* или суффиксом настоящего-будущего времени (*geniş zaman*) *-r//ar/-er//ır/-ir/-ur/-ür*, например, *пише-л* = *yazıyor-muş* 'он (говорят...) пишет (сейчас)/писал (в тот момент)' или *yaz-ar-mış* 'он (говорят...) пишет/писал (вообще)'.

Л. Андрейчин ограничивается сопоставлением болг. *писел* с тур. *yazıyor-muş*. На самом деле, любая личная форма болг. глагола, образованная от основы настоящего времени, имеет в турецком языке два соответствия. Помимо приведенной ПФ, это относится и к презенсу и имперфекту, ср. (*той*) *пише* = *yazıyor* 'он (сейчас) пишет' (*şimdiki zaman*) или *yazar* 'он (вообще) пишет' (*geniş zaman*); (*той*) *писеше* = *yazıyordu* 'он (в тот момент) писал' (определенный имперфект, *şimdiki zamanın hikâyesi*) или *yazardı* 'он (вообще) писал' (неопределенный имперфект, *geniş zamanın hikâyesi*). И эта маленькая неточность, допущенная Л. Андрейчиным, естественно, ни в коей мере не уменьшает убедительности его аргументации. Решающим является то обстоятельство, что болгарской основе инфинитива в турецком противостоит простая глагольная основа, а основе презенса — расширенная.

3. Как в болгарском, так и в турецком языках каждая временная форма пересказывательной системы, за исключением пересказывательного аориста, совмещает в себе значения двух пересказывательных форм (НПФ). Если учесть сказанное выше относительно двойного турецкого эквивалента болгарских презенса и имперфекта, то соотношение НПФ и ПФ обоих языков можно представить в таблице на стр. 177.

Время	НПФ	ПФ
Аорист (болг. минало свършено вр.; тур. <i>görülen geçmiş zaman</i>)	<i>nıca</i> = yaz-dı	<i>nıca-l</i> = yaz-mış
Презенс (болг. сегашно вр.; тур. <i>şimdiki zaman</i> или <i>geniş zaman</i>)	<i>nişe</i> = yazıyor или <i>yazar</i>	<i>nişe-l</i> = yazıyor-muş или <i>yazar-mış</i>
Имперфект (болг. минало не-свършено вр.; тур. <i>şimdiki zamanın hikâyesi</i> или <i>geniş zamanın hikâyesi</i>)	<i>nişеше</i> = yazıyor-du или <i>yazar-dı</i>	
Перфект (болг. минало неопределено вр.; тур. <i>nakli geçmiş zaman</i>)	<i>nıca-l e</i> = yaz-mış-tır	<i>nıca-l bil</i> = yaz-mış-mış
Плюсквамперфект (болг. минало предварително вр.; тур. <i>nakli zamanın hükâyesi</i>)	<i>nıca-l бе (ше)</i> = yaz-mış-ti	
Будущее вр. (болг. бъдеще вр.; тур. <i>gelecek zaman</i>)	<i>ще nişe</i> = yaz-acak	<i>щял да nişe (ще nişел)</i> = yaz-acak-mış
Будущее в прошедшем (болг. бъдеще в миналото; тур. <i>gelecek zamanın hikâyesi</i>)	<i>щеше да nişe (ще nişеше)</i> = yaz-acak-tı	

Л. Андрейчин в свою сопоставительную таблицу болгарских ПФ и НПФ включает и формы так называемого будущего предварительного (бъдеще предварително време — формы типа *ще е/бъде писал*) и будущего предварительного в прошедшем (бъдеще предварително в миналото — формы типа *щеше да е/бъде писал*), совпадающие при пересказывании в форме *щял да е/бъде писал*⁹.

⁹ Ю. С. Маслов в статье «К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения» («Сборник в чест на Александър Теодоров-Балан». София, 1955, стр. 311—318), а вслед за ним и Е. И. Демина в указанной работе не счи-

При этом он отмечает, что своеобразие турецкого влияния на болгарскую глагольную систему проявляется именно в том, что образование ПФ здесь охватывает и временные формы, которые в турецком языке вовсе не имеют соответствия. Это недоразумение. Дело в том, что в грамматике Г. Гылыбова¹⁰, на данные которой опирается Андрейчин, эти формы действительно не отмечены. Но в более полных описаниях турецкой глагольной системы даются перифрастические формы типа *yazmış olacak(tır)*, *yazmış olacaktı*¹¹, полностью соответствующие болгарским формам будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем не только семантически, но и в том отношении, что они представляют сочетания будущего или будущего в прошедшем вспомогательного глагола 'быть' с причастием прошедшего времени (ср. *ще е/бъде* = *olacak(tır)* или *щеше да е/бъде* = *olacaktı + писал* = *yazmış*). Иначе дело обстоит с соответствующей ПФ, которая в грамматической литературе по турецкому языку, а в частности, в работах, указанных в сноске 11, не упоминается. Однако по свидетельству лиц, для которых турецкий язык является родным, формы типа *yazmış olacaktı* в турецком разговорном языке так же возможны, как формы типа *щял да е/бъде писал* в болгарском¹².

Перейдем теперь к вопросу, в чем же заключается специфический характер грамматической интерференции, связанной с происхождением ПФ в болгарском языке.

В литературе уже отмечались следующие случаи интерференции в глагольной системе языка L_1 , находящегося под влиянием языка L_2 ¹³.

тают возможным признать эти формы реально существующими, поскольку они не встречаются в обследованных ими текстах. Однако это не может быть решающим критерием. Гораздо важнее, что любой болгарин, владеющий литературным языком, считает образование и употребление подобных форм совершенно нормальным явлением.

¹⁰ См.: Г. Гылыбов. Указ. соч.

¹¹ См.: А. Н. Кононов. Указ. соч., стр. 214 и сл.; М. С. Михайлов. Исследование по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965 стр. 70—75, 101, сл.

¹² За эту информацию я обязан ассистентке тюркологического отделения Берлинского ун-та им. Гумбольдта, уроженке Стамбула Св. Петровой.

Факт совпадения турецкой и болгарской систем ПФ и в этом отношении отнюдь не означает, что вторая по сравнению с первой не обладает определенным своеобразием. Так, например, в болгарском языке так называемые формы предполагаемого действия, отличающиеся от ПФ наличием в 3 л. связки *e*, *sa*, или так называемые «эмфатические» ПФ типа *писал бил* (вместо *писал*), *пишел бил* (вместо *пишел*), *щял бил да пише* (вместо *щял да пише*) образуют целые системы (см.: Е. И. Демин а. Указ. соч., стр. 319—324, 353—356), в то время как в турецком языке такие оппозиции, по-видимому, ограничены перфектом (*yaz-mış* = *писал*; *yaz-mış-tır* = *писал e*; *yaz-mış* = *писал*; *yaz-mış-mış* = *писал бил*). Более подробное рассмотрение этой проблемы должно составить предмет отдельной работы.

¹³ Из-за недостатка места здесь не дается полный перечень соответствующей литературы. Укажу лишь некоторые работы, вышедшие в последние годы

1) Какая-то форма x_1 языка L_1 , функционально частично совпадающая с формой x_2 языка L_2 , отождествляется носителями L_1 с x_2 и принимает и те ее функции, которые x_1 первоначально не свойственны. Так, например, в тех лужицких говорах, в которых сохранились аорист и имперфект (совпавшие здесь, правда, в одном синтетическом претерите), славянский перфект типа *je pisał* отождествляется с немецким перфектом типа *hat geschrieben* и принимает такую его функцию, абсолютно не свойственную славянскому перфекту, как употребление в функции будущего предварительного; ср. *Hdyž sym tón list napisal* (перфект!), *jón hnydom wotposćelu* = *Wenn ich den Brief geschrieben habe, schicke ich ihn sofort ab* 'Когда я пишу письмо, я его немедленно отправляю'. Форма при этом не изменяется, хотя в лужицком вспомогательным глаголом служит 'быть', а в немецком 'иметь'. Не исключено, правда, что интерференция в данном случае сказывается на форме в том отношении, что лужицкий перфект, вопреки общеславянской тенденции к утрате вспомогательного глагола хотя бы в 3-м лице, остается аналитической формой, сохраняя *je, su* и в этой позиции.

2) Образование какой-либо формы y_1 , связанное в языках, родственных L_1 , с определенными ограничениями, освобождается в L_1 от этих ограничений, если y_2 в L_2 не знает их. Так, во всех лужицких говорах аналитическое будущее типа *budu pisać*, которое в севернославянских языках, не затронутых немецким влиянием, возможно только в несовершенном виде, свободно образуется и в совершенном виде (возможно и *budu napisać*). С интерференцией этого типа, кроме того, могут быть связаны и существенные изменения в значении. Так, возможность образования первоначально исключительно пассивных причастий на *-n-*, *-t-* и от переходных глаголов, которую наблюдаем во многих периферийных славянских диалектах, находящихся под воздействием неславянских языков (ср., например, луж. *radnjenu* 'павший', *zhnity* 'сгнивший') означает одновременно и утрату этими формами пассивного значения.

3) Вспомогательный глагол z_1 , который в сочетании с формой i_1 полнозначного глагола в языке L_1 образует аналитическую

и материал которых используется в данной статье. К ним относятся: F. D a n e š. *Dostal jsem přidáno a podobné pasivní konstrukce* (Studie syntakticko-sémantická). «Naše řeč», 51 (1968), стр. 269; F. H i n z e. *Die Bildung des Präsens Passivi im Sorbischen und Slovinzischen*. «Přinoški k serbskemu řečespyteju». Bautzen, 1968, стр. 321; R. L ö t z s c h. *Někotre wuskutki němskeho wliwa na werbalny system serbsčiny*. Там же, стр. 337; О н ж е. *Das Tempussystem des Slovinzischen im Vergleich zu dem des Sorbischen und Deutschen*. «Lětopis» A 14/1 (1967), стр. 23; О н ж е. *Zum indirekten Passiv im Deutschen und Slawischen*. «Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur». Berlin, 1969, стр. 102; Ч. V a s i l e v. *Der romanische Perfekttyp im Slawischen*. «Slawistische Studien zum VI. Internationalen Slawistenkongress in Prag, 1968.» München, 1968, стр. 215 и сл.; Г. А. М е н о в щ и к о в. К вопросу о проникаемости грамматического строя языка. — ВЯ, 1964, № 5, стр. 100 и сл.

форму u_1 , может отождествляться со служебным словом z_2 , которое в L_2 в сочетании с формами i_2 и j_2 образует аналитические формы u_2 и w_2 . В связи с этим в L_1 z_1 начинает сочетаться и с j_1 , образуя, таким образом, аналитическую форму w_1 . Так, в словинском диалекте форма будущего времени вспомогательного глагола 'быть', с помощью которой образуется аналитическое будущее типа *bqze pjisoul* 'буду писать', начинает употребляться и для образования настоящего времени страдательного залога (*bqze pjisounè* 'пишется'), поскольку в немецком языке обе формы одинаково образуются с помощью презенса вспомогательного глагола *werden* (*wird schreiben* 'будет писать', *wird geschrieben* 'пишется').

4) Аналитическая форма g_1 языка L_1 утрачивает служебное слово, поскольку семантически сближается с синтетической формой g_2 языка L_2 . Так, в кашубских диалектах славянский перфект во всех лицах утратил формы вспомогательного глагола 'быть', поскольку семантически он сближается с немецким синтетическим претеритом (ср. словин. *jå pjisoul, tä pjisoul, mä pjusalå, vä pjisalå* = нем. *ich schrieb, du schriebsst, wir schrieben, ihr schriebsst* и пол. *писаł-em, писаł-eś, писали-śmy, писали-ście*).

5) Под влиянием L_2 , обладающего аналитической формой a_2 , состоящей из сочетания формы b_2 полнозначного глагола и служебного слова c_2 , и в L_1 , первоначально не имевшем таких аналитических форм, возникает форма a_1 , образованная сочетанием формы b_1 , существовавшей в L_1 и раньше, с глаголом c_1 , превращающимся в служебный глагол только в связи с интерференцией. При этом функционально a_1 может совпадать с a_2 или отличаться от него. Так, во многих периферийных славянских диалектах под воздействием соседних неславянских языков возникли аналитические формы перфекта типа нем. *hat geschrieben*, причем случай полного семантического и функционального тождества с нем. перфектом представлен, например, в словинской форме *må pjisounè*, в то время как, например, луж. *ma parisane* принимает значение чисто результативное. Другим интересным примером этого типа является образование в некоторых западнославянских языках и диалектах косвенного пассива типа нем. *kriegt/bekommt befohlen* 'ему приказывают (получает приказ)' с помощью славянского глагола *dostati (ср. луж. *dostanje pŕikazane*, чеш. *dostane pŕikázáno*).

6) Аналитическая форма a_1 образуется с помощью вспомогательного глагола c_2 , заимствованного прямо из L_2 . Примером такого рода являются луж. формы пассива и косвенного пассива, образованные с помощью заимствованных из немецкого вспомогательных глаголов *wordować* = *werden* и *krunuć* = *kriegen*.

7) Из L_2 в L_1 заимствуются словоизменительные аффиксы. Это, по-видимому, крайне редкий случай, но, тем не менее, примеры такого типа интерференции имеются. Так, в языке алеутов

острова Медного все аффиксы спряжения заимствованы из русского языка.

Возвращаясь теперь к болгарским ПФ, мы должны констатировать, что имеем дело с довольно сложным случаем интерференции. Прежде всего, семантика славянского перфекта, легшего в основу болгарских ПФ, существенно сузилась. Он утратил способность выражать действие, очевидцем которого был сам говорящий. Во-вторых, происходит категориальное разграничение первоначально факультативных вариантов со вспомогательным глаголом в 3-м лице и без него по образцу турецкого языка. Наконец, и это, пожалуй, самое интересное, становится возможным образование формы на *-л* и от основы презенса. А это показывает, что именно *-л* отождествляется с турецким аффиксом *-miş/-miş/-miş/-miş*. Таким образом, перед нами случай, когда при интерференции отождествляются не целые формы или служебные слова, а отдельные морфемы, входящие в состав определенных синтетических форм.

Вопрос о том, почему из всех балканских языков только славянские, болгарский и македонский, языки заимствовали из турецкого ПФ, причем полное развитие эта система получила только в восточноболгарских диалектах, должен явиться предметом специального исследования¹⁴.

■

Членные формы болгарского литературного языка с точки зрения лингвистической типологии

Ю. С. Маслов

В типологическом отношении современный болгарский язык представляет картину своеобразного соединения черт нескольких разных и даже противоположных структурных типов. Последовательный аналитизм в сфере выражения синтаксических связей имени существительного сочетается с широким использованием чисто синтетических форм в системе глагола; обильные черты

¹⁴ Интересные наблюдения по этому вопросу содержатся в статье: W. F i e d l e r. Zu einigen Problemen des albanischen Admirativs. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig», 15. Jahrgang, 1966. Gesellschafts-und Sprachwissenschaftliche Reihe, Heft 3, стр. 561—566.

классического флективно-фузионного типа совмещаются с более или менее явными агглютинативными тенденциями; во многих частных подсистемах грамматического строя и даже в отдельных конструкциях и в отдельных морфемах разнородные типологические характеристики переплетаются тем или иным образом, создавая порой неожиданные комбинации. Все это открывает широкие возможности разной интерпретации одних и тех же явлений и, соответственно, возможности длительных споров о большей или меньшей роли определенных типологических черт в грамматическом строе болгарского языка в целом. Всестороннее и беспристрастное рассмотрение вопроса потребовало бы много места и, по-видимому, не обошлось бы без применения количественных методов (например, без подсчета типологических индексов вроде тех, которые предложил Дж. Гринберг). В данной статье такая задача, естественно, не ставится. Мы ограничимся здесь рассмотрением с точки зрения формально-типологических критериев (создание семантической типологии пока остается делом будущего) одной частной подсистемы в морфологическом строе литературного болгарского языка — подсистемы определенного артикля.

Как известно, болгарский определенный артикль, или, как его чаще называют, определенный член

а) является постпозитивным;

б) присоединяется не к основе, а всегда к готовой, реально употребляемой в речи форме имени или местоимения — к форме, которую можно назвать «общей» (немаркированной в отношении определенности/неопределенности) или «бесчленной»;

в) составляет с этим именем или местоимением одно фонетическое (акцентное) слово (а на письме также одно графическое слово), обычно трактуемое как словоформа этого имени или местоимения, его «определенная», или «членная» форма;

г) выступает в нескольких вариантах звучания, равнозначных с точки зрения значения «определенности»¹; дистрибуция этих вариантов отражает морфологическое, а отчасти и фонетическое приспособление члена к соответствующему слову — она регулируется другими (помимо «определенности») грамматическими категориями этого слова, а в известных случаях и в известных пределах — чисто фонетическими правилами².

¹ «Определенность», вероятно, не самый удачный термин для обозначения данного грамматического значения. Не ставя здесь проблем семантической типологии категории «определенности», мы пользуемся этим термином условно. Краткий обзор разных теорий «определенности» применительно к материалу западноевропейских языков дает И. Крамский («К проблеме артикля». — ВЯ, 1963, № 4, стр. 14 и след.).

² В некоторых болгарских говорах (но не в литературном языке), а также в македонском языке имеются еще, как известно, особые серии вариантов члена, выражающие близость или отдаленность предмета от говорящего (ср. ниже примеч. 9).

Примеры: бесчл. ф. гора 'лес', мн. ч. гори — опр. ф. горага, горите; бесчл. ф. бюро, мн. ч. бюра — опр. ф. бюрото, бюрата; бесчл. ф. ум, нов, ваш (с нулев. оконч.) — опр. ф. умът, новият, вашият или ума (произн. умѣ), новия, вашия; бесчл. ф. три, сто (без оконч.) — опр. ф. трите, стотѣ.

Для типологической оценки члена важно выяснить ряд вопросов, связанных (I) с отношением члена не только к обслуживаемому им знаменательному слову, но и к соответствующему словосочетанию и (II) с характером семантической нагруженности члена и его морфемным строением.

I. Согласно пунктам в) и г) болгарский определенный член должен считаться (и действительно, обычно считается) не отдельным служебным словом, вроде препозитивного артикля ряда языков, а частью слова. Но это — не совсем обычная часть слова, что видно, если взглянуть на употребление члена с точки зрения структуры словосочетания. В рамках атрибутивного сочетания, а также сочетания с количественным числительным, член ведет себя не как индивидуальный оформитель того или иного слова, а как типичный групповой оформитель, единый и недублируемый грамматический элемент, обслуживающий все это сочетание³. Характерно, что в сочетаниях с согласованными определениями член «привязан» не к конкретному слову, а к «месту»: он ставится после или, лучше сказать, на конце первого по порядку имени (или местоимения) в этом сочетании. Поскольку в болгарском языке согласуемые определения как правило предшествуют определяемому, член при развертывании сочетания оказывается подвижным относительно определяемого слова: горага — зелената гора — хубавата зелена гора и т. д. Этой своей функцией группового оформителя и подвижностью болгарский постпозитивный член напоминает обычные служебные слова, например, препозитивный артикль западноевропейских языков (нем. *der Wald* — *der schöne Wald* и т. д.) или предлоги (*в лесу* — *в прекрасном лесу* и т. д.).

Интересно привлекать для сравнения данные некоторых языков, имеющих как постпозитивный, так и препозитивный определенный артикль. В румынском сфера употребления постпозитивного члена в качестве группового оформителя значительно сужена по сравнению с болгарским. Правда, если прилагательное предшествует существительному, постпозитивный член, как и в болгарском языке, перемещается к прилагательному: *codrul* 'лес' (опр.) — *bunul codru* 'хороший лес'; однако для румынского такой порядок

³ Член дублируется в рамках сочетания лишь в некоторых специальных случаях, например, если параллельные определения описывают разные понятия, эллиптически объединенные в одном существительном (*изучавам чешката и полската литература* 'я изучаю чешскую и польскую литературу'). См.: Ст. Стоянов. Употреба и значение на определителния член в съвременния български книжовен език, II част. «Годишник на Софийския ун-т, Филол. фак-т», т. LVII, 1 (1963), стр. 670—671.

слов не является правилом (он используется при логическом подчеркивании прилагательного или в стилистических целях). При нормальной постановке прилагательного после существительного постпозитивный член не только остается на своем месте при существительном (*codrul bun*) — что наблюдается при инверсии и в болгарском (поэтич. *гората хубава*), но с большей или меньшей регулярностью «подкрепляется» вторым, уже препозитивным членом перед прилагательным: *codrul cel bun*⁴. Аналогичное «подкрепление» постпозитивного артикля препозитивным происходит, но уже в обязательном порядке (кроме некоторых устойчивых сочетаний), в шведском языке, где прилагательное нормально предшествует существительному: *skogen* 'лес' (опр.) — *den gröna skogen* 'зеленый лес'. В датском постпозитивный артикль при существительном не «подкрепляется», а заменяется препозитивным при прилагательном: *skoven* — *den grønne skov*. Таким образом, и в шведском, и в датском постпозитивный артикль не является групповым оформителем. Препозитивный артикль, напротив, может считаться здесь групповым оформителем (ср. датский пример) или по крайней мере может оформлять группу однородных определений (швед. *den vackra gröna skogen* 'красивый зеленый лес'). Не выступает в роли группового оформителя постпозитивный артикль и в албанском языке.

Различие между служебными элементами — групповыми оформителями и служебными элементами — оформителями отдельного слова, конечно, очень важно для лингвистической типологии⁵. Однако это различие не совпадает автоматически с различием между служебным словом и частью слова. В этой связи можно указать на некоторые примеры групповых оформителей, обычно по тем или иным основаниям не зачисляемых в разряд служебных слов. Это в ряде германских языков показатель родительного (или «посессивного») падежа *-s*, «выносимый за скобку» в конце синтаксической группы, например в англ. *the Prince of Denmark's tragedy*, швед. *mor i Fallas korpar* 'чашки матушки из Фаллы', также в группе однородных членов в англ. *John and Mary's room*. Далее это групповые оформители однородных членов предложения в агглютинативных языках, например суффикс мн. числа в турецком *muallim ve talebeler* 'учителя и ученики'. Думается, что болгарский (и македонский) определенный член стоит типологически в том же ряду своего рода промежуточных, переходных явлений: будучи групповым оформителем, он, однако, не является служеб-

⁴ Как пишет Иоргу Иордан, «оба члена сотрудничают для достижения в данном случае общей цели»; конструкции с *cel* «яснее подчеркивают определенность» чем конструкции без *cel*. См.: И. И о р д а н. Грамматика румынского языка. Перев. и предисловие проф. С. Б. Бернштейна. М., 1950, стр. 76.

⁵ Ср.: Б. А. У с п е н с к и й. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 98—107 и 223—227.

ным словом. В диахроническом плане, по-видимому, как о балканских, так и о скандинавских постпозитивных артиклях следует говорить как о явлениях «нового синтеза». Но если, например, в скандинавских языках этот новый синтез доведен до конца, то в случае болгарского (и македонского, а отчасти и румынского) члена он как бы остановился на полпути.

II. Переходя ко второму кругу вопросов, необходимо заметить следующее. По количеству одновременно выражаемых ими грамматических значений служебные элементы языка, и в частности артикли, могут быть двух главных типов.

Одни в каждом случае их использования в речи выражают какое-то одно и только одно грамматическое значение. Таков, например, определенный артикль в английском или в арабском языке, выражающий только грамматическое значение «определенности» (если угодно — тот или иной вариант этого значения в зависимости от контекста). Таковы же предлоги русского и многих других языков, турецкие показатели падежей и т. д. Эти элементы условимся называть га п л о с е м и ч н ы м и (греч. *ἀπλοῦς* 'простой' — *гаплосемия* 'простозначность').

Другие служебные элементы выражают сразу, одновременно, несколько разных грамматических значений, некоторую комбинацию этих значений, относящихся к разным грамматическим категориям. Таков, например, определенный артикль во французском языке, выражающий всегда помимо «определенности» еще число, а в единственном числе в большинстве случаев еще и род. Таковы же типичные флексии индоевропейских языков, например личные окончания латинского, русского или болгарского глагола, падежные окончания в латыни или в русском и т. д. Эти элементы будем называть с и н т е т о с е м и ч н ы м и (*синтетосемия* 'сложнозначность').

Явления гапло- и синтетосемии часто отмечались в литературе по типологии, особенно в связи с противопоставлением агглютинативных и флективных языков, но не получили пока общепризнанной терминологической фиксации. В связи с предлагаемыми здесь терминами подчеркнем, что гаплосемия отнюдь не совпадает с моносемией, а синтетосемия — с полисемией. В случае полиили моносемии речь идет о «сменности» (вариативности) значения или о его постоянстве (невариативности) в разных контекстах и ситуациях, а в случае синтето- или гаплосемии — об одновременном выражении нескольких значений или отсутствии этого свойства в любом контексте и ситуации. Гаплосемичный элемент часто является полисемичным, классическим примером чего могут служить обычные предлоги.

Синтетосемия в свою очередь может быть либо синтетосемией морфемы — минимальной двусторонней единицы языка, как это мы видим, например, в русском окончании вин. п. ед. ч. *-у* (*сестру*) или во французском *article contracté au* (= *à + le*), либо же синтето-

семией элемента, допускающего дальнейшее морфемное членение, т. е. сложного не только по значению, но и по морфемной структуре. Последний случай представлен, например, формами французского артикля *le, la* и *les*, каждая из которых отчетливо членится на две морфемы — галлосемичную морфему «определенности» /l/ и вторую морфему, либо синтетосемичную родочисловую /œ/ или /a/, либо галлосемичную, выражающую только мн. число, /ɛ/ или при liaison /ɛz/ ⁶.

Согласно сказанному выше в пункте г), болгарский определенный член должен быть в значительной мере синтетосемичным. Действительно, из 13 возможных вариантов члена ⁷ синтетосемичными являются 12 — все, кроме варианта *-та* (безуд.), правда, очень распространенного. Помимо «определенности», выражаемой всеми без исключения вариантами, эти 12 вариантов информируют о значении числа — множественного (*-те* и *-тѐ*) или единственного (остальные 10). Из 10 вариантов, связанных с единственным числом, 9 (все, кроме *-то*) четко информируют еще и о значении рода — женского (*-тá*) или мужского (остальные 8), а *-то*, можно сказать, информирует о «неженском» роде (обычно среднем, но иногда мужском). Некоторые варианты несут еще дополнительную информацию о «частиречном» значении: 6 вариантов, начинающихся фонемами /i/ и /j/, встречаются только у прилагательных и им подобных слов (в том числе, однако, и субстантивированных), *-тá* — только у существительных, *-тѐ* только у количественных числительных ⁸. Отметим, что вся грамматическая информация, передаваемая вариантами члена сверх информации о значении «определенности», в большинстве случаев оказывается избыточной

⁶ Морфемы /a/ и /œœz/ не являются «одиоными» (унивалентными), ср. *та—mes, та—tes, са—ses*. Что касается формы *l'*, она может рассматриваться как содержащая в качестве второго компонента нуль, в котором выражено значение ед. числа, а родовое различие нейтрализовано.

⁷ Пять вариантов начинаются согласным /t/; выделение вариантов *-та, -то, -те* традиционно, ударенные варианты *-тá* и *-тѐ* выделяются особо с учетом их четкой приуроченности к известным морфологическим разрядам слов (чего нет в случае ударенности некоторых других, перечисляемых ниже вариантов). Восемь вариантов не начинаются согласным /t/. Это /ъt/ и /ъ/ (орфогр. *-ът, -ят, -а, -я*), выделяемые всеми авторами; /jъt/ и /jъ/ (орфогр. *-ят, -я*), справедливо выделяемые некоторыми из них; /ijъt/ и /ijъ/ (орфогр. *-ият, -ия*), выделяемые здесь потому, что в синхронии современного языка определенные формы типа *новия* (*т*) противопостоят в первую очередь нормальным бесчленным формам типа *нов*, а не архаическим формам типа *нови*, встречающимся в устойчивых сочетаниях; наконец, /ij/ и /j/ (орфогр. *-ий, -й*) — варианты устарелые и поэтические, но все же встречающиеся и у ряда поэтов XX в.

⁸ Кроме того, в письменном (но не в живом устном) языке из 8 вариантов, информирующих о мужском роде, 6 вариантов (все, кроме архаических *-ий* и *-й*) несут информацию еще о «падеже» — «прямом» (орфогр. варианты *ът, -ят, -ият*) или «косвенном» (орфогр. *-а, -я* и *-ия*). В живом языке дистрибуция соответствующих двух серий имеет характер свободного варьирования.

(ср., впрочем, противопоставления типа разговор. *мойто* — *мойте*, *нашто* — *наште* и случаи дифференциации с помощью члена слов, омонимичных в бесчленной форме, вроде *младеж* м. р. 'юноша' и *младеж* ж. р. 'молодежь', *гол* сущ. и *гол* прилаг., *чест* сущ. 'честь' к *чест* прилаг. 'частый' и т. д.).

Особое положение занимает вариант *-та* (безуд.). Он строго обязателен, если члену предшествует фонема /a/, независимо от числа, рода и части речи. Ср. сущ. в ед. ч. *гората* (ж. р.), *слугата* (м. р.), *пияницта* (общ. р.), во мн. ч. *рогата* (м. р.), *селата* (ср. р.); прилагат. *новата* (ед. ч. ж. р.), *късметлията* (безродов.); числит. *двата* (м. р.), *тристата* (безродов.). В рамках ед. числа прилагательных (кроме безродовых) местоимений и причастий, а также в ед. числе существительных неличного значения вариант *-та* (безуд.) всегда свидетельствует о женском роде. Но признать этот вариант синтетосемичным можно было бы только «устранив» другие случаи *-та* безуд. — во мн. числе и в числительных, в личных существительных мужского и общего рода (например, объявив все эти *-та* омонимами, что противоречило бы факту несомненной тождественности самих правил появления таких «омонимов»).

Что касается варианта *-то*, его употребление в значительной мере тоже обусловлено фонетическим правилом: он используется, если члену предшествует /o, e, u/, а также /i/, которое не является флексией (напр., *такси* — *таксито*), но только в ед. ч и с л е (ср. другие варианты члена в формах мн. ч. *градовете*, *ръцете*, *раменете* и в числит. *стотѐ*). Таким образом, вариант *-то* в любом случае остается синтетосемичным.

Постпозитивные артикли других балканских и скандинавских языков также отчетливо синтетосемичны во всех или (в македонском) в подавляющем большинстве случаев.

Трудной является проблема морфемной структуры болгарского члена. В некоторых его вариантах как будто можно выделить отрезок /t/ — гаплосемичный носитель значения «определенности» и примыкающие к этому /t/ гласные отрезки — носители других грамматических значений (ср. сказанное выше о членности французского артикля). Но рядом стоят варианты, не членящиеся таким образом или вообще нечленимые: некоторые не содержат отрезка /t/ (можно ли сказать, что в них /t/ «чередуются с нулем»?); а вариант *-та* безуд. затруднительно членить ввиду его гаплосемичности. В ряде случаев мог бы быть выделен элемент /ij ∞ j/ как показатель «адъективности», но в поэтических вариантах *-ий* и *-й* тот же отрезок звучания оказывается носителем всего комплекса значений, выражаемых этими вариантами. В целом линейная морфемная структура члена представляется очень нечеткой, расплывчатой. Действительно постоянным свойством всех его вариантов, так сказать, их инвариантом является не тот или иной отрезок звучания, а только самый факт постпозиции члена. Этот факт постпозиции и можно

считать специфической супraseгментной морфемой «определенности».

Сходным образом обстоит дело также в румынском, албанском и в скандинавских языках. В каждом из этих языков постпозитивный артикль тоже представлен рядом вариантов, которые не содержат общего звукового отрезка. Следовательно «определенность» выражена в этих вариантах, как и в болгарском языке, лишь супraseгментной морфемой — фактом постпозиции артикля⁹. Иное положение в македонском (и в некоторых болгарских говорах), где нет вариантов члена, которые не содержали бы /t/, и где, следовательно, это /t/ можно выделить в качестве сегментной морфемы, выражающей «определенность».

Рассмотренные факты помогают оценить соотношение агглютинативных и флективно-фузионных тенденций в подсистеме болгарского определенного члена. Принцип присоединения члена к готовой, реально употребляемой форме слова (см. выше пункт б) явно напоминает классическую агглютинацию. В этом отношении болгарский постпозитивный член более агглютинативен, чем, например, румынский или албанский, в некоторых случаях отстраняющий флексию бесчленной формы и присоединяемый непосредственно к основе (ср. рум. бесчл. *limbă* 'язык' — опр. *limba*, алб. бесчл. *pëjë* 'мать' — опр. *pëna*). Однако другие и более яркие особенности болгарского члена говорят о том, что его синтезирование с соответствующим знаменательным словом — скорее фузионного типа. Эти особенности — рассмотренная здесь преимущественная синтетосемия болгарского члена, а также «асемантический», чисто традиционный параллелизм его вариантов, например, в ед. ч. м. р.: *синът* — *бащата* — *дядото* или *моят* с членом /ъt/ — *нашият* с членом /ijъt/. Кроме того, в диахроническом плане, нами здесь сознательно не затронутым, о фузионном «сплавлении» члена со знаменательным словом ярко свидетельствуют процессы переразложения, захватившие членные формы в единственном числе мужского рода как в существительных, где /ъ/ первоначально не принадлежал члену, так в еще большей степени в прилагательных и местоимениях.

⁹ Либо в специальных сериях, выражающих отдаленность или близость предмета, соответственно /n/ и /v/ или — в некоторых болгарских говорах /s/. Ср. макед. *човекон* 'человек вон там', *човеков* 'человек здесь', родоп. *мажбс* 'мужчина здесь' и т. д.

Синтагматические условия употребления кратких и полных местоимений в болгарском языке

А. С. Мельничук

Как известно, одной из своеобразных особенностей болгарского (и македонского) языка, привлекавшей внимание ряда исследователей и освещенной также проф. С. Б. Бернштейном является возможность плеонастического употребления кратких (энклитических) форм личных местоимений в винительном или дательном падеже с целью сокращенного повторения (репризы) прямого или косвенного дополнения, выраженного в том же предложении полнозначной (не местоименной) формой или же полной формой местоимения (например: *Виждам го него; Не ме познаваш ти мене; Не го слушайте Игната* и т. п.). Возможностью репризы дополнений при помощи энклитических форм личных местоимений болгарский и македонский языки отличаются от всех остальных современных славянских языков (за исключением части сербохорватских говоров, пограничных с итальянскими) и сближаются с другими балканскими, а также в той или иной степени с некоторыми небалканскими. Следует, однако, отметить, что в современном болгарском литературном языке, в отличие от разговорного, вероятно, под влиянием других славянских языков, и в первую очередь русского, реприза дополнений применяется в необходимых для нее условиях лишь факультативно и при том довольно редко.

В последнее время различные вопросы, связанные с употреблением кратких и полных форм личных местоимений в болгарском языке, наиболее обстоятельно рассмотрены в работах К. Попова (изобилующих иллюстративным материалом), а также С. Иванчева и Г. А. Цыхуна¹. В своих работах С. Иванчев и Г. А. Цыхун правильно увязывают вопрос о репризе дополнения в болгарском

¹ К. П о п о в. Стилно-граматична употреба на удвоеното допълнение в българския книжовен език. «Изв. на Ин-та за български език», кн. VIII. София, 1962; О н ж е. Съвременен български език. Синтаксис. Изд. 2. София, 1963, стр. 165—167, 170—171; С. И в а н ч е в. Наблюдения върху употребата на члена в български език. «Български език», год. VII, кн. 6. София, 1957, стр. 509—513; О н ж е. Проблеми на актуалното членение на изречението. «Славянска филология», т. X. София, 1968, стр. 45—49; Г. Ц и х у н. Местоименната энклитика и словоредът в българското изречение. «Български език», год. XII, кн. 4. София, 1962. — Здесь же дается и библиография более ранних работ, посвященных рассматриваемому явлению.

языке с общей проблемой порядка слов и так называемого «актуального» (смыслового, контекстного) членения предложения. В этом плане авторы устанавливают некоторые общие закономерности функционирования полных и кратких форм личных местоимений и удвоения дополнения при помощи кратких местоименных форм. Большой интерес представляет проведенный С. Иванчевым обзор способов употребления энклитического местоимения при всех возможных вариантах порядка слов и размещения фразового ударения в предложении *Иван (го) вижда него* и др. Полученные в названных работах С. Иванчева и Г. А. Цыхуна результаты свидетельствуют о перспективности этого плана исследования синтаксических функций энклитического личного местоимения в болгарском языке и о необходимости продолжения разработок в соответствующем направлении. Вместе с тем, объем полученных результатов показывает, что теория так называемого «актуального» (смыслового, контекстного) членения предложения в том ее первоначальном состоянии, в котором она используется до настоящего времени большинством исследователей, в том числе и С. Иванчевым и Г. А. Цыхуном, не может обеспечить исчерпывающее объяснение всех возможных способов функционирования удвоенного дополнения в болгарском предложении. Так, например, в свете существующей теории «актуального» членения остается без объяснения возможность двух вариантов конструкций типа *Иван вижда него* и *Иван го вижда него* или *Него вижда Иван* и *Него го вижда Иван*². Между тем, этот вопрос, как и многие другие вопросы, рассматриваемые в связи с «актуальным» членением предложения, получает убедительное и последовательное объяснение с точки зрения теории синтагматического членения предложения, содержащей в себе «в снятом виде» и все основные положения теории «актуального» членения³.

Наиболее существенное отличие теории синтагматического членения предложения от распространенных разновидностей теории «актуального» (контекстного, смыслового и т. п.) членения заключается в том, что синтагматическое членение предложения понимается не просто как выделение в его составе «исходной части» и «ядра» в виде двух единичных слов, независимо от общего словесного состава и объема предложения, а как расчленение общего состава предложения на интонационно, позиционно и семантически организованные составные части с различным количеством охватываемых ими слов — синтагмы, которые, в зависимости от своего объема, могут последовательно расчленяться на все более

² С. И в а н ч е в. Проблеми на актуалното членение на изречението, стр. 47.

³ Изложение теории синтагматического членения см.: А. С. М е л ь н и ч у к. Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках (Доклад на IV Международном съезде славистов). Киев, 1958; О н ж е. Развитие структуры слов'янського речення. Київ, 1966, стр. 250—301, и др.

мелкие синтагмы вплоть до простейших (нередко однословных) синтагм последней ступени членения, причем на каждой ступени членения роль «исходной части» (при инверсивном порядке синтагм — «дополнительной» части) и «ядра» («основной» части) выполняют не отдельные слова, а рассматриваемые в своем полном составе соотносительные (выделяющиеся на одной и той же ступени членения) синтагмы, которые соединяются попарно как исходная (или дополнительная) и основная синтагмы во всех тех случаях, когда они не образуют ряда однородных синтагм. Обнаружение в пределах предложения синтагм различных ступеней членения, определение их исходного (дополнительного) или основного характера и установление границ между синтагмами дает возможность рассматривать отдельные слова в составе предложения с точки зрения их роли в интонационно-смысловом членении предложения значительно более дифференцированно и с большей определенностью, чем при выделении в общем составе предложения одной только исходной части и одного ядра, даже если наряду с этим выделяется еще и так называемая переходная часть. Поскольку распространенное или сложное предложение может состоять из нескольких синтагм различных ступеней членения, причем каждая из двух неоднородных синтагм (в том числе и неоднородных групп однородных синтагм) на одной и той же ступени членения может быть либо исходной (или дополнительной), либо основной и, в свою очередь, может расчлениваться на две синтагмы следующей ступени членения — также исходную (дополнительную) и основную (или же на две или несколько однородных синтагм), то интонационно-позиционная характеристика любого слова в составе предложения, в том числе и кратких или полных местоимений болгарского языка, должна заключаться прежде всего в определении синтагматической принадлежности данного слова и отношения соответствующей синтагмы к остальным синтагмам предложения ⁴.

Все факты болгарского языка свидетельствуют о том, что полные формы винительного и дательного падежей болгарских личных местоимений ведут себя в соответствии с общими для славянских языков правилами синтагматического функционирования дополнений в их отношении к глаголам-сказуемым. Обычно они объединяются с глаголом-сказуемым в одну простую (далее не расчлениющуюся) синтагму, причем обязательно принимают на себя синтагматическое ударение, независимо от своего нормального постпозитивного или инверсивного препозитивного расположения по отношению к глаголу. Этим случаям соответствуют приводи-

⁴ Частично соприкасающаяся с этой точкой зрения защищал И. Гылыбов, требовавший, чтобы расположение энклитических местоимений рассматривалось с учетом выделяющихся в предложении словосочетаний (см.: I. G ä l ä b o v. Zur Frage der bulgarischen Enklitika. — ZfSlPh. B. XX, N. 2. Leipzig, 1950, стр. 419—421 и др.).

мые С. Иванчевым примеры *Иван | вижда не го; Не го вижда | Иван*⁵, в первом из которых ударенное *него* вместе с *вижда* образует простую основную синтагму, нормально расположенную в конце предложения, и само занимает нормальное место в постпозиции к глаголу, а во втором оно тоже входит в синтагму с глаголом, которая, будучи также основной, на этот раз инверсирована в начало предложения, причем ударенное *него* в свою очередь заняло инверсивное положение внутри простой синтагмы, препозитивное к глаголу. Сюда же относятся следующие примеры из произведений болгарских писателей: *Добре, | ти не го ще вземем* (А. Константинов); «*Видиш ли оня там, с червената коса, дето отнася балите?*». . . «— *Е. . .*» — *Все | мене гледа* (К. Димов); *Отдавна || той | и мене не познаваше* (П. П. Славейков) и др.

Наряду с этим полные формы винительного и дательного падежей личных местоимений, как и другие дополнения в славянских языках, нередко могут выступать в отрыве от синтагмы, содержащей сказуемое. В таких случаях они обычно выполняют роль исходной синтагмы по отношению к синтагме со сказуемым, располагаясь перед синтагмой (простой или сложной), содержащей сказуемое, или же роль дополнительной синтагмы, располагаясь после синтагмы со сказуемым. Эти случаи представлены следующими примерами, приводимыми С. Иванчевым: *Него | го виждам; Него | го вижда Иван; На него | му чета; На него | му говори Иван; Виждам го | него; Иван | го вижда || него; Чета му | на него; Иван | му говори || на него*. Аналогичные случаи отмечаются и в следующих примерах из художественной литературы: *Но нея | я нямаше* (Г. Караславов); *На тебе || аз || не давам | кафе* (Г. Измирлиев); *На него || аз | много не вярвам* (В. Геновска); *Ах ти, | гнидав селянин. . . || аз | щете науча || тебе* (Елин Пелин.); *Ей това | не ми харесва || мене* (В. Геновска) и др.

Но, выступая в отрыве от синтагмы, содержащей сказуемое, полные формы личных местоимений в винительном и дательном падежах иногда могут, подобно другим дополнениям в славянских языках, принимать на себя роль основной синтагмы по отношению к синтагме со сказуемым (или по отношению к сложной синтагме, состоящей из синтагмы с подлежащим и синтагмы со сказуемым). В таком случае полная форма личного местоимения в винительном или дательном падеже принимает на себя синтагматическое ударение, общее для всех синтагм данной ступени членения в соответ-

⁵ В примерах из статьи С. Иванчева сохраняется указанное им место фразового ударения (на подчеркнутых словах). Здесь эти, как и взятые из других источников, примеры дополняются указанием границ между синтагмами (вертикальные черточки — одна между простыми синтагмами, две между синтагмами следующей, более высокой ступени членения и т. д.; между однородными синтагмами над вертикальными черточками добавляется горизонтальная).

ствующем предложении, и располагается либо нормально после синтагмы со сказуемым (и подлежащим), либо инверсивно перед нею. Сюда относятся приведенные у С. Иванчева примеры: *Иван | го вижда || не го*; *Не го || го вижда | Иван*, — а также следующие примеры из художественной литературы: *Само т е б е | те нямаше* (К. Григоров); *Мигар м е н е | не ми е криво?* (В. Геновска) и др.

В отличие от полных форм местоимений, краткие (энклитические) формы личных местоимений в винительном и дательном падежах почти никогда не могут выступать за пределами простой синтагмы, содержащей то сказуемое, по отношению к которому они выполняют роль дополнений. Ср.: *Той || нагласи ралото | и го заби в земята* (К. Григоров); *Никой | не я вижда, || а всички | я познават* (А. Каралийчев); *Неучтивият начин, | по който ѝ заговори, || я разгневи* (К. Димов); *Ирина |||| го бе виждала в двора на гимназията, | срещаше го често по улиците ||| и винаги | оставаше удивена от това, ||| че той || не си даваше труд, | да я разгледа* (К. Димов) и т. д.⁶ При этом энклитическое местоимение постоянно стремится занять место непосредственно перед глаголом-сказуемым, но только с таким условием, чтобы не оказаться в абсолютном начале целого предложения или же на границе двух однородных синтагм, какими чаще всего бывают бессоюзные сочиненные предложения и однородные сказуемые с бессоюзной связью. Если любая начальная синтагма или внутренняя синтагма, входящая в ряд однородных синтагм, начинается непосредственно с глагола-сказуемого, энклитическое местоимение, принадлежащее к такой синтагме, в болгарском литературном языке (в отличие от некоторых болгарских говоров и от македонского языка) располагается после глагола. Таковы приводимые С. Иванчевым примеры: *Вижда го | Иван*; *Вижда го | Иван* (при другом порядке: *Иван | го вижда*; *Иван | го вижда*). Таковы же и следующие примеры из языка художественной литературы: *Искам Нена черния! Искам го!* (А. Каралийчев); *«Орфей, | — каза старецът, || — търсят те»* (Г. Караславов); *Да, || зная го, | разбира се* (К. Димов); *На тях || не им тежеше | трудът, |||| на тях || им тежеше | тиранията, |||| тежеше им | жестоката сиромашия, |||| тежеше им ||| постоянният унизителен страх за своеволие на владетеля, || на*

⁶ Крайне редко встречающиеся исключения из указанного общего правила представляются отклонениями от современной синтаксической нормы, объясняющимися диалектным или архаическим характером соответствующих конструкций. Ср. приводимые у К. Попова примеры: *Ако же е тебе || слободия | оженила, || мене ме || е неволя / разженила* (Посл.); *Такъв човек ми | и мен трябваше* (И. Вазов); *Аз те || тебе | не слушам, ||| ти | си луда!* (И. Вазов).

всичките му сановници, | съветници, | управители | и близки (Г. Караславов); Един прислужник ||| даде обещаните дарове | на момчето, || даде му | и няколко златни монети || и го изпрати до дома му (Г. Караславов).

Переходя к вопросу об употреблении энклитических форм личных местоимений в винительном и дательном падежах с целью репризы дополнения, наличного в том же предложении и относящегося к тому же сказуемому, следует прежде всего отметить, что главной закономерностью такого употребления является невозможность размещения энклитического местоимения, повторяющего дополнение, в одной простой синтагме вместе с повторяемым дополнением. Энклитическое местоимение может выступить в роли удвоения прямого или косвенного дополнения как правило только в том случае, если удваиваемое (не энклитическое) дополнение не входит в состав синтагмы, содержащей в себе глагольное сказуемое вместе с сопровождающим его энклитическим местоимением в роли репризы.

Чаще всего реприза дополнения при помощи энклитического личного местоимения в винительном или дательном падеже происходит тогда, когда подвергающееся репризе дополнение, выраженное полным местоимением, членным существительным или индивидуальным названием (вместе с зависящими от него словами) образует исходную синтагму по отношению к простой или сложной синтагме, содержащей глагол с энклитическим местоимением как основной. В таком случае исходная синтагма с подвергающимся репризе дополнением располагается нормально перед основной синтагмой (простой или сложной), содержащей глагол и энклитическое местоимение в роли удвоения. Например: *Онбашият | го хвана нет ърпение* (И. Вазов); *Оная, | Стояновата, || той | си я уби* (В. Геновска); *На общо събрание | решихи, ||| че способни децата || стопанството | ще ги издържа. . .* (В. Геновска); *Това || го казва | една латинска м ъдрост* (Т. Измирлиев); *Мене || никой | не ме интервюира* (Т. Измирлиев); *Стражарите ли? Тях | ги нямаше и по-преди* (К. Белев); *На Симо || бе му лесно | да се скара с баща си* (К. Григоров); *Но на Орфея ||| не му беше нито до ядене, | нито до пиене || сега* (Г. Караславов); *На мене | не ми харесва особено! || — произнесе тя внезапно* (К. Димов); *На вас | така ви се чини, || ама то не е така* (Елин Пелин).

Вместе с тем, довольно частыми оказываются и такие случаи, когда подвергающееся репризе дополнение не выступает в роли исходной синтагмы, которая бы предшествовала основной синтагме с глаголом, а появляется лишь в постпозиции к простой или сложной синтагме, содержащей глагол и энклитическое местоимение, образуя, таким образом, дополнительную син-

тагму⁷. Напр.: *Помня го* || — *пролетния вятър* | — *дошъл от юг* (А. Каралийчев); *Та аз* | *най-на пред* не мога ги събра || *тия проклетници* (Г. Караславов); *Да речем* || и не е многоимен, | *та да го блазни имането му*, ||| *ама нали ги знаеш* | *това средняците* (К. Григоров); *Бе татенце*, || *що го срамиш* | *бате* (К. Григоров); *Ще те науча* | *аз* || *тебе* (К. Белев); *Гледай го* | *ти* || *него* (А. Каралийчев); *Изплъзнаха се* | *децата му* || *на бай Илия* (К. Григоров); *Повече* | *не му искам* || *на Стояна!* (В. Геновска); *Трябва да му се помогне* | *на човека*, || *трябва да му се помогне...* ||| — *мисли Андрешко* (Елин Пелин); *Владетелят* | *може всеки миг да избухне* ||||| *и тогава* ||||| *горко му* | *на това глупаво дебелоглаво момче*, ||||| *горко им* ||| *и на всички тях*, || *дето са се събрали тук* | *и с нищо не могат да помогнат* (Г. Караславов); *Смърт на фашизма, а? Червена армия да живее, а? Ще ти кажа* | *аз* || *на тебе* || *кой* | *да живее* || *и кой* | *да умре...* (К. Белев).

Подвергающееся репризе дополнение, как всегда, синтагматически отмежеванное от синтагмы, содержащей энклитической местоимение в роли репризы, иногда выступает не в исходной или дополнительной синтагме, а образует основную синтагму, принимая на себя фразовое ударение или основное синтагматическое ударение, относящееся к соответствующему уровню членения. Ср.: *Само Андрея* | *го няма* (А. Каралийчев); *Мълчи*, | *моме*, || — *сонна ѝ се Зехира*, ||| — *да ти не пратят* | *и на тебе* || *някой годеник с ботуши* (К. Белев). Редкость подобных конструкций объясняется тем, что дополнения, несущие на себе синтагматическое ударение, согласно теории синтагматического членения обычно образуют с глаголом-сказуемым одну простую синтагму и лишь в отдельных случаях могут быть выделены в самостоятельную основную синтагму той или иной ступени членения. Но именно от этого зависят случаи наличия или отсутствия репризы дополнения, оставшиеся не объясненными с позиций теории «актуального» членения. Если полное ударенное местоимение в роли дополнения при глаголе по более обычной схеме синтагматического членения предложения входит в одну синтагму с глаголом-сказуемым, реприза невозможна (ср. приводимый у С. Иванчева пример: *Иван* | *вижда не го*). Если же полное местоимение выделяется в особую синтагму (что бывает значительно реже), совершенно закономерно наступает реприза (*Иван* | *го вижда* ||

⁷ Ср. почти полное совпадение характеристики смысловой специфики такого постпозитивного дополнения у К. Попова, как содержащего оттенок аппозитивного пояснения (К. П о п о в. *Стилно-граматична употреба на удвоеното допълнение в български книжовен език*, стр. 465), с характеристикой смысловой сущности всякой дополнительной синтагмы в теории синтагматического членения.

и е г о), которая с точки зрения «актуального» членения кажется здесь случайной и объясняется просто действием аналогии⁸.

Рассматриваемые конструкции представляют исключительный интерес в плане выяснения некоторых выходящих далеко за пределы болгарского языка закономерностей развития грамматической структуры предложения и его структурного центра — глагольного сказуемого. Размеры настоящей статьи не позволяют остановиться на этих вопросах хотя бы вкратце.

Чередования и морфологическая членимость

М. А. Михайлов

При определении нефонетических чередований обычно указывается на тождество морфем как на необходимое условие для оценки различия в качестве чередования¹. Речь при этом идет не об этимологическом тождестве, а о тождестве для говорящих на языке в определенной эпоху. Даже И. А. Бодуэн де Куртенэ, который в определение чередования включал указание на этимологическое родство морфем², одну из причин утраты чередования видел в том, что «пара ранее этимологически родственных слов становится парой различных, этимологически совершенно чуждых слов, не ощущаемых говорящими индивидами в их этимологической связи»³. Нередко фонемное различие не квалифицируется как чередование именно вследствие того, что морфемы, по мнению исследователя, не являются тождественными. Само утверждение об отсутствии морфемного тождества (чаще всего —

⁸ С. И в а н ч е в. Проблемы на актуалното членение на изречението, стр. 47.

¹ Ср., например; «Под чередованием мы понимаем ряд различных форм одной и той же морфемы, частично отличающихся друг от друга фонематическим составом и имеющих различное морфологическое (словоизменительное и словообразовательное) значение». (П. С. Кузнецов. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, XI, 1, стр. 62).

² Альтернатива «... является всего лишь фактом фонетического различия между этимологически идентифицируемыми морфемами» (И. А. Бодуэн де Куртенэ. Опыт теории фонетических альтернатив. «Избранные труды по общему языкознанию», т. I. М., 1963, стр. 279).

³ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Указ. соч., стр. 330. — Правда, речь здесь идет о чередованиях в широком смысле слова, потому что под альтернативами Бодуэн де Куртенэ понимал как фонетические, так и нефонетические чередования, но это в данном случае неважно: для оценки различий как чередования вообще необходимо тождество морфем.

о разрушении былого тождества) при этом покоится на констатации отсутствия семантических связей между формами, включающими соответствующие морфемы.

С другой стороны, известно, что наличие даже очень тесной семантической связи не обязательно предполагает морфемное тождество (супплетивизм). Строгого разграничения различий, которые должны оцениваться как супплетивизм, от различий, сводящихся к чередованиям, нет. Одни и те же факты с этой точки зрения по-разному оцениваются лингвистами⁴.

Оценка некоторых различий как чередования тесно связана и с пониманием места границы между морфемами. По-разному оценивается, например, морфемная структура формы *ест* (у Е. С. Истриной — как *ес-т*, следовательно, с принятием чередования *д'/с* в формах настоящего времени⁵, у П. С. Кузнецова — как *е-ст*, следовательно, с отрицанием здесь чередования в современном языке⁶), морфемная структура русских инфинитивов типа *вести* и *плести* (у А. В. Исаченко — как *ве-сти*, *пле-сти*, т. е. с отрицанием чередований *д'/с* и *т/с* в отношениях между формами инфинитива и формами настоящего времени)⁷, у А. Н. Гвоздева, напротив, как *вес-ти*, *плес-ти*, т. е. с принятием здесь соответствующего чередования⁸. Почему, например, в *продажа* выделяется суффикс *-ж* (*а*)⁹, а не констатируется результат чередования в той же основе, которая используется в настоящем времени соответствующего глагола? Почему в форме сравнительной степени *глубже* нужно усматривать результат редкого чередования согласных¹⁰, а не выделять единичный показатель сравнительной степени *-же*?

Во всех приведенных примерах морфемное тождество бесспорно, неясны лишь морфемные границы, которые понимаются по-разному в зависимости от того, признается ли здесь наличие чередования в современном языке.

Вопрос о связи чередований с оценкой границы между морфемами в свое время затрагивался Г. О. Винокуром. Однако как раз для случаев сложных и неясных Г. О. Винокур принципиально

⁴ Например, в отношениях между формами *быть* — *буду* Н. С. Грубецкой усматривает чередование (N. T r u b e t z k o y. Das morphonologische System der russischen Sprache. — TCLP, 5, 2, Prague, 1934, стр. 46), а П. С. Кузнецов — супплетивизм («Современный русский язык. Морфология». М., 1952, стр. 279).

⁵ Грамматика русского языка, т. I. М., 1952, § 896.

⁶ П. С. К у з н е ц о в. Современный русский язык, стр. 352.

⁷ А. В. И с а ч е н к о. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, II. Братислава, 1960, стр. 570.

⁸ А. Н. Г в о з д е в. Современный русский литературный язык, I. М., 1967, стр. § 352.

⁹ Н. М. Ш а н с к и й. О некоторых нерегулярных суффиксах. — РЯИШ, 1959, 3, стр. 84 и сл.

¹⁰ A. V. I ' s a ђ e n k o. Die russische Sprache der Gegenwart. T. I, Formenlehre. Halle (Saale), 1962, стр. 160.

отказывался давать какое-либо решение, полагая, что неважно, где проходит морфемная граница, важно лишь реальное соотношение двух форм. Например, не имеет значения, принять ли в *камень / камешек* чередование *n'/ш* и оценивать морфемную структуру деминутива как *камеш-ек*, или принять существование вариантного уменьшительного суффикса *-шек* и, следовательно, другую морфемную структуру деминутива (*каме-шек*). «Сущность дела. . . здесь может быть выражена формулой $\sim n/\sim шек$, а это только и важно»¹¹.

Вместе с тем общепризнанно, что чередование не нарушает морфемной границы. В паре *рука—ручка* абсолютное тождество последовательностей из первых двух фонем не создает особой морфемы, а чередующиеся фонемы *к* и *ч* от корневой морфемы неотрывны¹². Место морфемной границы подтверждается новообразованиями, реализуется в них. А именно, морфема, если она способна выделяться языковым сознанием в определенный период истории языка, может быть отвлечена от слова и использована в новообразованиях. Это обстоятельство обычно привлекается исследователями языка для доказательства выделяемости морфемы как сегмента, имеющего определенные границы¹³. Из этого вытекает, что при выяснении взаимозависимости чередования и морфемной структуры главная роль должна принадлежать изучению новообразований.

Если верно, что *ладоши* представляет результат обратной деривации от *ладошка*, значит, в то время, когда обратное образование возникало, была реализована членимость деминутива *ладош-ка*, а во втором члене пары *ладонь—ладошка* фонема *ш* включалась в состав производящей основы, образовывала вариант производящей основы, а не вариант уменьшительного аффикса. Сыграла

¹¹ Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. «Избранные работы по русскому языку». М., 1959, стр. 433.

¹² Выделение в этих вариантах морфем, различающихся чередованием, постоянного сегмента *ру-* и сегментов переменных *к/ч* — не более как графическая иллюстрация сходства и различия этих вариантов. Не случайно Ю. С. Маслов подчеркивает, что отдельные элементы, составляющие переменный сегмент в морфеме *рук-/рук'-/руч-* «в какой-то мере связываются здесь с определенными образованиями (например, *ѣ* — с различными производными от *рука*, *к'* — с определенными падежно-числовыми формами этого слова), но не в такой мере, чтобы можно было говорить о «внутренней флексии» типа аблаута в германском сильном глаголе, а еще менее — о распадении морфемы *рук* — на «меньшие морфемы» (разрядка моя. — М. М.) (Ю. С. Маслов. Промежуточные уровни в структуре языка. «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов». М., 1967, стр. 28).

¹³ Ср., например, довод в пользу того, что в славянских языках сформировался самостоятельный суффикс *-ica*, что, следовательно, в русских формах *хищник — хищница* различия не могут оцениваться как чередование *к/ч*, происходящее в одном и том же суффиксе (С. Б. Бернштейн. Введение в славянскую морфонологию. — ВЯ, 1968, 4, стр. 53).

роль вполне определенная членимость деминутива, а не простое соотношение форм деривационной пары.

Возникает вопрос, всегда ли в структуре новообразований используются именно морфемы существующих слов. В ряде своих статей В. Дорошевский приводит большое количество фактов, когда в новообразованиях выступают сегменты, по его мнению, не совпадающие в своих границах с морфемами слов, послуживших для новообразований образцом¹⁴. Для объяснения подобных фактов В. Дорошевский ссылается на существование «слуховых впечатлений» («wspomnienia posłuszeń»), связанных с определенными звуковыми сегментами, причем влияние этих воспоминаний оказывается подчас сильнее сознаваемости морфемных границ в структуре слова-образца. Например, на появление диалектного новообразования *grucznisko* 'поле со сжатой гречихой', в котором в качестве форманта выступает сегмент *-nisko*, могли, через ситуационную близость, оказать влияние слова типа *ściernisko*, *jęczmienisko*, *lnisko*, *ognisko*, в которых *л* входит не в состав форманта, а в состав производящей основы.

Можно, однако, заметить, что новообразования, для объяснения которых В. Дорошевский прибегает к внеязыковому понятию «слуховых воспоминаний», разделяются на две группы, причем большая группа включает в свой состав все-таки сегменты, выделяемые в словах-образцах благодаря существующим в языке связям. Приведенное выше *grucznisko*, действительно, необъяснимо через морфемную структуру существующих слов (если только мы хорошо представляем себе все существующие в диалекте слова, которые могли повлиять на новообразование). Здесь мы имеем дело с аналогией чисто механической. Но большинство приведенных В. Дорошевским новообразований допускает и другую трактовку. Например, появление новообразования *motorniczy* 'вагоновожатый' В. Дорошевский объясняет отвлечением форманта *-niczy* от слов типа *leśniczy*, *zwrotniczy*, *mierniczy*, в которых этот формант не должен был бы выделяться, поскольку коррелятами этих производных являются слова *leśnik*, *zwrotnica*, *miernik*. Однако сегмент *-niczy* не выделяется в перечисленных словах на основании их связей с непосредственно исходным, производящим словом. Если же учитывать связи опосредованные, то и благодаря языковым факторам членимость *leśniczy* на *leśniczy* оказывается возможной. Аналогичные факты рассматри-

¹⁴ W. Doroszewski. Słowotwórstwo a geografia lingwistyczna. «Poradnik Językowy», 1954, 5; Он же. Struktura a znaczenia wyrazów. — Там же, 1958, 6; Он же. Nomina loci jako kategoria słowotwórcza. «Slavia», XXXI, 1962, 3; Он же. Syntaktyczne podstawy słowotwórstwa. «Z polskich studiów slawistycznych», Seria 2. Językoznawstwo. Warszawa, 1963. Ср. также: W. Doroszewski. Podstawy gramatyki polskiej, cz. I. Warszawa, 1963, стр. 281.

ваются в нашей литературе последних лет под названием «череступенного словообразования»¹⁵.

Для изучения взаимозависимости чередования и членимости очень важным представляется наблюдение за новообразованиями речевыми. В последнее время в литературном русском языке часто отмечают разрушение чередования, которое противопоставляет в настоящем времени личные формы глаголов II спряжения, а также образования на *-онок* исходным словам. Указываются и разные пути разрушения этих чередований. В частности, исследователи, опираясь на данные специальных анкет, отмечают возникновение в этих случаях «новых»¹⁶, или «неправильных»¹⁷, чередований. Речь идет о формах типа *пылесослю, паровозлю, каверзлю, пасюжонок* (от *пасюк*), *кабарчонок* (от *кабарга*), *харзленок* (от *харза*). Среди таких «неправильных» чередований можно заметить две группы фактов. Чередование *к/ж* (*пасюк—пасюжонок*) следует оценить как результат влияния «слуховых воспоминаний» (в том смысле, в котором употребляет это выражение В. Дорошевский), связанных со словами на *-жонок*. Словарь Бильфельдта, например, приводит три образования — *медвежонок, верблюжонок, ужонок* — и ни одно из них не может дать отвлечения сегмента *-жонок* в качестве морфемы.

Что касается форм типа *каверзлю*, то здесь явно сказывается влияние форм типа *ловлю, люблю*, которое не сводится к механическому воздействию «слуховых впечатлений». Морфемная структура форм *ловлю, люблю* двойственна. С одной стороны, в языке существует чередование *губной/губной+л'*, которое создает членимость *ловл'-у, любл'-у*. С другой стороны, указанное чередование является в русском языке единственным чередованием согласного с группой согласных, первый член которой совпадает с другим альтернантом (твердость губного перед плавным обусловлена позиционно). Связь между личными формами в пределах парадигмы разрушает морфологическое единство группы *губной+л'*¹⁸.

Иными словами, образования типа *каверзлю* показывают, что формы *ловлю, люблю* оказывают влияние на речевые новообра-

¹⁵ Н. А. Янко - Триницкая. К образованию новых слов *трудоустройство — трудоустроить*. «Вопросы культуры речи», 3, М., 1961, стр. 139 и сл.; Э. Х а н п и р а. Об окказиональном слове и окказиональном новообразовании. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 159 и сл.

¹⁶ Р. В. Б а х т у р и н а. Морфонологические условия образования отменных глаголов с суффиксом *-г-/-у-/ть/*. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

¹⁷ Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, стр. 37 и сл.

¹⁸ Разумеется, этому способствует и общая «ослабленность» чередования как грамматического средства, принимающего участие в противопоставлении соответствующих форм.

зования так, как если бы они имели членимость *лов-лю, люб-лю*. При этом последние сегменты воспринимаются как связанные с семантикой первого лица единственного числа изъявительного наклонения, т. е. как морфемы.

О понятии вставной морфемы

Г. П. Нецименко

Правила словопроизводства экспрессивной лексики допускают применение ряда оригинальных словообразовательных приемов, позволяющих образовывать дериваты, выразительные в семантическом и броские в стилистическом отношении. К их числу относятся так называемые вторичные процедуры, наблюдавшиеся нами в чешском литературном языке на материале прилагательных и наречий со значением интенсификации признака, а также деминутивных существительных.

Сущность названных процедур заключается в присоединении дополнительного аффикса со значением интенсификации признака или же деминутивности к производящей основе, в структуре которой морфема подобного функционального назначения уже имеется. Наложение однородных словообразовательных значений, характерное для указанной структурной модификации, обуславливает нагнетание значения интенсификации признака (геср. деминутивности), а также усиление экспрессивной выразительности слова. Приводимые ниже примеры отчетливо вскрывают специфику семантической информации, заложенной в первичных и вторичных дериватах. Ср.: *nevezmete-li jim tu malou, malilinkou, méně než malinkou špetku rozumu, která jim ještě zbývá* (Sládek. Shakespeare. Trojl., 1911-A)¹; *Jak se mám tvých několika rublů učiniti hodná? — Lehce, lehounce, lehounince!* (Klicpera. Dvojčata, 89, 3, 1825-A); *Když se jí narodil kluk: Tedy říkám kluk, ale spíš... klouček; po pravdě řečeno kloučiček. Nebyl totiž o nic větší, než normální palec* (VI 22/68). Данные контексты содержат компоненты следующих словообразовательных цепочек: *malý* → *malinký* → *malilinký*; *lehce* → *lehounce* → *lehounince*; *kluk* → *klouček* → *kloučiček*, где *malinký*, *lehounce*, *klouček* являются

¹ Сокращение А сопутствует примерам, заимствованным из лексикографического архива Института чешского языка ЧСАН.

первичными, а *malilinký*, *lehouninse*, *kloučiček* — соответственно вторичными дериватами.

В зависимости от положения дополнительного аффикса в структуре слова мы разграничиваем в составе вторичных процедур операции нанизывания и вкладывания морфем. Обе они, в особенности последняя, в лингвистической литературе практически не освещены. Ниже будет рассмотрена операция вкладывания морфем, представляющая несомненный теоретический и практический интерес. Данная процедура примечательна, в частности, как своеобразное проявление тенденции инкорпорации в славянском словообразовании.

Сущность операции вкладывания морфем заключается в использовании особой категории словообразовательных аффиксов — так называемых вставных морфем.

Специфическим дифференциальным признаком, позволяющим идентифицировать вставные морфемы в кругу прочих средств словопроизводства, является позиция, занимаемая ими в структуре слова. Так, префиксы и суффиксы — форманты первичных дериватов, как известно, окаймляют производящую основу, присоединяясь к ней слева или справа; вставные морфемы, напротив, «вклиниваются», вставляются внутрь основы (отсюда и их название «вставные»). Место разрыва структуры производящего слова в этом случае не является строго фиксированным, поскольку данные аффиксы могут встречаться как между морфемами (т. е. на морфематическом шве), так и внутри них (в частности, внутри корня или суффикса), рассекая их, так сказать, по живому месту.

Наиболее отчетливо исследуемая процедура прослеживается у прилагательных и наречий² со значением интенсификации признака; несколько менее очевидно (а в известном смысле и более спорно) ее применение у деминутивных существительных.

Анализ материала позволяет выявить следующий набор вставных морфем (табл. 1).

Прилаг. со знач. интенсификации признака	Наречия со знач. интенсификации признака	Деминутивные существительные		
		м. р.	ср. р.	ж. р.
<i>-ič-</i>	<i>-ič-</i>	<i>-eč-</i>	<i>-eč-</i>	<i>-eč-</i>
<i>-in-</i>	<i>-in-</i>	<i>-ič-</i>	<i>-ič-</i>	<i>-ič-</i>
<i>-an-</i>	—	<i>-áč-</i>	<i>-en-</i>	<i>-in-</i>
<i>-li-</i>	<i>-li-</i>	<i>-in-</i>	<i>-in-</i>	<i>-ěn-</i>
		<i>-án-</i>		<i>-uš-</i>
		<i>-én-</i>		<i>-ul-</i>

² Последние с определенным допущением могут рассматриваться как конформационные производные от соответствующих прилагательных.

Не все указанные в таблице форманты в равной степени употребительны. Так, у деминутивных существительных наиболее репрезентативными (по количеству образований) являются вставные морфемы с согласными *č* (главным образом, *-ič-*, *-ěč-*); у наречий — с *l*; у прилагательных — морфемы *-ič-*, *-li-* (однако, наиболее высокие частотные показатели имеют морфемы *-li-*, *-in-*).

Из таблицы следует, что вставные морфемы имеют стабильную двухфонемную структуру VC (в подавляющем большинстве случаев), реже CV (у части прилагательных и наречий). Компонент V как правило представлен монофтонгами *-i-*, *-a-*, *-e-* (в различном количественном оформлении), дифтонг *-ou-* встречается существенно реже. Компонент C еще более единообразен: обычно это согласные *č* и *n*; вставная морфема *-li-*, образовавшаяся на базе прилагательного *malý* (в результате контаминации конечного согласного основы *l* и соответствующего начального гласного *i* словообразовательного суффикса), отмечается почти исключительно в рамках адъективного и адвербиального словообразования.

Факт значительного сходства инвентаря вставных морфем, привлекаемых для словопроизводства прилагательных, наречий и существительных, позволяет прийти к мысли о наличии единой системы средств словообразования вторичных дериватов в рамках исследуемой нами лексики.

Проведенное исследование позволило установить и сходство репрезентантов вставных и суффиксальных морфем. Сказанное особенно очевидно у прилагательных и наречий со значением интенсификации признака, суффиксы которых имеют двухфонемную структуру³ с формулой VC (форманты со строением CV, соответствующим вставной морфеме *-li-*, полностью отсутствуют). Так, форманты *-ič-*, *-in-*, *-an-* используются в функции как вставных, так и ядерных морфем. Вместе с тем в составе ядерных морфем не представлен формант *-li-*, и, напротив, в составе вставных морфем отсутствуют форманты с начальным *-ou-* (*-ouč-*, *-oun-*), продуктивные в современном чешском языке. Так же, как и

³ В отличие от других исследователей, относящих к суффиксам интенсификации многофонемные комплексы типа *-ičk-*, *-ink-*, *-oučk-*, *-ounk-*, *-ánsk-*, мы включаем в их число лишь двухфонемные форманты *-ič-*, *-in-*, *-ouč-*, *-oun-*, называемые нами ядерными морфемами. Соответственно остаточные компоненты *-k-*, *-sk-* мы определяем как морфемы с т р у к т у р а л ь н ы е. Обособление ядерных и структуральных морфем осуществляется на базе ассоциативного морфематического анализа (см. подробнее: Г. П. Нещименко. История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII—XX в. М., 1968). Основанием для разграничения внешне монолитных фонематических комплексов служит их внутренняя функциональная неоднородность: так, ядерные морфемы являются носителями основного словообразовательного значения данной категории — значения степени качества; структуральные морфемы выполняют чисто структурную функцию, завершая оформление основы — в сочетании с парадигматическими окончаниями они сигнализируют принадлежность данных лексем к классу прилагательных.

суффиксы прилагательных и наречий, вставные морфемы не альтернируются при парадигматическом изменении слова. Вставные морфемы деминутивов несколько более отличаются от суффиксов деминутивности как своим строением, так и видом репрезентантов. Так, в числе последних представлены форманты не только простой (формула VC и C), но и сложной структуры (формула VC_1VC_2 , VC_1C_2); ср., например, суффиксы *-ek-*, *-k (a)*, *k (o)* и *-eček-*, *-ičk (a)* и пр. По своему строению вставные морфемы наиболее близки к компоненту VC_1 названных выше сложных формантов. Заметим также, что в отличие от вставных морфем суффиксы деминутивности способны альтернироваться при парадигматическом изменении слова.

В функциональном отношении вставные морфемы идентичны аффиксам интенсификации и деминутивности, однако сфера их использования существенно уже: вставные морфемы представлены лишь у вторичных дериватов, структурно соотносимых с первичными производными суффиксального типа; в рамках словопроизводства префиксальных дериватов указанные морфемы не отмечаются. Использование процедуры вкладывания морфем лимитируется и семантикой производящих лексем — это особенно очевидно у прилагательных и наречий со значением интенсификации признака, где в сферу словопроизводства вовлекаются главным образом обозначения пространственной характеристики, отчасти также цвета, вкуса, внешнего облика, физического состояния, возраста предмета; ср. дериваты от прилагательных *malý, drobný, tenký, úzký, hezký, veliký, dlouhý, široký, vysoký, bledý, slabý, sladký, lehký, mladý* и т. д.

Рассмотрим на конкретных примерах механизм словообразовательной процедуры вкладывания морфем.

Наиболее отчетливо упомянутая процедура прослеживается у прилагательных и наречий. Проведенное статистическое обследование позволило установить, что в чешском литературном языке словопроизводство вторичных прилагательных посредством вставных морфем *-ič-*, *-in-*, *-li-* осуществляется от 46 первичных дериватов, последние в свою очередь образованы от 24 производящих основ. Вторичные дериваты с *-ap-* образуются от 10 первичных прилагательных, восходящих к 6 производящим основам. У наречий зафиксированы 22 деривата со вставными морфемами (производные с *-ap-* здесь не представлены), образованные от 15 производящих основ. Таким образом, масштабы использования данной операции относительно невелики (для сравнения: первичные прилагательные суффиксального типа образуются от 260 производящих основ).

При образовании вторичных прилагательных и наречий вставные морфемы могут занимать следующие позиции в структуре слова: между ядерной морфемой и структуральной (преимущественно); внутри ядерной морфемы — в этом случае вставная

морфема расщепляет ядерную, вклиниваясь между гласным и согласным; между корнем и ядерной морфемой. При этом было установлено наличие вполне определенной зависимости между видом вставной морфемы и занимаемым ею местом. Так, форманты *-ič-*, *-in-* встречаются в идентичной позиции: вклиниваются в шов между ядерной и структуральной морфемами. Ср.: *drobníč-ič-ký, hladíč-ič-ký, každič-ič-ký, malič-ič-ký, drobouč-ič-ký, lehouč-ič-ký, novouč-ič-ký, uizouč-ič-ký; celin-in-ký, jedin-in-ký, kratin-in-ký, běloun-in-ký, hezoun-in-ký, uzoun-in-ký* и т. д.

Формант *-li-* встречается в иной структурной ситуации: он рассекает ядерную морфему, отделяя друг от друга гласный и согласный компоненты. Ср.:

bělou-li-nký, bled'ou-li-nký, drobou-li-nký, hezou-li-nký, hlad'ou-li-nký, krati-li-nký, křehou-li-nký, lehou-li-nký, mali-li-nký, malou-li-nký, mlad'ou-li-nký, slad'ou-li-nký, drobou-li-čký и т. д. Лишь в единичном случае можно предположить, что морфема *-li-* отщепляет конечное *-l-* основы; ср.: *ma-li-lounký*.

Наконец, для форманта *-an-* характерна позиция между производящей основой и ядерной морфемой. Ср.: *dloh-an-ánský, širok-an-ánský, ukrut-an-ánský, vysok-an-ánský, dlouhat-an-ánský*.

Аналогичные позиции занимают вставные морфемы у наречий; ср.: *malič-ič-ko, rovnič-ič-ko, droboun-in-ce, hnedlin-in-ko, lehoun-in-ce, maloun-in-ko, malin-in-ko, brzou-li-nko, drobou-li-nce, mali-li-nko, mali-li-čko, slabou-li-nce* и пр.

Как показали наблюдения, в большом количестве случаев выбор вставной морфемы диктуется видом ядерного аффикса. См. по этому поводу табл. 2, составленную на материале прилагательных.

Наиболее индифферентной к фонематической структуре производящего слова является морфема *-li-*, не включенная нами в таблицу. Так, в 50% случаев она фиксируется у дериватов, не имеющих в своей структуре ни комбинации фонем *l*+гласный, ни вообще согласного *l*; ср.: *bled'ou-li-nký, drobou-li-nký, hezou-li-nký, hlad'ou-li-nký, krat'ou-li-nký, křehou-li-nký, lehou-li-nký, mlad'ou-li-nký, slabou-li-nký, uzou-li-nký*.

Из приведенного материала следует, что тенденция совпадения вида вставной и ядерной морфем наиболее выражена у дериватов со вставным аффиксом *-an-*. Отсюда мы заключаем, что данный формант, несомненно, наиболее тяготеет к редупликации. Следует отметить, что явление редупликации вставных морфем — одна из примечательных особенностей словопроизводства вторич-

ТАБЛИЦА 2

Вставная морфема	Дериваты с идентичными ядерной и вставной морфемами	Дериваты с отличными ядерной и вставной морфемами
<i>-ič-</i>	13 (~59%)	9 (~41%)
<i>-in-</i>	5 (~29%)	12 (~71%)
<i>-an-</i>	10 (~100%)	0

ных дериватов, отчетливо обнаруживающих их экспрессивную сущность. Ср.: *malíč-ič-ič-ký*, *mali-li-li-nký*, *hezu-li-li-nký*, *maloun-in-in-ký*, *širok-an-an-ánský*, *dlouh-an-an-ánský*, *hrozit-an-an-ánský*.

Что касается частотной характеристики вставных морфем, то здесь можно заметить следующее: в современном чешском литературном языке наибольшую фреквенцию имеют дериваты с *-li-*, затем с *-in-* и *-an-*; примечательно возрастание фреквенции дериватов с указанными вставными формантами в современном языке по сравнению с чешским языком эпохи Возрождения. Численность дериватов с *-ič-*, напротив, несколько уменьшилась. Данные статистики показали, что в числе вторичных дериватов-наречий наиболее многочисленными являются образования с *-li-*, наиболее малочисленными — образования с *-ič-*, практически все они архаичны.

Рассмотрим специфику процедуры вкладывания морфем у деминутивных существительных.

Выше мы уже упоминали о том, что правомерность обособления вставных морфем в структуре деминутивов в ряде случаев может показаться спорной. Причина сказанного заключается в вторичных особенностях словообразовательной интерпретации в т о р и ч н ы х деминутивов. Дело в том, что в отличие от вторичных дериватов-прилагательных словообразовательная структура существительных как правило допускает возможность в ы б о р а словопроизводственной мотивировки: специфика структурно-семантических ассоциаций позволяет соотнести последние, с одной стороны, с первичными деминутивами — непосредственными предшественниками по словопроизводственному ряду, с другой стороны, с нейтральными производящими существительными, являющимися исходными звеньями словообразовательной цепочки. В зависимости от характера мотивировки в структуре одного и того же слова выделяются форманты различной степени сложности: либо простые двухфазные морфемы (в частности, вставные морфемы), либо монолитные сложные суффиксы. Итак, одна из мотивировок оперирует понятием вставной морфемы, другая его игнорирует, предлагая иную словообразовательную интерпретацию (т. е. минуя фазу первичного деривата). Приведем лишь один пример: вторичный деминутив *gubička*, входящий в состав двухфазной цепочки *губа* → *gubka* → *gubička*, одновременно соотносится с двумя производящими основами: а) с первичным деминутивом *gubka* — репрезентантом предшествующей фазы линейной цепочки — в этом случае в структуре слова вычленяется вставная морфема *-ič-*, являющаяся вкладочной прослойкой на месте морфематического шва, разграничивающего корень и аффикс⁴ *-k-*; б) с исходной производящей основой *губа*. В последнем случае в структуре слова вычленяется суффикс *-ičk-*. Данная

⁴ У деминутивных существительных позиция вставной морфемы стабильна.

интерпретация игнорирует строгую последовательность фаз линейной цепочки, устанавливая отношение непосредственной словопроизводственной соотнесенности между ее исходным и конечным звеньями.

Первая мотивировка отражает действительную последовательность словопроизводственного процесса, она опирается на реально существующий лексический пласт первичных деминутивов. Преимущество указанной мотивировки заключается в том, что оперирование понятием вставной морфемы позволяет связать воедино родственные словообразовательные процессы прилагательных, наречий, деминутивных существительных.

Вторая мотивировка опирается на лексический пласт деминутивов со сложными суффиксами (без предшествующей фазы в виде первичных дериватов); ср. *chléb* — *chlebíček*, *auto* — *autíčko*, *říseň* — *řísníčka* и пр. Данная мотивировка отражает динамику лексического материала, в частности эволюцию двухфазных деминутивных цепочек в однофазные за счет выпадения первой фазы словопроизводственного ряда. Как показало исследование, первичные дериваты представляют собой наименее стабильный пласт деминутивов, поскольку они склонны, утрачивая свое специфическое словообразовательное значение, переходить в разряд нейтральной лексики. Их место в деминутивной цепочке в этом случае занимают вторичные дериваты — подобное перемещение сопровождается переоценкой словообразовательной интерпретации последних: в структуре вторичных дериватов выделяются не простые, а сложные аффиксы. В рамках настоящей статьи мы не имеем возможности остановиться на анализе причин тускнения деминутивного значения. Заметим лишь, что это явление обусловлено спецификой соотношения номинативной и оценочной функций в семантике первичных дериватов (в частности, возрастанием удельного веса номинативной функции), а также высокой степенью их фреквенции.

На данном этапе существования чешского языка обе словообразовательные мотивировки равноценны, что не исключает, впрочем, возможности превалирования той или другой мотивировки в конкретной языковой ситуации. Пользуясь правом свободного выбора, мы отдаем предпочтение мотивировке со вставными морфемами, позволяющей дать унифицированное описание словообразовательной структуры большого количества деминутивов мужского, женского и среднего рода.

Рассмотрим ниже некоторые конкретные случаи использования вставных морфем у деминутивных существительных. Приводимые иллюстрации включают двухфазные линейные цепочки, образованные по принципу $O \rightarrow D_1 \rightarrow D_2$, где O — исходная производящая основа, D_1 — первичный дериват, D_2 — вторичный дериват.

Мужской род: *vrch* — *vrš-ek* — *vrš-íč-ek*; *bažant* — *bažant-ek* — *bažant-íč-ek*; *syn* — *syn-ek* — *syn-áč-ek*; *polštář* — *polštář-ek* — *pol-*

šťař-íč-ek; prst — prst-ek — prst-íč-ek, prst-ín-ek; kus — kous-ek — kous-ín-ek; list — líst-ek — list-én-ek; strýc — strýč-ek — strýč-án-ek.

Женский род: noha — nož-ka — nož-íč-ka; chvíle — chvíl-ka — chvíl-íč-ka; bublina — bublin-ka — bublin-eč-ka; díra — dír-ka — dír-eč-ka; chvíle — chvíl-ka — chvíl-in-ka; dřímota — dřímot-ka — dřímot-in-ka; dcera — dcer-ka — dcer-uš-ka; dřímota — dřímot-ka — dřímot-ěn-ka; dcera — dcer-ka — dcer-un-ka.

Средний род: oko — oč-ko — oč-íč-ko; čelo — číl-ko — čel-íč-ko; poleno — polín-ko — polín-eč-ko; hnízdo — hnízd-ko — hnízd-eč-ko; kladivo — kladív-ko — kladív-en-ko; oko — oč-ko — oč-in-ko; ucho — uš-ko — uš-in-ko.

Из приводимых примеров (их количество свободно может быть увеличено), следует, что вторичные дериваты отличаются от первичных наличием некоторой промежуточной двухфонемной «прокладки», предшествующей аффиксу первичного деривата.

Большой интерес представляют малочисленные случаи редупликации вставных морфем — указанное явление отмечается при образовании вторичных деминутивов третьей и четвертой степени. В нашем распоряжении имеются лишь единичные примеры, извлеченные из эксцерпций (словари дериваты указанной структуры не приводят): I Cílko, Cílinko, Cílinko (Št. Alína); A broučci už neměli stání. Brouček a Broučíněk, Broučínínek, Broučíček (Broučci, 124); tu mu přiběhl Broučíněk naproti: «Tatínku, tatínku, máme malinkého Broučínínka» (Ibid., 113). Дериваты, воспроизводимые в первом примере, могут быть объединены в цепочку (Cecilie, Cíla)⁵ → Cílka (D₁) → Cíl-in-ka (D₂) → Cíli-li-nka (D₃), где D₂ является результатом использования вставной морфемы; D₃ представляет собой результат индивидуального авторского словотворчества — здесь копируется типично адъективный способ словообразования вторичных дериватов со значением интенсификации признака; ср.: malinký — malílinký. Два последующие примера включают дериват Broučínínek, входящий в состав цепочки brouk → brouček (D₁) → brouč-ín-ek, brouč-íč-ek (D₂) → brouč-in-ínek (D₃). Как мы видим, редуплицируемая вставная морфема -in- (воспроизводимая в кратком варианте) занимает аналогичную позицию, что и первичная вставная морфема, т. е. предшествует форманту со значением деминутивности, уже имеющемуся в структуре слова.

По свидетельству носителей языка случаи подобной редупликации отмечаются преимущественно в детской речи, а также в речи взрослых, адресованной детям. Примечательно, что Я. Гебауер⁶ приводит как вполне правомерные многократные редупликации типа domešešeček. Факт редупликации вставной морфемы является дополнительным свидетельством в пользу оправ-

⁵ В скобки заключены исходные образования, отсутствующие в контексте.

⁶ J. G e b a u e r. Historická mluvnice, d. I. Praha, 1896.

данности расчленения сложного остаточного суффиксального комплекса, например, *-ičk-* на вставную морфему и аффикс первичного деминутива.

Следует заметить, что в целом явление редупликации вставной морфемы с деминутивным значением в языке встречается редко. Более распространен подобный способ словопроизводства у прилагательных со значением интенсификации признака (дериваты указанной структуры имеют и более высокую фреквенцию, чем соответствующие деминутивы). Чаще всего для нагнетания значения деминутивности используются синтаксические средства, в частности комбинация деминутивного существительного (D_1 или D_2) и прилагательного (последнее нередко содержит в своей структуре аффиксы со значением интенсификации признака) — указанное словосочетание компенсирует отсутствие редулицированного деминутива.

Таковы некоторые особенности использования вставных морфем при словопроизводстве исследованной нами лексики.

Типологическое изучение фразовой интонации славянских языков (Перспективы исследования)

Т. М. Николаева

Первые сведения о фразовой интонации не одного, а нескольких славянских языков были сообщены Олафом Брокком шестьдесят лет назад. Многие излагавшиеся им факты не устарели и до сих пор, многие предложенные им модели могут служить эталоном. Однако О. Брок рассматривает не все славянские языки, и самое главное — у него нет сопоставления: языки рассматриваются один за другим, поочередно.

За эти шестьдесят лет по изучению фразовой интонации славянских языков сделано много, и все же гораздо меньше, чем по изучению фразовой интонации одного только английского языка. Более всего исследовалась фразовая интонация чешского языка, как литературного языка, так и говоров — работы Й. Хлумского, Ст. Петршика, М. Ромпортла, Ф. Данеша, Х.—В. Водарца и мно-

гих других¹. В последние годы появились обобщающие исследования по фразовой интонации русского, польского, сербского, словацкого языков, а также отдельные работы по украинской, болгарской, словенской фразовой просодии.

Между тем несомненно, что типология фразовых интонационных систем должна, наряду с чисто фонологическими построениями, войти в общий комплекс славистических знаний². Отдельных, языковых описаний явно недостаточно — анализ сходств и различий и в этой области поможет более точно определить место каждого языка в общеславянском языковом пространстве.

Очевидно, что только единообразные описания могут в полной мере служить базой для типологических исследований. Между тем многие работы, опубликованные по этой проблеме, по существу несводимы друг к другу — так при изучении фразовой интонации русского языка в основном рассматривается содержательная сторона фразовой просодии, при исследовании чешского и польского языков — формальная сторона, типы фразовых каденций, при изучении сербского и словенского языков — модификация во фразе словенских и сербских словесных акцентов³.

Специфичность языкового функционирования фразовой интонации обуславливает и некоторые характерные черты методики ее сопоставительного изучения. Как представляется заранее и как показывает конкретный материал, разумнее всего строить типологию фразовой просодии, исходя из комплексного, а не только высотно-мелодического ее понимания. Так, в частности, различие языков по степени интенсивности звучания акцентных единиц проводилось еще О. Броком, а в последнее время в систему просодического описания славянских языков стал активно включаться и такой фактор, как временные характеристики⁴. Но методический подход к этим трем параметрам, формирующим языковую специфику просодии, в принципе очевидно различен. Так, при описании мелодических характеристик различаются количественный и качественный подходы. Количественный подход пред-

¹ Из-за необходимой краткости изложения библиографические сведения будут приводиться избирательно.

² Отдельные попытки поставить вопрос о сопоставительном изучении фразовой интонации славянских языков см.: Б. М. З а д о р о ж н и й. До питання про інтонацію в слов'янських мовах. «Вопросы славянского языкознания». Львов, 1953, кн. 3; А. И. Б а г м у т. К характеристике интонаций повествовательных предложений в современных славянских языках. Argumenta lectionum. «Резюме докладов VI конгресса фонетических знаний». Прага, 1967.

³ Именно таковы наиболее фундаментальные работы по сербской и словенской интонации: К.-Н. Р о л л о к. Der neustokavische Akzent und die Struktur der Melodiegestalt der Rede. Göttingen, 1964; J. Т о р о р и š и č. Liki slovenskih tonemov. «Slavistična revija», 1968, 1. XVI; I. L e h i s t e, P. I v i č. Accent in Serbocroatian. «Michigan slavic materials», 1963, 4.

⁴ См.: К. Б о л л а. К вопросу о соотношении длительности гласных и фонетической структуры слова. «Studia slavica», t. 14, 1968, № 1—4.

полагает сопоставление диапазона возможных частотных модуляций для данного языка в его обычной речи. В частности наиболее широкий диапазон отмечается для русского языка, резко отличающегося по этому свойству от других славянских языков⁵.

На качественном подходе к анализу мелодики необходимо остановиться подробнее. Он представляет собой формальное сопоставление неких стандартных мелодических фигур — каденций. В состав такой мелодической фигуры обычно вводят три компонента — высотное положение ударного слога, высотное положение предударных слогов, высотное положение заударных слогов⁶. По реальному числу слогов эта трехэлементная модель может быть как угодно велика: это зависит от величины заударной части, где часто тип мелодической фигуры находит свое разрешение в абсолютно последнем слоге заударной части. Для определения некоторых специфичных мелодических характеристик речи бывает важна и значительная часть предударных слогов⁷. При отсутствии заударной или предударной частей некоторые мелодические фигуры могут совпасть, создавая условия для их нейтрализации. При этом необходимо оговорить то обстоятельство, что представленное описание мелодической структуры фразы используется лишь при одном, правда, наиболее распространенном подходе к изучению мелодики фразы — а именно, когда описанию подлежат лишь участки фразы до и после ударного слога — носителя фразового ударения (чаще всего это последний ударный слог фразы), а вся предшествующая часть объявляется нерелевантной⁸. В ряде случаев принимается во внимание мелодика всей фразы⁹.

Список всех мелодических фигур указанного типа явится перечнем-инвентарем славянских фразовых каденций. Многие типы каденций, как показывают конкретные описания, по всем славянским языкам совпадают, а именно большинство зафиксированных каденций есть в каждом славянском языке. Таким

⁵ Эту особенность русской речи отмечают: З. Ф. О л и в е р и у с. Динамика, ритм и мелодика русского языка. «Ruský jazyk», г. 17, 1966, č. 3; М. В г а u n. Beobachtungen zur russischen Sprachmelodie. «Festgabe für P. Diels». München, 1953.

⁶ X-B. Водарц, описывая фразовую интонацию ляшских говоров, строит двухкомпонентную модель из ударной и заударной частей для нейтральной речи и трехкомпонентную, включая предударную часть, — для эмоциональной (H.-W. W o d a r z. Satzphonetik des Westlachischen. Köln, 1963).

⁷ Именно предударная часть помогает, например, различить специфическую мелодику чешского говора — так называемое «пльзенское пение» (P. J a n e č á k. Zapadočeský intonační typ. «Slavica pragensia», 1966, 8).

⁸ X-B. Водарц называет часть фразы, предшествующую каденции, «негативной» (указ. соч.).

⁹ Так, А. И. Багмут показывает, что особенность чешской звуковой манеры, так называемый «закон второго слога», ярко проявляется в самом начале фразы (А. И. Б а г м у т. Интонация простого розповідного речення у чеській літературній мові. «Інтонація мовлення». Київ, 1968, стр. 91).

образом, целесообразно различать общий перечень в с е х с л а в я н с к и х каденций (максимальный набор) и перечень каденций, совпадающих по отдельным языкам (минимальный набор)¹⁰. Описание фразовых каденций каждого языка будет представлять собой этот минимальный набор с добавлением фразовых каденций из максимального набора, характеризующих именно этот язык¹¹.

Однако сопоставления такого списка для описания мелодической системы языка еще недостаточно: одни формы каденций в некотором славянском языке являются характерными и распространенными, в другом же языке эти формы встречаются, но крайне редко. Так, например, резкое повышение голоса на последнем слоге при восходящей мелодике, типичное и принятое для польского языка¹², в словацком языке объявляется нехарактерным и нелитературным¹³. Статистический подход поможет упорядочить список каденций; при описании мелодики отдельного языка удобнее располагать каденции по степени их реальной встречаемости. В целом возможна такая классификация каденций: 1) общеславянские фразовые каденции, распространенные в данном языке; 2) общеславянские фразовые каденции, возможные в данном языке; 3) фразовые каденции, характерные только для данного языка; 4) фразовые каденции, запрещенные мелодической системой данного языка¹⁴.

При определении типа каденции, помимо указанного трехэлементного состава высотных границ, необходимо также учитывать тип движения мелодики внутри каждого компонента. Например, и в польской, и в ляшской речи при вопросе заударная часть располагается выше ударной, однако, в польском языке движение тона при этом, как указывалось, резко повышается, в ляшской речи — понижается¹⁵.

¹⁰ Идея такого двуступенчатого перечня-каталога славянских фразовых каденций соотносится с идеей построения архива фонологических моделей славянских языков, выдвинутой в статье: М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров. Структурная типология и славянское языкознание. «Структурно-типологические исследования». М., 1962, стр. 17.

¹¹ При этом обнаружатся частичные языковые сходства. Так, повышение ударного слога в утвердительном предложении отмечается О. Брокром для болгарского языка и М. Ромпортлом для части ляшских говоров (О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 240; М. Romportl. Přízvuk, kvantita a melodie v nářečí na Jablunkovsku. «Slezský sborník». Jg. 52. Opava, 1954, стр. 13).

¹² W. J a s s e m. Aczent języka polskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962.

¹³ Vl. U h l á r. O vetnej melódii v slovenčine. «Slovenská reč», r. XXIII, 1958, č. 6.

¹⁴ Опыт подобного описания мелодики русского, польского, чешского и украинского языков предлагается автором в работе: Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969, стр. 247.

¹⁵ M. R o m p o r t l. Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšínsku. «Publikace slezského ústavu ČAV». Ostrava, 1958, стр. 71.

Сами каденций подлежат ещё дополнительному разбиению. Обычно различают три основных типа фразовых каденций: 1) терминальные нисходящие (собственно каденции); 2) терминальные восходящие (антикаденции); 3) нетерминальные восходящие (полукаденции). Дискуссионным является вопрос о мелодике русского языка, для которого все чаще различают две, а не три мелодики — восходящую и нисходящую¹⁶.

Сказанное выше относилось к изучению синхронного состояния мелодической системы славянских языков. Вопрос об эволюции фразовых каденций пока не ставился, хотя даже сопоставление данных, приводимых О. Броком (если считать их исчерпывающими) с данными современных исследований показывает определенные эволюционные сдвиги. Также не исследовался генезис фразовых каденций¹⁷.

Сопоставление типов и перечней фразовых каденций есть сопоставление по формальному признаку. Однако сопоставление внешней формальной стороны не может быть окончательным результатом описания просодии любого языка без решения содержательной стороны вопроса — а именно: определения соотношения форм и функций. «Типологическое сравнение есть сравнение функций элементов языка, их отношения к другим элементам в своей системе. Понятие функции в этом случае должно быть основой понятия тождества»¹⁸. Только те просодические системы могут быть объявлены типологически сходными, в которых сходные формы несут сходные функции¹⁹. Так, например, М. Ромпортл отмечает различие ряда сходных форм русской и чешской просодии — нейтральное в русском есть эмоциональное в чешском²⁰, эти же различия описывает Х.-В. Водарц для литературного чешского языка и ляшских говоров²¹. При этом функциональная сторона проблемы, как она представлена на современном этапе исследования фразовой интонации, представляется сложнее фор-

¹⁶ См. об этом: М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 258—260; А. В л о с х. Intonation und Satzgefüge. «Sprachen—Zuordnung—Strukturgen». Haag, 1965.

¹⁷ Единственной в этом отношении является работа И. Манкен о фразовой интонации сербского языка. И. Манкен связывает типы фразовых каденций, которые в случае сербского языка совпадают с рядом других славянских данных, со словесной просодией — с типом акцента в слого-носители фразового ударения.

¹⁸ Т. М и л е в с к и й. Предпосылки типологического языкознания. «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 5.

¹⁹ На этом двойном сопоставлении настаивает М. Ромпортл в своих статьях о сопоставлении интонационных систем (M. R o m p o r t l. Zum Problem der Fragemelodie. «Lingua», v. V, 1965, 1; M. R o m p o r t l. Zum vergleichendem Studium der Satzphonetik. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd 10, 1957, H. 4).

²⁰ M. R o m p o r t l. Melodie ruské a české věty. «Sovětska Jazykověda», r. 4, 1954, č. 3.

²¹ H.-W. W o d a r z. Satzphonetik des Westlachsichen.

мальной. Дело в том, что в данном случае остается неясной та система содержательных категорий, с которой соотносится совокупность форм-каденций. К выделению этой системы содержательных категорий подходят двойка: 1) «Снизу», т. е. выделяя только те смысловые отношения, которые различаются формально, разными каденциями. По этому пути идет для русского языка Е. А. Брызгунова²². 2) «Сверху», т. е. при этом содержательные единицы вводятся заранее, а исследователь определяет, какими интонационными формами они могут выражаться²³. При этом в отличие от первого подхода в принципе возможно, что одни и те же формы могут передавать разные смысловые отношения (омонимия интонационных форм) и наоборот — одни и те же смысловые отношения могут выражаться разными интонационными формами (синонимия интонационных форм). Чаще всего в содержательной интерпретации фразовой мелодики различают две стороны — грамматическую и экспрессивную, строятся даже параллельные системы этих интонационных форм²⁴. Однако подобный параллелизм, при котором выделяются особые экспрессивные каденции, не представляется логически приемлемым. Изучение любого языка показывает его возможность передавать экспрессивные значения на всех языковых уровнях, но наличие экспрессивного значения не исключает при этом грамматической оформленности языковых единиц. Очевидно, экспрессивные и грамматические значения являются двумя системами, способными к совмещению, иначе о предложении, произнесенном с «мелодией грусти»²⁵, мы не могли бы сказать, какие синтаксические значения оно передает и является ли оно вопросительным или утвердительным. Далее, если, говоря о грамматической стороне фразовой интонации, перечисляют эти грамматические категории, то экспрессивная сторона интонации рассматривается в применении к славянским языкам обычно глобально, включая эмфатическое подчеркивание, модальность, разного рода эмоции. Упорядочение этих экспрессивно-эмоциональных категорий позволило бы при изучении славянских интонационных систем отделить специфически-языковое от универсально-эмоционального.

²² Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.

²³ Так, например, находит свои интонационные формы для каждого типа сложноподчиненного предложения Й. Янко (J. Janco. Jazyková melodie a její výšky a hloubky ve službách skladby a významosloví. Praha, 1948). За не всегда оправданную семантизацию форм упрекает М. Ромпортла К. Эбелинг (C. Ebeling, M. Romportl. K tonovému průběhu v mluvené češtině. «Lingua», 1954, v. IV, fasc. 2).

²⁴ Так, например, выделяет эти системы для ляхских говоров Х-В. Водарц. Однако, по его данным, синтаксические явления различаются положением заударной части, эмоциональные — положением ударной части.

²⁵ Этот тип мелодики выделяется, в частности для чешского языка, в ряде работ, начиная с исследований С. Петршика.

Столь большое место, уделенное нами проблемам именно мелодического описания, оправдано ведущей ролью мелодики в комплексе просодических параметров. В языковую специфику просодии, как говорилось выше, включаются еще временные и акцентные характеристики. Какие же сведения должны входить в сферу изучения временных характеристик? Это очевидно сведения о: 1) соотносительной длительности гласных и согласных звуков; 2) среднем темпе речи на данном языке — в сопоставлении с данными других языков эти данные покажут, медленно или быстро говорят на данном языке²⁶; 3) степени возможности временной сжимаемости, т. е. способности изменять темп отдельных участков речи, варьируя продолжительность звука для смысловых целей²⁷; 4) возможности и степени выделения временными средствами ударного слога — носителя фразового ударения²⁸; 5) возможности регулярного продления заударных, предударных и абсолютно конечных слогов²⁹.

При изучении акцентных характеристик существенную роль приобретает именно количественный фактор³⁰. Согласно данным ряда исследователей, уже намечается некоторая шкала соотношения славянских языков по интенсивности.

Совместное рассмотрение языковой специфики фразовой интонации во взаимодействии всех указанных просодических параметров создаст окончательное по результату сопоставление сходств и различий фразовой просодии славянских языков.

²⁶ Для получения данных такого типа необходим обширный и статистически достоверный материал.

²⁷ Автором отмечалась максимальная способность русского языка к этой временной сжимаемости и минимальная способность чешского (и, очевидно, словацкого) языка. Данное явление, по-видимому, связано с механизмом редукции безударных слогов; релевантность различия долготы/краткости в неударных слогах должна препятствовать временной сжимаемости. О русском языке в этой связи см.: А. В. Б о н д а р к о, Л. А. В е р б и ц к а я, Л. Р. З и н д е р. Акустические характеристики безударности. «Структурная типология языков». М., 1966.

²⁸ Эти данные входят в общий комплекс проблемы выражения ударного слога просодическими средствами в данном языке. См. развернувшуюся несколько лет назад дискуссию об акустической сущности польского ударения (W. J a s s e m. The phonology of Polish stress. «Word», v. 15, 1959, № 2; H.-W. W o d a r z. Ist der polnische Akzent melodisch? «Phonetica», 1961, v. 6.).

²⁹ Несомненно, к временным средствам примыкает и такой важный и характеризующий язык фактор, как ритм. См., например: D. D v o n ě. Rytmičká zákon v spisovneí slovenčine. Bratislava, 1955; J. O n d r a ě k o v a. Ritmická struktura na český jazyk. «Ezik a literatura», XVIII, 1963, n. 3.

³⁰ Сложность организации акцентных данных в виде рядов дискретных единиц отмечал П. С. Кузнецов, подчеркивая различие в музыкальной нотации для мелодики и интенсивности: расчлененные указания в виде гаммы при мелодических характеристиках и неопределенные типа forte, piano — при указаниях силы звука (П. С. К у з н е ц о в. К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении. «Теоретические проблемы прикладной лингвистики». М., 1966, стр. 105).

Типы видовых альтернатив в словацком языке

Ш.т. Пециар

Для различения так называемых видовых пар, т. е. таких глагольных дублетов, которые имеют одинаковое лексическое значение, но отличаются друг от друга противопоставлением совершенности—несовершенности (С—НС) глагольного действия, словацкий язык, подобно другим славянским языкам, располагает формальными средствами двух типов. Специфическим и основным формальным средством видовой оппозиции С—НС является суффикс имперфективации, т. е. суффикс, при помощи которого имперфективный член видовой пары отличается от перфективного члена. Имперфективирующий суффикс выступает в словацком языке в формах *-a-*, *-ova-/-uj-*, *-va-* (с вариантами *-áva-/-iava-*, *-ieva-*, *-úva-*)¹. Второе формальное средство, при помощи которого различаются видовые пары, это «чистовидовая приставка». Это такая глагольная приставка, которая не изменяет лексическое значение данного глагола и функция которой ограничивается перфективацией имперфективной глагольной основы². Чистовидовую функцию в словацком языке имеют прежде всего приставки *na-*, *o-*, *po-*, *s-(z-)zo-*, *u-*, *za-*³. Реже в чистовидовой функции выступают некоторые другие приставки. С этой точки зрения изучены еще не все глагольные приставки⁴.

¹ Morfológia slovenského jazyka (MSJ). Bratislava, 1966, стр. 416—419.

² Некоторые современные аспектологи, особенно Ю. С. Маслов и А. В. Исаченко, отрицают существование чистовидовых приставок и считают, что приставка всегда (кроме очень редких случаев типа русск. *сделать*, *написать*) в какой-то мере изменяет лексическое значение глагольной основы. Ср., например: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, II. Bratislava, 1960, стр. 155—159; Ю. С. Маслов. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. «Славянское языкознание». М., 1963, стр. 206—214. — Однако словацкий языковой материал, обработанный в «Словаре словацкого языка» (Slovník slovenského jazyka, I—VI. Bratislava, 1959—1968 [SSJ]), свидетельствует о том, что в словацком языке чистовидовая функция некоторых приставок является реальным языковым фактом, хотя и менее частым, чем видовая функция имперфективирующих суффиксов. Сходная ситуация наблюдается в чешском языке (ср. например: Fr. К о р е щ н ý. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962, стр. 90—98) и, очевидно, также в других славянских языках (ср. например: А. Н. Тихонов. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования. — ВЯ, 1964, № 1, стр. 42—52).

³ MSJ, стр. 414.

⁴ Определенные результаты в этом направлении принесли мои статьи о функциях отдельных глагольных приставок в словацком языке (Funkcie slo-

Соединение приставок с глагольной основой (так называемая префиксация) является простейшим способом образования глаголов совершенного вида. Присоединение приставки не вызывает никаких формальных изменений в глагольной основе. Приставка соединяется со всеми глагольными формами. Поэтому при префиксации никогда не меняется тип спряжения данного глагола, и перфективный приставочный глагол спрягается точно так же, как и соответствующий бесприставочный имперфективный глагол. В данной статье заниматься префиксацией мы не будем.

Значительно более сложный и интересный словообразовательный процесс представляет собой суффиксация. При присоединении имперфективирующего суффикса существенно изменяется конец глагольной основы. Изменяется ее фонологическая и морфематическая структура. В результате этого часто происходит изменение типа спряжения. Все изменения в глагольной основе, которые связаны с присоединением суффикса имперфективации, мы будем называть видовыми альтернативами⁵. Основные типы видовых альтернатив возникают при присоединении некоторого имперфективирующего суффикса к перфективной глагольной основе определенного типа. Например, чередование С и НС глагольной основы в видовых парах *prehľbi-t'*—*prehľbova-t'*, *vytľači-t'*—*vytľáča-t'*, *preda-t'*—*predáva-t'*, *zaniknú-t'*—*zanika-t'*, *spracova-t'*—*spracúvat'* и т. п. представляет различные основные типы видовых альтернатив в словацком языке.

Однако присоединение имперфективирующего суффикса к глагольной основе часто бывает связано с различными фонологическими изменениями в корневой морфеме. Эти изменения в корневой морфеме как явление, сопровождающее суффиксальную имперфективацию, являются вспомогательными формальными средствами категории вида. Некоторые из них весьма характерны для определенных типов видовых пар. Поэтому мы можем назвать их морфонологическими видовыми альтернативами⁶.

В зависимости от того, происходит ли изменение вокализма или консонантизма корневой морфемы, мы различаем вокаличе-

vesnej predpony *s-* v slovenčine. «Slovenská reč» (SR), 128, 1963, стр. 279—280; Funkcie slovesnej predpony *pri-* v slovenčine. — SR, 31, 1966, стр. 210; Funkcie slovesnej predpony *u-* v slovenčine. — SR, 31, стр. 268—269; Funkcie slovesnej predpony *vy-* v slovenčine. Jazykovedný časopis (JČ), 16, 1965, стр. 45; Funkcie slovesnej predpony *na-* v slovenčine. — JČ, 18, 1967, стр. 148.

⁵ Термин видовая альтернатива мы считаем более подходящим, чем термин видовая корреляция, которым пользуются советские слависты (ср., например: А. В. Бондарко. Многочленные видовые корреляции при имперфективации приставочных глаголов в современном чешском языке. «Исследования по чешскому языку». М., 1963, стр. 3 и сл.). Дело в том, что термин корреляция имеет в фонологии определенное значение, которое намного уже, чем широкое значение русского термина соотношение.

⁶ О понятии морфонология см.: N. T r u b e t z k o y. Das morphologische System der russischen Sprache. — TCLP. Prague, 5₂, 1934.

ские и консонантические видовые альтернации. Вокалические видовые альтернации могут быть количественными (изменяется количество гласного корневой морфемы, например: *kúpit' — kurovat', doučít' — doučat', dorást' — dorastat'*) или качественными (изменяется качество гласного корневой морфемы, например: *vylomit' — vylamovat', priniest' — prinášat'*). Может происходить также чередование гласного (краткого или долгого) с нулем (например: *vybrat' — vyberat', utriet' — utierat', pohnúť sa — pohýnat'sa, vyhnat' — vyháňat'*). Консонантические видовые альтернации всегда являются качественными (например: *stratit' — strácat', utiect' — utekat', zniest' — znášat'*). В словацком языке вокалические и консонантические альтернации часто выступают одновременно. Подобное комбинированное чередование фонем мы называем комплексными вокалическо-консонантическими альтернациями.

Целью данной статьи является обзор продуктивных и типичных видовых альтернаций, представленных в современном словацком языке. Материал для этой работы мы получили, выписав все видовые пары из «Словаря словацкого языка»⁷. Конечно, учитывая ограниченный объем нашей статьи, мы можем использовать лишь незначительную часть богатого материала. Поэтому мы ограничиваем свой обзор приставочными глаголами и отказываемся от характеристики различных неправильностей и частностей.

Основные типы видовых альтернаций в современном словацком языке известны. Однако мы мало знаем о степени продуктивности отдельных типов, а имеющиеся описания морфонологических видовых альтернаций являются неполными. Общую картину видовых альтернаций в современном словацком языке несколько искажает то обстоятельство, что в имеющихся немногочисленных работах о глагольном виде в словацком языке синхронический подход перекрещивается с историческим и не различается вид и способ глагольного действия⁸.

Основным критерием классификации видовых альтернаций мы избрали степень продуктивности в рамках типов спряжений (resp. глагольных классов). Вторым критерием классификации является форма суффикса имперфективации⁹.

⁷ В SSJ вторичные имперфективы как правило приводятся в статье, посвященной соответствующему приставочному перфективу. Однако в некоторых случаях этот принцип нарушается, а иногда в одной статье приводятся и такие глаголы, которые не образуют чистовидовых пар.

⁸ До сих пор наиболее подробно образование и классификация видовых пар в словацком языке рассмотрены в статье: J. O r a v e s. *Tvorenie nedokonavého vidu v slovenčine*. «Jazykovedné štúdie», III. Bratislava, 1958, стр. 167—188.

⁹ При классификации видовых альтернаций мы исходим из типа спряжения приставочного перфективного глагола. Благодаря этому мы получаем более четкую и полную картину видовых альтернаций для каждого глагольного

Самый продуктивный тип видовых альтернатив в современном словацком литературном языке представляют видовые пары, в которых приставочный глагол совершенного вида относится к типу спряжения на *-it'/-ím/-ia*, а вторичный несовершенный имеет суффикс имперфективации *-ova/-uj-*, например: *obvin-i-t'/-ím/-ia — obviň-ova-t'/-uj-em/-uj-ú*.

Этот тип имеет несколько подтипов с характерными вокалическими и консонантическими альтернативами в корневой морфеме. Долгий гласный перед суффиксом *-ova/-uj-* часто сокращается, так что в корневой морфеме имеют место количественные альтернативы *á/a, í/i (ý/y), ú/u, ia/a, ie/e, í/l, ř/r*, например: *-hlásit'/-hlasovat', rozšírit'/-širovat', rozptýlit'/-ptyl'ovat', -búrit'/-burovat', ožiarit'/ožarovat', podnietit'/-necovat', -dlžít'/-dlžovat', -vřít'/-vršovat'*. Это сокращение происходит регулярно в глагольных корневых морфемах и в тех именных корневых морфемах, которые в исходной форме имеют краткий гласный: *široký — rozšírit'/-širovat', dlhý — dlžít'/-dlžovat', vrch — vřít'/-vršovat'*. У имперфективных глаголов, производных от перфективных деноминативов с исходной долготой в корневой морфеме, сокращение, как правило, не происходит: *brázda — rozbrázdit'/-brázd'ovat', báseň — básnit'/-básňovat', sídlo — sídlit'/-síd'ovat', žiaľ — rozžialit' sa/-žial'ovat' sa, priamy — priamit' (sa)/-priamovat' (sa), cieľ — cielit'/-ciel'ovat', trieda — triedit' /-tried'ovat', rôzny — rozrôzniť sa/-rôžňovat' sa, kľb — skľbit'(sa)/skľbovat'(sa)* и т. п. Не сокращается долгий гласный, который находится не непосредственно перед суффиксом *-ova/-uj-* (ср. деноминативы *-národuit'/-narodňovat', utáborit' sa/utáborovat' sa, usústavit'/usústavňovat', -spôsobit'/-spôsobovat'*). Указанные правила по своему характеру не являются прямолинейными закономерностями, они осуществляются как тенденции, которые перекрещиваются с другими тенденциями.

Мало продуктивным, но в ограниченных пределах регулярным является подтип *-lomit'/-lamovat'* с качественной вокалической альтернативой *o/a* в корневой морфеме¹⁰.

Перед суффиксом имперфективации *-ova/-uj-* встречаются также консонантические видовые альтернативы в конце корневой морфемы. Относительно частыми являются альтернативы *t'/c, d'/dz*. Они часто выступают вместе с вокалическими количественными альтернативами: *nasýtit'/-sycovat', -sotit'/-sacovat', -slobodit'/-oslobodzovat', -súdit'/-sudzovat', -hodit'/-hadzovat'* и т. п. Однако у многих глаголов, особенно у деноминативов, альтерна-

типа. Форма суффикса имперфективации оказалась менее подходящей в качестве основного критерия классификации.

¹⁰ Видовые альтернативы этого типа регулярно образуют приставочные глаголы с основами *-hod(it')*, *-lom(it')*, *-skoč(it')*, *-kroč(it')*, *-kroj(it')*, *-sot(it')*, *-kot(it')*. Подробнее см. об этом: Š. P e c i a r. *Neproduktívne a nepravidelné vidové alternácie v slovenčine*. — SR, 33, 1968, стр. 156—159.

ция t'/c, d'/dz не имеет места: vsietit'/vsiet'ovat', vyústit'/-úst'ovat', -pečaitit'/-pečait'ovat', -radit'/-rad'ovat', -triedit'/-tried'ovat', -riedit'/-ried'ovat' и др. В некоторых случаях встречаются дублиеты (форма без альтернации и форма с альтернативой): rozštvrtit'/-štvrt'ovat'/-štvrt'ovat', rozpoltit'/-polt'ovat'/-polcovat'. В группах st', št', ct', čt', cht', zd', žd' согласные t', d' никогда не чередуются. Единичными являются альтернации č/k, ž/h. Первая представлена лишь у глаголов с корневыми морфемами -strč-/ -strk- (na-/od-/po-/pri-/vy-/za-strčit'/-strkovat') -skoč-/skak- (do-/na-/nad-/od-/pod-/vy-/za-/zo-skočit'/-skakovat'), вторая у глаголов с корневой морфемой -slůž-/sluh- (do-/ob-/od-/pre-/vy-/za-slůžit'/-sluho- vat').

Менее продуктивный, но живой тип видовых альтернатив образуют приставочные глаголы на -it'/-ím-/ia при присоединении суффикса имперфективации -a-, например: priuč-i-t'/-ím-/ia(sa) — priuč-a-t'/-am/-ajú(sa)¹¹.

Этот тип видовых альтернатив также имеет несколько подтипов с характерными вокалическими и консонантическими альтернативами в корневой морфеме. Почти обязательна для этого типа количественная альтернатива, а именно удлинение слога перед суффиксом -a-. Дело в том, что подавляющее большинство глаголов с указанной видовой альтернативой имеет в корневой морфеме краткий слог. Здесь встречаются почти все возможные количественные чередования (часто совместно с консонантической альтернативой): a/á, a/ia, ä/ia, e/ie, i/í, u/ú, l/l', r/r' (например: -varit'/-várat', -kadit'/-kiadzat', -sväitit'/-sviacat', -menit'/-mieňat', -pustit'/-púšťat', -budit'/-búdzat', pluit'/-plňat', -trčit'/-trčat'). Обратная количественная альтернатива (сокращение долгого гласного) представлена только у глаголов с основой -vrát(it)': na-/od-/pre-/roz-/vy-/z-/za-vrátit'/-vracat'. У других глагольных основ долгий гласный корневой морфемы перед суффиксом -a- остается без изменения (таких глагольных основ очень мало): -krútit'/-krúcat', -kúsit'/-kúšat'(sa), -vláčit'/-vláčat'.

В этом типе часто имеет место качественно-количественная альтернатива o/á, образующая выразительный подтип: -pojít'/-pá-jat', -robit'/-rábat', clonit'/-cláňat' и др.

Консонантические альтернативы перед суффиксом -a- являются более частыми и многочисленными, чем перед суффиксом -ova-. Чередуются не только согласные t'/c, d'/dz (-platit'/-plácat', hla-dit'/-hládzat'), но и s/š, z/ž и группа st'/št': (-dusit'/-dúšat', -kosit'/-kášat'; -razit'/-rážat'; -pustit'/-púšat' и т. п. Все указанные консонантические альтернативы перед суффиксом -a- реализуются последовательно.

¹¹ Согласно материалу SSJ число видовых пар данного типа не составляет даже одной трети числа видовых пар типа obvinít' — obviňovat'.

Редкой является видовая альтернация типа *-it'/-ím/-ia* — *-ievat'/-am/-ajú* с суффиксом имперфективации *-ieva-*, например: *rozodn-it'/-í sa* — *rozodn-ieva-t'/-ieva sa*. Имперфективы с суффиксом *-ieva-* образуются прежде всего от таких приставочных перфективов на *-it'/-ím/-ia*, которые имеют неслоговую корневую морфему: *ročit'/-ctievat'*, *uctit'/uctievat'*, *zneucit'/-ctievat'/-ct'ovat'*, *zasklit'/-sklievat'*, *zazlit'/-zlievat'*, *pre-/vy-clit'/-clievat'*, *zahmlit'/-hmlievat'/hml'ovat'(sa)*, *za-/zo-/s-tmiet' sa/tmiet' sa/tmievat' sa*. Формы *zvečerievat' sa* (к *zvečerit' sa*) и поэт. *pripozdievat' sa* (к *pripozdit' sa*), по-видимому, образованы по образцу *stmievat' sa* и *rozodnievat' sa*. Приставочные глаголы с основой *-modl(it')* и *-fajč(it')* также имеют имперфективы на *-ievat'*. Как словообразовательный вариант имперфективы на *-ievat'* встречаются наряду с имперфективами на *-ovat'* и у некоторых других приставочных глаголов, особенно, если их корневая морфема заканчивается на группу согласных: *-končit'/-končievat'/-končovat'(sa)*, *rozrečnit'(sa)/-rečnievat' sa/rečňovat' sa*, *-jasnit' sa/jasnievat' sa/-jasňovat' sa*, *oteplit' sa/otepl'ovat' sa/oteplievat' sa*, *dokreslit'/-kresl'ovat'/-kreslievat'*.

Наличие двух основных типов видовой альтернаций у приставочных глаголов на *-it'/-ím/-ia* ведет к тому, что у некоторых глаголов реализуются оба типа. Так возникают видовые альтернации с двумя имперфективными членами. Мы будем их называть многочленными видовыми альтернациями¹². Многочленные видовые альтернации с двумя имперфективными членами в словацком языке (также как и в чешском) встречаются довольно часто. Приведем хотя бы несколько примеров из SSJ:

<i>-tlačit'</i>	{	<i>-tlačat'</i>	<i>-solit'</i>	{	<i>sál'at'</i>
		<i>-tlačovat'</i>			<i>-sol'ovat'</i>
<i>-hladit'</i>	{	<i>-hládzat'</i>	<i>-plnit'</i>	{	<i>-plňat'</i>
		<i>-hladzovat'</i>			<i>-plňovat'</i>
<i>-svedčit'</i>	{	<i>-sviedčat'</i>	<i>-lepít'</i>	{	<i>-lepovat'</i>
		<i>-svedčovat'</i>			<i>-liepat'</i>
<i>-učit'</i>	{	<i>-účat'(sa)</i>	<i>podkušit'</i>	{	<i>podkúšat'</i>
		<i>-učovat'(sa)</i>			<i>podkušievat'</i>
<i>-pojit'</i>	{	<i>-pájat'</i>			<i>podkušovat'</i>
		<i>-pojovat'</i>			

Ко многим приставочным перфективам с основой *-chyt(it')* образуются имперфективные дублиеты типа *za-/vy-/pri- chytávat'/*

¹² Многочленные видовые альтернации в чешском языке подробно проанализировал А. В. Бондарко (см. указ. соч.).

-chycovat'; но только ро-/pod-/pred-chytávat'. Здесь проявилось влияние итератива chytat'. К основе -strč(it') относятся четыре имперфективные варианты: -strkovat'/-strkávat'/střkat'/-střčat'. Здесь сказалось влияние итератива strkat'.

С точки зрения нормы представляют интерес такие случаи, когда при одной и той же глагольной основе с некоторой приставкой чаще или исключительно выступает имперфектив с суффиксом -а-, а с другой приставкой — чаще или исключительно имперфектив с суффиксом -ова-. Иногда посредством разных имперфективов различаются омонимы¹³.

К приставочным перфективам типа chytat'/-ám/-ajú вторичные имперфективы образуются как правило при помощи суффикса -ва-, перед которым удлиняется гласный -а- на конце глагольной основы. Таким образом возникает видовая альтернатива типа poda-t'/-á-m/-a-jú — podá-va-t'/-va-m/-va-jú.

Этот тип видовой альтернативы в словацком языке также очень продуктивен: -chovat'/-chovávat', -konat'/-konávat', -rovnat'/-rovnávat' и т. п. При образовании имперфективов данного типа в глагольной основе проявляются известные фонетические закономерности. После мягкого (и исторически мягкого) согласного гласный -а- чередуется с дифтонгом -ia- (не с -á-): -požičat'/-žičiavat', -voňat'/-voníavat', -merat'/-meriavat' и т. п. После долгого слога в корневой морфеме в соответствии с законом ритмического сокращения долгот гласный -а- на конце основы не удлиняется: -pútat'/pútavat', -čítat'/-čítavat', preskúmat'/-skúmat', -miešať'/-miešavat', но: -vftat'/-vftavat'/-vftávat'.

Однако от приставочных глаголов типа chytat'/-ám/-ajú с долгой в корневой морфеме вторичные имперфективы образуются также посредством суффикса -ова-. Долгий слог перед этим суффиксом сокращается: -pýtat'/-pytovat' (sa), -žiadat'/-žadovat', zastriel'at'/-strel'ovat' (sa), roz-/za-hútat' sa/-hutovat' sa и др. Во многих случаях образуются вторичные имперфективы обоих типов, благодаря чему возникают многочленные видовой альтернативы:

	do-/s-/prípo-/vy-po-čítat' {	-čítavat'
		-čitovat'
vsúkát' {	-súkavat'	rozdúchat' {
	-sukovat'	-duchovat'
		-duchávat'
	za-/zo-strúhat' {	-struhávat'
		-struhovat'

¹³ Например, при zsvätit' SSJ указывает лишь имперфектив zsväcovat'; при znesvätit' — znesväcovat', изредка и znesviacat'; при posvätit' — posväcovat', к 1 зн., изредка и к 2 зн. также posviacat'; при vysvätit' — vysviacat' и vysväcovat'. К umorit'¹ дается имперфектив umárat', к umorit'² — umorovat'; к dosadiť'¹ — dosádzat', к dosadiť'² — dosadzovat'.

К pre-/pri-rátat' SSJ указывает имперфективные дублиеты -gátat'/-gátúvat'; к od-/z-/za-rátat' только форму -gátúvat' с суффиксом имперфективации -úva-.

Такие же видовые альтернации, как у приставочных перфективов типа chytat'/-ám/-ajú, образуют и приставочные перфективы типа česat'/-šém/-šú. Здесь вторичные имперфективы также образуются прежде всего посредством суффикса -va- и удлинения гласного -a- на конце основы: -česat'/-česávat', -kopat'/-kopávat' и т. п. Имперфективы данного типа образуются также от приставочных глаголов с основой -ora-t'/-or-je — orávat' и с основой -sta-t'/-stau-e — stávat'. После долгого слога в корневой морфеме гласный -a- перед суффиксом -va- остается кратким: roz-hýbat'/-hýbavat', -kolísat'/-kolísavat', -šliapat'/-šliapavat'. Однако в этом случае вторичный имперфектив чаще образуется при помощи суффикса -ova-, перед которым сокращается долгота в корневой морфеме: -písat'/-písovat' -viazat'/-vázovat' -kázat'/-kazovat', -lízat'/-lizovat' и др. Во многих случаях образуются два (или три) имперфектива:

-hrabat'	{	-hrabávat'	pre-/vy-rúbat'	{	-rúbavat'
		-hrabovat'			-rubovat'
		-hrabúvat'	roz-/vy-česat'	{	-česávat'
					-česúvat'

В известной мере нерегулярно образуются имперфективные дублиеты от перфективов с корневой морфемой -syr-: -syrat' — -syrat'/-syrávat'¹⁴. Нерегулярными являются также видовые альтернации -slat'/-sielat' и -zvat'/-zývat'. Нерегулярный имперфектив skarpínat' (к skapat') образован по аналогии с zdochýnat' (к zdochnút').

У приставочных глаголов типа radnúť встречаются четыре типа видовых альтернаций со многими подтипами. Исходными являются три основных типа. Два из них являются продуктивными: а) имперфектив образуется при помощи суффикса -a-, б) имперфектив образуется при помощи суффикса -ova-/uj-. Оба суффикса присоединяются непосредственно к корневой морфеме (суффикс -nú- отпадает). Например: а) -mrz-nú-t'/-ne/-nú — -mřz-a-t'/-a/-ajú; б) -tiah-nu-t'/-ne/-nu — -t'ah-ova-t'/-uj-e/uj-ú.

Перед суффиксом -a- часто удлиняется краткий слог в корневой морфеме, например: -kradnúť/-krádat' (sa), -mrznúť/-mřzat',

¹⁴ Форма -sýrat' образована посредством суффикса -a- и удлинения корневой морфемы, в форме -syrávat' представлен суффикс -va- и удлиненный гласный -a- на конце основы.

-budnúť/-búdat', -hryznúť/-hrýzat' и др.¹⁵ Нерегулярная качественно-количественная альтернатия представлена у глаголов с корневой морфемой -l'ah-/-lieh-(-lích): -l'ahnúť/-liehat' (-líhat'). Иногда, однако, краткий слог в корневой морфеме перед суффиксом -a- не удлиняется: -moknúť/-mokat', -niknúť/-nikat', -padnúť/-padat', precitnúť/-citat' и др. Долгий гласный в корневой морфеме перед суффиксом -a- остается без изменения: -ponúknúť/-núkat', poslúchnúť/-slúchat', -hliadnúť/-hliadat', -prialnúť/-prialhat', -mietnúť/-mietat', -mlknúť/-mlkat' и др.

В типе б) перед суффиксом -ova- сокращается долгий гласный в корневой морфеме. Здесь возникает количественная альтернатия, обратная той, которая представлена в типе а). Например: -pláchnúť/-knúť/-plachovat'/-plakovat', -siahnúť/-sahovat', -strieknúť/-streknúť/-strekovat', -kriknúť/-krikovat', -dýchnúť/-dychovat', -fúknuť/-fukovat'. Только в корневой морфеме именно происхождения -čiar(k)- сокращение гласного не происходит: -čiar(k)núť/-čiarlovak'. Краткий слог в корневой морфеме перед суффиксом -ova- не изменяется: -dvihnúť/-dvihovat', -strihnúť/-strihovat', -stihnúť/-stihovat', -šmyknúť/-šmykovat' (sa) и др.

От нескольких приставочных перфективов типа padnúť/-nem-/nú вторичные имперфективы образуются посредством суффикса -áva-: -bodnúť/-bodávat', -kopnúť/-kopávat', -seknúť/-sekávat', -klesnúť/-klesávat' и др.

По модели древнейших вторичных имперфективов типа -čínat', -pínat', -tínat', и по образцу древней видовой альтернатии типа -hasnúť/-hasínat', usnúť/usínat' (книж.) почти регулярно начали образовываться в словацком языке вторичные имперфективы на -ýnat' к таким приставочным перфективам типа padnúť', у которых неслоговая корневая морфема заканчивается на велярный согласный. Так развился мало продуктивный тип видовой альтернатии -mknúť/-mkýnat'. Большинство видовых альтернатий этого типа имеет, однако, два имперфектива: наряду с типом на -ýnat' сохранился более древний тип с альтернатией *o/u* или *o/ú* в корневой морфеме. Таким образом, здесь чаще бывают многочисленные видовые альтернатии: -hnúť/-hýbat'/-hýnat', nadchnúť/-dchýnat', -tknúť/-týkat'/-tkýnat' и др., по аналогии и zdochnúť/-chýnat'.

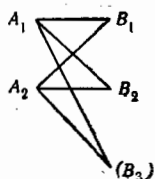
Значительная пестрота видовых альтернатий у приставочных перфективов типа padnúť' дает возможность возникновения довольно частых и разнообразных многочисленных видовых альтернатий. Отметим хотя бы некоторые типы: -tíchnúť — -tíchat'/-tichovat', -behnúť — -biehat'/-behávat'/-behovat'/-behúvat', -padnúť — -padat'/-padávat'/-padovat'/-padúvat', -vrhnúť — -vrhat'/-vrhávat'/-vrhovat', -schnúť — -sychat'/-schýnat'/-sychávat' и др.

¹⁵ В видовой паре -tísnúť' /-tískat' наблюдается известная неправильность, которая состоит в том, что в группе -skn- выпал согласный -k-.

У приставочных глаголов типа *radnúť* можно зафиксировать многочленные видовые альтернации модели

$$A \left\{ \begin{array}{l} B_1 \\ B_2 \\ (B_3) \end{array} \right. \text{ и модели } \left. \begin{array}{l} A_1 \\ A_2 \end{array} \right\} B, \text{ т. е.}$$

с двумя перфективными членами, противостоящими одному имперфективному. Например: *vyľúpnuť/vyľúpiť* — *vyľupovať*, *vyhrýznúť/vyhrýzť* — *vyhrýzať*, *škrtnúť/škrtať* — *škrtať*, *zrieť* *sa*¹/*zrieť* *sa*¹ — *zrieť* *sa*² и др. Не являются единичными и многочленные альтернации модели

Например: *zarieknúť/-zariieť* — *zariekať/zariekavať* или *vytrhnúť/vytrhať* — *vytrhávať/vytrhovať/vytrhávať*.

Кратко рассмотрим остальные типы видовых альтернаций. Приставочные перфективы на *-ovať*'/*-ujem/-ujú* обычно образуют многочленные видовые альтернации с имперфективами двойного типа: *-úvať*'/*-ovávať*', например:

$$\text{spracovať} \left\{ \begin{array}{l} \text{spracúvať} \\ \text{spracovávať} \end{array} \right.$$

В современной норме предпочтение отдается имперфективам с суффиксом *-úva-* (*premenúvať*, *prebojúvať* и т. п.), поскольку они для словацкого языка более характерны, чем имперфективы со сложным суффиксом *-ováva-*. Однако в тех случаях, когда в корневой морфеме имеется долгота, чаще бывают — в силу закона ритмического сокращения долгот — формы типа *prečíslovať*, *podmínovávať*, *zúčtovávať* и т. п.

От приставочных перфективов типа *rozumieť*'/*-ie/-ejú* имперфективы регулярно образуются посредством суффикса *-va-*, который присоединяется к основе инфинитива, заканчивающейся на дифтонг *-ie-*: *dorozumieť*' *sa*/*umievať*' *sa*, *očernieť*'/*očernievať*' и т. п. Только *vyhovieť*' имеет имперфектив *vyhovovať*' и экспрессивный глагол *skrepenieť*' имеет имперфектив *skrepiňať*' по аналогии с *zdochýnať*, *skapínať*' (но с *-ň-* в основе).

Приставочные перфективы типа *vidieť*'/*-í/-ia* образуют имперфективы (сходно с типом *robiť*'/*-ím/-ia*) посредством суффикса *-a-* и характерных альтернаций в корневой морфеме (например:

-vraviet'/-vrávat'; -horiet'/-hárat', -mysliet'/-mýšl'at' (sa) и т. п.) или при помощи суффикса -ova- (например: prekupiет'/-kypovat'/-kúpat', -letiet'/-letovat'/-lietat'/-letávat'/-letúvat').

Редкие приставочные глаголы типа kričat'/-í/-ia образуют имперфективы при помощи сложного суффикса -iava-, суффикса -ova-, изредка и суффикса -a- (с количественной альтернативой в корневой морфеме): -mlčat'/-mlčiavat'/-mlčovat', -držat'/držiavat'/-držat'/-držovat'. Глаголы с основой -spa(t') имеют имперфектив -spávat'.

Приставочные перфективы типа niesť'/nesiem/nesú образуют вторичные имперфективы посредством суффикса -a- с разнообразными относительно нерегулярными вокалическими и консонантическими видовыми альтернативами: -triat'/'-triasat', -pást'/'-pásat', -liezť'/-liezat', -hrýzť'/-hrýzat', -pliešť'/-pletat', -miest'/'-metat', -rást'/'-rastat', -priasť'/-priadat', -jest'/'-jedat', -vliecť'/-vliekat', ob-/vyz-licť'/-liekat', -tláť'/-tlákat', -piecť'/-pekat', -tiecť'/-tekat', -hriebsť'/-hrieбат', -niest'/'-násat', -viest'/'-vádzat', -viezť'/-vážat', -môcť'/-máhat'¹⁶.

При помощи суффикса -a- образуют имперфективы и приставочные перфективы типов brat'/beriem/berú и triet'/triem/trú. В этом случае возникли видовые альтернативы непродуктивных типов -drat'-dierat', -stlat'/'-stliet' и -driet'/'-dierat', -sriet'/'-stierat', но -brat'/'-berat' (в виде исключения zobrat'/'zbierat') и -zriet'/'-zerat'. Нерегулярной является видовая альтернатива -hnať'/'-háňat' (наряду с -honit'/'-háňat').

Приставочные перфективы типа hynúť'/'-niem/-nú образуют имперфективы тремя способами: посредством суффикса -a- с альтернативой -n-/'-ň- и с количественной альтернативой в корневой морфеме, при помощи суффикса -ova- и, наконец, посредством суффикса -va- с утратой -n- и с удлинением гласного в корневой морфеме. Здесь часто встречаются дублиеты. Например: -hrnúť' — -hrňat'/'-hrnovat'/'-hrňovat', -sunúť' — -súvat'/'-sunovat', -plynúť'/'-plývat', od-/s-počínúť'/'-počívat', -klenúť'/'-klenovat' (sa), но также и -vinúť'/'-vit' — -víjat'/'-víňat'/'-vinovat' (со смысловой дифференциацией). Нерегулярной является видовая альтернатива pa-/o-/pri-/s-/roz-pomenúť'/'-pomínat' (sa).

От приставочных перфективов типа žut'/'žujem/žujú имперфективы образуются регулярно при помощи суффикса -va- и удлинения конечного гласного в корневой морфеме: -žut'/'-žúvat', -dut'/'-dúvat', -kryť'/'-krývat', -myť'/'-mývat'; -šiť'/'-šívat', -hniť'/'-hnívat', -žiť'/'-žívat'; -sat'/'-sávat'; -chviet'/'-chvievat' (sa), -spieť'/'-spievat', -zriet'/'-zrievat'.

¹⁶ О нерегулярных видовых альтернативах см.: Š. P e s i a r. Vidová alternácia *te-á* v slovenčine. — SR, 33, 1968, стр. 65—72; О н же. Nепродуктивне а неправилне видове альтернативе в slovenčine. Там же, стр. 154—162.

У глаголов типа *hriat'*, кроме этого, возникает альтернация *-ia/-ie-*: *-hriat'/-hrievat'*, *-liat'/-lievat'*, *-smiat' sa/-smievat' sa* и т. п.

Только основы *-bi(t')*, *-pi(t')*, *-vi(t')*, *-vy(t')*, *-doby(t')* имеют форму имперфектива на *-ijat'* (*-ýjat'*), в которой *-j-* от основы презенса.

Приставочные перфективы непродуктивного типа *žat'/žnem/žnú* образуют нерегулярные видовые альтернации *-čat'/-čínat'*, *-pät'/-pnút'//-pínat'*, *-jat'/-ňat'//-jímat'/-nímat'*, *vy-/zo-/od-žat'¹//-žínat'*, *za-/roz-žat'²//-žihat'*.

Перевел со словацкого

Л. Н. Смирнов

Производные безличные глаголы в болгарском литературном языке

М. Г. Рожновская

Среди безличных глаголов болгарского литературного языка значительное место занимают глаголы, которые предстают как своего рода вторичные по сравнению с другими безличными глаголами. Они характеризуются тем, что являются производными от слов, употребляющихся в свою очередь как сказуемое безличного предложения. Одни из таких производных безличных глаголов не заключают в себе какого-либо типа с заметной продуктивностью и с охватом морфологически разных производящих основ (к производным глаголам подобного рода относятся, например, глаголы *смръква се—смръкне се*, *разсъмва се—разсъмне се*, образованные от *мръква се—мръкне се*, *съмва се—съмне се*). Вместе с тем среди производных безличных глаголов болгарского языка четко выделяется особая группа, единая по формальным признакам, проходящая через всю систему безличных предложений и весьма специфическая с точки зрения обычных для языка норм в области словообразования. Рассмотрение этой группы и является предметом настоящей статьи.

Известно, что отличительным признаком безличных предложений является отсутствие подлежащего и своеобразие сказуемого, состоящее в невозможности употребления при нем подлежащего. В функции сказуемого безличных предложений выступают глаголы и так называемые безлично-предикативные слова (совпадающие по своей форме или с наречиями на *-о* или с существи-

тельными). Глаголы, выступающие в функции сказуемого безличных предложений, не однородны с точки зрения категорий лица и безличности. Среди них имеются: а) безличные глаголы, характеризующиеся тем, что при них невозможно употребление именительного падежа существительного или местоимения; б) личные глаголы (безличный характер предложений с этими глаголами обуславливается не самими глаголами, а их синтаксическими связями); в) глаголы, представляющие собой переходную ступень между личными и безличными; г) безличные формы с *се* (это формы, образованные путем прибавления элемента *се* к личной форме глагола в 3-м лице ед. числа, т. е. безличный характер которых обусловлен элементом *се*. Несмотря на известное сходство безличных форм с *се* с безличными глаголами, они отличаются от этих последних по своим грамматическим свойствам в целом и представляют собой самостоятельное языковое явление)¹.

Рассмотрим, в каком отношении находятся интересующие нас производные безличные глаголы к перечисленным категориям слов. Среди этих глаголов выделяются в соответствии с их грамматическими особенностями следующие группы:

1. *до мързи*: Ханджар също подигна очи. . . , но *го домързя* да стане и си остана на сянка (Йовк.); *Домързя го* да става, да пали лампата (Л. Стоян.);

при боли: И сега, убит зверски, изложен на поругание, те *го* гледаха като че им беше роден брат, *приболя ги* като за роден син (Кор.);

догневее: И двамата щяха да се пръснат от яд. *Догневя ги* страшно (Влайк.);

догрешее: Що ми уби кучето, Дечо? Не *те* ли *догреша*? (Чуд.); — Петстотин лева, булка! *Догреша ме* да взема толкова пари (Карасл.);

досмешее: Иван видя в очите му зъл огън и *го досмеша* (Е.-П.);

досрамее: Как не *ги досрамя* тия хора да ме лъжат! (Йовк.); *Досрамя го* после откак *го смъррах*, ама стане ли дума за Пена — одма, човек ще пада (Даск.); Зачерви се Венета, па *я досрамя* по-нататък да моли, като знаеше кой е бай Камен, и само добави. . . (Даск.);

дострашее: — . . . Бяха пради дъждове нагоре по байрите, само като *я погледнеш*, да *те дострашее* (Веж.); Що си е право *достраша ме*, хвърлих пушката. . . (Веж.); «В Клисура *ме достраша*, самичка и отхвърлена. . .» (Ваз.); . . . обелил очи — отново *ме достраша* (Веж.);

доядее: Стана й много мъчно и много *я доядя* (Влайк.).

Первые два глагола образованы от глаголов посредством приставок *до-* и *при-*: *до-мързи*, *при-боли*. Глаголы, от которых они

¹ Подробно по затронутым проблемам см.: М. Г. Рожновская. Безличные предложения в современном болгарском литературном языке. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959.

образованы — *мързи, боли*, сами употребяются в функции сказуемых безличных предложений: Но когато дойде лето, но когато дойде пек, псето — знаете — проклето, страшно много *го мързи* (Н. Вапц.); — . . . Да ме извиците, госпожа, знам где *ви боли*, но няма да *ви го кажа* (Е.-П.).

Остальные безличные глаголы образованы от именных основ путем комбинированного префиксально-суффиксального словообразования — посредством приставки *до-* и суффикса *-е-*: *до-гнев-ее, до-греш-ее, до-смеш-ее, до-срам-ее, до-страш-ее, до-яд-ее*. Основой образования этих безличных глаголов являются безлично-предикативные слова с формой существительного *гняв, грях, смях, срам, страх, яд*: *Гняв ме е*, като *го гледам такъв* (из грамматики); — *Хубаво, хубаво, не те е грях!* (Е.-П.); — *Кмете, ти защо се смееш?* — *Смях ме е* (Е.-П.); «*Аз не мога да го арестувам. Срам ме е. Той е наш съюзник*» (Даск.); — *Ний действуваме така открито, и така се разгащихме, щото ме е страх*, каза Франгов (Ваз.); — *Ще ми дойдат годещари, затова. Що, тебе яд ли те е?* (Даск.).

Все перечисленные производные безличные глаголы выступают в безличных предложениях в роли сказуемого, имеющего обязательное прямое дополнение², так же как и слова, от которых они образованы.

2. п р и т ъ м н е е: *Аз чух из стаята си стъпките на турците и разбрах, че идат за мене, и ми притъмня* пред очите (Ваз.); *На Спасов притъмня* пред очите, той не отговори (Ваз.);

д о ж а л е е: *Дожаля му* за нея (Л. Стоян.); . . . и я погледна с такава скръб, че *на Цвета дожаля* (Е.-П.); — . . . *Май за труда ми дожаля* и за потта на народа. . . (Веж.); *Пантев вървеше пеша: не беше свикнал да язди, пък и в тоя надолен път му дожаля* за добичето (Л. Стоян.);

д о к р и в е е: . . . *дори да изпсува понякога, когато му докривее* (Л. Стоян.); И, както правеше винаги, когато *и докривееше* много, тя се разшета бързо, завика и се заокайва (Йовк.);

д о м љ л е е: — Как така ще го биеш? Няма ли да *ти домилее*, да размислиш, че за някаква си нищожна заплата биеш брата си? (Е.-П.); . . . *Ех, стари и беззъби дяволи, наклекали по колибарските прагове и оброчища, вижда се, че ви е домилляло* за изпусяните кожи! (Велк.);

д о м љ ч н е е: *Домъчняло на Сивушко* — бил неопитен и млад (Н. Вапц.); *Тя не беше голяма и Казака нищо не му каза, но му домъчня* малко, защото не знаеше защо му я задържа. . . (Карасл.); *Домъчняло беше на Бърдоква* за родния му край (Велк.);

п р и з л е е: . . . *Занесли го, ама пак му призляло* и там на къшлата умрял (Йовк.);

² Обязательным мы называем тот второстепенный член, без которого данный тип безличного предложения не может быть построен.

прилоше: Зави му се свят и пак му прилоша (Е.-П.); За кого са капките? Да не е прилошало на госпожица Шопова? (Л. Стоян.); — Жив, Бойчо, сестро, жив, кажи на кака Гинка, че ми прелоша, та си отидох. . . (Ваз.);

примъчнее: Момичето беше станало напоследък много чувствително и, като му примъчнееше, плачеше, но никому не казваше (Даск.);

причернее: А ти да не знаеш много, че както ми е причернело. . . (Л. Стоян.); . . . Иначе току виж някой ден ми причерняло, та не знам какво ще направя. . . (Веж.); — Не, Ибрахим ага, не съм ятак на Синапа, но казвам, че когато хората мрат от глад и им причернее пред очите, не знаят какво правят (Л. Стоян.).

Глагол *притъмнее* образуван посредством приставки *при-*: *при-тъмнее*. Глагол *тъмнее* также употребляется в роли сказуемого безличных предложений: Дядо попе, хвърли брадвата на страна, че ми тъмнее пред очите. . . (Е.-П.).

Все другие глаголы данного здесь списка образованы от именных основ посредством приставок *до-* или *при-* и суффикса *-е-*: *до-жал-ее*, *до-крив-ее*, *до-мил-ее*, *до-мъчн-ее*, *при-зл-ее*, *при-лош-ее*, *при-мъчн-ее*, *при-черн-ее*. Эти безличные глаголы образованы от основ безлично-предикативных слов *жал*, *криво*, *мило*, *мъчно*, *зле*, *лошо*, *черно* (в большинстве это безлично-предикативные слова на *-о*, лишь *жал* имеет форму существительного): — . . . *Жал ми е* за момичето, но какво да правя, тя абсолютно нищо не знае. . . (Е.-П.); Хей момче, защо плачеш? — *Криво ми е* (Карал.); Дано се отърве горкият, *мило ми е* за младостта му. . . (Ваз.); *На Петър му беше мъчно* (Е.-П.); — *Зле ми е*, много ми е зле, момчета! (Е.-П.); — А, *лошо му е* на тоя чист въздух (Е.-П.); Все *черно ти е* пред очите! — въздъхна бай Нончо (Гул.).

Все приведенные здесь производные безличные глаголы употребляются как сказуемое безличных предложений с тем же обязательным так называемым «дательным» дополнением, что и слова, от которых они образованы.

З. доиграе се: От кога, от кога той не е играл на топ. Как му се е доиграл! (Е.-П.);

допи е се: . . . че като му се допиело, влизал си у някоя къща и докато се не нарязвал хубаво, не си излизал (Даск.); Ако някому се допиеше, отиваше в кръчмата на Нако (Велк.);

доплаче се: От топлината, от тихото блееене, от приятния завет, от чувството, че се е спасил от страшни опасности — кой знае защо изведнаж му се доплака (Веж.); *Доплака се на съдиште*, като видяха жалната картина (Е.-П.); *На Марина се доплака* (Карасл.);

доспи се: Когато и вам се доспи, влезнете и легнете си, както завърнете (Ваз.); Сега да си лягаме, че ми се доспа (Влайк.);

дояде се: И още повече му се дояде сред тия прости и тихи хорица (Даск.);

п р и я д е с е: — Аз не съм гладен, пък и ако ми се *прияде*, ще стана, сега ми е по-харно (Карасл.).

Указанные глаголы образуются подобным же образом, как и производные глаголы двух предыдущих групп. К безличной форме с *се* прибавляются приставки *до-* или реже *при-*: *до-играе се*, *до-пие се*, *до-плаче се*, *до-спи се*, *до-яде се*, *при-яде се*. Функционирование безличных форм с *се* *играе се*, *пие се*, *плаче се*, *спи се*, *яде се* можно продемонстрировать следующими примерами: «Хванахме се на хорошо и да не ни се *играе*, ще скачаме!» (Карасл.); Като си помисля, *плаче ми се*, господо (Е.-П.); . . . а той чувствуваше още отсега, *при първите вечерни сенки*, че *му се спи* (Веж.); Похапни си, и да не *ти се яде*, похапни (Йовк.).

Ети производные безличные глаголы подобно безличным формам с *се*, от которых они образованы, употребляются как сказуемое предложений с обязательным «дательным» дополнением.

К производным безличным глаголам, образованным от безличных форм с *се*, относятся и глаголы, которые отличаются от уже перечисленных тем, что имеют при себе так называемое «*да-изречение*»:

д о и с к а с е: *Доиска му се* страшно *да я види* (Е.-П.); *На Агата пак се доиска да плаче*, но се удържа и остана на мястото си (Йовк.);

д о щ е с е: *Доця му се да извика* с всички сили и го спря. . . (Велк.); *Доця му се да знае*, кое бе онова момиче, гдето вървеше с Донка (Влайк.); *Доця ми се да разгледам* по-подробно хотела (Бел.);

п р и и с к а с е: . . . че на *Гарчо се прииска* веднага след свършването на срещата *да иде* с тях и *види* (Даск.); Как *се прииска на Янко да викне* да запее или да се търколи на полянката. . . (Кор.); *Прииска ѝ се отново да се мушне* в затоплените завивки, отново да се унесе в утринната просъница, да си помечтае (Гул.).

Образование этих глаголов подобно образованию уже рассмотренных: *до-иска се*, *до-ще се*, *при-иска се*. Употребление исходных безличных форм с *се* можно видеть в следующих примерах: *Не му се щеше да влезе* в къщи (Е.-П.); Мъчи го само вечният пушачески гъдел, *иска му се да запуши*, задува за топлия тютюнев дим (Карасл.).

Из приведенного материала видно, что все производные безличные глаголы образованы от тех слов, которые сами употребляются в роли сказуемого безличных предложений³. Морфологическая сторона здесь не имеет значения. Об этом свидетельствует тот факт, что процесс образования безличных глаголов ох-

³ В некоторых случаях производный глагол является более употребительным, чем то слово, от которого он образован. Например, такие предложения, как «*Черно ми е пред очите*», в современном болгарском литературном языке употребляются меньше, чем предложения с производным глаголом *причернява* — *причернее*.

ватывает и глагольные и именные основы (*плаче се — доплаче се, страх — дострашее*), что образование производных безличных глаголов возможно и от безличного глагола (*мързи — домързи*), и от глагола, стоящего на границе между личными и безличными глаголами (*боли — приболи*), и от личного глагола (*тъмнее — притъмнее*), и от безличной формы с *се* (*спи се — доспи се*).

Следует отметить, что безличные глаголы образуются далеко не от всех слов, употребляющихся как сказуемое безличного предложения. Такие образования возможны только от слов, которые в безличном предложении имеют при себе обязательное прямое или «дательное» дополнение (это слова, характеризующие состояние человека). Можно указать здесь еще и тот факт, что почти все производные безличные глаголы образованы от односложных основ. Исключением в нашем материале является, например, глагол *доиграе се*.

Производные безличные глаголы сохраняют синтаксические связи тех слов, от которых они образованы. Они также употребляются с обязательным прямым или «дательным» дополнением. Соответствия наблюдаются и в области других второстепенных членов.

Образование всех указанных безличных глаголов происходит по одному типу: к основе прибавляется приставка *до-* или *при-* (именная основа получает, кроме того, суффикс *-е-*, являющийся в болгарском языке продуктивным суффиксом, с помощью которого производятся глаголы от имен существительных и имен прилагательных). С основами слов, имеющих прямое дополнение, употребляется главным образом приставка *до-*. С основами же слов, имеющих «дательное» дополнение, употребляются обе приставки.

Все приведенные производные безличные глаголы являются глаголами совершенного вида. Вместе с тем в языке наблюдается дальнейшее образование от этих глаголов несовершенного вида, например, *догрешее — догрешава*: *Догрешава ме. . .*, като гледам, че се мъчи така (Ваз.); *досрамее — досрамява*: — . . . Само като си помисля какви хора са те — *досрамява ме*, от всичко ме досрамява (Веж.); *притъмнее — притъмнява*: Пред очите му *притъмнява*, той се полюлява, изпуца пушката си и, с прострени напред ръце, пада ничком на земята (Йовк.); *дожалее — дожалава*: Като гледах как се измъчва, горката, над тая непосилна работа, *мен ми дожалаваше* за нея (Влайк.); *призлее — призлява*: Като я видеше Цочо, като че *му призляваше*, но тя отдалече го заподпитва, някой път му каже много здраве от Петрунка, друг път му рече. . . (Григ.); *прилошее — прилошава*: *На Райна ѝ прилошава* (Вас.); *Стори ѝ се че ѝ прилошава* и че ще падне (Карасл.); *примъчнее — примъчнява*: Само на обед и вечер, като си отиваха работниците, изхвърлени от фабриката подобно на

кълба стуря из корема ѝ, *му примъчпяваше* (Даск.); *п р и ч е р н е е — п р и ч е р н я в а*: Когато малко надигнеште глава, пред очите *му причерпяваше* и той губеше свят (Анг.); *д о п л а ч е с е — д о п л а к в а с е*: Свилен усети, че *му се доплаква* (Веж.); — . . . Не е ли това трогателно, не *ти ли се доплаква* като го гледаш? (Е.-П.); *И му се доплакваше* (Велк.); *д о и с к а с е — д о и с к в а с е*: Доискваше *му се* при туй да се поразтъпче някак, за да забрави своето тегло, да се позамее и пошегува (Влайк.); *п р и и с к а с е — п р и и с к в а с е*: — . . . Само като ги види и *му се приискава* да му оскубе мустаците (Веж.).

Все указанные факты свидетельствуют о том, что рассматриваемый нами способ образования безличных глаголов — явление единое и имеющее базой безличные предложения.

Материал, который касается производных глаголов от безличной формы *с се*, содержит и другие факты, ярко обнаруживающие, что словообразование в данном случае идет не от морфологических, а от синтаксических единиц языка.

Как уже было указано, прибавление приставок *до-* и *при-* к исходным глаголам дает производные безличные глаголы совершенного вида. Глаголы, образованные от безличных форм *с се*, *доиграе се*, *допие се*, *доплаче се*, *достиге се*, *дояде се*, *прияде се* по своей форме подобны всем остальным производным безличным глаголам. Формальная принадлежность глаголов *доиграе се*, *допие се*, *доплаче се* и т. д. к глаголам совершенного вида подчеркивается и тем, что от них образуются путем прибавления суффикса имперфективации глаголы *доплаква се* и др. При изучении безличных предложений болгарского языка такое видовое оформление указанных глаголов привлекает внимание исследователя в силу следующей причины.

Одним из типов безличных предложений болгарского языка являются предложения, которые состоят из безличной формы *с се* и обязательного «дательного» дополнения, представляющего собой дательный субъекта. Эти предложения имеют, помимо общности в формальном построении, и общее грамматическое значение: они выражают значение желания производить какое-нибудь действие, причем возникновение этого желания не зависит от воли лица, с которым желаемое действие связано. Например: *Свирише ѝ се* на пиано в тишината на вечерния здрач. . . (Дим.); . . . и на *Бойко*, навярно, много *му се работи*. . . (Вас.); Приятно *му е така*, *лежи му се*, поуспокоен и затоплен (Карасл.); — . . . А пък на вас, ако *ви се живее* още, оставете си пушките на пътя и един по един елате тук! (Велк.); *На Монката се не спеше* (Е.-П.); — Е, и на мене *ми се отива* в Швейцария, чичовото, но. . . паричите ни не стигат (Зид.); — *Кому се яде*, нека си набере (Е.-П.).

Безличные предложения этого типа представляют собой в болгарском языке явление продуктивное, но их образование производится в определенных границах. Одной из таких границ является

вид глагола: безличная форма с *се* этих предложений может быть образована только от глагола несовершенного вида.

В тех случаях, когда необходимо употребить глагол совершенного вида, в болгарском языке используются другие безличные предложения, функционирование которых тесно связано (и не только в области вида глагола) с функционированием только что приведенных предложений. Мы имеем в виду предложения, которые по своим формальным признакам и значению близки к только что приведенным, но отличаются тем, что включают в себя безличную форму с *се* не глагола, выражающего желаемое действие, а глагола с лексическим значением желания — *иска* или *ще*, связанного союзом *да* с личной формой глагола, выражающего желаемое действие (таким образом, значение желания, выражаемое в приведенных выше предложениях грамматически, выражается в этих близких им предложениях лексическим элементом), например: *Искаше му се да извика, да разбере* къде е, какво става с него, но не можеше (Л. Стоян.); . . . и хем вярва, хем *й се не ще да поярва* (Даск.); . . . *не им се искаше да свършат* (Даск.); Мъчи го само вечният пушачски гъдел, *иска му се да запуши*, жадува за топлия тютюнев дим (Карасл.); *Искаше й се да побегне*, но остана (Е.-П.); *Неи* навярно *се искаше да остане*, но тя, хулена и тъпкана толкова години, не можеше да надделеет над себе си (Е.-П.); Тя чувствува, че не *ще може да утрае повече тук и й се иска да избяга* (Е.-П.).

Употребление глаголов несовершенного вида и совершенного вида наглядно можно продемонстрировать на следующих предложениях с параллельными глаголами:

1) — *Не ми се вярва* (Карасл.); И хем мажеше, хем *й се плачеше* (Карасл.); — *Мен ми се спи*, тетко (Е.-П.);

2) *Искаше му се да поярва*. . . (Веж.); Притискаше я мъка, *щеше й се да заплаче* (Карасл.); *Искаше му се да заспи*. . . (Карасл.).

Интересующие нас производные глаголы *доиграе се*, *допие се*, *доплаче се*, *достиги се*, *дояде се*, *прияде се* выпадают из этой нормы построения безличных предложений. Хотя эти глаголы и имеют форму совершенного вида, они употребляются в первом из приведенных двух типов безличных предложений, требующем постановки глагола несовершенного вида. Например: *Доплака се на Тунко*, като го видя тъй сдавен. . . (Даск.). Это противоречие в закономерности соотношения видового типа глагола и структурного типа безличного предложения становится объяснимым, если принять во внимание существование словообразования не от морфологических, а от синтаксических единиц языка. В данном случае словообразовательный процесс прибавления приставки является следующей ступенью в языковом механизме по сравнению с синтаксическим процессом образования безличного предложения.

К такому выводу приводит и еще один факт. Известно, что при присоединении приставки значение совершенности связывается

с лексическим значением глагола. Такова общая норма языка. В интересующем нас материале обнаруживается иное положение. Как уже говорилось, производные безличные глаголы *доиграе се*, *допие се*, *доплаче се*, *доспи се*, *дояде се*, *прияде се* образуются от безличных форм с *се* *играе се*, *пие се*, *плаче се*, *спи се*, *яде се*, выступающих в предложениях типа *Плачеше ѝ се* (Карасл.), которые выражают значение желания производить какое-нибудь действие. Это значение является их грамматическим значением, т. е. значением самой синтаксической конструкции. Анализ предложений с производными безличными глаголами *Доплака ми се* (Веж.); *Как му се е доиграло!* (Е.-П.); . . . *че ми се доспа* (Влайк.) и т. п. обнаруживает, что при присоединении приставки к безличной форме с *се* значение совершенности связывается не с лексическим значением глагола, а с грамматическим значением желания, присущим данному типу безличных предложений. Приведенное предложение *Доплака ми се* аналогично по смыслу предложению *На Агата пак се доиска да плаче. . .* (Йовк.), где совершенный вид имеет глагол с лексическим значением желания, а глагол, выражающий желаемое действие, стоит в несовершенном виде.

Наблюдаемый факт использования механизма присоединения приставки к глаголу для изменения видовой характеристики грамматического значения синтаксической конструкции является весьма специфическим и представляет интерес для теоретической грамматики болгарского языка.

Принятые сокращения

Анг.	Д. Ангелов	Даск.	С. Даскалов
Бел.	Г. Белев	Дим.	Д. Димов
Ваз.	И. Вазов	Е.-П.	Елин-Пелин
Н. Вапц.	Н. Вапцаров	Зид.	К. Зидаров
Вас.	О. Василев	Йовк.	И. Йовков
Веж.	П. Вежинов	Карал.	А. Каралийчев
Велк.	Кр. Велков	Карасл.	Г. Караславов
Влайк.	Т. Влайков	Кор.	Е. Коралов
Григ.	Кр. Григоров	Л. Стоян.	Л. Стоянов
Гул.	А. Гуляшки	Чуд.	Чудомир

Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке (сравнительно с русским)

Л. Н. Смирнов

При сопоставительном изучении двух близкородственных языков большое значение имеет выявление различий в употреблении тождественных грамматических форм, представленных в обоих языках. Так, анализируя видо-временную систему словацкого глагола, можно обнаружить некоторые особенности функционирования словацких форм претерита совершенного вида по сравнению с употреблением форм прошедшего совершенного в русском языке. Об одной такой особенности мы уже писали¹. В предлагаемой статье отметим другую характерную черту функционирования словацких форм претерита совершенного вида — их употребление в сочетании с отрицанием *nikdy* 'никогда'. Речь идет об отрицательных конструкциях типа *nikdy nedovolil* (букв. 'никогда не разрешил'), *nikdy neurobil* (букв. 'никогда не сделал'), *nikdy nerovedala* (букв. 'никогда не сказала'), *nikdy neprišla* (букв. 'никогда не пришла'), *nikdy nezabudli* (букв. 'никогда не забыли') и т. п.

Считается, что в русском языке в аналогичных конструкциях (никогда + не + форма прошедшего времени) чаще всего употребляются глаголы несовершенного вида². Например: — *Никогда я вам этого не рассказывал. . .* (Дост. 59). Он посмеивался над собой и никогда не жаловался (Гран. 76) и др. Однако в сочетании с *никогда не* в определенных случаях и в русском языке может выступать форма прошедшего совершенного. Этот вопрос еще мало изучен³.

По нашим наблюдениям, в сочетании с *никогда* могут выступать формы прошедшего времени несоотнесенных (непарных) глаголов совершенного вида. Например: . . . тем, что никогда ей не обмолвился об этом револьвере (Фед. 72). Если же говорить

¹ См.: Л. Н. Смирнов. Употребление форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в словацком литературном языке. — КСИС, 35. М., 1962, стр. 29—43.

² См.: А. А. Спигис. Об употреблении глаголов несовершенного и совершенного вида с обстоятельственными времени и образа действия. «Русский язык для студентов-иностранцев». М., 1961, стр. 175.

³ Некоторые случаи подобного употребления глаголов совершенного вида отмечает А. А. Спигис (см.: указ. соч., стр. 175—176).

о глаголах парно-соотносительных по виду, то употребление формы совершенного вида в рассматриваемых конструкциях возможно главным образом при усиленном отрицании. При этом как правило в предложении имеются дополнительные средства, подчеркивающие общий отрицательный смысл высказывания. Например: Ни на другой день, когда поднялась тревога, и никогда потом во всю жизнь, никому и в голову не пришло заподозрить настоящего злодея (Дост. 383). Ср. также: отец никогда его и пальцем не тронул; ты даже никогда не спросил об этом; я так никогда и не встретил этого человека. Средством усиления отрицания могут быть выражения типа: *ни разу, ни одного раза, ни одного слова*⁴ и т. п. Ср.: Я, разрывая, любил не ссориться. И никогда не выдавал, никогда ни одну не ославил (Дост. 140).

Следует оговориться, что и в подобных случаях употребление формы совершенного вида не всегда является обязательным. И при усиленном отрицании в указанных конструкциях могут использоваться формы прошедшего несовершенного. Например: — Надо справиться. От истерики, впрочем, никогда и никто не умирал (Дост. 292). Никто никогда не занимался твоей историей (Гран. 83). Ср. также: Он никогда никому не сделал (не делал) ничего плохого.

Форма прошедшего совершенного может выступать в отрицательных конструкциях с *никогда* также при ярко выраженной экспрессивности высказывания. Например: Нет! Он никогда не упрекнул меня в этом.

Итак, в русских отрицательных конструкциях типа *никогда + не + форма прошедшего времени* наиболее часто выступают глаголы несовершенного вида⁵. Это особенно характерно для нейтрального контекста. В экспрессивно окрашенных высказываниях, а также при усиленном отрицании в подобных конструкциях употребляются и формы прошедшего совершенного⁶. Такое употребление форм прошедшего совершенного в русском языке является статистически редким и в сущности обусловленным⁷.

⁴ Ср.: там же, стр. 176.

⁵ Так, у Ф. М. Достоевского (Братья Карамазовы. Ч. 1—3. Собрание сочинений, т. 9. М., 1958) мы зафиксировали 50 примеров отрицательных конструкций с *никогда* и формой прошедшего времени; из них только два случая с глаголом совершенного вида. В книге Д. Гранина «После свадьбы» (Л., 1959) мы отметили около 30 подобных конструкций. Среди них не оказалось ни одной с формой прошедшего совершенного.

⁶ Нельзя согласиться с теми лингвистами, которые полагают, что в конструкциях *никогда не + прошедшее время* вопрос о выборе вида решается однозначно, что здесь предопределена форма несовершенного вида. Ср.: А. Б. Д о л г о п о л ь с к и й. Категория вида в русском языке и вероятностный характер связи означаемого с означающим. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963, стр. 270.

⁷ Разаумеется, речь идет об изъявительном наклонении, так как в сослагательном наклонении употребление совершенного вида в аналогичных кон-

В словацком языке в сочетании с *nikdy* употребляются как формы претерита несовершенного вида, так и формы претерита совершенного вида. Приведем несколько примеров с глаголами несовершенного вида: *Doktora nikdy nevolal* (Čaj. 118). *Ale sa nikdy nevadil so ženou ani nikdy nekríчал na deti* (Heč. Sv. t. 189). *V zasklenej stene boli tri široké obloky. Nikto ich nikdy neotváral* (Bed. C. 95). *Jej duša túžila po lepšom, krajšom živote a nádej ju nikdy neopúšťala* (Krno. 97). Словацким отрицательным конструкциям с *nikdy* и претеритом несовершенного вида в русском языке соответствуют аналогичные конструкции с формой прошедшего несовершенного: *никогда не звал; никогда не ссорился и никогда не кричал на детей; никто их никогда не открывал; надежда никогда ее не оставляла.*

В отличие от русского языка в словацком языке употребление в рассматриваемых отрицательных конструкциях претерита совершенного вида не связано ни с какими-либо дополнительными средствами усиления, подчеркивания отрицания, ни с экспрессивным характером высказывания и не обусловлено морфологически. Ср. примеры с глаголами парно-соотносительными по виду: *O ničom nehovorila s láskou, nikdy neukázala, že by niečo rada videla* (Jes. 183); *Zuzka ju rada počúvala, lebo jej vedela po vôli hovoriť, tu poľutovať, tam zase niečo nového doniesť, a ani nikdy neodišla prázdna od nej* (Čaj. 126); — *No, nech som dobrý, to Adamovi nikdy nenapadlo* (Kal. 57). *Ale nikdy ho neprichytili pri číne* (Urban. Zh. sv. 19); *Moje slová otvárali jej nový svet, do ktorého ona ešte nikdy nenazrela* (Švan. 46); *Eva sa nikdy nepokúsila trhať vlčindolské konopné poriadky* (Heč. Č. v. 304); *Patrilo k dobrému právu viechárskeho host'a, že chvíľu popočúval pri dverách, čo sa deje dnu. Potom sa mu nikdy nestalo, že vošiel do zlej spoločnosti* (Heč. Sv. t. 62); *Nikdy ešte neprišlo Stázke na um také hrozné prirouvanie* (Laz. 234); *Kedysi aj ona chodila tancovať, nikdy si vtedy nevšimla, že sú na svete aj šatniarky, vrátnici* (Min. Dčč. 76); *Linczényi bol milovníkom pekných fráz, ktoré dokázal vysúkať z rukáva aj v nepríjemnej situácii. Nikdy sa však nepriznal, že by si nevedel v niečom rady...* (Krno. 60); *Nikdy som sa neodvážil vzoprieť, mal som ho rád* (Pláv. 81); *Ešte vari nikdy sa mu nepodarilo takto zaspievať* (Pláv. 120).

Число примеров подобного типа можно было бы значительно увеличить. Они отражают обычное, широко распространенное употребление форм претерита совершенного вида в сочетании с отрицанием *nikdy*. Эта черта функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке ярко проявляется и при

струкциях с *никогда* является вполне обычным, ср.: *он бы этого никогда не написал; тебе бы это никогда не пришло в голову.*

переводe с русского языка на словацкий. Например: Никогда он этого не замечал прежде (Дост. 332); 'Nikdy predtým si toho nevšimol' (Dost. 286) ... библию же одну никогда почти в то время не развертывал... (Дост. 370) '...len bibliu som v tom období skoro nikdy neotvoril...' (Dost. 319); У нее один закон, который она не высказывала никогда и который не нуждается в словах (Фед. 91) 'Mama má jeden zákon, ktorý nikdy nevyslovila a ktorý nepotrebuje slov' (Fed. 111—112). С каждой новой отметкой на листе, будь она даже от кассы взаимопомощи, которой он никогда не пользовался, словно обрывалась одна из скреп, связывавших его с заводом (Гран. 115) 'S každým novým potvrdením na lístku, hoci bolo od fondovej pokladne, ktorú nikdy nepoužil, pretrhlo sa jedno s pút, ktoré ho spájali so závo-dom' (Gran. 101).

В словацком языке конструкции с *nikdy* и претеритом совершенного или несовершенного вида могут быть представлены даже в составе одного предложения. Ср.: Ešte nikdy nechcela kráčať tak pomaly, ešte nikdy ju tak nepremohol cit (Pláv. 104); Nikdy jej nevládal povedať teplú vetu, nikdy sa jej nič neopýtal, nič jej nerozkázal, nikdy sa jej priamo neprihovoril (Heč. Č. v. 108).

Словацкие конструкции *nikdy* + отрицательная форма претерита совершенного вида и *nikdy* + отрицательная форма претерита несовершенного вида по своему общему смыслу являются в сущности синонимическими: они обозначают, что выражаемое данным глаголом действие никогда (вообще) не имело места⁸. Это сходство отражается, в частности, в случаях параллельного употребления парно-соотносительных глаголов. Ср.: nikdy nespomenul/nikdy nespomínal, nikdy sa mu neprisnilo/nikdy sa mu nensnivalo, nikdy nepovedala/nikdy nehovorila, nikdy neublížila/nikdy neubližovala. Например: Celý ten čas vedela, že ja ju milujem, aj keď som jej o svojej láske nikdy nepovedal ani slova (Dost. 207); Janovi som o tomto nikdy nič nehovoril (Dost. 129); Ale Mariši nikdy neublížila (Hron. 59). Ale bohom sa ti zaklínam, Al' oša, nikdy som neubližoval mojej klikuške! (Dost. 150).

Однако рассматриваемые конструкции по своей семантике не вполне тождественны. Их различие обусловлено прежде всего ви-

⁸ Поскольку в этих конструкциях вообще отрицается факт совершения действия, то их следует рассматривать как разновидность конструкций с так называемым «общим отрицанием». Последние представляют собой особый тип предикативного отрицания и характеризуются наличием обобщающего отрицательного выражения (в нашем случае *nikdy* и *nikогда*). Термин «общее отрицание» мы применяем вслед за чешскими лингвистами. См.: J. V a s h e k. Obecný zápor v angličtině a češtině. Praha, 1947; E. H a l f k o v á. K otázce obecného záporu v češtině. «Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouce. Jazyk a literatura». IV. Praha, 1957, стр. 11—26; Ср. также новейшую работу о конструкциях с общеотрицательным значением: E. K r j i z k o v a. K вопросу о так называемой двойной негации в славянских языках. «Slavia», 37, 1968, 1, стр. 21—39.

дом глаголов. В данных конструкциях глаголы разного вида не могут свободно в любом контексте замещать друг друга. Причем речь идет не только об одновидовых (непарных) глаголах, которые, естественно, не замещают друг друга в подобных случаях. Не всегда могут взаимозамещаться и глаголы парно-соотносительные по виду. В частности, если форма претерита несовершенного вида передает так называемый «качественный» оттенок (т. е. обозначает определенный признак субъекта, характеризующий его привычки, манеру поведения, род занятий и т. п.), то она не может быть заменена формой претерита совершенного вида. Например: — *Mýlite sa, pani diurnistka. . . moja matka nikdy nepredávala ovoce na trhu. Možno, to bola nejaká vaša rodina (Jégé. 141). 'Ошибаетесь, пани канцеляристка. . . , моя мать никогда не продавала фрукты на рынке. . .'* Здесь речь идет о том, что мать вообще не торговала фруктами на рынке. Если в этом предложении вместо глагола несовершенного вида поставить глагол совершенного вида (*moja matka nikdy predala ovoce na trhu*), то это приведет к изменению смысла высказывания: тогда данное предложение можно толковать так, что мать торговала на рынке фруктами, но ей ни разу не удалось их продать.

Хотелось бы попутно затронуть вопрос о переводе словацких конструкций *nikdy* + отрицательная форма претерита совершенного вида на русский язык. Если при переводе сохраняется аналогичная отрицательная конструкция, то обычно с *никогда* сочетается форма прошедшего несовершенного. Такой перевод во многих случаях вполне допустим. Например: *Nikdy som to neurobil 'Я никогда не делал этого'; Ona nikdy neprestala verit', že... 'Она никогда не переставала верить, что. . .'*

Вместе с тем такой перевод, по нашему мнению, не всегда достаточно точно передает значение, выражаемое словацким оригиналом. В некоторых случаях ближе к оригиналу был бы перевод с использованием формы прошедшего совершенного и дополнительных средств усиления, подчеркивания отрицания. Например: *Ernst Zachar nikdy nepochopil, že idyla o dobrých a spravodlivých pánoch, . . . idyla o verných a šťastných služobníkoch . . . neboly nikdy skutočnosťou (Krno. 47) 'Эрнст Захар так никогда и не понял (вместо никогда не понимал), что идиллия о добрых и справедливых господах, идиллия о верных и счастливых слугах никогда не была действительностью'; Štyri mesiace žije u Jonášov, večer čo večer načúva ich rozhovorom, ale nikdy sa ešte nezamiešala do nich, nikdy neprejavila svoju mienku (Laz. 160) 'Четыре месяца живет она у Ионашов, каждый вечер слушает их разговоры, но еще ни разу не вмешалась в них (вместо никогда не вмешивалась), ни разу не выразила (вместо никогда не выражала) своего мнения'; — Prečo ste ju, keď sme boli ešte u vás, nikdy nenazvali jej krstným menom, ale len „ty“, „tá“, „ona“? (Heč. Č. v. 109) 'Почему вы, когда мы были*

еще у вас, ни разу не назвали (вместо *никогда* не называли) ее по имени, а только „ты“, „эта“, „та“?»

В двух последних примерах мы заменили в переводе отрицание *никогда* выражением *ни разу*. В некоторых контекстах можно просто опустить отрицание *никогда*. Ср.: V krajskej väznici bola cela čísla päťdesiatšesť a v nej väzeň číslo päťdesiatšesť. Nikdy ho neodsúdili, no vedel, prečo je tu (Kar. 11) 'В областной тюрьме была камера 56, а в ней узник номер 56. Приговор ему так и не вынесли, но он знал, почему он здесь'.

В заключение отметим, что аналогичное употребление форм прошедшего времени глаголов совершенного вида наблюдается и в других западнославянских языках, в частности в чешском (ср.: nikdy nepřišel, kterým se nikdy nedostalo štěstí, toho nikdy nestihli, kteří se nikdy neodvážili) и в польском (ср.: później nigdy jej nie spotkał, dawniej nigdy mu się tego nie przydarzyło).

Принятые сокращения

- Gran. — Д. Гранин. После свадьбы. Л., 1959.
Дост. — Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Части 1—3. Собрание сочинений, т. 9. М., 1958.
Фед. — К. А. Федин. Первые радости. М., 1950.
Bed. C. — А. Bednár. Cudzí. «Slovenský spisovateľ». 1960.
Čaj. — J. Čajak. Poviedky. Bratislava. 1954.
Dost. — F. Dostojevský. Bratia Karamazovci. Bratislava. 1959.
Fed. — K. Fedin. Prvé radosti. Bratislava. 1950.
Gran. — D. Granin. Po svadbe. Preložil Milan Dudáš. «Slovenský spisovateľ». 1960.
Heč. Č. v. — F. Hečko. Červené víno. «Slovenský spisovateľ». Bratislava. 1952.
Heč.Sv.t. — F. Hečko. Svätá tma. Mladé letá. Bratislava. 1958.
Hron. — J. C. Hronský. Chlieb. Tatran. Bratislava. 1967.
Jégé — Jégé. Medzi nimi. «Matica slovenská». 1934.
Jes. — J. Jesenský. Novely. Transcius v Liptovskom Sv. Mikuláši. 1944.
Kal. — J. Kalinčiak. Reštavrácia. Turč. Sv. Martin. 1950.
Kar. — P. Karvaš. Toto pokolenie. «Matica slovenská». 1949.
Krno — M. Krno. Dve cesty. «Slovenský spisovateľ». 1953.
Laz. — K. Lazarová. Osie hniezdo. «Slovenský spisovateľ». 1954.
Min.Děč. — V. Mináč. Dlhý čas čakania. «Slovenský spisovateľ». 1958.
Pláv. — A. Plávka. Obrátenie Pavla. Tatran. Bratislava. 1967.
Švan. — F. Švantner. Malka. Bratislava, 1965.
Urban. — M. Urban. Zhasnuté svetlá. «Slovenský spisovateľ». 1958.

О тождестве единиц синтаксического и лексического уровней языка (на материале славянских языков)

Д. Станишева

1. Проблема определения различных уровней языковой структуры и вопросы взаимодействия их единиц привлекают в последнее время все большее внимание¹. Наиболее очевидной формой взаимной связи синтаксического и лексического уровней является «грамматикализация» лексических единиц и «лексикализация» свободных синтаксических сочетаний. Лексикализация синтаксических сочетаний происходит путем их семантического обособления и оформления как самостоятельной лексической единицы. Таким образом, из свободных сочетаний образовались сложные слова, аналитические слова² или фразеологические единицы. Грамматикализация лексических единиц происходит на основе их десемантизации, утраты словом лексической самостоятельности в связи с употреблением в новой, служебной функции³. Как очевидно, оба указанных процесса дают представление о глубоких внутренних закономерностях языкового развития и характеризуют диахронный план взаимодействия синтаксического и лексического уровней. Кстати сказать, взаимозависимость фонологической системы языка и других языковых уровней также наиболее изучена в плане их исторического взаимодействия (главным образом — взаимодействия фонологического и морфологического уровней)⁴.

¹ См., например: A. Lamprrecht. Vztah mezi fonologickým a morfológickým systémem v slovanských jazycích. «Československé přednášky pro V Mezinárodní sjezd slavistů v Sofii», 1963, стр. 71—74; P. Sgall. Zur Frage den Ebenen im Sprachsystem. — TLP, 1. Prague, 1964 (Сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969).

² О понятии «аналитическое слово» см.: Н. А. Лапотова. Глагольное аналитическое слово в современном английском языке. «Проблемы аналитизма в лексике», вып. 1. Минск, 1967, стр. 49—59.

³ См. также об одной из форм синтаксической грамматикализации, проявляющейся в «оживлении» отдельных фразеологизмов: И. С. Торопцев, А. В ур м. Заметки о системе языка и синонимии. «Bulletin Vysoké Školy ruského jazyka a literatury», IV, 1960, стр. 65—66.

⁴ См.: И. Вахек. Пражские фонологические исследования сегодня. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, особенно стр. 106 и сл.

Но если подойти к фактам языка не с точки зрения анализа единиц плана выражения, а с точки зрения синхронного анализа плана содержания, можно выяснить иную форму взаимодействия уровней, в частности лексического и синтаксического. Сравним следующие сочетания лексических единиц и синтаксические сочетания (синтагмы) современного русского, болгарского и чешского языков:

русский: *однорогая корова — корова с одним рогом*
трехглавая церковь — церковь с тремя глазами
пятиэтажный дом — дом в пять этажей

болгарский: *еднокрила птица — птица с едно крило*
четиримистна детелина — детелина с четири
листа
двумачтов кораб — кораб с две мачти

чешский: *čtyřnohý stůl — stůl o čtyřech nohách*
dvoupokojový byt — byt o dvou pokojích
devítihlavá saň — saň o devíti hlavách

Поскольку опорные компоненты обоих типов синтаксических соединений совпадают, объектом анализа по существу остаются лексические единицы (типа *однорогая, трехглавый, еднокрила, čtyřnohý* и т. д.) и соответствующие синтаксические единицы: *с + ТП* (типа *с одним рогом*), *с + общий падеж* (типа *с едно крило*), *о + III* (типа *о čtyřech nohách*).

В синтагматическом плане сравниваемые лингвистические единицы обнаруживают следующие свойства. Лексические единицы грамматически неразложимы: они состоят из формально несамостоятельных элементов: морфемы—основы имени числительного (количественного) и морфемы—основы имени существительного, соединенных в единое образование; оба компонента сложного слова являются знаменательными; порядок их следования является устойчивым: на первом месте морфема—основа имени числительного, на втором — морфема—основа существительного.

Для синтаксических единиц свойственна грамматическая разложимость; каждый из элементов, входящих в конструкцию, лексически самостоятелен; дистрибутивные свойства синтаксической конструкции специфичны и ограничены: для нее характерна структурная определенность имени существительного (имена существительные всегда выражают часть предмета, обозначенного опорным компонентом синтагмы) и структурная обязательность его окружения (при имени существительном обязательно

присутствие атрибутивного элемента ⁵, выраженного числительным); порядок расположения элементов синтагмы — постоянен.

Для выяснения парадигматических свойств лексических единиц, с одной стороны, и синтаксических единиц — с другой, необходимо сопоставить лексико-семантические признаки первых и синтаксико-семантические признаки вторых. Лексико-семантические признаки словосложений могут быть установлены из выяснения их оппозитивных связей на лексическом уровне ⁶. Обратимся к материалу чешского языка. Анализируемые лексические единицы, относящиеся к классу имен прилагательных, категориально противопоставлены соответствующим лексическим элементам класса имен существительных по признакам квалификативному—субстанциальному. Эта оппозиция ясно проявляется при сопоставлении следующих пар лексических единиц: *jednoroh: jednorohý; jednoručka: jednoruký; dvounožec: dvounohý; třílampovka: třílampový; třírohák: třírohy (klobouk); trojzub: trojzubý (trojzubá vidlice); čtyřveslice: čtyřveslový* и под. Она очевидна и в следующих контекстах: *mezi slepými jednooký králem — jednooký hrdina Jan Žižka; ubohý jednoručka — jednoruký invalida* и под. Установленный общий признак — квалификативный создает основу для сравнения следующих лексических единиц, относящихся к классу имен прилагательных: *jednokřídlý pták: bělokřídlý pták; jednoroha kráva: černoroha kráva; jednooký muž: sedooký muž; jednohohý čar: dlouhohohý čar; tříprstá ruka: krátkoprstá ruka; dvouocasý lev: krátkoocasý lev; pětilistá růže: bělolistá růže* и под. Однако эти прилагательные обладают и другим общим признаком — квалитативным, очевидным из привативной оппозиции по признаку количественному (ср. *rohátá kráva: jednorohá kráva; křídlatý motýl: dvoukřídlý motýl; ocsatý lev: dvouocasý lev* и др.); и из привативной оппозиции по признаку квалитативному (ср. *rohátá kráva: černorohá kráva; křídlatý motýl: černokřídlý motýl; ocsatý lev: krátkoocasý lev*). Первый член обеих оппозиций выражает лишь квалитативный признак (*rohátý, křídlatý, ocsatý*). Второй член 1-й оппозиции выражает и квалитативный и квантитативный признак (*jednorohý, dvoukřídlý, dvouocasý*). Второй член 2-й оппозиции выражает квалитативный признак, общий с первым членом оппозиции, и квалитативный признак, отличный от общего (*černorohý, černokřídly, krátkoocasý*). Лексические единицы *jedno-*

⁵ Определения этого рода изучены в ряде трудов М. Ивич, которая относит их к категории «обязательной детерминации» (*determinant obligatoire*). См.: М. И в í ć. *Les causes sémantiques du phénomène syntaxique nommé «determinant obligatoire»*. «Résumés des communications X-ème Congrès International des Linguistes». Bucarest, 1967, стр. 159.

⁶ Здесь необходимо подчеркнуть, что свойства каждой подсистемы возможно установить, только рассматривая ее как независимую от других подсистем того же языка.

rohý: černorohý; dvoukřídlý: černokřídlý, dvouocasý: krátkoocasý противопоставлены, следовательно, на основе двух общих признаков—квалитативного и квалификативного, по специфическим—квантитативному: квалитативному. Каждый из членов оппозиции остается нейтральным к признаку второго члена оппозиции. Следовательно, эта оппозиция имеет эквиполентный характер. Из приведенного анализа очевидно, что инвариант анализируемых лексических единиц типа *jednorohý*, *dvoukřídlý* и под. определяется квалификативным и квантитативным признаками (квалитативный признак в оппозиции *rohátý: jednorohý* не является дифференциальным).

На синтаксическом уровне процедура установления синтаксико-семантических признаков, выражаемых синтаксической конструкцией, требует привлечения большего контекста. Сравним предложения: *po silnici jel vůz o třech kolech* ('по шоссе ехала трехколесная машина') и *po silnici jel vůz s třemi koly* ('по шоссе ехала машина с тремя колесами, т. е. везущая три колеса'). Противопоставленность синтаксических моделей *o+III: s+III* определяется различием их синтаксических связей при единой лексической базе:

<i>po silnici jel vůz</i>	→	<i>o třech kolech</i>
<i>po silnici jel vůz</i>		<i>s třemi koly</i>

Синтаксическая модель *o+III* выражает квалификативный признак, признак *s+III* следует определить как социативный. Квалификативный признак объединяет те же синтаксические модели (*o+III* и *s+III*) в других контекстах: *nástroj o jedné struně: nástroj se zlatými strunami; se stropu visel svícen o několika ramenech: se stropu visel svícen s kovovými rameny; osel o jedné hlavě: osel s velkou hlavou; člověk o jednom oku: člověk se zavřenýma očima*. Они противопоставлены по признакам квантитативному, выражаемому *o+III*, и квалитативному, выражаемому *s+III* (оппозиция эквиполентного характера). Следовательно, инвариант синтаксической конструкции *o+III* определяется также квалификативным и квантитативным дифференциальными признаками.

Итак, структурный анализ лексических и синтаксических единиц чешского языка, проведенный соответственно на лексическом и синтаксическом уровне, дает возможность сделать вывод о совпадении лексико-семантических признаков лексических единиц типа *jednohlavý*, *dvoupokojvý*, *čtyřnohý* и т. д. и синтаксико-семантических признаков синтаксической конструкции *o+III* (*o jedné hlavě, o dvou pokojích, o čtyřech nohách*), а именно—квалификативного и квантитативного. Это позволяет признать их функциональное тождество, а отсюда—возможность

их интерпретации как разных вариантов одного инварианта, на синтаксическом уровне — синтаксемы⁷.

2. В русском и болгарском языках функциональный анализ лексических единиц дает те же результаты, что и в чешском. В этом отношении следует заметить, все славянские языки проявляют редкое единство. Поэтому здесь целесообразно привести соответствующий материал как иллюстрацию к процедуре, описанной на чешском материале. Опозиция по признакам субстанциональному: квалификативному очевидна из сопоставления следующих лексических единиц в русском: *двустволка* : *двуствольный*; *треуголка* : *треугольная* (шляпа); *тренога* : *треногий*; *трехоска* — *трехосный*; *пятистенка* : *пятистенная* (изба); *треугранка* : *треугранный* и под. В болгарском: *едноок* : *еднооки*; *триножник* : *триножен*; *петолъчка* : *петолъчен* и др. Общий, квалификативный, а также квалитативный признак, определяемый в оппозициях типа *крылатый* : *однокрылый* и *крылатый* : *белокрылый*, создают базу для сравнения ряда однотипных имен прилагательных и для установления дифференциальных признаков квантитативного : квалитативного⁸. Ср. в русском: *одноглазый* : *узкоглазый*; *двуногий* : *тонконогий*; *двулицый* : *желтолицый*; *стоглавый* : *златоглавый*; *трехглавый* : *большеголовый*; *трехзубый* : *белозубый*; *четырёхпалый* : *короткопалый* и под. В болгарском: *еднорък* : *дългорък*; *едноок* : *черноок*; *еднострунен* : *златострунен*; *двукрил* : *бялокрил*.

Функциональный анализ синтаксических единиц в русском и болгарском языке приводит к выводу о ином характере системных связей анализируемых единиц, чем в чешском языке. Разница заключается в том, что в этих языках квантитативно-квалитативная оппозиция синтаксическими средствами не выражена. В современном русском языке можно констатировать противопоставление *о+ПП* : *с+ТП* по признакам квантитативному: квалитативному лишь на основе учета некоторых устойчивых сочетаний, например: *палка о двух концах* : *палка с тупыми концами*, или диалектного материала : *змеи о семи головах* : *змеи с огненными головами*. В других случаях в этих языках употребляется одна и та же синтаксическая конструкция чаще всего *с+ТП* (русский) или *с+общий падеж* (болгарский). Ср. в русском: *вилы с тремя зубьями* : *вилы с железными зубьями*; *гора с двумя вершинами* : *гора с зелеными вершинами*; *дракон с пятью головами* : *дракон с гигантскими головами*; *рука с тремя*

⁷ О включении лексических единиц в число вариантов синтаксемы см. в ряде трудов А. М. Мухина, особенно в книге «Функциональный анализ синтаксических элементов» (М.—Л., 1964, стр. 252 и сл.).

⁸ В словаре Даля приведены несколько примеров употребления *о+ПП* при выражении «обязательного определения», ср.: *Храм о золотой главе, о трех головах. Печи о глухих дверках. Ведь ты не о двух головах. Стоит Потоп о четырех лап* и др. (Вл. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, стр. 565).

пальцами : рука с черными пальцами и т. д. То же — в болгарском: *столче с три крака : столче с железни крака; самолет с два мотора : самолет с мощни мотори; къща с две стаи : къща с широки стаи; жена с едно око : жена с зубави очи* и под. Возникает вопрос, можно ли говорить о существовании оппозиции по признакам количественному : качественному на синтаксическом уровне в современном русском и болгарском языках. При решении его необходимо принять во внимание, что в анализируемых случаях синтаксическая модель связана с лексическими единицами, составляющими ее наполнение, обязательной структурной связью. При нарушении этих условий становится невозможным употребление самой синтаксической конструкции (ср. *голубь с крыльями*, особенно в развернутом контексте: *Вдали летел сизый голубь с крыльями*). При сравнении же полных синтагм с их обязательным наполнением (*голубь с двумя крыльями : голубь с белыми крыльями*) устанавливается следующее. В сравниваемой паре оба члена выражают общий признак, показывающий, что предмет определяется посредством характеристики его одной части (*голубь обладает крыльями*), который следует определить как квалификативный. Это создает базу для дальнейшего сравнения: в первом случае обозначенная часть предмета характеризуется с точки зрения количества (*у голубя два крыла*), во втором — с точки зрения качества предмета (*у голубя белые крылья*). Значит, сопоставляемые в целом синтагмы выражают и дифференциальные признаки, первый — количества (количественный), второй — качества (качественный). Отсюда, имея в виду обязательную детерминацию в синтаксической модели, можно сделать вывод о существовании в современном русском и болгарском языках на синтаксическом уровне оппозиции по указанным признакам. Однако она выражена не формами падежей с предлогом (как в чешском языке), а проявляется благодаря лексико-семантическим свойствам прилагательных, определяющих инвариантное содержание сравниваемых синтаксических единиц.

3. Учитывая результаты предыдущего анализа, можно констатировать, что в число вариантов качественно-количественной синтаксемы закономерно включить тождественные лексикально выраженные варианты. Представляет интерес вопрос о взаимном распределении вариантов в анализируемых языках. В каждом из них в этом отношении можно заметить свою специфику.

В чешском языке основными вариантами качественно-количественной синтаксемы является синтаксическая конструкция *о + III* и рассмотренные сложные прилагательные. Они встречаются в языке факультативно, ср.: *škola o jedné třídě — jednotřídní škola; osel o jedné hlavě — jednohlavý osel; stolek o třech nohách — trojnohý stolek; kostelík o jedné chrámové lodi — jednolodní kostelík; nástroj o dvou strunách — dvoustrunný nástroj; hra o třech aktech — tříaktová hra; katedrál o pěti lodích —*

přítelodní katedrál a и др.⁹ К второстепенным вариантам той же синтаксемы следует отнести модель *s+ТП* и *v+ПП*. Первая из них в некоторых лексических условиях факультативна конструкции *o+ПП*: *plynový vařič o dvou hořácích* — *plynový vařič s dvěma hořáky*; *vidlice s třemi zuby*; *pluh s třemi radlicemi*. Вторая (*v+ПП*) возможна только при выражении зависимого компонента синтагмы словом *svazek*: *naučný slovník ve čtyřech, svazcích*, *první díl ve dvou svazcích*. В большинстве случаев *o+ПП* остается единственным синтаксически выраженным вариантом синтаксемы: *pokoj o jednom okně, nástroj o jedné struně; dům o třech patrech, sklo o třech vrstvách, vlák o několika vozech*¹⁰ и т. д.

В русском языке систему вариантов квалификативно-квантитативной синтаксемы составляют *s+ТП*; *o+ПП*; *v+ВП*; *в+ПП*; *на+ПП*; прилагательные типа *одноухий, двугорбый, пятистенный* и т. д. Конструкцию *o+ПП* следует определить как стилистически ограниченный, диалектный или архаичный вариант синтаксемы: синтагмы *стол o трех ножках, змей o семи головах* характеризуют диалектную или фольклорную речь или употребляются как фразеологические сочетания (*палка o двух концах*). Синтаксические варианты синтаксемы являются в современном русском языке комбинаторными вариантами синтаксемы. Для вариантов *на+ПП*, *в+ВП* и *в+ПП* свойственно употребление в ограниченных лексических условиях. *На+ПП* возможен лишь когда зависимый компонент синтагмы выражен именами существительными *нога (ножка)* или *колесо*, например, *кровать на трех ножках, тележка на трех колесах*. Крайне ограниченными являются лексические условия употребления и варианта *в+ВП* — только при условии выражения зависимого компонента именами *акт, действие, этаж* — реже — *окно* и некоторые другие, например, *комедия в один акт, опера в три действия, дом в восемь этажей, дом в три окна*¹¹ (но комната с тремя окнами, стихи в пять строк)¹². Синтаксическая конструкция *в+ПП* как вариант квали-

⁹ Полного списка лексических единиц, выражающих квалификативный и квантитативный признаки, не приводим, так как их нетрудно найти в соответствующих словарях современных языков.

¹⁰ Впрочем, в последнее время наблюдается тенденция расширения условий употребления *o+ПП* в чешском языке. См. об этом: А. О r a v i l. О p ř e d l o ž k á c h. «Druhé hovory o českém jazyce», sv. 3, 1946, стр. 122—123.

¹¹ Ср. например: *Это, впрочем, не дом, а домик. Он мал, в один маленький этаж и в три окна. . .* (А. П. Ч е х о в. Собрание сочинений, т. II, М., 1954, стр. 159); . . . *самая мельница и флигелек в три окна — все понравилось Надежде Васильевне. . .* (Д. Н. М а м и н - С и б и р я к. Избранные сочинения. М.—Л., 1950, стр. 189).

¹² Здесь уместно привести некоторые соответствия чешского языка, в котором в установленных для русского языка лексических условиях употребим основной вариант синтаксемы — *o+ПП*: *vozidlo o čtyřech*

фикативно-квантитативной синтаксемы также возможна лишь от нескольких имен существительных *серия, действие, акт, том: издание в трех томах, фильм в трех сериях, пьеса в трех действиях* и под.

Лексикально выраженные варианты чаще всего выступают как факультативные варианты синтаксемы: выбор прилагательного или соответствующей синтаксической модели в большинстве случаев свободен. Ср. в современном русском: *трехзубые вилы — вилы с тремя зубьями; четырехвесельный баркас — баркас с четырьмя веслами; четырехпалая рука — рука с четырьмя пальцами; пятиглавый дракон — дракон с пятью головами; двуручная пила — пила с двумя ручками; двухскатная крыша — крыша с двумя скатами; двухколесный велосипед — велосипед на двух колесах; одноактная пьеса — пьеса в один акт; двухдонный сосуд — сосуд с двумя доньями* и т. д. Однако в некоторых случаях лексикально выраженный вариант становится единственно возможным вариантом синтаксемы. В русском языке список таких сложных прилагательных, вариантов квалификативно-квантитативной синтаксемы, пока незначителен: *однобортный, двубортный, однокомнатный (двухкомнатный, трехкомнатный* и т. д.), *двудольный, двужаберные, двужилый, двухколесный*. Однако и в других случаях наблюдается тенденция к предпочтению лексикально выраженного варианта синтаксемы.

В современном болгарском языке в варианты квалификативно-квантитативной синтаксемы включаются: *с + имя; на + имя; в + имя*; прилагательные типа *двурог, еднокрак* и под. Наиболее продуктивными являются два варианта — синтаксически выраженный с предлогом *с* и лексикальный. Им свойственно факультативное употребление: *трилава ламя — ламя с три глави; тризъбен жезъл — жезъл с три зъбеца; трикрако столче — столче с три крака; четирикрилен гардероб — гардероб с четири крила; стоглава хидра — хидра със сто глави; двумоторен самолет — самолет с два мотора* и под. Другие, синтаксически оформленные варианты находятся в отношении дополнительной дистрибуции синтаксическому варианту с предлогом *с* и в отношении факультативного распределения с лексикальным вариантом. Предлог *на* употребляется при выражении зависимого компонента синтагмы словом *етаж* или *ката*: *сграда на пет етажа — пететажна сграда; кула на два ката — двукатна кула*. Предлог *в* встречается только с именами существительными *том, акт, действие: издание в пет тома — петитомно издание; опера в два акта — дваактна опера; пьеса в три действия*.

На основе описанных фактов можно сделать некоторые более общие выводы:

---

kolech, činohra o třech jednáních, drama o čtyřech aktech, dům o pěti poschodích, sloka o čtyřech verších, píseň o pěti slohách и под.

1. Совокупность одних и тех же дифференциальных признаков может составлять инвариант как лексических, так и синтаксических единиц. Совпадение набора признаков лингвистических единиц на разных уровнях не редкое явление. В исследованных случаях это обусловлено совпадением лексических компонентов сложного слова (прилагательного) и лексических элементов, составляющих обязательную лексическую основу синтаксической модели.

2. Функциональное тождество лексических единиц и синтаксических моделей должно найти отражение в построении частных систем определенного синхронного среза. При изучении систем вариантов синтаксемы необходимо учитывать не только синтаксически выраженные варианты, но и лексикальные единицы тождественного содержания, которые могут использоваться языком факультативно с синтаксическими вариантами или могут находиться с ними в отношении дополнительного распределения.

3. Внутренний смысл известного тезиса структурной лингвистики, что язык — это система систем, пока раскрыт недостаточно. Наиболее принятым кажется понимание этого тезиса как включение одних, более частных систем в общие (например, системы прошедших времен глагола в общую систему темпоральных форм языка или системы местоимений в более широкую систему имен) или как обусловленность исторических изменений в рамках одной системы потребностями другой¹³. Анализ, проведенный здесь, дает основание судить о пересечении различных уровней языковой структуры в синхронном плане.

---

¹³ См.: J. V a c h e k. Notes on the Development of Language seen as a System of System. — SbFFBU, VII, 158, A.

Акцентные системы существительных в болгарском

Э. Стайкевич

1. Несмотря на достижения последних лет в области славянской акцентологии, некоторые кардинальные проблемы болгарского ударения и его исторического развития все еще остаются недостаточно разработанными и неразрешенными. Положение не многим отличается от того, которое существовало сорок лет тому назад, когда Стефан Младенов сетовал, что «до сих пор нет исчерпывающего описания акцентуации болгарского литературного языка»¹. Младенов сам пытался объяснить вслед за Цоневым эволюцию болгарской акцентуации на основе определенных фонетических процессов и аналогических выравниваний. Однако эти объяснения, по собственному его признанию, носили предварительный характер и не давали окончательного решения проблемы.

Шагом вперед в разработке болгарской акцентуации была книга Х. Кодова², в которой ударение болгарских существительных исследовалось на широком и разнообразном материале, почерпнутом из исторических источников и болгарских диалектов. Хотя автор этой книги тоже страдал младограмматической склонностью к фонетическим интерпретациям, ее важным достоинством было указание на роль артикля в передвижении вперед ударения циркумфлексных основ: «При прибавлении к слову одного или более слогов ударение с краткого или долгого циркумфлектированного слога перемещалось на следующий слог»³. Как замечает Кодов, связь между передвижкой ударения и артиклем отчетливо сознавал уже Неофит Рыльский, который писал в 1835 г. в предисловии к своей грамматике: «Некоторые же говорят гла́ка, но́га, рѣ́жа, не́бо, у́хо, о́ко, дѣ́рка, если произносят их без членов, а если произносят с членами, то переносят ударение на конечный слог: глака́та, нога́та, рѣжа́та, небо́то, ме́сто, ухóто, дэ́ркóто»⁴. Предположение Кодова о переносе ударения на следующий слог, однако, не точно. Кроме того,

¹ St. M l a d e n o v, Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin—Leipzig, 1929, стр. 161.

² Хр. К о д о в. Подвижното българско ударение и неговото отношение към праславянското ударение. I. Съществителни имена. София, 1929.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 18.

ему не удалось выявить всех закономерностей ударения циркумфлексных основ и потому пришлось прибегнуть к случайным фонетическим объяснениям и объяснениям через аналогию. Так, он предположил, что ударение на основе в таких диалектных формах, как *гла́ва*, *рѣ́ка*, *вѣ́да*, может объясняться либо переносом ударения с конечного (открытого) слога, либо аналогическим выравниванием по образцу Асс. sg («общий падеж»), тогда как в диалектных и древнеболгарских формах мн. числа *звѣ́зду*, *дѣ́ски* перенос ударения в членных формах происходил по аналогии с циркумфлектированными основами мужского и среднего рода типа *брѣ́гове* : *брегове́те*, *очи* : *о́чите* ⁵.

Более глубокий анализ болгарской исторической акцентологии содержится в трудах выдающегося компаративиста и акцентолога Л. А. Булаховского ⁶. Он тоже рассматривал перенос ударения в циркумфлексных основах с артиклем как фонетический процесс, но в отличие от Кодова он полагал, что ударение перемещалось на слог, предшествующий артиклю ⁷, за исключением *i*-основ, где ударение передвигалось на сам артикль (*нощ* : *нощ́а*, *сол* : *солт́а*). Он считал далее, что ударение существительных среднего и мужского рода во мн. числе типа *морé*, *месб* и *брегове́*, *носовé* требует иного объяснения, чем ударение существительных женского рода, таких как мн. число *глави́*, *бради́*. В то время как первое, по его мнению, возникло по аналогии с соответствующими членными формами, второе — представляет собой результат аналогии с формами без артикля: *брада́*, *глава́*. Основываясь на данных русских литературных текстов XIX в., Л. А. Булаховский высказал предположение о первоначально конечном ударении в таких диалектных болгарских формах, как мн. число *сестри*, *жéни*, *ко́зи*, объясняя современное место ударения аналогией либо с формами вокатива, либо с «общим падежом» таких форм, как *пѣ́та*, *мѣ́гла*, имеющих в некоторых диалектах (например, в Ропката) ударение на основе ⁸. Работа Л. А. Булаховского изобилует тонкими наблюдениями, касающимися истории болгарского ударения и особенно ударения отдельных лексем, но подобно трудам его предшественников, она страдает невниманием к морфологической функции ударения, атомизмом привлекающихся для сравнения диалектных фактов и, наконец, отсутствием четкого представления об акцентной системе самого праславянского языка.

⁵ Хр. Кодов. Указ. соч., стр. 37.

⁶ Л. А. Булаховский. Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», 17, 1959, стр. 3—72.

⁷ «Принятый нами фонетический перенос ударения с циркумфлектированных в прошлом долгот на гласные перед присоединявшимися к именам существительным формами артикля („члена)» (Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 10).

⁸ Там же, стр. 19.

2. Историческое развитие болгарской именной акцентуации может быть глубже понято, если сравнить ее с акцентными системами современных славянских языков (прежде всего русского и сербскохорватского, сохранивших много древних акцентных особенностей) и трактовать ее с учетом грамматических категорий, свойственных болгарскому именованному словоизменению в его литературной и диалектной разновидностях. Такого рода сопоставительные и структурные исследования болгарской акцентуации связаны с известными трудностями, но, несмотря на то, что исчерпывающие и систематизированные акцентологические данные имеются только для литературного языка, а существующие диалектные описания в этом отношении явно неудовлетворительны, все же в болгарской диалектологии акцентуация разработана гораздо полнее, чем в диалектологической литературе по другим славянским языкам (например, украинскому и белорусскому). Но даже наиболее полные и современные труды в области болгарской диалектологии обнаруживают фактические и методологические недостатки: они часто не фиксируют ударение отдельных форм (например, членных форм мн. числа); они склонны давать механическую классификацию ударений, исходя из места ударения в слове, а не в зависимости от рода, типа основы (простая или производная) и грамматической категории. Отсутствие сведений об ударении всей парадигмы (единственное и множественное число, членные и нечленные формы) снижает и ценность (в других отношениях замечательного) нового Атласа болгарских диалектов.

В настоящей работе используется преимущественно материал 36 диалектологических описаний, дающих широкую картину болгарских диалектов, в том числе на территории СССР⁹. Большинство из них достаточно полны, некоторые содержат в качестве приложений записи диалектных текстов, из которых можно извлечь важные акцентуационные факты. Хотя эти исследования не позволяют описать все диалектные разновидности или дать акцентную характеристику лексических единиц, они служат вполне удовлетворительным источником для решения задач, поставленных в этой статье: представить типологию акцентных систем имени в болгарском, выделив их общие и дифференциальные признаки, и наметить их развитие, исходя из гипотетической акцентной системы праславянского.

3. Мы ограничим наше исследование признаком ударения, поскольку болгарский утратил количественные и интонационные различия, которые уже в морфологической системе позднего праславянского (или древнеболгарского) играли вторичную роль¹⁰.

⁹ Список использованных работ см. в конце статьи.

¹⁰ О грамматической роли разных просодических признаков см.: Edw. S t a n k i e w i c z. Slavic morphophonemics in its typological and diachronic as-

В праславянском существительные различали три вида ударения: 1) фиксированное (неподвижное) ударение на основе, или а к у т (который для *a*- и *o*-основ совпадал с новым акутом); 2) фиксированное ударение на флексии, или окситонеза, и 3) подвижное ударение, или циркумфлекс, которое было ограничено основами с исконными (индоевропейскими) краткими гласными или дифтонгами и могло перемещаться с первого слога основы на окончание.

Рассмотрим теперь подробнее дистрибуцию и перемещения праславянских ударений в тех грамматических категориях, которые релевантны для современного болгарского словоизменения. Поскольку болгарский утратил праславянскую падежную систему, приобретя вместе с тем постпозитивный артикль (или артикли), для наших целей будет достаточно определить роль ударения в следующих грамматических оппозициях: (а) единственное число — множественное число, (b) членные формы — нечленные формы и (с) падеж субъекта (Nominativus) — падеж объекта (Accusativus), последняя характерна только для *a*-основ.

Исконный акут и окситонезу можно иллюстрировать примерами (табл. 1, все примеры в дальнейшем приводятся в современной болгарской форме, не считая, конечно, места ударения):

Т а б л и ц а 1

Вид ударения	Число	<i>a</i> -основы	Муж. род	Ср. род.
Акут	ед.	<i>rána, -та</i>	<i>свѣт, -ѣт</i>	<i>блáто, -то</i>
	мн.	<i>рáни, -те</i>	<i>свѣтове, -те</i>	<i>блáта, -та</i>
Окситонеза	ед.	<i>метлá-, -та</i>	<i>нож, -ѣт</i>	<i>винó, -то</i>
	мн.	<i>метлѣ, -те</i>	<i>ножѣве, -те</i>	<i>винá, -та</i>

Существительные с основой на *-i* (которые в современном болгарском принадлежат к женскому роду) изредка допускали окситонезу, но впоследствии они присоединились к подвижному (или циркумфлексному) типу, к которому принадлежало большинство *i*-основ.

Место ударения членных форм окситонированных существительных мужского рода ед. числа *нож-ѣт, поп-ѣт* требует некоторых пояснений, поскольку мы могли бы ожидать здесь ударения на артикле **нож-ѣт, поп-ѣт* подобно формам *ножѣве, попѣве* или *отцѣ, орлѣ*. Такое ударение действительно можно постулировать для раннего периода праславянского, когда конечные реду-

pects. «Current Trends in Linguistics», 3. Theoretical Foundations. The Hague—Paris, 1966, стр. 495—520.

цированные еще могли быть ударными. Однако когда в циркумфлектированных основах с артиклем, как *носъ-тѣ, *медъ-тѣ, конечное «маргинальное» ударение было перенесено на предшествующий гласный (который после падения конечных редуцированных стал интерпретироваться как часть артикля: нос-ѣт, мед-ѣт), соответствующий перенос ударения должен был иметь место и в окситонированных основах. Такое взаимодействие окситонического и «маргинального» ударения можно предположить и для других славянских грамматических категорий, ср. ударение русских полных прилагательных *бѣстрый* vs. *простѣй*, которое восходит к более древним формам *ostrѣjъ*, *prostѣjъ*¹¹.

Праславянские существительные с начальным циркумфлексом передвигали ударение на различные словоизменительные аффиксы, так же как и на артикль, который мы рассматриваем как деривационный суффикс. Таким образом, акцентные чередования в этих двух типах форм были связаны с двумя разными грамматическими процессами: в первом случае с процессом словоизменения, а во втором — с процессом словообразования.

Акцентные чередования соответствующих форм словоизменения можно иллюстрировать примерами (приводятся в той форме, в какой они реально представлены в некоторых современных болгарских диалектах, табл. 2).

Таблица 2

Число	Форма	а-основы	і-основы	Муж. род	Ср. род.
ед.	субъектная	<i>глава бѣлаѣ</i>	<i>кѣст</i>	<i>зѣб</i>	<i>мѣсо</i>
	объектная	<i>главъ бѣлѣ</i>			
мн.		<i>глави бѣли</i>	<i>кѣсти</i>	<i>зѣби</i>	<i>мѣса</i>

Акцентные чередования циркумфлектированных основ на -а заслуживают специального разъяснения, поскольку их первоначальные отношения частично затемнены в современных славянских языках и потому служат источником серьезных недопониманий. Как показывают некоторые современные славянские языки и диалекты, ударение могло падать на начальный слог основы только в Acc. sg неодушевленных существительных, тогда как одушевленные существительные (а также некоторые неодушевленные) имели в ед. числе ударение на окончании. Разный акцентный характер этих двух типов а-основ можно проследить на примере сербскохорватских неодушевленных суще-

¹¹ Другие примеры см.: Edw. Stankiewicz. Указ. соч., стр. 508—509.

ствительных, имеющих нисходящее ударение в Асс. sg: *нѡгу*, *гѡру*, *главу*, *рѣку*, *брѣду*, противопоставленных существительным с восходящим ударением во всех падежных формах ед. числа: *бѹху*, *кѡзу*, *нѡмѹ*; *стрѣлу*, *траву*.

Как показал Милетич¹², в некоторых болгарских диалектах, как и в литературном языке, в ед. числе генерализировалось окончание Nom. -а, тогда как в других диалектах — окончание Асс. -ѣ. Каждому из этих результатов могло предшествовать на более раннем этапе такое состояние, сохранившееся в некоторых диалектах, когда одушевленные (позднее только личные) существительные различали падеж субъекта (Nom.) и падеж объекта (Асс. или «предложная» форма), а неодушевленные (или неличные) существительные имели только окончание -ѣ объектного падежа. Есть и такие диалекты, где установилась прямая связь между выбором окончания и типом ударения, так что окончанию -а соответствует фиксированное ударение на окончании у одушевленных (или личных) существительных, а окончание -ѣ (или его диалектные разновидности) ассоциируется с подвижным начальным ударением (так и сейчас в говорах Нова Надежда или Шумен), или с первоначально инициальным ударением, которое позднее было перенесено на окончание (Еркеч, Тетевен, Момчиловци, Смолян, Криничное).

«Деривационные» членные формы требовали переноса циркумфлексного ударения с первого слога основы на артикль. Такой же перенос циркумфлекса имел место и в других грамматических формах, включающих суффикс, частицу или энклитику, как, например, полные формы прилагательных (ср. русск. *молодѡй*, *субѡй*, *простѡй*; чакавск. *novi*, *brzi*, *tvrdi*; литер. с.-х. *свѣтѡ*, *чѣстѡ*); возвратные формы действительных причастий, прош. вр. (ср. русск. *поднялся*, *поднялся*, *поднялись*) или энклитические формы (например, болг. диал. *деверми*, *на срѣце му*, *синѡ си*). К этому надо прибавить, что разные славянские языки содержат примеры адвербиализации именных форм с артиклем, ср. болг. *есенѣс(ка)*, *зимѣс(ка)*, *нощѣс(ка)*; диал. русск. *ночьѣс*, *осенѣс*, *зимѣс*, *вечерѣс*; с.-х. *есѣнас*, *зѣмѣс*, *вечѣрас*.

Дистрибуция ударения в членных формах может быть представлена как в табл. 3.

В современном болгарском перенос ударения на артикль возможен только у существительных с нулевым окончанием: *зѣб-ѣт*, *кост-тѡ*, но не у существительных, оканчивающихся гласным: *зѣбѣ-те*, *главѣ-те*, *месѡ-то* (из диал. *глави*, *мѣсо*). Однако в некоторых диалектах ударение может переноситься на артикль также и в сущ. ср. рода ед. числа и сущ. жен. рода мн. числа, ср. банатск. *небетѡ*, *сърцитѡ* (наряду с *местѡто*, *дървѡто*),

¹² Lj. Miletič. Das Ostbulgarische (Schriften der Balkankommission, Linguistische Abteilung, 2), 1903, стр. 104—105.

ръцетѣ. Нет сомнений в том, что ударение могло перемещаться на артикль во всех формах с исконной (индоевропейской) краткой флексией, которая не препятствовала переносу ударения на последний, «маргинальный» слог (о чем свидетельствует, например, с.-х. *зѣмѹс* из *zīmōsŕ).

Т а б л и ц а 3

Число	Форма	а-основы	і-основы	Муж. род	Ср. род
ед.	субъектная	<i>глава-та, бѣла-та</i>	<i>кост-та</i>	<i>зѣб-ѣт</i>	<i>месо-то</i>
	объектная	* <i>главъ-тъ, бѣлѣ-тъ</i>			
мн.		<i>глави-тѣ, бѣлѣи-те</i>	* <i>кости-тѣ</i>	* <i>зѣбу-тѣ</i>	<i>месѣ-та</i>
* Формы, отмеченные звездочкой, — чисто гипотетические.					

Перенос ударения с энклитики на предшествующий гласный флексии был не только болгарским процессом, он известен и другим славянским языкам. До сих пор его можно наблюдать в колебаниях «маргинального» ударения между частицей и нулевым окончанием в русских действительных причастиях прошедшего времени с возвратной частицей: *поднялся* vs. (более старое) *поднялся, брался* vs *брался*.

4. Описанная выше система праславянской именной акцентуации сохранилась почти без изменений в большинстве современных болгарских диалектов, в то же время некоторые диалекты существенно перестроили и упростили эту систему.

Прежде всего следует сказать, что фиксированное ударение на основе (акут) нас дальше интересоваться не будет, так как оно не претерпело никаких значительных изменений, если не считать изменений, касающихся инвентаря лексем, охватываемых этим типом (ср. *ѣзба* из первоначального *ѣзба* vs. *муха* из *мѹха*).

Ударение на окончании (окситоническое) тоже сохранилось (хотя оно было ограничено отдельными формами) и приобрело новое чередование в некоторых а- и о-основах, главным образом, в результате преобразования подвижного циркумфлексного ударения (об этом см. ниже). Наибольший интерес для нас представляет судьба подвижного ударения, которое претерпело самые существенные изменения со стороны дистрибуции и функции.

Таким образом, разумно начать наше изложение с судьбы исконного циркумфлекса в грамматических категориях ед. и мн. числа.

4.1. Акцентное чередование между основой и артиклем в ед. числе лучше всего сохранилось у существительных мужского и женского рода с нулевым окончанием.

Как уже упоминалось выше, существительные женского рода, относящиеся к склонению на *-i*, подверглись переносу ударения на артикль, причем это касалось всех основ независимо от их исконного ударения: *сбл, радост, печал, проповед : солта, радостта, печалта, проповедта*.

Существительные мужского рода демонстрируют акцентное чередование в основах с историческим циркумфлексом и в некоторых нециркумфлектированных основах, например, литер. *бикът, щитът, ключът, грехът, дъждът*, но как правило оно ограничено односложными основами, хотя в отдельных диалектах встречаются и двусложные основы, например, *в'атеръ* (Неврокоп), *корен'б* (Доброславци), *месеџб* (Радуил), *девер'а* (Ихтиман), *вечерб* (Шумен), *пепелън* (Ропката), *свекорб* (Криничное).

Неодушевленные (или неличные) существительные, относящиеся к склонению на *-а*, утратили акцентное чередование в литературном языке и в некоторых восточных и фракийских диалектах, где первоначально основное ударение было перенесено на окончание, ср. литер. болг. *душá, горá, брадá, р'кá, зем'я, водá, росá*. Эта генерализация ударения на окончания объясняется в первую очередь влиянием членных форм (*душáта, брадáта*), а затем влиянием основ с неподвижным ударением на окончании в ед. числе (одушевленные циркумфлектированные основы типа *бълхá*) или в обоих числах и прочих формах (окситонированные основы типа *иглá*). Первоначальное акцентное чередование в полной мере продуктивно в западных, родопских и в части восточных диалектов, в некоторых, правда, оно касается лишь небольшого количества слов (Еркеч, Тетевен, Шумен) или встречается только в речи старшего поколения (Гвърдица). Подвижность ударения гораздо лучше сохраняется у односложных основ, чем у многосложных с начальным или конечным ударением, как *рáбота, плáнина : работáта, планинáта* или *рабóта : работáта* (Доброславци). Наконец, есть некоторые диалекты (например, Банат, Фракия, Криничное, Кирсово, Ольшанка), где перенос ударения с основы на артикль возможен только во мн. числе, поскольку существительные (неодушевленные) с ударением на основе объединились в них с существительными (одушевленными и неодушевленными), имеющими ударение на окончании (первоначально циркумфлектированные основы). Чередование между формами единственного и множественного числа нечленных существительных должно быть интерпретировано в данном случае с синхронной точки зрения как перенос ударения с окончания в ед. числе (исходная форма) на основу во мн. числе (ср. ниже 4.2).

Акцентное чередование между основой и окончанием в ед. числе у существительных среднего рода отсутствует в литера-

турном языке и в восточных диалектах, где циркумфлектированные основы, несомненно, были обобщены с исконно акутированными основами. В других диалектах (Неврокоп), наоборот, циркумфлектированные основы оказали влияние на акутированные основы и даже на ряд окситонированных основ, так что все они передвинули ударение на артикль, ср. формы *масло*, *стадо*, *жито*, *вино*, *село* : *маслто*, *стабто*, *житто*, *винто*, *селто*. В значительно меньшей степени акцентное чередование свойственно многосложным основам среднего рода, а также тем односложным основам, которые образуют мн. число посредством формантов *-ен-*, *-ес-* или *-ет-* (*именá*, *чудеса*, *морéта*). Такие формы, как *имéто*, *времéто*, sporadически представлены в разных районах (например, Кюстендил, Горно Поле, Доброславци, Тихомир, Кирсово).

4.2. Перенос ударения с основы на окончание в членных формах множественного числа характерен только для существительных мужского и женского рода, которым соответствуют нечленные формы мн. числа с ударной основой, а существительные среднего рода с циркумфлексом требуют переноса ударения на окончание также и во мн. числе нечленных форм.

Существительные мужского рода обнаруживают это чередование почти во всех западных и родопских диалектах. Но даже в тех диалектах, где некоторые основы приобрели, как в литературном языке, ударение на окончании в нечленных формах мн. числа (по аналогии с членными формами), имеются другие основы, которые сохраняют ударение на основе в нечленных формах мн. числа, но переносят его на окончание в членных формах. В таких диалектах (Габаре, Говедарци, Радуил, Горно Поле, Ихтиман, Странджа) мы находим, следовательно, с одной стороны, такие формы мн. числа, как *даровé*, *синовé*, *редовé*, а с другой стороны — *снегове*, *дéнове*, *дáрове* и *снеговéте*, *деновéте*, *даровéте*. В некоторых диалектах (Орхане, Тетевен, Странджа, Тихомир и Банат) ударение на основе находится в отношении свободного варьирования с ударением на окончании как в формах с артиклем, так и без артикля: *синове(те)* ~ *синовé(те)*, *редове(те)* ~ *редовé(те)*. Следует далее отметить, что формы мн. числа на *-и* более последовательно, чем формы на *-ове* сохраняют ударение на основе, но при этом передвигают его на слог, предшествующий артиклю, ср. *вълци*, *збци*: *вълци́те*, *збци́те*. Примеры можно найти в говорах сливенских, Твардицы и в Банате.

Формы мн. числа многосложных основ имеют как правило ударение на основе, как и соответствующие формы ед. числа. Чередования в членных формах мн. числа sporadически наблюдаются в западных диалектах (ср. формы *кóрене* : *коренéте*, *дéвере* : *деверéте* — Неврокоп, Радуил и Ихтиман).

С другой стороны, обобщение ударения на основе для нечленных и членных форм мн. числа оказывается более редким явлением (оно зафиксировано в говоре Чешнегир и Нова Надежда).

Для односложных основ мужского рода характерны, таким образом, два главных типа акцентных чередований: а р х а и ч е с к о е, противопоставляющее нечленные формы с ударением на основе членным формам с ударением на окончании, и и н н о в а ц и о н н о е, противопоставляющее нечленные формы ед. числа с ударением на основе формам мн. числа, как членным, так и нечленным, имеющим ударение на окончании.

Существительные женского рода с основой на *-i вообще утратили перенос ударения в членных формах мн. числа. Лишь в некоторых диалектах (Горно Поле, Радуил, Тетевен) можно встретить такой перенос, ср. *кѳсти* : *кѳстѳте*, *пѳсни* : *пѳснѳте*, *бѳлести* : *бѳлестѳте* или *бѳлестѳте*; в других диалектах (Банат и Старый Крым) ударение на окончании генерализировалось в формах мн. числа без артикля (*кѳстѳи*, *нощѳи*; *свещѳе*).

Существительные с а-основой в большинстве диалектов сохранили два типа акцентных чередований, характерных для исконных циркумфлектированных основ: чередование нечленных и членных форм обоих чисел (*вѳдѳъ*, *вѳдѳи* : *вѳдѳѳта*, *вѳдѳѳте*) и чередование нечленной формы мн. числа с ударением на основе и соответствующей членной формы (*кѳзѳи*, *кѳзѳѳта* : *кѳзи*, *кѳзѳѳте*). Последнее чередование, которое диахронически является вариантом циркумфлексного сдвига, характерного преимущественно для одушевленных существительных женского рода, в синхронном отношении представляет собой не что иное, как чередование основного и конечного ударения в нечленных формах ед. и мн. числа, сопровождающееся чередованием конечного и основного ударения в членных формах мн. числа. Эти два главных типа акцентных чередований а-основ хорошо сохранились в западных и родопских диалектах, хотя в некоторых диалектах (Банат, Кирсово, Кричиное, Фракия) менее продуктивный и семантически маркированный (неодушевленность) первый тип был устранен в пользу второго типа. В некоторых болгарских диалектах произошли модификации этих двух типов акцентных чередований, которые могут сосуществовать в одном и том же диалекте. Одна модификация (по отношению к первому типу) заключается в генерализации основного ударения в ед. числе (как в членных, так и нечленных формах) и флексийного ударения во мн. числе с артиклем и даже без артикля, ср. *снѳѳа*, *снѳѳѳѳта* : (pl) *снѳѳѳи*, *снѳѳѳѳте* или *вѳдѳѳа*, *вѳдѳѳѳѳта* : (pl) *вѳдѳѳѳи*, *вѳдѳѳѳѳте*. Другая модификация (вариант второго типа) сохраняет флексийное ударение в ед. числе (без артикля и с артиклем), но генерализирует ударение на основе во всех (членных и нечленных) формах мн. числа, ср. *блѳѳѳѳи*, *блѳѳѳѳѳѳѳѳта* : (pl) *блѳѳѳѳѳѳѳѳи*, *блѳѳѳѳѳѳѳѳте*. Первый вариант ограничен небольшим числом лексических единиц в некоторых диалектах (Кюстендил, Неврокоп и Тетевен), а второй тип значительно более продуктивен (Видин, Горно Поле, в котором сохраняется также тип *кѳзи* : *кѳзѳѳте*, Еркеч, Шумен, Смолян, Момчиловци

и Старый Крым). Таким образом, ясно, что существительные женского рода с основой на *-а проявляют, хотя и в меньшей степени, ту же тенденцию, что и существительные мужского рода, т. е. тенденцию к замещению акцентного чередования членных и нечленных форм чередованием форм ед. и мн. числа. Следует сказать, что подобную тенденцию обнаруживают акцентные системы и других славянских языков.

Другой путь акцентной эволюции а-основ состоял в полной ликвидации акцентных чередований путем генерализации исконно чередующегося ударения на окончании, ср. *горá, рѣкá, землѣ; козá, пчелá, снахá*. Такое состояние характерно прежде всего для литературного болгарского языка, а также для большинства восточноболгарских диалектов.

4.3. Чередование основного ударения в ед. числе (без артикля) с флексийным ударением во мн. числе, характерное для циркумфлектированных основ ср. рода, представлено во всех современных болгарских диалектах, включая литературный язык, где оно испытало одну важную инновацию: если раньше ударение переходило с первого слога основы на окончание, то теперь оно как правило переходит с последнего слога основы (или предпоследнего слога слова) на окончание, ср. такие многосложные основы, как *желѣзо : железá, печиво : печивá, точило : точилá, огледало : огледалá*. Исконное чередование сохранилось только в основах, присоединяющих во мн. числе суффиксы *-ен-* или *-ес-*, ср. литер. болг. *име : именá, брѣме : бременá; чúdo : чудесá, нѣбо (или небѣ) : небесá*, а также в нескольких основах иного типа: *езеро : езерá, сѣрене : сиренá*. Возникновение нового вида чередования (инновационного) объясняется тем, что исконное чередование было ограничено односложными основами, которые с акцентологической точки зрения двусмысленны, ибо они могут быть отнесены одновременно к типу начальнударных и к типу конечнударных основ. Постепенное распространение акцентного чередования «основа ~ окончание» на все ударные односложные основы, включая и исконно акутированные основы, как литер. болг. *блáто, лѣто, прáво, гѣрло, мáсло, сѣто*, привело к тому, что многие двусложные основы с конечным, акутовым ударением (типа *колѣно, желѣзо*) были по аналогии вовлечены в эту систему чередований. Эта система представляет только один, хотя и наиболее продуктивный, тип в акцентуационной эволюции основ среднего рода. Некоторые западные диалекты (Видин, Трън, Кюстендил, Габаре, Неврокоп) более консервативны: они сохранили чередование между формами ед. и мн. числа циркумфлектированных основ, но распространили его на оппозицию членных и нечленных форм исконно акутированных и нескольких окситонированных основ, например, *лѣто, лѣта : летóто, летáта; платна, платна : платнóто, платнáта*, тогда как большинство родопских и фракийских диалектов и некоторые диалекты за пределами

Болгарии (Банат и Криничное) обнаруживают, помимо исконного чередования, также чередование между формами ед. и мн. числа в тех же самых видах основ, например, *гърло, гърлото* : (pl) *гърла, гърлата*, *блато, блатото* : (pl) *блата, блатата*.

Другой, уже менее распространенный путь акцентуационного развития представлен в тех диалектах, где ударение может переноситься на окончание только в членных формах ед. числа (ср. кюстендилск. *сѐно, сѐна, сѐната* : *сѐнто*) или только в членных формах мн. числа (ср. еркечек. *слово, словото, слва* : *словата*).

5. Наряду с чередованием типа «основа ~ окончание» в исконно циркумфлектированных основах всех трех родов и чередованием типа «окончание ~ основа» у существительных с основой на *-а*, возникших в результате переосмысления исконной циркумфлексной акцентуации (хотя этот тип включил в себя по диалектам и многие исторически окситонированные основы типа *звездѝ, игла, метла, пчелѝ*), существительные среднего рода имели еще чередование типа «окончание ~ основа» нового происхождения.

Этому чередованию были подвержены преимущественно окситонические основы среднего рода и некоторые циркумфлектированные основы, которые предварительно перепли в окситонезу, типа *окб, ухб* (из *бко, ўхо*) : (pl) *бчи, ўши* (Ольшанка). Но это чередование ограничено в лексическом и в территориальном отношении: оно характерно только для простых, неизменяемых основ (как *ведрѝб, рѝш(е)тѝб, яцѝб, сѝлѝб, крилѝб, лицѝб*) или даже просто для небольшого числа лексических единиц и рассеяно по разным диалектам, таким, как Видин, Кюстендил, Горно Поле, Ихтиман и Терновка.

6. Исконно окситонические основы мужского рода обнаруживают тенденцию к элиминации ударений на окончании из форм мн. числа и утверждению ударения на основе. Так, литературный язык почти не знает ударного окончания *-ѝ* в односложных основах, но допускает его в многосложных основах, например, *котлѝ, орлѝ, овнѝ, дворцѝ, отцѝ*, а также допускает ударное окончание *-ѝ* и *-ѝе* в односложных основах или в основах с чередованием гласного с нулем: *царѝ, кралѝ, конѝ, князѝ; дворѝѝе, столѝѝе, поѝѝе, смѝѝе, волѝѝе и огньѝѝе*.

Всего лишь десяток существительных (все они содержат гласный *о*) имеют ударное окончание *-ѝе*, но даже и они допускают за редким исключением безударный вариант *-ѝе*; большинство же исконно окситонированных основ (в том числе и некоторые с гласным *о* в основе, например, *сноп, слон, скот*) устранили флексийное ударение.

Такое ограниченное употребление ударного окончания *-ѝе* вообще более характерно для болгарских диалектов, многие из которых присоединяют ударное *-ѝе* лишь к отдельным лексемам

(Ропката, Смолян, Старый Крым); в других диалектах ударное *-бве* находится в отношении свободного варьирования с безударным *-ове* (Кюстендил) или же вообще отсутствует (Еркеч, Шумен, Тихомир, Момчиловци, Нова Надежда, Ольшанка, Криничное). Современные болгарские диалекты ограничивают и употребление ударного окончания *-и* в многосложных основах различных типов, хотя ни один из них не исключил его полностью, как в случае с односложными основами.

7. После этого краткого обзора именной акцентуации в болгарском литературном языке и диалектах мы можем констатировать, что в каждом из них сохранились унаследованные из праславянского три основных типа ударений: фиксированное ударение на основе, соответствующее исконному акуту; фиксированное ударение на окончании, соответствующее исконной окситонезе, и подвижное чередование, которое в общих чертах продолжает праславянский циркумфлекс.

Подвижное ударение подверглось наибольшим модификациям, хотя в некоторых диалектах его первоначальные типы и функции остались неизменными. Подвижное ударение циркумфлектированных основ с самого начала допускало два типа чередования: прогрессивный сдвиг ударения с первого слога основы на окончание и регрессивную оттяжку ударения с окончания на основу. Первый тип чередования мог встречаться у существительных всех трех родов, тогда как второй тип (который первоначально был вариантом первого) был возможен главным образом у одушевленных существительных с основой на *-а*. В некоторых диалектах чередование второго типа было распространено на существительные среднего рода, но все же главной тенденцией развития было ограничение обоих типов чередований. Эта тенденция отчетливо проявляется в литературном болгарском, где второй тип утрачен полностью, а первый ограничен существительными мужского, среднего и женского рода с нулевым окончанием. У существительных мужского рода это чередование претерпело дополнительное ограничение — односложными основами, а у существительных среднего рода — преимущественно основами с ударением на последнем слоге (основы!).

Акцентные чередования первоначально выполняли двойную функцию: во-первых, они противопоставляли членные формы нечленным, а, во-вторых, — формы ед. числа формам мн. числа.

Первая оппозиция (членных и нечленных форм) может быть выражена акцентуационно у существительных всех родов, а вторая — только в среднем роде и у существительных с основой на *-а* и чередованием типа «окончание ~ основа». Хотя большинство болгарских диалектов, как и литературный язык, сохранили акцентные чередования в обеих этих функциях, все же главная тенденция развития состояла в возрастании роли второй функции за счет первой. Так, литературный язык, как и многие

диалекты, утратил акцентное противопоставление членных и нечленных форм у существительных с основой на -а и среди существительных среднего рода, ограничив эту функцию женским родом с нулевым окончанием и мужским родом. Таким образом, чередование между формами ед. и мн. числа было не только сохранено в среднем роде, но и распространено на мужской род.

Итак, акцентное чередование играет в словоизменении существительных мужского рода двойную роль, противопоставляя нечленные формы членным в ед. числе и нечленные формы ед. числа обоим формам мн. числа; кроме того, у существительных женского рода с нулевым окончанием и существительных среднего рода это чередование используется для противопоставления, во-первых, членной формы ед. числа нечленной форме ед. числа, а во-вторых, единственного числа множественному.

Использованные источники

- Р. Ангелова. Село Радуил. — ИССФ, кн. 8—9, 1948, стр. 301—410.
- Л. А. Булаховский. Ударение старокрымского болгарского говора. «Сборник в чест на акад. А. Теодоров-Балан». София, 1955, стр. 131—144.
- И. К. Бунина. Звуковой состав и грамматический строй говора ольпанских болгар. — СМБД, вып. 3, 1953, стр. 1—123.
- Г. А. Георгиев. Еркечаните и техният говор. — ИССФ, кн. 2, 1907, стр. 133—200.
- Г. А. Георгиев. По говора в с. Чешнегир-нова-махала (Станимашко). — ИССФ, кн. 2, 1907, стр. 411—470.
- Г. Горов. Страджанският говор. — БД, I, 1962, стр. 13—164.
- Д. Й. Господиникин. Трънчаните и трънският говор. — ИССФ, кн. 4, 1921.
- П. К. Гъбйов. По говора в гр. Видин. — СБНУ, 19, 1903, стр. 1—29.
- В. К. Журявлев. Говор села Криничное (Чешма—Варуита). — СМБД, вып. 7, 1955, стр. 18—62.
- Э. И. Зеленина. Отчет о диалектологической поездке в болгарское село Терновку Николаевской области в июне 1954 г. — СМБД, вып. 7, 1955, стр. 115—31.
- С. Кабасанов. Един старинен български говор. Тихомирският говор. София, 1963, 106 стр.
- Г. П. Клепиков. История некоторых именных и глагольных форм в болгарском языке (по материалам говора Тихомир, округ Кырджали). — КСИС, 38, 1963, стр. 46—54.
- Н. В. Котова. Говор села Твардицы Молдавской ССР. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 2, 1950, стр. 250—302.
- Н. В. Котова. Система ударения в говоре района Горно Поле. — СМБД, 10, 1962, стр. 45—90.
- Lj. Miletič. Das Ostbulgarische. Wien, 1903. 302 стр.
- Lj. Miletič. Die Rhodopenmundarten der bulgarischen Sprache. Wien, 1912, 235 стр.
- К. Мирчев. Неврокопският говор. «Годишник на Софийския университет», 32, 1936, стр. 3—134.
- М. Сл. Младенов. Ихтиманският говор. София, 1966.
- П. Панайотов. Сливенският говор. — СБНУ, 18, 1901, стр. 507—740.

- Д. Хр. Петричев. Принос към изучаване на Трънския говор. — ИССФ, 7, 1934, стр. 37, 78.
- Э. И. Полтораднева. Заметки о языке болгарского села Кирсова Комратского района МССР. — СМБД, вып. 3, 1953, стр. 85—109.
- Г. Попиванов. Орханийският говор. — СБНУ, 38, 1938, стр. 1—150.
- Г. Попиванов. Особенности на Шуменския говор. Дополнение към описанието му в Das Ostbulgarische на проф. Л. Милетич. «Сборник на Българската Академия на науките», 34, 1940, стр. 333—468.
- Г. Попиванов. Софийският говор. «Сборник на Българската Академия на науките», 34, 1940, стр. 209—326.
- К. Попов. Говорът на с. Габаре, Белослатинско. — ИИБЕ, 4, 1956, стр. 103—176.
- Хр. П. Стоилов. Горно-джумайският говор. — СБНУ, 20, 1904, стр. 1—33.
- Ст. Стойков. Банатският говор. София, 1967, 489 стр.
- Ст. Стойков. Говор села Твърдици (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардици (Молдавской ССР). — СМБД, вып. 8, 1958, стр. 3—63.
- Ст. Стойков, К. Костов и др. Говорът на с. Говедарци, Самоковско. — ИИБЕ, 4, 1956, стр. 255—338.
- Кр. С. Стойчев. Тетевенски говор. — СБНУ, 31, 1915, 376 стр.
- Иван Умленски. Кюстендилският говор. София, 1965, 282 стр.
- Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско. — ИИБЕ, 4, 1956, стр. 177—255.
- Ст. Шишков. Бележки към ударение в централния (Ахър-Челебийския) родопски говор. «Родопски напредък», 4, 1897, стр. 145 и след.

Перевела с английского

С. М. Толстая

Акцентуация союзов в сербохорватском языке

М. Стеванович

Союзы вообще и, в частности, союзы сербохорватского языка — наименее изученный из-за недостатка словарей раздел лексики. За исключением относительно давней и, естественно, уже устаревшей работы Т. Маретича¹ и одной нашей статьи², у нас нет специальных исследований, посвященных союзам; сведения о них, хотя и явно недостаточные, можно почерпнуть лишь из наиболее

¹ Т. Маретич. Veznici u slovenskijem jezicima. «Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti», knj. 86, 89, 93.

² М. Стеванович. Карактер значења везника као спољних знака унутарње везе међу реченицама «Јужнословенски филолог», XXVIII, стр. 75—105.

обстоятельных пособий. В полном пренебрежении осталась акцентуация союзов. В лучшем случае в отдельных словарях сообщается, и то только о немногих союзах, что под ударением они имеют тот или иной акцент. Но даже и этих сведений достаточно, чтобы понять, что союзы, которые, как принято считать, обычно не имеют акцента³, могут иногда быть акцентованными. И крайне важно определить условия, при которых появляются акцентованные союзы, а также специфику их значения по сравнению с союзами, не имеющими акцента, каких все же несомненное большинство.

Будучи служебной частью речи, связывающей друг с другом слова, синтагмы и чаще всего предложения, оформляя эти связанные ими языковые комплексы и часто уточняя их значение, союзы употребляются как проклитики, т. е. не имеют собственного акцента. Но именно потому, что они имеют функцию проклитик, в условиях переноса ударения на проклитики на них может быть перенесено ударение со слов, непосредственно за ними следующих, но постольку, поскольку действуют правила такого переноса ударения. Известно, что переноситься могут только нисходящие ударения односложных или реже первого слога многосложных слов: *Нй брат ни сестрица, нй ја нєсрећница* (наряду с *Ни брѣт, ни сестрица, ни ја нєсрећница*); *Ја сам хтео да кажем* (наряду с *Ја сам хтео да кажем*); *Кад зна, зшто не гдврй* (наряду с *Кад зна, зшто не гдврй*); *Па њ другй тд знају* (наряду с *Па њ другй тд знају*). Однако здесь, помимо интонации предложений, акцентованные союзы не влекут за собой никаких других различий: ни в значении, ни во взаимном отношении предложений или других единиц, которые этими союзами связываются.

Этого, однако, нельзя сказать о другом типе акцентованных союзов, которые по сравнению с соответствующими неакцентованными союзами, характеризующими те же самые типы предложений, изменяют не только интонацию, но и экспрессивность предложений, а иногда даже смысл. Речь идет о таком акценте союза, который одновременно является фразовым ударением, т. е. о случаях, когда союз специально подчеркнут в предложении, когда он выделен особым образом.

Такие случаи очень часты. Во-первых, это сложносочиненные предложения с повторительными отрицательными союзами *ни* или *нити*, например: *Нй ти њдє Кўлйн Капетане, нйти њдє нйти ће ти дбѣи*; *Нйт се нѣдѣј нйти га пдглѣдѣј* (Нар. песня); *Н ѡ што снйо, нй т прѣчат ѹмијем* (П. П. Негош) (здесь важно выразить отрицание того, что констатируется каждым простым

³ В частности, в Академической грамматике русского языка сказано, что «простые односложные союзы обычно не имеют собственного ударения. . .», стр. 663.

предложением, и это достигается тем, что фразовое ударение ставится на отрицательный союз; во-вторых, это разделительные (дизъюнктивные) предложения, например: *Ї ли грми, ѝ л се зѣмља трѣсе; Ї л' ћеш коња дати на рѣзмену, ѝ л' ћемо га на силу дѣти* (Нар. песня); *Ї л' ѹмрла, ѝ ли пребѣлела, ја не могу вѣша снѣха бити* (Нар. песня); *Ї ли говори онако како се облачиш, ѝ ли се обуци онако како гвѣршиш* (И. Стоянович), а также подобные предложения с союзом *а* перед каждым из них: *Вулу је свејдно: ѿ нѣсио цѣк на мѣлаву, ѿ копао кукурузе* (Бранково коло). Предложения, в которых в функции союза выступает существительное *вѣла* или причастие *било*, почти всегда имеют фразовое ударение на этих союзных словах. То же относится и к ограничительным предложениям типа: *Симон нѣшта нѣ мисли, сѣмо се смѣшкѣ* (И. Андрич); *Цѣло сам дрѹштво забављао свѣјим причама, јѣдино нѣга од тога нѣшта нѣ је занѣмало* (разговорная речь); а также к придаточным вопросительно-относительным предложениям, в которых вопрос стоит как раз на первом, союзном слове, например: *Причајте нам шта се догѣдило* (П. П. Негош); *Прво је излѣжио шта свѣ трѣба предѹзети за обезбѣђење* (разговорная речь); *Ја нѣсам пѣмислио како ћемо се врати* (там же); *Нѣ рече нам кад мѣслиш нѣтраг* (там же) и т. д., или к сопоставительным предложениям, указывающим на резкое несоответствие между его составляющими: *Тѹ Кѣтѣра, нѣси ни вѣдио, камо л' мѣјѣј кѹли дѣлазио* (народная песня); *Нѣје вас стѣд и срам такова што вѣрвати, нѣкмоли говори* (А. Шеноа); *Атѣм гѣе у сунчану зрѣку, тѣли нѣће у нѣмѣрну дѹшу* (П. П. Негош); *Нѣ може он да јѣ извѣче ни ѣсмѣх на ѹста, гдѣли да јѣ ѝзмѣми пѣре* (М. Кашанин), где именно союзное слово должно передать крайнюю степень этого несоответствия; или к уступительным предложениям типа: *Јако је за живѣта дѣста неразговѣрао, ѝпѣк нѣ може да шѹти ни ѣднѣ кад је сѣм* (И. Великанович); *Пѣнешто јѣш кажем као и она, мада сам сѣсвѣм мѣлѣ дѣстала сирѣче* (И. Секулич); *Глѣдан пѣс лѣје мѣкар да су му свѣ бвце на дкуну* ('а они, действительно, в сборе' — М. С., народная пословица); *Ако су га крѣсте нагрѣдѣле* ('а они его изуродовали' — М. С.), *здраве су му дѣи дѣстанѹле* (нар. песня); *Нѣка је и погрѣшио, нѣ знѣчи тѣ да се нѣ може ѝсправити* (разговорная речь). Три последних уступительных предложения с акцентованным союзом имеют совершенно иной смысл, чем те же предложения с безударными союзами. С ударными союзами они индикативны, собственно относительно индикативны, а с безударным союзом они были бы модальными (сослагательными). Первое предложение с ударным союзом означает, что голодный пес лает в любом случае, в том числе и тогда, когда все овцы

в сборе, т. е. независимо от того, что все они на месте, а то же придаточное предложение с безударным союзом имело бы скорее условный характер, т. е. означало бы, что голодный пес лает, несмотря на то, что все овцы налицо. Такое же толкование можно дать и двум следующим предложениям с акцентованными и неакцентованными союзами *ako* и *neka*. В этих и подобных примерах, где ударный союз имеет не только интонационный или стилистический, но и смысловой характер, особенно наглядно выступает значение союза как носителя фразового ударения.

Еще ярче семантико-синтаксическая функция союзов проявляется тогда, когда они акцентованы, но на них не падает фразовое ударение. Именно этот тип акцентованных союзов интересует нас здесь в первую очередь, тем более, что в этой функции употребляются не все, а только некоторые союзы. В этом случае они играют не только усилительную, но и различительную роль. В сущности это внешние показатели, употребление которых чаще всего никак не может объясняться семантической близостью соответствующим предложениям; реже они связывают предложения, где другие формы и даже языковые условия в целом не позволяют определить, какое из двух близких значений данных предложений имеется в виду.

Типичным примером первого может служить союз *a*, который, будучи нормальным и самым обычным средством связи в сложносочиненных предложениях с противительным значением, никогда не имеет акцента: *To je човек nevinn kao jagње, a ти се без потребе плашиши и сумњичиши* (И. Андрич); *Тридесет година гони се за том животном непосредношћу, а још није стигао* (М. Крлежа); *Сад он то чека, а вријеме споро одлази* (М. Лалич); *Марјан га види овако обезвољеног, а помоћи му не умије* (И. Баркович) и т. д. Если этот же союз связывает придаточное временное предложение с главным, то он выступает всегда с акцентом, ср. *Ти си замисљен, а листак шушне* (Дж. Якшич); *а се приказивање сврши, она прва крене око совре* (М. Дж. Миличевич); *а паде на узнак; селјаци га прихватише* (Л. Лазаревич) — обычно обозначая время, непосредственно предшествовавшее времени действия главного предложения.

Любопытно отметить еще один союз, который может употребляться и в сложносочиненных предложениях с противительным значением, и в сложноподчиненных с придаточным времени. Это, как мы показали в названной выше работе о характере значения союза, близкие предложения в том смысле, что в противительных предложениях ощущается временной оттенок значения, и, наоборот, во временных — противительный, что иллюстрируется следующими примерами: *Једна страна лица му је већ избријана док му је друга под сапуницом* (Р. Маринкович); *Седео је код куће*

док му је коса споро расла (И. Андрич), в первом из которых пре-
валирует противительное, а во втором — временное значение.
Однако ситуация в целом придает и временное значение первому,
и противительное — второму. И потому *док* в обоих случаях
подлинный союз, т. е. слово безударное.

С одной стороны, более простой, а с другой стороны, более
сложный случай — употребление союза *пошто* как средства связи
в двукомпонентных причинно-временных предложениях. Хорошо
известно, что этот союз, хотя его причинная функция и оспарива-
лась рядом видных грамматистов сербскохорватского языка
(Т. Маретичем и некоторыми другими), в одинаковой мере обслу-
живает как один, так и другой тип предложений. Естественно
было бы ожидать, что и в тех, и в других он употребляется без
акцента. Действительно, чаще всего так и есть. Причинное зна-
чение каждый раз легко отличается от временного благодаря
значению других элементов предложения. Однако так бывает не
всегда. Есть случаи, когда придаточное предложение с союзом
пошто может быть по смыслу как причинным, так и временным.
Очень показательные примеры такого рода мы уже привели
в нашем «Синтаксисе»⁴: *Виско је био отпуштен пошто је
његово мјесто заузео Мате Маграм*. Если прочесть эту фразу
с безударным союзом, то она производит впечатление сложного
предложения с придаточным причины (со значением: Виско был
отпущен (уволен) потому, что его место занял Мате Маграм).
Но можно понять эту фразу и так, что Виско был уволен только
после того, как Мате Маграм занял его место. И если нужно
было бы этой фразе придать это временное значение, а оно без
всякого сомнения именно таково, то союз *пошто* должен был бы
быть ударным, а вся фраза — звучать с такой интонацией: *Виско
је био отпуштен п ò ш т о је његово мјесто заузео Мате Ма-
грам*. Поскольку этот союз в причинных предложениях всегда
неакцентован, как и другие причинные союзы, а во временных
предложениях, если требуется подчеркнуть именно этот, времен-
ной, оттенок, он акцентируется, мы считаем вопреки многим
сербским грамматистам союз *пошто* в первую очередь причин-
ным союзом.

Точно так же, хотя и с противоположным соотношением значе-
ний, союз *док*, наряду со сложноподчиненными временными и
сложносочиненными предложениями с противительным значением,
употребляется и в сложноподчиненном предложении с придаточ-
ным причины — в этом случае он обычно акцентован, например:
Баш си нечовјек д ò ж си своју вјеру превернуо (нар. поговорка)
и ряд других, которые можно найти в уже упомянутом «Син-
таксисе».

⁴ М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. II. Синтакса.
Београд, 1969, стр. 860.

Акцентованность (resp. неакцентованность) союза является единственным показателем, позволяющим определить характер сложных предложений, также и в предложениях типа *Док се диш, ништа не можеш постићи*, где по другим элементам невозможно определить, временное или причинное значение они выражают. Однако здесь союз *док*, в противоположность союзу *пошто*, выступает без ударения во временных предложениях и под ударением — в причинных. Из этого следует, что союз *док* должен быть отнесен к категории временных союзов (но, разумеется, к противительным в паратаксисе), принимающих, но только при известных условиях, о которых говорилось выше, функцию соединения придаточных причины с главными.

В той же функции, что и акцентованное *а*, т. е. в функции средства связи между придаточными временными и главными в сложноподчиненных предложениях, где действие главного предложения непосредственно следует за действием придаточного, употребляются акцентованные союзы *чим*, *штò*, *како* и *тèк*. Это хорошо видно из примеров: *Све се то видјело чим су поворке кренуле градским улицама* (Р. Маринкович); *Чим дете одбије од сисе, узећу јој га* (Д. Чосич); *Штò их пусти из кокошарника, кобац слети у njih* (разговорная речь); *Беже из боја како прва пушка пукне* (Л. Ненадович); *Како је пројахао владар, буде дивизија позвана натраг* (С. Крешич); *Тèк он заспи, ето ти девет пауница* (нар. сказка); *Тèк соколу прво перје никне, он не може више мировати* (П. П. Негош).

Любопытно еще обратить внимание на то, что во временных предложениях союзы *што* и *како* (по происхождению первый — относительное местоимение, а второй — наречие образа действия, и потому, естественно, их первичная функция — присоединять относительные придаточные и соответственно придаточные обстоятельственные образа действия или сравнения) употребляются как союзы со значением *откако*, *откад* 'с тех пор, как', например: *Четири месеца претекоше што се познајемо* (разг. речь); *Како је дошао из апсе, није се дигао из постеле* (Д. Чосич); *Близу је пет стотина година како га људи спомињу* (Л. Ненадович); *Шта је то према астрономским цифрама прохујалих векова како је уопште човечју језику постао* (А. Белич), причем обычно, хотя и не всегда (в первом предложении с союзом *како* этого нет), помимо союза, в главном предложении содержится некое уточнение в виде обстоятельства времени (в данном случае: *четири месеца, пет стотина година, астрономске цифре прохујалог времена*), которое и обуславливает именно временное значение придаточного предложения, поэтому в этих случаях отпадает потребность в специальном знаке (речь идет об ударении союза) для уточнения значения. Обратим внимание, кроме того, на тот факт, что оба эти союзы

(мы их называем так по их функции в составе сложного предложения) не нуждаются в специальном выделении или акцентировании также и тогда, когда они употребляются в сложноподчиненных предложениях со значением причины, поскольку причинное значение вытекает из самой ситуации предложения, например: *Мене бијаше стид што му некад о сељацима рекох да су «дивна и неприсподобива» челяд* (Д. Шимунович); *Чим не мислиш како мисли пандур, онда си завереник* (Д. Чосич) и *Како су кише падале и прекодан, литице су пуштале из себе беле и сјајне магле* (Й. Дучич).

Союз *тек* отличается от предыдущих прежде всего по происхождению (это турцизм), а затем и по значению: он может выражать противопоставление, например, *На предњем делу било је весло, право сплаварско весло, тек краће и слабије* (И. Андрич) или ограничительность, ср. *Лена мајка која сваког љуби, тек не свога сина и јединца* (Дж. Якшич). Как и предыдущие союзы, он употребляется в причинных и временных сложноподчиненных предложениях, причем, присоединяя придаточное причины, он, как подлинный союз, остается безударным, например, *Чуће се бојим се и горијех ствари тек немамо главе ни памети* (В. Ст. Караджич), а для выражения временного значения он снабжается акцентом, ср. примеры, приведенные двумя абзацами выше.

Из сказанного видно, что как выразители специального значения акцентованные союзы чаще всего употребляются для присоединения придаточных предложений времени, а затем причинных; в некоторых случаях — также и уступительных. Акцентованные союзы встречаются и в сложносочиненных предложениях, например, в предложениях с союзом *зато*. Нормально он безударен, как всякий сочинительный союз, и выражает значение с оттенком следствия некоторой причины, например: *Била је од свих својих сестара мирнија и послушнија, зато својим родитељи ма најмилија*. Тот же союз с иным, противительным значением акцентован: *Његова најмлађа кћи била је много ружнија од својих сестара, зато највереднија од свих*.

Акцентуация союзов в целом, как мы имели случай недавно показать⁵, по существу играет ту же роль, что и фиксированное место некоторых союзов в предложении (ср. *на* или *пак*), удвоение союзов и т. п.

Перевела с сербскохорватского

С. М. Толстая

⁵ См.: М. Стевановић. Карактер значења везника. . .

Фонетические наблюдения над ономотопеическими образованиями с суффиксом *-ot* в верхнелужицком

С. М. Толстая

Интерес к фонетической стороне ономотопеи не только понятен, но и достаточно тривиален: само собой разумеется, что специфику звукоподражательной лексики следует искать прежде всего в ее фонетической организации. Ономотопея, по общему мнению, в двух существенных отношениях противопоставлена всей остальной лексике: во-первых, именно ономотопея колеблет фундаментальные представления о произвольности (немотивированности) звуковых единиц языка, стимулируя целые направления лингвистических (и психологических) исследований в области звукового символизма¹; во-вторых, ономотопея очень слабо подчиняется фонетическим, а отчасти и грамматическим законам, обязательным для не ономотопеической лексики, что заставляет рассматривать ее как особую подсистему (в частности фонологическую) или во всяком случае как явную периферию языка². Хорошо известны и во многих случаях убедительны примеры из разных языков, подтверждающие это. Тем не менее следует признать сильно преувеличенным представление о звуковом «анархизме» ономотопеической лексики, по крайней мере той, которая не относится к так называемым непосредственным имитациям и носит следы грамматической и словообразовательной оформленности, что и обеспечивает в сущности ее принадлежность к языку. Прежде всего это представление базируется на явно недостаточных фактических данных: если говорить о славянских языках, то

¹ См. в частности: J. M. Kořinek. Studie z oblasti onomatopoeje. Praha, 1934; Он же. Laut und Wortbedeutung. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 8, 1939; H. Wisseman. Untersuchungen zur Onomatopoeie. Heidelberg, 1954 (Bd. I. Die Sprachpsychologischen Versuche); Fr. Kopečný. Slavistický příspěvek k problému t. zv. elementární přibuznosti. «Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов». София, 1957; H. Marckhan. Phonetic symbolism in English Wordformation. «Indogermanische Forschungen», 64, 1959; А. М. Газов-Гинзберг. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965.

² См.: Д. В. Бубрих. К проблеме изобразительной речи. «Уч. зап. Карело-финского ун-та», т. III, вып. 1. Петрозаводск, 1948; J. M. Kořinek. Zur lautlichen Struktur der interjektionalen Sprachgebilde. «Slavia», roč. XV, seš. 1 (Praha), 1937.

за исключением работ Д. Боранича³ и Р. Смаль Стоцкого⁴, преследовавших преимущественно иные, этимологические и словообразовательные цели, нельзя указать ни одного исследования, в котором предлагалось бы элементарное описание фонетического состава какой-либо группы ономатопей в каком-либо славянском языке или диалекте. Говоря о преувеличении, мы имеем в виду, что при ближайшем рассмотрении ономатопейческие слова обнаруживают не только признаки известной фонетической организации, но даже более высокую степень упорядоченности, чем это вообще свойственно лексике. Именно с этой точки зрения обращают на себя внимание верхнелужицкие ономатопейческие существительные и соотносительные с ними в семантическом и словообразовательном плане глаголы с суффиксом -ot типа dupot 'топот' — dupotać 'топать, тяжело ступать'.

Образования такого рода известны в той или иной мере всем славянским языкам, но особенную продуктивность они получили в западославянской области. В верхнелужицком языке они составляют довольно обширную группу, включающую более 170 глаголов и около 90 существительных⁵. В семантическом отношении для этих слов наиболее характерно и, вероятно, первично обозначение звучания, ср. bórbotać 'бурчать, урчать, журчать', plapotać 'болтать языком, молотить' и т. д., хотя нередки случаи, когда они передают зрительное восприятие света или движения; ср. włobotać 'мигать' и одновременно 'бормотать, заикаться'; bórkotać 'мигать, искриться, сверкать, блестеть'; frinkotać 'мигать, искриться'; libotać 'дрожать, прерываться (о голосе)' и 'мигать, мерцать, мелькать'; měrkotać 'мигать, мерцать, мелькать'; sarotać 'мигать, полыхать' и др., а также ряд глаголов (и соответствующих существительных) со значением 'дергаться, дрожать, трепетать, трястись': dydotać, dyrkotać, śawkotać, hibotać, hubotać, huhotać, libotać, rejkotać, skakotać, trąskotać, třepotać, šwjerkotać, или со значением 'раскачиваться, шататься, болтаться, колыхаться': chabłotać, kiwkotać, klunkotać, pjerchotać; 'махать, размахивать, раскручивать, кружить': machotać, šlepotać, kołotać, schluskotać; ср. также mikotać, 'моргать', fukotać 'перебегать, проноситься, мелькать'. Для

³ Dr. B o r a n i ć. Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. «Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti», knj. 178, № 72. Zagreb, 1909.

⁴ Р. С м а л ь С т о ц к и й. Примитивний словотвір. Варшава, 1929.

⁵ Такое количество слов с суффиксом -ot содержится в словарях: F. J a k u b a š. Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin / Bautzen, 1954; H. Z e m a n. Słownik górnołużyczko-polski. Warszawa, 1967 (см. прилагаемый index a tergo). — Сопоставление этих двух источников, из которых в большинстве случаев второй дает более полное отражение интересующей нас лексики, позволяет думать, что, по-видимому, значительное число подобных слов остается незафиксированным.

этих трех семантических категорий (звук, свет, движение), выражаемых образованиями на -ot, общим признаком, на основе которого достигается их объединение в рамках одного словообразовательного типа или даже одной лексемы, оказывается «прерывистость», составляющая неотъемлемый компонент значения независимо от того, идет ли речь о передаче слухового (звук) или зрительного (свет, движение) восприятия⁶.

Словообразовательные отношения, связывающие глаголы и существительные с суффиксом -ot, достаточно сложны, неоднородны и в некоторых моментах противоречивы. Не имея возможности говорить здесь об этом подробнее, отметим лишь самое очевидное. Формальная структура явно указывает на производность глагола от существительного, уже содержащего суффикс -ot, причем само это существительное должно быть возведено в таком случае к какой-то третьей основе. Исходя из того, что обычной функцией суффиксов с формантом *t* в праславянском было оформление отглагольных имен (инфинитив, сунин, *nomina actionis* на *-tī, причастия), следует предположить, что этой третьей основой была глагольная основа без суффикса, т. е. *piskać* → *piskot* → *piskotać* (гораздо менее вероятна деривация типа *pisk* → *piskot*). Однако в более поздние эпохи, когда глаголы на -otać получили самостоятельную продуктивность, они могли образовываться уже непосредственно от глаголов на -ać, минуя промежуточную стадию отглагольного существительного на -ot. Об этом свидетельствует тот факт, что подавляющее большинство нерхнелужицких глаголов на -otać имеет соответствие в виде синонимичного глагола на -ać, ср. *brinkotać* — то же, что *brinkać*, в то время как примерно половина их не имеет соответствующих существительных на -ot.

Единое словообразовательное оформление, обеспечивающее тождественный фонетический исход интересующих нас существительных и глаголов (соответственно [ot] и [otać]), дает нам право ограничиться в дальнейшем рассмотрением фонетической структуры ономастических корней, предшествующих в этих образованиях суффиксу -ot.

Из 179 корней 178 односложных и один двусложный: *šwirinkotać*. Каждый корень состоит из трех элементов: (1) превокалического согласного (группы согласных); (2) гласного корня; (3) поствокалического согласного (группы согласных). Ни один из этих трех компонентов не может быть представлен нулем. Общая схема корня выглядит так:

$$\begin{array}{c} [(s \check{s}) - C - (R)] \\ (1) \end{array} \quad - \quad V - \quad [(R) - (s \cdot c \check{s}) - C] \begin{array}{c} (2) \\ (3) \end{array}$$

⁶ Те же три семантические области выделяются Р. Смаль Стоцким для украинских междометий. См.: Р. С м а л ь С т о ц ь к и й. Указ. соч., стр. 111 и сл.

где *C* — всякий согласный, *R* — сонант, *V* — гласный. В скобки заключены элементы, которые могут отсутствовать. Как видим, структура начальной и конечной консонантной группы корня в целом отвечает общим правилам построения консонантных последовательностей. Заметим, что зеркальность этих групп нарушается тем, что согласные *s c š* предшествуют элементу *C* в поствокалической группе, а не следуют за ним.

В превокалическом положении зафиксировано всего 67 разных консонантных групп, обслуживающих 179 корней. В качестве элемента *C* могут выступать 28 разных согласных: губные *p* (*p* 5, *pr* 5, *pr'* 3, *pl* 3, *spl* 1, *spr* 1), *p'* (*p'* 5, *sp'* 1), *b* (*b* 5, *br* 2, *br'* 1, *bl* 2, *bw* 1), *f* (*f* 2, *fr* 1, *fr'* 1), *f'* 1, *w* (*w* 1, *wr'* 1), *w'* 1, *m* (*m* 3, *mr* 1), *m'* 5; переднеязычные и *j*: *t* (*t* 4, *tr* 1, *st* 2, *št* 1), *d* (*d* 8, *dr* 3, *dr'* 3), *s* (*s* 3, *sl* 1, *sm* 4, *sm'* 3, *sn* 1), *z* 1, *c* 4, *š* (*š* 4, *šr* 1, *šl* 4, *šw* 1, *šw'* 2), *č'* (*č'* 9, *šč'* 5), *n* 1, *l* 4, *r* 7, *r'* 3, *j* 2; заднеязычные — *k* (*k* 3, *kr* 1, *kl* 9, *kn* 3, *kš* 2, *sk* 1, *škr* 1, *škr'* 3), *k'* 3, *g* 1, *g'* 1, *x* (*x* 2, *xr* 2, *xl* 1, *szl* 1), *x'* 1, *h* 6, *h'* 3. (Цифры показывают число реальных корней, которым соответствует данная консонантная группа).

Среди согласных, выступающих в качестве обязательного элемента (*C*), отсутствуют *b'*, *ń*, *ž*, *ž'*. Остальные согласные представлены в следующем соотношении: губные в 52 корнях, переднеязычные и *j* в 83, заднеязычные в 44.

В качестве факультативного компонента консонантной группы, предшествующего *C*, употребляются *s* и *š*, первый из которых явно префиксального, второй, вероятно, экспрессивного характера. После обязательного элемента встречаются в этой позиции только сонанты и *š* (<*r'*). 98 корней имеют в превокалическом положении один лишь элемент *C* без наращений слева или справа.

В поствокалической позиции репертуар согласных и их сочетаний втрое меньше: 21 согласный (консонантная группа) обслуживает 179 корней. В качестве элемента *C* здесь представлены: губные *p* (*p* 35, *tp* 8, *rp* 2, *šp* 1), *b* (*b* 16, *rb* 1), *m* 5 (плюс группа *bw* 1); переднеязычные *d* 1, *n* 1; заднеязычные *k* (*k* 30, *sk* 1, *jk* 2, *wk* 8, *nk* 9, *rk* 12, *sk* 26), *g* 2, *x* (*x* 12, *rx* 4), *h* 2. Факультативными компонентами групп оказываются, как и в превокалическом элементе, прежде всего сонанты, а также *j* и *c š s*.

Бросается в глаза, что инвентарь согласных, могущих употребляться в качестве элемента *C* поствокалической группы, т. е. согласных, непосредственно предшествующих суффиксу -ot, резко отличен от того, который представлен в превокалическом элементе корня. Во-первых, он несравненно более скудный (10 согласных вместо 23); во-вторых, что особенно примечательно, типы допустимых в этой позиции согласных строго ограничены признаком периферийности, т. е. серией губных и заднеязычных. Ср. коли-

чественные показатели (число корней разного типа), характеризующие превокалическую и поствокалическую позицию:

Элемент <i>C</i>	Позиция	
	превокалическая	поствокалическая
Губные	52	69
Заднеязычные	44	108
Прочие	83	2

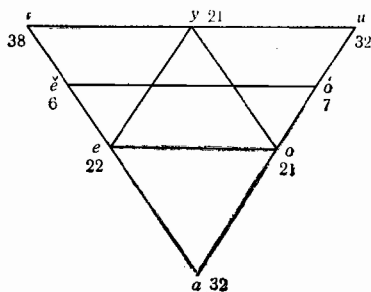
Чем объясняются эти достаточно сильные ограничения, налагаемые на поствокалический согласный корня? Одну из причин предпочтения периферийных согласных непериферийным можно было бы усматривать в том, что в экспрессивной и ономатопеической лексике согласные типа *p* и *k* вообще имеют повышенную нагрузку⁷. Однако, как было показано, первый (превокалический) компонент рассматриваемых здесь ономатопеических корней вовсе не обнаруживает преобладания губных и заднеязычных, чего следовало бы ожидать, предположив подобный фонетический мотив. С фонетической точки зрения более естественным было бы не противопоставление, а, наоборот, уподобление поствокалических элементов превокалическим, тем более, что в ономатопеических корнях обычны явления полной или частичной редупликации, которая могла бы отразиться в их фонетическом составе. Остается еще одно чисто фонетическое объяснение — периферийные согласные могли бы предпочитаться непериферийным в образованиях с суффиксом *-ot* из диссимилиативного (по отношению к согласному суффикса) принципа, но, к сожалению, такое объяснение трудно защищать из-за отсутствия аналогичных фонетических зависимостей в иных словообразовательных типах.

Скорее всего все же речь должна идти не столько о фонетической, сколько о словообразовательной природе этих ограничений. Различие между превокалическим и поствокалическим репертуаром допустимых согласных, трудно объяснимое с фонетической точки зрения, может быть, вероятно, с большим успехом интерпретировано как черта морфологической структуры слова, предписывающей усиление фонетических ограничений именно по направлению к концу слова: наибольшие ограничения диктуются флексиями, затем актуальным словообразовательным составом основы и, наконец, исторически сложившейся структурой корня. В таком случае губные и заднеязычные, занявшие преобладающее положе-

⁷ См. анализ звукоподражаний в обстоятельной работе Д. Боранича (Dr. В о га пі с. Указ. соч.), а также наблюдения Р. Смаль Стоцкого над украинскими междометиями (Р. См аль Сто ць к и й. Указ. соч.).

ние в корнях ономотопеических основ с суффиксом *-ot*, могут трактоваться, независимо от характера и направления деривативных связей, как достаточно древние детерминативы глагольных корней, первоначально служивших источником отглагольных производных с суффиксом *-ot*. Впоследствии эти детерминативы, утратив свою словообразовательную роль, сохранились только как фонетическая примета основ определенного словообразовательного типа. Самое любопытное заключается в том, что несомненно поздние ономотопеические образования с этим суффиксом, возникшие на западнославянской почве в период вторичной продуктивности суффикса (уже, по-видимому, преимущественно в сфере внутривлагольной деривации), все еще ориентированы на фонетическую структуру корней, первоначально присоединявших суффикс *-ot*, и в полной мере соблюдают ограничения, наложенные в древности исконной словообразовательной моделью на фонетический состав производящих основ.

Переходя к вокалическому компоненту корня, заметим, что тенденция к периферийной артикуляции, обнаруженная в поствокалическом компоненте, поддерживается и системой гласных, где тоже преобладают звуки, артикулируемые в крайних зонах речевого аппарата, хотя это преобладание далеко не столь внушительно, вероятно, потому, что гласные ориентированы не только «вперед», но и «назад», к превокалической группе. Соотношение корней с разными гласными таково: *a* — 32, *e* — 22, *ě* — 6, *i* — 38, *o* — 21, *ó* — 7, *u* — 32, *y* — 21. Нетрудно заметить, что количественное распределение вполне соответствует фонетическим отношениям в системе вокализма (рисунок).

Гласные, образующие большой треугольник, т. е. *i — u — a*, представлены в наибольшем числе корней; затем идут гласные малого треугольника *e — o — y* и, наконец, гласные *ě — ó*, самые редкие; хотя возможно, это распределение отражает не более чем общее соотношение частот разных гласных в верхнелужицком языке.

Заметной особенностью рассматриваемой группы слов является их фонетическая близость, вследствие чего очень многие пары корней отличаются друг от друга минимальными фонети-

ческими признаками, например, *dak — tak, fik — pik, kink — klink, dup — tup; lap — lip, hib — hub, gor — gup; cyrk — cygr, knyk — knysk, gok — gor* и т. д., причем одинаковая степень различия может характеризовать как семантически тождественные корни, так и сильно расходящиеся в значении, ср. *babotać* 'болтать' и *blabotać* 'то же', с одной стороны, и *bobotać* 'звучать, греметь' и *blobotać* '1. мигать (о свете), 2. бормотать, заикаться', с другой стороны.

В большинстве случаев сходство такого рода наблюдается в корнях с тождественным вторым и третьим компонентом и с различным превокалическим согласным: *hap — g'ap — kap — lap — plap — ślap — rap — drap — sap — śwap* (10); *lip — klip — slip — drip — skrip — kšip — ślip — prip* (8); *cuk — fuk — puk — fruk — šuk — šćuk* (7) и т. д. Обильнее всего здесь представлены пары или ряды корней, в которых возможны замены превокалического элемента типа *C — C* (*bub — hub*), затем типа *C — CR* (*pisk — prisk*), *R — CR* (*gok — krok*) и т. д.

Корней, отличающихся друг от друга только поствокалическим элементом, очень немного. Предельная длина ряда в этом случае составляет всего 5 корней: *dyd — duch — duk — dup — dyrk*, большинство же корней вообще не вступает в такие пары.

Корни, отличающиеся друг от друга только гласными, т. е. имеющие тождественный консонантный состав, образуют еще более короткие ряды, из которых самый длинный содержит 4 корня: *prask — prósk — prusk — prysk*. Среди пар такого типа немало семантических дублетов, например, *brob — brub, knósk — knysk, plesk — plusk* и т. д., в остальных случаях различия в гласных сопровождаются семантическими расхождениями, как правило разнородными и не позволяющими говорить о существовании какой-либо зависимости между звучанием и смыслом, хотя есть примеры, когда корни с разными гласными выражают разную степень одного и того же действия, например, *chach-* 'о громком хохоте' — *chich-* 'о легком хохоте' или *lap-* 'хлебать' — *lip-* 'лизать' и некоторые другие; прямое и переносное значение: *ćik-* 'щебетать' — *ćek-* 'болтать (языком)' и т. д.

Отмеченные здесь (по необходимости кратко) особенности фонетической структуры ономатописических образований с суффиксом *-ot* в верхнелужицком языке заслуживают, по нашему мнению, более пристального внимания, в том числе и в связи с аналогичными образованиями других славянских языков, прежде всего западнославянских. Они во всяком случае любопытны как признаки явной фонетической упорядоченности одной периферийной (ономатопей) лексической и словообразовательной группы. Исторические и этимологические уточнения, касающиеся рассмотренных здесь слов, возможно, приведут к совершенно иному объяснению причин этой упорядоченности. Пока же можно только повторить, что фонетическая невыразительность (монотонность) поствокалического компонента корня, в частности, на фоне раз-

нообразия превокалического компонента свидетельствует, по всей вероятности, о скрытых реликтах словообразовательных отношений.

В заключение хотелось бы обратить внимание на весьма показательную параллель из литовского языка. В известной работе А. Лескина⁸, посвященной литовским глагольным (предикативным) междометиям, рассмотрено примерно 180 слов типа *dvàkt*, *plumpt*, которые оканчиваются на *t* (*st*, *št*), причем Лескина интерпретирует именно грамматическая структура этих образований, которые он возводит к литовскому инфинитиву в одной из его синтаксических функций. С фонетической, а возможно, и с этимологической и грамматической точек зрения эти междометия сопоставимы со славянскими отглагольными деривативами, включающими формант *t*. Предварительный анализ слов, приводимых Лескиным, показал, что они аналогичны славянским и в отношении интересующей нас фонетической структуры корня: формант *t* предшествует в 98 случаях заднеязычный (*k*, *g*), в 53 случаях губной (*p*, *b*, *m*) и только в четырех словах, оканчивающихся на *-st*, с уверенностью реконструируется *-d*, в остальных (≈ 20 слов) характер последнего согласного корня этимологически не вполне ясен.

Index a tergo

*babotać	huhotać	*dakotać	*hořkotać
blabotać	*gagotać	*jakotać	*hankotać
hrabotać	*gigotać	*mjakotać	kinkotać
škrabotać	*chachotać	*skakotać	klinkotać
drjebotać	*machotać	takotać	*pinkotać
*škrjebotać	směchotać	mickotać	*brinkotać
*šćeботаć	*chichotać	*mjekotać	*frinkotać
*hibotać	smochotać	*čekotać	šwirinkotać
*libotać	čerchotać	*šéekotać	ćinkotać
*bobotać	*pjerchotać	*škrėkotać	klunkotać
blobotać	spjerchotać	*fikotać	frunkotać
brobotać	smorchotać	hikotać	*kokotać
drobot[ać]	čuchotać	likotać	*rokotać
*bórbotać	čmuchotać	*mikotać	*krokotać
*bubotać	juchotać	*pikotać	mrokot[ać]
hubotać	*nuchotać	křikotać	šwjerkotać
brubotać	snuchotać	*ćikotać	*šćerkotać
dydotać	*dychotać	rejkotać	mėrkotać
*rjehotać	smychotać	smėjkotać	*smorkotać

⁸ A. Leskien. Schallnachahmungen und Schallverba im Litauischen. «Indogermanische Forschungen». B. XIII, 1902, H. 3 und 4.

bórkotać	*kluskotać	drēmotać	škripotać
*mórkotać	*pluskotać	*hrimotać	*křipotać
kurkotać	spluskotać	*hromotać	campotać
šurkotać	pruskotać	šrumotać	himpotać
cyrkotać	truskotać	*stonotać	klimpotać
*dyrkotać	*błyskotać	*hapotać	šlimpotać
fyrkotać	*knyskotać	*rjapotać	dumpotać
zyrkotać	pryskotać	kapotać	*pumpotać
*praskotać	*cukotać	lapotać	rumpotać
*spraskotać	fukotać	*plapotać	chrympotać
třaskotać	klukotać	*šlapotać	*ropotać
*prjeskotać	*pukotać	*papotać	*propotać
*wrjeskotać	*šukotać	*drapotać	topot[lać]
kleskotać	šćukotać	sapotać	*pórpotać
pleskotać	hawkotać	šwapotać	cyrpotać
*chliskotać	kjawkotać	*rjepotać	*pišpotać
kliskotać	ćawkotać	*klepotać	*dupotać
*piskotać	směwkotać	šlepotać	*tupotać
priskotać	kiwkotać	*třepotać	*stupotać
*łoskotać	ćiwkotać	*šepotać	*dypotać
*moskotać	sćowkotać	lipotać	rypotać
*knóskotać	*dykotać	klipotać	*drypotać
*chróskotać	knykotać	slipotać	sygotać
próskotać	*sykotać	*šlipotać	tygotać
*porskotać	chabiotać	dripotać	štygotać
schluskotać	łamotać	pripotać	

* означает, что в использованных источниках, помимо глагола, зафиксировано существительное на -ot; квадратные скобки означают отсутствие глагола.

Отчества на *-ич* и их отношение к русским фамилиям

Б. О. Унбегаун

Зависимость русских фамилий от отчеств на *-ов* и *-ин* хорошо известна и не менее хорошо исследована. Однако исследователи странным образом прошли мимо вопроса об отношении отчеств на *-ич* к русским фамилиям. Между тем это отношение включает в себе несколько любопытных и невыясненных вопросов. Цель настоящей статьи указать на эти вопросы.

До XIX в. в русском языке могло быть несколько типов отчеств. По происхождению это были притяжательные прилагательные на

-*я* (*Яковль*), -*ов/-ев* (*Степанов, Алексеев*), -*ин* (*Фомин*). Первый из этих суффиксов в сущности редко употреблялся в функции отчества. Сохранялся он как пережиток в топонимических названиях (*Ярославль, Ивань-город, Аркажь-монастырь*) и в некоторых выражениях (*Боришь день*). Типичным суффиксом отчества стал -*ов/-ев*, почти утратив благодаря этому функции притяжательного прилагательного. Суффикс -*ин* имел меньшую патронимическую продуктивность просто в силу того, что имена на -*а/-я*, пользующиеся этим суффиксом, составляют меньшинство; поэтому он сохранил еще некоторую продуктивность в функции притяжательного прилагательного. Все это общеизвестные факты, не требующие специального подтверждения.

К отчествам на -*ов/-ев* и -*ин* мог также прибавляться суффикс -*ич*, что превращало их из кратких прилагательных в существительные: *Степанович, Алексеевич, Фоминич*. Этот тип отчества был, например, популярен в старом Новгороде и Пскове во время их независимости, особенно, но не исключительно, в высших слоях общества. Это отчество образовывалось обыкновенно от христианских имен, но есть примеры его употребления и от некалендарных имен, например, *Иван Карманович* (Псков, XIV в.), *Гошкой Жирятинич* (Новгород, XIV в.).

В дальнейшем употребление отчеств на -*ич* подверглось постепенному ограничению, в частности, в Великом княжестве Московском в XV в. отчества на -*ич* применялись только к князьям и боярам, о чем свидетельствуют записи в начале Разрядной книги 1475—1598 гг.¹ В Московском государстве XVI и XVII вв. отчества на -*ович/-евич* подверглись еще большему ограничению и стали привилегией двух высших слоев служилой аристократии — бояр и окольничих; кроме того, с этими отчествами писались также думные дворяне и носители некоторых придворных должностей, как, например, казначеи, постельничие, оружничие, сокольничие. Княжеское происхождение, в отличие от предыдущей эпохи, перестало играть роль, хотя большинство бояр и были князья. Но многочисленные дети этих князей были лишь «боярскими детьми» и, имея право на титул князя, не имели права на отчество -*ович/-евич* своих отцов. Правительство зорко охраняло эту привилегию и в XVII в. издало несколько указов, регулирующих право «писаться с *вичем*»². Сама необходимость этих повторных указов показывала, что установленная ими практика далеко не всегда соблюдалась, особенно в отношении низшего слоя этой привилегированной верхушки, как, например, думных дворян³.

¹ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, стр. 19—38.

² Все это ясно изложено у В. К. Чичагова («Из истории русских имен, отчеств и фамилий». М., 1959, стр. 47—54).

³ Указание на эту непоследовательность и на распространение отчества на -*ович/-евич* как формы простой вежливости во второй половине XVII в.

Отчества на *-ович/-евич* в XVI—XVII вв. встречаются только от христианских имен. Прозвища, т. е. некалендарные имена, таких отчеств не образовывали⁴. Нужно, впрочем, заметить, что мусульманские имена татарских и кавказских князей и царевичей в отношении отчеств были уподоблены христианским. Так, например, в Разрядной книге 1475—1598 гг. упоминаются «царь» Семион *Бекбулатович*, кн. Василий *Агишевич* Тюменский, кн. Иван *Кельмамаевич*, кн. Петр *Тутаевич* Шейдяков и целый ряд князей Черкасских: Василий *Корданукович*, Семен *Ардасович*, Михаил *Темрюкович*, Борис *Канбулатович*.

Царские указы XVII в., так строго регулирующие употребление отчества на *-вич*, обходят полным молчанием отчество на *-ич*, образованное от имен на *-а/-я*, как *Никитич*, *Фомич*, *Ильич* и под. К XVI в. старая форма этих отчеств типа *Фоминич* была уже заменена формой *Фомич*. Эти отчества, правда, были редки: в Разрядной книге 1475—1598 гг., в Тысячной книге 1550 г. и в Дворовой тетради пятидесятих годов XVI в. встречается лишь одно такое отчество — *Никитич*. Остальные имена на *-а/-я*, по-видимому, не пользовались популярностью среди московской аристократии. Кроме того, отношение к отчествам на *-ич* было вообще иное, чем к отчествам на *-ович/-евич*, как это будет показано ниже.

Формы на *-ович/-евич* и *-ич* продолжали оставаться на русской почве исключительно отчествами и не становились фамилиями, даже тогда, когда в XVIII и особенно в XIX в. они освободились от всяких социальных ограничений. Фамилии с этими окончаниями, нередкие в русской антропонимике, происходят из Украины и Белоруссии, где они могли образовываться не только от христианских имен, как, например, *Григорович*, *Юревич*, но и от имен профессиональных (*Войтович*, *Пушкаревич*) и вообще любых прозвищ (*Высокович*, *Комарович*, *Гнедич*). В московской практике XVI в. украинско-белорусские («литовские» в тогдашней терминологии) формы на *-ич*, образованные не от христианских имен, по-видимому, вообще не рассматривались как отчества, а скорее как прозвища, и поэтому могли принимать окончание *-ев*, как всякое другое прозвище, ставшее фамилией. В Дворовой тетради пятидесятих годов XVI в. под заголовком «Из Юрьева

является заслугой Г. М. Милейковской в статье «Об употреблении отчества в русском языке XVI—XVII вв.» («Slavia», XXXIV, 1965, стр. 114—122). Но она, конечно, не права, отрицая социальный характер отчеств на *-ович/-евич* и даже усматривая в этом, несколько неожиданно, «отзвуки влияния социологической школы Марра» (стр. 114).

⁴ В указателе Разрядной книги 1475—1598 гг. можно, правда, встретить отчества *Жданович*, *Суровцович*, *Третьякович* и под. В тексте, однако, соответствующие отчества приведены в форме *Жданов*, *Суровцов*, *Третьяков*. Совершенно непонятно, почему издатели решили модернизировать наименование лиц в указателе, тем самым обесценив его для исследователей русской антропонимики. Издатель Тысячной книги (см. сноску 5) А. А. Зимин не допустил подобной ошибки.

литва же дворовая» упоминается Карпик Иванов сын *Жеребьячич* и два других лица той же семьи уже под фамилией *Жеребьячичев*: *Александр Семенов* сын и *Офонька Александров* сын⁵. Этот последний упоминается также в Разрядной книге под 1598 г.: *Офонасей Александров* сын *Жеребятчичев*⁶. Русификация украинско-белорусских фамилий на *-ич* при помощи окончания *-ев* была вообще нередким явлением; ср., например, следующие фамилии: *Бурлычев, Вороничев, Княгиничев, Козичев, Коровичев, Коробеничев, Кухтичев, Луничев, Патолычев, Поставничев, Рябиничев*. Она легко поддерживалась чисто русскими фамилиями на *-ев*, образованными от имен на *-ич*, не бывших отчествами, как, например: *Виричев, Кирпичев, Москвичев, Тупичев*.

Однако фамилии на *-ичев* могли образовываться и от русских христианских отчеств на *-ич*, при условии, чтобы это не были формы на *-ович/-евич*. Этим самым как бы подчеркивалось особое положение этих последних. Эти фамилии на *-ичев* принадлежали, очевидно, более низким слоям общества — их во всяком случае нет в текстах XVI и XVII вв. Вообще хронология этих фамилий требует еще специального исследования. В современной русской антропонимике они представлены, однако, довольно обильно. Это, во-первых, фамилии, образованные от отчеств на *-ич* от полных христианских имен на *-а/-я*, как, например, *Кремичев, Ильичев, Исаичев, Кузьмичев, Лукичев, Миничев, Савичев, Силычев, Фомичев / Хомичев, Юдичев*. К этой группе следует прибавить несколько фамилий, образованных от народных форм на *-ила, -ула*, как, например, *Гаврилычев, Данылычев, Кирилычев, Никулычев*.

Но главную массу фамилий на *-ичев* составляют формы, образованные от уменьшительных христианских имен на *-а/-я*, как, напр.: *Авдюнычев, Анычев, Афоничев, Борычев, Васычев, Васютычев, Васюхычев, Веденычев* (от *Ведени* < *Веденей* < *Венедикт*), *Володычев, Гаврычев, Галашычев* (от *Галаша* < *Галактион*), *Ганычев* (от *Ганя* < *Гаврило*), *Геранычев* (от *Гераня* < *Герасим*), *Демичев, Дороничев, Есычев* (от *Еся* < *Есип* = *Осип*), *Зенычев, Зинычев, Карпуничев, Кондрычев, Ларычев, Митрычев, Никешичев, Оленычев / Аленычев, Омелычев / Амелычев, Осычев* (от *Ося* < *Осип*), *Петрычев, Петрунычев, Поличев* (от *Поля* < *Полит* < *Ипполит*, или < *Полевкт*), *Пронычев, Родычев* (от *Родя* < *Родион*), *Савонычев, Селычев, Семычев, Сенычев, Серезычев, Степычев, Филычев, Фимычев / Хилычев* (от *Фима* < *Ефим*), *Харычев, Якунычев*.

Некоторое количество фамилий на *-ичев* восходят к отчествам, образованным от женских имен, полных и уменьшительных, как, напр., *Акулинычев, Варычев, Грунычев, Дарычев, Дашычев, Домнычев, Дунычев, Катычев, Маланычев, Маринычев, Татьянычев, Танычев, Фенычев*.

⁵ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подготовил к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950, стр. 152—153.

⁶ Разрядная книга 1475—1598 гг., стр. 523.

Рассмотренные до сих пор фамилии примечательны, главным образом, как доказательство того, что отчество на *-ич* рассматривалось, по-видимому, не как настоящее отчество, а скорее как вид прозвища, способного поэтому образовывать фамилии на *-ев*. Сами же отчества на *-ич*, к которым эти фамилии восходят, были не только вполне нормальными, но и единственно возможными.

Существуют, однако, фамилии на *-ичев*, образованные от таких христианских имен, от которых мы ожидали бы отчеств на *-евич*, а не на *-ич*. Это, во-первых, от христианских имен на *-ей*, как, например, *Авдешев*, *Марешев*, *Матвеев*, *Михеев*, *Мосеев*, *Осеев*, *Фадеев*; во-вторых, от имен на безударное *-ий*, как, например, *Арсеничев*, *Артемичев*, *Зиновичев*, *Мокичев*, *Мосичев*, *Савеличев*, *Юрьичев* (единственный пример сохранения *й*).

Подобные отчества могли употребляться и от имен, оканчивающихся на твердый согласный, т. е. от тех, которые в литературном языке образуют отчества на *-ович*. Большею частью твердость конечного согласного сохранялась, что вело к окончанию *-ич* в отчестве и *-ичев* в фамилии, как, например, *Артамоничев*, *Глебычев*, *Давыдычев*, *Ермолычев*, *Ефимычев*, *Карпычев*, *Лаверычев*, *Максимычев*, *Мартынычев*, *Мартьянычев*, *Павлычев*, *Парфенычев*, *Пахомычев*, *Романычев*, *Сафонычев*, *Семенычев*, *Сидорочев* (несомненно, искажение *Сидорычев*), *Федотычев*, *Филиппычев*. Для некоторых фамилий существуют параллельные формы с твердым и мягким согласным, по-видимому, только [н] и [р], как, например, *Гурычев* / *Гуричев*, *Егорычев* / *Егоричев*, *Иванычев* / *Иваничев*, *Калинычев* / *Калиничев*, *Макарычев* / *Макаричев*, *Миронычев* / *Мироничев*, *Степанычев* / *Степаничев*, *Ульянычев* / *Ульяничев*. Более редки случаи форм только с мягкой согласной, как, например, *Леоничев*, *Лутичев* (если *Лутич* отчество от *Лупп* / *Луп*), *Федоричев*. Весьма вероятно, впрочем, что формы на *-ычев* существуют и для этих фамилий, но что они просто не попали в мою документацию. Фамилия *Маркичев*, в силу правил русской орфографии, может существовать лишь в форме на *-ичев*. Параллельные формы таких фамилий, как *Михайлычев* / *Михайличев*, легко объясняются существованием параллельных форм имен *Михайло* / *Михайла*.

Как объяснить отчества на *-ыч*, лежащие в основе фамилий на *-ычев*? Теоретически объяснений может быть два — фонетическое и морфологическое. Фонетическое предполагает синкопирование неударного слога *-ов-* с сохранением твердости предыдущего согласного, т. е. *Павлович* > *Павлыч*. В пользу этого, обычно принимаемого, объяснения говорила бы также дальнейшая возможность синкопы, превращающей *Павлыч* в [павч] и [палч] в разговорной речи. Подобные формы известны и от некоторых других, часто употребляющихся отчеств. Дополнительным и довольно веским аргументом в пользу этого объяснения является существование единственной, насколько мне известно, фамилии на *-овичев* от христианского имени, а именно *Петровичев*. Но в отчестве

Петрович ударение падает на *-ов-* в согласии с конечным ударением, тоже единственным в своем роде, имени *Петр*. Это ударение спасло отчество *Петрович* от синкопирования, но не помешало ему образовать фамилию на *-ев*.

Морфологическое объяснение предполагало бы просто перенесение окончания *-ич* из категории имен на *-а/-я* (*Кузьмич*) в категорию имен на согласный, с сохранением твердости согласного. Но как раз сохранение этой твердости оставалось бы непонятным. Действительно, почему *Кузьма* с твердым [м] совершенно нормально смягчает этот согласный в отчестве *Кузьмич*, а, напр., *Ефимыч* должно сохранять твердость? Поэтому следует, по-видимому, предпочесть фонетическое объяснение путем синкопирования. Но влияние многочисленных форм на *-ич*, особенно образованных от уменьшительных имен на *-а/-я*, могло, конечно, иметь место и частично объяснить появление дублетных форм типа *Иванычев / Иваничев*.

Подобным же синкопированием следует, по-видимому, объяснить и возникновение отчеств типа *Матвейч* (фамилия *Матвейчев*) из *Матвеевич* и *Арсенич* (фамилия *Арсеничев*) из *Арсеньевич*. Эта группа еще легче подвергалась непосредственному влиянию старых отчеств на *-ич* (типа *Кузьмич*), так как тут не ставился вопрос о твердости и мягкости согласного.

Во всяком случае, обилие русских фамилий на *-ичев/-ычев* показывает, что, в отличие от отчеств на *-ович/-евич*, отчества на *-ич/-ыч* от христианских имен, вероятно, не рассматривались морфологически как настоящие отчества, а скорее как прозвища, от которых можно было образовывать фамилии на *-ев*, как от всяких иных прозвищ. Это были не совсем «настоящие» отчества еще и потому, что в огромном большинстве они были либо образованы от уменьшительных имен, либо представляли собой синкопированные формы. Исключение составляет небольшое сравнительно количество фамилий на *-ичев*, образованных от полных, нормальных в XVI—XVII вв., отчеств типа *Кузьмич*. Возможно, что они были втянуты лишь впоследствии в главную массу отчеств на *-ич/-ыч*, с потерей того исключительного положения, которое было свойственно настоящим отчествам, т. е. неспособности образовывать фамилии на *-ев*. Возможно, впрочем, что тут сыграло роль и воспоминание о том, что отчества типа *Кузьмич* были в сущности тоже синкопированными формами типа *Кузьминич*. Всем этим, вероятно, и объясняется неупоминание отчеств на *-ич* в указах XVII в., санкционирующих привилегированное положение отчеств на *-ович/-евич*.

В какой-то степени отношение отчества на *-ович/-евич* к отчеству на *-ич* подобно отношению отчества на *-ов/-ев* к отчеству на *-ин*. Первые элементы обеих пар не могли образовывать фамилии на *-ов/-ев*: нет фамилий типа *Степановичев* (за исключением уже упомянутого *Петровичев*), ни фамилий типа *Степановов; Степанович*

осталось только отчеством, *Степанов* превратилось в фамилию без какого-либо дополнительного морфологического признака. Вторые же элементы могли образовывать фамилии на *-ов/-ев*: рядом с фамилиями на *-ичев*, разобранными в настоящей статье, существуют фамилии на *-инов* от отчества на *-ин* либо полных имен (*Кузьминов*, *Лукинов*), либо уменьшительных (*Демминов*, *Петтинов*). Это, возможно, связано с тем, что, как было уже упомянуто, формы на *-ич* и на *-ин* не являются исключительно отчествами, и все еще могут быть либо нарицательными именами, либо притяжательными прилагательными, в то время как формы на *-ов/-ев* и на *-ович/-евич* уже окончательно перешли в область антропонимики.

О залоговом значении причастия на *-н/-т* в македонском литературном языке

Р. П. Усикова

В македонском литературном языке единственной формой причастия, употребляющейся в предложении самостоятельно, а не в составе конструкций с глаголом, является причастие на *-н/-т*, известное в других славянских языках как причастие пассива (страдательного залога). В статье будут рассмотрены залоговые значения македонского причастия на *-н/т* в самостоятельном употреблении. Ответ на этот вопрос явится частичным решением еще не исследованной проблемы выражения залоговых значений в македонском языке.

В наиболее близких македонскому славянских языках — болгарском и сербохорватском, — кроме причастия на *-н/-т*, имеются и другие формы причастий, употребляющиеся не в сочетании со вспомогательными глаголами. Причастие на *-н/-т* в сербохорватском и болгарском языках воспринимается как форма с залоговым значением пассива, хотя в этих языках причастие на *-н/-т* образуется не только от переходных, но и от возвратных глаголов, например, болг. *забравен*—*забравил се*. При этом причастие *забравен* от переходного глагола *забрава* противопоставлено причастию *забравил* как формы пассива и актива. Наличие этой корреляции как раз и позволяет считать болгарское причастие на *-н/-т* формой со значением пассива. Аналогичное положение и в сербохорватском языке.

Из грамматик македонского литературного языка известно, что причастие на *-н/-т* образуется от любого — как переходного,

так и непереходного (возвратного и невозвратного) — глагола¹. Употребительность причастия от глаголов совершенного вида и от глаголов несовершенного вида различна; главным образом употребляются причастия от глаголов совершенного вида.

Для решения поставленной задачи в статье сначала рассматриваются значения и употребление причастия от переходных глаголов, а затем от непереходных.

В самостоятельном употреблении причастие на *-н/-т* в македонском языке выступает в функциях согласованного определения при имени (обособленного и необособленного, распространенного и нераспространенного определения); предикативного определения при глаголе, согласованного с подлежащим или прямым дополнением; в функции второстепенного сказуемого (в этом случае в русском языке, например, употребляется деепричастие или деепричастный оборот).

Для причастий, образованных от переходных глаголов, характерно значение пассива, состоящее в выражении направленности действия на грамматический субъект. Как и в других славянских языках, наличие пассивного оборота необязательно, но оно вносит необходимую ясность при определении того, от какого глагола образовано это причастие. Например: *исплашено дете* и *девојка исплашена од вистината*. В первом случае причастие может быть образовано от возвратного глагола²: *дете се исплаши* или от переходного глагола: *некој го исплаши детето*. Во втором примере ясно, что причастие образовано от переходного глагола: *вистината ја исплаши девојката* 'девушку испугала правда'. Причастие от переходного глагола выражает направленность действия на субъект и имеет залоговое значение пассива. В причастии от непереходного (в данном случае возвратного) глагола субъект сам совершает действие, и направленности действия на субъект извне нет, следовательно нет и значения пассива.

Большинство пассивных причастий, выступающих в предложении в функции определения, образованы от глаголов совершенного вида и выражают состояние предмета в результате действия, совершенного к моменту, о котором идет речь. Примеры: *Осакатено дрво*; *отворени гради* (Ж. Ч.); . . . *со навѣдната глава притиснат од фактите*, *мавнува со рака* (В. Черн.); *Низ непрожнееното жито*

¹ Об образовании формы причастия на *-н/-т* см.: Б. К о н е с к и. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1967, стр. 434 и след.; Р. П. У с и к о в а. Морфологија имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке. Скопје, 1967, стр. 73—74.

² В македонском языке при образовании причастия на *-н/-т* от возвратных глаголов морфема *се* опускается. Исключение составляет употребление причастия на *-н/-т* в глагольных формах типа *се имај поврижено*. Об этом см., в частности: Р. П. У с и к о в а. Значение и употребление причастия на *-н/-т* в македонском литературном языке. «Лингвистические исследования по балканистике» (в печати).

блескаат наточени жетварски српови (В. Черн.); . . . со запре-
здив отстапуваат (там же).

Причастия в указанном значении употребляются и в функции обособленных определений. Это причастные обороты, относящиеся к именам — различным членам предложения, в том числе и сравнительные причастные обороты: *Потоа како поткосен се спушти. . .* (Ж. Ч.), *Леле, како солени ќе ти ги направам* (Р. К.), *Потоа како зафатен од вода браше. . .* (Ж. Ч.); *Беше формирана македонска бригада, составена од партизанските одреди. . . , создадени во текот на антифашистичка борба* (В. Чаш.); *Во битолскиот говор, повлијан од говорот на влашкото население. . .* (Б. К.).

Особый тип определений, выраженных причастием в пассиве, составляют так называемые предикативные определения. Предикативные определения относятся непосредственно к сказуемому, но согласованы в роде и числе с подлежащим, если сказуемое выражено непереходным глаголом, или — с прямым дополнением, если сказуемое выражено переходным глаголом. Примеры: *Како да имаш заборавено дека оваа меница ја имаш потпишано отворена* (Р. К.) 'Ты как будто забыл, что вексель подписал незаполненным'; *Тој одеше подгрбавен и потклекнат од тешкиот товар. . .* (Б. В.); *Така сега народот умираше незабележан* (Ж. Ч.).

Глаголы несовершенного вида в форме пассивных причастий, употребленных в функции определений, встречаются значительно реже, чем глаголы совершенного вида. В силу своего видового значения причастия несовершенного вида выражают признак предмета, связанный с действием, не достигшим предела в момент, о котором идет речь, с действием, продолжающимся в момент, время которого обозначено сказуемым предложением. Примеры: *Но робот ја обмина. Гонет од безумна страст по неа не ги виде раширените раце. . .* (И. Т.); *Поткрепувана активно однадвор бугарската буржуазија почна. . .* (В. Чаш.); *Имаме полза да може една машина управувана од еден човек. . .* (Р. К.); *Пак се изнапија сите топла ракија, служена од убава млада невеста* (Ст. П.); *Инфинитивите, употребувани некогаш во вакви и други контексти се замениле со глаголски именки. . .* (Б. К.); *Во приписка во општ минеј пишуван во Мешеишта (Охридско) наоѓаме. . .* (Б. К.).

Во всех рассмотренных примерах на причастия со значением пассива, бесспорно пассивом были случаи, в которых предмет, определяемый причастием, был выражен неодушевленным существительным или имелось дополнение с предлогом *од*, означающее агенса, т. е. производителя действия, выраженного причастием. При отсутствии этих условий неясно, от какого — переходного или непереходного — глагола образовано причастие, и залоговое значение причастия нейтрализовано. Например: *Колку е убаво да имаш дечиња, да ги растеш, да ги учиш и да ги гледаш. . . еден ден израстени и учени* (Р. К.) — *Израстени* — 'выросшие' и 'вы-

ращенные'. П. Т. тригодишен попарен со топла вода (Ж. Ч.). . . попарен — 'ошпаренный' и 'ошпарившийся'.

Итак, причастие на *-н/-т* от переходных глаголов имеет залоговое значение пассива: *изгорена куќа, прочитана книга, мени раце, убиен човек*, и, как и в других славянских языках, значение пассива может здесь выражаться независимо от наличия или отсутствия пассивной конструкции с предлогом *од*. Но мы видели, что в ряде случаев, когда отсутствие пассивной конструкции не дает возможности определить, от какого глагола образовано причастие — от переходного или же от соотносительного с ним возвратного — сама форма причастия, например, *исплашено дете*, не информирует о залоговом значении.

Следует сделать также одно важное замечание, касающееся переходности глаголов в македонском языке. Дело в том, что многие непереходные глаголы могут развивать каузативное значение и становиться переходными, т. е. иметь при себе прямой объект. Однако в этих случаях прямой объект обязательно выражен кратким личным местоимением или кратким личным местоимением + определенное имя (удвоенный объект): *ги легнувам децата, ќе те најдам, го одам полево за еден саат* и т. д. От таких переходных глаголов причастие на *-н/-т* будет иметь значение пассива лишь в пассивном предложении, если есть агент — производитель действия, например, *легнати деца* — неpassивное значение 'легшие дети', *легнати од мене деца* — пассивное значение благодаря наличию пассивного оборота 'уложенные мною дети'. Поскольку грамматическая сущность пассива состоит в направленности глагольного действия на грамматический субъект, то для залога как грамматической категории наличие особых логических условий контекста, выражающихся в специальных синтаксических конструкциях, не должно быть обязательным. И если форма (в данном случае — причастие на *-н/-т*) не выражает независимо от дополнительных контекстуальных условий значения какой-либо категории (в данном случае — пассива), то она не является формой, выражающей эту категорию.

Рассмотрим, какие значения имеют в самостоятельном употреблении причастия от *н е п е р е х о д н ы х* глаголов. В нашем материале более половины причастий от непереходных глаголов являются формами от возвратных глаголов, часто соотносительных с переходными глаголами. Поскольку в форме причастия *се* опускается, формально причастия от возвратных глаголов не отличаются от причастий, образованных от переходных глаголов; выше уже приводились примеры на подобные случаи. Между тем контекст может показывать, что причастие образовано именно от возвратного непереходного глагола, например: *А си се распашала малце. . . , ете ја некоа чанта ќе те затече распашана* (Ст. П.) 'А ты, бывало, расстегнешься слегка. . . , вдруг тебя застанут расстегнувшейся'. . . ; *се тој там долу засмеан, расприкажан* (Ж. Ч),

расприкажан — от *се расприкаже*, *засмеан* от *се засмее*; . . . *А. П. самоубиен* и *Т. П. изгубен* (Ж. Ч.) '*А. П. покончивший с собой* (причастие от несоотносительного с переходным возвратного глагола *се самоубие*) и *Т. П. пропавший* (причастие от *се изгуби*)'. Причастия от этих глаголов не имеют значения пассива.

Не имеют залогового значения пассива и причастия от невозвратных непереходных глаголов: *Воздухот гори од звездата пламната над градчето* (И. Т.); *Се назагнаа сите излезени минери кон таа дупка* (Ст. П.); *Магарчиньата. . . се тресат, се виткаат. Изгладнети, доодени* (Ж. Ч.); *Нокта се преврваше врз затврднатата земја* (Ж. Ч.); *Одамна изгниената буржоазија. . . промени, настанати од Берлинскиот договор до денеска* (В. Чаш). Ср. также *згаснат поглед*; *легнати деца*; *народот, избеган во планините*; *Седната на еден камен, Јанка замислено гледала. . .* (И. Т.) '*Сидя [=севшая] на камне, Янка задумчиво смотрела. . .*'; *И стана да си кинисува, напoлно решен да купи чифлиг* (Ст. П.) '*И встал, чтобы попрощаться, твердо решив [=решивший] купить поместье*'. Причастный оборот, в котором причастие передает второстепенное по отношению к сказуемому действие, может относиться ко всему предложению в целом, потому что предмет, определяемый причастием, входит в состав причастного оборота и не связан с другими членами предложения: *И уште Толе нефатен на танец, таа рипна и се најде зад Тоleta* (Ст. П.) '*И не успел Толе присоединиться к хороводу, как она рванулась и оказалась рядом с ним*'.

Причастия с неpassивным значением, так же как и пассивные причастия, часто выступают в функции предикативного определения к подлежащему, если сказуемое выражено непереходным глаголом, или к прямому дополнению, если сказуемое выражено переходным глаголом. В нашем материале все примеры с причастием в этой функции совершенного вида. Например: *Како и порано, тој стои налактен на нозете* (Р. Кр.), *жената се така си лежи смолчана* (И. Т.); *Нем и неподвижен остана испружен крај огништето* (Ж. Ч.); *Пролетта го најде залепен на душмето* (Ж. Ч.); *Влегува Коста. Георгија го затекнува закашлан од смеење* (Р. Кр.); *Ете така сакам да ми те видам, расплакан за своето коње* (Ж. Ч.).

Причастия от глаголов совершенного вида, активные по залоговому значению, выражают свойство, признак, состояние определяемого предмета, возникший в результате действия, которое совершил этот предмет.

На причастия от непереходных глаголов несовершенного вида в функции определения в нашем материале оказалось лишь четыре примера: *пастрма смрдена* (Р. К.); *врениот здив* (И. Т.); *буен и здрав, растен во природата* (Ст. П.); *Таа го чекаше својот љубен* (И. Т.). Причастия от глаголов несовершенного вида определяют признак предмета, связанный с процессом действия, развиваю-

щимся одновременно с моментом, о котором идет речь, обозначенным с помощью временной формы сказуемого. Следует признать, что в приведенных примерах причастия от глаголов несов. вида можно трактовать и как прилагательные.

Итак, причастия с неpassивным залоговым значением употребляются в тех же функциях, что и причастия со значением пассива.

В македонском языке причастия на *-н/-т* способны передавать значения, свойственные в других славянских языках активным причастиям. Так, в отличие от болгарского языка, которому известны причастия на *-л*, имеющие залоговое значение актива, в македонском широко употребляются причастия на *-н/-т* от невозвратных непереходных глаголов, равноценные по значению болгарским причастиям на *-л*, ср.:

макед.	болг.
<i>гровнат старец</i>	<i>грознал старец</i>
<i>врениот здив</i>	<i>врелият дѣх</i>
<i>изгладнети магарчиња</i>	<i>изгладнели магарета</i>
<i>згаснат поглед</i>	<i>угаснал поглед</i>

и т. д.

Широкое употребление причастия на *-н/-т* от непереходных, особенно невозвратных глаголов в неpassивном залоговом значении является специфической особенностью македонского языка по сравнению с другими славянскими языками.

Формально само по себе причастие на *-н/-т* в македонском языке не несет информации о залоговом значении. Так, на пассивное значение указывает наличие пассивной конструкции (страдательного оборота) или других особенностей контекста. Рассмотрим следующий пример: *Петре, загледаи божем во некого, зинат, поднасмеен и со подискривена уста* (Р. К.). Активные причастия образованы от глаголов *се загледа*, *зине*, *се поднасмее*, причастие *подискривена* [уста] может быть образовано от глагола *подискриви* [уста]: *Петре подискриви уста — уста подискривена од Петре*, но может быть и от глагола *се подискриви*: *уста се подискриви — сама се подискриви*; . . . *а тој тука качен на маса им држел говори* (Р. К.). *Качен* — от *се качи* (сам се качи) или от *качи* (некој го качи). Эти примеры доказывают, что залоговое значение, которое выражается причастием, не является для этой формы главным. Залоговое значение причастия может быть либо активным, либо также пассивным и может быть не выражено вообще, нейтрализовано (*подискривена уста*, *израстени*, *учени деца* и т. д.). Главное в значении причастия совершенного вида — признак предмета, возникший в результате действия, происшедшего с этим предметом, у причастия несовершенного вида — признак предмета, связанный с развивающимся процессом действия.

Отсутствие морфологического коррелятива «пассив — актив» в категории причастий в македонском языке дает основание не считать македонское причастие на *-н/-т* формой пассива (страдательного залога).

Принятые сокращения

- Б. В. — Борис Вишински. Сенки и жед. Скопје, 1958.
Б. К. — Блаже Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1957; Б. Конески. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965.
В. Чаш. — Ванѓа Чашуле. Бугарските историчари за македонското прашање. Скопје, 1968; В. Чашуле. БКП и македонското прашање. Скопје, 1968.
В. Черн. — Војдан Чернодримски. Македонска крвава свадба. Адаптирал за сценска изведба П. Прличко. Ротапринт.
Ж. Ч. — Живко Чинго. Нова Пасквелија. Скопје, 1965.
И. Т. — Иван Точко. Вино за душите. Скопје, 1968; И. Точко. Прстен. Скопје, 1959.
Р. К. — Ристо Крле. Милиони маченици. Скопје, 1954.
Ст. П. — Стале Попов. Толе-паша. Скопје, 1956.

Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках

А. Г. Широкова

При общности грамматического значения и общей системной емкости видового противопоставления в отдельных славянских языках (в частности, в чешском и в русском) на морфологическом (парадигматическом) уровне функциональная нагрузка разных видов, широта их функциональных границ, их сочетаемость с разного рода лексическими единицами на синтагматическом уровне может быть совершенно различной.

При изучении функционирования видов в славянских языках существенным является изучение функциональной дистрибуции

членов видового противопоставления, определение их функциональных изоглосс, изучения различной способности проникновения одного из видов (обычно слабого, немаркированного члена противопоставления) в сферу значений противочлена.

Поскольку вид является категорией не только морфологической, но и синтаксической, проникнуть в механизм функционирования глагольных видов и установить специфические особенности этого функционирования можно лишь при изучении и сопоставлении функциональных границ видов в отдельных славянских языках на уровне частных видовых значений.

Уже самое общее сравнение функциональной нагрузки разных видов в чешском и русском языках позволяет утверждать, что, хотя основное видовое противопоставление глаголов совершенного и несовершенного вида в обоих языках имеет одинаковую функцию и системно соотносительно, степень противопоставленности видов на уровне частных значений различна, а функциональные границы членов видового противопоставления в русском и чешском языках не всегда совпадают. В русском языке функциональная нагрузка слабого, немаркированного члена видового противопоставления, т. е. глаголов несовершенного вида, значительно больше, а функциональные границы — шире, чем в чешском¹.

В данной статье мы попытаемся очертить лишь некоторые функциональные границы частных значений глаголов совершенного вида в чешском языке, которые в русском языке закреплены главным образом за глаголами несовершенного вида.

Одним из наиболее ярких примеров проявления функциональных различий глаголов совершенного и несовершенного вида в чешском и в русском языках является выражение повторяющегося и узуального действия во временном плане прошлого и настоящего. Если в русском языке прошедшее время повторяющегося и узуального действия допускает употребление преимущественно одного несовершенного вида (*он обычно возвращался вовремя, он ежегодно уезжал за границу, иногда он говорил мне это, он всегда покупал*² и пр.), то в чешском языке при выражении этих значений наряду с глаголами несовершенного вида могут свободно употребляться также глаголы совершенного вида.

¹ В отношении форм императива это убедительно показал М. Докулил (см.: М. D o k u l i l. Modifikace vidového protikladu v rámci imperativu v spisovné češtině a ruštině. «Pocta Fr. Trávnickovi a Fr. Wollmanovi». Brno, 1948, стр. 71—88.

² Совершенный вид при выражении повторяющегося и обычного действия в прошедшем времени в русском встречается только в кратко-соотносительном употреблении. Это употребление ограничено кратко-парными конструкциями, где совершенный вид сочетается с формой прошедшего несовершенного, выражая предшествование по отношению к другому действию (см.: А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин. Русский глагол, М., 1967, стр. 70).

Проверка глаголов совершенного вида в формах прошедшего времени на сочетаемость с наречиями и другими лексическими единицами, выражающими значение ограниченной, неограниченной, регулярной и обычной повторяемости, позволяет прийти к выводу о том, что в русском языке при выражении суммарного значения возможно сочетание глаголов совершенного вида лишь с показателями ограниченной кратности, к которым относится слово *раз* в сочетании с числительными и другими словами, обозначающими количество (*он два раза поступал, три раза спросил, несколько раз показал*), но невозможно с обстоятельствами и обстоятельственными выражениями, обозначающими постоянные, обычные, узуальные действия, а также отдельные акты повторяющегося действия (*всегда, постоянно, обыкновенно, изредка, иногда, порой, временами, каждый день, каждую минуту, каждый год; каждый раз, время от времени* и т. п.), т. е. по-русски нельзя сказать *он всегда сказал, он иногда купил, он обычно остался, он нередко пришел, он ежегодно уехал* и т. п. А. В. Бондарко считает, что такую кратность невозможно суммировать и что в подобных случаях поэтому становится обязательным употребление глаголов несовершенного вида (*каждый раз, часто, иногда выходил, но невозможно вышел*³). Однако в чешском языке глаголы совершенного вида в указанном значении свободно сочетаются не только с лексическими показателями ограниченной, но также неограниченной и узуальной повторяемости, что является свидетельством большей широты функциональных границ глаголов совершенного вида в чешском языке в сравнении с русским.

Ср. следующие примеры: *Mařena se usmál málokdy* (Techn.) 'Маржена редко когда улыбался (букв. *улыбнулся*)'; *Občas se ozval výstřel* (Sl. Sp.) 'Иногда слышался (букв. *послышался*) выстрел'; *Přišel obyčejně v pátek* (Sl. Sp.) 'Он обычно приходил (букв. *пришел*) в пятницу'; *O tom jsem se mnohokrát přesvědčila* 'Я в этом много раз убеждалась (букв. *убедилась*)'; *Každoročně jsme zajeli do Alp.* (разг.) 'Мы каждый год ездим (букв. *заехали*) в Альпы'; *Každý večer si zašel na pivo* (разг.) 'Каждый вечер он приходил (букв. *пришел*) на пиво'; *Každý den zajel za dětmi otec a vždycky jim přinesl nějaké dobroty* 'Отец каждый день заезжал (букв. *заехал*)... и приносил (букв. *принес*)...'; *Všude ticho, jen štěkot psů se někdy ozval ve vsi* (Sl. Sp.) '...только лай собак иногда слышался (букв. *послышался*) в деревне...' [Zpráva] *Tak často se již objevila a tak často zanikla jako nepravdivá* (A. Jir.) [Известие]. 'Так часто оно появлялось (букв. *появилось*) и так часто исчезало (букв. *исчезло*)'. *Zřídka přinesl něco na zub* (разг.) 'Он изредка приносил (букв. *принес*)...'.

Употребление глаголов совершенного вида в чешском языке при выражении повторяющегося и узуального действия не исклю-

³ А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин. Русский глагол, стр. 54.

чает также употребление в этом значении глаголов несовершенного вида, хотя акад. Б. Гавранек и А. Едличка указывают, что глаголы несовершенного вида в этой функции в формах прошедшего времени выступают значительно реже, подчеркивая продолжительные и повторяющиеся действия в давнем прошлом⁴.

Оставляя в стороне узус, предписывающий во многих случаях употребление глаголов совершенного вида, а также употребление глаголов совершенного вида при передаче различных способов глагольного действия (*časem se zaskočil podívat k matce, já jsem vždycky něso provedl, každé ráno zaběhl pro mléko*), можно сказать, что в отличие от русского в чешском языке видовое противопоставление при выражении повторяющегося и узуального действия реализуется более полно, а функциональная нагрузка глаголов совершенного вида значительно больше. Ср. в чешском параллельное употребление глаголов обоих видов:

Každoročně vyjel za hranice // každoročně vyjížděl za hranice
Vždy přišel pozdě // vždy přicházel pozdě
každý večer jsem si koupil // každý večer jsem si kupoval

В русском же языке в подобных случаях имеет место употребление несовершенного вида вместо совершенного, т. е. наступает нейтрализация видового противопоставления, в то время как в чешском языке возникает конкуренция частных видовых значений (суммарного значения глаголов совершенного вида и неограниченно-кратного значения глаголов несовершенного вида⁵).

Функциональные границы глаголов совершенного вида в чешском языке шире и при выражении значения неактуального настоящего. Если в русском языке при выражении неактуального настоящего используются преимущественно глаголы несовершенного вида, то в чешском языке совершенный вид появляется не только в кратно соотносительном употреблении (в таком употреблении он возможен и в русском языке⁶), но и в одиночном употреблении (в русском языке в подобных случаях предложение эмоционально окрашено, характеризует обычно разговорный язык). Ср. в чешском совершенный вид: а) в кратно-соотносительных конструкциях⁶: *Přijde inspekce do světnice, usměvavý Švejek sedí na kavalci a zdvořile zdraví* (Haš.) 'Приходит (придет) в комнату

⁴ В. Havránek, A. Jedlička. *Česka mluvnice*. Praha, 1963, стр. 225.

⁵ Терминология Ю. С. Маслова, см. «Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление)». «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959, стр. 232.

⁶ О синтаксическом употреблении видов в кратно соотносительных конструкциях см.: V. V a r n e t o v á. *K syntaktické funkci slovesného vidu*. «Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české», III. Praha, 1968.

инспекция, а Швейк сидит на матраце и вежливо приветствует'; *Člověk se vždycky nahlas podiví*, když z něčeho nic *potká* starého známého (К. Čар.) 'Человек всегда удивляется (*букв.* удивится), когда ни с того ни с сего встречается (встретит) старого знакомого'; *Občas se tu zastaví a poví nám*, co je nového. 'Иногда он тут останавливается (остановится) и рассказывает (расскажет) нам, что нового'; б) *Zřídka přijde s prázdnou* (разг.) 'Он редко приходит (придет) с пустыми руками'; *Pravidelně přijde domu pozdě večer* (разг.) 'Как правило, он приходит (придет) домой поздно вечером'; *Večer si obvykle koupím chleba*. 'Вечером я обычно покупаю (кушу) хлеб'.

Функциональная нагрузка глаголов совершенного вида в чешском языке значительно больше и при передаче настоящего исторического, где, наряду с глаголами несовершенного вида, часто употребляются глаголы совершенного вида ⁷.

При определении функциональных границ вида существенным является не только временной, но и модальный план, который часто оказывает решающее влияние на выбор вида. Так, при отрицании происходит частичное совмещение областей обоих видов, создается возможность их параллельного употребления, так как глаголы совершенного и несовершенного вида в негированных предложениях выражают лишь отсутствие факта называемого действия. При отрицании как в русском, так и в чешском языке отсутствует реализация противопоставления глаголов совершенного вида в конкретно фактическом значении и глаголов несовершенного вида в общефактическом значении. Происходит нейтрализация видового противопоставления. Ср.:

Bratr ještě nepřišel domů	<i>Брат еще не пришел домой</i>
Bratr nepřicházel domů	<i>Брат не приходил домой</i>

Приведенные отрицательные конструкции с глаголами совершенного и несовершенного вида в сущности не отличаются друг от друга. Однако при том общем, что вызвано отрицанием в русском и чешском языках, функциональные границы видов в каждом из языков различны. Это различие явственно обнаруживается при изучении дистрибуции негированных глаголов. Частным случаем такого различия является употребление в чешском языке негированных глаголов совершенного вида с отрицательным наречием *nikdy* 'никогда'. В русском языке сфера употребления форм прошедшего времени глаголов совершенного вида в этих случаях

⁷ Ср.: А. В. Бондарко. Настоящее историческое (*praesens historicum*) глаголов несовершенного и совершенного вида в чешском языке. «Slavia», 4. XXVII. Praha, 1958; Н. Кřížková. K problematice praesentu historického v ruštině a češtině. «Sovetska jazykověda», г. 5, č. 1. Praha, 1954.

весьма ограничена. Оно возможно при усиленном отрицании *никогда и не* (он никогда сына и пальцем не тронул), при ярко выраженной экспрессивности высказывания: *даже и никогда не* (*даже и с матерью никогда не поговорит*).

В чешском языке сфера употребления негированных глаголов совершенного вида с отрицательным наречием *nikdy* значительно шире: оно не обусловлено наличием различных лексических средств подчеркивания и усиления отрицания, оно не зависит и от экспрессивного характера высказывания. Это употребление является настолько же обычным, распространенным и стилистически нейтральным, как и употребление глаголов совершенного вида при передаче повторяющихся и узуальных действий в сочетании с различными лексическими средствами, указывающими на неограниченную и обычную повторяемость. Ср. следующие примеры:

а) в прошедшем времени: *Nikdy nejel po železnici* (PS) 'Он никогда не ездил (не ехал) по железной дороге'; *Nikdy jsem nemyslel, že řemeslo reportéra je tak těžké* (A. Techn.) 'Я никогда не думал (не подумал), что ремесло репортера такое трудное'; *Nikdy se mu ke svému hladu nepřiznala* (Otč.) 'Она никогда не признавалась (не призналась) ему в том, что...'; *Nikdy nezapomněl, že je ve službách americké spravodajské služby* (Břez.) 'Он никогда не забывал (не забыл), что...'; [Rožtrštěné koleno]... *se nikdy nezažilo* (Fuč.) '[Разбитое колено]... Никогда не заживало (не зажило)'

б) в настоящем времени: *Vlák z Brna do Prahy nikdy nepřijede včas* (разг.) 'Поезд... никогда не приходит вовремя'; *Domů nepřijde nikdy před sedmou večer* (разг.) 'Он никогда не приходит (не придет) домой около семи вечера'

Отрицательный глагол совершенного вида в чешском языке употребляется также при разного рода лексических показателях повторяемости, при наличии дополнительного отрицания, выраженного местоимением, прилагательным, частицами и т. д. в соответствии с глаголами несовершенного вида в русском языке. *Odtud se nikdo nikdy nedostal do divadla* (Techn.) 'Оттуда никто никогда не попадал (не попал) в театр' [Herec Benda]; *On nesnesl na sobě žádný divadelní švindl* (K. Cap.) 'Он не переносил (не перенес) никаких театральны́х подделок'

Наконец, для характеристики функциональных границ глаголов совершенного вида в чешском языке небезынтересно указать на возможность сочетаемости негированных глаголов совершенного вида с обстоятельствами продолжительности действия⁸ не только в формах настоящего времени (как и в русском языке:

⁸ О темпорально-квантитативной детерминации глаголов совершенного вида, выражающих меру продолжительности действия, см.: Н. Кřížková. Příslušné určení s významem časové míry ve spojení s dokonavými slovesy. «Naše řeč», г. 49, č. 2, Praha, 1966.

он долго не придет к нам), но и в формах прошедшего времени, где в русском языке без усиления отрицания (ни разу, даже и не) употребление глаголов совершенного вида невозможно. Ср. Paní Marešová vuvověděla, že pan mistr *celej tejden nevyšel z bytu, leda snad v noci, neholil se a snad se ani nemyl* /К. Čap./ '... что он целую неделю не выходил (букв. не вышел) из квартиры, разве что ночью, не брился и, вероятно, даже не мылся, так он выглядел'. Někdy zajel se svým bratrem až v noci a pak se zase *neobjevil po celé týdny*. (разг.) 'Иногда он заезжал (заехал) со своим братом даже ночью, а потом снова не появлялся (не появился) на протяжении целых недель'; Inženýr chodíval domu s večerem, ale chvílku si neodpočinul a nepohovořil (Techn.) '... но ни минуты он не разговаривал и не отдыхал (не поговорил и не отдохнул)'; Mně nikdy v životě nepapadlo, že existuje nějaké plešatej pan generálmajor (Haš.) 'Мне никогда в жизни (на протяжении всей жизни) не приходило (не пришло) в голову, что...'

В чешском языке в соответствии с узусом в данных синтаксических условиях может употребляться и употребляется совершенный вид (*celý rok se neukázal, celý týden se neobjevil*), в русском — несовершенный.

Таким образом, в ряде типов отрицательных предложений виды могут сосуществовать в одной функции. Нередко перевод в негативный план снимает обязательность употребления одного из видов (в русском — употребление совершенного вида). И хотя синтаксические условия нейтрализации в русском и в чешском вызваны негацией, которая делает видовое противопоставление нерелевантным, диапазон частных функциональных значений видов и обязательность их употребления в тех или иных типах контекста в разных языках различна.

Принятые сокращения

- A. Jir. — Jirásek, Alois. Psohlavci. Praha, 1952.
 Břez. — Březovský, B. Železný strop. Praha, 1902.
 Fuč. — Fučík, Julius. Reportáž psaná na oprátce. Praha, 1957.
 Haš. — Hašek, Jaroslav. Osudy dobrého vojáka Švejka. Praha, 1952.
 K. Čap. — Čapek, Karel. Povídky z obou kapes. Praha, 1959.
 Otě. — Otčenášek, Jan. Romeo, Julie a tma. Praha, 1960.
 PS — Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1937—1958.
 Sl. Sp. — Slovník spisovného jazyka českého, I. Praha, 1960.
 Techn. — Technik, Alfred. Majáky televize. Praha, 1959.

III

СЛАВЯНСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

К характеристике основ настоящего времени в современных болгарских говорах

Г. К. Венедиктов

В числе аналогических преобразований, которые претерпел и претерпевает глагол в славянских языках, уже давно было отмечено выравнивание основы глаголов на заднеязычный (типа *rekti, *mogti) в парадигме презенса. Известно, что в отдельных славянских диалектах во всей парадигме настоящего времени этих глаголов устанавливается один из двух типов основ: на заднеязычный согласный *k*, *g*, *x* (ср. русск. диал. *неку*, *некёшь*) или на шипящий *č*, *ž*, *š* (ср. болг. диал. *печа*, *печеш* и т. д.). В обоих случаях происходит морфологическое обобщение одного из двух типов основ, существовавших прежде (и существующих ныне в других диалектах) в парадигме презенса: в первом случае обобщается основа, исторически выступающая в формах 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., а во втором случае основа, представленная в формах 2 и 3 л. ед. ч. и 1 и 2 л. мн. ч.

Обобщение по формам 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. с основой на заднеязычный произошло в целом, кажется, в меньшем числе славянских диалектов, чем обобщение по остальным формам с основой на шипящий, которое характерно для многих диалектов разных языков. Однако точные границы распространения данных типов основ в отдельных языках и на всей славянской языковой территории еще не установлены. Надо полагать, что установлению этих границ поможет работа над Общеславянским лингвистическим атласом, программа которого предусматривает и сбор презентных форм некоторых глаголов с исконной основой на заднеязычный¹. Пока же известны точные границы распространения всех форм презенса с основой на заднеязычный и на шипящий лишь в диалек-

¹ См.: Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965, стр. 51, 100, 129.

тах отдельных языков (например, белорусского²) или на части территории данного языка (например, русского³).

Что касается болгарского языка, то в нем (точнее — в части его диалектов) произошло обобщение основы в формах презенса только по типу основы на шипящий *ч, ж, ш* (например, *реча, речеш, рече, речем, речете, речат* и под.), т. е. по типу основы 2 и 3 л. ед. ч. и 1 и 2 л. мн. ч. Болгарских говоров, в которых были бы представлены формы презенса только с основой на заднеязычный *к, г, х*, типа *река, *рекеш, *реке, *рекем, *рекете, рекат*, нет (во всяком случае данные о такого рода парадигме презенса как будто отсутствуют).

О наличии в болгарском форм с основой на шипящий типа *реча, речат* известно давно. Формы *веча, печа, сеча, реча, тльча, тьча, теча, можа, стръжа, жежа* отмечает уже М. Иванов — автор одной из первых специальных работ о болгарском глаголе⁴. Еще раньше на формы *вличъ, дъ съ убличъ, пичъ, сичъ* в говоре с. Конопчи (теперь с. Моголово, Чирпанской околии) обратил внимание П. Гъбюв⁵. Впоследствии формы такого типа были отмечены многими авторами в разных говорах. На основании существующих в диалектологических описаниях данных можно указать в общих чертах распространение таких форм в современных говорах Болгарии.

Формы типа *реча, речат* употребляются повсеместно в северо-западных (белослатинско-плеვენском и видинско-ломском)⁶ и юго-западных (ботевградском, врачанском, софийском, ихтиманском, самоковском, станкедимитровском, кюстендильском и др.)⁷

² См.: Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карта 158.

³ См.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957, карты 152, 153.

⁴ М. Иванов. За спрежението в новобългарския език. «Сборник за народни умотворения» (далее: СБНУ), кн. VIII, 1892, стр. 100.

⁵ П. Гъбюв. Говорът в Конопчи. «Периодическо списание», год. IV, кн. 18, 1885, стр. 411.

⁶ См., например: Цв. Тодоров. Северозападните български говори. — СБНУ, кн. ХLI, 1936, стр. 330 и след.; Он же. Говорът на град Лом. — СБНУ, кн. XXXVIII, 3, 1930, стр. 48; П. Гъбюв. По говора в гр. Видин. — СБНУ, кн. XIX, 1903, стр. 22; К. Попов. Говорът на с. Габаре, Белослатинско. «Изв. на Ин-та за български език» (далее: ИИБЕ), кн. IV, 1956, стр. 116, 124.

⁷ См., например: Цв. Тодоров. Северозападните български говори, стр. 330 и след.; Г. Иванов. Орханский говор. — СБНУ, кн. XXXVIII, 2, 1930, стр. 32; Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. «Българска диалектология» (далее: БД), кн. II, София, 1965, стр. 36; Ст. Стойков, К. Костов [и др.]. Говорът на с. Говедарци, Самоковско. — ИИБЕ, кн. IV, 1956, стр. 267, 280, 290; М. Сладенов. Ихтиманский говор. София, 1966, стр. 84; Н. Котова. Морфология западноболгарского глагола по данным говора Горно поле (простые глагольные формы). «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XXII, 1962, стр. 150, 152, 158, 167, 169, 178; И. Умленски. Кюстендилский говор. София, 1965, стр. 101.

говорах. Употребляются они и во многих восточных болгарских говорах (восточнее ятевой границы), например, в некоторых балканских говорах — в троянском, пирдопском, панагюриштенском, тетевенском⁸. Отмечались данные формы и в подбалканском (сливенском)⁹ и некоторых фракийских говорах¹⁰, а также в говоре пловдивских павликан¹¹. Встречаются формы типа *реча*, *речат* и в болгарских говорах за пределами Болгарии, например, в банатском диалекте¹².

В отличие от форм с основой на шипящий, представляющих заметную особенность сравнительно с литературным языком и потому обычно отмечаемых диалектологами, формы с основой на задненебный типа *река* и *рекат*, специально фиксируются в диалектологических описаниях реже. Обычно они указываются в ряду прочих иллюстративных примеров на окончания форм или ударение. На основании имеющихся данных можно заключить, что формы с основой на задненебный употребляются во многих восточных говорах, в частности в некоторых балканских (например, в центральнобалканском, легшем, как известно, в основу современного литературного языка, и еркечском)¹³, и в рупских (странджанском, смолянском и неврокопском)¹⁴ говорах.

Однако точные границы распространения форм 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. типа *реча*, *речат* и *река*, *рекат* на всей болгарской языковой территории пока не установлены. Такие границы можно установить путем картографирования материалов, собранных и собираемых для «Болгарского диалектологического атласа». Правда, программой этого атласа, составленной С. Стойковым, не предусмотрен обязательный сбор форм 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. глаголов

⁸ L. Miletić. Das Ostbulgarische. Wien, 1903, стр. 161; С. Ковачев. Троянският говор. — БД, кн. IV, София, 1968, стр. 172; И. Кънчев. Говорът на с. Смолско, Пирдопско. — БД, кн. IV, София, 1968, стр. 22, 49, 50; М. Иванов. Принос към изучаване българските диалекти (забележки по говорите в областта на средногорското наречие). «Периодическо списание», год. IX, кн. 46, 1894, стр. 539, 568, 592; С. Стойчев. Тетевенски говор. — СбНУ, кн. XXXI, 1915, стр. 92.

⁹ См.: L. Miletić. Указ. соч., стр. 198; П. Гъбюв. Говорът в Копочии, стр. 411.

¹⁰ См., например: Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско. — ИИБЕ, кн. IV, 1956, стр. 205.

¹¹ Л. Милетић. Павликианското наречие. — СбНУ, кн. XXVI, 1, 1912, стр. 26.

¹² Ст. Стойков. Банатският говор. София, 1967, стр. 234.

¹³ L. Miletić. Указ. соч., стр. 153—157; П. Гъбюв. По говора в град В.-Търново. — СбНУ, кн. XIII, 1896, стр. 460, 471.

¹⁴ Г. Горов. Странджанският говор. — БД, кн. I, София, 1962, стр. 23, 35, 58; С. Кабасанов. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско. — ИИБЕ, кн. IV, 1956, стр. 52, 55; Ст. Стойков. Говорът на с. Настан, Девинско (Един неизвестен до сега родопски диалект.) — ИИБЕ, кн. XI, 1964, стр. 373; L. Miletić. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache. Wien, 1912; К. Мирчев. Неврокопският говор. «Годишник на Софийския ун-т», кн. XXXII, 1936, стр. 78.

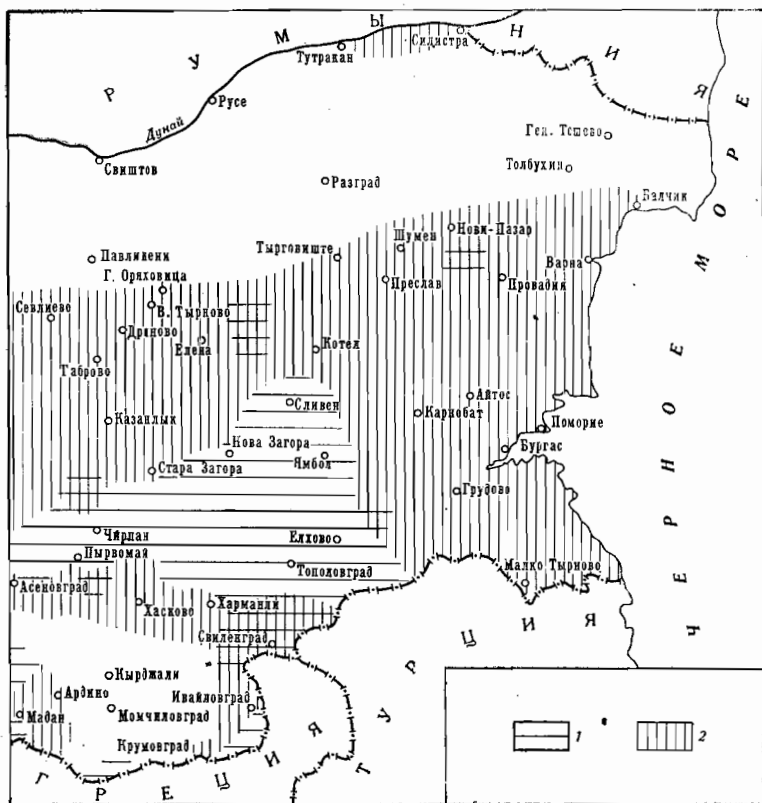
с былой основой на задненебный¹⁵. Однако опыт картографирования материалов, собранных и по этой программе в говорах юго-восточной Болгарии, убеждает в том, что на их основании можно достаточно уверенно и точно определить территориальные границы рассматриваемого здесь грамматического явления, особенно форм с основой на ч и к (*реча* и *речат*, *река* и *рекат* и др.).

На прилагаемой к статье карте показано территориальное распространение форм 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. с основой на ч (*реча*, *речат*) и на к (*река*, *рекат*) в говорах юго-восточной Болгарии и части северо-восточной Болгарии, точнее говоря, в единых (не смешанных) и традиционных говорах этих частей Болгарии, обследованных по программе БДА в 1956—1963 гг.¹⁶

Из карты хорошо видно, что выравнивание основы настоящего времени в формах 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. по основе остальных форм этого времени указанных глаголов произошло в говорах, расположенных главным образом в междуречье Марицы и Тунджи (исключая северо-западную часть этой территории — севернее и западнее г. Стара Загора). Это говоры восточной части Пловдивской, южной части Чирпанской, северо-восточной части Асеновградской, северной части Пырвомайской, Хасковской и Харманлийской, почти всей Старозагорской и Новозагорской, центральной части Сливенской, западной части Ямбольской, Тополовградской, почти всей Свиленградской и большей части Елховской околий. Данное явление известно также говорам отдельных сел Казанлыкской, Грудовской, Бургасской, Смолянской, Маданской.

¹⁵ См.: Ст. Стойков. Програма за събиране на материали за Български диалектен атлас. София, 1957. — Однако в другой программе, составленной Ст. Стойковым несколько раньше, рассматриваемые формы некоторых глаголов предусмотрены (см.: Ст. Стойков. Кратък осведомителен въпросник за проучване на българските местни говори. София, 1954, стр. 93, 95). Не обращалось специального внимания на эти формы и в диалектологической программе, составленной в начале XX в. Б. Цоневым (см.: Б. Цонев. Програма за изучаване българските народни говори. — СБНУ, кн. XVI—XVII, 1900, стр. 900—901). Нельзя не отметить, что данные формы не нашли никакой характеристики и в обобщающем труде по болгарской диалектологии Ст. Стойкова (см. «Българска диалектология». Изд. 2. София, 1968, стр. 152—153).

¹⁶ В опубликованном т. I «Болгарского диалектологического атласа» (см.: Български диалектен атлас. Т. I. Югоизточна България. Съставен под ръководството на Ст. Стойков и С. Б. Бернщейн. Ч. 1. Карти; Ч. 2. Статии, коментари, показалци. София, 1964; далее: БДА) карта на данное явление отсутствует. Нет аналогичной карты в т. II БДА (1966), посвященном говорам северо-восточной Болгарии. Приложенная здесь карта составлена на основании копий материалов БДА, хранящихся в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в Москве (говоры юго-восточной Болгарии), и материалов, хранящихся в секторе диалектологии Института болгарского языка Болгарской академии наук в Софии (говоры северо-восточной Болгарии). Приношу искреннюю благодарность научному сотруднику Института болгарского языка Максиму Младенову за предоставленную мне возможность ознакомиться с соответствующими материалами т. II и т. III БДА в декабре 1969 г.

Основа в формах 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. наст. времени глаголов на -к (типа *река*)

1. Основа на -ч (*реча, речат*)
2. Основа на -х (*река, рекат*)

Момчиловградской околий и говорам ряда сел Ивайловградской околии. Иными словами, формы типа *реча, речат* характерны прежде всего для подбалканского диалекта и для окраинных, соседствующих с ним говоров рупского диалекта. Формы же на *к* (*река, рекат* и др.) характерны в целом для рупских (страджанского, большей части фракийского и смолянского), балканских (центрального, котельско-еленско-дряновского и еркечского) и мизийских (в частности шуменского) говоров. Здесь, следовательно, сохраняется архаический тип основы в парадигме настоящего времени с чередованием заднеязычного и шипящего (*река, но речеш* и т. д.).

Большинство говоров, где отмечены оба типа основ в формах 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. настоящего времени, расположены, как это

видно на карте, на стыке ареалов распространения каждого из этих типов, в частности в междуречье Марицы и Тунджи, в районе Тополовграда и Свиленграда, где балканские говоры «разрезают» рупские на две части — западные и восточные говоры. Для говоров этого района, как показывают материалы БДА, вообще характерно наличие вариантных типов вследствие смешения в них балканских и рупских особенностей.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в говорах значительного числа сел, в которых употребляются оба типа форм, основа на *к* представлена, судя по материалам БДА, только формами глагола *река*. Из этого можно заключить, что данный глагол оказывается наиболее «консервативным» в отношении основ в парадигме настоящего времени, а его формы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., следовательно, менее подверженными аналогическому влиянию остальных форм настоящего времени с основой на *ч*, чем формы других глаголов.

Отметим также, что вместо форм *тѣка*, *тѣкат* или *тѣча*, *тѣчат* во многих говорах в настоящее время употребляются формы глагола *тѣкая* или *ткая*, спрягающегося по образцу глаголов на *-ая* типа *играл*, *зная* (*тѣкая*, *тѣкаеш*, *тѣкаят*; *ткая*, *ткаеш*, *ткаят*). Важно подчеркнуть, что глагол *тѣкая*, *ткая* встречается повсеместно в говорах юго-восточной Болгарии, в том числе и в тех из них, в которых от других глаголов с основой на исходный задненебный образуются формы на *ч*. При этом четко разграничивается употребление форм *тѣкая*, *тѣкаеш* и др. (с *ѣ* в корне) и форм *ткая*, *ткаеш* и др. (без *ѣ* в корне) по диалектам: первые употребляются в балканских говорах, вторые — в рупских (см. БДА, карта 4).

Что касается глаголов с основами на исходные *г* и *х*, то в говорах восточной Болгарии они также образуют два типа форм 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. — с основой на *г*, *х* (*мога*, *вѣрха* = литер. *вѣршея*) и с основой на *ж*, *ш* (*мога*, *вѣрша*). Ареал распространения форм с данными типами основ в целом, видимо, совпадает с показанным на карте ареалом распространения форм типа *река*, *рекат* и *реча*, *речат*. К сожалению, ограниченный материал не дает возможности установить более точные границы распространения форм типа *мога*, *вѣрха* и типа *мога*, *вѣрша* и соответственно разных типов парадигм настоящего времени глаголов с исходными основами на задненебные *г* и *х* в говорах этой части Болгарии. Однако можно с уверенностью утверждать, что формы с основой на *г* глагола *мога* встречаются здесь, как и в говорах других частей Болгарии, заметно шире, чем формы с основой на *к* (*пека*, *пекат* и под.). Они отмечены в говорах целого ряда пунктов, где глаголы с основой на исходный *к* образуют формы настоящего времени только с основой на *ч* (*печа*, *печат* и под.). Нужно заметить также, что в говорах значительного числа сел на территории и рупских и балканских диалектов в формах гла-

гола *мога* выступает основа *мой-*, с гласным *й* на месте *г* (*мойа*, *мойъ*, *мойам* и др.) или основа *мо-*, без согласного на месте *г* (*моа*, *моам*, *мом* и др.).

Картографирование материалов, которые уже собраны или будут собраны для других томов БДА, позволит точно установить границы распространения одного из интереснейших явлений грамматической аналогии в области морфологии глагола и на остальной части территории болгарского языка.

Судьба слогового *р* в говорах македонского языка

Б. Видоеский

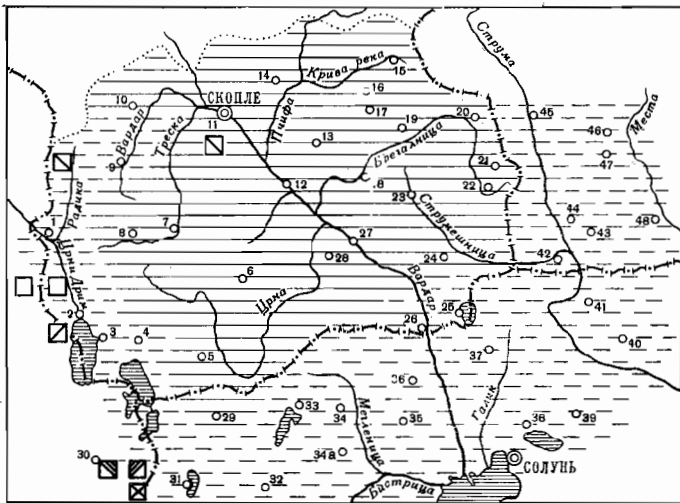
1.0. На македонской языковой территории в праславянских группах *търт*, *търт* и *трът*, *трът* на месте слогового *г* сегодня находим следующие рефлексy: *р*, *ър*, *ръ*, *ър-ръ*, *др*, *др-ар*, *др-ер*, *ар* и *ар*¹.

1.1. Наиболее обширную территорию занимает *р*. Он характерен для северных, центральных, штипско-струмицких и малешевско-пиянецких говоров, т. е. для всей северной и центральной македонской территории севернее линии Лерин—Демир, Капия—Струмица. На востоке изоглосса этой фонемы идет несколько западнее реки Струмы в направлении Петрич—Благодеевград (см. на карте² под. 1). Ср.: *врба*, *врти*, *вртник*, *грми*, *дрво*, *држи*, *зрно*, *крс*, *крф*, *ри* (Кр. Паланка, Кратово, Куманово, Скопье)³,

¹ *ъ* — означает гласный среднего ряда, *о* — открытое *о*, *е* — открытое *е*, *а* — закрытое *а*.

² Цифрами на карте обозначены следующие города: 1. Дебр, 2. Струга, 3. Охрид, 4. Ресен, 5. Битоль, 6. Прилеп, 7. Македонский Брод, 8. Кичево, 9. Гостивар, 10. Тетово, 11. Скопье, 12. Титов Велес, 13. Свети Николе, 14. Куманово, 15. Крива Паланка, 16. Кратово, 17. Злетово, 18. Штип, 19. Кочани, 20. Делчево, 21. Пехчево, 22. Берово, 23. Радовиш, 24. Струмица, 25. Дойран, 26. Гевгелия, 27. Неготино, 28. Кавадарцы, 29. Лерин, 30. Бобошчица, 31. Костур, 32. Кайлар, 33. Острово, 34. Воден, 35. Пазар, 36. Гуменджа, 37. Кукуп, 38. Лагадина, 39. Сухо, 40. Серез, 41. Валовиште, 42. Петрич, 43. Мелник, 44. Свети Врач, 45. Благодеевград, 46. Разлог, 47. Банско, 48. Гоце Делчев.

³ Б. В и д о е с к и. Вокалната система на кривопалянечкиот говор. «Македонски јазик», IV, 1953, стр. 156; Кумановскиот говор. Скопје, 1963, стр. 58; Р. У г р и н о в а. Говорите во Скопско. Скопје, 1951, стр. 8.

Рефлексы слогового *p*

1. <i>p</i>	4. <i>вр-вр</i>	7. <i>ар</i>
2. <i>ър(ръ)</i>	5. <i>др-др</i>	8. <i>ар</i>
3. <i>ор</i>	6. <i>вр</i>	

вр, крф, прсти, срп, срт, трн, црно (Штип, Радовиш, Берово, Струмица, Неготино)⁴, *прво, срце, рѣа, рт, штрп* (Прилеп, Битоль, Кичево)⁵.

1.2. Рефлекс *ър* распространен на западной македонской языковой территории на всем протяжении от Тетово до Преспанского озера. Границей между *ър* и *p* в этом районе служит горная гряда Сува Гора, Буковик, Бистра, Стогово, Караорман, Исток (у Охрида), Бигла, Баба (у Битоли) и Нередска планина (юго-западнее Лерина). Кроме того, *ър* характерен для македонских говоров южнее линии Нередска планина—Нидже—Кожуф—Беласица (см. карту под 2). Ср.: *бърдо, бърчи, върши, гърдо, гърло, ьрти* (Гостивар)⁶, *въртит, гърне, държит, тьрн* (Дебр), *бърго, върнит, ьркоф* (Струга), *гьркл'ан, дьрво, мьртоф* (Охрид)⁷,

⁴ И. Филиповски. Неготинскиот говор. Скопје, 1954, стр. 13; М. К ушевски. Делчевскиот градски говор. «Македонски јазик», IX, 1958, стр. 70.

⁵ Б. Конески. Прилепскиот говор. «Годишен зборник на филозофскиот факултет во Скопје», кн. 2, 1949, стр. 252; Б. Видоески. Кичевскиот говор. «Македонски јазик», VIII, 1957, стр. 40.

⁶ А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929, стр. 309.

⁷ Приведенный материал записан мною.

вѣртит, се кѣрстит, пѣрсти, ѣрже (Ресен)⁸, гѣрст, кѣрф, напѣртник, пѣрст (Костур)⁹.

1.3. В воденско-кукушском, дойранско-гевгелийском, солунском и сухо-високском говорах параллельно с группой *ѣр* в отдельных случаях встречается и произношение *рѣ*. Ср.: *гѣрне, зѣрну: крѣф, прѣс, трѣн, срѣп* (Воден)¹⁰, *врѣх, крѣс* (Луковец, Воденско), *вѣртам, сѣрце: вѣрѣфут, дрѣжи, крѣсти, цѣрѣфа* (Кулакия)¹¹, *вѣрба, дрѣже, сѣрце, цѣрно: брѣс, врѣшник, крѣс, крѣхче, прѣс, црѣн, рѣѣа, рѣжѣф, рѣжанѣца* (Богданцы), *вѣрне, мѣрзне, цѣрвѣн: врѣх, рѣш* (Гевгелия)¹², *дрѣш, крѣф* (Ватилак, Солунско), *врѣх, рѣш* (Градобор)¹³, *вѣрба, сѣрп, цѣрква, цѣрно: рѣѣа, рѣш* (Киречкѣи)¹⁴, *бѣркам, дрѣву, гѣрбач, гѣрлу, зѣрну: дрѣвѣ, дрѣжим, крѣхча, вѣрѣфт, трѣн, хрѣскам* (Сухо, Висока)¹⁵, *дрѣву, кѣрна, кѣрф, прѣс, трѣн* (Сухо)¹⁶, *гѣрло, грѣп* (Секавец, Серско), *вѣрба, гѣрп: крѣс, прѣс, вѣрѣци* (Календра, Серско), *кѣрвав, цѣрвен* (Горно Броди) *кѣрф, кѣрс, мартавѣцѣ, сѣрѣто, цѣрф: крѣстѣбсал, смѣрдѣиф, трѣнѣе, трѣнѣиф, трѣна* (Гоце Делчев—Неврокоп)¹⁷.

В пиринских говорах второй вариант (*рѣ*) встречается еще более часто, в некоторых местностях он является преобладающим (разложский и банский говоры), для благаевградского говора его можно считать совсем регулярным. Ср.: *вѣрше, вѣршѣчка, цѣрвѣн: брѣѣа, врѣбѣа, врѣх, дрѣво, срѣп, цѣрѣлаф* (Петрич), *бѣрдо, дрѣво, дрѣжим, свѣкѣрва: вѣрѣбница, зѣкрѣпка, крѣвник, стрѣшал', брѣс, врѣх, крѣс, срѣнове, трѣн* (Банско)¹⁸, *дрѣво, кѣрна* (Разлог¹⁹), *дрѣвѣ, зрѣнѣ, етрѣва* (Покровник, Благаевградско).

1.4. Рефлекс *ѣр* распространен на небольшой территории. Подобное произношение известно в десятке сел дебрской об-

⁸ Материал записан мною.

⁹ А. К у з о в. Костурский говор. «Изв. на семинара по славянска филология», IV, 1921, стр. 96.

¹⁰ В. Д у м е в. Воденский говор. — «Македонски преглед», XIII, 3, 1943, стр. 25.

¹¹ A. M a z o n et A. V a i l l a n t. L'évangélique de Kulakia. Un parler slave du Bas-Vardar. Paris, 1938, стр. 24.

¹² Д. И в а н о в. Гевгелийский говор. София, 1932, стр. 72.

¹³ V. O b l a k. Macedonische Studien. Wien, 1896, стр. 39.

¹⁴ M. V u k č e v i č. Jezik u Kirečkom s udiljnim obzirom na opće macedonizme. «Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umetnosti», кн. 145, 1905, стр. 116.

¹⁵ З. Г о л о м б. Два македонски говора (на Сухо и Висока во Солунско). «Македонски јазик», XIII—XIV, 1962—1963, стр. 237.

¹⁶ V. O b l a k. Macedonische Studien, стр. 38.

¹⁷ К. М и р ч е в. Неврокопский говор. «Годишник на Софийския ун-т». I. Ист.-филол. фак-т, т. XXXII, 1936, стр. 36.

¹⁸⁻¹⁹ Н. А л е к с и е в. Разложский говор. «Македонски преглед», VI, 3, 1931, стр. 101; Д. и К. М о л е р о в и. Народописни материали от Разлошко. «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. XLVIII, 1954 (Българска академия на науките. Етнографски ин-т), стр. 10.

ласти Дримкол, в области Голо Брдо на албанской территории, а также торбешскому населению стругских сел Лабуништа и Подгорцы (см. на карте под 3). Ср.: *бѳрилен, вѳрт, гѳрклен, вѳрзанка, дѳржеле, дѳрво, вѳрне, кѳрт, кѳртица, кѳрѳ, кѳрчит, кѳрстит, пѳрст, пѳрстен, ѳржајѳца, сѳрѳе, сѳрп, чѳрѳ, тѳрнинка* (с. Луково, Дримкол)²⁰, *бѳргу, вѳрба, вѳрнит, дѳрво, јѳтѳрва, кѳрша, мѳртоѳ, ѳрбет, ѳржит, ѳрш, ѳрѳа, сѳрна, тѳрчат, фѳрлит* (в говоре торбешей в Джепишта — Голо Брдо), *бѳрзина, завѳртиле, тѳрпиле* (Дренок), *вѳрвит, заѳржал, ѳрвено* (с. Гиновец), *вѳрзи, пѳрвиот, ѳржнал* (с. Малестрани)²¹.

1.5. В говоре стругских сел Радожда, Вѳчани и Мали Влай, а также в говоре села Лин, находящемся на западном берегу Охридского озера в Албании, произношение *ѳр* является лишь после лабиальной согласной, в то время как в других случаях (после нелабиальных) имеем рефлекс *ѳр* (см. на карте под 4). Ср.: *бѳрдо, бѳрго, вѳрвит, вѳрѳ, тѳвѳрдо, мѳрдат, пѳрстен, фѳрл'ат : гѳрне, гѳрѳи, се гѳрчит, дѳрво, дѳржит, ѳрш, ѳрѳа, зѳрно, кѳрѳ, кѳрт, кѳрстој, ѳрсно* (Радожда).

1.6. В нескольких селах области Река (Дебарско) широкое *ѳ* перед *р* (*ѳр*) вместо слогового *ѳ* появляется только в односложных и двусложных словах. Уже в трехсложных и словах с большим количеством слогов встречаем вариант *ѳр* (см. на карте под 5). Ср.: *вѳр, вѳрон, гѳрп, кѳрѳ, кѳрст, пѳрст, сѳрп, ѳрш, шѳрк; бѳрзо, бѳрдо, вѳрба, гѳрло, дѳрво, дѳржит, зѳрно, мѳртоѳ, ѳрѳа, ѳрбет, ѳржет, пѳрво, но: дѳржава, чѳтѳвѳртѳк, дѳржиме, ѳрѳата, нѳрвите*. Более наглядно это выглядит в формах одного и того же слова: *кѳрст : кѳрстови, ѳрѳа : ѳрѳѳа, дѳрво : дѳрвѳо, дѳрвено; ѳрвен : ѳрвено, ѳрвѳеница; бѳркат : бѳркаме; сѳркат : сѳркате; дѳржит : дѳржиме, ѳдѳржаѳт : ѳдѳржаѳте*. Это правило действительно также для акцентных целостей типа *вѳрзи : вѳрзи-го, вѳрзѳте-го; пѳрсти : пѳ-пѳрсти; вѳрба : кривѳ-вѳрба, нѳ-вѳрба* (Жерноница)²². Подобный рефлекс *ѳ* находим и в говоре торбешей в с. Маркова Река (Скопско). Говор скопских торбешей совпадает с жерноницким еще по ряду других важных особенностей, из чего можно заключить, что в более старое время они представляли единое целое. Ср.: *вѳрба : вѳрбата, вѳрбѳте; вѳрнет : нѳварнет; гѳрне : гѳрнин'а* (Држилово, Г. Количани)²³.

1.7. Рефлекс *ѳр* известен сейчас лишь в говоре крайне юго-западного костурского села Эзерец: *бѳрзо, бѳршлен, вѳршник,*

²⁰ Б. Видоески. Дебарските говори. «Македонски јазик», XIX, 1968, стр. 87.

²¹ Там же, стр. 67.

²² М. Д. Петрушевски. Неколку црти на говорот од Жировница, «Македонски јазик», II, 1951, стр. 58; А. Поповски. Реќанскиот говор. «Македонски јазик», X, 1959, стр. 112.

²³ Материал записан многу.

гѣрне, дѣрво, дѣржелѣ, ѣрт, ѣришта, ѣржен, кѣртица, нѣрсти, сѣрце, тѣрн, чѣрн, чѣрвен (см. на карте под 6)²⁴.

1.8. В говоре корчанского села Бобошчица *р* заменен *ар*: *аржи*, *бáргуј*, *цáрква*, *чарн*, *чарф*, *чарвѣник*, *чарниџка* (см. на карте под 7)²⁵.

1.9. Рефлекс *ар* встречается в юго-западных костурских селах между Костуром и Грамосом, за исключением с. Эзерец. Ср.: *парст*, *пáрстен*, *цáрви* (с. Желин), *вáрба*, *вáрни*, *дáрво*, *карф*, *цáрно*, *цáрви* (Радогожде), *арш*, *арженџица*, *áрна*, *вáрба*, *вáрни*, *гáрло*, *дáрво*, *чарн* (Галишча), *вáро*, *вáрни*, *гáрми*, *гáрло*, *сáрт*, *чарвен* (Гратче), *бáрзо*, *варнѣшно*, *вар*, *цáрно* (Псоре)²⁶, *арш*, *вáрба*, *се вáрна*, *дáрво*, *мáртвѣец*, *чарвѣно* (Смрдеш)²⁷, *арт*, *парст*, *сáрце*, *тфáрдо* (Нестрам), *вáрба*, *карт*, *пáрсток*, *стáршен*, *хáрчи* (Маняк)²⁸ (см. на карте под 8).

2.0. В одной части македонской языковой территории, как видим, а именно в северных и центральных говорах, на месте упомянутых праславянских групп находим однофонемную значимость — *р*, в то время как в южных диалектах, на всей восточной и западной периферийной территории выступают двухфонемные группы: гласная (*ѣ*, *а*, *а*, *ѣ*, *ѵ*) + *р* — в западных и южных говорах, и соответственно *р* + гласная (*ѣ*) — в восточных говорах.

3.1. На большей части территории, характеризующейся слоговым *р*, имеем пятичленную систему гласных:

и   у
е   о
а

Такова система гласных в битольском, прилепском, поречском, кичевском, в западной части велесского и в скопском говорах. Во всех этих говорах носовой *ж* заменен гласным *а* (*рака*), слоговой *ѣ* > *оа* (*волк*). Пятичленная система гласных имеется и в малореканском говоре, где *ж* > *о* (*рока*), но сохранился слоговой *ѣ* (*вѣк*, *сѣза*).

3.2. В малешевских (делчевский, беровский), штипско-струмицких, тиквешско-мариовских говорах, а также в северных леринских селах, в восточной части титоввелесского говора и

²⁴ По моим наблюдениям.

²⁵ А. М а з о н. Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud. Paris, 1936, стр. 32.

²⁶ По моим наблюдениям.

²⁷ А. М а з о н. Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale. Paris, 1923, стр. 19.

²⁸ М. М а ł е с к и. Text gwarowy z Kosturskiego (Macedonia). «Lud słowiński», III, 2, 1934, стр. 323.

в говоре Скопской Блатии система гласных состоит из шести фонем:

и ъ у
е а о

Фонему ъ находим на месте слогового *ʃ* (*вѣк*, *жѣт* — в тиквешско-мариовских, штипско-струмицких и малешевско-пиянецких говорах, соответственно *вѣлк*, *жѣлто* в привардарских селах между Скопле и Титовым Велесом). Носовой ж и на этой территории заменен в *а* (*рака*, *пат*).

3.3. Шестичленная система гласных характерна также для северных говоров в направлении от Шар планины до Осогово и к югу от Злетово, Свети Николе, Скопле, Тетово: *и — у*, *е — о*, *а — ъ*. Однако здесь фонема ъ выступает как рефлекс этимологических ъ, ѣ (*дѣш*, *дѣн*), вторичного ъ (*мѣгла*) и в ограниченном числе случаев вместо слогового *ʃ* (после зубных согласных: *длѣго*, *слѣза*, *тлѣче*). В других позициях *ʃ* заменен в *у*: *јабука*, *пуно*; *у* находим и на месте ж: *рука*, *пут*.

4.0. В говорах, где на месте *р* находим двухфонемные группы, системы гласных состоят по меньшей мере из шести фонем.

4.1. Так, например, в горноположском, стругском, дебрском, охридском, преспанском и во всех говорах по линии Костур—Воден—Солунь—Серез—Гоце Делчев (Неврокоп) кроме стандартных *и — у*, *е — о*, *а* регулярно появляется и гласный ъ как результат развития ж, *ʃ* и *р*. Ср.: *рѣка*, *вѣлна*, *сѣрце*. Система в целом представляется нам в следующем виде:

и ъ у
е а о

4.2. В лагадинско-серских говорах система гласных включает также и фонему *ѣ*, восходящую к ѣ, и система гласных в этих говорах состоит из семи гласных фонем:

и • у
е ъ о
ѣ а •

4.3. В пиринских говорах тоже имеется фонема ъ, но со значительно более ограниченной дистрибуцией, поскольку она появляется лишь на месте слоговых *ʃ* и *р* (*жѣто*, *сѣза*; *сѣрп* — *срѣп*). Носовой ж здесь заменяется в *а* (*рака*).

4.4. В дримкольско-голобрдском говоре, где *р* > *ѣр*, в шестичленной системе гласных корреляции иные:

и у
е о
а ѣ

Фонема *ѣ* восходит к ж и *ʃ* (*пѣт*, *рѣка*, *вѣлна*) и является лабиальным коррелятом *а*.

4.5. Указанная система характерна и для говора реканских торбешей с той только разницей, что здесь фонема *ɔ* имеет еще более ограниченную дистрибуцию: она выступает в односложных и двусложных словах, соответственно формам, в то время как в трехсложных и более многосложных словах ей соответствует *ɑ*, ср. *пѡт*, *пѡтот*: *пѡтишча*; *пѡрст*, *пѡрсти*: *пѡрстите*; *вѡлк*, *вѡлци*: *вѡлците*, *вѡлчица*.

4.6. В говоре сел Радожда, Вевчани и М. Влай имеется семь гласных фонем:

и у
е о
ѣ ѓ
а

Гласные *ѣ — ѓ*, имеющие здесь также ограниченную дистрибуцию (они могут стоять лишь в корневых слогах, причем *ѓ* после лабиальной, *ѣ* — после нелабиальной согласной), являются рефлексам *ж*, *р* и *џ* (*пѡт*: *река*, *вѡрба*: *сѣрп*, *вѡлк*: *кѣлк*).

4.7. Эта система повторяется в говоре костурского села Эзерец. Однако в нем *ѓ* выступает лишь на месте *ж* (*пѡт*, *рока*), а *ѣ* вместе с *р* (*ѣр*) является рефлексом *р* (*цѣрно*, *зѣрно*). Слоговой *џ* здесь заменен сочетанием *ал* (*вална*).

4.8. В других юго-западных костурских селах, где *р* > *ар*, *џ* > *ал*, *ж* > *а*, гласная *а* поляризуется как высокий коррелят *а*.

4.9. В говоре Бобошчицы (Корчанско) кроме *и — у*, *е — о*, *а* в качестве переднего коррелята *а* находим фонему *ѣ*, получившуюся из *ѣ* и *а* под ударением (*лѣто*, *мѣсец*). Слоговой *р* дал *р*, слоговой *џ* изменился в *ал* (*пално*, *валк*), а носовой *ж* перешел в *а* (*ан — ам*, ср. *рака*, *дамбје*). Система в целом выглядит так:

и у
е о
ѣ а

5.0. Из вышеизложенного видно, что в тех говорах, где сохранился слоговой *р*, носовой *ж* перешел в *у* (в северных), в *о* (в малореканских и в некоторых преспанских селах), а также в *а* (в центральных, тиквешско-мариовских, штипско-струмицких и малешевско-пиянецких). Южная изоглосса *р* полностью совпадает с изоглоссой *ж* > *а* (см. карту). В говорах, где слоговой *р* заменен дузфонемной группой, слоговой компонент рефлекса *р* тот же, что и рефлекс *ж*, за исключением говора с. Эзерец (*р* > *ѣр*, *ж* > *ѓ*) и с. Нестрам (*р* > *ар*, *ж* > *ѓ*).

6.0. В южных и западных говорах слоговой *џ* изменялся одинаково с *р*, а следовательно и с *ж*. В тех говорах, где *ж* > *ѓ*, находим переход *р* > *ѓр*, *џ* > *ѓл* (в юго-восточных также *и^трѣ*, *лѣ*). В дримкольско-голобрдском *џ* > *ѓл*, в реканском *ѓл — ал*, в корчанском *ал* и в радожско-вевчанском *ѓл — ѣл*. Иное развитие они

получили только в юго-западных костурских селах, где на месте ʃ встречаем al , в то время как $\text{p} > \text{ʃp}$, а $\text{x} > \text{ɔ}$ (Эзерец). Между тем в тех говорах, где находим p , на месте слогового ʃ представлены различные реализации: $\text{y} - \text{лʃ}$ (лу) в северных говорах, ol в битольском, прилепском, поречском и в западной части скопского и велесского, oʎ в тетовском. В привардарских селах от Скопле до Титова Велеса $\text{ʃ} > \text{ʎl}$. Восточнее линии Катланово—Титов Велес—Плетвар—Битоль—Лерин и севернее Лерина, Демир Капии, Струмицы, Сандански в качестве рефлекса ʃ выступает ʎ , а на южном пограничье в отдельных примерах $\text{ʃ} > \text{ʎl}$ или лʃ . Слогового ʃ сохранился только в малореканском и в южной части кичевско-поречского говора.

7.0. Наблюдения над современными рефлексами групп tʃ (ʃ) rt , tʃʃ (ʃ) t , их географическим распространением и их отношением к рефлексам x позволяют сделать следующие заключения.

7.1. Известно, что в старوماкедонском (старославянском) звук p , равно как и ʃ , выполнял слогаобразующую функцию только в качестве рефлекса групп tʃrt , tʃʃt . После утраты еров (z , ɔ) появилось новое p — из групп tʃʃt , tʃʃt , в некоторых случаях фонетически (ср. *дръво* — *дрво*), а в некоторых случаях морфологически (ср. *кръве* $>$ *крве*: *крв*)²⁹.

В северных говорах и в широком ареале говоров центральной Македонии p сохранилось и поныне. Эта территория примыкает к сербской языковой территории, на которой слоговой p также сохранился.

В других македонских областях перед p (в крайних восточных говорах также и после p) появился вокальный приступ, вначале, разумеется, не имевший фонемной значимости (p^{a} или $\text{p}^{\text{ɔ}}$). Позднее этот звуковой элемент развился в полный гласный. В некоторых говорах новый гласный совпал с некоторыми уже существовавшими фонемами, как, например, в корчанском говоре и в западных костурских селах. Однако в большинстве говоров гласный компонент перед p развился в новую фонему: a , ɛ , ɔ , ʎ .

7.2. В южных и в западных говорах в определенный период гласная часть p фонетически приблизилась или совпала с рефлексом x в корневых слогах. Впоследствии оба звука развивались одинаково и дали один и тот же результат.

Параллельно с развитием p (а это значит, что и x) в этих говорах шло развитие и слогового ʃ :

$$\begin{aligned} \text{p} &> \text{ʃp} \text{ (} \text{pʃ} \text{), } \text{ap}, \text{ ʌp}, \text{ ɔp}, \text{ ɛp} \\ \text{ʃ} &> \text{лʃ} \text{ (} \text{ʎl} \text{), } \text{al}, \text{ al}, \text{ ɔl}, \text{ ɛl} \\ \text{x} &> \text{ʎ}, \text{ a}, \text{ a}, \text{ ɔ}, \text{ ɛ} \end{aligned}$$

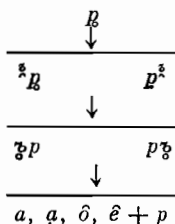
В северных и центральных говорах, однако, сохранилось слоговое p . В тот период, когда в соседстве с p развивался глас-

²⁹ Б. К о н е с к и. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965, стр. 32.

ный призвук, носовой ж уже был деназализован и заменен соответственно у (в северных говорах), а (в центральных) или о (малореканский говор). Процесс замены ж в этих говорах уже был завершен и система гласных стабилизирована. Кроме того, сохранению слогового р могло способствовать соседство с сербскими диалектами.

Слоговое ж в своем развитии отделилось от р. В северных говорах, как и в пограничных сербских диалектах, оно изменилось в у, после зубных в лъ. В центральной диалектной зоне и в южных говорах развилась двухфонемная группа ъл, которая затем изменилась в ол. В мариовско-тиквешских, штипско-струмицких и малешевско-пиринских говорах согласный компонент (л) позднее абсорбировался и осталось только ъ. Лишь на малой территории в Малой Реке и Кичевско сохранился слоговой ж.

Весь процесс развития слогового р графически можно представить следующим образом:

Все эти фазы находим и ныне в диалектах македонского языка.

Перевела с македонского

Р. П. Усикова

Вид глаголов-неологизмов у двуязычных русских старообрядцев («липован»), проживающих в Румынии

Э. В ра б и е

1. Несмотря на развитие и длительное двуязычие их современных носителей, так называемых липован¹, русские говоры старообрядцев, проживающих в Румынии, отлично сохраняют свою

¹ См.: E. Vrabie. Privire asupra localităților cu graiurile slave din Republica Populare Română. «Romanoslavica», v. VII. București, 1963, стр. 77—79

великорусскую физиономию как в области словарного состава и фонетической системы, так и в области грамматической структуры, прежде всего в морфологии, которая, как известно, поддается изменениям в последнюю очередь.

Поскольку в условиях румынского языкового окружения и русско-румынского билингвизма терминологическое и стилистическое обогащение липованских говоров происходит главным образом за счет заимствований из румынского языка, ниже мы попытаемся показать, как конкретно проявляется морфологическая категория вида у глаголов-неологизмов, появившихся этим путем².

2. Приспособление румынских глаголов делается липованами единым, крайне простым способом: прибавлением к неопределенной форме инфинитивного суффикса *-ть* при сохранении ударения на том же слоге, что и в языке-источнике. Так, от румынских глаголов I спряжения (с инфинитивом на *-á*) получают глаголы на *-ать*, а от румынских глаголов IV спряжения (с инфинитивом на *-i*) — глаголы на *-ить*: рум. а *argobá* 'положительно разрешить, разрешать' > лип. апробáть, рум. а *geuși*, обл. а *geuși'* 'выдерживать, выдерживать экзамен (обычно конкурсный)' > лип. *реушить*. Румынские II и III спряжения малопродуктивны. Нами был записан всего навсего один липованский глагол, образованный от румынского глагола III спр.: *контразичеть* 'противоречить' (< рум. а *contrazice*³).

3. Глаголы, образованные от румынских инфинитивов I спряжения, являются двувидовыми⁴. Например, Сок. I (род. в 1878 г.),

² Основной иллюстративный материал собран в говоре деревни Липовень (рум. *Lipoveni*, т. е. «старобрядцы») Сучавского уезда. Общие сведения об этом говоре даются в нашей статье: Е. V г а б и е. *Observații asupra unui grai rus de pe teritoriul RPR. «Romanoslavica», v. IV. București, 1960, стр. 107—129.* — Старшее поколение называет свою деревню Соколинцами, отсюда принятое нами сокращение: Сок. Римскими цифрами обозначаются информаторы.

³ Сок. XXIII, говоря осуждающе о местном неверующем: *Узълся контразичить папá.*

Примечание. Далеко не все липованские глаголы румынского происхождения являются стабильными лексическими приобретениями, принятыми и в той или другой мере употребляемыми всеми говорящими. Многие из записанных нами глаголов являются окказиональными заимствованиями, непрочными, эфемерными, зачастую сугубо индивидуальными творениями билингвов, созданными ими *ad hoc* либо из потребности понятийного или эффективного нюансирования речи, либо попросту из соображений удобства. Но как бы то ни было, т. е. независимо от статистического ранга своей частотности или от своего лексико-семантического и стилистического статуса, все липованские глаголы румынского происхождения обладают категорией вида.

⁴ Об этом понятии и явлении см., например: И. П. М у ч н и к. Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке. — ВЯ, 1966, № 1, стр. 61—75; Н. С. А в и л о в а. Двувидовые глаголы с заимствованной основой в русском литературном языке нового времени. — ВЯ, 1968, № 5, стр. 66—78.

рассказывая нам «по-липовански» о своем соседе, который излечился от тяжелой болезни благодаря применению рекомендуемого народной медициной способа лечения, заключила: *Ды и так скапáл* 'И так он избавился' (ср. рум. а scárá 'спастись'). Из контекста недвусмысленно вытекает намерение говорящей выдвинуть на первый план мысль о результате действия, откуда и вывод, что *скапáл* выступает здесь как глагол совершенного вида. Однажды, услышав от своего сына, только что вернувшегося домой, что умер какой-то их знакомый односельчанин, старуха произнесла как бы про себя: *Ат смёрти ни скапáши*. Как следовало бы перевести на русский литературный язык этот глагол? Вопрос наш мог бы казаться излишним и даже немного странным. Ведь очевидно, сказал бы любой грамотно говорящий на русском языке, что здесь *скапáши* (орфографически было бы *скапаешь*) является формой настоящего—будущего времени от двувидового глагола-неологизма *скапáть* (ср. русск. лит. *обещáть*). Дело, однако, обстоит иначе. Как мы увидим дальше, в приведенном выше примере *скапáши* выступает не как будущее «простое», т. е. не как глагол совершенного вида, а как настоящее гномическое, т. е. как глагол несовершенного вида. Дело в том, что в отличие от русского литературного языка, в котором двувидовые глаголы не обладают морфологическими средствами для обнаружения во всех случаях видовых различий (ср. *телеграфировал* в значении прошедшего несовершенного вида и прошедшего совершенного вида при *буду телеграфировать* в значении будущего несовершенного вида)⁵ липованские двувидовые глаголы-неологизмы на *-áть* (типа *скапáть*) во все не обладают морфологическими средствами для обнаружения видовых различий: в значении будущего совершенного вида говорящие последовательно используют формы будущего составного. Например, *будешь скапать* (или с оттенком долженствования *мáешь скапáть*) означает, в зависимости от контекста, то 'избавишься', то 'будешь избавляться', причем форма настоящего времени имеет — в речи наших информаторов — только значение настоящего. В связи с этим мы провели в Соколинцах специальное исследование, основанное на опросе-переводе с румынского языка нескольких предложений, содержащих один и тот же глагол на *-áть*. Это нам позволило получить сопоставимые видовременные формы от одного и того же говорящего. Приводим ниже ответы Сок. V (род. в 1905 г.), свободно владеющего обоими языками, но в семейном кругу говорящего в основном по-русски.

1) *Lucrul acesta îl aprobă numai raionul*. 'Это дело разрешает положительно только район'. || *Ита а проба и т только райо́н*; 2) *El aproba rar cererile de felul acesta*. 'Ему (т. е. преж-

⁵ См.: И. П. Мучник. О видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке. — ВЯ, 1956, № 6, стр. 94, пункт 2.

нему председателю сельсовета) редко приходилось разрешать положительно подобные заявления' || *Уон рѣтка апробал такйи чѣрери*; 3) *Cine va aproba de acum înainte cererile noastre?* 'Кто впредь будет разрешать положительно наши заявления?' || *Хто будит дăлшь апробать нăшы чѣрери?* 4) *Măine, îndată ce sfatul popular îmi va aproba cererea, voi pleca cu ea la Suceava. 'Завтра, как только сельсовет положительно разрешит мое заявление, я с ним поеду в Сучаву'. || Зăўтри сфат будит апробать маѡ чѣрери и пайѣду с йой у Сучăву*; 5) *Gata! Sfatul mi-a aprobat cererea!* 'Готово! Сельсовет уже разрешил положительно мое заявление'. || *Гата! Сфат ужѣ апробал маѡ чѣрери!*⁶

Аналогичные результаты мы получили и от ряда других старообрядцев с глаголами *рефузать* 'отказаться, отказываться' < рум. а *refuză* 'то же', *презентаться* 'представиться, представляться' < рум. а *se prezentă* 'то же' и др.⁷

Н. С. Авилова пишет, что в русском литературном языке противоположение глагольных видов выражается противоположением формантов, т. е. суффиксов и префиксов⁸. Следует ли из этого, что липованские глаголы типа *апробать*, *дворцать* и т. п., которые формально по виду не противопоставляются, лишены тем самым категории вида? По нашему мнению — нет. Об адекватности термина двувидовой применительно к глаголам-новообразованиям цитированного типа говорят следующие два факта.

а) Собственно русские синонимы данных глаголов — неологизмов и вообще все глаголы, унаследованные из общерусского языка, употребляются нашими информаторами «правильно», т. е. со строгим соблюдением видовых оппозиций: *апробает* 'разрешает'; *апробал* 'разрешил или разрешал'; *будет апробать* 'разрешит или будет разрешать'.

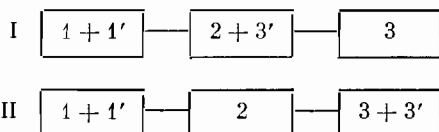
б) Если проба контекста считается достаточной для грамматического определения формально не выраженной категории в р е м е н и (ср. русск. лит. *телеграфирову*), то не видим, почему эта же проба не была бы действительной и для определения формально не выраженной категории в и д а (ср. лип. *будет апробать*).

⁶ Обследованным нами говорам не присуща морфологическая категория действительных причастий, а причастия страдательного залога от данных глаголов как правило не употребляются.

⁷ П р и м е ч а н и е. В октябре 1969 г. мы встретили в Бухаресте знакомую, родным языком которой является липованский говор села Журиловки Тульчанского уезда. Пользуясь случаем, мы ее подвергли такому же опросу, причем примером послужил нам глагол *дворцать* 'развестись, разводиться' < рум. а *divorță* 'то же'. Наиболее характерное предложение мы цитируем: *Săptămîna viitoare voi divorță, iar peste o lună mă voi recăsători.* 'На будущей неделе я разведусь, а через месяц я снова женюсь'. Выделенные глаголы наша знакомая перевела через *буду divorцаць* и, соответственно, через *вйду замуж*.

⁸ Н. С. А в и л о в а. Указ. соч., стр. 66.

Отсутствие в липованских говорах формально выраженной видовой оппозиции не только для передачи прошедших времен, но также и для передачи будущего времени (у глаголов типа *будет апробать*) по сути дела отнюдь не означает собой возрастание степени грамматической двусмысленности по сравнению с той двусмысленностью, которую признают в литературном языке. Дело только в том, что «привычной» видо-временной двусмысленности типа *телеграфировать* в липованских говорах соответствует иная двусмысленность, чисто видовая, при форме презенса, свободной от какой бы то ни было грамматической двусмысленности. С чисто типологической точки зрения нам представляется, что распределение грамматических (т. е. видо-временных) нагрузок на формы двувидовых глаголов типа *апробать* (II) привело в липованских говорах к более стройной системе выражения, чем та, которая присуща русским двувидовым глаголам типа *обещать* или *телеграфировать* (I). Сравните ряды I и II в следующей таблице, где прямоугольники символизируют глагольные формы, а арабские цифры — видо-временные глагольные значения (1 — прош. вр., 2 — наст. вр., 3 — буд. вр.), причем примы (') обозначают сов. вид., а отсутствие прим — несов. вид.

Нейтрализация видового противопоставления в формах будущего времени в липованских говорах объясняется, по всей вероятности, двуязычием их носителей. Действительно, как в румынском литературном языке, так и в румынских говорах, грамматическое значение будущего времени выражается как правило составной формой, состоящей из специальных личных форм десемантизированного вспомогательного глагола а *voi* 'хотеть' и инфинитива основного глагола: *voi, vei, va, vom, veti, vor* (+*aprobá*), обл. (например, в Сучавском у.) — *oi, ii, a, om, it, or* (+*aprobá*).

Говоря по-румынски, липоване всегда имеют возможность выбирать формы прошедшего времени, в той или иной мере соответствующие — по признаку предельности / неопределенности действия — русскому прошедшему времени несовершенного вида (ср. рум. имперфект *aprobám* 'я положительно разрешал') или же русскому прошедшему времени совершенного вида (ср. рум. перфект *am aprobát* или плюсквамперфект *aprobásem* 'я положительно разрешил, разрешила'). Для выражения же румынского будущего времени липоване лишены возможности подобного выбора. Привыкнув к румынскому грамматическому синкретизму на уровне будущего времени (ср. форму 1 л. наст. вр. *voi aprobá*,

которая, в зависимости от контекста, означает 'я положительно разрешу' или 'я положительно буду разрешать'), им было нетрудно перенести его на двувидовые глаголы-неологизмы румынского происхождения.

Наконец, еще одно замечание по поводу этих глаголов. Н. С. Авилова указывает, что наиболее развитым способом формального выражения вида у глаголов с заимствованной основой в русском литературном языке нового времени является префиксация⁹. В противоположность этому, в исследованных нами говорах нам не приходилось записывать ни одного приставочного глагола на *-ать*, образованного от основы, заимствованной из румынского языка. По нашему мнению, недейственность префиксации в словах подобного рода представляет собой частный случай явления более общего у этих русских билингвов: явное сужение и отставание внутренних словообразовательных процессов, прежде всего на базе приставок, и столь же явное предпочтение прямых заимствований из вторичной языковой системы, т. е. из румынского языка

Если в современном русском языке исконные и новые¹ двувидовые глаголы (типа *венчать*, *велеть*, *казнить*, *обещать* и др., к которым примыкают глаголы на *-овать*, *-евать* типа *воздействовать*, *даровать*, *использовать* и др., с одной стороны; поздние заимствования из европейских языков типа *арестовать*, *атаковать*, *гарантировать* и т. п. — с другой стороны) образуют морфологическую подсистему, своеобразие которой сводится к формальному выражению видовых различий только на уровне будущего времени, в липованских говорах Румынии наблюдается и другая подсистема, характерной чертой которой является полное отсутствие формального различения видовых противопоставлений.

4. Липованские глаголы на *-ать* с основой, заимствованной из румынского языка, не являются двувидовыми лишь тогда, когда этому препятствует их семантика. Например, только несовершенного вида будут следующие глаголы, записанные нами в Соколинцах: *пуртать прочес* 'заниматься хождением по искам и тяжбам' (<рум. а purtá gросес 'то же'), *саманать на* 'походить на' (<обл. рум. а samaná cu 'то же'), *урмать шкблу* 'учиться в школе' (<рум. а urmá o şcoală 'то же') и т. п.

5. Совершенно другую картину представляют собой липованские глаголы-неологизмы, образованные от основ румынских глаголов IV спряжения (на *-i*).

По аналогии с исконно русскими видовыми парами, обеспеченными суффиксальным² чередованием *-и/-а-* (типа *купить / куплять*, *решить / решить* и т. п.) рум. глаголы IV спряжения были восприняты липованами как глаголы совершенного вида. Так, от обл. рум. а геуşi¹ (лит. а geusi), уже упомянутого выше

⁹ Н. С. Авилова. Указ. соч., стр. 68.

(см. § 2), был образован липованский глагол совершенного вида *реушыть* 'выдержать экзамен'. На этом основании стали употреблять соотносительный глагол несовершенного вида *реушыть* 'выдерживать экзамен'. Это вполне соответствует тому, что писал о глаголах данного типа акад. В. В. Виноградов: «В кругу бесприставочных глаголов форма несовершенного вида чаще всего выступает не как основная, а как вторичная, производная форма»¹⁰.

В отличие от современного русского литературного языка, в котором чередование суффиксов *-и-*, *-а-*, не сопровождающегося префиксацией, не продуктивно, уже не являясь живым средством видового формообразования¹¹, в липованских говорах этот способ видовой дифференциации жив, продуктивен и, так сказать, перспективен, потому что разряд румынских глаголов IV спряжения очень многочислен.

Ниже приводим несколько записанных нами микротекстов, содержащих в той или иной форме глаголы данного типа.

Сок. I, порицательно высказываясь о своем родственнике, у которого она жила некоторое время, но от которого в конце концов была вынуждена переехать, объяснила мне причину этого: *Дужь баджёкурял меня* 'Он меня сильно бранил' (ср. обл. рум. а *вазосиг* 'бранить, выбрать'). Однажды она же, говоря мне о какой-то соседке, супруг которой как раз возвращался домой в нетрезвом состоянии, сказала: *Анять баджёкуритяво* '(Она) опять его выберит'.

Тоже Сок. I, думая, что я уже устал ей помогать в чистке кукурузы, сама остановилась и сказала мне: *Ръкорись трбишки!* 'Прохладись (т. е. передохни) немножко!' (ср. рум. а *se răcori* 'прохладиться, прохлаждаться'). В тот же день, также на чистке кукурузы, начав о чем-то разговор, мы временно перестали оба работать. Как раз в этот момент перед нами неожиданно появился, уже не помню по какому поводу, односельчанин старухи. Как будто чувствуя себя виноватой, что не работает усердно теперь в разгаре работ по чистке кукурузы, а беседует со мной, она ему объяснила в чем дело: *Ръкоряем ся трби!* 'Мы чуть-чуть отдыхаем'.

Этих четырех примеров вполне достаточно для восстановления видовой корреляции: *баджёкуритя* / *баджёкурять*, *ръкорись* / *ръкоряться*.

Подобных примеров, собранных от разных информаторов, как из деревни Соколинец, так и из других липованских селений, у нас немало. Впоследствии мы добились дополнительного письменного подтверждения указанного выше приема видового словообразования. Приводим ниже румынские предложения, которые

¹⁰ В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947, стр. 505, § 32.

¹¹ Там же, стр. 506.

мы отправили по почте Сок. III (род. в 1945 г.) и ее ответы, с сохранением орфографии подлинника¹².

1) *La lucru la Suceava tatăl meu depășește*¹³ *întotdeauna norma*. 'На работе в Сучаве мой отец всегда перевыполняет норму'. || *Na работи у Сучави тятя мой динашит каждый рас норму*; 2) *Cînd fratele meu era astăvară acasă, el lucra în pădure cu tata și depășea în fiecare zi norma*. 'Когда мой брат был дома летом, он работал с отцом в лесу и ежедневно перевыполнял норму'. || *Када брат мой был дома прошлая лета он рабил с тятый у лесу и динашил каждый рас норму*; 3) *Mîine mă voi duce și eu cu tata la muncă, dar eu sînt cam slabă și n-am să depășesc norma*. 'Завтра и я пойду с отцом на работу, но я слабая и не перевыполню норму'. || *Заутри и я пойду с тятый на работу али я слабая и ни маю динашить норму*; 4) *Alaltăieri vecinul nostru a stat pe șantier pînă la miezul nopții și a depășit norma*. 'Позавчера наш сосед остался на стройке до полуночи и перевыполнил норму'. || *Пызавчѐра сусет наш сидел на шантийери да польнци и динашыл норму*; 5) *Tata vine întotdeauna acasă cu norma depășită*. 'Отец всегда приходит домой с перевыполненной нормой'. || *Т'ята приходит что разу дамой с нормый динашыты й*.

Таким образом, письменные ответы нашей корреспондентки целиком подтвердили выводы, к которым мы пришли раньше, на основании непосредственных наблюдений: рум. *a depăși norma* 'перевыполнять, перевыполнить норму' > лип. сов. вида *депашить нбрму*, от которого возник соотносительный глагол несовершенного вида *депашать нбрму*.

6. В отличие от глаголов на *-ать*, у которых мы не обнаружили приставочных образований (см. выше, п. 3), глаголам на *-ить* это явление не чуждо. Примерами, однако, мы располагаем пока очень немногими, всего-навсего двумя: *помырлиться* (сов. вид от *мырлиться* < рум. *a se mîrli* 'совокупляться для полового отправления — говоря о мелком рогатом скоте') и *выбаджэкурить* 'выбранить'. Последний из них был нами записан в ситуации явно перфективной. Однако нам еще не вполне ясно, в какой корреляции находится сов. *выбаджэкурить* с бесприставочным глаголом *баджэкурить* в языковом сознании тех говорящих, у ко-

¹² Родители Сок. III — липоване-билингвы. Она закончила 4 класса русской начальной школы, в то время функционировавшей в деревне, а потом дополнила свое начальное образование 3 классами (V—VII) в ближайшем румынском селе Миткул-Драгомірней (Mîtcuľ-Dragomîrnei). Тут же отметим, что своей тематикой наши предложения были очень доступны как Сок. III, так и ее родителям, у которых, впрочем, мы долго жили во время своих неоднократных посещений Соколинец (1958—1963 гг.).

¹³ Как в нашем письменном опросе, так и в ответах, высланных нам Сок. III, никаких выделенных слов, разумеется, не было. Тут мы выделяем интересующие нас глаголы для удобства читателя.

торых видовой пара сов. *баджёкурить*/несов. *баджёкурят* (см. выше, п. 5) функционирует как таковая. Является ли для них глагол совершенного вида *вѣбаджёкурить* лексическим производным от глагола того же совершенного вида *баджёкурить* (ср. просторечный сов. вида *вѣрешить* по отношению к *решить*), или же *вѣбаджёкурить* соотносится у них с глаголом *баджёкурить* в плане видовом, как, скажем, сов. *вѣбранить* с несов. *бранить*? В случае реальности этого последнего предположения означало бы, что у одних и тех же говорящих *баджёкурить* выступает то как глагол совершенного вида (когда соотносится с *баджёкурят*), то как глагол несовершенного вида (когда соотносится с *вѣбаджёкурить*).

Без новых внимательно и умело проведенных опросов на местах этот и подобные ему вопросы, касающиеся категории вида в липованских говорах, не могут быть удовлетворительно выявлены и объяснены. Между тем это очень интересный круг вопросов, имеющий значение не только для русского языка (и вообще для славистики), но также и для дальнейшего изучения последствий межъязыковых контактов.

Шелководческая терминология в трех болгарских говорах Бессарабии

Э. И. Зеленина

Шелководство, разведение тутового шелкопряда, известно на Балканах с древних времен¹. Можно предположить, что оно получило развитие довольно рано и у южных славян. В восточной Болгарии оно было известно уже в 1640 г., а в прошлом веке достигло расцвета². Таким образом, болгары, переселившиеся в Бессарабию в начале прошлого века, уже имели навыки шелководства. Они продолжали им заниматься на новом месте³.

¹ Практическое руководство за шелководство. Собрано и составлено от Захария Княжеский. Цареград, 1859. — В введении к книге имеется указание на то, что в 555 г. шелководство было занесено в Константинополь.

² К. И р е ч е к. Княжество България, ч. I. Пловдив, 1899, стр. 217; З. К н я ж е с к и й. Указ. соч., стр. IX.

³ Подтверждение этому находим в книге: А. С к а л ь к о в с к и й. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848, стр. 11, 57, 60—63, 75 и др.

Для определения характера и состава болгарской шелководческой терминологии следует учитывать материал не только говоров метрополии (самой Болгарии), но и болгарских переселенческих говоров, сохраняющих ряд архаических черт.

Нами собран материал в трех болгарских говорах Бессарабии, относящихся к балканскому типу⁴. Балканские говоры Болгарии, как известно, сыграли в свое время важную роль в формировании болгарского литературного языка⁵. Многие деятели болгарского возрождения были родом из балканских сел. К их числу относится и автор первого в Болгарии руководства по шелководству З. Княжеский⁶. Таким образом, зафиксированная в XIX в. шелководческая терминология была создана, по всей вероятности, на основе балканских говоров. Так как с тех пор не было каких-либо специальных публикаций по болгарской шелководческой терминологии, мы даем полный список собранных нами слов.

Наш материал представлен в виде сравнительного диалектного словарика, составленного по типу словаря М. Куцалы⁷, в котором за основу берется один из трех изучаемых говоров, а материал из двух других сравнивается с ним. В нашем словарике за такой опорный говор взят говор села Кирютни, а материал из Твардицы и Кирсова сравнивается с ним.

В словарь включены слова, обозначающие существенно важные явления, процессы, а также предметы, связанные с разведением тутового шелкопряда, как в условиях единоличного хозяйства, так и в условиях колхозного строя. Носителями их являются рядовые колхозницы, большей частью неграмотные.

К словарю дается комментарий в виде краткого сравнительного описания материала, собранного в трех указанных селах Бессарабии. Сопоставление с материалом из их родных пунктов в Болгарии проводится по данным БДА («Български диалектен атлас», т. I, II. София, 1964, 1966).

⁴ Материал собирался летом 1967—1969 гг. в болгарских селах Кирютне (далее: Кир.) Чадыр-Лунгского р-на, Твардице (Тв.), того же р-на, Кирсове (Кирс.) Комратского р-на Молдавской ССР. Соответственно родные им пункты на территории Болгарии: Кортен Сливенского окр., Твардица того же окр., Жеравна близ города Котела [см.: С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Э. И. Зеленина. Атлас болгарских говоров в СССР (АБГ). М., 1958, стр. 12—13]. О говорах этих сел см.: АБГ, стр. 36—38; статьи Л. С. Плотниковой, Н. В. Котовой, Ст. Стойкова, Э. И. Полторацовой (Зелениной) и словарь Т. В. Швецовоной («Статьи и мат. по болг. диалектологии», вып. 1—3. М., 1950—1953).

⁵ См.: Ст. Стойков. Българска диалектология. София, 1968, стр. 40—41.

⁶ Захарий Княжеский (Жеко Петров) — ученик Неофита Рыльского. Родился в 1810 г. в Пишмани (Разкаяне) Старозагорско (см. сноску 1). — Г. Раковский описывает шелководство в «Показалец или ръководство как да се издирият най стари черти нашего бытия. . .» (Одесса, 1859, стр. 64—68).

⁷ М. Куцаła. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

баба *ба́ба* ж. Тв. Кирс. большой кокон, свитый двумя гусеницами. *Ба́ба уд_де́ са_зави́ва*. Кирс. *Кир. нет названия.

буба *бу́ба* ж. Кирс. = **втища** Кир. Тв., *Си́чкити бригади́ри луза́ри ура́н'ат бу́би*.

бърбонки *бурбе́н'ки* мн. Кир. испражнения гусениц. Ср. **лайн** Тв. Кирс.

вия [*вийа́*] ⁹ гл. нсв. Кир. вить (кокон). *Вийе́т ма́мули*. Ср. **завивам** Тв. Кирс., **завия** Кир.

возраст *вб́рас* м. Кир. Тв. возраст, один из пяти периодов в развитии гусеницы шелкопряда. *Пе́рвийа вб́рас те спѣт, че гу_ура́ниш чут'*. Кир. *Кирс. возраст гусеницы определяется периодами сна. Ср. **сън**.

втища *фти́шта* ж. Кир, *фти́шти* с. Тв. гусеница тутового шелкопряда Кир. Тв. *Т'а насе́ри се́менца за_фти́шта*. Кир. *Фтбу́ру фти́шти н'ама да_зема́т*. Тв. Ср. **буба** Кирс., **червей** Тв., **гусеничка** Кир. Δ бригада, занимающаяся шелководством Тв. *Аз б'а́х бригади́рка на_фти́ште́ту* ¹⁰.

габър *га́бар* м. Кир. род высокой ветвистой травы, на высохших стеблях которой гусеницы вьют коконы. Ср. **чорлан** Тв. **гюрлюк** Кирс.

гусеничка *гус'ничка* ж. Кир. *культ*. гусеница тутового шелкопряда. Ср. **втища** Кир.

гюрлюк *г'ура'л'ук* м. Кирс. = **габар** Кир., ... *да_им_ту́ргами г'ура_л'ук*. Ср. **чорлан** Тв.

душа [*дúша*] гл. нсв. Кир. Кирс. нюхать (о гусенице шелкопряда). *Излй́зат и дúшат на_листа́*. Кир. Ср. **мириша** Тв.

етажерка *таже́рка* ж. Тв. = **полки** Кир. Кирс. *Таже́рки ни_прати́уа туга́ва*. Ср. **бдар** Тв.

желта *же́лта* прил. ж. Кир. желтая (о гусенице). *Стана́ же́лта и са_качу́ва на_габара́*. Ср. **пожелтявам** Кир. Тв. Кирс.

завивам [*зави́вам*] гл. нсв. Тв. Кирс. вить (кокон). *То зе́ло да_ди́ри да_зави́ва*. Тв. *Зави́ват пѣпки*. Кирс. Ср. **вия** Кир., **завия** Тв.

завивам се [*зави́вам_са*] гл. нсв. возвр. Тв. Кирс. завиваться (в кокон), свивать вокруг себя (кокон). ... *И_слет_идна́ неде́ла са_зави́ва*. Тв. *И т'а са_ка́ча там и са_зави́ва*. Кирс. *Кир. не употребляется в отношении гусениц.

⁸ Слова даются в литературном написании и в диалектной записи.

⁹ В квадратных скобках даются основные формы глаголов (1 л. ед. ч. наст. вр.), созданные нами по типу форм других глаголов, так как в этой группе лексики данные глаголы в указанной форме не употребляются.

¹⁰ После знака Δ даются значения слов, отличные от их значения в говоре Кирютни.

завия [завийа] гл. св. Кир. [завийа] Тв. см. вия Кир., завивам Тв. И *завй иди́н маму́л'*. Кир. *Ша_завийе*. Тв.

измѣтя се [измѣт'а_са] гл. св. Тв. см. мѣтя се. *Кат са_измѣти*.

калаянка *калайанка* ж. Тв. = пеперудка Кир. Кирс. *Означает и другие виды бабочек.

карапача *карапача* ж. Кир. Тв. Кирс. плохо свитый кокон. *Тий, кай, прбсти, карапача*. Кир.

коприна *куприна* ж. Кир. Тв. Кирс. нить, получаемая из кокона шелкопряда. *Ут_маму́ли бѣжда куприна*. Кир. *Т'а п'у́й ут_уста́та и сама́ си_мутай куприна*. Кирс.

лайна *лайнá* мн. Тв. Кирс. = бърбонки Кир.

лист *лист* м. Кир. Кирс. лист (дерева): *чарни́цаф* ∞ Кир., ∞ -и *ут_сика́менца*. Кирс. лист шелковицы, которым кормят гусениц. Ср. *шума* Тв.

лу́пя се [лу́п'а_са] гл. нсв. Кирс. = мѣтя се Кир. Тв.

маму́л *маму́л'* м. Кир., *маму́л* Тв. кокон шелкопряда. *Ут_маму́ли бѣжда куприна*. Кир. Ср. пѣпка Кирс.

метла *митла* ж. Кир. Тв. *бот.* метелка, трава, которую раньше при разведении гусениц шелкопряда в домашних условиях ставили в высохшем виде для свивания на ней коконов. Ср. *габър* Кир., *чорлан* Тв. *В Кирс. и в домашних условиях применяли траву гюрлюк (см.).

мириша [мирйша] гл. нсв. Тв. = душа Кир. Кирс.

мѣкна *мѣкна* гл. нсв. Кир. тянуть (нить из кокона). *Мѣкнем куприна ут_т'ах*. Ср. *тегля* Тв., *точа* Кирс.

мърдам [мърдам] гл. нсв. Кир. Тв. шевелиться (о гусенице). . . *те спѣт, че гу_у́раниш чут', сѣтн'а мърда*. Кир. *Ни_мърда*. Тв.

мърдам се [мрѣдам_са] гл. нсв. возвр. Кирс. шевелиться (о гусенице). *Спет, ни_са_мрѣдат*. Ср. *мърдам* Кир. Тв.

мѣтя се [мѣт'а_са] гл. нсв., Кир. Тв. вылупляться (о гусенице) Ср. *лу́пя се* Кирс.

одѣр *бдар* м. Тв. = полка Кир. Кирс. *Три бдара йма*. Тв.

пеперудка *пиперу́тка* ж. Кир. *пиперу́да* Кирс. бабочка тутового шелкопряда. *Пиперу́тка сѣри сѣми*. Кир. Ср. *калайанка* Тв.

пожелтявам [пужел'т'авам] гл. нсв. Кир. Тв. [пужел'тавам] Кирс. желтеть (о гусенице) . . . *пужел'т'ава, у́бди да_ди́ри да_завйа*. Тв. *Пужел'тават, ста́ват цйклены*. Кирс.

полка *пблка* ж. Кир. Кирс. один из ярусов многоярусного деревянного настила, на котором разводят гусениц. Ср. *одѣр*. Тв.

полки *пбл'ки* мн. Кир. Кирс. многоярусный деревянный настил, на котором разводят гусениц. Ср. *етажерка* Тв.

преспя се [преспя_са] гл. св. Кир., [проспа_са] Тв. проспаться (о гусенице). *Как са_преспѣт, гу_у́раниш*. Кир. *Кирс. не употребляют этот глагол в отношении гусениц. Ср. *спя*.

пѣпка *пѣпка* ж. Кирс. = мамул Кир. Тв. *И *пѣпка сѣки става*.

семе *сѣми* с. Кир. Тв. Кирс. грена, яички бабочки тутового шелкопряда. *Сѣмету тѹр'ат да са мѣти*. Кир. *Дибѣлата калайѣнка сѣри сѣми*. Тв. *Думѣшну сѣми*. Кирс.

серя [сѣр'а] гл. нсв. Кир. Тв. Кирс. откладывать яйца (о бабочке шелкопряда). *Пиперѹтка сѣри сѣми*. Кир. *Дибѣлата калайѣнка сѣри сѣми*. Тв.

сна [сна] гл. нсв. Кир. Тв., [сп'ѣ] Кирс. спать (о гусенице). *Да бѣди побулѣнну, кту свѣт на трѣтиѣ вѣрас*. Кир. *Чѣтири пѣт'а свѣт*. Тв. *Чѣтири сѣн'а спѣра*. Кирс.

стъклена *цѣклена* прил. ж. Кирс. прозрачная (о гусенице). *Пужел'ават, стѣват цѣклени*. *В Кир. и Тв. не употребляют это слово в отношении гусеницы.

съблека се [сѣбл'акѣ са] гл. св. Тв. см. събличам се Кир. *И четвѣртийѣ пѣт спи двѣ сѹтки, спи и са сѣбл'акѣ*.

събличам се [сѣблѣчам са] гл. нсв. Кир., [сѣблѣчам са] Кирс. мѣнять кожу, линять (о гусенице). *Те пужел'тѣѣт и са сѣблѣчат* Кир. ... *са сѣблѣчат* Кирс. Ср. съблека се Тв.

съкаменца *сикаменѣца* и *сикаменѣца* ж. Кирс. 1. = черница Кир. *Лѣсти ут сикаменѣци*; 2. плод тутового дерева. Ср. *цекамбала*.

сън сѣн' м. Кирс. период сна в развитии гусеницы. *Чѣтири сѣн'а спѣра*. Ср. *возраст* Кир. Тв.

тегля *тѣгл'а* гл. нсв. Тв. = мѣкна Кир. *Тѣглиш купрѣна*. Ср. *точа* Кирс.

точа *тѣча* гл. нсв. Кирс. = мѣкна Кир. *Тѣчим купрѣна*. Ср. *тегля* Тв.

храня *урѣн'а* гл. нсв. Кир. Тв. Кирс. кормить (гусеницу). *Как сѣ прѣспѣт, ги урѣниш*. Кир. $\diamond \infty$ *фѣйшѣти* Кир., ∞ *фѣйшѣта* Тв., ∞ *бѹби* Кирс. заниматься шелководством. *Сѣчкѣти бригадѣри-лузѣри урѣн'ат бѹби*. Кирс.

цекамбала *кацѣмбала* ж. Кир. *цѣкамбала* и *скамбала* Тв. плод тутового дерева Кир. Тв. $\triangle$ = черница Тв. *Шѹма ут цѣкамбала*. Ср. *съкаменѣца* Кирс.

червей *чѣрвей* м. Тв. *культ*. гусеница тутового шелкопряда. Ср. *вѣтиѣца* Тв.

черница *чарнѣца* ж. Кир. тутовое дерево, шелковица. Ср. *цекамбала* Кир. Тв., *съкаменѣца* Кирс.

чистя *чѣст'а* гл. нсв. Кир. Тв. Кирс. убирать испражнения гусениц и остатки листьѣв (с настилов, на которых размещены гусеницы). *Кту манѣнку ни гу чѣстѣм*. Тв. *Нѣска ше чѣстѣм*. Кирс.

чорлан *чурлѣн* м. Тв. = габѣр Кир. Ср. *гюрлюк* Кирс.

шума *шѹма* ж. Тв. листва (дерева): ∞ *ут цѣкамбала* и *цѣкамбалоѣца ∞ листва шелковицы. Ср. *лист (чарнѣцаф)* Кир., *лѣсти (ут сикаменѣца)* Кирс.*

шумоля [*шумул'á*] гл. нсв. Кир. шуметь, издавать шум от движений, пожирания листьев (*о гусеницах*). Ср. **шумтя** Тв. Кирс.

шумтя [*шумт'á*] гл. нсв. Тв., [*шумт'э́*] Кирс. = шумоля Кир.

ям [йам] гл. нсв. Кир. Тв. Кирс. пожирать (*листья, о гусенице*). *И изляза да ѱиде*. Кир. *Йма ко да ѱиде*. Тв. *Т'á се листи си ѱиди*. Кирс.

В приведенном словаре шелководческих терминов насчитывается всего 53 названия. Почти все они (48) являются в изучаемых говорах исконными, т. е. принесенными из Болгарии в прошлом веке предками современных болгар. Их исконность устанавливается при помощи болгарских источников. Часть из них (15) в том же значении, какое они имеют в изучаемых говорах, приводится в указанной уже книге по шелководству Захария Княжеского¹¹. Другую часть (30) составляют слова, имеющиеся в болгарских словарях. Правда, иногда наблюдаются расхождения в значении, но это, как нам кажется, не имеет существенного значения для определения их исконности в языке бессарабских болгар. В данном случае мы имеем дело с семантическими диалектизмами. Слово **чорлян** *чурлán* Тв. 'род ветвистой травы (на сухих веточках которой гусеницы шелкопряда свивают коконы)' не найдено в болгарских словарях, но оно может рассматриваться как диалектизм, образованный от того же корня, что и болгарское слово **чорлавый** 'косматый, кудрявый' (см. словарь Герова)¹².

Два слова отсутствуют в болгарских словарях: **калаянка** *калайánка* Тв. 'бабочка шелкопряда' и **карапача**, *карапачá* Кир. Тв. Кирс. 'плохо свитый кокон', но так как и бабочка шелкопряда, и кокон с давних пор известны носителям изучаемых говоров, то и их названия, по всей вероятности, являются своими, а не заимствованными, как, например, и названия гусеницы шелкопряда, шелковицы, шелковой нити и т. п.

Из всего числа собранных нами слов всего лишь четыре слова могут рассматриваться как заимствованные из русского языка. Шелководство в условиях колхозного строя приняло бóльшие масштабы по сравнению с тем, как оно велось раньше. Гусениц разводят теперь не на столах, лежанках и т. п., а на специально сделанных многоярусных настилах, что напоминает по конструкции твардицким болгарам, например, этажерку, поэтому они называют многоярусный настил *тажэ́рка*, словом, которое может рассматриваться как заимствованное из русского языка гораздо раньше для названия книжной этажерки. В Кириутне и Кирсове многоярусный настил, на котором разводят гусениц, называется также русским словом — полки *пбл'ки*. Один ярус такого на-

¹¹ одър, втища, буба, храня, черница, коприна, пеперудка, червей, семе, спя, сън, завиване, мъкнене, лайна, чистя (З. Княжеский, Указ. соч.).

¹² Н. Герова, Речник на български език, ч. V. Пловдив, 1904,

стила называется соответственно **пблка**. В Твардице он называется своим словом *бдар*, подобно деревянной лежанке в доме, на которой в старину также разводили гусениц.

В говоре Кирытни русское слово **гусеничка** *гус'ничка* употребляется наряду с исконным словом **втища**, *фтийшта* 'гусеница шелкопряда' как элемент культурной речи. В Твардице в этой роли выступает свое слово **червей**, *чѣрей*.

Употребляемое в Кирытни и Твардице слово **возраст**, *вбзрас* м. 'один из пяти периодов в развитии гусеницы' не может быть отнесено с полной уверенностью к числу русских заимствований. Это слово, правда, в иной огласовке и иного грамматического рода, есть в словаре Младенова (ср. **възраст** ж.)¹³. Кроме того, в говоре Кирытни нами зафиксированы случаи произношения гласного *o* на месте *ъ* в предлоге *във* — напр., *фoфъ с'анбту*, *фoфъ Гермáниѣ*. Возможно, что это явление распространяется и на приставки. Следовательно, в этом говоре возможно произношение болг. **възраст** как *вбзрас*. Важно отметить, что в том же говоре Кирытни употребляется болг. **врѣс врѣс'** ж. в значении 'возраст (человека)'. В говоре Кирсова слово **возраст** не употребляется. Возраст гусеницы определяется периодами сна. Один из четырех периодов сна называется своим словом **сън сън'**.

При сравнении родственных диалектов выявляются, с одной стороны, их сходства, с другой — различия. К сходным чертам изучаемых говоров, как нам кажется, следует отнести лексико-семантическое единство, наблюдаемое в общих для них словах. Эти слова в пределах данной группы лексики зафиксированы с одинаковым значением во всех трех говорах.

Из всего числа собранных слов (53) лишь 7 являются общими для всех трех пунктов: **коприна** *куприна* 'шелковая нить', **карапача** *карапача* 'плохо свитый кокон', **семе** *сѣми* 'яички бабочки шелкопряда', **спя** *сна* гл. нсв. Кир. Тв., *сп'ъ* Кирс. 'спать (*o* гусенице)', **ям** *ѣам* гл. нсв. 'пожирать листья', **храня** *хран'а* гл. нсв. 'кормить (*гусеницу*)', **чистя** *чѣст'а* 'убирать испражнения гусениц и остатки листьев (с настолов)'.

Исходя из положения Н. И. Толстого о типах возможных различий между сравниваемыми диалектами¹⁴, можно выделить в изучаемой группе лексики «чисто инвентарные» (по Н. И. Толстому) различия, т. е. различия в выборе лексем¹⁵, лексемные

¹³ Ст. Младенов. Етимологически написан речник на българския книжовен език. София, 1941.

¹⁴ Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. — ВЯ, 1963, № 1, стр. 31.

¹⁵ Термины «лексема» и «семема» употребляются нами в том же значении, в каком употребляет их Н. И. Толстой (см. указ. соч.).

различия (табл. 1) и «чисто дистрибуционные» различия, т. е. семемные различия, различия в значении одинаковых для сравниваемых диалектов слов (табл. 2).

Таблица 1

Лексемные различия

Вид различий	Семема	Лексема		
		Кир.	Тв.	Кирс.
I	'Туговое дерево'	<i>чарніца</i>	<i>ц'ка́мбала</i>	<i>сика́меница</i>
	'Трава для свивания коконов'	<i>габар</i>	<i>чура́н</i>	<i>е'урл'ук</i>
	'Тянуть (нить из кокона)'	<i>м'кна</i>	<i>те́гл'а</i>	<i>тбча</i>
II	'Гусеница тутового шелкопряда'	<i>фтйшта ж.</i>	<i>фтйшти с.</i>	<i>буба</i>
	'Кокон тутового шелкопряда'	<i>мамул'</i>	<i>мамул</i>	<i>п'бпка</i>
	'Вылупляться (о гусенице)'	<i>м'т'а_са</i>	<i>м'т'а_са</i>	<i>л'п'а_са</i>
	'Бабочка тутового шелкопряда'	<i>пиперутка</i>	<i>калайанка</i>	<i>пиперуда</i>
	'Многоярусный настил для гусениц'	<i>пбл'ки</i>	<i>тажерка</i>	<i>пбл'ки</i>
	'Нюхать (о гусеницах)'	<i>д'уша</i>	<i>мириша</i>	<i>д'уша</i>
	'Издавать шум (о гусеницах)'	<i>шумул'а</i>	<i>шумт'а</i>	<i>шумт'э</i>
	'Испражнения гусеницы'	<i>бурбэн'ки</i>	<i>лайна</i>	<i>лайна</i>

Ввиду малого объема статьи ограничимся рассмотрением лишь этих двух типов возможных различий между сравниваемыми говорами.

Наблюдающиеся в изучаемых говорах лексемные различия делятся на два вида (см. табл. 1). Первый вид лексемных различий характеризуется наличием одинаковой для всех трех говоров семемы, которой соответствуют три лексемы, разные во всех трех говорах. Например: семеме 'туговое дерево' соответствуют три лексемы: черница *чарніца* Кир., цекамбала *ц'ка́мбала* Тв. и с'каменца *сика́меница* Кирс.

Для второго вида лексемных различий характерно наличие одинаковой для всех трех говоров семемы, которой соответствуют две лексемы, одна из которых зафиксирована в тех или иных

двух пунктах, а вторая в том или ином третьем пункте. Например: а) 'кокон тутового шелкопряда' в говорах Кириютни и Твардицы называется мамул *мамул* Кир., *мамил* Тв., а в говоре Кирсово *пъпка пѣпка*; б) 'бабочка тутового шелкопряда' в Кириютне и Кирсове называется пеперуда *пиперѹтка*. Кир., *пиперѹда* Кирс., а в Твардице употребляется другая лексема — *калаянка калайѹнка*; в) 'издавать шум о гусеницах' — шумтя *шумт'а* Тв. Кирс. и шумоля *шумул'а* Кир.

Таблица 2

Семемные различия

Лексема	Семема	
	Кир.	Тв. . .
втица <i>фтишѹта</i> ж. Кир. <i>фтишѹти</i> с. Тв.	'гусеница тутового шелкопряда'	1) 'гусеница тутового шелкопряда' 2) 'бригада, занимающаяся шелководством'
цекамбала <i>кацѹмбала</i> ж. Кир., <i>цѹкамбала</i> ж. Тв.	'плод тутового дерева'	1) 'тутовое дерево' 2) 'плод тутового дерева'

В рассматриваемой группе лексики наблюдаются лишь два случая семемных различий (см. табл. 2). У одинаковых для говоров Кириютни и Твардицы слов наблюдаются различия в их значении. Слово **втица** *фтишѹта* Кир., *фтишѹти* Тв. имеет одинаковое для обоих говоров значение 'гусеница тутового шелкопряда'. Однако в говоре Твардицы это слово имеет второе значение 'бригада, занимающаяся шелководством', чего нет в Кириютне. Слово **цекамбала** *цѹкамбала* Тв., *кацѹмбала* Кир. имеет одинаковое значение и в том и в другом говоре 'плод тутового дерева'. Однако в Твардице оно обозначает и само 'тутовое дерево', а в Кириютне этой семеме соответствует лексема *чарниѹца*.

Таким образом, в изучаемой группе лексики преобладают лексемные различия, а тип семемных различий представлен лишь двумя случаями.

Сопоставление материала по шелководству из трех обследованных нами сел Бессарабии с материалом из их родных пунктов на территории Болгарии из-за отсутствия других источников может быть проведено только по данным БДА, в котором картографируется четыре шелководческих термина: 'тутовое дерево',

‘плод тутового дерева’, ‘гусеница тутового шелкопряда’, ‘кокон тутового шелкопряда’¹⁶.

Сопоставление материала наших говоров с указанными говорами Болгарии (табл. 3) показывает, что полное совпадение наблюдается лишь по говорам Кирютни МССР и Кортена (3147), по другим же говорам имеются расхождения.

Таблица 3

Сравнение с говорами Болгарии

Семема	Лексема					
	Кирютня	Кортен * (3147)	Твардица МССР	Твърдица (2503)	Кирсово	Жеравна (2531)
‘Гусеница тутового шелкопряда’	<i>фтійшта</i>	<i>фтійште</i>	<i>фтійшти</i>	<i>буба и фтійште</i>	<i>буба</i>	<i>буба</i>
‘Кокон тутового шелкопряда’	<i>мамъл</i>	<i>мамъл</i>	<i>мамъл</i>	<i>мамъл</i>	<i>пѣпка</i>	<i>пашкъл</i>
‘Тутовое дерево’	<i>чарнійца</i>	<i>чернійца</i>	<i>ц^нкѣмбала и скѣмба-ла</i>	<i>чернійца</i>	<i>сикѣм-ница</i>	<i>сикѣменица</i>
‘Плод тутового дерева’	<i>кацѣм-бала</i>	<i>кацѣм-бали</i>	<i>ц^нкѣмбала и скамба-ла</i>	<i>скѣмбѣ-ли</i>	<i>сикѣм-ница</i>	<i>сикѣмени-ца</i>

* В скобках дается номер пункта в БДА.

В Твардице МССР ‘тутовое дерево’ называют *цекамбала* *ц^нкѣмбала* и *скѣмба*, а в Твърдице (2503) оно называется *чернійца*, ‘гусеницу шелкопряда’ называют соответственно *втище* *фтійшти* — в Бессарабии, *буба* и *фтійште* — в Болгарии. Слова *чернійца* и *буба*, по всей вероятности, появились в говоре Твърдицы (2503) под влиянием литературного языка. О влиянии литературного языка на говор Твърдицы (2503), в частности в области

¹⁶ БДА, т. I, карты № 229, 230, 236, 237; т. II, карты № 236, 237, 243, 244. В АБГ картографируются три шелководческих термина: ‘тутовое дерево’, ‘гусеница’ и ‘кокон’. См. карты № 98, 99, 100.

лексики, пишет проф. Ст. Стойков: «В словаре под влиянием болгарского литературного языка появились новые слова, одни как названия новых понятий, а другие как заменители узко местных диалектных слов»¹⁷. Вероятно, литер. **черница** заменило в указанном говоре диал. **цекамбала** как название тутового дерева, вследствие чего произошло сужение значения слова **цекамбала**, которое ранее имело, видимо, два значения: 1) 'тутовое дерево'; 2) 'плод тутового дерева', как это наблюдается в говоре Твардицы МССР. Наряду с литер. **буба** 'гусеница шелкопряда' в говоре Твардицы (2503) пока еще употребляется диал. **фтиште**, но собиратели материала по атласу поставили его на второе место, а это означает, что оно употребляется реже, чем **буба**. Видимо, в будущем оно будет постепенно заменено последним.

В говоре Жеравны (2531), откуда происходят болгары села Кирсова, для названия кокона шелкопряда употребляется только литер. **пашкул**, вытеснившее, видимо, какое-то узко диалектное слово. Можно предположить, что им было слово **пълка**, употребляемое сейчас в говоре Кирсова.

Таким образом, в говорах Бессарабии сохраняются узко диалектные термины шелководства, в то время как в говорах Болгарии наблюдается процесс замены их литературными словами.

Один неисследованный штокавский говор с двояким рефлексом *ѣ

П. И в и ч

Юбилею профессора Самуила Борисовича Бернштейна, которому славистика, помимо всего прочего, в большой степени обязана и сведениями о диалектах болгарских поселенцев в СССР, посвящаю эту статью о говоре другой группы южных славян, переместившихся на север в результате миграции.

В десяти километрах к югу от Печа (венг. Pécs), главного города венгерского комитата Бараньи, находится небольшое село Кукинь (венг. Kőkény). Жители села, католики, говорят на

¹⁷ Ст. С т о й к о в. Говор села Твардицы (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардицы (Молдавской ССР). «Статьи и мат. по болг. диалектологии», вып. 8. М., 1958, стр. 57.

сербохорватском языке и называют себя *Bošňaki* (босняки), а свой говор *bošnjački* (бошняцким). Исследуя сербохорватские диалекты в Венгрии при содействии венгерского Института культурных связей (*Kultúrkapcsolatok intézete*) в Будапеште и в сотрудничестве с коллегами из отдела сербохорватского языка Педагогического института в Пече, я посетил Кукинъ 21 апреля 1962 г. Времени у меня было мало¹ и я задержался там всего на полдня — время, достаточное для сбора некоторых сведений об основных чертах кукинъского говора, но совершенно недостаточное для хоть сколько-нибудь полного описания. К счастью, я нашел словоохотливых информаторов², так что короткое время, бывшее в моем распоряжении, я использовал рационально.

Жители Кукинъ хорошо сохраняют свой диалект, и влияние литературного языка ощущается очень слабо. Кроме того, все знают венгерский; вопросы на этом языке значительно упрощали дело, когда необходимо было собрать сведения о некоторых важнейших фонетических и морфологических явлениях с помощью прямого опроса. Сам говор, однако, оказался необыкновенно интересным, даже единственным в своем роде с точки зрения комбинации основных особенностей, что дает мне повод сообщить некоторые, хотя и неполные, сведения о нем.

Акцентуация преимущественно старая, последовательное передвижение появляется только у (‘) акцента конца слова; во всех других положениях акцент сохраняется на старом месте, почти последовательно или по крайней мере очень часто:

a) *kòni, lòza, u sèlu, ðèca, òcu, vòda, zelèno, planìna, širòko, sanèna; konàc, dòjit³, òvam, svjèdok, otsèlit, zatvòrit, četvrtak; znàmo, víno, nòža, júnci, po dvòru, preko púta, na tavàncu, siromàki; pétak, nísam, vrébac, izbírati, pripovédati;*

b) *subòta, četìri, ñegòvo, utèko, tajìge, batìna, sviñàma, paprike, trgòvac, povàdila, večèrali, petròvačke, polomìla, zaboràvim, siromàški, — но и ùdela, nèkate, prìt kućom; víkàla, písàla, spàvài,*

¹ Во время той же поездки я посетил и другие населенные пункты Венгрии. В результате появилась возможность дополнить географическую карту, опубликованную в «Зборнике за филологију и лингвистику» (IV—V. Нови Сад, 1961—1962, стр. 128—129), следующими сведениями, основанными на личном наблюдении на местах: 1) в Мохаче православное население говорит на восточногерцеговском диалекте; 2) католическое население в Мохаче и в Вршенде (тоже в восточной Баранье) пользуется посавским икавским говором; 3) в Сентадрее есть и католическое население (*Dalmatinci*), которое говорит на новом икавском диалекте. Это относится и к католикам в местечке Эрд, к югу от Будапешта.

² Имена главных информаторов Яношье Хорват (*Horvát Jánosné*, которой тогда было 52 года) и Михайне Ивесич (*Iveszics Mihalné*, урожденная Юташи Мария — *Marija Jutaši*, ей было тогда 28 лет). Некоторое количество материала я записал и от членов их семей.

³ Знаком *j* в этой работе обозначается неслоговое *j*.

rānīla, mēsīla, blējīlo je, dosādīlo mi se, dētē je malēčko, podēļit se и kājsīje, nēzino, lūdīma, dvādeset, narānīla, zamēsīla, pajtāšīma; vodē, divjā, prvō, posō, đecē, pečū, donesū, onda se veselū; sviņār, s monkēm, svinčkōg, selckōj, jedanājs, pedesēt; divānini, bošnācki, desēte, četvřto, ognīšće, opānci, divānimo, uzēceju se, narядu c sjēdū, trčū, bōli; sāti, jājā Gpl, dānā, drēči, šūti, mřči, blēji, lonācā, momākā, mjesēci, izlēžū, imādē, zecēvā, s pūtēm, mřčō je, udādē se 3 л. мн. ч. наст. вр. — наряду с звēzdā, zecēvā, imādēmo, как и примеры с двойным акцентом ovācā, imādē, zārōjki.

Примеры переноса акцента в нашем типе б) значительно более часты в позициях, где старому акценту предшествовала долгота (т. е. там, где вследствие переноса образуется ' акцент, а не ').

Несколько раз я записал (~) акцент: divānu, hrvācki, divānimo, znāci. Только при более тщательном исследовании и более длительном пребывании в селе можно установить, идет ли речь действительно о спорадическом сохранении метатонического акута, который еще не перешел последовательно в (˘) или об окказиональном варианте (˘) акцента.

В конце предложения (˘) акцент иногда переходит в (˘˘), очевидно, под действием нисходящей фразовой интонации: òvam su dđšli, но òdi òvam; žēna je kázala, но čđjek i žēna.

Для локализации исконной территории жителей Кукиня имеет большое значение заместительное продление в таких примерах, как nōvci, trgōvca; opānci, đevōjka, òvce, kōnca, lōnca и s monkēm, s pūtēm.

Предударные долготы не сокращаются (примеры см. выше), в то время как заударные последовательно сокращены: šlīvā, pūrā Gpl, cřnī Nsg м. р. полное прилагательное, mālī Npl, nāvěstū, četvřtō; nēmām; rādīmo, rānīmo, lūbīmo se; dīžū, zakōļū, jēdū, trēbā, pādā, nā dvī, švāpckī, siromāškī; jēsēn, đēvēr, vōļim, s òvīm, nōvāc Gpl, zaborāvīm; čēkāmō. pōčešļāla; crēšānā; gūšākā, tēlācā, nēdīļā.

Рефлекс долготого *ě в принципе экавский, а краткого — екавский:

а) bēli, brēg, cēl dān, cvēt, lēpo, donēti, prēc, prēde, rēc, sēno, snēg, svēt, tēsto, navēstu, ždrēbe; bēlo, déte, lépo, zamēsīla, mléko, srēda, svēca, pripovēdat, vrēme, звēzdā Gpl; podēļit se, mēsīla;

б) mjērit, mjesēci Gpl, mjēsečina, mjēsto, pjēva, pjēsma, svjēdok, vjenčāju, vjērujem, sjēcku, sjēdit, sjēme; cēla, cēli, đecē, đecu, đēcija, đetētu, udēla, đēveri, đevōjaka, đevōjčica, zabiļēzit, kolēno, lēpše, ļēto, prōlēce, vōļēla, vōļet.

Особого упоминания заслуживает *ñe* — в *ñēgdī, ñēkuda, ñēšta, ñētko*. В Gpl *mjēstī* екавское качество *ě объясняется известным аналогическим выравниванием по остальным формам парадигмы, не имеющим долготы (*mjēsto, mjēsta* и т. д.). Двойкий

рефлекс *ě представлен в *jèdemo*, *jèla*, *jèst*, в *čòjek* и в *nèma*, *nèmato*.

После *r* краткий *ě дает *e*: *brègovi*, *brèske*, *bubrègi*, *srèšaŋa*, *rèzala*, *trèba*, *vrèca*, *vrèlo* 'источник', *prèvarit*, *preko rùta*, *preko vodè*, *izgorèla*.

В ряде фонетических позиций, хорошо известных из других диалектов, специфическим рефлексом *ě является *i*:

ěj > *ij*: *grìjat*, *sìjat*, *smìjat*, *vìjat*; *starìje*, *razumlìjem* ср. и *najprìje*;

ěl > *il*: *zabilèžim*, *nedìļa*, *ponedìļak*, *kudìļa*;

ě > *i* перед слогом с ударным *i* в примере *divìčica* (ср. и *sikèra*).

Кроме того, окончания с *ě* заменены окончаниями с *i* в нескольких морфологических категориях: *sèstri*, *žèni*, *u kùci*, *u zìmi*; *mèni*, *s òvim*, *ònima* (также и *mòima*, *màlima*); *na kòli*, *u svatòvi*; *sjèdit*⁴, *razùmit*, *smìt*.

Икавизмы *dì je*, *nìgdi*, *nègdi*; *pòtli*; *nìsam*, *nìsu*; *prìt kućom*, *prìd vràti*, *dvì lļade*, *nà dvi stràne* можно считать лексическими.

Группа *ir* дала *ěr* > *ēr* в *izbérat*, *dérat*, *vréme je smérno* 'с sendes az idó'. С другой стороны, сохраняется *i* в примерах *svìraju*, *čìr* (если слово из народного говора) и *siromáki*, *siromáški*. С *e* (не с *je* < *ěl*) я записал слово *sikèra*. Экавизмы представлены лексемами *dòle* и *vóde* (= *ovde*).

Краткие гласные *e* и *o* имеют отчетливо открытое произношение особенно под (‘) акцентом:

jèsen, *đetètu*, *sèdam*, *sikèra*, *lègli*, *mjèsto*, *vjèrujem*, *lèpše*, *pètero*, *jèdu*, *volèla*, *sjème*, *vrèca*, *nèm smo dáli*, *kčèri*, *žèna*, *sèstri*, *žèni*, *zelèno*, *ne mòrem*, *òsmero*; *kòkoše*, *òsam*, *nègòvo*, *pòsteļ*, *pòtli*, *dvòje*, *dòma*, *gòr*, *dòl*, *s kònima*, *na kòli*, *nòsimo*, *zatvòrita* причастие страд. залога, *ròdita* причастие страд. залога, *mlògo*, *gròb*, *gòsproja*, *vòlim*, *od òtoga*, *kòni*, *òcu*⁵.

В области вокализма заслуживают внимания контракции *-ao* > *-o* (*znò*, *dò sam*, *posò*, *utèkò*, *dòšò*) и *io* > *ē* в *nèvo* (*njihovo*), равно как и изменение *ae* > *aj* в *jedanàjst*, *dvánàjst*, *trínàjst* и т. д.; в примерах *pètero*, *òsmero* и т. д. *vrèbac* представлено *e*, а формы *naráslo* и *gròb* соответствуют штокавской норме. Не появляется *i* в *màne*, *dàje* и *dùli* и *o* во втором слоге формы *lāstavica*. Форма *škùla* распространена в штокавских говорах западного типа. Значительно число примеров с усечением конечного гласного: *cèl dān*, *nòd* 'onde', *vòd* (но и *vóde*), *gòr* на *tavāncu*, *gòr* и *dòl* (наряду с *dòle*), *tām* и *òvam*, *nèm smo dáli*, *tèp su dáli* а *mèn nìsu cèli dàti*, *māt* 'matì'. Ср. и *vàko*. С другой стороны, я отметил вторичное *e* в *jučèrè* и в *nòjè* Dsg.

⁴ Но и *sjedèli*, *sjedècemo*; подобно этому и *lètet* и *bolèla* (: *bòli*, ср. *volèla* соответственно *vòli*).

⁵ По техническим причинам в этой работе открытость *ě* и *ò* отмечается таким образом.

Кукинский говор — говор пचाкавский: gùšcer, ogníšce, ušcípít, šcàka, príšca, vrišcì (для группы *žđ* недостает лексических данных: произносится *kíša, fičùka, mōzak*, но нет форм *dažd, *zviždi и *moždani). Рефлексом старого **d'* является *đ*: *túđa, řđa, mlāđe, slāđe* (как и во многих других говорах слово *gōsvoja* имеет особую судьбу). Согласный *đ* находим и в *prēde, dōdu, snīdemo* (ср. *ć* в *dōc, otíc, prēc* и *ic*, которому соответствует наст. время *idem*). Осуществлена новая йотация: *grōžde, trēce, kfvylom* — но *divjā lōza*. Группа *čr-* дала *cr-* (*cfni, crvèno*; то же качество сохраняется в примере *srěšúa*). В настоящем времени *mōrete, ne mōre* находим *r < ž*. Часто восстанавливается *l* на конце слога: *tēlci, selckōj, kísel, rēpel*, исключение — причастия действительного залога.

Согласный *h* утрачен: *lāde, òdi, rānimo, narānila, uvātíla, prnivat < prhn-* (= *leteti*), *ńevo (njihovo), òra, krū*. Ср. *v* или *j* в *krūva, kùvala, òraja*. В примере *fála* находим *f*; тот же согласный сохраняется и в иностранных словах без перехода в *v*. Как и в славонских говорах, *li > li-* в основе глаголов спряжения на *i*: *veselj se, podělit se, otseljít, želím, ne vđlím, vđlim, no i sělu, vđlu* (оба 3 л. мн. ч.). Параллельное явление отсутствует у *n*, судя по крайней мере по зафиксированным примерам: *rānimo, narānila, divānimo, divānu*.

В области групп согласных характерным является изменение *sk > ck* после согласного: *svínckōg, selckōj, švāpcki*. В какой-то степени сходно изменение *ps > pc* в *rceto*. Кроме того, *mc, mk > nc, nk* в *mōnci, mōnce, mōnkēm* (но, конечно, *tomākā*). Группа *-st* не изменяется (*šěst, jedanājst*) точно так же, как и *kć* в *kćeri*; в то время как *pt-* упрощено в *tíca*, а *gd-* и *tk-* в *dí je, kō* (в середине слова упрощения не происходит: *nīgdi, nēgdi, nítko, nētko*). Изменения произошли и в *š* *ńima, prāscima* (но *prāsaca*), *mlōgo, brěske, čōjek*. В примере *šuti* появляется *š* (а не *ć*).

Gpl существительных обычно имеет окончание *-ā* (> *-ǎ* в ударном положении): *júnaca, tomākā, gùsića, zecěvā, tēlaca, òraja, nēdiļa, rīga, krāva, tíca, ðevōjaka, jāja*. Все же я записал (дважды) *nēma pōvac* с архаичным окончанием *-ŏ* и, кроме того, примеры с *-i*: *mjesēcí, sātí* и *křstí, mjěstí*. В Dpl я всегда фиксировал *-ma*: *rajtášima, prāscima, lūdima, gùsićima, sviñāma*. В Ipl *-ima* кажется более обычно, чем *-i*: *s kōńima, pīlicima, među koļēnima, no prid vrāti*. В Lpl обнаружил только формы без *-ma*: на *kōli, u svātovi, na lēdi*.

В Asg без предлога существительных м. р. употребляется форма род. пад. и у неодушевленных существительных: *pažúļio sam si príšca, polomíla sam póža, izgubíla sam ključa*. В распределении флексий Isg *-om* и *-em* как будто обнаруживается преобладание *-em*: *ključem, s pūtēm, mōnkēm, no čōjēkom, māsłom*. В Isg существительных ж. р. III склонения — окончание *-om*,

судя по примеру *křv]ǫm*. Характерны формы Npl без следов второй палатализации: *siromáki*, *Bošnáki*, *bubrègi*, но и *mònci*, *orânci*, тогда и Apl имеет с: *mònce*, *orânce*.

Двусложная *hurocogistica* м. р. имеет -о в Nsg (*Míco*, *médo* и даже *gódo*; форм косвенных падежей мне, к сожалению, не удалось записать). Специфические падежные парадигмы имеют такие существительные, как *kòkoše* Npl, *Dùnavo* ср. р. и *pòstelj* Nsg.

Из местоименных форм необходимо отметить *si* в примерах типа *rúku sam si zamázala křv]ǫm*, *dò sam si žèni* и т. п., энклитику в дат. пад. *ním* (*skínili smo níim*), формы *kò* (*nítko*, *nětko*) и *štâ* (*níšta*, *něšta sam ráda*), *něvo* < *níhovo*, *nézino*, *tâj*, но и *od òtoga*, *òtoj*, как и -*ima* в *k ònima*, *lúdima*, *mòima*, *mâlima*. Из форм прилагательных интересны компаративы *víšle*, *nížje*, *ùžje*; *dùli* (формам литературного языка соответствуют формы *lèpše*, *mañe*, *dàle*).

Из глагольных форм я не зафиксировал аориста, имперфекта и деепричастия прошедшего времени. Инфинитив сравнительно редко имеет -i: *doněti*, *vijati*, *đipati*, *pròsiti*, *dàti*, *lěi rádit*, но *písat*, *otsèlit*, *pripovédát*, *uščípít*, *podělit se*, *dòjit*, *donět*, *umft*, *plàkat*, *dérát*, *smiját*, *siját*, *jěst*, *rádit*, *vřšit* (*vróci*), *spávat*, *glèdat*, *mjèrit*, *prěc*, *lě*, *dòc*, *otfě*. В 3 л. мн. ч. настоящего времени глаголы с основой настоящего времени на -i имеют окончание -u: *pràvu*, *sělu*, *navěstu*, *vòlu*, *třěu*. Глаголы с основой на -a сохраняют более старые формы: *vjenčàju*, *svíraju*. Чередования согласных в 3 л. мн. ч. настоящего времени устранены в *rečù*, *izlěžù*. В 3 л. мн. ч. будущего времени — окончание -eju: *paràvičeju*, *uzěčeju se*. Страдательное причастие глаголов типа *roditi* имеет окончание -it: *ròdita*, *zatvòrita*. В отрицательных формах повелительного наклонения находим *něka*: *někate mi íme písat*, *někate đipati*. Глаголы с настоящим временем на -ne имеют -ni в инфинитивной основе, насколько можно судить по примеру *skínila*, отмеченному в речи обеих главных информаторов (но *mětla* = *metnula*). Из единичных форм примечательны *udàdè se*, *imàdè*, как и инфинитив *umft*.

Укажем также на специфическую акцентуацию некоторых грамматических форм или даже отдельных лексем: *gamenâ* Npl с -â, краткие формы прилагательных *krváva*, *mekàna*, *bolěsno*, *malěcko*, *dugáčka*, *dugáčko*, *kisèlo* (: *kísel*), формы настоящего времени *perémo*, *berémo* (так и *rečémo*), а также порядковое числительное *prvò*.

По совокупности черт кукиньский говор определенно относится к «бошняцким» говорам печского края. Сравнение с моим кратким описанием этих говоров⁶ показывает, что все явления,

⁶ Prilog rekonstrukciji predmigracione dijalekatske slike srpskohrvatske jezičke oblasti. «Зборник за филологију и лингвистику», IV—V. Нови Сад, 1961—1962, стр. 126—129 (Далее: Pril. rek.).

отмеченные в данной работе, имеются и в бошняцких говорах, чаще всего повсюду и регулярно, реже — только в части села или только факультативно. Отличие кукинского говора проявляется только в некоторых лексемах svǎraju Pril. rek., стр. 127: кукинское svǎrat с i, ñbv Pril. rek., стр. 129: кук. ñév, dǐle Pril. rek., стр. 128: кук. dǔli, dǎli, mǒmci Pril. rek., стр. 129: кук. mǒnci, — конечно, при сохранении основного различия в отношении рефлекса долгого *ě, который в основных бошняцких селах — екавский. Впрочем, нельзя быть уверенным, что приведенные кукинские лексемы не могут быть найдены в этих селах, поскольку мое исследование не охватывает всех сел и не дает исчерпывающего материала по каждому селу. Кроме того, имеются некоторые детали, отмеченные в указанной статье, для которых собранный мною материал кукинского говора не дает соответствий, и, наоборот, для некоторых кукинских примеров отсутствуют параллели в статье (так. divičica, dǒle и vóde с e, škùla, ряд mèn, tèb, ñèm без конечного гласного, -e в jučèrè и ñǒje, рсèto с рс-, tíca, mlǒgo, š ñíma, kćeri, brèske, šúti, существительные ср. р. с -i в Gpl, Dǔnavo, pǒstel, энклитика si, инфинитив umft, реǔi и izlěžǔ, udǎð и znǎð, акценты как регéмо и ргvǒ).

Здесь речь идет о незначительных особенностях, которые, может быть, случайно не зафиксированы в полевых записях или просто не внесены в весьма сжатый обзор особенностей бошняцких говоров в цитированной статье⁷. Бросается, однако, в глаза, что среди описанных в статье говоров говор одного села — Католя выделяется примечательными специфическими схождениями с кукинским говором. Это касается общего характера акцентуации (ср. Pril. rek., стр. 127), полного сокращения заударных долгот (Pril. rek., стр. 127), наличия заместительного продления в типе ðevǒjka (Pril. rek., стр. 127), открытости ě и ō (Pril. rek., стр. 128), изменения li > li (Pril. rek., стр. 128) и употребления форм род. пад. в Asg. неодушевленных существительных м. р. (Pril. rek., стр. 128—129). Эти совпадения тем более важны, что Католя находится довольно далеко от Кукиня, поэтому сходство может быть объяснено только общим происхождением населения.

Из говоров метрополии наиболее близкими кукинскому говору в лингвистическом отношении являются посавские славонские говоры, описанные Степаном Ившичем⁸. Их сходство настолько велико, что перечисление общих черт означало бы повторение большей части данного здесь описания кукинского говора.

⁷ Эти строки я пишу далеко от Нового Сада, так что не имею возможности просмотреть свои полевые записи 1960 г. Уверен, однако, что в них нашлись бы подтверждения для большего числа приведенных деталей.

⁸ S. I v š i ć. Današnji posavski govor. «Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti», knj. 196, 197 (Далее: Rad JAZU).

Существенно то, что среди этих черт имеются такие яркие, как префикс *pe-*, изменение *ir > ěr*, тип *vōd, pōd, māt*, изменение *li > li*, *mk, mc > nk, nc*, *NApl kōkoše*, *ot-* наряду с *t-*, формы сравнительной степени *užji*, инфинитив *umrt*, *Asg=Gsg* у неодушевленных существительных м. р., страдательные причастия на *-it*, *pēka* в отрицательной форме повелительного наклонения, *-ā* в *NAVpl* существительных ср. р. и акценты типа *krvāva*. Наиболее значительные различия касаются перехода акута в циркуфлекс и сокращения заударных долгот, т. е. двух, очевидно, вторичных, инноваций кукиньских говоров и, кроме того, рефлекса *ě. Из трех типов рефлексов *ě в посавской зоне, описанной Ивщицем (*i, e, ī: je*), ни один не соответствует кукиньским. В частности, отметим, что исследование Ивщица не подтверждает наличия икавизма в *siroma-*, контракции в *pěvo*, усечения в *men, teb, ěem*, *-e* в *jučere* и *hoje*, *sk > ck* в *selski* и т. п., *šc* в *prašci*, *pc-* в *pceto*, окончания *ī* в *Gpl* существительных ср. р., сравнительной степени *višji*, форм *Dunavo, posteĭ*, энкл. *ñim*, спорадического сохранения *-i* в инфинитиве, 3 л. мн. ч. будущего времени на *beju*, акцента типа *bolèsno* в ср. р. и (!) акцента в формах *regěto* или *rešěto*. Этот инвентарь различий весьма невелик по сравнению с количеством и характером бросающихся в глаза соответствий. Впрочем, логично, что часть этих различий относится к позднему этапу развития того и другого говора. Кроме того, некоторые из существующих различий возводятся к общей основе. Акцент типа *bolèsno* проник из женского рода (*bolèsna*), где он является отличительной чертой посавских говоров⁹. Точно так же соответственно кукиньским *regěto* и *berěto* в Посавине (на территории по реке *Sava*. — *И. М.*) *regěto* и *berěto* (*Rad JAZU, knj. 197, стр. 86*).

Родство кукиньского говора с посавским славонским ставит на повестку дня проблему определения степени относительной близости с разными зонами славонской Посавины, поскольку между говорами, описанными в работе Ивщица, существуют ощутимые различия. Однако сравнение в этом смысле не дает каких-либо бесспорных результатов¹⁰. Но все же оно показывает, что кукиньскому говору ближе икавско-екавские говоры Славонии, чем экавские или икавские. Кукиньская акцентуация соответствует

⁹ *Rad JAZU, knj. 197, стр. 47*.

¹⁰ Это объясняется и неполнотой материала кукиньских говоров и характером монографии Ивщица о посавском говоре. Замечательное и фундаментальное исследование Ивщица так же, как и капитальный труд Белича о говорах восточной и южной Сербии, имеет известные недостатки, неизбежные при столь значительном охвате территории. Часто неясно очерчена распространенность какого-либо явления, нередки случаи, когда остается неизвестным, употребляются ли наряду с констатируемыми формами и другие. (Понятно поэтому, как полезно было бы появление монографий об отдельных говорах этой территории).

IV группе Ившича (в основном икавско-екавский говор в окрестностях Брода), но также группе III (экавский юго-западнее Винковцев) и VI (икавско-екавский около Джакова, экавский и икавский западнее и юго-восточнее от Винковцев). Другими словами, славонский ареал, в котором акцентуация в принципе близка кукинской, настолько широк, что ничего не дает для установления специфических связей. Что касается остальных особенностей, экавизм в инфинитивной основе глаголов типа *sjedit* зафиксирован в Слободнице у Брода¹¹, открытость *ě* (но не *ǫ*) — в двух отдаленных друг от друга пунктах: в Сичах на западе и в Старых Перковцах на востоке¹², форма *stešña* — в нескольких селах вблизи Брода¹³, чередование согласных в *ApI* существительных типа *орансе* в восточной зоне¹⁴, а *и* в 3 л. мн. ч. наст. вр. типа *ргǎву* на востоке и в центре (около Брода)¹⁵. Если считать показательным ограниченное число не слишком характерных и возможно вторичных сходжений, то можно прийти к заключению, что среди посавских говоров наиболее родственны кукинскому, вероятно, говоры окрестностей Брода. Это, однако, не означает, что кукинский говор обязательно происходит оттуда: он так же, как и весьма близкий ему катольский, отличается по рефлексу *ě от икавско-екавских говоров окрестностей Брода, а все данные говорят о том, что рефлекс *ě в «бошняцких» говорах около Печа старше времени их переселения.

Впрочем, рефлекс *ě объединяет и кукинский, и катольский говоры, хотя и по-разному, с другой диалектной зоной — со шчакавскими говорами в северной и северо-восточной Боснии, которые в основной части являются екавскими, а в некоторых местах северной Боснии экавско-екавскими, того же типа, что и кукинский. Это местечки Маглай и Тешань¹⁶ и несколько ближайших сел, среди них Райшево¹⁷, Елах и Карадаглии¹⁸. О говоре Маглай и Тешня мы знаем немного (если не считать рефлекса *ě и акцентуации), о говоре Райшева располагаем всего двумя-тремя фактами, а для Елаха в Карадаглии только

¹¹ Rad JAZU, knj. 196, стр. 169.

¹² Там же, стр. 179.

¹³ Там же, стр. 203.

¹⁴ Там же, стр. 215.

¹⁵ Там же, стр. 63.

¹⁶ J. R u ž i ć i ć. Jedan nezaražen bosanski govor. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», 16, 1936, стр. 236—254. Ружиич упоминает (стр. 237) о говоре такого типа и в селах Доброполе, Равне, Нови Шехер, Жепче и Бобаре, но подчеркивает, что его сведения недостаточны для категорического утверждения.

¹⁷ J. В г а в е с. Istraživanje govora stanovništva na lijevoj obali Bosne. «Ljetopis JAZU», knj. 63. Zagreb, 1959, стр. 422.

¹⁸ D. В р о з о в и ć. О problemu ijekavskošćakavskog (istočnobosanskog) dijalekta. «Hrvatski dijalektološki zbornik», knj. 2. Zagreb, 1966, стр. 190 (далее HDZb).

констатируется их принадлежность к говорам этого типа¹⁹. И все же факты, известные из литературы, показывают, что сходство этих говоров с кукиньским не ограничивается общим принципом рефлексации *ě и чкаказивзом. Такие детали, как *ir > (ěr >) ěr* (Ružičić, стр. 242, Brabec, стр. 422), *dvi s i* (Ružičić, стр. 242), *ne-* (Ružičić, стр. 244), *ovde s e* (Ružičić, стр. 245; в Кукине vode), *razumile* (Ružičić, стр. 245), *prid* (Ružičić, стр. 245), *òtè gòdine*, *òtòg* (Ružičić, стр. 245; в Кукине òt- также с о-, хотя и под другим акцентом), имеются, впрочем, и в славонских посавских говорах. С другой стороны, бросаются в глаза и значительные различия. В Маглае и Тешне последовательно переносится (°) акцент, а часто и (°) во всех позициях. В Райшеве, судя по примерам Брабца *šedìli* и *ogñišće*, наблюдается сходная ситуация. Конечно, акцентуационные особенности в боснийских говорах, подвергшихся сильному новоштокавскому влиянию, могут быть результатом более позднего развития. С акцентными различиями соединяются и другие. В ограниченном материале, который приводят упомянутые авторы, мы находим *pš > vš* в *ļevši* (Ružičić, стр. 243)²⁰, а в *ànato* (Ružičić, стр. 245), отсутствие екавской йотации в группах *tj* и *dj* (Ružičić, стр. 243), *-j* в *mlàji* и т. д. (Ružičić стр. 245, Brabec, стр. 422)²¹, сохранение *h* (Ružičić, стр. 246—247), неизменное *jd* (Ružičić, стр. 247) всегда *ima* в *Ipl* и *Lpl* существительных м. и ср. р. (Ružičić, стр. 247) и т. д. Хотя, вероятно, что значительное число несоответствий возникло в результате позднейшего развития в каж-

¹⁹ Существуют также и данные (M. Rešetar. Der štokavische Dialekt. Wien, 1907, стр. 85—87), что комбинация екавского рефлекса долгого *ě и екавского рефлекса краткого *ě имеется и в селах Меджурич, Банова Яруга, Кривай и Кралева Велика около штокавско-кайкавской границы к северу от Савы. Из материала Решетара видно, что распределение рефлексов *ě в зависимости от количества там довольно непоследовательно. При этом остается неясным центральный вопрос генезиса двойного рефлекса: развился ли он органически или является продуктом вторичного кайкавского влияния на переселенческие штокавские екавские говоры. Впрочем, из материала нельзя почерпнуть почти никаких других сведений об особенностях говора, кроме того факта, что акцентуация является новой, не происходит екавской йотации зубных (t, d, s) и губных, что сохраняется заместительное пролонгирование перед сонантом в примере *djèvojka*. Всего этого, конечно, недостаточно для заключения о родственности или неродственности с кукиньским говором.

²⁰ Кукиньский говор, как мы сказали, имеет форму *ļevši*. Сам предцесс *pš > vš* представляет устранение смычки (процесс, характерный прежде всего для различных екавских говоров восточногерцеговинского и восточнбоснийского типа). Он противоположен тенденции печских бошняцких говоров, для которых характерно усиление затвора до смычки (*pseto > pseto, selski > selcki*).

²¹ Правда, Ружичич сообщает, что формы *mèja*, *mlàji* и *slàji* он записал только в Тешне в ответе на прямой вопрос, а в спонтанной речи всегда было *-d*, так что неясно, действительно ли *-j < *-d* характерен для тешаньского говора.

дом говоре, очевидно, что совокупность различий не может быть объяснена таким образом, т. е. кукинский говор не может быть возведен непосредственно к маглайско-тешанским говорам. Ясно и то, что различия невозможно объяснить смешением кукинского говора и, например, какого-либо посавского. Если бы такое смешение имело место, если бы население Кукиня пришло из двух мест, то было бы больше непоследовательности в рефлексе *ě. Славонцы, характерные черты которых преобладают, внесли бы во всяком случае хоть несколько примеров с *i* как рефлексом долгого *ě.

Впрочем, большая часть особенностей маглайско-тешанского говора позволяет отнести его к екавско-шчакавскому диалектному типу²². Сами екавские говоры этого типа также обнаруживают много общих черт с кукинским говором (и катольским, а тем более с остальными «бошняцкими» говорами около Печа). Кроме явлений, о которых мы уже говорили в связи с отношениями с маглайско-тешанским типом, можно указать²³ такие факты, как *vrébas*; но *gast-*, инфинитив чаще без конечного *-i*, чем с ним, или акценты как *bolèšna*, *krváva* и т. д. Но расхождений все же больше, чем сходжений. К тому, что приводилось в связи с маглайско-тешанским говором, добавим отсутствие долгот перед сонантами (тип *dvse*), наличие более закрытого произношения *ě* и *ǔ*, изменения *ae > e* в *jedànēs* и т. п. (: кук. *jedanâjst*), *e* в *greb*, *i* в *mîi*, *dîi*, *jd* или *j* в типе *dojdem*, *dojem*, формы настоящего времени *idem*, хотя бы частичное сохранение *h*, отсутствие перехода *li* в *li*, как и *mk*, *mc* в *nk*, *nc*, наличие окончания *-im* (или хотя бы *-òm*, но не *-òm*) в 1sg существительных III склонения, отличие Asg от Isg у неодушевленных существительных м. р., отсутствие Apl типа *orange* и сравнительной степени *užji*, наличие краткости *-a* в NApl существительных ср. р. и т. д. Напрашивается вполне определенный вывод, что кукинский говор гораздо ближе к посавскому, чем к екавско-шчакавскому диалектному типу. Это относится и к катольскому говору, но не относится или относится в меньшей степени к остальным «бошняцким» говорам около Печа.

Утверждение о близости кукинского говора к посавским славонским, кажется, по крайней мере на первый взгляд, противоречащим традиции, сказавшейся в названии «бошняки». Однако более тщательное рассмотрение показывает, что здесь по существу нет противоречия. Прежде всего мы сталкиваемся с тем фактом, что вопреки сходству в главных чертах, кукинский говор не может быть отнесен к какой-либо конкретной местности в славонской Посавине, помимо прочего и потому, что там нет ни одного говора с екавско-екавским рефлексом *ě. Кроме того, известно

²² Это установил Д. Брозович (см. HDZb, knj. 2, стр. 190).

²³ На основе сравнения со сведениями в цитированной работе Брозовича.

еще из работы Ившича в «Rade» JAZU (knj., 196 и 197), что посавский диалектный тип распространяется также и на одну, правда, очень небольшую часть боснийской Посавины (около Орашья и Толисы). И, наконец, известно, что миграции, во всяком случае миграции католического населения, шли в основном с юга на север, из чего вытекает, что территория боснийской Посавины с говором, похожим на говор славонской Посавины, до миграции должна была быть более обширной. Кукинський говор, как и другие говоры бараньских «бошняков», происходит во всяком случае из зоны контактов славонских и боснийских языковых черт вблизи южного берега Савы. Доминирующая доля славонских особенностей в кукинском и катольском говорах внушает мысль о том, что исконная территория предков кукинцев и катольцев должна была быть несколько севернее исконных поселений печских «бошняков». Местные говоры самой северной части восточной и центральной Боснии пока мало изучены и Д. Брозович имел право утверждать²⁴, что остается невыясненной даже граница между посавским и екавско-шчакавским диалектными типами. Поэтому в настоящее время нельзя предвидеть, найдутся ли в боснийской Посавине местные говоры, с которыми можно было бы более конкретно связать происхождение каждой отдельной группы печских бошняков. Если будущие изыскания обнаружат такие говоры, это будет значительным вкладом в историческую диалектологию сербохорватского языка и в историю миграций. А если такие говоры не будут найдены, то говоры печских бошняков окажутся единственным сохранившимся памятником исчезнувших диалектных типов²⁵.

Перевела с сербохорватского

И. Е. Можяева

---

²⁴ HDZb, knj. 2, стр. 166—168.

²⁵ Естественно, существует возможность, что население отдельных сел смешано, т. е. какое-то село населено пришельцами из разных мест. Сейчас в самих говорах нет никаких прямых указаний на то, что у печских бошняков смешение было более значительным, чем в других пунктах. Как правило здесь отсутствуют типичные для смешанных говоров, некоррелятивные, по терминологии Миливоя Павловича, звуковые рефлексy. Это заставляет думать, что смешение, если оно и было, не оставило глубокого следа либо потому, что в ходе последующего развития один из говоров победил, вытеснив элементы остальных говоров в этом пункте, либо потому, что переселенцы могли происходить из очень близких мест и их говоры, может быть, существенно не различались.

К вопросу о системной интерпретации говора как единицы диалектного дробления

Л. Калынь

В современной диалектологии за исходную далее неделимую единицу в цепи диалектного дробления принимается частная диалектная система, т. е. диалектная система, реализующаяся в речи коллектива индивидуумов, ограниченного рамками одного сельского населенного пункта¹. С чисто лингвистической точки зрения дальнейшее деление возможно: частная диалектная система может реализоваться неодинаково в речи отдельных групп индивидуумов и даже отдельных индивидуумов, так что дробление можно было бы довести до уровня идиолекта. Однако столь дробное деление неприемлемо для диалектологического исследования, предметом которого является язык, служащий средством общения для определенного коллектива говорящих.

Диалектная речь никогда не бывает абсолютно унифицирована даже в рамках коллектива, принимаемого за далее неделимую единицу, прежде всего потому, что она реализует систему, функционирующую только в устной форме. К тому же в современных условиях вариативность речи в рамках любого говора усилена вследствие влияния литературного языка на диалекты.

Некоторые диалектологи предлагают вариативность диалектной речи интерпретировать как реализацию сосуществующих систем в рамках одного говора².

В основе идеи сосуществующих систем, хотя и не в явно сформулированной форме, лежит применение к диалекту критерия нормы, т. е. подразумевается сопоставление диалектной речи с некоторыми внешне установленными правилами. Само выделение «архаического, традиционного слоя говора», отличного от языка младшего поколения носителей говора, предполагает сопоставление диалектной речи с системой, моделируемой на основе анализа речи старшего поколения, относительно которой предполагается, что она не подвергается или в минимальной степени подвергается влиянию литературного языка и не подвержена инновациям, проявляющимся в речи младшего поколения.

Интерпретация диалектной речи некоторого коллектива как реализации сосуществующих систем предполагает следующую

¹ Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.

² Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968, стр. 189.

процедуру анализа диалектной речи: 1) формулирование системы литературного языка, 2) выявление элементов, общих для литературного языка и говора, 3) выявление элементов говора, не присущих литературному языку, 4) установление хронологической иерархии сосуществующих диалектных явлений. Далее предметом диалектологического анализа становится речь: 1) из которой удалены элементы литературного языка, не общие для говора и литературного языка и 2) в которой архаизмы и инновации соотнесены с разными системами. Попутно можно заметить, что хронологическая классификация сосуществующих в говоре явлений не всегда достижима. В качестве примера можно сослаться на описанный нами украинский говор³, в котором непоследовательность изменения $a > e$ после мягких согласных в равной мере можно квалифицировать и как результат влияния литературного языка (запрещенный ранее после мягких согласных гласный a под влиянием литературного языка становится допустимым в этой позиции), и как результат первоначальной непоследовательности изменения $a > e$.

Указанная процедура делает необходимым при системном анализе диалектной речи, с одной стороны, выход за пределы собственно наблюдаемого объекта, а с другой, — игнорирование некоторых составных частей этого же объекта, т. е. предполагает дифференциальный метод описания говора. Дифференциальный метод может быть необходимым при решении диахронических проблем и совершенно противопоказан при синхронном исследовании: синхронное моделирование частной диалектной системы должно основываться на полном реальном составе речевой деятельности некоторого коллектива. Неприменимость дифференциального метода в этом случае становится особенно очевидной, если помнить, что синхронное описание говора в наибольшей степени соответствует основной задаче лингвистики — описанию языков: говор можно расценивать как язык, не имеющий письменной фиксации и используемый коллективом говорящих, обозримым для исследователя. Дифференциальный же метод в описании языка, очевидно, непригоден.

Деление частной диалектной системы на сосуществующие системы противоречит положению, согласно которому частная диалектная система принимается за исходное звено в цепи диалектного дробления.

Единая системная интерпретация говора, принимаемого за далее неделимую единицу, может быть достигнута с применением понятия системы с вариативными звеньями. Как известно, в качестве системы с вариативными звеньями моделируется система

³ Л. К а л ы н ь. Вокализм одного надднестрянского говора. «Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу». М., 1968, стр. 211 и далее.

диалектного языка. Однако вариативность звеньев частной диалектной системы принципиально отличается от вариативности звеньев диалектного языка уже тем, что варианты в системе диалектного языка сопровождаются территориальной характеристикой, варианты же в частной диалектной системе такой характеристикой не снабжаются.

Вообще констатация сосуществующих систем правомерна лишь в том случае, когда никакое другое решение невозможно, т. е. когда интерпретируется такой вид речевой деятельности, который не может быть сведен к рамкам одной системы, например, текст, порожденный в результате контакта индивидуума, правильно говорящего на литературном языке, и индивидуума, говорящего на диалекте.

На пути односистемной интерпретации речевой деятельности в рамках говора, принимаемого за далее неделимую единицу, никаких препятствий не возникает. Напротив, несомненные трудности возникают при попытке сформулировать в диалекте сосуществующие системы. Ср. замечание сторонников сосуществующих систем: «... на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора. Естественно, что типы сосуществования разнообразны и зависят как от факторов экстралингвистических... , так и от факторов собственно языковых»⁴. В этих условиях констатируется сосуществование «элементов разных систем». Но, во-первых, элемент это еще не система, а во-вторых, комбинация элементов, соотносимых с двумя разными системами, является в действительности проявлением третьей системы, отличной от двух первых. То обстоятельство, что вариативные звенья частной диалектной системы могут быть образованы компонентами разной хронологической отнесенности («традиционный и передовой слой говора») не может служить препятствием на пути односистемной интерпретации речи в пределах говора. Ср. в этой связи замечание Мартине: «Никакая более или менее значительная языковая общность не является в лингвистическом отношении гомогенной. Тем не менее лингвист, занимающийся описанием языка на ограниченном материале, должен классифицировать отмеченные им различия как варианты одного и того же узуса, а не как факты двух различных узусов»⁵.

При анализе звукового состава говора диалектолог сталкивается с проблемой односистемной интерпретации вариативного произношения одних и тех же словоформ. Фонетические дублиеты одной словоформы являются следствием взаимозаменяющего упо-

⁴ Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры, стр. 189.

⁵ А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», в. III. М., 1963, стр. 394.

требления некоторых звуков (обычно однородных относительно признаков гласности—согласности). Взаимозаменяемость констатируется в масштабах говора. В речи же отдельных индивидуумов соответствующие словоформы произносятся с одним из параллельно употребляющихся звуков.

Правило взаимозаменяемости в синхронных терминах может быть сформулировано: а) на основе показаний ряда, состоящего из словоформ, содержащих один из взаимозаменяющихся звуков, без привлечения рядов словоформ, содержащих другие звуки (если словоформа содержит звук *a*, то уже одно это значит, что она может быть произнесена и со звуком *b*, т. е. это употребление звуков укладывается в рамки свободного варьирования); б) с привлечением рядов словоформ, содержащих другие звуки (из словоформ, содержащих звук *b*, могут быть произнесены со звуком *a* только те, которые включены в ряд словоформ, содержащих звук *a*, т. е. эта взаимозаменяемость не исключает противопоставление между *a* и *b*). Этому соответствуют два вида взаимозаменяющего употребления звуков: 1) двусторонняя взаимозаменяемость констатируется в тех случаях, когда ряд, составленный из словоформ, содержащих любой из взаимозаменяющихся звуков, сам по себе содержит информацию о возможности произнесения тех же словоформ с другим звуком, т. е. $a \parallel b$; 2) при односторонней взаимозаменяемости информация о возможности взаимозаменяющего употребления некоторых звуков содержится не в каждом из рядов словоформ, содержащих один из этих звуков, — такую информацию содержит лишь один ряд, составленный из словоформ с одним из взаимозаменяющихся звуков, т. е. $a \parallel b^1$ (индекс ¹ сопровождает обозначение звука, который в любой словоформе может быть заменен другим звуком, но сам может заменить этот другой звук не в каждой словоформе).

Понятие взаимозаменяемости может быть применено при одно-системной интерпретации говора.

В качестве примера рассмотрим организацию одного раздела консонантизма, а именно, фонологические отношения в зубном и передненебном ряду в говоре с. Люта Великоберезного района Закарпатской области, репрезентующем бойковский закарпатский диалектный тип украинского языка (говор обследован нами в 1967 г.).

В этом говоре согласные зубного ряда противопоставляются по способу образования (взрывный — фрикативный — аффрикативный), по участию голоса и по твердости—мягкости. Ср. *ста́йа* — *са́мый* — *ца́рок*, *ис'т'атбй* — *ис'а́рка* — *ца́пки*, *заба́р'мо* — *за́руш'ка* — *турба́дза*, *ху́д'ак* — *за́т'* — *да́'ама*.

В передненебном ряду возможность образования оппозиции по способу образования крайне сокращена. Это связано с происшедшим в говоре изменением $ч' > и'$, $дж' > ж'$ (*ни'ш'бо*,

к^л'иш'ут, звѣи'ка, колѣш', в'іѣш'ар, не хбш'е, вѣи'иш'у, рож'ѣный, пр'ѣж'а, пбв'іж'ме, хбж'у, заголож'ѣн'і, ш'уж'бму).

В настоящее время переднебные аффрикаты в говоре произносятся:

1) ч' — в составе сочетания ч'ч', первый компонент которого является членом позиционного чередования т:ч', второй — членом позиционного чередования ш':ч': в'ит кбго: в'ич'ч'бго, ш'бго: в'ич' ч'бго, а также ч'ч'емѣ, св'ич'ч'іти, т'ич'ч'ѣник, но вѣи'ш'аник, п'ич'ч'істити, но ш'істый, рош'ш'істити;

2) ч — в некоторых словах, которые зафиксированы только с этой аффрикатой: чѣх'и, на чѣхох, члѣны;

3) некоторые носители говора употребляют ч' в рамках двусторонней взаимозаменяемости с ш'(т. е. ч' || ш') во всех позициях, кроме позиции перед і (конш'ѣвут || кон'ч'ѣвут, п'иш'ка || п'ич'ка) и в рамках односторонней взаимозаменяемости ч'¹ || ш' перед і (вѣш'ір || вѣч'ір, ш'ім || ч'ім, но только ш'іс'ц'); замена ч' через ш' недопустима в составе сочетания ч'ч'; в рамках взаимозаменяемости в масштабах говора частота ч' значительно ниже, чем ш';

4) дж' — употребляется в рамках двусторонней взаимозаменяемости с ж' (т. е. дж' || ж') во всех позициях, кроме позиции перед і (уродж'ѣйна || урож'ѣйна, сѣ'дж'у || сѣ'ж'у, кѣж'дж'ого || кѣж'ж'ого), и в рамках односторонней взаимозаменяемости дж'¹ || ж' перед і (ш'удж'і || ш'уж'і, но только ж'ірка); частота дж' сравнительно более высокая, чем ч', но ниже, чем ж'.

По аналогии с позиционным сочетанием ч'ч' следовало бы ожидать сочетание дж'дж'. Однако нами не зафиксированы морфемы, в которых можно было бы ожидать преобразования д+ж' > дж'дж'.

В условиях подобного употребления переднебных аффрикат имеются следующие возможности образования оппозиции по способу образования (фрикативный — аффрикативный) в переднебном ряду: ш — ч шѣстого — на чѣхох, шлі — члѣны; ш' — ч' кѣш'ч'а — в'ич'ч'ѣсу, вѣч'ір — ш'іс'ц'; ж' — дж' ш'удж'і — ж'ірка.

Возможность образования оппозиции по способу образования в сочетании с мягкостью в переднебном ряду является результатом односторонней взаимозаменяемости ш' || ч'¹, ж' || дж'¹. Распространение согласного ч' в говоре является результатом влияния литературного языка. Поскольку артикуляция ч' как таковая не чужда носителям говора (ср. ч'ч'емѣ), то происходящая под влиянием литературного языка замена ш' на ч' осуществляется не вообще в любой словоформе, а лишь в тех, аналог которых в литературном языке содержит ч'.

Если исходить из идеи сосуществующих систем, то в рассматриваемом случае можно было бы констатировать две системы: в одной из них переднебный ряд комплектуется фонемами

[ш] — [ч] — [ж] ⁶ — [ш'] — [ж']; в другой — фонемами [ш] — [ч] — [ж] — [ш'] — [ч'] — [ж'] — [дж']; при этом коль скоро в рамках этих систем фонемы [ч], [ш'], [ж'] вступают в разные оппозиции они имеют и разную характеристику в ДП.

Однако обе эти системы носят чисто гипотетический характер, поскольку их выделение основано на совершенно искусственном расчленении речевой деятельности носителей говора. Если, например, в результате наблюдения над речью носителей говора мы и получим текст, в котором отсутствуют ч', дж', мы не можем быть уверены, что их отсутствие не связано именно с ограниченностью текста.

Лингвистически более оправданным кажется утверждение, что в говоре может быть выделена одна система, переднеязычный ряд в рамках которой комплектуется фонемами [ш] — [ч] — [ж] — [ш'] — [ч'] — [ж'] — [дж']. При этом фонемы [ш'] и [ч], [ж'] и [дж'] употребляются в рамках односторонней взаимозаменяемости. В соответствии с этим в речи отдельных носителей говора варьируются консонантные позиционные наборы: набор включает ~ не включает фонемы [ч'], [дж'].

В переднеязычном ряду противопоставление по твердости — мягкости осуществляется шире, чем в зубном ряду. Согласные [ш'] — [ш], [ж'] — [ж] противопоставлены не только в тех позициях, в которых различаются твердые и мягкие зубные согласные, но и в позиции перед *и*, *е*, где твердые и мягкие зубные не противопоставлены. Ср. *ш'истый* — *шйти*, *хби'е* — *пйше*, *жи'ти* — *молж'ий*, а также *на ч'ехох* — *ш'ёшеш* || *ч'ёшеш*.

В анализируемом говоре существует весьма заметное различие между речью младшего и старшего поколения, выражающееся в том, что представители младшего поколения (школьники, лица до 35 лет) в соответствии с *т'*, *д'* старшего поколения произносят коронально-дорсальные аффрикаты, которые обозначаем знаками *ч''*, *дж''* (акустически они весьма сходны с польскими *ć*, *dź*) — *дж''ивош'к'и*, *л'юдж''ом*, *ч''урма*, *дж''идова ч''итка*, *м'юха м'и у об'юл'ч''ила* и т. п.

Логика появления такой артикуляции вполне ясна: артикуляционная лагуна, возникшая вследствие освобождения переднеязычного ряда от элемента, образуемого с помощью взрыва, заполнилась за счет незначительного передвижения назад артикуляции зубного ряда.

Если изолированно интерпретировать речь двух поколений, то вполне допустимо утверждение, что в говоре реализуются две системы, по разному соотносящиеся со звуковым уровнем. Это проявляется в том, что в одной системе фонемы [т'], [д'] реали-

⁶ Коль скоро есть фонема [ч], логично было бы ожидать и ее звонкого оппозента [дж']. Однако согласный *дж* нами не зафиксирован ни разу.

зуются согласными t' , ∂' , в другой — согласными $ч''$, $дж''$. Отождествление $ч''$, $дж''$ с фонемами $[t']$, $[d']$ мотивируется позиционными чередованиями: ср. $ч''\acute{и}тка : т\acute{е}та$ — чередование, сопровождающее нейтрализацию по твердости ~ мягкости в зубном ряду.

Нет нужды повторять, что и в этом случае в основе разносистемной интерпретации лежит искусственное расчленение речи. Нельзя не учитывать того, что в ходе постоянных языковых контактов представители двух поколений идентифицируют отсутствующие в их речи звуки со звуками своей речи. Поэтому звуки $ч''$, $дж''$ присутствуют в лингвистическом сознании старшего поколения, так же как звуки t' , ∂' — в лингвистическом сознании младшего поколения, т. е. являются как бы потенциальными членами в системе языковых средств старшего, соответственно младшего поколений.

Если не расчленять речь двух поколений, то окажется, что в рамках говора согласные $ч''$, $дж''$, с одной стороны, и t' , ∂' , с другой, употребляются в рамках двусторонней взаимозаменяемости, т. е. свободно варьируются ($t'\acute{и}тка \parallel ч''\acute{и}тка$, $л'\acute{у}дж''ом$, $л'\acute{у}дж''ом$) и, следовательно, каждая пара согласных является репрезентантом одной фонемы.

Возникает вопрос, с фонемой какого ряда должны быть идентифицированы согласные t' , ∂' , $ч''$, $дж''$ — зубного или переднеязычного. Отнесение $ч''$, $дж''$ к зубному ряду, а не t' , ∂' — к переднеязычному мотивируется позиционным чередованием. Поэтому можно считать, что употребляющиеся в рамках двусторонней взаимозаменяемости согласные $t' \parallel ч''$, $\partial' \parallel дж''$ реализуют фонемы $[t']$, $[d']$, т. е. реализация этих фонем является вариативным звеном частной диалектной системы.

Цель приведенных примеров показать, что на пути односистемной интерпретации говора как правило не возникает препятствий.

Три немецких горнорудных термина в болгарских диалектах — *штуп, утман и штетина*

К. Костов

Известно, что созданием полностью обособленной и специальной для того времени (XIII—XV вв.) горнорудной терминологии у народов Балканского полуострова мы обязаны «саксонским» рудокопам. Вследствие экономической заинтересованности турецких завоевателей в увеличении производительности рудников, был создан кодекс прав и обязанностей горняков, который содержит ценные данные по горнорудной терминологии позднего средневековья. Из этого кодекса ¹ ясно видно, что в профессиональном говоре рудокопов употреблялось большое число терминов немецкого происхождения, которые не только обозначают различные типы инструментов и технические понятия, но и дают представление об организации работы рудокопов.

И сейчас на Балканах встречаются названия сел и местностей, связанные тем или иным образом с именем «саксонцев»-рудокопов ², а в народных говорах болгар и сербов все еще сохраняются

¹ Важным источником являются турецкие законы Сулеймана (1520—1566), см. о них: Ф. С п а х о. Турски рударски закони. «Гласник босански», XXV, 1913, стр. 133—194; ср. об этом у Г. Конярова («Принос към историята на рударството и металургията в България». София, 1953). Любопытное описание шахт и рудников имеется у француза П. Белона (1553 г.) («Наблюдения на множество редки и забележителни неща, видени в Гърция, Азия, Юдея, Арабия и други чужди страни». София, 1953); книга переведена на болгарский язык и прокомментирована В. Николаевым. Немецкие горнорудные термины (по кн. П. Белона) рассмотрены в статье: Е. Р е й ß и г. Deutsche Bergmannswörter in den Balkansprachen nach einem Zeugnis der französischen Renaissance. «Germanoslavica», III, 1935, стр. 143—145; а также: А. М е h l a n. Über die Bedeutung der mittelalterlichen Bergbaukolonien für die slavischen Balkanvölker. «Revue internationale des études balkaniques», III, 1937—1938, стр. 383—404; М. Р а в л о в и ć. Altsächsische Bergbauterminologie im Serbokroatischen. «Südost-Forschungen», XVIII, 1959, стр. 76—83; О н ж е. Tragovi rudara sasa u srpskohrvatskom jeziku. «Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu», V, 1960, стр. 99—127.

² Так, например, названия местности *Клюфта* около шахты Страцимир (см.: Г. К о н я р о в. Указ. соч., стр. 63) и *Щолната*—холм с остатками старых рудников, северо-западнее Ерма Река (см.: Г. Х р и с т о в. Местните имена в Маданско. София, 1964, стр. 219 и 338) происходят от немецких существительных *kluft* 'жила' и *stolle* 'горизонтальная галерея в шахте', известных в горняцком профессиональном говоре на Балканах.

отдельные лексические элементы некогда живого профессионального говора этих рудокопов.

Можно сказать, что раскрытие немецкого этимона у этих заимствований не представляет большой трудности. Однако несмотря на это, иногда допускаются неточности по причине смешения диахронного этимологического толкования с фактами синхронного порядка³. «Саксонские» рудокопы говорили на средневерхне-немецком диалекте, и, именно исходя из этого, исследователь должен возводить каждое этимологически толкуемое слово к таким соответствиям, какие известны верхне-немецким диалектам, а не являются распространенными в современном немецком языке. Например, такое заимствование как *штуп* (*штуб*), известное в различных западных и центральных говорах Болгарии⁴ со значением: 1) 'мелкая угольная пыль'; 2) 'состав, которым обмазывают дрова в угольной печи'; 3) 'шлак, окалина от железа', следовало бы возводить к средневерхне-немецкому существительному *stoup*, а не к современному его немецкому соответствию *Staub* 'пыль'. Слово *штуп* 'пыль' известно и в сербохорватском языке.

Здесь как раз нужно подчеркнуть, что такой тип неточностей является причиной неправильной этимологии, например, слова *утман*. Н. Геров дает это существительное со значением 1) 'рудокоп'; 2) 'тупой человек, невежа, . . . бревно'⁵, без указаний на его происхождение. Об этимологии этого слова пишет Б. Цонев в своей «Истории болгарского языка»⁶, а затем и Ст. Младенов⁷. Оба языковеда указывают на немецкое происхождение этого слова и приводят немецкое существительное *Hüttenmann* в качестве его этимона. Позднее это этимологическое толкование принимается как полностью доказанное и, ссылаясь на установленное Цоневым и Младеновым, языковеды и историки повторяют все то же объяснение происхождения болгарского диалектного

³ Так, в статье В. Джонова («Этническое название на рударите „саси“ на Балканите и въпросът за техния произход». — «Изв. на Ин-та за български език», XVI, София, 1968, стр. 203—211) есть неточности в толковании, например, слов *бужа* и *дритава*, которые производятся от немецких существительных *Pause* и *Treibtau* вместо средневерхне-немецких *pūse* и **tribtau* или **drī(h)-tou*, как это мы видим в работе Й. Шуца (J. Schütz, Germano-Serbica. «Die Welt der Slaven», IV, 1959, стр. 16), ср. то же и у Е. Шнеевайса (E. Schneeweiß, Die deutschen Lehnwörter im Serbokroatischen in kulturhistorischer Sicht, Berlin, 1960, стр. 80).

⁴ Н. Геров. Речник на български език, V. Пловдив, 1904, стр. 599 и СбНУ, XVIII, 2, 193—194 (Северо-западная Болгария); СбНУ, XXII, 273; СбНУ, XLVIII, 546 (Банско); ИССФ, VIII и IX, 388 (село Радуйл, Ихтиманско); а также, согласно архивным материалам «Болгарского диалектного словаря» в Институте болгарского языка, и в Тетевен и Трынско; СбНУ, VI, 237 (Ботевград).

⁵ Н. Геров. Указ. соч., стр. 461.

⁶ Б. Цонев. История на български език, т. II. София, 1934, стр. 323.

⁷ St. Mladenov. Etymologisches aus einer kurzgefaßten Geschichte der bulgarischen Sprache. «Списание на Българска академия на науките», XLVII, 1930, клон историко-филологичен, кн. 21, стр. 122.

существительного *утман*. Это можно найти у В. Николаева⁸, который соглашается с мнением Ст. Младенова; то же самое утверждает и Л. Ванков⁹, который приводит этимологию Б. Цолева. Да и пишущий эти строки, говоря о переносном значении слова *утман*, не делает никаких возражений в отношении этой этимологии, предложенной Ст. Младеновым¹⁰.

Интересно этимологическое толкование слова *хутман* в сербохорватском языке. Академический словарь указывает только на одно значение этого слова — 'рудокон' и его возводит к немецкому существительному *hütteman*¹¹. Позже и другие словари и исследователи придерживаются этой этимологии, которая справедливо была подвергнута критике Й. Шюцем¹². Й. Шюц производит сербохорватское *хутман* из средневерхнемецкой формы *huotman* немецкого существительного *Hutmann*.

Действительно, это этимологическое толкование принято в сербохорватском языке за доказанное¹³. В данном случае любопытно то, что о значении и этимологии слова *утман* в болгарском языке писал инженер Г. Коняров¹⁴, который обратил внимание не только на семантику слова, но и на его фонетический облик. Его замечание состоит в следующем: «Начиная с Иречека, все объясняют его (т. е. слово *хутман*) как *Hüttenmann*. Однако это неверно, так как немецкое *Hüttenmann* означает 'металлург', а *хутман* — *Hutmann* (с одним *t*) означает 'горняцкий надзиратель'». Коняров не лингвист, но это еще не есть основание для того, чтобы отбросить его этимологическое объяснение, которое полностью совпадает с тем, что установлено относительно происхождения существительного *хутман* в сербохорватском языке.

Не менее интересна судьба в болгарском языке и другой лексической единицы из горной терминологии «саксонцев». Это существительное *штетина*, которое в словаре Н. Герова имеет следующие значения: 1) 'полянка на крутом склоне горы, со всех сторон окруженная деревьями'; 2) 'яма от угольной печи'¹⁵. С точки зрения морфологии, слово представляется сложным по составу, так как в нем можно определить в качестве словообразо-

⁸ Н. Николаев. Характер на минните предприятия и режимът на рударския труд в нашите земи през XVI, XVII и XVIII вв. София, 1954, стр. 24.

⁹ Л. Ванков. Постигания и задачи на западното езикознание у нас. «Български език», IX, 1959, стр. 509—510.

¹⁰ К. Костов. Няколко немски заемки в западните български говори. «Езиковедско-этнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски». София, 1960, стр. 403.

¹¹ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, III. Zagreb, 1887—1891, стр. 738.

¹² J. Schütz. Указ. соч., стр. 13.

¹³ См.: E. Schneeweis. Указ. соч., стр. 78; а также в более ранней работе: H. Striedter-Temps. Deutsche Lehnwörter im Serbokroatischen. Wiesbaden, 1958, стр. 138.

¹⁴ Г. Коняров. Указ. соч., стр. 30.

¹⁵ Н. Геров. Указ. соч., стр. 596.

вательного суффикса элемент *-ина*, который присоединен к исконно славянскому имени. Так оно истолковано у Й. Заимова¹⁶, которому известны оба его значения, но который утверждает, что первоначально оно обозначало 'пустое место (в лесу), лесную поляну', и поэтому он считает его производным от др.-болг. *тъштгъ* 'свободный, пустой', *тъштгга* (Клюцов сборник, Супрасльская рукопись) и суффикс *-ина*.

Действительно, такое объяснение происхождения слова *штетина* на первый взгляд полностью приемлемо. Оно соответствует его морфологическим особенностям и опирается на его семантику. Но все же в этом случае нельзя с уверенностью утверждать, какое из двух его значений первично. Ясно одно, что *штетина* употребляется как специальный технический термин, который имеет отношение к получению древесного угля на Балканах. Каждый исследователь, имеющий техническое образование, не мог бы не принять во внимание это обстоятельство. Так сделал В. Стоянов при объяснении происхождения слова *штетина*. Он пишет, что оно означает 'место, где сооружается печь' и встречается преимущественно в западных болгарских говорах (в Восточной Болгарии чаще употребляется турецкое название *турлук*); далее В. Стоянов подчеркивает следующее: «В самом слове *штетина* народ интуитивно выразил свое представление о большом ущербе для лесов и лесного хозяйства, который влекло за собой обжигание угля»¹⁷. Хотя происхождение слова нельзя было установить, Стоянов предполагает, что оно имеет «германское происхождение» и указывает, что оно связано с немецким *Statt* (sic) и отсюда *Kohlstätte* (!) '*штетина*'. Это утверждение легко можно допустить, имея в виду и другие языковые следы, оставшиеся от саксонцев, работавших в горнодобывающей промышленности в Западной Болгарии.

Существительное *штетина* известно и в сербохорватском языке. Оно засвидетельствовано в законнике сербского царя Стефана Душана¹⁸, но не было включено в Загребский академический словарь. Штридтер-Темпс, определяя этимологию этого слова, возводит его к средневерхненемецкому *stäte*¹⁹ 'место', имеющему в современном немецком соответствие — *Stätte*. Автор указывает, разумеется, что *-ина* в слове *штетина* является сербохорватским словообразовательным суффиксом.

Сопоставительное рассмотрение терминов *утман* и *штетина* в болгарском и сербском языках — необходимое условие для доказательства их принадлежности к определенной профессио-

¹⁶ Й. Заимов. Местните имена в Пирдошко. София, 1959, стр. 290—291.

¹⁷ В. Стоянов. Дървени въглища. София, 1930, стр. 9 и 46.

¹⁸ Ст. Новаковић. Законик Стефана Душана, цара српског. Београд, 1898, стр. 221 — согласно: Н. Striedter-Temps. Указ. соч., стр. 208.

¹⁹ Н. Striedter-Temps. Указ. соч., стр. 208.

нальной лексике. Одновременно с этим для их правильного этимологического толкования имеют большое значение соображения двух исследователей, инженеров Г. Конярова и В. Стоянова. Они приводят убедительные доводы для доказательства того, что между обозначаемым понятием или предметом и словом существует неразрывная связь. А этим не должен пренебрегать языковед.

Перевела с болгарского
М. В. Никулина

Каринтийские (корошские) словенские диалекты как факт исторического единства словенцев, живущих по обе стороны Караванского хребта

Т. Логар

Сторонники германизации словенского населения в Каринтии называют каринтийских словенцев виндами (Winden), желая тем самым подчеркнуть, что речь идет об особой славянской народности, не связанной непосредственно со словенцами, живущими в Югославии и частично в Италии. Такие утверждения предназначаются в первую очередь для самих словенцев. Их цель — ослабить и притушить сознание кровного и национального единства со словенским народом и таким образом способствовать как можно более полной и быстрой германизации каринтийских словенцев. Эти утверждения — одна из многочисленных форм духовного гнета, который в течение многих столетий испытывает словенское население в Каринтии. Естественно, что в научном отношении они совершенно не состоятельны.

Каринтийские словенцы всегда были и остаются частью словенского народа, от которого их более полувека отделяет государственная граница, но с которым они, несмотря на это, связаны многими историческими, языковыми, этнографическими, культурными и другими национальными особенностями.

Цель этой небольшой статьи — показать, что язык каринтийских словенцев является словенским и что словенские каринтийские (корошские) диалекты с древнейших времен и до наших дней связаны целым рядом особенностей и одинаковых тенденций развития со всеми другими словенскими диалектами, а через них с языками других южных славян и в первую очередь с языком хорватов и сербов.

Более тысячи лет тому назад язык словенцев, в том числе и каринтийских, по всем своим данным был ближе в сравнении с настоящим временем к языку других славян на Балканах. В первые столетия после расселения славян южнославянские языки пережили те же инновации, что и словенский. Здесь я имею в виду те первые и наиболее древние языковые изменения, которые постепенно дифференцировали эти языки от языков современных чехов, поляков, русских. Таким изменением была, например, общая депалатализация согласных в позиции перед гласными переднего ряда ($t'i \rightarrow ti$), совпадение i и y в одном гласном (i), который уже в отличие от праславянского не вызывал палатализации, совпадение редуцированных гласных переднего и заднего ряда в словенском сверхкратком, одинаковый результат метатезы ликвид ($tort, tolt, tert, telt \rightarrow trat, tlat, trèt, tlèt$) и, наконец, сокращение праславянского долгого акута на всей южнославянской языковой территории, включая и Каринтию.

Одинаковые инновации хотя бы частично могут быть результатом тенденций, заложенных еще в праславянскую эпоху на славянской прародине, реализоваться же эти тенденции могли только после расселения на новых территориях. Частично же они могут быть следствием сходных новых условий и новых общих тенденций развития, возникших уже на территории к западу от Карпат, и, конечно, следствием интенсивного, по крайней мере в начале, взаимного общения и смешения всех южных славян, исключая современных болгар.

Одинаковые языковые инновации, идентичные процессы развития, являлись ли они следствием латентных общих тенденций развития или результатом расширения изменений, начатых в отдельных областях, вследствие оживленного взаимного общения могли охватить всю территорию интенсивных взаимных коммуникаций. Только так мы можем объяснить расширение и распространение языковых изменений.

Как уже говорилось, все указанные и многие другие языковые изменения охватили всю южнославянскую территорию, включая, конечно, и словенскую каринтийскую территорию.

Несколько позже начались языковые инновации, охватившие уже не всю южнославянскую территорию, а только ту или иную ее часть, например только территорию сформировавшегося словенского языка. Здесь я имею в виду такие важные акцентные изменения, как перемещения ударения, выраженные формулами $duša \rightarrow dūša$ и $oko \rightarrow okō$, которые во множестве слов изменили первоначальное место ударения. Эти акцентные сдвиги, особенно первый, в тот период были типичны только для словенского языка и не распространились ни на территорию современного сербохорватского языка (в настоящее же время первый акцентный сдвиг известен большей части сербохорватских говоров), ни на территорию других славянских языков, например, чешского, словац-

кого, русского. Однако территория словенского языка была ими охвачена полностью: Каринтия, Горения, Приморье, Доления, Штирия и др.

Безусловно, и это явление началось в какой-то одной зоне и распространилось в результате интенсивных коммуникаций на всю словенскую языковую территорию, в том числе и на Каринтию.

Аналогичный процесс наблюдался и при переходе $d' \rightarrow j$ /med'a → meja/, который по существу также является общесловенской инновацией, относящейся к VIII в.

Сюда следует отнести также и одинаковое развитие праславянского носового /ǫ/, рефлекс φ на всей территории распространения словенского языка сохранил свое первоначальное качество o , встречающийся же в некоторых зонах u на месте φ возник путем дифтонгизации либо / $o \rightarrow uo$ /, либо / $o \rightarrow ou$ /, а не в результате прямого сужения, как, например, в чешском, русском или сербохорватском.

В число явлений, которые как последующие языковые инновации охватили почти всю словенскую территорию, следует включить также продление ранее сокращенного праславянского акута в позиции срединного слога. Это явление, также собственно словенское, продиктовано новой языковой необходимостью: словенский язык в какой-то относительно древний период не терпел кратких гласных в позиции ударного начального или срединного слога многосложных слов. Краткие гласные теперь должны были стать по этой причине долгими. Однако этот процесс осуществился в различных географических зонах в разное время, на юге, например, раньше, чем на севере. Переход неконечного краткого слога под акутом в долгий, являющийся словенской инновацией, оказал большое влияние, с одной стороны, на развитие специфических количественных отношений в словенском вокализме и в ритмике, с другой стороны, на дальнейшее развитие качества гласных. Результатом запоздалой реализации этого процесса являются двойные рефлексы некоторых праславянских гласных / ϵ , o /, например, в Каринтии, в Похорье, в Верхне-Савиньской долине и в Резии.

Такой же инновацией является тенденция к сужению и дифтонгизации долгих праславянских гласных, особенно ϵ и o , которая также оказала большое влияние на дальнейшее развитие словенского языка и в последующие столетия преобразила всю словенскую систему вокализма.

Для всей словенской языковой территории была также характерна тенденция к ослаблению кратких гласных, которая в несколько более поздний период нашла свое выражение в очень существенных изменениях кратких гласных; хотя эти изменения в различных географических зонах осуществлялись различными способами, в их основе были одинаковые причины и тенденции

как в Каринтии, так и в Горении, Приморье, Долении, Штирии и т. д.

Все эти и многие другие языковые явления, возникшие на всей словенской языковой территории вследствие одинаковых причин, свидетельствуют, что и каринтийские словенцы в течение ряда столетий после расселения славян являлись частью единого словенского организма с одинаковыми или близкими латентными тенденциями, а отсюда и одинаково направленными процессами развития.

И в ранние, а тем более в позднейшие периоды возникали и такие языковые изменения, которые охватывали не всю территорию словенского языка, а только ту или иную ее часть. Это относится, конечно, и к языку каринтийских словенцев. Именно в результате этого постепенно сформировались многие словенские, в том числе и каринтийские диалекты и говоры, известные нам в настоящее время.

Однако я должен подчеркнуть, что явления, характерные только для одной географической территории, отмечаются редко. Точно так же чрезвычайно редки новые языковые явления, которые были бы свойственны только Каринтии. Большей частью такие явления объединяют большое количество соседних территорий в одно целое. Поскольку все явления восходят к разным историческим периодам и почти каждое из них имеет собственную хронологию, одно явление более древнее, другое более позднее, то и их территориальное распространение большей частью различно и зависит от постоянного, исторически обусловленного общения людей из отдельных географических областей.

Каринтийский процесс дифтонгизации праславянских /ě/ и /ô/ характерен для Резии и для всей словенской территории на крайнем западе до Истрии. Поскольку эта дифтонгизация относится к числу наиболее важных и древних процессов, можно предположить, что в тот ранний период (X—XII вв.) между упомянутыми словенскими областями существовали определенные связи, если, конечно, эта дифтонгизация не является следствием каких-то более древних, возможно, еще праславянских тенденций и специфических условий заселения словенского севера и запада или, что еще более вероятно, какой-то общей архаической чертой тех географических областей, которые в тот ранний период не были охвачены инновациями, возникавшими, возможно, на территории современного сербохорватского языка.

Диалектное явление, относящееся к XVI—XVII вв., которое мы обычно называем «швапаньем» (переход *la* → *wa sláma* → *sváma*), объединяет другие территории, а именно каринтийскую и горенскую, и доказывает, что в тот период должны были существовать особенно оживленные связи между Каринтией и Горенией, в противном случае было бы очень трудно объяснить это изменение, свойственное только этим зонам.

Так называемая вторичная или собственно словенская палатализация праславянских велярных (*kita* → *čita*, *orehi* → *oreši*, *poqe* → *poje*) географически не совпадает со швапаньем, это явление занимает более обширную территорию и известно не только каринтийцам и гореньцам, но и церклянцам, толминцам, значительной части потраньцев.

Поскольку это изменение велярных относится к более позднему периоду, чем швапанье, можно предположить, что оно в некоторой степени подтверждает известное из истории расширение контактов между словенскими областями: известно, что начиная с XVI в. очень оживились связи на линии: Каринтия—Горения—Башка грапа—Церкно—Толмин—Гориция—Триест.

Помимо этих общекаринтийских явлений, уже с древнейших времен постепенно возникали и языковые изменения, охватившие только какую-то одну часть каринтийской территории и какую-нибудь соседнюю зону, не относящуюся ни в географическом, ни в административно-политическом отношении к Каринтии. Такого рода явления, а их немало, свидетельствуют, что каринтийские словенцы, несмотря на географические преграды и административно-политические границы, были тесно связаны с представителями других славянских областей, постоянно контактировали с ними, поэтому здесь и наблюдались одинаковые диалектные изменения, возникавшие то в Каринтии, то на соседней территории за ее пределами и распространявшиеся в обоих случаях на ту и другую территорию, объединяя их с помощью общей языковой инновации в одно целое. Из языковых изменений этого рода я упомяну только некоторые, наиболее важные.

Так называемый терциарный перенос долгого циркумфлекса с конечного открытого слога на один слог ближе к началу слова (*okô* → *òko*) — это относительно молодое диалектное явление, начавшееся в разное время на нескольких географически обособленных территориях. Этот процесс известен также некоторым каринтийским зонам, с которых он распространяется на некаринтийские в географическом, административно-политическом и диалектном отношениях области. Трудно, конечно, сказать, где именно началось это явление, на каринтийской территории или за ее пределами. Так, с одной стороны, это акцентное явление объединяет зильский диалект с резьянским и венецианским (бенешским) терским диалектами, в то время как в Ратечах, где в основном также говорят на зильском диалекте, это явление неизвестно. С другой стороны, это же явление связывает восточные говоры рожанского диалекта, подьюнский, межичанский диалекты, находящиеся на территории Каринтии, со штирийскими по верхнему течению Савины и Худини.

Безусловно, все это доказывает, что упомянутые географические области в тот период, когда этот акцентологический процесс начинался, были тесно связаны в социальном отношении, здесь

наблюдались интенсивные коммуникации, несмотря на административно-политические и географические препятствия.

Явлений такого порядка, охватывающих отдельные каринтийские и некаринтийские словенские языковые территории, конечно, много. Я упомяну только еще так называемое «штеканье» (появление элемента ʃ в указательных местоимениях и наречиях: šta , šeti 'этот'; štu 'здесь'), известное подъюнскому, межичанскому диалектам и верхнесавинским говорам, далее уканье /o → u/, известное рожанскому и гореньскому диалектам, аканье, охватывающее часть Зильской долины и в то же время Канальскую долину и Ратече, переход /o → ə/, свойственный восточным каринтийским, особенно подъюнским говорам и штирийским говорам по верхнему течению Савини, одинаковую редукцию кратких /i/ и /u/, связывающую гореньский и каринтийские диалекты, переход имен среднего рода в женский род во множественном числе, свойственный каринтийским, венецианским (бенешским) и штирийским диалектам, утрату интонационных оппозиций, характерную для восточных каринтийских подъюнских говоров и для всех штирийских диалектов, одинаковое по существу развитие /e/ и /o/ под вторичным ударением в южных подъюнских и верхнесавинских говорах, переход /w → b/ перед гласными переднего ряда в зильском диалекте и в говорах по Верхней Соче и целый ряд других явлений.

Все перечисленные явления убедительно свидетельствуют о том, что каринтийские словенцы во все периоды своей истории были тесно связаны со словенцами из других словенских областей, то с одной областью, то с другой, в зависимости от изменений исторических обстоятельств и связанных с ними условий жизни в отдельных каринтийских областях и районах.

Каринтийские словенцы всегда были и сейчас являются неотъемлемой частью словенского национального организма и их языковое развитие протекало так же, как и в других областях, наряду с этим в соответствии со специфическими условиями здесь возникали и некоторые языковые особенности, являющиеся собственно каринтийско-словенскими.

Перевела со словенского

О. С. Плотникова

Об особенностях языковой ситуации в польских говорах на территории Литовской ССР

Л. И. Масленникова

Языковая ситуация на территории Литовской ССР представляет значительный интерес для изучения балто-славянских языковых отношений, в том числе для изучения контактов литовского и славянских (белорусского, польского, русского) языков.

В связи с проблемами контактирования литовского языка и славянских, а также славянских языков между собой заслуживают внимания, в частности, польские говоры, функционирующие в настоящее время на территории Литвы.

В XIX в. здесь наблюдалась интенсивная экспансия польского языка среди сельского литовского населения. Это привело к тому, что внутри литовской языковой территории возникло несколько польскоязычных ареалов¹. К их числу относится виленский ареал, сохранившийся в известной мере до настоящего времени.

Распространению польского языка среди сельского населения предшествовал период, когда в восточных районах, входивших прежде в состав Речи Посполитой, так называемых «кресах» (не бывших этнически польскими), среди высших и средних слоев населения сложилась разновидность польского литературного языка, воспринявшего ряд восточнославянских черт (белорусских на северо-востоке либо украинских² на юго-востоке). В работах некоторых польских лингвистов эту разновидность литературного

¹ Проблемой условий и времени возникновения ареалов польского языка в Литве занимался ряд польских исследователей, в том числе К. Нич, Я. Якубовский, К. Мошиньский, Г. Турская и др., см. подробнее в кн.: Н. Турска. *Język polski na podłożu litewskim. Cz. I. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie*. Wilno, 1939, стр. 1—56.

² На территории Великого княжества Литовского формирование этого культурного диалекта началось уже в XVI в. — см.: J. Jakubowski. *Studia nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską*. «Prace Towarzystwa Naukowego Warszawskiego», nr. 7. Warszawa, 1912, стр. 13—14; Н. Турска. Указ. соч., стр. 58.

Имеется ряд исследований, посвященных северо-восточному культурному диалекту польского языка, например: Н. Турска. *Język Jana Chodźki*. Wilno, 1930; М. Weiss-Brzezina. *Regionalizmy kresowe w «Pamiętniku Rusieckiej»*. «Prace Językoznawcze», z. 15. Kraków, 1965; St. Pigoń. *Jeszcze o akaniu u Mickiewicza*. «Język Polski», XL, z. 4, стр. 315 и др.

языка иногда называют культурным диалектом польского языка (*polszczyzna kresowa*³, *polški dialekt kulturalny*⁴).

Польский говор литовских крестьян сформировался в результате контакта северо-восточного диалекта польского языка и местных литовских говоров. Это определило характер данного польского говора: с одной стороны, он воспринял большинство характерных черт культурного диалекта польского языка и поэтому он ближе к литературному польскому языку, чем к какому-либо из говоров этнической Польши⁵; с другой стороны, данный польский говор, сформировавшийся в основном на литовском субстрате⁶, обладает рядом черт, отличающих его от культурного диалекта, что связано с влиянием языкового субстрата.

В настоящее время языковая ситуация на Виленщине (в польских говорах, развившихся на литовском субстрате) весьма сложна. В качестве примера рассмотрим языковую ситуацию в деревне Орняны (*Ornėnai*) Молетского района, расположенной в 70 км. к северу от Вильнюса⁷. Сейчас коренное население деревни говорит между собой на польском говоре, который осознается как родной язык. Жители деревни перешли к общению на польском языке сравнительно недавно: информанты из старшего поколения (70—80 лет) помнят, что их родители говорили между собой по-литовски, но к своим детям они обращались уже только по-польски. Нынешние старики как правило уже не знают литовского говора своих родителей (можно назвать только одну информантку, 73 г., из ныне живущих, которая частично помнит этот говор). По всей вероятности, период литовско-польского двуязычия был довольно непродолжительным (во всяком случае, хронологически не выходил за пределы одного—двух поколений).

Одновременно большая часть жителей деревни в той или иной мере знакома с русским и литовским языками. В зависимости от того, какими из названных языков могут пользоваться коренные жители, население деревни делится на три группы: триязычные, билингвы и монолингвы.

1. Триязычие характерно для молодежи и сравнительно небольшой части среднего поколения, обычно мужчин. Дома, в деревне, они говорят по-польски и лишь выезжая за ее пределы, например в город, пользуются литовским и русским языками.

³ T. Leńr-Spławski. Wzajemne wpływy polsko-ruskie. «Przegląd Współczesny», nr. 70, luty 1928, стр. 256—258.

⁴ K. Nitsch. Polskie dialekty kulturalne. «Język Polski», I, 1913, стр. 80—84; H. Turcka. O powstaniu. ., стр. 57—60.

⁵ См. подробнее: H. Turcka. O powstaniu. ., стр. 60—61.

⁶ Полонизация охватила в ряде районов также и белорусское население, которое, однако, в большинстве случаев не утрачивало своего родного языка, становясь двуязычным. Подробнее об этом явлении и его причинах см.: H. Turcka. O powstaniu. ., стр. 16—17, 20—21.

⁷ Диалектологические исследования в этой деревне проводились в 1967—1968 гг.

Первичной для них является польская языковая система, а литовская и русская — вторичными. При различении типов триязычия за основу принимается степень усвоенности вторичных языковых систем⁸. Триязычие является рецептивным (или репродуктивным), когда наблюдается только понимание (или также способность воспроизводить услышанное) в отношении обеих вторичных языковых систем. Триязычие является продуктивным, когда наблюдается способность строить речь (но с ошибками), принадлежащую обеим вторичным языковым системам. Однако степень усвоенности каждой из вторичных языковых систем обычно бывает различной. В связи с этим могут быть выделены еще два типа триязычия: а) когда информант может строить речь по-русски, а по-литовски — лишь понимать услышанное (написанное); б) когда информант может строить речь по-литовски, а по-русски — лишь понимать услышанное (написанное). Однако, если первый из них — довольно частое явление среди триязычных, то второй практически не встречается.

2. Значительно более широко среди жителей деревни распространено двуязычие. Оно характерно для большинства представителей среднего поколения, части молодежи и отдельных представителей старшего поколения. В зависимости от того, какая языковая система является вторичной, двуязычие бывает польско-литовским и польско-русским. По своему типу и то, и другое двуязычие является либо рецептивным (или репродуктивным), либо субординативным — продуктивным. Распространенность польско-русского двуязычия, особенно рецептивного, объясняется, кроме экстралингвистических причин, структурной близостью польской и русской языковых систем, которая значительно облегчает понимание и усвоение русского языка. Польско-литовское двуязычие обоих типов встречается редко. Обычно наряду с литовским языком наблюдается некоторое знакомство с русским языком (см. триязычие).

3. Наконец, среди жителей деревни имеется малочисленная группа, состоящая из представителей старшего поколения, а также детей дошкольного возраста, которая практически знакома только с польской языковой системой, т. е. группа монолингвов. Те знания литовского языка, которые имеют некоторые из них, настолько ограничены (например, несколько слов или выражений), что эти жители деревни не могут быть включены в группу двуязычных. Знание русского языка у некоторых представителей этой группы обычно ограничивается пониманием русской речи, хотя и в очень узких пределах. Но если даже наблюдается умение строить речь на русском языке (конечно, с ошибками), то все же на примере

---

⁸ Подробнее о типах билингвизма см.: Е. М. Верещагин. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969, стр. 22—25.

этой группы жителей деревни нельзя говорить о контактировании польской и русской языковых систем, если понимать под языковым контактом «поперечное использование двух или более языков одними и теми же лицами»⁹. Отношение к русскому языку у данных жителей деревни можно определить как потенциальное понимание и умение строить речь на русском языке, так сказать, «потенциальное двуязычие», что обусловлено близким родством русской и польской языковых систем. Эта возможность практически не реализуется, так как сфера контактов представителей старшего поколения как правило ограничена родной деревней (или близлежащими), где общение осуществляется на польском языке (ср. с группами триязычных и двуязычных, которые активно пользуются польской, русской и литовской языковыми системами). Таким образом, в деревне Орняны группу представителей старшего поколения можно считать монолингвами.

Языковая система данных представителей старшего поколения имеет значительный интерес для исследования, так как эта языковая система, унаследованная ими от родителей-билингвов, представляет в наиболее «чистом» виде польский говор, сформировавшийся на литовском субстрате, в той стадии его развития, когда осуществлялось активное контактирование литовской и польской языковых систем и когда литовская система была первичной, а польская — вторичной, т. е. периода литовско-польского двуязычия. С другой стороны, языковая система этой группы жителей является первичной для нынешних три- и двуязычных представителей деревни и потому может служить исходным пунктом при изучении изменений, происходящих в говоре под влиянием контактов с литовской (на новой основе) и русской языковыми системами. Необходимо также отметить, что контакты с дву- и триязычными жителями деревни оказывают влияние на говор монолингвов. В частности, это проявляется в области лексики (например, заимствования из русского языка).

Итак, сложность языковой ситуации в польском говоре на территории Литовской ССР в настоящее время обусловлена дифференцированностью носителей говора по признаку использования одной, двух или трех языковых систем.

Условия функционирования, а также своеобразие условий возникновения и формирования этого говора определяют его специфику.

При анализе диалекта, функционирующего в столь сложной ситуации языковых контактов, возникает ряд специфических проблем, совершенно отсутствующих при обычном диалектном описании. В частности, возникает необходимость отдельного опи-

---

⁹ U. We in re ic h. Languages in Contact. Findings and problems. The Hague, 1963, стр. 1; H. H a u g e n. Language contact. «Actes du VIII Congrès international de linguistes». Oslo, 1958, стр. 771.

сания языковой системы монолингвов и языковой системы би- и полилингвов. Польский язык этих групп населения нельзя отождествлять.

1. Польский язык у младшего и среднего поколений функционирует в условиях контакта с русским и литовским языками; в нем активно протекают процессы интерференции.

2. Польский язык старшего поколения, не испытывающий непосредственного воздействия других языков, демонстрирует специфику монолингвизма, только что сменившего билингвизм.

В целом, говор демонстрирует сконцентрированные в пределах короткого хронологического отрезка разнообразны процессы и явления из области языковых контактов. При этом, здесь представлены оба типа билингвизма, различаемые в зависимости от степени структурной близости контактирующих языков — гетерогенный (польско-литовский) и гомогенный (польско-русский)¹⁰. Следует отметить, что гетерогенное двуязычие, характерное в прошлом для данной деревни, сейчас встречается крайне редко. Гомогенное двуязычие выступает весьма широко.

Результаты исследования этого говора могут послужить материалом для изучения проблем функционирования говоров в условиях полилингвизма, для изучения последствий контактирования славянских и неславянских языковых систем, а также славянских языковых систем между собой, для общей теории языковых контактов.

Об одной древней лексической изоглоссе в болгарском языке

(названия ярма в болгарских говорах)

М. Сл. Младенов

Телега как средство передвижения известна уже с древнейших времен. Способы и средства запряжки также характеризуются большой древностью. Ярмо ('деревянное приспособление для

¹⁰ О гомогенном и гетерогенном типах билингвизма см. подробнее: Н. И. Толстой. Ответ на вопрос: «Каква е ролята на двуезичието в историята на славянските литературни езици (като се има предвид славянско-неславянското двуезичие)?». «Славянска филология», т. I. София, 1963, стр. 24—25.

упряжки рогатого скота') как средство запряжки в телегу или для обработки земли, вероятно, претерпело какую-то структурную эволюцию, однако его функциональная сущность сохранилась и закрепила существующие названия. На болгарской языковой территории представлены три основные названия ярма: *йарем*, *хомот* и *бойундрук*. В болгарском литературном языке имеется два стилистически равноправные названия — *ярем* и *хомот*, из которых чуть заметное предпочтение отдается названию *ярем*¹.

1. Название *йарём*, как это видно на прилагаемой карте, распространено в западной Болгарии. Оно выступает в следующих фонетических вариантах: *йарём* — в Благоевградской, Врачанской, Ихтиманской, Кюстендильской, Панагюриштенской, Радомирской, Самоковской, Софийской, Станкедимитровской околиях; *ерём* — в Белослатинской, Врачанской, Белоградчикской, Ботевградской, Видинской, Кульской, Ломской, Орховской, Пазарджикской, Плевенской, Пирдопской, Тетевенской околиях; *йърём*, *ърём* — в Плевенской околии; *йарём* — в Брезникской, Годечкой, Трынской околиях и *ерём* — в Годечкой, Трынской околиях. Распространение названия *йарём*, однако, не ограничивается современными государственными границами Болгарии, а продолжается далеко на запад в Югославии вплоть до Адриатического моря. Название *йарём* известно и другим славянским языкам: русск. *ярмо*, словен. *jaȓem*, серб.-хорв. *jaȓam*, польск. *jaȓmo*, чеш. *jařmo*. Оно было известно и древнеболгарскому языку (*гарьма*)².

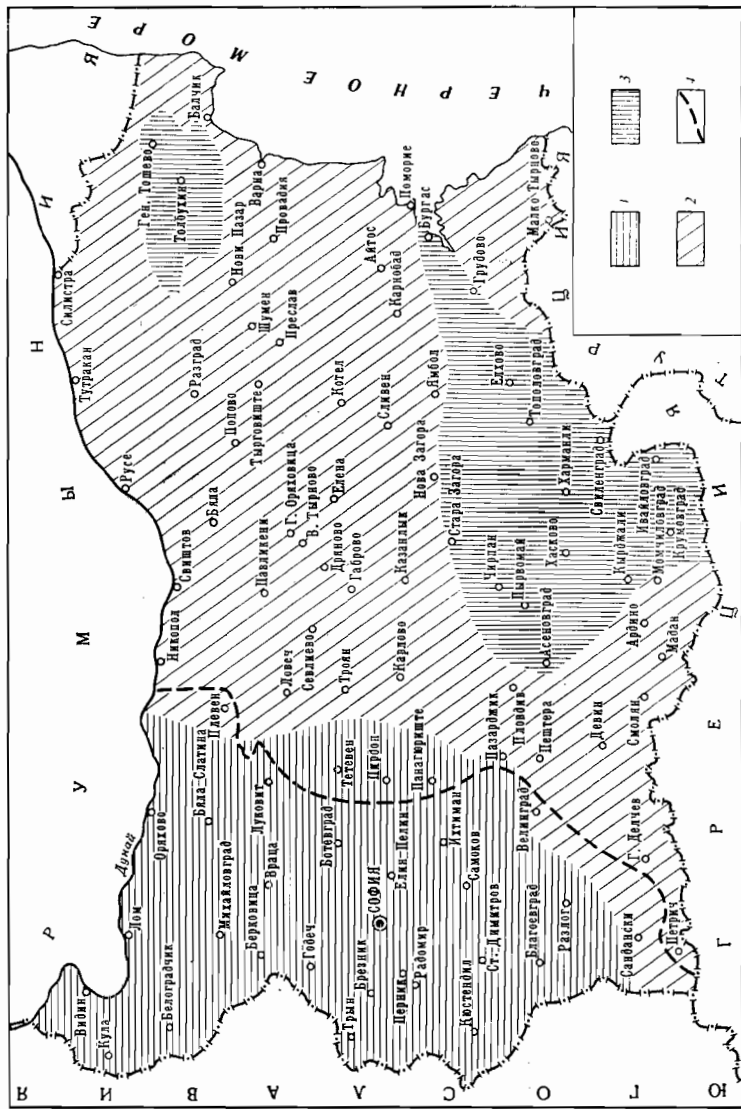
2. Название *хомот* распространено в восточной Болгарии. Оно имеет следующие фонетические разновидности: *омот* (*умот*) — в Габровской, Ловечской, Свиштовской, Русенской, Тырновской околиях; *хамот* (*хумот*) — в Новоагорской околии; *хумок'* — в Малкотырновской околии; *амот* — в Казанлыкской, Панагюриштенской, Пазарджикской, Сливенской, Ямбольской околиях; *умот* — в Свиштовской околии (навликанские села); *йумот* — в Тырновской околии; *охмот* — в Беленской околии; *химот* — в Старозагорской околии. Вариант *омок'* этого названия известен говорам крайнего юго-запада Болгарии — в Санданской и Петричской околиях.

Нужно отметить, что название *хомот* известно уже древнеболгарскому языку (*хсмжтз*). Это название встречается и в других славянских языках: русск. *хомут*, польск. *chomać*, *chomaćo*, чеш. *chomout*, в.-луж. *khomot*, н.-луж. *chomot*, словен. *homôt*³.

¹ См., например, толкования в «Български тълковен речник» (Изд. 2. София, 1963): *хомот* поясняется словом *ярем* (стр. 975), а слову *ярем* дано толкование 'деревянное приспособление для упряжки рогатого скота' (стр. 1020).

² См.: Ст. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 703—704.

³ Там же, стр. 670.

Названия ярма в болгарских говорах

- 1. барѳм
- 2. хомбт
- 3. бобунѳруѳ
- 4. граница ѳ

Название *хомот* неизвестно соседнему сербохорватскому языку, и этим болгарский язык отличается от западной части южнославянских языков. Таким образом, название *хомот* представляет собой один из болгаризмов (по отношению к сербохорватскому языку). В целом оно распространено в зоне и других болгаризмов, например, *стан, крак, аз, той* и др.⁴

3. Название *бойундрѹк* имеет две зоны распространения: одну — в юго-восточной Болгарии, а другую — в северо-восточной Болгарии. Расчленение ареала названия *бойундрѹк* обусловлено поздним расселением населения с севера на юг в начале XIX в.

Название *бойундрѹк* имеет следующие фонетические разновидности: *буйандрѹк* — в Чирпанской околии; *буйдрѹк* — в Свиленградской, Ямбольской околиях; *бундрѹк* — в Елховской, Хасковской околиях; *ибундрѹк* — в Старозагорской околии; *йубундрѹк* — в Новозагорской околии; *байндѹк* — в Старозагорской околии; *йабондрѹк* — в Новозагорской околии; *брандѹк (брѹндѹк)* — в Кырджалийской, Хасковской околиях; *брундѹк* — в Хасковской околии.

Название *бойундрѹк* — прямое заимствование тур. *boyundruk*⁵. Необходимо подчеркнуть, что название *бойундрѹк* распространено в зоне, в которой сосредоточены и другие названия частей телеги, заимствованные из турецкого языка. Таковы, например, *йузѣк* (литер. *стѹрчишка*), *кѹрлѹнгѣчки* (литер. *лисици*), *йастѣк* ('стол на волска кола')⁶.

Географическое распространение названий ярма позволяет сделать некоторые интересные выводы.

1. На территории болгарского языка представлены два основных названия: *йарѣм* и *хомѣт*. Третье название — *бойундрѹк* распространено в ареале названия *хомѣт*, оно сравнительно новое и позднее. Во всяком случае в болгарском языке оно утвердилось после XIV в. Для характеристики более ранних взаимоотношений между основными названиями *йарѣм* и *хомѣт* название *бойундрѹк*, следовательно, не имеет существенного значения. Установление точной хронологии этого названия позволяет исключить его и не учитывать при характеристике реконструкционной схемы отношения *йарѣм/хомѣт*. Таким образом, на болгарской территории очерчиваются две зоны, устанавливается соотношение двучленности (двуделения) в обозначении очень старинного предмета из быта болгарских славян. В лингвистической географии принимается, что двучленные противопоставления

⁴ Обэтих и других болгаризмах см.: Ст. Стойков. Основното диалектно деление на български език. «Славянска филология». Т. III. «Доклади, съобщения и статии по езиковедие». София, 1963, стр. 112.

⁵ См.: «Български етимологичен речник», св. 1. София, 1962, стр. 71.

⁶ Точное распространение этих названий см.: «Български диалектен атлас», т. I. София, 1964, карты 260, 261, 262.

имеют древний характер ⁷. Тот факт, что оба названия — *йарём* и *хомёт* — известны другим славянским языкам и зафиксированы в древнеболгарском языке, служит явным указанием на их древность.

2. Существующая граница между названиями *йарём* и *хомёт*, как это хорошо видно на карте, достаточно близко подходит к ятевой границе и в большой мере входит в установленный Ст. Стойковым пояс, имеющий целый пучок изоглосс с одинаковым направлением, особенно в районе Никопол—Пазарджик: *йа, йас||ас, он||той, жéжък||горéшт, четém||четь, четémе||четém, пийáni||пиéни, чáши||чéши*, и др.⁸

3. Название *йарём* тесно связывает болгарский язык с сербохорватским, а также с карпатским языковым ареалом ⁹. Название же *хомёт* связывает восточную половину болгарского языкового ареала с западными и восточными славянскими языками.

4. Граница между названиями *йарём* и *хомёт* в своей северной части совпадает с границей старинного обычая — запрягания умиряющего мужчины в ярмо ¹⁰. Вообще, как хорошо показывают некоторые новейшие этнографические исследования ¹¹, в своей северной части ятевая граница (в данном случае и граница названий *йарём/хомёт*) — это не только диалектная, но и этнографическая граница.

5. На основе многочисленных языковых, а в последнее время и на основе этнографических данных, все больше утверждается мнение, что ятевая граница — не просто диалектная граница, а линия, около которой и в одном направлении с которой проходит целый ряд других языковых явлений самого различного характера. Это свидетельствует, с одной стороны, о древнем характере ятевой границы, а с другой стороны, о создании сравнительно широкого пограничного пояса (полосы), современная конфигурация которого складывалась, может быть, в течение веков. Некоторые (особенно лексические) различия недвусмысленно свидетельствуют об их несомненной древности, так как нельзя указать языковые и внеязыковые факторы, которые могли бы их вызвать в более позднее время. Разумеется, исследование языко-

⁷ См., например: И. А. Дзедзелевский. Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт. — ВЯ, 1963, № 4, стр. 100.

⁸ Первая форма или слово распространены в западной Болгарии, а вторая — в восточной Болгарии (см. карты, приложенные к статье); Ст. Стойков. Основното диалектно деление на български език, стр. 105—114.

⁹ См.: «Карпатский диалектологический атлас». М., 1967, карта № 209.

¹⁰ См.: П. А. Петров. Към въпроса за наказателното запрягане у българите и у съседни тям народи. — «Изв. на Етнографския институт и музей», кн. III, 1958, стр. 187.

¹¹ См.: Ст. Генчев. Към проучването на различията между обичаите при погребение от двете страни на ятовата говорна граница в Северна България. «Изв. на Етнографския институт и музей», кн. XI, 1968, стр. 169—198, особенно стр. 179.

вых и этнографических явлений около ятевой границы должно быть продолжено. Особенно важно исследовать такие явления, для которых могла бы быть установлена точная хронология. Это дало бы возможность установить как хронологическую последовательность и континуум явлений, так и их причинную зависимость.

6. Географическое распространение и сама сущность названий *йарём* и *хомёт* указывают на старинное деление, которое ведет нас, может быть, к древнейшему диалектному делению болгарского языка ¹².

Перевел с болгарского

Г. К. Венедиктов

■

Чередование согласных основы при образовании сравнительной степени прилагательных в юго-западных украинских говорах

Т. В. Попова

Процессы словообразования и словоизменения в славянских языках сопровождаются обычно морфонологическими чередованиями фонем ¹ (или неавтоматическими альтернативами), специфическими как для каждого языка, так и для отдельных грамматических категорий. Наличие чередования фонем имеет место лишь в тех языках, в которых морфы одной и той же морфемы, нахо-

---

¹² В этнографическо-диалектологическом исследовании Хр. Вакарельского указаны народные названия почти всех частей телеги, в которую запрягаются волю, но, к сожалению, в нем пропущены названия ярма. См.: Хр. Вакарелски. Няколко културни и езикови граници в България (Принос към фолклорния атлас на българите). «Изв. на Българското географско дружество», кн. II, 1934, стр. 58—98. — Эти названия не собираются и по программе «Болгарского диалектологического атласа». Названия ярма остались, таким образом, вне поля зрения диалектологов. Материалы для этой статьи собирались лично мною в течение многих лет непосредственно в селах, а также посредством широко разосланной анкеты. Это позволило составить приложенную здесь карту распространения названий ярма. Пользуясь случаем, выражаю сердечную благодарность лицам, оказавшим мне помощь в работе с анкетой: Ив. Умленскому, Ст. Генчеву, Н. Колеву, Т. Томову и др.

¹ Ср.: «... чередование фонем в определенной морфеме называется морфонологическим чередованием» (см.: С. Б. Бернштейн. Введение в славянскую морфонологию. — ВЯ, 1968, № 4, стр. 49).

дьясь в отношении дополнительной дистрибуции, оказываются фонологически нетождественными. Для того чтобы установить чередование фонем, релевантное для структуры данной морфемы, необходимо начать с процедуры отождествления морфемы. Эта проблема является очень важной; в основе ее лежит факт отсутствия полного изоморфизма между планами выражения и содержания, что проявляется в асимметричной двусторонности знака². Одним из многообразных выражений этой асимметричности и является наличие звуковых вариантов (или морфов), реализующих одну морфему. Процедура отождествления свидетельствует о том, что те дистинктивные признаки фонем, которые релевантны на уровне фонологии, устраниаются, становятся, в сущности, избыточными на уровне морфологии. Морфонологическое чередование фонем одной морфемы говорит о несущественности для понимания единства морфемы тех различий, которые имеют место между фонемами — членами данного чередования.

В том случае, когда морфы одной и той же морфемы реализуются разными фонологическими последовательностями, появляется необходимость в такой дисциплине, как морфонология, которая изучает фонемы и их признаки, служащие средствами формального различения морфов одной морфемы; вместе с тем определяются границы тех различий между фонемами, которые не разрушают единства морфемы и не препятствуют процедуре отождествления морфем. Морфонологическое чередование указывает на способность фонем проникать в более высокий, морфологический, уровень языка³.

Чередование фонем в морфах одной морфемы носит более или менее регулярный характер и охватывает целые звенья морфологической системы. Выявление функции чередующихся фонем по отношению к морфеме и определение разных способов организации этих единиц (как в синтагматическом, так и в парадигматическом планах), а именно: построение словоизменительных и словообразовательных моделей чередования, цементирующих морфемы определенных грамматических категорий, — является важнейшей задачей морфонологии.

Для того чтобы определить границы подвижности фонологической структуры морфемы и те модели звуковых чередований,

² Впервые на это обратил внимание С. Карцевский в своей работе 1929 г. о дуализме знака (см. об этом подробнее: В. С к а л и ч к а. Асимметричный дуализм языковых единиц. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 121 и сл.).

³ Ср.: «Фонологическая структура каждого морфа потому и становится предметом специальных исследований, что его фонологический облик и те морфологические роли, которые этот морф выполняет, оказываются в известной мере взаимообусловленными» (см.: Э. А. М а к а е в, Е. С. К у б р я к о в а. О статусе морфонологии и единицах ее описания. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 110).

с помощью которых устанавливается тождество морфемы, важно выявить все классы фонем, регулярно замещающих друг друга в пределах одной и той же морфемы.

Хотя изучение морфонологических чередований ограничено рамками морфемы, нельзя не учитывать того, что морфы одной морфемы определяют выбор модели чередования только через свое существование в составе слова⁴. Следовательно, морфонологические чередования важно трактовать с позиций грамматических категорий и типов основ, а не с позиций конкретных словоформ и морфем. Морфонологический анализ не ограничивается простым каталогом фонологических альтернантов морфем, а определяет прежде всего грамматические функции дистинктивных признаков фонем, оформляющих морфему. В связи с этим морфонологическое чередование можно рассматривать как модель, тесно связанную с грамматической структурой языка. Для славянских языков наиболее характерными являются чередования фонем в корневой морфеме и прежде всего в исходе этой морфемы⁵. Хотя чередование фонем отмечается в рамках одной морфемы, вызывается оно сочетаемостью данной морфемы (например, корневой) с другой морфемой (например, суффиксальной или флективной), т. е. определенной позицией морфемы (или морфопозицией, по терминологии М. В. Панова)⁶. Поэтому морфонологические процессы имеют как бы регрессивный характер. В то же время члены данного чередования всегда сигнализируют о следующем за ними аффиксе. В этом смысле чередующиеся фонемы с морфологической точки зрения характеризуют не столько ту морфему, в рамках которой данное чередование имеет место, сколько следующий за ней аффикс, а тем самым и всю словоформу. Выбор чередующихся фонем определен, таким образом, морфологически, а именно: словоизменительными и словообразовательными правилами конкретного языка, что и обуславливает предсказуемость морфонологических моделей. В свою очередь наличие чередования свидетельствует об определенном грамматическом различии, которое характеризует две (или более)

---

⁴ Слово (на словоизменительном уровне) понимается как совокупность словоформ, относящихся к определенной грамматической категории. Слово (на словообразовательном уровне) понимается как единство производящих и производных основ, входящих в конкретные словоформы.

⁵ С. Б. Бернштейн. Введение в славянскую морфонологию, стр. 58—59; ср. также высказывание Н. В. Крушевского: «Наиболее богата вариация конечных звуков корня, менее богата вариация его средних звуков, вариация же его начальных звуков ничтожна» (см.: Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 71. Цит. по кн.: Ф. М. Березин. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX—начало XX в.). М., 1968, стр. 197—198).

⁶ М. В. Панов. О грамматической форме. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемина», т. XXIII, вып. 6. М., 1959, стр. 21 и сл.

словоформы, хотя основными показателями грамматических различий служат флексии и аффиксы.

Изучение морфонологических чередований имеет несомненное значение для выводов типологического характера. Важно не только установить полный инвентарь чередований, характеризующих ту или иную языковую систему (например, чередование заднеязычных с шипящими, заднеязычных с зубными свистящими и т. п.), но и дать анализ того функционального содержания, которое наполняет данное чередование (например, чередование [к] : [ч] в *суж* : *сучок*, [к] : [ч] в *пеку* : *печёшь*, [к] : [ч] в *великий* : *величина*). Существенно установление этих чередований и с точки зрения каталога диалектных различий какого-либо языка.

В качестве примера морфонологического диалектного различия рассмотрим чередование конечных согласных основы при образовании сравнительной степени прилагательных в некоторых современных юго-западных украинских говорах⁷. В этом случае основу диалектного различия составляет разная по говорам фонологическая реализация ступеней чередования, одинаковых с точки зрения их функциональной значимости.

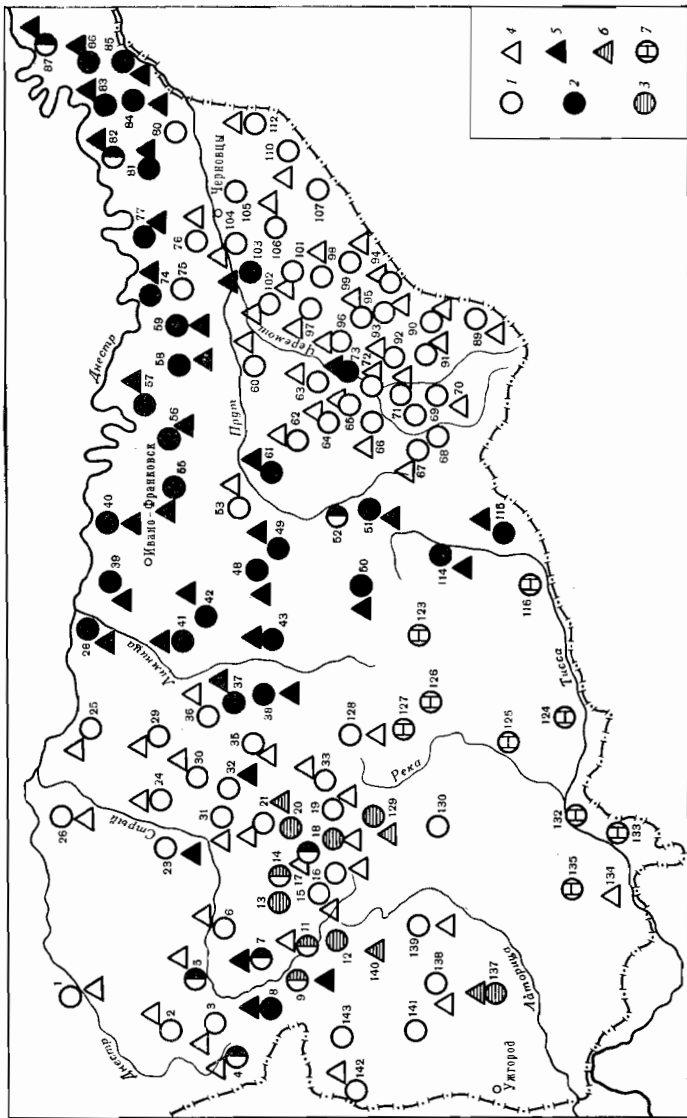
Образование сравнительной степени прилагательных характеризуется целым рядом правил построения словоформ, в частности правилами чередования конечного согласного основы.

Степень сравнения прилагательных в украинском литературном языке образуется путем присоединения к основе суффикса *-ш-* или *-иш-*, например: *дешевий* — *дешевіший*, *молодий* — *молодший*, *короткий* — *коротіший*, *веселий* — *веселіший*, *здоровий* — *здоровіший* и *здоровіший* и т. д. При присоединении суффикса сравнительной степени *-ш-* к основам прилагательных с конечными *з, с, г* происходит чередование в конце основы, например: *низкий* — *нижчий* (*низ-ш-ий* > *нижчий*), *вузький* — *вужчий*, *високий* — *вищий*, *дорогий* — *дорожчий*⁸.

Характер конечного согласного основы в формах сравнительной степени от прилагательных *низкий*, *вузький*, *високий*, *дорогий* не одинаков по говорам украинского языка. В юго-западных украинских говорах для каждого типа основ (на [з], на [с], на [г]) зафиксировано по три модели морфонологического чередования:

⁷ Материал был собран по программе «Карпатского диалектологического атласа», вопрос № 516 (см. С. Б. Бернштейн, В. М. Илич-Свитыч и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967 (271 стр. + 212 карт — ротапринт). Нами рассматриваются здесь только основы на [з], [с], [г].

⁸ Принимаем следующее морфологическое членение данных слов в синхронном плане: *низкий* — *низ-ък-ий*, *нижчий* — *нижч-ий*, *дорогий* — *дорог-ий*, *дорожчий* — *дорожч-ий*.

Модели чередования конечных согласных основы прилагательных при образовании форм сравнительной степени

1. [э] : [ш]; [с] : [ш]
2. [э] : [шч]; [с] : [шч]
3. [э] : [ж]
4. [F] : [ш]
5. [F] : [шч]
6. [r] : [ж]
7. Чередование отсутствует (сравнительная степень образуется аналитически: май *нижьдй*, май *эссьдмд*, май *доросьдй*)

1. [з]:[п̄'] (или [з]:[п̄]), ср. *вѹз'к'эй: вѹп̄'эй, нѣз'к'эй: нѣп̄'эй*; [з]:[ж], ср. *вузк'ѹй||вуск'ѹй: вѹжий*; [з]:[шч]⁹, ср. *нискѣй: нйшчий*¹⁰.

2. [с]:[п̄'] (или [с]:[п̄]), ср. *вѣсок'эй: вѣп̄'эй*; ([с]:[ж], примеров нет.); [с]:[шч], ср. *високѣй: вишчий*.

3. [г]:[п̄'] (или [г]:[п̄]), ср. *дорогѣй: дороб̄'эй*; [г]:[ж], ср. *дорогий: доробжий*; [г]:[шч], ср. *дорогѣй: дорбшчий*.

Основное различие между ступенями чередования в первых двух группах идет по признакам 'диффузности (для [з, с]): компактности (для [п̄⁽¹⁾], ж, шч)'; в третьей группе — по признакам 'низкая тональность (для [г]): высокая тональность (для [п̄⁽¹⁾], ж, шч)'. Это свидетельствует о том, что фонологическое различие между морфами (реализующими основы прилагательных в положительной и сравнительной степенях), которое осуществляется по признакам 'диффузности: компактности' (для основ на [з, с]) и 'низкой тональности: высокой тональности' (для основ на [г]), несущественно на уровне морфологии: тождество корневой морфемы прилагательных не разрушается, если различия в плане выражения не выходят за рамки указанных дифференциальных признаков.

Вторая степень чередования, реализованная фонемами [п̄⁽²⁾], ж, шч], варьирует по говорам, кроме того, признаки 'звонкости ([ж]): глухости ([ш, шч])', 'резкости ([шч]): нерезкости ([п̄⁽²⁾], ж)'⁹ и 'долготы ([п̄⁽²⁾], шч): краткости ([ж])'.

Модели чередования конечных [з, с, г] основы прилагательных при образовании форм сравнительной степени дают четкие изоглоссы на территории современных западноукраинских говоров (см. карту).

⁹ Двухфонемное сочетание [шч] на морфонологическом уровне интерпретируется как целостная единица, реализующая одну из ступеней чередования.

¹⁰ Иллюстративный материал взят из населенных пунктов № 105, 129, 131, 137.

Новая первая палатализация в болгарском языке

(Изменение согласных [к'], [г'] в [ч'], [ц']
в разложном говоре)

Ст. Стойков

1. Характерной особенностью праславянского консонантизма является изменение заднеязычных согласных фонем [к], [г], [х] в переднеязычные согласные фонемы [ч], [ж], [ш], обозначаемое обыкновенно термином «первая палатализация»¹. Это изменение, результат ассимиляционного воздействия передних гласных [и] и [е], привело к изменению в дистрибуции согласных фонем [к], [г], которые перестали употребляться перед передними гласными, т. е. эта позиция стала для них запретной.

Позже в историческом развитии отдельных славянских языков, в связи с лексическими заимствованиями из других языков и внутренними изменениями в их фонологических системах, согласные фонемы [к], [г], [х] снова появляются в положении перед передней гласной².

В болгарском языке, как и в некоторых других славянских языках, появляются и новые палатальные согласные [к'], [г'], [х']³. В древнеболгарском языке они очень ограничены по фреквенции и дистрибуции и встречаются перед передними гласными [и], [е] только в заимствованиях из греческого языка; они обозначаются буквами *к̄*, *г̄*, *х̄*: *кита* (греч. *κῆτος*), *феона* (греч. *φῆοννα*), *херокима* (греч. *χερουβίμα*) и др.⁴ В среднеболгарском и главным образом в новоболгарском языке фреквенция и дистрибуция согласных фонем [к'], [г'], [х'] значительно увеличивается, и они встречаются уже не только перед передними гласными [и] и [е], но и перед задними гласными [а], [о] и [у]⁵. Существуют две причины этих изменений:

¹ См.: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 168; ср. стр. 169; К. Ногáлек. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1962, str. 102.

² См.: С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 275.

³ Ср., например: Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах. М., 1968, стр. 136.

⁴ См.: А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. Перевод с французского. М., 1952, стр. 73.

⁵ В болгарском литературном языке и в болгарских говорах согласные [к'] и [г'] являются фонемами, а согласная [х'] — позиционным вариантом согласной фонемы [х] (см.: St. Stojkov. Fonologická hodnota souhlá-

а) переход средней гласной фонемы [ы] в переднюю гласную фонему [и]: *киселз* > *кисел* [к'исел], *гынж* > *гина* [г'инъ], *хытърз* > *хитър* [х'итър], *сѣнкы* > *сенки* [сѣнк'и], *тѣгы* > *тѣги* [тѣг'и], *лѣхы* > *лехи* [лех'и] и др.⁶

б) проникновение значительного числа лексических заимствований из других языков, прежде всего из турецкого: *кесия* [к'есийа] (тур. *kese*), *керемида* [к'еремида] (н.-греч. *κεραμιδι*), *келнер* [к'елнер] (нем. *Kellner*), *гердан* [г'ердан] (тур. *gerdan*), *геран* [г'еран] (н.-греч. *γέρανι*), *гега* [г'эга] (алб. *gjegë*), *генерал* [г'енерал] (рус. *генерал*), *хем* [х'ем] (тур. *hem*), *кибрит* [к'ибрит] (тур. *kibrit*), *гипс* [г'ипс] (рус. *гипс*), *хич* [х'ич] (тур. *hiç*), *кяр* [к'ар] (тур. *kâr*), *гьол* [г'ол] (тур. *göl*), *гьон* [г'он] (тур. *gön*), *кюп* [к'уп] (тур. *küp*), *гювеч* [г'увеч] (тур. *güveç*) и др.

2. В диалектологических исследованиях последних лет было установлено, что в большей части сел разложского говора⁷ среднеязычные палатальные согласные [к'], [г'], [х'] переходят в переднеязычные палатальные согласные [ч'], [ц'], [ш'], т. е. снова происходит праславянская «первая палатализация». Сначала это явление было открыто как изменение согласных [к'], [х'] в [ч'], [ш'] только в конце слова, т. е. как ограниченная прогрессивная ассимиляция в речи молодого поколения в говоре города Банско⁸. Но позже был установлен переход согласных [к'], [г'] в [ч'], [ц'] во всех позициях, т. е. как неограниченное спонтанное явление, и именно в речи молодого поколения, в большинстве сел разложского говора, как например, Бачево, Добырско, Белица, Якоруда и др.

3. Переход [к'], [г'] в [ч'], [ц'], как указывалось выше, распространился на все позиции.

3.1. В начале и середине слова он встречается и у обоих согласных [к'], [г'], которые представлены в этой позиции как перед передними гласными [и] и [е], так и перед задними гласными [а], [о] и [у]⁹:

а) перед передней гласной [и]: *ч'ибрит* 'кибрит', *ч'исел* 'кисел', *гърч'ина* 'гъркия', *рач'ина* 'ракия', *бдл'чи* 'болки', *чуш'чи* 'чушки', *йунаш'чи* 'юнашки' и др.; *п'ине* 'гине', *п'идаф* 'гиздав', *мап'и* 'магия', *дц'ин* 'огън' (<огин), *книц'и* 'книги', *друц'и* 'други' и др.;

sek 3, ѱ a ch' ve spisovné bulharštině. «Slavica pragensia», IV, 1962, str. 107—110).

⁶ См.: С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 276.

⁷ Об этом говоре см.: Н. Алексиев. Разложкий говор. «Македонски преглед», год. VI, 1931, кн. 3, стр. 91—124.

⁸ См.: Ст. Стойков. Един особен случай на палатализация в български език (преглас на съгласните к', х' в ч', ш' в говора на гр. Банско). «Изв. на Ин-та за български език», кн. VIII, 1962, стр. 243—245.

⁹ В этом говоре, как и во многих других говорах и в болгарском литературном языке, палатальные согласные [к'], [г'], [х'] перед среднеязычной гласной [ѳ] не наблюдаются.

б) перед передней гласной [е]: *ч'е* 'ше' (<к'е), *ч'елаф* 'келав', *веч'е* 'вече' (<век'е), *касч'е* 'каскет' и др.; *ц'ем* 'юзда' (<г'ем), *ц'еч'късно* ('г'сч), *ерц'ен* 'ерген', *калѹд'ер* 'калугер', *разц'еле* 'случайно' (<разг'еле) и др.;

в) перед задней гласной [а]: *ч'ар* 'печалба' (<к'ар), *мѹч'а* 'майка' (<мак'а), *сѣнч'а* 'сянка' (<сѣнк'а), *днѣич'а* 'днес' (<днеск'а), *брѹч'а* 'братя' (<брак'а <брат'а), *дуч'ѹн* 'магазин' (<д'ук'ан) и др.; *ц'ѹл* 'дявол' (<г'авул), *рац'ѹ* 'рѣжда' (<рѣг'а), *тезц'ѹф* 'тезгяв' и др.;

г) перед задней гласной [о]: *ч'ѹраф* 'сляц' (<к'ѹраф), *ч'ѹс* 'кос' (<к'ѹс), и др.; *ц'ол'гьол*, *ц'он* 'гьон', *ачид'ѹс* 'отворен, общителен' (<ачигьоз) и др.;

д) перед задней гласной [у]: *ч'ѹп* 'кюп', *ч'ѹфтѣ* 'кюфте', *ч'ѹч'ѹн* 'гютюп' (<к'ѹк'ѹн), *тѣч'ѹ* 'татко' (<тек'ѹ), *ѹч'ѹ* 'вуйчо' (<ук'ѹ) и др.; *ц'ѹбре* 'тор' (<г'ѹбре), *ц'ѹл* 'роза' (<г'ѹл), *ц'ѹла* 'дюля' (<г'ѹла), *ц'ѹм* 'гюм' и др.

3.2. В конце слова чередуется только согласная [к'], потому что в качестве глухой согласной только она представлена в этой позиции: *Бужѹч* 'Буледа' (<Бужик'), *гѹспѹч* 'господ' (<госпѹк'), *егрѣч* 'егрек' (<егрек'), *зѣч* 'зет' (<зек'), *пач* 'шт' (<пак'), *кумѹч* 'комат' (<кумак'), *скѹкуч* 'гьдел' (<скокуч'), *спанѹч* 'спанак' (<спанак'), *трѹскуч* 'троскот' (<троскуч') и др.

4. Нужно отметить, что в говорах сел Бачево, Добырско, Белица, Якоруда и др. нет случаев изменения [х'] в [ш'], потому что в этих говорах не встречается согласная [х'] перед гласной: *дрѣи* 'дрехи', *мѹштеи* 'машехи', *мѹи* 'мухи', *снѹи* 'снахи', *глѹи* 'глухи' и др.

Однако в говоре села Бачево согласная [х] после передних гласных [ѣ], [е] и [и] палатализировалась в конце слова в результате прогрессивной ассимиляции и перешла в позиционный вариант [х']: *мѣх* 'мех', *урѣх* 'орех', *них* 'тях' (<них), окончание имперфекта *-ех* (*бѣх* 'бях', *видѣх* 'видях', *вѣрвѣх*, *плетѣх*, *дѣх*, *нѹсех* и др.), окончание аориста *-их* (*будѣх*, *купѣх*, *удѣх*, *турѣх* и др.), и пр. В прошлом подобное изменение согласной произошло и в говоре города Банско, но там в последнее время согласная [х'] модифицировалась в согласную [ш']: *ниш* 'тях' (<них), *гѹтѹиш* 'готвих' (<гѹтѹих) и пр.¹⁰

5. Изменение [к'], [г'] в [ч'], [ѹ] привело к существенному переустройству консонантной системы говора. От нее отпал среднеязычный взрывной (эксплозивный) ряд [к'], [г'] и появился новый переднеязычный взрывно-щелевой (аффрикативный) палатальный ряд [ч'], [ѹ']:

¹⁰ См.: Ст. Стойков. Един особен случай на палатализация в български език, стр. 243.

Это изменение в фонемной системе имеет важные морфонологические результаты, потому что такие чередования как [к] ~ [к'], [г] ~ [г'], [к'] ~ [т], [к'] ~ [г] ~ [г'] заменяются новыми чередованиями [к] ~ [ч'], [г] ~ [ц'], [ч'] ~ [т], [к] ~ [г] ~ [ц'] : *кѳтка* — *кѳтк'у* > *кѳтка* — *кѳтч'у*, *висѳк* — *висѳк'у* > *висѳк* — *висѳч'у*, *сѳк'у* — *сѳка* > *сѳч'у* — *сѳка*, *тѳга* 'тояга' — *тѳг'у* > *тѳга* — *тѳц'у*, *пѳк'пѳг'* — *пѳтеве* > *пѳч'* — *пѳтеве*, *трѳк'у* — *трѳта* > *трѳч'у* — *трѳта*, *дрѳк* — *дрѳга* — *дрѳг'у* > *дрѳк* — *дрѳга* — *дрѳц'у* и пр.

6. Переход [к'], [г'] в [ч'], [ц'] — новое явление, появившееся в течение последних десятилетий. Это устанавливается на основании того факта, что указанные изменения встречаются только в речи молодого поколения. Это явление подтверждается и исследованием Н. Алексиева «Разложкият говор», опубликованным в 1931 г., но отражающим состояние говора до 1915 г.¹¹, а также и фольклорными материалами, отражающими более раннее состояние говора. Во всех этих материалах встречаются только случаи с согласными [к'], [г'] : *мѳлки*, *трѳки*, *блѳги*, *брѳкя*, *сѳкя*, *тѳкю*, *гяца*, *рѳгя*, *губѳжѳю*, *зѳкь*, *пѳкь*, *гѳспукь*, *прѳсукь* и др.¹²

7. В связи с происходящим в настоящее время изменением [к'], [г'] > [ч'], [ц'], в говоре всех этих сел регулярно встречаются дублетные формы с согласными [к']/[ч'] и [г']/[ц] : *к'ѳч'ѳе*, *вѳк'ѳвѳч'ѳе*, *мѳк'ѳмѳч'ѳа*, *к'ѳсел'ѳч'ѳсел*, *ч'ѳшк'ѳч'ѳшч'ѳи*, *зѳк'ѳзѳч'ѳ*, *г'ѳувѳч'ѳувѳч'ѳ*, *ѳнг'ѳѳѳч'ѳѳѳѳѳ*, *ѳг'ѳин'ѳѳч'ѳин* и др. Первая из этих форм присуща традиционному говору, носителями которого являются лица старше 35—40 лет, а вторая — носителям говора моложе 40 лет.

В данном случае, как и вообще при других фонетических явлениях, которые находятся в процессе становления¹³, носители говора не замечают различий в фонетическом составе слов и форм с согласными [к'] или [ч'] и [г'] или [ц'] — для них [к'] и [ч'], [г'] и [ц'] звучат одинаково. И когда произносится какое-либо новое, неизвестное для них слово, например, *кѳфѳал*, *кики-мѳра*, *гѳйзѳр*, *гѳлза* и др., старшие его слышат как *к'ѳѳѳл*, *к'ѳи-к'ѳимѳра*, *г'ѳйзѳр*, *г'ѳлза*, а младшие слышат как *ч'ѳѳѳл*, *ч'ѳич'ѳимѳра*, *ц'ѳйзѳр*, *ц'ѳлза*. Однако посторонние лица сразу определяют различия в произношении особых согласных [ч'], [ц'].

Следовательно, в говоре сел Бачево, Добырско, Белица, Якоруда и др. имеются согласные фонемы [к'/ч'] и [г'/ц'], которые

¹¹ Ср.: «Македонски преглед», год. VI, 1931, кн. 3, стр. 91.

¹² См. например: «Сборник за народни умотворения», кн. III, 1890, стр. 61—64, 85—94; кн. V, 1891, стр. 83—88; кн. VII, 1892, стр. 108—117; кн. VIII, 1892, стр. 37—40, 53—64; «Народни песни от Югозападна България» — «Ширински край», т. I, 1967 и др.

¹³ См.: Ст. Стойков. Фонетические изменения в языке. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения Академии Наук СССР», кн. 25, 1958, стр. 55—61; «Фонетичните промени в езика». — «Език и литература», XIV, 1959, кн. 1, стр. 4—8.

в речи носителей старшего поколения реализуются как взрывные согласные [к'], [г'], а в речи молодежи — как взрывно-щелевые согласные [ч'], [ц']. Артикуляционно-слуховые различия между согласными [к'], [г'] и [ч'], [ц'] не очень велики, но вполне достаточны для того, чтобы выделить их в два самостоятельных ряда звуков. Не велики и артикуляционно-слуховые различия между согласными [ч'], [ц'] и [ч], [ц], но их дифференциальный признак «мягкость/твердость» достаточен для того, чтобы их обособить как отдельные фонемы и противопоставить одни другим, ср. *ч'е* 'ще' (частица будущего времени) и *че* 'че' (союз что), *бач'ийа* 'неуредена сметка' (неурегулированный счет) и *бачйа* 'кошара за овце извън селото' (овчарня за селом) и др.

8. Палатальные согласные [ч'], [ц'] должны рассматриваться как промежуточный этап единого более общего процесса, при котором согласные [к'], [г'] переходят в согласные [ч], [ц]. В говоре наблюдаются отдельные случаи колебания в употреблении согласных [ч'] и [ч], [ц'] и [ц], т. е. слова с первичными твердыми согласными [ч] и [ц] произносятся с соответствующими мягкими согласными и, наоборот, слова с первичными мягкими согласными [ч'] и [ц'] произносятся с соответствующими твердыми, например, *ч'е* 'че', *ц'уц'е* 'джудже', *ч'ирак* 'чирак', *ц'ибри* 'джибри', *ч'дфка* 'човка' и др.; *ч'исел* 'кисел' (< *ч'исел*), *ц'ине* 'гине' (< *ц'ине*), *бр'ача* 'братья' (< *брач'а*), *ц'ол* 'гьол' (*ц'ол*) и др. Следовательно, общий путь фонетического изменения такой: [к'] > [ч'] > [ч], [г'] > [ц'] > [ц]. Если рассматривать это явление в более широком историческом аспекте, то можно добавить к этому ряду еще один член — твердую взрывную согласную [к], [г] — и тогда оно в целом примет следующий вид: [к] > [к'] > [ч'] > [ч], [г] > [г'] > [ц'] > [ц].

9. Переход [к'], [г'] в [ч'], [ц'], наблюдаемый сейчас в разложском говоре, дает возможность сделать ряд выводов, которые имеют широкое теоретическое значение не только для болгарского языка, но и для славянского и даже общего языкознания.

1) Переход [к'], [г'] в [ч'], [ц'] — это новое фонетическое явление, происходящее одновременно в говорах нескольких сел одного и того же диалекта, пространственно довольно отдаленных одно от другого. Нужно отметить, что в каждом селе это явление возникло самостоятельно, имеет независимый характер и причины его возникновения внутренние, связанные с самой консонантной системой и с относительно устойчивым характером среднеязычных палатальных согласных.

2) Согласные [ч'], [ц'] — промежуточный этап процесса [к'], [г'] > [ч], [ц] и встречаются они только в переходный момент. В говоре они сохраняются до тех пор, пока существуют тесно связанные с ними согласные [к'], [г'] в речи старшего поколения. После того, как согласные [к'], [г'] полностью исчезнут из системы говора и согласные [ч'], [ц'] останутся одни, они перей-

дут в соответствующие твердые согласные [ч], [ц], поскольку различие их дифференциальных признаков незначительно.

3) Переход [к'], [г'] в [ч'], [ц'] показывает, что и на современном этапе своего существования, когда в целом он является исчезающей, отмирающей категорией, вытесняемой из литературного языка, отдельные территориальные говоры продолжают развиваться по своим внутренним законам и в них могут появляться особенности, которые их значительно отдалают от литературного языка.

4) Переход [к'], [г'] в [ч'], [ц'] показывает, что в развитии языка может иметь место повторение процессов, происходивших в далеком прошлом, что фонетические изменения не всегда происходят прямолинейно и в одном направлении, а имеют достаточно сложный и разнообразный путь осуществления. Кроме того, направления фонетических изменений ограничены, с одной стороны, характером фонем и их местом в системе, а с другой стороны, — артикуляционными возможностями речевого аппарата.

5) Изучение явления перехода [к'], [г'] в [ч'], [ц'] в процессе его установления дает представление о ходе аналогичных изменений, происшедших в далеком прошлом. Этот переход осуществляется не путем медленного, постепенного и незаметного превращения из одной согласной в другую с наличием множества переходных (промежуточных) этапов, но до некоторой степени скачкообразно, путем прямой замены одной согласной другую, так что в общем процессе имеется небольшое число отдельных промежуточных согласных. Что касается изменения [к], [г] в [ч], [ц], то оно проходит только два промежуточных этапа — согласные [к'] и [ч'], [г'] и [ц], а не ряд промежуточных этапов, например, [к] > [к'] > [к'х'] > [т'х'] > [т'ш'] > [ч'] > [ч], как предполагает А. Лескин или [к] > [к̄'] > [к^h'] > [ħ'] > [ч'] > [ч], что допускается С. Б. Бернштейном, который исходит из утверждения А. А. Шахматова, что изменение шло [к] > [к'] > [к'ħ'] > [ч'] > [ч]¹⁴.

6) Переход [к'], [г'] в [ч'], [ц'] показывает, что фонетические изменения в языке протекают сравнительно быстро и что такое явление как первая палатализация может осуществиться за одно-два поколения, т. е. за время, значительно меньшее, чем один век.

Перевела с болгарского

М. В. Никулина

¹⁴ См.: С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 169.

Из блокнота диалектолога I. Странджанский предикатив *нѣма*

Н. И. Толстой

Проф. С. Б. Бернштейн вместе с покойным проф. С. Стойковым был инициатором создания «Болгарского диалектологического атласа» и руководителем экспедиции по собиранию материала для I-го тома атласа (Юго-восточная Болгария). Именно Самуилу Борисовичу я и многие мои друзья и коллеги обязаны знаниями по болгарской диалектологии, навыками полевой работы, любовью к славянскому народному слову, которую он воспитывал в нас, начиная с 1948 г. с первых поездок в Бессарабию. В первую экспедицию в Болгарию летом 1956 г. наша группа¹ приехала 17 августа в приморское село Синеморец (где живут высленцы из с. Блаца, оставшегося на территории Турции) и как обычно начала свою деятельность с устройства на квартиру. Нас направили к некоему дядю Киро, доброму и словоохотливому старику. Но когда мы подошли к калитке его дома и спросили у босоногой девочки, что была во дворе: Къде е дядо Киро?, мы услышали в ответ: Д'адо Киро? Тој је нѣма! ('дядю Киро? Его нет!'). Хотя и было плохо оставаться без пристанища и ждать хозяина, мы были вознаграждены тем, что услышали до тех пор неизвестный нам диалектный предикатив (категория состояния) наличия.

Болгарской диалектной форме *Тој је нѣма* соответствует русск. литер. *его нет* и болг. литер. *няма го*, серб. литер. *нема га* и т. п. Опираясь на мнение А. М. Пешковского о том, что русские слова типа *есть*, *нет* «не собственно глагольные и не присвязочные»,² проф. А. В. Исаченко предложил называть их предикативами наличия, подчеркивая, что в современном русском языке

¹ В группу входили Кирилл Костов, Димитр Кичев и автор этих строк. Автор с чувством сердечной благодарности вспоминает время совместной работы с Кириллом Костовым, большим знатоком болгарского народного языка, хорошим товарищем и другом.

² «Можно сказать, что глагольность, поскольку мы пока отвлекаемся от интонационного момента, лежит в основе сказуемости. Но, может быть, есть еще слова в языке не собственно-глаголы и не присвязочные, которые способны были бы выражать мысль? Нам известно в регулярном употреблении только три таких слова в русском языке: *есть* (в смысле «существует»), *нет* (в смысле 'не существует') и *на* (в смысле 'возьми'). Первые два связаны с глаголом происхождением: это бывшие глаголы (*есть* — бывшее 3-е лицо ед. числа настоящего времени от глагола *есть*, а *нет* — сокращение из *несть*, а это последнее из *не есть*). В отношении времени и наклонения они и сейчас стоят в связи с глаголом, так как образуют как бы настоящее время изъявительного наклонения к глаголу *был — буду*» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 174).

слова *есть* и *нет*, употребляемые в данной функции, не являются глаголами³. Именно с этой точки зрения между русским *его нет* (равно как и *его жаль* и *ему пора* с опущенным глаголом связкой) и болгарским и сербским *няма го, нема га* наблюдается существенное различие. В болгарских и сербских формах *няма го, нема га* слово *няма (нема)* выступает как глагол (ср. безличн. *няма вода, нема воде*), имеющий к тому же и свою парадигму [ср. личные конструкции *нямам вода, нямаш вода, (той) няма вода. . . и немам воде, немаш воде, (он) нема воде. . .*]. Что касается странджанского *нема* в приведенном примере, то он соответствует русскому *нет* и является предикативом наличия, т. е. «неглагольным сказуемым выражением», на что явно указывает сопутствующая ему форма глагола-связки — *је: Тóј је не́ма*, дословно 'Он есть нет'.

В странджанском диалекте при этом представлена полная парадигма спряжения глагола-связки, что не дает основания видеть в рассматриваемой конструкции какой-либо «фразеологизм», заставший оборот и т. п.⁴

Ср. <i>ја сџм не́ма</i>	<i>не́ма сџм</i>	'меня нет'
<i>тиј си не́ма</i>	<i>не́ма си</i>	'тебя нет'
<i>тој је не́ма</i>	<i>не́ма је</i>	'его нет'
<i>није сме не́ма</i>	<i>не́ма сме</i>	'нас нет'
<i>вије сте не́ма</i>	<i>не́ма сте</i>	'вас нет'
<i>те са не́ма</i>	<i>не́ма са</i>	'их нет'

Рассматривая интересующие нас предикативы наличия в русском языке, А. В. Исаченко подчеркивает, что «вопрос о грамматическом характере слов типа *есть, нет* осложняется еще и тем, что они не образуют прямых форм прошедшего или будущего времени: при предикативах *есть, нет* имеются формы *был (была, было, были)*, *будет (будут)* в прошедшем и будущем, ср. *в саду были фруктовые деревья, у меня будет велосипед, в ручье не было воды*. По-видимому, мы здесь имеем дело с безличным употреблением форм глагола *быть*»⁵.

Странджанские конструкции с *нема* существенно в этом отношении отличаются от русских конструкций с *есть, нет*, имея последовательно формы прошедшего и будущего времени (последние либо с определенным модальным оттенком, либо в составе форм «сложного будущего»):

³ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. I. Морфология. Братислава, 1954, стр. 378, 379.

⁴ Г. Горов. Странджанский говор. «Българска диалектология», кн. I. София, 1962, стр. 61.

⁵ А. В. Исаченко. Грамматический строй. . . , ч. I, стр. 379. — Ср. также мнение А. М. Пешковского (см. цитату в сноске 2).

Ср.	<i>ја бѣх нѣма</i>	<i>нѣма бѣх</i>	‘меня не было’
	<i>ти бѣше нѣма</i>	<i>нѣма бѣше</i>	‘тебя не было’
	<i>тој бѣше нѣма</i>	<i>нѣма бѣше</i>	‘его не было’
	<i>није бѣхте нѣма</i>	<i>нѣма бѣхте</i>	‘нас не было’
	<i>вије бѣхте нѣма</i>	<i>нѣма бѣхте</i>	‘вас не было’
	<i>тѣ бѣха нѣма</i>	<i>нѣма бѣха</i>	‘их не было’

Личное местоимение соответственно может быть заменено существительным: *та са нѣма*, или *та са нѣма хората*, или *хората са нѣма* (Син.).

Приводим часть наших записей: *ја съм нѣма тѹка* (Син.); *ми́слех, че си нѣма тѹка* (Брод.); *де је татко ти? — тој је нѣма* (Бъл.); *к’а [-тя] је нѣма тѹка* (Син.); *ја рекѣх, че сте нѣма* (Син.)⁶; *те, кѣд’е са? — те съ нѣма!* (Кон.); *сега је работну врѣме; те са нѣма хората тѹка* (Бъл.); *ја бѣх нѣма там* (Брод.); *тој бѣше нѣма* (Бъл.); *Кумѣтът [Комитетът] бѣ нѣма, Дин’у, бѣ нѣма кумѣт* (Син.) [речь шла об Одринском восстании 1903 г.].

Отличие от русских слов типа *нет, есть* странджанского предикатива *нѣма* заключается еще в следующем: в русском языке отмеченные предикативы имеют значение не только наличия, но и посессивности (*у меня есть велосипед, у меня нет велосипеда*)⁷, а странджанское *нѣма* лишено посессивного значения. Кроме того, *нѣма* есть предикатив отрицания наличия, не имеющий пары с положительным семантическим показателем. Подобная «одночленность» характерна и для русских предикативов типа *невтерпеж, невдомѣк* и т. п., у которых нет коррелятов *втерпеж, вдо-мѣк*⁸.

Несколько сложнее обстоит вопрос с будущим временем. В этом случае *нѣма* выступает уже не как предикатив наличия, а как компонент отрицательной формы будущего времени.

Ср.	<i>нѣма да съм</i>	‘меня не будет’	<i>нѣма да сме</i>	‘нас не будет’
	<i>нѣма да си</i>	‘тебя не будет’	<i>нѣма да сте</i>	‘вас не будет’
	<i>нѣма да је</i>	‘его не будет’	<i>нѣма да са</i>	‘их не будет’

В приведенной парадигме, во-первых, порядок слов стабилен (в парадигмах презенса и имперфекта отмечались две возмож-

⁶ Следует отметить также пример с опущением глагола-связки при вторичном его употреблении, несмотря на отличие в категории лица: *вије сте здрави, а пѣк није нѣма!* (Кон.) [это было сказано нам больной старухой]. Вероятно, в этом примере, как и в некоторых случаях безличного употребления, можно видеть начало процесса утраты глагола-связки и формирования функций предикатива *нѣма*, как в русском языке. (К сожалению, нам осталась недоступной работа: А. В. Исаченко. Судьбы формы *есть*. Древнерусские этюды. Люблина, 1941).

⁷ См. монографию: H. S a f a r e w i c z o w a. *Oboczność я имею i у меня есть в języku gósyjskim dziś i dawniej*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964 (там же литература вопроса).

⁸ А. В. Исаченко. Грамматический строй. . . , ч. I, стр. 381.

ности), во-вторых, значение наличия (существования) выражается глаголом *съм* 'быть, *esse*'. На то, что это так, указывают формы отрицательного будущего, где вместо глагола *съм* ('быть, *esse*') употребляется какой-либо иной глагол.

Ср. <i>ја нѣма да напъл'н'ѣ</i>	'я не наполню'
<i>ти нѣма да напъл'ниши</i>	'ты не наполнишь'
<i>тој нѣма да напъл'ни</i>	'он не наполнит'
<i>није нѣма да напъл'ним</i>	'мы не наполним'
<i>вије нѣма да напъл'ните</i>	'вы не наполните'
<i>те нѣма да напъл'нет</i>	'они не наполнят'

Примеры из наших записей: *нѣма да ја напъл'н'ѣ* (Кон.); *нѣма да ѓмреш* (Кон.); *нѣма да може* (Кон.) 'нельзя будет'; *вије гат* [като] *сте млáди ше дојдете пак тѹка, ми* [ами] *ја нѣма да съм тѹка* (Син.) [речь шла о том, что группа через несколько лет снова приедет и встретится с дядо Киро]⁹.

В записях Горо Горова в селе Заберново (у 80-тилетнего старика Петра Горова Никова) можно найти склоняемые формы: *нѣмам, нѣмаш, нѣма...* в составе сложного отрицательного будущего: *ѳа нѣмам да ти давам, (те) нѣмат да ти дават* и т. п.¹⁰ Из этих глагольных форм, встречающихся в речи старшего поколения, произошли зафиксированные нами формы типа *нѣма да давам, нѣма да даваш* и т. п.

Употребление глагола *iměti (*imать) в роли вспомогательного при образовании будущего времени широко распространено в славянских языках и поэтому его рассмотрение и даже приведение отдельных примеров потребовало бы много места. Отметим только, что в болгарских диалектах и литературном языке отрицательная форма *няма да мога, няма да ходя* и т. п. встречается значительно чаще, чем *не ще мога, не ще ходя*¹¹. Наряду с ней возникает и «положительная» форма типа *имам да ходя*¹², ограниченная, правда, некоторыми модальными категориями (необычно *имам да мога* и т. п.). Сербское типа *имам да ти кажем, имаш да ми кажеш* не означает будущего времени, а имеет яркий оттенок долженствования, сохраняя, в общем, категорию настоящего времени ('я должен тебе сказать', 'ты должен мне

⁹ Можно отметить также соотношение форм отрицательного будущего с конструкциями модально-предикативных выражений с *тр'áба* и т. п. Например: *ја нѣма да съм тѹка* — [ja] *тр'áба да съм тѹка* и др.

¹⁰ Г. Г о р о в. Странджанският говор. ., стр. 160.

¹¹ Л. А н д р е й ч и н. Основна българска граматика. София, 1942, стр. 248.

¹² В. Г е о р г и е в. Възникване на нови сложни глаголни форми със вспомогателен глагол *имам*. «Изв. на Ин-та за български език», кн. V. София, 1957, стр. 43; И. П е н ч е в. Конструкции с глагола *имам*. «Славистичен сборник». София, 1968, стр. 173—177.

сказать' и т. п.)¹³. Того же в принципе характера и странджанское *има́т да ти да́ват* 'должны тебе дать' и т. п.¹⁴.

Грамматикализованная форма *не́ма* выступает в странджанском говоре (так же как и в ряде других болгарских говоров) в качестве компонента отрицательного опатива—императива наряду с инфинитивом без форманта *-ти*:

... *Ја носих једна бомба. Ви́ка: «Не́ма съ фр́рли бомби!»* (Брод.) 'я нес бомбу. Он кричит: «Не (нельзя) бросать бомбы!»' [из рассказа о событиях Одринского восстания 1903 г.]¹⁵.

Важно отметить еще одну любопытную странджанскую форму, которую уже нельзя трактовать как императив—опатив, а следует воспринимать как будущее с модальным оттенком долженствования:

Ср. <i>не́ма ни́је</i>	'мне не пить'	<i>не́ма ни́јем</i>	'нам не пить'
<i>не́ма ни́јеш</i>	'тебе не пить'	<i>не́ма ни́јете</i>	'вам не пить'
<i>не́ма ни́је</i>	'ему не пить'	<i>не́ма ни́јет</i>	'им не пить'

Пример из записей: *је ре́кѝх не́ма ни́је та́а одá* (Заб.) [разговор со стариком шел о том, что будут рыть новый колодец, где будет хорошая вода; старик сказал 'я думаю мне не пить эту воду', намекая на скорую смерть].

Особый интерес представляет употребление предикатива *не́ма* в составе конструкции *ше + глагол съм*, выражающей настоящее (будущее) вероятное:

<i>ше съм не́ма</i>	<i>ше сме не́ма</i>
<i>ше си не́ма</i>	<i>ше сте не́ма</i>
<i>ше је не́ма</i>	<i>ше са не́ма</i>

Для этой конструкции характерно модальное значение возможности, вероятности, или неполной уверенности¹⁶. Например: *ја*

¹³ На польском материале аналогичные наблюдения сделаны в статье Н. Swiderska-Koneczna. *Użycie czasownika mieć jako słowa posiłkowego w języku polskim*. «Prace Filologiczne», t. XV, cz. 1. Warszawa, 1930, стр. 263.

¹⁴ Г. Гор о в. Странджанский говор... стр. 160.

¹⁵ Эти формы употребляются в говоре наряду с императивами с *ми*, *мите* (из новогреч. мѝ 'не'). *Ми*, *мите* могут сочетаться с сокращенной инфинитивной формой и с формами настоящего времени: *ми хоратѝва!* (Бъл.) 'не болтай, не болтай!'; *ми ба́ра тѝка!* (Бъл.) 'не шарь здесь!'; *ми хипиш!* (Син.) 'не кусай!'; *ми́та се сме́йте д'áца!* (Брод.) 'не смейтесь, дети!'. Г. Гор о в (указ. соч., стр. 40) приводит только конструкции с инфинитивными формами. Распространение форм с *ми* см.: «Български диалектен атлас», т. I. София, 1964, карта № 273.

¹⁶ Конструкцию можно сопоставить с будущим пересказывательным литературного языка *щял съм да правя*, имеющим некоторое формальное сходство и сходство в значении. Ср. *Дошъл един . . . депутати́н ли го рече какъ. Щял да сказа́ слово* — Й. Йовков (см.: Л. Андрейчин. Основна българска граматика. . . , стр. 282—283). *Щял да сказа́ слово* не всегда следует воспринимать как 'говорят, он выступит со словом', не менее допустимо и 'вероятно, он выступит со словом' и т. п.

гат [= като] *ше нѣма съм хубава* (Кон.) [был сделан общий снимок членов группы и хозяев дома. Хозяйка сказала: «Какие вы красивые! А я...» — далее следовали слова, приведенные в примере]. Здесь *нѣма* выступает не как компонент сложной глагольной формы (как вспомогательный глагол), а как предикатив, указывающий на отсутствие состояния или качества, выраженного глаголом или прилагательным, о чем свидетельствуют случаи, когда вместо *нѣма* употребляется другой предикатив, например *нужно*: *зашчо ше ви је нужно да пишете за конопълѣт?* (Кал.) [старуха начала по нашей просьбе рассказывать, как выращивают и обрабатывают коноплю, а затем в середине рассказа задала приведенный вопрос]. В безличной конструкции допустимо опущение глагола-связки¹⁷: *таа гудина ше нѣма* (Заб.) [старик рассказал о весенней и летней засухе, о том, что нет винограда и не будет вина — «в этом году, вероятно, не будет (нет)»]. В последнем примере в отличие от предшествующих, глагол выражает действие (точнее состояние) после момента речи, т. е. категорию будущего времени.

Наконец, следует отметить, что в странджанском говоре, как и в прочих болгарских и южнославянских диалектах, глаголы *имам* и *нѣмам* употребляются в своем обычном значении 'иметь, havege', 'не иметь, non havege' и сохраняют полные парадигмы спряжения. Напр. *лѣп имам, вино нѣмам* (Кон.). В таком примере, как *сеа [= сега] стига да има пари! въл'ни нѣма веке [= вече] нѣшчу* [нашето ≅ нашите] форму *нѣма* следует воспринимать как безличное употребление глагола *нѣмам*, что также не является специфической особенностью странджанского диалекта. Столь же регулярно для этого диалекта и употребление форм будущего времени с компонентом *ше* (*шъ, ша*)¹⁸ и образования повелительного наклонения типа *ори, лежи, глѣдай (глей)*.

Странджанский говор характеризуется еще одной особенностью, сближающей его с македонским диалектным массивом. В нем распространены конструкции, состоящие из форм презенса глагола *имам* и прошедшего страдательного причастия в значении прошедшего времени (по Г. Горову, «отдавна минало време»): *тва... дърво... ѝа имам отц'акано напролек* 'это дерево я срубил весной'; *тва свиње ти ли го имаш фкѣрано ф кочурѣт?* 'этого поросенка ты загнал в свинушник?'; *тва нѣва е имаме орана орѣчка с баженѣкт* 'это поле мы пахали вместе со своим' и т. п.¹⁹. Однако формы с непереходными глаголами типа *имам одено* в нем не фиксируются.

¹⁷ Это опущение могло возникнуть чисто фонетическим путем *ше 'е > шѣ > ше*.

¹⁸ См.: «Български диалектен атлас», т. I, карта № 273 и «Коментари», стр. 129.

¹⁹ Примеры взяты из монографии Г. Горова (указ. соч., стр. 59). См. также: Т. Бояджиев. Авалитични форми с глагола *имам* в тракийските

Таким образом, формы глагола *имам* (*немам*) в странджанском говоре могут выступать в различных функциях и даже относиться к различным частям речи:

1) *имам*, *немам* — полнозначный глагол с парадигмой спряжения со значением 'habere', 'non habere';

2) вспомогательный глагол с парадигмой спряжения в составе:
а) отрицательного будущего — *немам* с формой *да* + парадигма презенса спрягаемого глагола (характерно для старшего поколения — *немам да давам*);

б) конструкция долженствования (настоящего времени) — *имам* с формой *да* + парадигма презенса спрягаемого глагола;

в) прошедшего (результат действия которого сохраняется в настоящем) — *имам* с формой страдательного причастия прошедшего времени спрягаемого глагола;

3) неизменяемый грамматикализованный компонент формы времени, наклонения, или модальной конструкции:

а) отрицательного будущего — *нема* с формой *да* + парадигма презенса спрягаемого глагола (характерно для среднего и младшего поколения — *нема да давам*), ср. 2а);

б) императива отрицания, запрета — *нема* с усеченной формой инфинитива — *нема съ фърли!*;

в) будущего долженствования — *нема* с формами презенса спрягаемого глагола;

4) предикатив наличия (вернее, отсутствия).

Характерной чертой последнего является функционирование во фразе с вспомогательным глаголом и невозможность сочетания с другими глаголами.

Но самым главным и незыблемым признаком любого предикатива является его неизменяемость (несклоняемость и неспрягаемость). Этим признаком и обладает странджанский предикатив *нема*.

P. S. Вот почему, вопреки мнению А. В. Исаченко, словацкое *je* и *su* во фразах *v potoku je voda*, *v potoku su rybu* при их «синонимичности» с *jesto* не являются предикативами, а тем самым, надо полагать, и «омонимами» форм *je*, *su*, выступающих в качестве связки во фразах *voda je v potoku*, *rybu su v potoku*. При замене в приведенных примерах существительных личными местоимениями возникнут такие фразы: *v potoku je on*, *v potoku su oni*, затем *v potoku som ja* и т. д., наконец, *on je v potoku*, *oni su v potoku*, *ja som v potoku*, т. е. ярче выявится парадигма глагола («синонимичного» с *jesto*) и исчезнет «омонимичность» двух типов фраз с разным порядком слов.

Наличие парадигмы ярко свидетельствует о сохранении категории глагольности, в то время как предикатив — категория неглагольная, но во многих случаях, как в примерес *нѣма* — отглагольная.

Сокращения: Брод. — Бродилово, Бъл. — Българи, Заб. — Заберново, Кал. — Калово, Кон. — Кондолово (Мързево), Син. — Синеморец. См. карту в цитированной работе Г. Горова и в I томе Болгарского диалектологического атласа.

Членные формы множественного числа на —VфtV (тV)¹ существительных среднего рода типа *пѣле*, *момчѣ* в болгарских говорах

Хр. Холиолчев

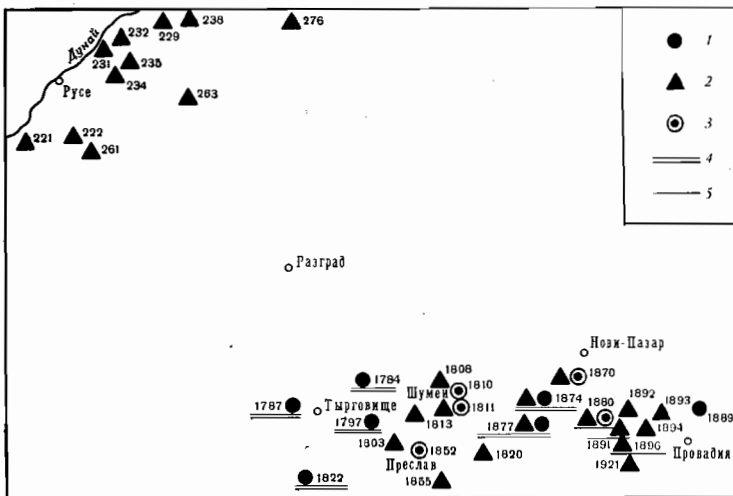
Членные формы множественного числа на —VфtV (тV) существительных среднего рода типа *пѣле*, *момчѣ* были отмечены уже более 60 лет назад Л. Милетичем в его исследовании о восточноболгарских говорах², а позднее и Г. Попивановым в описании особенностей шуменского говора³.

В 1960—1963 гг. во время сбора материалов для т. II «Болгарского диалектологического атласа» (далее: БДА) я имел возможность и лично убедиться в существовании таких членных форм и приблизительно установить их территориальное распространение. На основе этих наблюдений, дополненных и подкрепленных данными Архива БДА, хранящегося в Институте болгарского языка Болгарской академии наук, я могу указать, что рассматриваемые членные формы, т. е. *пѣлѣфта*, *пѣл'ѣфта*, *пѣл'ѣфтъ*, *пѣлѣфтата* и др. и *момчѣфта*, *момчѣфтъ*, *момчѣфтата* и др. вместо *пѣлетата*, *момчетата* встречаются в говорах следующих сел, расположенных в районе между городами Тырговиште и Провадия: Алваново (1784), Выбел (1787), Певец (1797), Вардун (1822), Кюлевча (1874), Овчарово (1977) и Петров

¹ Здесь и далее (в том числе, и на прилагаемой карте) знак V — символ, обозначающий любую фонему.

² L. Miletić. Das Ostbulgarische. Wien, 1903.

³ Г. Попиванов. Особенности на шуменския говор. «Сборник на Българската академия на науките», кн. 34, 1940.

I. По данным Архива БДА

1. Говоры, где отмечены формы на $\leq V\text{фт}V(\text{т}V)$
2. Говоры, где отмечены формы на $\leq V\text{ўт}V(\leq V\text{т}V)$

II. По данным Л. Милетича и Г. Попиванова

3. Говоры, где отмечены формы на $-V\text{фт}V(\text{т}V)$
4. $-\text{фт}/\text{фт}-$ в членных формах ср. и м. р. мн. ч.
5. $-\text{вт}/\text{вт}-$ в членных формах ср. и м. р. мн. ч.

Дол (1889)⁴. Л. Милетич в свое время отметил такие формы и в говоре городов Шумер (1810), Преслав (1852) и сел Каспичан (1970) и Марково (1880)⁵, а Г. Попиванов — в говоре с. Дивдядово (1811)⁶.

Рассматриваемые сами по себе, членные формы типа $-V\text{фт}V(\text{т}V)$ предстают как диалектный курьез и не подсказывают никакой возможности для их разгадки. Л. Милетич допускал (правда, он не подчеркивал этого прямо), что $-\text{фта} < -\text{м'та}$ в результате диссимильативного изменения.⁷ Но такое объяснение оставляет открытыми по крайней мере два важных вопроса: 1) почему результатом диссимильативного изменения является именно лабиодентальный щелевой согласный и 2) дают ли лингвогеографические факты основание считать, что изменение $-\text{м'та} > -\text{фта}$ происходит именно

⁴ Здесь и ниже, в том числе и на прилагаемой карте, в скобках указаны номера населенных пунктов, принятые в БДА. См.: «Български диалектен атлас», т. I, ч. 2. София, 1964, стр. 189—190; т. II, ч. 2. София, 1966, стр. 149—150.

⁵ L. Miletic. Указ. соч., стр. 85—86, 280—287.

⁶ Г. Попиванов. Указ. соч., стр. 457.

⁷ L. Miletic. Указ. соч., стр. 98.

в тех говорах, где *пѣлетата* > *пѣлетта*. Необходимо, следовательно, рассмотреть эту проблему на несколько более широкой основе, сопоставив факты разных диалектных областей и учтя данные болгарской лингвистической географии. Как только мы это сделаем, мы сразу же откроем один многозначительный факт: членные формы множественного числа существительных среднего рода типа *пѣле*, *момчѣ* — *пѣлетата*, *момчѣтата* устойчивы в западных, родопских и странджанских говорах и в меньших диалектных группах в районе Елена, Тырново и Павликени (восточная Болгария). В остальной части болгарских говоров эти формы претерпели разнообразные изменения, в частности в морфемном комплексе (далее: МК — *ета + та*), выражающем множественное число + определенность. Эти изменения обусловлены причинами акцентно-фонетического характера. Неударные гласные *e*, *a* и *o* подвергаются в восточных болгарских говорах особенно сильной редукции и изменяются (соответствующие по месту артикуляции) более узкие, более высокие и более краткие гласные *и*, *ѣ* и *у*. Последующее редукцирование, т. е. сужение и сокращение этих гласных в безударных слогах (словоформы), приводит — вследствие их артикуляционно-акустических особенностей — к превращению их в звуки *й* и *ѣ* (*w*). Этим завершается переход их из категории гласных в категорию согласных фонем. При определенных условиях это вызывает существенные изменения в слоговой структуре слова (словоформы), создавая предпосылки для синкопы или апокопы звуков или слогов⁸. В рассматриваемых здесь словоформах существуют особенно благоприятные условия для таких изменений в результате специфического их увеличения (с неизбежным отдалением крайних слогов от места ударения!) на две агглютинативно связанные и случайно почти совпадающие по своему фонемному составу морфемы *ета + та*. Болгарский диалектный материал убедительно показывает, что указанные изменения могут затрагивать в том или ином виде любую из фонем МК — *ета + та*. Этим объясняется большое разнообразие членных форм множественного числа существительных среднего рода типа *пѣле*, *момчѣ*, наблюдаемое в настоящее время в некоторых областях болгарской языковой территории. Известные нам разновидности этих форм можно сгруппировать по характеру изменений в структуре МК — *ета + та* — $-VtV + tV$ в несколько основных типов.

⁸ Подробнее об этом см.: Ст. Стойков. Увод във фонетиката на българския език. 3 изд. София, 1966, стр. 139—172; Ст. Стойков. Български книжовен изговор. «Сборник на Българската академия на науките», кн. 37, 1942, стр. 299, 410; Ст. Стойков. Одно ново явление в българския вокализъм (Издаване на гласната *и* в края на думата в говора на с. Бешенов, Банат). «Български език», год. IX, 1959, кн. 1, стр. 12—19; Хр. Холмичев. Към въпроса за издаването на красловни *и* и *у* в българските говори. «Български език», год. XIX, 1969, кн. 1, стр. 27—37.

1) *Пилетата* > *пѣл'тата* (— θ TVTV). Видоизмененные словоформы с синкопой первого гласного в МК наблюдаются главным образом в районе Хасково — Харманли на юге и Тырново — Павликени на севере. Они возможны лишь тогда, когда — после редукции гласного в θ — рядом оказываются сочетаемые согласные, например, *л'т* в *пѣл'тата*, *н'т* в *сѣн'тата*, *р'т* в *магѣр'тата*. Параллельно с ними, однако, в говоре существуют и несокращенные или сокращенные иным образом словоформы, например, *момчетата* или *момчетта*, *гѣрнетата* или *гѣрн'гтта*.

2) *Пилетата* > *пѣл'ат* (—Vt $\theta\theta$) и *момчетата* > *момчетат* (— $\dot{V}$ tVt θ), т. е. в зависимости от места ударения апокопе подвергается один или больше гласных. Формы этого типа до настоящего времени отмечены только в говоре с. Кочово, Асеновградской околии (3705).

3) *Пилетата*, *момчетата* > *пѣлиттъ*, *момчеттъ* (—Vt θ tV, — $\dot{V}$ t θ tV), т. е. независимо от места ударения синкопе подвергается промежуточный гласный МК. Такое изменение произошло в говорах значительного по своим размерам ареала в южной Болгарии, включающего Димитровградскую, Хасковскую, Харманлийскую, западную часть Свиленградскую и часть Ивайловградскую и Крумовградскую околий. Сокращенные формы данного типа встречаются и в отдельных говорах или в небольших группах говоров в Елховской, Грудовской, Карнобатской и Поморийской околий. В северной Болгарии они распространены в говорах Трявненской, Габровской, Дряновской и спорадически в говорах Разградской, Тутраканской и Силистренской околий. В небольших группах говоров в Ивайловградской и Карнобатской околиях и в говоре с. Алфатар, Силистренской околии (378) сокращение членных форм пошло еще дальше — до синерезиса двух соседних согласных *-тт-*, так что *пѣлиттъ*, *момчеттъ* > *пѣлитъ*, *момчетъ*. Таким образом, произошло полное выравнивание членных и нечленных форм множественного числа.

4) *Пилетата*, *момчетата* > *пѣлицътъ* (*пѣлѣата*), *пѣл'ътътъ* (*пѣл'ѣата*, *пѣл'ѣата*), *момчеата*, *момчетата* (*момчѣата*) (—V θ VtV, — $\dot{V}\theta$ Vt $\dot{V}$). В противоположность случаям 1—3, где происходит выпадение гласных, здесь синкопе подвергается первая консонантная фонема МК. Этот тип форм очень широко распространен в говорах южной Болгарии — в Грудовской, Бургасской, Елховской, Ямбольской, Тополовградской, Сливенской, Новозагорской, Старозагорской, Казанлыкской, Чирпанской, Пырвомайской, Пловдивской, Карловской, Панагюрской и Пазарджикской околиях, а в северной Болгарии — в части Русенской, Беленской, Свиштовской, Павликенской, Севлиевской, в западной части Габровской и Троянской околий.

Вследствие синкопы первого согласного в МК —*ета*+*та* автоматически создаются условия для новых фонетических изменений, которым подвергаются два смежных гласных в начале МК.

Как известно, в болгарском языке в таких случаях очень часто наблюдается или стяжение обоих звуков или, что особенно интересно в данном случае, консонантизация второго (безударного) гласного. Особенно часто это происходит с высокими, узкими и краткими (с точки зрения абсолютной долготы) гласными *и*, *у* и *ѹ*. Здесь, как мне кажется, и лежит ключ к объяснению форм на —VфтV (тV) .

5) Из форм с ударением на основе типа *пѣлиѹтъ* (*пѣлѣта*), *пѣл'ѹтъ* (*пѣл'ѣта*, *пѣл'аѣта*) после консонантизации второго гласного вокалических сочетаний *-иѹ-* (*-ѣѹ-*), *-ѹѹ-* (*-ѣѣ-*, *-аѣ-*), в сторону чаще всего *ѹ* (*ѹ*) и реже *ѣ* образуются формы типа *пѣлиѹтъ* (*пѣлѣѹта*), *пѣл'ѹтъ* (*пѣл'ѣѹта*, *пѣл'аѹта*) и *пѣлиѣтъ* (*пѣлѣѣта*), т. е. $\text{—VVтV} > \text{—VѹтV}$ или —VѣтV . Формы с *-ѹ-* известны ряду говоров в Русенской (с. Пирогово — 221, с. Мартен — 232, с. Гагала — 235 и др.), Шуменской (с. Салманово — 1820, с. Лозево — 1808, с. Кочово — 1813 и др.), Преславской (с. Имренчево — 1803, с. Драгоево — 1855) и Провадийской (с. Черковна — 1894, с. Равна — 1893, с. Градинарово — 1921 и др.) околиях⁹. Вместо *-ѹ-* в говоре сел Марково (1880), Косово (1891) и Снежина (1896) отмечен билабиальный звонкий согласный *ѹ*: *пѣлѣѹта*, *ѣрнѣѹта* *ѣѣрѣѹта* и др. Формы с *-ѣ-* встречаются преимущественно в говорах южной Болгарии — в Пловдивской, Чирпанской, Старозагорской и Казанлыкской околиях, а севернее Старой планины — только в говоре с. Дебелцово, Севлиевской околии (1565) и с. Красен, Русенской околии (222): *пѣл'ѹта* наряду с *пѣл'аѹта*. В говоре с. Кортен, Новозагорской околии (3147) консонантизация гласного собирателями материалов для БДА отмечена знаком *ѹ*: *пѣл'ѣѹта*, *ѣрнѣѣѹта*, *пѣлѣѣѹта* и др.

6) Под ассимилятивным воздействием глухого дентального согласного *т* из форм типа *пѣлиѹтъ*, *пѣл'ѹтъ* могут образоваться формы типа *пѣлиѣтъ*, *пѣл'ѣѣтъ*, т. е. $\text{—VѹтV} > \text{—VѣтV}$ или —VѣтV , на существование и распространение которых я указал в начале статьи. Такое развитие доказывается данными, например, говоров с. Кюлевча (1874) и с. Овчарово (1877), где членные формы на —VѹтV и —VѣтV употребляются параллельно: *пѣл'аѹта* и *пѣл'аѣта*, *пѣл'ѣѹта* и *пѣл'ѣѣта* и т. д. Судя по различиям между данными Л. Милетича и Г. Попиванова, с одной стороны, и данными Архива БДА, с другой стороны (*пѣл'ѣѣѣта*, *пѣл'ѣѣѣта* и *пѣл'ѣѣѣѣтъ*, *пѣл'ѣѣѣѣтъ*), это же характерно или было характерно и для говоров с. Каспичан (1870), с. Дивядово (1811) и др.

Такое появление лабиодентального согласного *ѣ* получает, как мне кажется, более естественное и более правильное объяснение, чем объяснение, предложенное Л. Милетичем. Однако вопрос о появлении членных форм на —VфтV (тV) и теперь еще

⁹ См. прилагаемую карту.

не исчерпан полностью. Как видно из приложенной карты, есть два ареала говоров с членными формами множественного числа среднего рода на $\text{—V}\ddot{y}\text{tV}$: один — около г. Русе, другой — между г. Тырговиште и г. Провадия. Но лишь в говорах второго ареала (и к тому же не во всех) $\text{—V}\ddot{y}\text{tV} > \text{—V}\text{ftV}$. Есть ли какая-либо особая причина для этого и какая именно?

Факты показывают, что фонетическое изменение $\text{—V}\ddot{y}\text{tV} > \text{—V}\text{ftV}$ произошло только в тех говорах, в которых сочетание —ft - в формах множественного числа существительных мужского рода, возникшее в результате другого комбинаторного изменения (ср. *сѣнуѣте* < *сѣнуѣте*), также выступает как элемент МК множественное число + определенность. Таково положение в говоре с. Алваново (1784) — *пѣлѣфтѣ(та)* и *блѣфтѣ*, с. Выбел (1787) — *пѣлѣфтѣ(та)* и *блѣфтѣ*, с. Певец (1797) — *пѣлѣфтѣ(та)* и *блѣфтѣ*, с. Вардун (1822) — *пѣлѣфтѣ* и *блѣфтѣ*, с. Кюлевча (1874) и с. Овчарово (1877) — *пѣлѣфтѣ* и *блѣфтѣ*. Такая же параллель наблюдается в настоящее время и в говоре сел Марково (1880), Косово (1891) и Снежина (1896), но здесь в обоих морфемах выступают звонкие *v/w* вместо *f/v*: *пѣлѣштѣ* и *блѣштѣ*. Единственное исключение из этого «правила» находим в говоре с. Петров Дол (1889), где *пѣлѣфтѣ* соответствует форме *сѣнуѣте*. Членные формы множественного числа существительных среднего рода на $\text{—V}\text{ftV}(\text{тV})$ представляют собой, следовательно, результат комбинированного воздействия двух факторов: 1) определенных предпосылок фонетического характера — только там, где $\text{—VtVtV} > \text{—VVtV} > \text{—V}\ddot{y}\text{tV}$, представлено и $\text{—V}\text{ftV}$; 2) определенных внутренне-системных (парадигматических) взаимоотношений — изменение $\text{—V}\ddot{y}\text{tV} > \text{—V}\text{ftV}$ происходит там, где —ft - уже является элементом членных словоформ множественного числа существительных мужского рода.

Членные формы множественного числа на $\text{—V}\ddot{y}\text{tV}$ и особенно на $\text{—V}\text{ftV}$ представляли собой, по-видимому, недостаточно ясно маркированный член корреляции неопределенность//определенность во множественном числе. Во многих говорах это привело к выравниванию неопределенных (нечленных) форм с определенными (членными) или к своеобразной реставрации МК множественное число + определенность, но с сохранением в нем *f*, т. е. $\text{—V}\text{ftV}$ снова $\rightarrow \text{—V}\text{ftVtV}$. Такие реставрированные членные формы находим, например, в говоре сел Алваново (1784), Выбел (1787), Певец (1797) и др., где в настоящее время *пѣлѣфтѣ*, *мѣмчѣфтѣ* — неопределенные, а *пѣлѣфтѣта* *мѣмчѣфтѣта* — определенные формы множественного числа.

7) В говоре двух сел в южной Болгарии — Брястовец Бургасской околии (2684) и Доброселец Тополовградской околии (3922) — изменения МК — *ета* + *та* имели своим результатом членные формы множественного числа на $\text{—V}\text{xtV}$ (*пѣлѣхѣта*, *агнѣхѣта*, и др.). Относительно форм говора с. Брястовец можно допустить,

что они возникли, возможно, в результате диссимилятивного изменения $-tt- > -xt-$, поскольку *пѣл'ѣттѣ* в этом говоре встречается параллельно с *тѣл'ѣттѣ*, *гѣрнѣттѣ*, *мумѣттѣ*, *прѣсѣттѣ*. Положение с формами говора с. Доброселец сложнее. Здесь *ѣгн'ѣтта*, *пѣл'ѣтта*, *кѣч'ѣтта* встречаются наряду с *момѣѣтта*, *момѣѣѣтта*, с одной стороны, и *врапѣѣтта*, с другой стороны. Можно, следовательно, допустить, что $\text{—}\dot{V}xtV < \text{—}VVtV$ путем консонантизации непосредственно $\text{—}V\dot{t}tV$ (или $\text{—}V\dot{t}tV?$) или $\text{—}VxtV < \text{—}VttV$ путем диссимиляции.

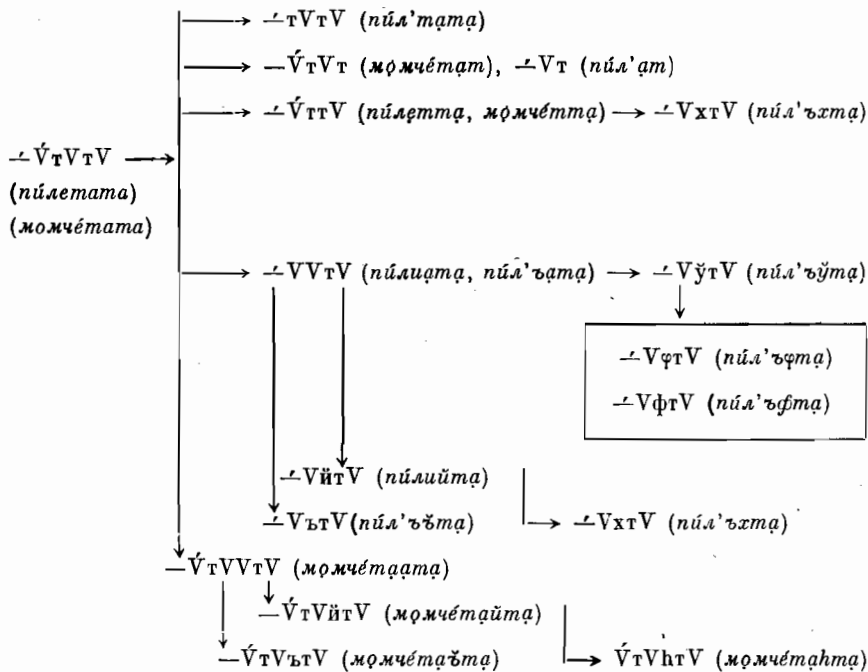
К удлинению, а не к сокращению словоформы ведет другое изменение МК — *ѣта + та*, которое — в целях более полного освещения проблемы — я здесь также отмечу.

8) *Момѣѣѣтта* $>$ *момѣѣѣѣтта* ($\text{—}\dot{V}tVVtV$), т. е. МК — *ѣта + та* — возрастает на один эпентетический гласный, который возникает на границе между двумя морфемами и который по своему качеству обычно равен второй гласной фонеме МК. Формы этого типа известны преимущественно в Чирпанской, Пырвомайской и отчасти Пловдивской и Карловской околиях, но спорадически встречаются и в говорах других областей юго-восточной Болгарии. Для объяснения этих форм существенное значение имеет тот факт, что во всех говорах без исключения они употребляются параллельно с сокращенными формами типа *пѣлѣѣтта*, *пѣл'ѣѣтта*, когда ударение падает на основу. Связь между местом ударения и характером изменения очевидна и бесспорна. Бесспорно, на мой взгляд, также и то, что сокращение одних словоформ в известном смысле обуславливает (правда, не прямо) «увеличение» других. Сокращенные формы дают лишь структурную модель, по которой выравниваются заударные части словоформ; ср. $\text{—}|VVtV$ (*пѣлѣѣтта*) и $\text{—}Vt|VVtV$ (*момѣѣѣѣтта*).

9) Формы типа *момѣѣѣѣтта* дают такие же возможности для дальнейших изменений, как и формы *пѣллиѣттѣ*, *пѣл'ѣѣттѣ* (см. выше п. 4 и п. 5), ввиду наличия сочетания двух безударных (т. е. подлежащих редукции) гласных. Так, по аналогии *момѣѣѣѣтта* $>$ *момѣѣѣѣѣтта* или *момѣѣѣѣѣѣтта* ($\text{—}\dot{V}tV\dot{t}tV$, $\text{—}\dot{V}tV\dot{t}tV$). Первая из двух разновидностей отмечена только в говоре с. Михилди, Карловской околии (3025), а вторая образует небольшой ареал в Старозагорской и Чирпанской околиях, но встречается и в отдельных говорах Карловской (с. Домлян — 3024) и Пловдивской (с. Вырбен — 3048) околий. К указанным разновидностям следует прибавить и еще одну, известную в говоре с. Орлов дол, Тополовградской околии (3915): *врапѣѣѣѣтта*, *гѣрнѣѣѣѣтта*, *тѣлѣѣѣѣтта* ($\text{—}\dot{V}tVhtV$). В принципе эта разновидность форм представляет собой такой же конечный результат цикла изменений — *момѣѣѣѣѣѣтта* $>$ *момѣѣѣѣѣѣѣтта* || *момѣѣѣѣѣѣѣѣтта* $>$ *момѣѣѣѣѣѣтта*, какими являются формы *пѣллиѣѣттѣ*, *пѣл'ѣѣѣттѣ* в цикле изменений *пѣллиѣттѣ*,

нѣл'ѣѣтъ > *нѣлѣйтѣ*, *нѣл'ѣѣтъ* || *нѣл'ѣѣтъ* > *нѣл'ѣѣтъ*,
нѣл'ѣѣтъ.

Обобщенное представление о разнообразии членных форм множественного числа существительных среднего рода (с точки зрения изменений МК—*ета+та*), которые мы находим в современных болгарских диалектах, и о месте интересующих нас форм на —VфTV (—VфTV) среди них, дает следующая схема—таблица:

Перевел с болгарского
 Г. К. Венедиктов

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ

Личные местоимения

mi 'я' и *mā* 'мы' в ностратическом*

В. М. Иллич-Свитыч

mi, личн. мест. 1 sg. 'я' (косв. **mi-nl*): картв. *te/mi* 'я' (основа косв. пад. **te-n*) ~ и.-е. *te* 'я' (основа косв. пад.; ген. *te-ne*) ~ урал. *'mi* 'я' (основа косв. пад. *mi-nl*) ~ алт. *bi* 'я' (основа косв. пад. *minl*).

картв. **te/mi*, самостоятельное мест. 1. л. sg. || др.-груз. *te(n)*, грузин. *te*, диал. (пшав., мтиул., ингилойск., отчасти картлийск., ср. Имнайшвили ИКЯ 4, 324) *ten(a)* || чан. *ta* (чхальск. *tan*); мегрел. *ta* (*tan-*, основа косв. пад. перед гласным) || сван. *mi* (несклоняемое мест.) || Ср. Кл. 132, Schmidt St. 123, Мартиросов. Мест. 84—86, Lafon BSL 30, 150; Мегрел. данные показывают, что элемент *n(a)* первоначально характеризовал основу косв. падежей: он восходит, по-видимому, к ностр. показателю косв. пад. **nl* (Сл. ч. II). Варианты **te* (в грузин.-зан.) и **mi* в сван. указывают на более раннее регулярное чередование полной и нулевой ступеней огласовки **mje/mi* (ср. Иллич-Свитыч ВЯ, 1966, 4, стр. 126—127, 132), та же основа с редукцией гласного, обусловленной проклитическим положением, представлена в приглагольном показателе объекта 1 sg. картв. **m-* (грузин. *m-*, мегрел., чан. *m-*, *p-*, *p-*, *b-* (варианты в зависимости от анлаутного согласного глагольной основы), сван. *m-*; см. Кл. 123, Deeters 28).

и.-е. **te-*, основа косв. пад. самостоятельного мест. 1 л. sg. (в ном. выступает основа **heġHот*), ср. асс. **mē* (др.-инд., авестийск. *mā* (энклит.), греч. (έ)μῆ, венет. *te-Xo*, др.-ирланд. *mé*

* Комиссия по изданию наследства В. М. Иллич-Свитыча публикует отрывок из II тома его «Опыта сравнения ностратических языков», который готовится к печати. I том этой работы выходит в настоящее время в изд. «Наука».

(пом.), гот. *mi-k*; с введением аффикса асс. *-m* из именного склонения др.-инд. *mām*, хетт. *-man*, *-min* (энклит.), албан. *uia*, др.-прусс. *mien*, ст.-слав. *me*, ген. *me-ne* с древним косв. пад. (авестийск. *mana*, валлийск. *fyⁿ*, ст.-слав. *mene*, литов. *manė*; с ассимиляцией др.-инд. *māma*, вопреки Рок.), dat. **mo-i* и под.; см. Рок. 702.

Наличие форманта косв. пад. *-n-* в форме ген. предполагает, по-видимому, что первоначальная основа *me-* выполняла функцию прямого падежа (основа косв. пад. *me-n-*); введение специфического и.-е. новообразования — формы **heġHom* в пом. (первоначально эмфатическая форма?) вызвало изменение функций основы **me-*. В и.-е., по-видимому, наличествовал вариант с предшествующим *he-/ho-* (восходящим к указат. мест., Сл. I, 134); ср. хетт. *amtiuk* 'меня', хетт. иероглифич. *ami*, ликийск. *ami*, *emi*, лидийск. *ami* 'я, мне' (Gusmani 58); армян. *im* ген. 'меня', *inj* 'мне' и т. п., греч. (гомеров.) *ἐμετο* ген. 'меня', *ἐμε-γες* асс. и т. п. К *me-* с редукцией гласного в энклитическом положении восходит и.-е. приглагольный показатель 1 л. sg. **-m* (и в сочетании с частицей *-i* **-m-i*); см. Brugmann KVG 589, Мейе Вв. 241—242.

урал. **mi(na)*, самостоятельное мест. 1 sg. || фин. *minä* (косв. *minu-*) || саам. (сев.) *mon* || мордов. *mon* || марийск. (горн.) *mañ*, (вост.) *maj* || удмурт. *mon* (косв. *mun-*), коми *me* (косв. *men-*) || хантыйск.: вост. *mā* (косв. *mān-*), сев. *ma*, косв. *mān* (южн. *mān*, *mān* с выравниванием). К варианту с анулатным **ä-* восходит, по-видимому, мансийск. *ām* (асс. *āmānmi* и под.), венгер. *én* (< *ä-m(i)n-?*) || ненецк. *mañ*, энецк. *mod'i*, иганасан. *mappaŋ*, селькуп. *map*, камасин. *map* || Ср. SKES 346, Coll. 35, Szin. 115. Древнее противопоставление формы пом. **mi* и основы косв. пад. **mi-n(a)-* с аффиксом косв. пад. (Сл. ч. II) сохранено в хантыйск. и коми (о коми ср. Ravila MSFOu 98, 317, 322; маловероятно позднее отпадение анулатного *n* в коми, что предполагает Серебрянников Перм. 185: ср., например, коми *kin* 'кто' с сохранением *n* при удмурт. *kin*, фин. *ken*). В большинстве урал. языков основа косв. пад. распространялась на всю парадигму; однако в прибалтийско-фин. и удмурт. еще сохраняется противопоставление переднерядного вокализма пом. (древний *mi*) и заднерядного вокализма косв. пад., обусловленного заднерядным гласным форманта **-na* (фин. *minu*, удмурт. *mun* < **min*; в саам., мордов. и самодийск. обобщены формы с заднерядным вокализмом, в марийск. — с переднерядным. Основа пом. **mi* сохранена в энклитическом употреблении как притяж. аффикс 1 sg. с именем в пом.-асс. т. е. формами с нулевым падежным формантом (ср. фин. диал. итти) *-mi*, поссессивный аффикс 1 sg. с пом., саам. Кольск. *-m*, поссессивный аффикс с пом.-асс., ненецк. *-mi*, поссессивный аффикс 1 sg. с номинативом: с формами косв. пад. *-n-mi* > *-ni*, см. подробнее Collinder

CG 299—302, Wickmann Obj. 19). К той же форме восходит урал. **-m(i)*, показатель 1 sg. в глагольных формах (ср. марийск. *wide-m* 'я веду', ненецк. *mada-m* 'я поднял' и под.; на наличие ауслатного гласного после *m* указывает сохранение носового в саам., сев. и эстон., ср. саам. *mânâm* 'иду', эстон. *andan* 'даю'; в случае ауслатного положения носового здесь ожидалось бы его исчезновение. См. Collinder CG 308—310, Szin. 120—121, Серебренников Сист. 74).

алт. || тюрк. Древние тюрк. отношения сохранены в чуваш., где форма пом. мест. 1 sg. *epě* < **(ä)-bi* противопоставлена основе косв. пад. *man-* (ген. *manân* и под.) < **män-*; древность чуваш. отношений подтверждает тюрк. формы мест. 1 pl. **bi-ř* (др.-тюрк. *biz* и под.), образованный по образцу 1 sg. **bi* См. Порре *Islamica* 1, 426. В остальных тюрк. языках основа косв. пад. с *-n-* обобщена на всю парадигму, где действие аналогий обнаруживается в вариантах с *b-* или *m-*: пом. **bän / män*, асс. *bini / mini*, дат. *baya / taya* (ср. др.-тюрк. пом. *bän / män*, др.-уйгур. пом. *bän*, асс. *bini / mini*, дат. *baya* и под.; см. Räsänen Phon. 9—17, Егор. 345). Наиболее древний вокализм формы косв. падежей сохранен в асс. (**mini*), изменение **i > ä* связано с редуцией ауслатного гласного, форма дат. восходит к **min-ka* с ассимилятивным расширением в первом слоге (см. Сл. ч. I, 245). В энклитическом употреблении редуцированные варианты рассматриваемых форм выполняют функцию притяж. аффикса 1 sg. (*-m*) и показателей 1 sg. при глаголе (*-m, bän / män*, см. подробнее Räsänen Mat. 198—199, Котвич Иссл. 166) || монг. мест. 1 sg. пом. **bi* — ген. **minu / mini* (в остальных косв. пад. основа неясного происхождения *nam-*, ср. Порре *Mong.* 211—212), ср. сред.-монг. *bi / gen. minu, mini*, монг. письм. *bi / minu*, халха *bi / mini* и под. Из форм генитива в монг. языках развились посессивные аффиксы. См. Порре 209, 219—225 || тунг. мест. 1 sg. пом. **bi* — основа косв. пад. **min-*: так во всех языках, кроме нанайск. (где в пом. *mi* по аналогии), ср. маньчжур. *bi*, ген. *mini*, дат. *mindä*, эвенкийск. *bi*, асс. *minäwä*, дат. *mindu* и т. п. См. Цинц. 259. Форма **-bi* лежит в основе энклитического притяж. аффикса 1 sg. (нанайск. *-bi, -i*, эвенкийск. *-w* и под.) и аффикса 1 sg. глаголов (**n-bi > нанайск. mbi*, эвенкийск. *-m* и под.), ср. Цинц. 272—277. || Ср. Kotwicz Pron. 4—6, Ram. 79, Grunzel 56. Все алт. группы указывают на исходное *bi* в пом. при **mi-n-* в формах косв. пад., где *-n-* восходит к форме косв. пад. (Сл. ч. II, **нл*). Форма пом. восходит к более раннему **mi* с изменением **m > b-*, прошедшим в односложных формах с исходом на гласный (ср. Сл. ч. II, **mu, *mä*). Общеалтайским является энклитическое употребление мест. с глаголом (показатель лица) и именем, хотя монг. данные указывают, что в подобных сочетаниях мест. сохраняло свою самостоятельность.

Ср. Cald. 380—381, Долг. 1—2 (картв. ~ и.-е. ~ урал. ~ алт.), Castrén Kl. Schr. 215—216, Trombetti El. 152 (и.-е. ~ урал. ~ алт.); Глейе СМО 27, 118 (картв. ~ урал. ~ тюрк.); Mun-kácsy NyK 28, 365 (=N. Anderson, J. Cuno, J. Taybor и др.); Koppelman 131, Collinder IUS 54, Collinder HUV 127, SKES 346 (и.-е. ~ урал.); Winkler JSFPOu 30⁹, 10—11, MNSz 1555, Collinder UAJb. 24, 15, Coll. 145, Collinder HUV 150 (урал. ~ алт.).

Исходный вокализм основы *i сохраняется в урал., алт. и отражен в картв. ($i < *j$); в и.-е. следует предполагать развитие типа *mie- > *me-. Во всех семьях, сохраняющих основу *mi-, отражена также древняя форма косв. над. на **-нд (Сл. ч. II) от этой основы *mi-нд (и.-е. gen., урал., алт. и картв. — основа косв. пад.).

К ностр. периоду относится употребление рассматриваемой основы с глаголом в качестве показателя лица; мест., несомненно, сохраняло самостоятельность в подобных сочетаниях: на это указывают алт. данные и различие в позиции местоименного аффикса в картв., с одной стороны (проклиза), и и.-е. и урал. — с другой (энклиза). Приименное (притяж.) употребление, отраженное в урал. и алт., также может быть весьма древним: хотя оно не представлено в картв., сходные по строению конструкции обнаруживаются в и.-е. (здесь представлены уже падежные формы местоименного типа dat. *mo-i, что может быть своеобразным обновлением древней структуры) и с.-х. Заслуживает внимания сходство периферийных вариантов основы mi-: и.-е. *he-me- (греч. ἐμε и под.), урал. *E-mi- (мансийск. äm, венгер. én) и алт. *E-bi (чуваш. ёре): возможно это эмфатические сочетания с проклизой указат. местоимения *?e (Сл. ч. I, 134).

Косвенные данные позволяют предположить вытеснение основы 1 sg. *mi в с.-х. (самостоятельное) мест. 1 sg. *^oan-^oa, при глагольном *^oa-, объектном *nj, притяжательном *jд) и драв. (*jān, мест. 1 л. sg.): здесь частично сохранены формы мест. 1 л. pl. с начальным *m-, восходящим к основе *mä, связанной на ностр. уровне с *mi (ср. ниже).

mā, личн. мест. 1 pl. inclus. ('мы с вами'): с.-х. [m(n), 1 pl. inclus.] ~ картв. m-, показатель объекта 1 pl. inclus. ~ и.-е. me-s, 1 pl. ~ урал. mā-/me-, 1 pl. ~ драв. mā-, основа мест. 1 pl. ~ алт. bā- (косв. mā-n), 1 pl. exclus. (функция вторична).

с.-х. || чад. *m(n), личн. мест. 1 pl. В тех чад. языках, где различаются инклюзивные ('мы с вами') и эксклюзивные ('мы без вас') формы мест. 1 pl., рассматриваемая основа употребляется обычно как инклюзивное мест. (а в функции инклюзивного обычно выступает широко представленная в с.-х. основа nd-), ср. зуму (группа бата-марги) ma, inclus. — hina, exclus., чибак mār, inclus. — jēr, exclus.; мандара mi, inclus. — ηα-, exclus.; гульфей (группа котоко) mo, inclus. — ne, exclus., будума do-mu, inclus. — da-nai, exclus. Во многих чад. языках это противо-

поставление устранено, и основа **m(n)* является единственным мест. 1 pl.; зап.-чад.: хауса *mi*, болева *mi*, карекаре *min* (obj. *mi*ku), нгамо, канакуру *mi*, ангас *min* (глагольный преф. *mi-*), анкве *men*, монтол *mən* (преф. *mə-*), сура *mín*, перка *mí*; марги *mèr* (exclus.; 1 dual. exclus. *mà*), габин *mín*, хиджи *mí*; логоне *meta*; гидер *mə(n)*, мусгу *mí*; маса *ma* (exclusiv наряду с *ni*: смена функции в связи с созданием новой инклюзивной формы *neja*. Ср. Пильщикова АЭСб 3, 217—218, Mouchet EСam. 3, 62—63). В чад., по-видимому, сохранен с.-х. архаизм: в остальных группах противопоставление инклюзивной и эксклюзивной формы устранено и обобщена основа **n*l, по происхождению являющаяся эксклюзивной.

Картв. || др.-грузин. *m-*, показатель объекта 1 pl. в глагольных формах, ср. *še-m-i-çgal-en čwen* (употреблялся наряду с *gw-* без очевидного функционального различия, в совр. грузин. сохранено лишь *gv-*) || чан., мегрел. *m-*, показатель объекта 1 pl. (картв. **gw-* в зан. не представлено) || Ср. Кл. 123. Древние функции показателя **m-* можно попытаться определить косвенно, исходя из сван. данных, где сохранено противопоставление между инклюз. и эксклюз. формами 1 pl. В сван. показателем эксклюз. объекта 1 pl. является *n-*, этимологически связанное с самостоятельным мест. 1 pl. *naj* (см. Сл. ч. II), а показатель инклюзивного объекта 1 pl. *gw-*, тождествен др.-грузин. *gw-* (см. Кл. 60). Если считать введение морфемы **gw-* (не имеющей параллелей в других ностр. языках) инновацией, исходное соотношение в сван. и протокартв. могло быть **m-*, inclus. 1 pl. ~ **n-*, exclus. 1 pl. В грузин.-зан. показатель **m-*, по-видимому, рано вытеснил **n-* (что было связано с утратой противопоставления инклюзив — эксклюзив) и стал употребляться наряду с новообразованием **gw-*; позднее из двух конкурирующих показателей в зан. был сохранен *m-*, а в грузин. *gv-* (иначе Ониани Вест. ООН 1965, 1, 230—234, где восстанавливается система **m-*, exclus. — **gw-*, inclus., а сван. формы с *n-* считаются новообразованием). Рассмотренная гипотеза может быть дополнена анализом самостоятельных личн. мест. 1 pl. в картв. Здесь представлена основа **na-* (только в сван. *naj*, *nāj*), для которой на основании функционирования показателя *n-* можно предполагать древнее эксклюзивное значение (ср. Гамкрелидзе Сиб. 47—48) и основа **čwen-*, являющаяся в грузин.-зан. одновременно основой личного местоимения 'мы' и притяж. местоимения 'наш', а в сван. выполняющая только функции притяж. местоимения (грузин. *čwen* 'мы', *čwen-* 'наш', чан. *čku(n)* 'мы', *čkun-* 'наш'; сван. *ni-šgwej* 'наш' (exclus.), *gu-šgwej* 'наш' (inclus.); ср. Кл. 219—220). Очевидно, **čwen-* первоначально притяж. форма, вытеснившая древнее личное местоимение, как грузин. *šen* (< **šen-* 'твой') заменило древнее **si-* (Сл. ч. II). В этом случае рассматриваемая форма может содержать префиксальное **č(e)-*, обнаруживаемое

в формах других притяж. местоимений (*če-mi->*cem- 'мой', *č-sen->*šen- 'твой'), и восходить к *č-men (с изменением необычного сочетания *čm- в *čw*-), форме, содержащей древнюю форму самостоятельного инклюзивного мест. 1 pl. *men-; редуцированный энклитический вариант этой формы можно видеть в рассмотренном выше преф. *m-.

и.-е. самостоятельно употребляемая мест. основа 1 pl. *me*-, сохраненная лишь в армян. и балто-славян. армян. *mek*^o 'мы' || др.-прусс. *mes*, литов. *mes*, латыш. диал. *mes* (формы с долгой в литов. диал. *mēs* и латыш. *mēs*); ст.-слав. *ty*, сербохорват. *mī* (ауслаут преобразован под влиянием *vy 'вы'; в косв. падежах основа *na*-) || Ср. Endz. 511—512, Мейе Слав. 365—366. Наличие этой формы в двух окраинных диалектных зонах предполагает здесь и.-е. архаизм; представленная в соответствующей функции в других и.-е. языках основа *уе- может быть первоначально формой dual. ('мы с тобой'), где она сохранилась и в балто-слав. (ст.-сл. *vě*, литов. *ve-du*; см. Рок. 1114). Основа *me- повсеместно сохранена в и.-е. в качестве показателя 1 pl. при глаголе || др.-инд. *-masi*, *-mah* (прагс.), *-mā* (аог.) || греч. *-μεν*, (диал.) *-μες* || латин. *-mus* || др.-ирланд. *-m* (<*mos) || гот. *-m* (<*me или *-mo*), *-ma* (conj.) || литов. *-mē* (<*mēs*); ст.-слав. *-mъ*, слав. *-mo* в нетематическом типе (см. подробнее Мейе Слав. 252—253) || тохар. А. *-mäs*, В. *-m* || ср. Brugmann KVG 591, Мейе Вв. 243. Исходный для самостоятельного мест. и приглагольного показателя 1 pl. является, по-видимому, форма *me-s* с показателем pl. **-s*; в глагольной парадигме она была подвергнута многообразным преобразованиям,

урал., самостоятельное мест. 1 pl. 'мы' || прибалтийско-фин. **me/mečä* (<*teje*, с лабиализацией) *mō* и под.: фин. *me*, (диал.) *myō*, вод. *mō*, эстон. *me*, *meie*, лив. *meG* || саам. (сев.) *mī*, (южн.) *mije* || мордов. *miñ* || марийск. (зап.) *mā*, (вост.) *me* (марийск. *ε) || удмурт. *mi* (gen. *mil'am* с преобразованием <*mijam), коми *mī* (gen. *mijan*; по аналогии, по-видимому, развилась диал. форма пом. *mije*) || венгер. *mi*; мансийск. (южн.) *mεη*, (сев. *mān*); хантыйск. (вост.) *mōη* || самодийск.: иганасан *mēη*, селькуп. *mē*, *mī*, камасин. *mī^o* (в ненецк. и энецк. представлены вторичные образования от мест. 1 sg.: ненецк. *mañā^{oo}*, энецк. *mod'i*) || Ср. SKES 338, Coll. 34, Szin. 115. Исходна, по-видимому, основа **me-/mā* (на вариант с *ā указывают угорские и марийская формы, ср. Itkonen FUF 31, 209) с различными суффиксальными наращениями, в которых можно видеть окаменевшие форманты dual. (прибалтийско-фин. *-čä*, возможно, угор. и самодийск. *-η* <**-n-γ*) или pl. (*-j*- в косв. падежах в перм. и в саам.; иначе о перм. Серебрянников Перм. 194—198). Та же основа с суффиксом pl. *-k* (Сл. ч. II, *qa*) выступает как приглагольный показатель 1 pl. *-*me-k/-mā-k* (фин. диал. *-mme^o*, *-mmā* <**-k-mek/-k-mäk*, саам. сев. *-mek* <*mäk, мордов. диал. *-mok*, ст.-венгер. *-mio*, иганасан. *-mi^o*;

см. Collinder CG 310, Sciz. 121, Серебренников Сист. 76—77, варианты с заднерядным вокализмом развились по гармонии гласных); с другим суффиксом рассматриваемая основа представлена в показателе 1 dual. типа маньчжурск. *-men*, хантыйск. *-тәп*, ненецк. *-mī^o* (Серебренников Сист. 79).

драв. Основа *mā-* обнаруживается в составе форм инклюз. и эксклюз. местоимений 1 pl. в драв. || телугу *ma-nāmi* (ковс. *ma-*), 1 pl. inclus., *mā-*, ковс. 1 pl. exclus. (ном. *ēmi* < *jām) || центр.-драв.: гонди *mā-*, ковс. 1 pl. exclus., конда *māp* (ковс. *mā-*), 1 pl. (различие инклюз. и эксклюз. не представлено), куви, куи *mā-*, ковс. 1 pl. exclus. и inclus. (различающихся в ном., ср. куи *āḷi*, куви *māro* inclus. ~ куи *āmi*, куви *māmbi*, exclus.) || См. Андронов Табл. 10, DED 353. Рассматриваемая основа стоит как бы вне системы противопоставления инклюзивных и эксклюзивных форм 1 pl., в котором участвуют основы *jām, exclus. и *nām, inclus. (ср. Bloch 241, Андронов 59). Поскольку эксклюзивная основа *jā-m, очевидно, является производной от основы 1 л. sg. *jāp (ср. *nī-m 'вы' при **nī-(n)* 'ты'), а инклюзивная основа *nām по данным других постр. языков имела первоначально функцию эксклюзива, можно предположить, что в драв. системе мест. 1 pl. произошел существенный сдвиг, связанный с появлением новообразования *jām в функции 1 pl. exclus. Исходная система могла иметь вид **nā(m)*, exclus. — **mā-*, inclus.: появление нового *jām, exclus. вызвало изменение функций *nām (exclus. → inclus.), что в свою очередь привело к вытеснению древней формы **mā-*, сохранившейся лишь в нескольких языках в качестве «нейтральной» формы 1 pl., использовавшейся главным образом в ковс. падежах.

алт. Формы мест. 1 pl., не выводимые непосредственно из форм 1 sg., сохранены только в эксклюзивных образованиях в монг. и тунг. || монг. *ba, ковс. *tan-* (ген. *tanu*, дат. *тана* и под.), 1 pl. exclus.: ср.-монг., монг. письм. *ba* (ген. *тану*), дагур. *bā* (ген. *māni*); в остальных языках сохранены лишь формы ковс. падежей. См. Poppe Mong. 215—217 || тунг. **bō-* (в нанайск., улч. в солон. с удлинением *bō)/ковс. *mōn-*, 1 pl. exclus.: нанайск. *buā/bun-*, улч. *biā/mün-*, удэйск., негидал., ороц., эвенкийск., эвен. *bu/mun*, солон. *bū/mün*. Архаический вариант с *ä сохранен в маньчжур *bä*, ковс. *mān-* (лабиализация в остальных обусловлена начальным *m-/b-*). См. Цинц. 270—271, Benz. 1056 (ошибочна реконструкция *büä) || Монг. и тунг. формы можно свести к единому прототипу с вокализмом *ä*, сохраненному в маньчжур.: ном. **bE*¹ (< **mE-* с изменением *m* > *b* в односложной основе с гласным ауслатом), ковс. **mE-n-*¹ (с показателем ковс. пад., как в мест. 1 sg., Сл. ч. II, *na): в этом случае заднерядный вокализм в монг. следует объяснять

¹ В рукописи *E* переправлено из *ä* (прим. ред.).

выравниванием по модели мест. 3 лица: *i, 3 sg. ~ *a, 3 pl. (ср. Сл. ч. I, 134) или ассимиляторным влиянием заднерядных гласных парадигмы склонения (gen. *mE-nu, dat. mā-na > *manu, *ma-a и под. с введением формы ном. *ba вместо *bā по аналогии). Аналогичная форма могла существовать и в тюрк. до введения тюрк. новообразования *bi-r', 1 pl. exclus. (с древним формантом dual. -r' от 1 sg. bi, ср. Kotwicz Prop. 7—14). Эксклюзивное значение у восстановленной таким образом алт. формы 1 pl. *bE, косв. *mE-n может быть специфическим алт. новообразованием: в пользу такого предположения говорит отсутствие в алт. местоименной основы *na-, имевшей эксклюзивное значение по данным картв. и с.-х. и явно поздний характер алт. мест. 1 pl. inclus. *bi-d (a) (монг. *bida, тунг. *bit/mit), восходящего к сочетанию мест. 1 sg. с суфф. pl. -d (Сл. ч. II). Введение новой инклюзивной формы *bi-da могло привести к изменению функции древнего bE/mE-n (inclus. → exclus) и утрате ностр. *na.

Ср. Coll. 145, Collinder HUV 149 (урал. ~ алт.). На исходный вокализм *ā указывают уральские (один из вариантов) и дравидийские (a < *ā) данные (в алт. *ā или e). Древнее инклюзивное значение сохранено в с.-х. и восстанавливается для картв.; дравидийские и алтайские данные, представляющие иное распределение эксклюзивных и инклюзивных форм, могут быть объяснены как результат перестройки соответствующих систем в связи с новыми формами, производными от мест. 1 sg. Таким образом, инклюзивная основа *mā противопоставлялась на ностр. уровне основе 1 pl. exclus. *na (Сл. ч. II); в урал., где противопоставление инклюзивных и эксклюзивных форм утрачено, обобщена основа *mā, в и.-е. обе основы сохранены с новым распределением функций (*mā- в функции прилагательного мест. и первоначально в ном. *nā- — в косв. падежах). Сходство основы *mā с ностр. *mi, основой мест. 1 sg. (см. выше), делает вероятным весьма древнее родство обеих морфем (форма 1 pl. inclus. рассматривалась, по-видимому, как форма pl. от мест. 1 sg., в отличие от 1 pl. exclus., являвшейся самостоятельной местоименной основой; описанное выше алтайское развитие, таким образом, как бы повторяет на новом уровне более древнюю систему).

Принятые сокращения

1. Литература

- Андронов — Андронов М. С. Дравидийские языки. М., 1965.
Гамкрелидзе Сиб. — Гамкрелидзе Т. В. Сибилантные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).

- Глейе СМО — Г л е й е А. О происхождении грузинского народа и его языка. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 27. Тифлис, 1907.
- Долг. — Д о л г о п о л ь с к и й А. Б. Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии. Проблемы фонетических соответствий. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964.
- Егор. — Е г о р о в В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Иллич-Свитыч ВЯ — И л л и ч - С в и т ы ч В. М. [рец. на кн.]: Гамкредидзе Т. В., Мачавариани Г. А. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на грузин. яз.) — ВЯ, 1966, № 4.
- Имнайшвили ИКЯ — И м н а й ш в и л и Г. М. Особенности картвельского диалекта Боржомского ущелья. «Иберийско-кавказское языкознание», VIII. Тбилиси, 1956 (на грузин. яз.).
- Кл. — К л и м о в Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1965.
- Котвич Иссл. — К о т в и ч В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
- Мартировов Мест. — М а р т и р о в о в А. Г. Местоимения в картвельских языках. Историко-сравнительный анализ. Тбилиси, 1964 (на грузин. яз.).
- Мейе Вв. — М е й е А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938.
- Мейе Слав. — М е й е А. Общеславянский язык. М., 1951.
- Ониани Вест. ООН — О н и а н и А. Некоторые вопросы звукосоответствий картвельских языков. «Вестник Отделения общественных наук АН Груз. ССР», № 1, 1962.
- Пильщикова АЭСБ — П и л ь щ и к о в а Н. Н. Местоимения языков нигеро-чадской группы. «Африканский этнографический сборник», III. М.—Л., 1959.
- Серебренников Перм. — С е р е б р е н н и к о в Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Серебренников Сист. — С е р е б р е н н и к о в Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной системы в уральских языках. М., 1964.
- Цинц. — Ц и н ц и у с В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Anderson — A n d e r s o n N. Studien zur Vergleichung der ugrofinnischen und indo-germanischen Sprachen, I. Dorpat, 1879 [=Verhandlungen der Gelehrten Ehstnischen Geseleschaft zu Dorpat, Bd. 9].
- Benz. — B e n z i n g J. Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1956.
- Bloch — B l o c h J. Structure grammaticale des langues dravidiennes. Paris, 1946.
- Brugmann KVG — B r u g m a n n K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904.
- Cald. — C a l d w e l l R. A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages. 3 ed. London, 1913 (reprint: Madras, 1956).
- Castrén Kl. Schr. — C a s t r é n M. A. Kleinere Schriften. Sankt-Petersburg, 1862.
- Coll. — C o l l i n d e r B. Fenno-Ugric vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic languages. Uppsala, 1955.
- Collinder CG — C o l l i n d e r B. Comparative grammar of the Uralic languages. Stockholm, 1960.
- Collinder HUV — C o l l i n d e r B. Hat das Uralische Verwandte? «Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis», IV, 1. Uppsala, 1965.
- Collinder IUS — C o l l i n d e r B. Indo-uralisches Sprachgut. «Uppsala Universitetets Årsskrift (Filosofi, språkvetenskar och historiska vetenskaper 1)», 1934.

- Collinder UAJB — Collinder B. Uralaltaisch. «Ural-Altäische Jahrbücher», 24, 3—4. Wiesbaden, 1952.
- Cuno — Cuno J. G. Forschungen im Gebiete der alten Völkerunde. I. Die Skythen. Berlin, 1871.
- DED — Burrow Th., Emeneau M. A Dravidian etymological dictionary. Oxford, 1961.
- Deeters — Deeters G. Das Kharthvelische Verbum, Vergleichende Darstellung des Verbalbaus der südkaukasischen Sprachen. Leipzig, 1930.
- Endz. — Endzeli J. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951.
- Grunzel — Grunzel J. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaiischen Sprachen nebst einem vergleichenden Wörterbuch. Leipzig, 1895.
- Gusmani — Gusmani R. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964.
- Itkonen FUF — Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im tscheremissischen und in den permischen Sprachen. «Finnisch-ugrische Forschungen», 31, 3. Helsinki, 1953—1954.
- Koppelman — Koppelman H. Die eurasische Sprachfamilie. Heidelberg, 1933.
- Kotwicz Pron. — Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936.
- Lafon BSL — Lafon R. Sur les pronoms personnels de 1-re et de 2-me personnes dans les langues kartvèles. «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 30. Paris, 1930.
- MNSz — Magyar nyelvtörténeti szótár. Szerkesztetették Szarvas Gábor és Simonyi Zsigmond, 1—3. Budapest, 1890—1893.
- Mouchet ECam. — Mouchet J. Vocabulaires comparatifs de quinze parlers du Nord-Cameroun. I, II. «Études camérounaises», 3, 29. Douala—Paris, 1950.
- Munkácsy Nyk — Munkácsy B. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. «Nyelvtudományi Közlemények», 28. Budapest, 1898.
- Pok. — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. München, 1959 и след.
- Poppe — Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaïischen Sprachen, 1. Wiesbaden, 1960.
- Poppe Islamica — Poppe N. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien. «Islamica», I. Leipzig, 1925.
- Poppe Mong. — Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955.
- Ram. — Ramstedt G. J. Einführung in die altaïische Sprachwissenschaft, I. Helsinki, 1957.
- Ravila MSFOu — Ravila P. Zur Geschichte der Deklination der Personalpronomina in den uralischen sprachen. «Memoires de la Société Finno-ougrienne. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia», 98. Helsinki, 1950.
- Räsänen Mat. — Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, II. «Studia Orientalia Fennica», XXI. Helsinki, 1951.
- Räsänen Phon. — Räsänen M. Materialien zur Lautgeschichte der Türkischen Sprachen. Helsinki, 1949.
- Schmidt St. — Schmidt K. H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasische Grundsprache. Wiesbaden, 1962.
- SKES — Toivonen Y., Itkonen E., Joki A. Suomen Kielen etymologinen sanakirja, I—III. Helsinki, 1955—1962.
- Szin. — Szinyei J. Magyar nyelvhasonlítás, 7 kiadás. Budapest, 1927.
- Taybor — Taybor J. The origin and prim-slat of the Aryans. «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», XVII, 87, 1888.
- Trombetti El. — Trombetti A. Elementi di glottologia. Bologna, 1923.
- Wickman Obj. — Wickman B. The Form of the Object in the Uralic languages. Uppsala, 1955.
- Winkler JSFOu — Winkler H. Tungusisch und finnisch-ugrisch. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», 30e, 1915.

II. Языки и диалекты

- авестийск. — авестийский
албан. — албанский
алт. — алтайский
армян. — армянский
балто-славян. — балто-славянский
валлийск. — валлийский
венгер. — венгерский
венет. — венетский
вост. — восточный
гомеров. — гомеровский
горн. — горный
гот. — готский
греч. — греческий
грузин. — грузинский
грузин.-зан. — грузинско-занский
дагур. — дагурский
диал. — диалектный
драв. — дравидийский
др.-груз[ин]. — древнегрузинский
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ирланд. — древнеирландский
др.-прус. — древнепруский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-уйгур. — древнеуйгурский
зан. — занский
зап.-чад. — западночадский
и.-е. — индоевропейский
ингилойск. — ингилойский
картлийск. — картлийский
латыш. — латышский
лив. — ливский
лидийск. — лидийский
ликийск. — ликийский
литов. — литовский
мансийск. — мансийский
маньчжур. — маньчжурский
марийск. — марийский
мегрел. — мегрельский
монг. — монгольский
монг. письм. — монгольский письменный
мордов. — мордовский
мтиул. — мтиулский
нанайск. — нанайский
нганасан. — нганасанский
негидал. — негидальский
ненец. — ненецкий
ностр. — ностратический
ороч. — ороцкий
перм. — пермский
пшав. — пшавский
саам. — саамский.
самодийск. — самодийский
сван. — сванский
сев. — северный
селькуп. — селькупский
славян. — славянский
солон. — солонский
ст.-венгер. — старовенгерский
ст.-слав. — старославянский
с.-х. — семитохамитский
тунг. — тунгусский
тюрк. — тюркский
угор. — угорский
удмурт. — удмуртский
удэйск. — удэйский
ульч. — ульчский
урал. — уральский
фин. — финский
хантыйск. — хантыйский
хетт. — хеттский
хетт.-иероглифич. — хеттский иероглифический
центр.-драв. — центральнодравидийский
чад. — чадский
чхальск. — чхальский
эвенкийск. — эвенкийский
энецк. — энецкий
эстон. — эстонский

Из карпатской лексики

М. Карась

Большим достижением советской славистики является недавно вышедший в свет «Карпатский диалектологический атлас»¹, который представляет собой результат многолетней работы проф. С. Б. Бернштейна в области славянской диалектологии. Эта работа выходит далеко за рамки диалектологического исследования одного языка, в данном случае — украинского. Атлас содержит много интересных и новых данных, лексических и лингвогеографических, которые важны для нескольких славянских языков: украинского, польского и словацкого; при этом он имеет значение для оценки отношений между южнославянскими и восточнославянскими языками (проблема отношения украинского языка к сербскому, хорватскому и болгарскому языкам); наконец, атлас позволяет должным образом оценить роль неславянских языков, а именно, венгерского, румынского и даже других, ныне уже не существующих, романских говоров, не говоря уже о воздействии и путях проникновения турецкой лексики в языки карпатского союза. Как видим, сфера использования «Атласа» обширна и весьма разнообразна. Именно так понимал значение «Атласа» его руководитель и редактор, когда писал, что «установление взаимоотношений между отдельными славянскими языками лишь на первый взгляд может показаться простой лингвистической задачей. В действительности же это одна из труднейших проблем сравнительно-исторической грамматики славянских языков. Объясняется это тем, что славянские языки в разные периоды своей истории находились в различных отношениях друг к другу»². Это высказывание относится прежде всего к вопросу о южнославянских связях украинского языка, о которых в разной мере и с различными целями говорилось на протяжении многих лет; причем со всей определенностью следует подчеркнуть, что почти все высказывавшиеся на эту тему располагали небольшим, недостаточным и, что хуже всего, просто случайным материалом. И не только это. Круг принимавшихся во внимание южнославянских языков был в значительной степени произвольным и

¹ С. Б. Бернштейн, В. М. Илич-Святых, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева. Карпатский диалектологический атлас, ч. I, 270 стр., ч. II, 212 карт. М., 1967, (КДА).

² КДА, стр. 5.

имел совершенно субъективный характер. И потому уже сам материал требовал соответствующей и новой обработки.

Однако значительно большие сомнения вызывала методологическая сторона вопроса, а именно: проблема отбора слов для исследования (С. Смаль-Стоцкий, В. Погорелов и Т. Гартнер), сравнение нынешних диалектных фактов с данными, содержащимися в средневековых валашских грамотах (И. Панкевич), недостаточность сведений о многозначности слов (Б. В. Кобылянский). Ибо оказывается, что проблему украинско-южнославянских отношений, как об этом совершенно определенно пишет С. Б. Бернштейн, следует трактовать как более общую проблему: «Данную проблему следует рассматривать как часть большой проблемы карпатского языкознания. Языки и диалекты карпатского ареала содержат многочисленные общие черты различного происхождения. Нельзя решить вопрос о наличии «южнославянизмов» в украинском языке без изучения аналогичных фактов в словацких и польских говорах»³. Не менее важным является следующий далее вывод проф. С. Б. Бернштейна, полагающего, что различные лексические факты этого ареала следует рассматривать не только как свидетельство прежних племенных связей восточных и южных славян: многие из них (т. е. слов) могут оказаться следами древних индоевропейских языков, которые когда-то существовали на огромных территориях Дакии, Паннонии, Мизии. Затем эти языки были поглощены более поздними суперстратами, а их остатки проявляются в языках различных групп от Карпат на севере до юга Балканского полуострова. И потому более корректно говорить о карпатизмах как о самом старшем слое, в то время как балканизмы могут представлять собой более молодой слой, а именно, позднейшие заимствования (после XIV в.), особенно начиная с XVII в., когда под сильным турецким натиском происходит значительное перемещение большой части населения к северу от Дуная. Наиболее отчетливо это видно в пастушеской терминологии. Здесь обращают на себя внимание турцизмы разного типа, заимствования из новогреческого языка, а также албанизмы. Наконец, значительное место занимают здесь собственно южнославянизмы, т. е. слова сербского, хорватского, болгарского происхождения. Все эти слои следует решительно отделить, и лишь относительно карпатизмов можно говорить о древних этнических и языковых связях южных и восточных славян. С. Б. Бернштейн высоко оценивает также роль румынского языка в распространении балканизмов. И поэтому необходим тщательный анализ современных румынских говоров, а также и древних памятников этого языка⁴.

³ КДА, стр. 15.

⁴ По этой же причине в сетку пунктов КДА совершенно правильно включено 10 румынских пунктов и 2 венгерских. Здесь интересный материал даст

Особого внимания заслуживает критика тех способов, с помощью которых данное слово квалифицировалось как южнославянизм. Оказалось, что простое сопоставление данного карпатского слова с соответствующими южнославянскими словами является здесь недостаточным. В процессе диалектологических исследований последних лет удалось установить, что многие якобы карпатские слова имеют соответствия в украинских диалектах к северу от Днестра. Это весьма отчетливо обнаружилось при сравнении с лексикой говоров Полесья⁵, где обнаружено много так называемых южнославянизмов, т. е. слов, считавшихся до сих пор общими для украинских карпатских говоров и некоторых южнославянских языков. Думаю, что подобные примеры можно привести также и из говоров польского языка. К сожалению, в атласах отдельных славянских языков (польского, украинского, белорусского, а также словацкого), как и в атласах других языков, мало внимания обращается на этот тип лексики⁶. В известной степени это объясняется тем, что в общем эти слова являются периферийными для больших языковых ареалов. И потому создание специального карпатского атласа, охватывающего все языки этого района, независимо от их происхождения, является делом полезным и очень нужным для исследования истории этого района, а также отношений между отдельными славянскими языками.

Следует отметить, что атлас карпатских говоров отчасти связан с прежними языковыми исследованиями на территории Карпат. Здесь я имею в виду лингвогеографические исследования. И в этой области следует назвать, прежде всего, «Atlas językowy polskiego Podkarpacia»⁷, который главным образом ориентировался на лексику южной Малополюши (ср. *dział*, *hyrb*), в том числе и на пастушескую терминологию; именно с целью сравнения там были

«Молдавский диалектологический атлас», который подготавливается в Институте языка и литературы Молдавской ССР (ср. КДА, стр. 26, примечание № 30). Говоря о памятниках румынского языка, я имею в виду язык валахских грамот и других средневековых памятников (ср.: С. Б. Бернштейн. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М.—Л., 1948, а также работы И. Панкевича).

⁵ Ср. Н. И. Толстой. Об изучении полесской лексики. (Предисловие редактора). «Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря». М., 1963.

⁶ Это и понятно в связи с периферийностью этого типа лексики, ее ограниченностью территорией собственно Карпат и близлежащих районов. Здесь достаточно напомнить, что польск. *rajtaszyć* 'жить без брака' доходит на севере до линии Сана, как и топоним *Sihła*. Однако это исключительные случаи, так как обычно северной границей слов такого рода является линия Катовице—Краков—Жешов—Шемьсль. Ср. также: М. Кагаś. *Słownik geografii lingwistyczna*. *Rocznik Sławistyczny XXIII*, cz. I. Wrocław, 1964.

⁷ М. Маґеcki і К. Нітсч. «Atlas językowy polskiego Podkarpacia», cz. I *Mapy 1—500*, cz. II *Wstęp, objaśnienia, wykazy wyrazów*. Kraków, 1934, стр. 112.

учтены также некоторые украинские, словацкие и ляхские пункты. После II мировой войны вышли два следующих атласа: «Atlas dawnej Łemkowszczyzny»⁸ и «Лингвистичний атлас українських народних говірів Закарпатської області УРСР (лексика)»⁹. В некоторой степени с этой группой атласов связан «Mały atlas gwar polskich», широко использовавший материалы прежних работ по лингвогеографии, а также рукописные материалы М. Малэцкого, которые не вошли в опубликованный еще до II мировой войны прикарпатский атлас¹⁰.

Интерес к карпатской лексике не ограничился лишь нарицательными словами¹¹. Важное место занимают здесь также исследования имен собственных, особенно географических названий, а также географической терминологии, характерной именно для этого района. В задачу данной статьи не входит разбор всей обширной литературы. Достаточно лишь отметить некоторые, наиболее специальные, работы из этой области, имеющие при этом важное значение для изучения карпатской лексики вообще; чаще всего речь идет о словах неславянского происхождения: *groń*¹², *czerteż*, *czereמוש* (*czerechla*)¹³, *berek*¹⁴, *dział*¹⁵. Вообще географические названия на территории Карпат заслуживают всестороннего исследования, которое будет важным источником для изучения древнейшей истории, а в сочетании с исследованиями в области нарицательных слов принесет существенную пользу языкознанию, исторической науке, сотрет немало белых пятен в прошлом народов, населяющих сейчас и населявших прежде пояс Карпат¹⁶.

- ⁸ Z. Stieber. «Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny», z. I—VIII. Łódź, 1956—1964; ср. I. Rieger. «Indeks wyrazów do Atlasu językowego dawnej Łemkowszczyzny», Łódź, 1966, стр. 14.
- ⁹ Сост. J. O. Дз е н д з е л і в с ь к и й, ч. I—II. Ужгород, 1956 и 1963. — Жаль, что до сего времени не вышли в свет следующие тома этого ценного атласа, содержащего интересный и мало известный материал для карпатской диалектологии.
- ¹⁰ Mały atlas gwar polskich, t. I—II pod kierunkiem K. Nitscha, t. III—XIII pod kierunkiem M. Karasia. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1957—1970. — Том XIII содержит индекс слов и индекс реалий, список карт и другие редакционные материалы наряду с общей оценкой атласа.
- ¹¹ Ср.: S. Hrabec. Karpackie nazwy geograficzne. «I Międzynarodowa Słowistyczna Konferencja Onomastyczna». — «Prace Onomastyczne PAN», nr. 6. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961; ср. также: M. Karas. Neue und alte Schichten in Oronymie der polnischen Karpathen, Onoma (в печати).
- ¹² Z. Gołąb. Karpacki *gruń*. — «Onomastica», V, 1959, стр. 293—309.
- ¹³ A. Hrabovštiak. K etymológii názvov *Čierťaž*, *Črchlá* *Čremoš*. «Jazykovedný Časopis», VIII, 1954.
- ¹⁴ P. Galas. *Berek* «Język Polski», XXXVII, 1957, стр. 140—141.
- ¹⁵ A. de Vincenz. Karpackie *dil* || *dział*. «Symbolae Philologicae in honorem W. Taszycki». — «Prace Komisji Językoznawstwa PAN w Krakowie», nr. 17. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968.
- ¹⁶ Такого рода исследования, посвященные отдельным словам либо группам слов, проводились уже давно (ср. работы Зд. Штибера, С. Грабца, З. Го-

«Карпатский диалектологический атлас» содержит много карт, показывающих географическое размещение слов в украинских говорах. Следует отметить, что большинство из них имеет соответствия также в польских народных говорах. Не имеет смысла приводить все такие слова, достаточно указать лишь некоторые из них, а именно: ¹⁷ *watra* 142, 143, *kał* 7, *klag* 94, *klieńc* 177, *łopta||łobda* 63, *marcha* 12, *motyka* 152, *obora* 128, *ożóg* 140, *pasierb* 57, *chrobak* 23, *carok* 127, *czatyna* 39, *szerszeń* 28, *szkwarki* 91, *szczeka* 77, *szczupawka* 26, *manna* 165. Некоторую часть названных слов мы найдем уже в опубликованных ранее лингвистических атласах, перечисленных выше. Совершенно очевидно, что таких слов существует больше. Но речь идет не о количестве. Оказывается, что постулат изучения лексики всех языков, функционирующих на территории Карпат ¹⁸, находит полное обоснование в прежних исследованиях. Лишь с целью проверки рассмотрим географию только двух слов, известных в польских говорах, а именно: *kał* и производные от него, а также слово *klieñc*, упоминаемое С. Б. Бернштейном во вступлении к Карпатскому атласу ¹⁹.

I. *Klinieć* ²⁰

1. 'ухналь, подковный гвоздь' — Żarnówka p. Sucha; *klieñc*, Więciórka i Sidzina Górna p. Myślenice; *klyñec*, Rabka — Zaryte p. Nowy Targ; *klieñc*, Orawka p. Nowy Targ; *klince*, Orawska Lesna (ČSSR); «*nie było klinca*», Nowoć (ČSSR); *kliniec*, Czarny Dunajec, Rogoźnik, Zakopane p. Nowy Targ; «*za jedyn klieñc stracił p^otkowe*», Podhale; *kliniec*, Łopuszna p. Nowy Targ; *klieñc*, Sromowce Wyżne p. Nowy Targ; 2. 'тип гонтовой крыши', ок. Tykocina; 3. 'кусок полотна; клин, вставляемый в брюки' — Łopuszna p. Nowy Targ; 4. 'участок земли в виде клина' — *klieñc*,

ломба, Е. Павловского). Однако необходим синтетический подход к вопросу. Это можно сделать только при помощи лингвогеографии и исторической диалектологии, принимая во внимание данные ономастики. Здесь неуместно цитировать обширную литературу. Следует добавить, что истории заселения Карпат много внимания уделяют не только лингвисты; ею занимаются также этнографы и историки, географы. В общем комплексная разработка географическо-демографических отношений на Карпатах является задачей, стоящей перед наукой всех карпатских стран.

¹⁷ Приведенная рядом цифра обозначает номер карты в КДА.

¹⁸ Исследования этого типа имели бы существенное значение также для проблем многоязычия, для изучения процессов заимствования и степени межязыковых влияний как в рамках одной языковой семьи, так и при исследовании взаимодействий систем, резко различающихся генетически и типологически.

¹⁹ Ср. КДА, стр. 20.

²⁰ Материалы взяты из картотеки Словаря польских говоров (Zakład Językoznawstwa PAN w Krakowie); по мере надобности я использую также и другие, более ранние материалы (J. Karłowicz. Słownik gwar polskich); библиографические данные не приводятся за недостатком места.

klinca, Zaryte p. Nowy Targ; 'название поля' — «od północy rozciąga się *Kliniec*, tak nazwany od klinowatego kształtu», Piaski Wielkie p. Kraków; следует также добавить, что такого рода топонимы — *Klin*, *Kliny*, *Kliniec* — довольно часто встречаются в разных местах Польши.

Как видно из приведенного материала, название *kliniec*, pl. *klince* в основном значении 'подковный гвоздь, а также деревянный гвоздь для прибивания гонта' выступает на довольно компактной территории, а именно: Спиш, Подгалье, Орава и соседние районы, расположенные к северу. Во всяком случае, здесь речь идет о монолитной территории, продолжающей к тому же географию этого слова в Закарпатской Руси²¹. Это во-первых, во-вторых, как география, так и значение указывают, что это слово — типично карпатское, не заимствованное, славянского происхождения, явно связанное с *klin* (первоначально 'деревянный колышек для раскалывания дерева'), причем, его специальное значение 'подковный гвоздь', несомненно, является более поздним, связанным с проникновением городской культуры и самого железа как материала, из которого делались орудия. Дзендзелевский приводит еще значение 'гвоздь для прибивания подошв'. В свете этого легче понять первоначальное употребление слова *kliniec*. Одновременно это связывается с общепольским названием *kołek* для обозначения 'деревянные гвозди для прибивания подошвы'. Наконец, следует помнить, что использование дерева как средства соединения разных материалов частично сохранилось до настоящего времени (особенно при изготовлении различных предметов быта).

Как уже говорилось, это слово исконное, т. е. славянское. Чтобы признать его действительно лексическим карпатизмом представляется недостаточным, по моему мнению, учитывать лишь его географию и факт существования в польских и украинских говорах. Возникает вопрос, как обстоит дело в других языках карпатского ареала. К сожалению, я не располагаю соответствующими диалектологическими материалами. Это слово отмечено в словаре словацкого языка: *klinec*, *klinca* 'тонкий и острый предмет из железа, используемый для прибивания или сколачивания деревянных предметов'. В подобном значении это слово выступает в южнославянских языках: болг. *klinec* 'подковный гвоздь', серб.-хорв. *klinac*, *klinca* 'гвоздь, деревянный колышек'. Это сходство заставляет задуматься. Оно недвусмысленно указывает на то, что данное слово и географически, и по значению очень четко определено. Это позволяет делать вывод, что действительно мы имеем здесь южнославянизм в карпатских говорах, распространенный от южной границы Балкан до южной Малопольши.

²¹ Ср. J. O. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас, ч. II. Ужгород, 1960, карта № 235.

II. *Kał* и производные слова

1. 'грязь, слякоть' — Sękowa p. Gorlice; «jak zagrzmi po św. Michale, siej chłopie zyto w *kale*», Rzeczyca Długa p. Tarnobrzeg; *kał* 'небольшая грязь'. Wąworków p. Opatów; «powięzną śkapiny na *kale*», ок. Radomia; z *kału*, Poznańskie; *kâl* 'грязь, реже — лужа', Byszewo p. Bydgoszcz; *kól*, *kału*, Podróżna p. Złotów; *kał*, Stobno p. Złotów, *kaу*, Łąg p. Chojnice; *kóу*, Sielczno p. Kartuzy; *koł*, *kôł*, *kaleskыe*, *kaleszcze*, Kaszuby; *kał*, Sławatycze p. Włodawa; слово не известно в Huszczy p. Biała Podlaska;

2. 'лужа; вода, густая от ила' — «ve stojaku je sum *koу*», *koу*, *kaуи*, Harbutowice p. Cieszyn, Rogów p. Rybnik; «po dyscu *kaуи* stoju», Rudawiec p. Lubliniec; *kał*, *kalec*, ок. Bochni; «f śrotku ułlice byц taki wéłgi *kaу* vody ... pšuprovažuу go do *kâуи*», Przędzel p. Nisko; *kaу*, Strzeszkowice p. Lublin; *kał*, Dorohucza p. Chełm; *kał* 'вода, которая стоит после дождя', Huta Szklana p. Iża; *kâl*, *kaуy*, Lechów p. Kielce; «*kaуи* stojo na droze z byотem», Wilków p. Kielce; *kał* 'locus silvester et paluster', Miejska Górka p. Krobia; *koу*, Lutowo p. Sępólno;

3. 'маленький пруд' — *kâl*; *kał* 'название местности, где есть маленький пруд', Poznańskie;

4. 'торф' — *koу*, Trzebuń p. Kościerzyna; *kóу*, *kaуи*, Boryszkowy p. Człuchów;

kałnik 'низина с грязной дождевой водой около дома', *kałnik* Żdźary p. Łuków;

kałny 'грязный, мутный' — *kałnâ voda*, Rycerska Mała i Rycerska Górna p. Żywiec; *kałnâ voda*, Facimiech p. Kraków; *kałno* вода, Niepołomice p. Bochnia; «*kałno* voda ... mo jakiśi *kałne* woču», Kozakowice p. Cieszyn; *kałno* albo *kałono* вода, Jabłonków (ČSSR); *kałnâ voda*, Wisła p. Bielsko; «po te *kałnej* wodzie», Jaworze p. Bielsko; *kałno* вода, Jankowice p. Rybnik; «voda momy *kałno*», Rogów p. Rybnik; «to je *kałnou* voda», Stara Jamka p. Niemodlin; *kałno* вода, Jędrysek p. Lubliniec i Zborowski; *kałnâ voda*, Śląsk; *kałne* 'сырое полотно' Mszana p. Chełm;

kałnie — «rzyka zgńyle a *kałnie* płuńe», Sulków p. Głubczyce; *kałać* (*się*) — 'испачкать, измазать (грязью)', Podhale; 'грязнить' Ropczyce; «kałs ty še *koloу*», Jędrysek p. Lubliniec; «še krova *kolo*», Podręby Majdańskie p. Kolbuszowa;

kałić — 1) 'мутить, делать мутным' — «ńe *koł* vody», Kozakowice, Harbutowice, Wisła, Zarzecze, Istebna, Brenna p. Cieszyn; Rogów p. Rybnik; «ńy *kał* mi tej vody», Jankowice p. Rogów; «bo jyny vodom *kałiś*», Sulków p. Głubczyce; Jędrysek p. Lubliniec; «żeby *się* krowy zanadto nie *kałiły*», Podhale; «bydwo *skalońe*», Sidzina i Więciórka p. Myślenice; ок. Wadowic; *kałić* *še*, Śmigno p. Tarnów; *kałić* *še*, Radgoszcz, Samocice p. Dąbrowa

Tarnowska; Sękowa p. Gorlice; Lubatowa, Żarnowiec p. Krosno; Jaćmierz p. Sanok; 2) 'белить, красить стены', Wisła p. Cieszyn; Brenna, Istebna p. Cieszyn; Międzyrzec p. Radzyń; 3) 'закалять железо', Harbutowice p. Cieszyn.

Kalić часто также выступает с различными приставками, а именно: *nakalić*, *przekalić*, *skalić*, *zakalić*. Однако это более редкие формы, во всяком случае, не основные. Кроме того, следует еще назвать такие слова, как *kaleń*, *kalenica* (название происходит от *kalonych*, 'намоченных в разведенной глине снопов верхнего ряда покрытия'²²), *zakalec* 'недопеченный слой в хлебе', слово, впрочем, литературное, как и *kał* в несколько ином, специализированном значении.

Географическая картина слова *kał* и производных от него выглядит совершенно иначе, чем слова *kliniec*, тем не менее, и здесь можно выделить определенные ареалы. География *kał* (слово, свойственное и литературному языку) представляется совершенно иной. Легко заметить, что *kał* выступает прежде всего на юге и на севере польской языковой территории; но это слово отсутствует в нескольких крупных районах, особенно на Мазовше, в малой степени встречается *kał* в Великопольше. Наконец, видны некоторые различия в размещении отдельных значений этого слова.

Что касается географии глаголов, то легко можно заметить, что употребление их в принципе ограничено югом и горной частью Малопольши. Исключительные случаи их употребления, засвидетельствованные в других местностях, в принципе не меняют общей картины. При этом следует подчеркнуть тот факт, что *kalić* 'белить, красить' встречается почти исключительно в Силезии.

Приведенные мною из польских диалектов слова *kliniec* и *kał*, вместе с производными словами, убедительно показывают, что связь лексики диалектов различных славянских языков на территории Карпат является бесспорной, что исследования этого типа лексики могут дать интересную и важную информацию для славянской этимологии и для изучения материальной культуры именно этого района. Оказывается, что нельзя ограничиться только Карпатами. Необходимо также принимать во внимание близлежащие районы. Это во-первых. Во-вторых, совершенно ясно, что исследования, начатые проф. С. Б. Бернштейном, и те данные, которые содержит «Карпатский диалектологический атлас», должны стать предметом дальнейших исследований в диалектах польского и словацкого языков, а также, пожалуй, частично и чешского, с одновременным включением южнославянских

²² Ср.: К. Nitsch. Z geografii wyrazów polskich, A. Części domu: 5. *kalenica*, przedruk: Wybór pism polonistycznych, t. II Studia wyrazowe. Wrocław—Kraków, 1955, стр. 55—60.

языков (по которым, к сожалению, имеется недостаточно материалов, отвечающих требованиям лингвогеографии). Ибо оказывается, что периферийность данного слова в украинских карпатских говорах не предопределяет его карпатского характера. Далее, представляется, что детальные исследования позволяют дать четкую дефиницию южнославянизмов, карпатизмов и балканизмов, которые справедливо и с успехом выделены С. Б. Бернштейном. Более точного определения требуют слова, перенесенные со славянского юга в район Карпат; здесь необходимо различать общие и унаследованные элементы от элементов, заимствованных в более позднее время.

Вслед за тем встает проблема критерия. А именно: будет ли здесь решающим фактором география или употребляемость данного слова в одном или нескольких языках независимо от их происхождения. Уже приведенные примеры *kał* и *kliniec* указывают или даже открывают большие возможности для интерпретации. Как видим, исследования проф. С. Б. Бернштейна и его сотрудников выявили новый, огромный комплекс проблем, до сих пор мало либо недостаточно учитывавшихся в диалектологических исследованиях и весьма существенных для истории и формирования нынешних языковых отношений.

Тем не менее такого рода исследования должны проводиться в разных аспектах. Здесь недостаточно только лингвистической географии сравнительного типа; желательны были бы также исследования карпатской лексики в отдельных языках, накопление словарных материалов, собирание географических названий. Ибо тогда можно будет решиться на синтетический подход к современному состоянию и на надлежащую интерпретацию направлений изменений и эволюции, начиная с древнейших времен. Карпатский ареал и проводимые в нем исследования дают возможность применять различные методы исследования истории языков и говоров ²³.

Перевела с польского

Л. И. Масленникова

---

²³ Представляется, что такого рода исследования должны быть предприняты в связи с «Общеславянским лингвистическим атласом». Это было бы удобным поводом собрать соответствующий материал из всех славянских языков, имеющих значение для данного района. «Карпатский диалектологический атлас» стал бы для этого прекрасным исходным пунктом как с точки зрения отбора соответствующих слов, так и метода самих их исследований и сопоставлений.

О так называемых двухсторонних чередованиях гласных

В. Кипарский

Одним из интереснейших типов чередования гласных, так называемого аблаута, являются чередования двухсторонние типа CVCC—CCVC. Название «двухсторонние чередования» я перевожу с данного им Шевелевым названия «bilateral alternations»¹. Этот тип представлен в славянских и балтийских языках не только древними, восходящими к индоевропейскому языку примерами, но и новообразованиями. Наиболее известны следующие сопоставления.

*deru-: русск. *дерево*, ст.-слав. дрѣво, лит. dervà 'смолистое дерево, смола'.

*dorū-: др.-русск. *здоровъ*, ст.-слав. здракъ 'здоров', латыш. darva 'смола', греч. δόρυ 'дерево, бревно, доска, конь'.

*dru-: др.-русск. *дрѣва*, русск. *дрова*, др.-инд. dru- 'дерево, деревянная посуда'.

*dreu-: лит. drevė, латыш. dreve 'дупло с пчелами', гот. triu 'дерево'.

*drou-: лит. dravis, латыш. drava 'дупло с пчелами, лесной улей'.

*drēu-: ? лит. drėvė = drevė. Может быть, только удлинение гласного под ударением.

*drōu-: лит. drōvė 'дупло', латыш. drāva 'внутренность улья'.

*dheus-?

*dhois-: русск. *дух, душа*, лит. daĩsos 'рай; небо; верхние слои воздуха, теплые края'.

*dhus-: русск. *дохнуть* (< *dъch-), лит. dūsas 'астма и т. п. затруднения дыхания', нем. Dusel 'легкое опьянение'.

*dhūs-: русск. *дышать, дышать*, лит. dūsioti 'дышать'

*dhues-: латыш. dvesēt 'каплять; пыхтеть'.

*dhūes-: лат. bestia 'зверь, животное'. В семантическом отношении ср., например, рум. dihănie 'зверь, животное' < ст.-слав. дыхање 'живое существо'; латыш. dvēsele 'дыхание; душа'.

*dhuos-: русск. обл. (употребляется, например, М. Шолоховым в романе «Тихий Дон») *двошáть, двоха́ть* 'дышать сильно,

¹ G. Y. Shevelov. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964, стр. 120—121.

скоро', *двошить* 'пахнуть, вонять'², лит. *dvasià* 'дух', латыш. *dvaša* 'дух, дыхание'; ср.-нем. *getwas* 'дух, привидение'.

**dhūōs-*: ? лит. *dvoziū* (<*dvosgiū) 'жгу (о вкусовых ощущениях)'.

Менее известно сопоставление, сделанное мною в 1934 г.³:

**(s)qel-*: др.-исл. *hvelir* 'громкий'.

**(s)qol-*: др.-исл. *skvala* 'громко говорить, звать, кричать', швед. *skvallra* 'болтать языком, сплетничать'.

**(s)qēl-*: ?

**(s)qōl-*: русск. *хвалить*.

(s)qul-*: греч. *σχολάζει* 'щенок' (собственно 'кричащий, лающий'). Шевелев (см. указ. соч.) относит сюда же и польск. *chlubić się* (<xulb-*) 'гордиться, хвастаться'.

**(s)qūl* русск. *хилый*, др.-русск. *хыляние* 'стыд, стеснение', польск. *chulić* 'наклонять', болг. *хилав*, 'хилый', *хила се* 'иронически уметься'. Первоначальное значение было, вероятно, 'жалующийся', откуда 'боязливый, неуверенный, слабый, держащийся в согнутом положении'.

**(s)qeul-*: ?

**(s)qēul-*: ?

(s)qōul-: русск. *хулить*, чеш. *chouliti* 'склоняться'. Возможно, что сюда же следует отнести и гот. *holon*, др.-англ. *hōlian* 'клеветать', др.-в.-нем. *huolian* 'обманывать'. Как еще в 1907 г. указал Г. А. Ильинский⁴, следует исходить из первоначального значения 'громкий крик', откуда, с одной стороны, 'ликующий крик, хвала', с другой — 'крик уничижительный, хула'. В отмеченном Е. Ф. Карским белорусском выражении *хула́ табе, бѣжа* 'хвала тебе, боже' (в издании, подготовленном В. И. Борковским в 1955 г., на стр. 113 первого выпуска) Ильинский видит «последний отголосок» той эпохи, когда *хвала* могло означать и *хулу*, а *хула* и *хвалу*. В качестве семантической параллели приведу еще лат. *acclamare* 'провозгласить', которое может употребляться как в положительном, так и в отрицательном смысле, в зависимости от объекта: *poscentem acclamare* 'провозгласить виновным', но *liberatorem acclamare* 'провозгласить освободителем'. Что же касается значения 'хилый, слабый, неуверенный' (ср. чеш. *choulostivý* 'чувстви-

² Собственно говоря, ожидается *двосать, так как после *o s* не переходит в *x*, но, вероятно, *x* и *ш* выведены из семантически близких *дышать, дышать*.

³ См.: V. K i p a r s k y. Die gemein-slavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934, стр. 34—35.

⁴ См. статьи Г. А. Ильинского («Archiv für slavische Philologie», XXIX, 1907, стр. 167; «Изв. ОРЯС», т. 20, 4, 1916, стр. 179 и т. 23, 1, 1921, стр. 168—170). Ср. также замечание Ондруша: «... Генетически правильно отождествить морфемы *chval-* в глаголе *chvaliti* и *chul-/chyl-* — в глаголах *chuliti*, *chyliti se*. . . Таким образом, следует возвратиться к старой этимологии Ильинского» (S. O n d r u š. Československé přednásky pro VI mezinárodní sjezd. Praha, 1968, сmp. 117).

тельный, деликатный, щекотливый'), то следует обратить внимание на чеш. *zakřiknouti* 'vykřikem přimět k mlčení (криком заставить замолчать)'

Мне кажется, что к приведенным выше примерам и тем, которые упоминаются у Шевелева (указ. соч., см. выше), можно прибавить еще один, который, насколько мне известно, до сих пор не рассматривался как двухстороннее чередование, а именно:

**tvēg-*: лит. *tvėgiù/tvėrti* 'схватить, охватить (забором); связать; удержать, выдержать; создать, оформить'.

**tvog-*: др.-русск. *творъ* 'вид, наружность', *творьць* 'создатель', русск. *сотворить* 'создать', лит. *ar-tvagas* 'охваченное забором место, загон для лошадей', латыш. *ar-tvags* 'обвод(ка); неол. 'контур'.

**tvēg-*: лит. *tvėgė* 'кольцо или лента, которой охватывают клинок косы и прикрепляют ее к косовищу', *tvėgiau* прошедшее время от *tvėrti*.

**tvog-*: русск. *тварь*, др.-русск. *тварь* 'изделие, создание; устав, обычай; убранство', чеш. *tvar* 'вид, форма', *tvář* 'лицо, щекá', лит. *tvogà* 'забор, ограда'; вероятно, также *тварог* (*тварог*), ср. лат. *formaticum* 'сыр' от *forma*.

**tug-*: лит. *tūrėti* 'иметь, владеть, держать', латыш. *turēt* 'держатъ, содержать'.

К этим упоминающимся во многих этимологических словарях сопоставлениям предлагаю прибавить еще следующие, которые, насколько мне известно, этимологически еще не объяснены:

**tug-*: русск. простор. *тырить* (чаще *стырить*) 'воровать, красть'. Слово, по-видимому, еще не было исследовано этимологами, так как, например, у Фасмера вообще не упоминается. На стр. 36 III тома своего этимологического словаря Фасмер приводит только *стырить* 'спорить, упрямиться и т. п.' и снабжает его пометой «unklar». Первоначальное значение было, вероятно, 'схватить, стащить'.

**tēg-*? русск. *чур*, *чур меня*, *чересчур* 'слишком, чрезмерно', *чур(оч)ка* 'кусочек дерева'. Если, как предполагает Шанский⁵, первоначальное значение было 'граница, край' и 'кол, отмечающий границу', что вполне вероятно, то семантическое сопоставление с вышеуказанными формами в значении 'держатъ, охватить забором и т. п.', возможно. Сравни перевод русского *чур меня* через немецкое *halt!* у Фасмера⁶.

**tōg-*: русск. *турить* 'гнать', болг. *тўрям* 'оставлять, держать постоянно; положить, подать; надеть; прикрепить, поставить и др.' *турям рѣка на нецо* 'завладеваю чем-нибудь', *турям*

⁵ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стр. 371 и 375.

⁶ M. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. III, стр. 358.

под ключ 'держу взаперти.' На основании этих значений Младенов⁷ сопоставил славянские формы с лит. *turėti* 'иметь', *paturoti*. Значения последнего Младенов не приводит, но так как лит. *pāturoti* значит 'понаблюдать', то оно едва ли относится сюда.

Если предположить позднюю, так называемую «аффективную палатализацию», как, например, великорусск. *дѣжій* ~ польск. *duży* 'большой, крупный'⁸, то сюда же можно отнести и русск. *тюря* 'род хлебной крошки с водой или с квасом'. Семантически сопоставление возможно, если *тюря* первоначально было своего рода «пудингом», который «запихивали» в форму, ср. выше *тварог* и лат. *formaticum*. По моим личным воспоминаниям, русские няни называли *тюрей*, *тюрькой* сладкий «пудинг» для маленьких детей, который приготавливали следующим образом: в чашку с молоком насыпали мелко крошенный белый хлеб, смесь отжимали и чашку опрокидывали на блюдечко. «Пудинг» посыпали сахаром.

Об одной карпатоукраинско-южнославянской лексической параллели

Г. П. Клепикова

Первые итоги систематического изучения юго-западных украинских диалектов, ставящего своей целью выявление общих с южнославянскими языками черт в области лексики и семантики, подведены в недавно вышедшем из печати «Карпатском диалектологическом атласе»¹. Предполагается, что обработка и издание материалов, собранных по «Программе КДА», будут продолжены. Правда, эта программа не может считаться исчерпывающим перечнем явлений, которые следовало бы изучить в связи с указанной проблемой. «Программа КДА», как, впрочем, вопросник любого атласа, отражает лишь те диалектные данные (опубликованные и неопубликованные), которые были известны к моменту ее создания (см. КДА, стр. 25). По мере дальнейшего изуче-

⁷ С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 643.

⁸ См.: G. Y. Shevelov. Указ. соч., стр. 275.

¹ С. Б. Бернштейн, В. М. Илич-Свитыч и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967 (271 стр.+212 карт — ротопринт) (далее: КДА). Подробнее о его задачах см. во вступительной статье С. Б. Бернштейна (КДА, стр. 5).

ния карпатских диалектов, в том числе и в рамках КДА, обнаруживались новые, не отмечавшиеся до сих пор, лексемы, общие этим диалектам и южнославянским языкам. К сожалению, они уже не могли быть включены в программу и, следовательно, не собирались на всей территории КДА. Вот почему в настоящее время можно лишь констатировать существование их в диалектах обоих ареалов, но нельзя установить точное географическое распространение этих лексем в карпатской зоне, равно как и их семантическую амплитуду. Тем не менее, подобная констатация заслуживает, на наш взгляд, внимания.

Настоящие заметки посвящены слову *карúба*, зафиксированному наряду с некоторыми другими (см. КДА, стр. 30) в украинских говорах Карпат, помимо «Программы КДА».

Оно записано в некоторых говорах на Гуцульщине: *карúба* 'ящик, в котором взят что-либо', ср. однокоренной глагол *карúбчэть* (например, загнилу трупэну *карúбчэлэ*) (с. Устерики, в КДА — п. 72), также *карúба* 'старая раскошная бочка, вышедшая из употребления' (с. Яблуница, п. 70)².

Наиболее точные в фонетическом отношении³ соответствия этим словам мы находим в южнославянских языках, хотя, как видно из приведенных ниже примеров, семантические расхождения довольно значительны.

1а. Для болгарских диалектов наиболее характерными являются значения 'дерево с дуплом', 'дупло': *корúба* 'хралупа, издута кора на дърво' (Соф. — БД I, 282), *корлúба* || *корúба* 'хралупа' (Доброславци Соф. — БД II, 86), *курúба* 'вътрешна част на гнило дърво' (Бойница Вид. — собственные наблюдения), *корúба* 'хралупа'⁴ (Габаре БС — ИИБЕ IV, 158), *курúбъ* 'то же' (Правец Бот. — СбНУ XLIV 501; Тр. — БД IV, 209; ср. и *курúбъ* 'с хралупест', *искурúби* 'изгнива, получава хралупа' там же, стр. 205⁵); *корúп* 'кухо дърво, дънер' (Странджа — БД I, 99; ср. и *курубэс* 'кух, извит' там же⁶). Эти значения слова *куруба* приводятся и в словарях литературного языка (РСБКЕ, БТР; также МБТР, Геров, Дювернуа). У однокоренных существительных отмечены сходные значения: *корúбина* 'дебело дърво с дупка'

² Ср. и: *виплела йм корубэль* и пустила на Дунай (I. В е р х р а т с к и й. Говор батюків. Львів, 1912, стр. 249).

³ Имеется в виду прежде всего *y* во втором слоге. Различие гласных в первом слоге (*a* — в карпатоукраинских словах, *o* — в южнославянских), возможно, возникло по той же причине, какую предполагает В. Махек для объяснения колебаний в начальной морфеме слова *skořarka* (ср. чеш. *skořarka*, *skořipka*, *skořouřka*... || *škarǫrka*, *škarupka*, сльв. *skorupa* || *škastur* и т. д.). По его мнению, эти изменения — результат «изолированности слов», и представляют собой «*štimofádné změny*» (Mašek, стр. 548).

⁴ Также: 'гръден кош'.

⁵ И: *корúбести* 'изгнивали (за подници)' (Ново Село Тр. — БДР).¹

⁶ Ср. и: 'приспособление за ловене на дивеч': отмечено и *искурúбен* 'извит във вид на полудъга' (там же, стр. 90).

(Год. — БДР; *корубес* 'с пустотой внутри'⁷). Ср. также в македонских диалектах: *курбина* 'дупло' (Пилькати Кост. — ИС).

В некоторых румынских говорах к северу от Дуная известны слова *согобанă*, *согобаіе*, обычно сопоставляемые с болг. *коруба*, с.-х. *koquba* (DLR). В Молдове *согобанă* имеет значения 'дуплистое дерево, дупло в дереве' (DLR⁸, ср. и *știub¹ei dintr-o согобанă di сорас¹* — зап. Бакэу, п. 531 — ALR I, карта № 264); в Банате: *согобаіе* 'то же' (DLR; там же *согобаіос* 'дуплистый'); в области Горж *согобаіе* 'дупло' (DLR), *согобаіе||іем согобаіос* 'дуплистое дерево' (зап. Тыргу-Жиу; п. 836 — ALR II, карта № 609) и, наконец, в Олтении *согобаіе* 'глубокая долина' (DLR)⁹.

Для некоторых южнославянских диалектов указанные выше значения — 'дуплистое дерево', 'дупло' — могут рассматриваться в качестве исходных в сложной семантической эволюции слов с корнем *korub-*.

16. Одной из стадий этого развития являются значения, в которых подчеркивается искусственное происхождение пустоты в дереве, древесном стволе: *курубъ* 'празнина в дървото по дължина, продълговата вдълбнатина в дърво или друго нещо' (Сам. — БД III, 234), *коруба* 'дебел дървен труп, издълбан в средата' (Веригово Карл. — БДР; и: 'ограда на кладенец'¹⁰). Здесь же следует упомянуть значения, содержащие указание на хозяйственное использование выдолбленного дерева: *коруба* 'дървено корито от тѣнко дърво, което се употребява за поливане' (Говедарци Сам. — ИИБЕ IV, 309; и близкое: 'улей в воденицата' — см. ниже); *куруба* 1) 'подвижна ясла от корубесто дърво или скована от дъски', 2) 'улей от корубесто дърво или нарочно издълбан за превеждане на вода' (Смолско Пирд. — БД IV, 114), *коруба* 'издълбано корито за хранене животни' (Ихтиман — БД III, 92; и: 'улей за отвеждане вода', см. далее), 'деревянный сосуд из ствола дерева, служащий для кормления животных' (Габер Год. — БДР), *корубла* 'издълбан ствол на дебело дърво, в което слагат брашно' (Кесарево Ор. — РР XIV, 92). Ср. также *коруба* 'сосуд из выдолбленной и высушенной тыквы' (Девисилово Кр.)¹¹,

⁷ Также: 'навито като свод на купел' (ср. и МБТР).

⁸ Ср. и молд. *коробанă* 'дупло' (Дикционар молдовенеск-русеск. М., 1961).

⁹ С болг. *коруба* сопоставляют и рум. диал. *согоаă* 'scindură uscată' (обл. Хагер), *согуа* 'tava făcută din coajă de brad' (обл. Бран, Мусчел) (S. Pușcariu. Etimologii. «Dasoromania», v. II. Cluj, 1922, стр. 596).

¹⁰ Ср.: *курубъ* 'дървена или каменна ограда на кладенец' (Войнягово Карл. — БДР; там же *искурубом съ* 'прегърбам се').

¹¹ Г. П. К л е п и к о в а. Материалы для словаря юго-восточных болгарских говоров. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 151; там же о переходе *ы* < *у* под турецким влиянием.

коруба 'кора от тиква, която замества съд' (Долен Момч. — БД II, 191), *курбина* 'то же' (там же — стр. 195).

1в. В ряде болгарских говоров зафиксированы значения, сходные с указанными выше, однако основной семантический признак подвергается трансформации: '(сделано) из (полого) древесного ствола' → '(сделано) из дерева': *коруба* 'пошви за хляб' (Каменица Кюст. — СБНУ XL, 98; Кюст. — СБНУ XXXII, 215), *курубъ* 'корыто из дървета для скота' (Русала Тырн. — БДР)¹². В восточносербских говорах отмечено то же значение: *корубина* 'деревянное корыто' (обл. Лужница и Нишава — СЕЗБ XVI, 51); ср. и у кочевников-каракачан, живущих на юге Болгарии: *коруби* 'корыто из досок'¹³. Довольно широко распространено в болгарских говорах и значение '(часть) жолоб(а) в мельнице' (Сев. зап. Болгария — СБНУ XVIII, 2, 170; Бобошево Ст. Д — СБНУ XLII, 264; ср. и *коруба се* 'гърбя се' — там же), 'дървен улей' (Тет. — СБНУ XXXI, 291; Момина Клисурса Паз. — БДР); с этим же значением слово *коруба*, как указывалось выше, в п. 1б, известно в р-не Самокова и Ихтимана. Видимо, сюда же можно включить и: *коруби* 'приспособления, в които стоят скрипците в домашния стан' (Чокманово, Серафимов, Турян, Райково См. — БД II, 191), а также *корупки* (ед. ч. *коруп*) 'вертикальные планки в ткацком станке, имеющие выемки, в которые кладут «задно кросно»' (Сев. зап. Болгария — СБНУ XVIII, 2, 104).

В албанском языке *korube* (*kurube*), являющееся несомненным заимствованием из славянского¹⁴, имеет значение 'пчелиный улей'¹⁵.

1г. Наконец, косвенная связь с первоначальными значениями ощущается и в ряде других значений. Они характеризуются ослаблением семантического признака '(сделано) из (полого) древесного ствола'. Он трансформируется в признак 'имеющий

¹² Это же значение данного слова лежит в основе и некоторых топонимических названий: *Корубата* 'дол' (И. З а и м о в. Принос към проучаване на самоковската ономастика. «Onomastica», т. X. Kraków, 1965, стр. 105), *Корубата* 'изворче', *Корубите* 'извор с няколко коруби' (О н ж е. Местните имена в Пирдопско. София, 1959, стр. 193), *Коруба* 'корита край воденицата' (Б. С и м е о н о в. Етимологичен речник на местните названия от Годечко. — ГСУ, фак-т по славянска филология, т. LX, 1966, стр. 172).

¹³ В. М а р и н о в. Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България. София, 1964, стр. 53.

¹⁴ Вопреки мнению Э. Чабея, возводящего алб. *kurube* к греч. *κοιροπίου* и под. 'разбитый сосуд', 'цветочный горшок' (Е. С а б е ј. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe. XII. «Studime filologjike», XVIII, № 1. Tiranë, 1964, стр. 74, 94). Ср. в албанских говорах на территории Греции — *kurupi* 'Topf' (о-ва Порос, Гидриа: G. Weigand. Das albanische Attika. «Balkan-Archiv», Bd. II. Leipzig, стр. 212).

¹⁵ Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954; S. M a n n. An historical albanian-english dictionary. London—New York—Toronto, 1948; ср. и: А. М а с е л и щ е в. Славянское население в Албании. София, 1931, стр. 167.

полость, полый внутри'. Указанный признак является основным в следующих значениях: *коруба* 'часть на гърне' (Сев. зап. Болгария — СБНУ XV, 2, 60), 'саксия' (Дедева Пловд. — БДР), *корупче* 'стъклен съд за сладко' (Малко Тырново — БДР)¹⁶. Этот же признак можно усмотреть и в: *коруба* 'гърдният кош със стомашна кухина' (Враца — СБНУ XIV, 3, 203; Габаре БС — см. выше, п. 1а; также МБТР); *корубесина* 'гърден кош на старо едро животно, човек' (Комшица Год. — БДР), *корубина* 'внутренности' (Брезник — СБНУ XLIV, 57). В македонском языке — *корубина* 'хребет заколотой свиньи' (РМЈ). Далее можно указать значение 'капкан на лисиц' — *коруба* (Галата Тет. — БДР; также в странджанских говорах — см. п. 1а). В восточносербских говорах слово *коруба* известно со значением 'дымоход, сплетенный из прутьев' (обл. Поляница и Клисурса — СЕЗБ VI, 66).

2. В некоторых западноболгарских, а также македонских и восточносербских говорах слово *коруба* и его варианты отмечаются со значением 'кора', 'корка', 'скорлупа' и под. (ср. и: МБТР, РМЈ)¹⁷ — *коруба* 'кора от дърво (когато е суха)' (Дебр — ИССФ II, 297), *коруб* 'вънкашна обвивка' (Разлог — СБНУ XLVIII, 334), *корубину* от тиква (Расник р-н Брезника — СБНУ XLIV 618), *корупка* 'Schale, Melonenschale, Eier-' (Титово-Велес¹⁸, также 'корка дыни' — СБНУ XVI—XVII, 3, 328), *коруба* 'кора' (Александровац)¹⁹, *коруба* (от тиква) (тимочский говор)²⁰, *корубине* 'корки дыни, арбуза', *коруба* (Куманово)²¹, *коруба* од лубенице и дйне (Косово и Метохия — СДЗБ IV, 315; также *коруба* 'љуска' — СЕЗБ VII, 260²²), *корупка* 'ореховая скорлупа' (Вишени Кост. — ИС), *корупка* 'скорлупа ореха', 'панцирь черепахи' (Граждане, Оровник Лер. — ИС). Значение 'панцирь черепахи' известно и в некоторых других говорах: *коруба* од корьаче (обл. Левач и Темнич — СЕЗБ XIII), *корупка* 'то же' (Старково Лер., Руля Кост. — ИС; см. и РМЈ) и далее — 'черепаха': *корупка* (Цер, Битоль — СБНУ XIX, 259), ср. также сложные слова: *коруба-жаба* (Стара Загора — СБНУ X, 3, 216), *корубна жаба* (Русаля Тырн. — БДР). Наконец, слова с корнем *коруб-*

¹⁶ Ср. также значения однокоренных слов: *корубести* тѹѹли 'полые кирпичи' [Ст. Д. — Н. В. Котова. Говори в Станке-Димитровско (рукопись хранится в Софийском университете)].

¹⁷ Также и: *куруба*, *курубки* 'дольки чеснока' (р-н Первомай) (СБНУ I, 78).

¹⁸ N. Reiter. Der Dialekt von Titovo-Veles. Berlin, 1964, стр. 169.

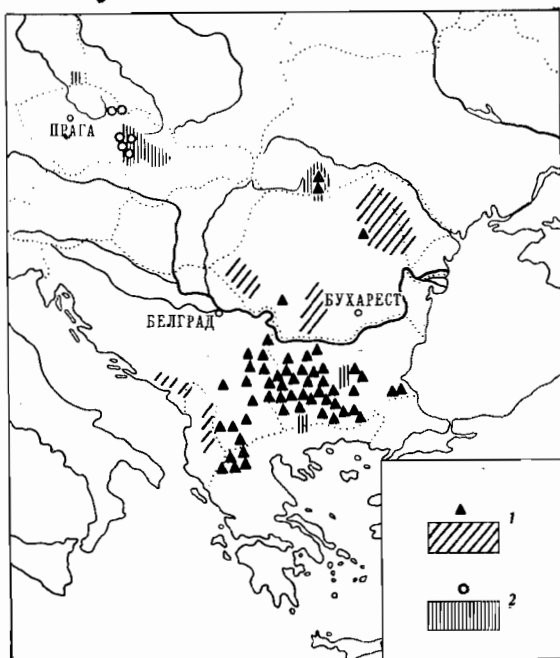
¹⁹ Р. Алексич, С. Вукманович. Основные особенности александровачког и бруског говора. «Анали филолошког ф-та Београдског ун-та», № 6, Београд, 1966, стр. 314.

²⁰ А. Велић. Дијалектни Источне и Јужне Србије. — СДЗБ, I, 35.

²¹ Б. Видоески. Кумановскиот говор. Скопје, 1962, стр. 128, 100.

²² В сербских говорах весьма часто отмечается и глагол *корубати* 'љуштити кукуруз' (юго-западные области — Караџић; ср. RNSJ), также *корубање* (там же), ср. и «доцније се *коруба*. . . , а то је одламањ е жита из сламе» (обл. Кучи — СЕЗБ XLVIII, 49, 51), «клипове. . . , на којима остане зрна, корубају» (обл. Поповац — СЕЗБ LXV, 14).

Распространение слов с корнями +korub-(1),
+korab-(2)

имеют значение 'ракушка': *корупка* (Кост. — ИССФ IV, 122; Велес — СБНУ VII, 1, 464), *корупки* (Кондороби Кост. — ИС).

Таким образом, в южнославянских языках лишь для карпатоукраинского глагола *карубчѣтѣ* могут быть указаны семантические параллели. Весьма вероятно, что значения 'выдалбливать' и 'дупло', 'дерево с дуплом (=полое внутри, выдолбленное)' у слов с корнем *korub-* были известны некоторым праславянским диалектам еще в период, предшествующий расселению славян. В таком случае отмеченная близость между частью южнославянских и юго-западных украинских говоров должна рассматриваться как наследие этой эпохи. Другие значения слов с этим корнем можно трактовать также как старые, узкодиалектные в праславянском ('кора', 'скорлупа') или как инновации, развившиеся позднее «карпатской миграции славян» ('корыто', 'жолоб' — на Балканах, 'рассохшаяся бочка', 'ящик' — в карпатоукраинских говорах) (см. карту).

При изучении слов с корнем *korub-* необходимо, на наш взгляд, привлекать и родственные слова с корнем *korab-*²³ в сход-

²³ Впрочем, единого мнения о происхождении *korub-/ korab-* нет. Ф. Славский выводит их из и.-е. *(s)ker- || *(s)ker-b (h) (Sławski, II, стр. 472),

ных значениях. Эти слова известны прежде всего некоторым западнославянским диалектам, упомянем, например, моравские и соседние с ними говоры чешского языка²⁴: *koráb* 'něco vydournělého, zkornatělého': 1) 'strom vypráchnivělý', 2) 'studánka v níž takový koráb zasazen jest místo obezdívky', 3) 'suchá kora z pařežů a uschlych stromů, sama se odlupující', 4) 'vyzraný zub', 5) 'kostra konská', *vykorábit sa*, *včil'éj sem sa vykorábit* 'zůstal jsem prázden jako koráb'²⁵, *koráb*, *-ba* 'сгнившее дерево', 'никуда не годный старый конь'²⁶, *koráb* 'кусок древесной коры, чего-либо затвердевшего'²⁷, *korábka* 'březová tabaterka' (р-н Нехода)²⁸. В словаре Ф. Котта: *korába* 'древесная кора' (Kott, 160), *koráb* 'то же' (р-н Горицко) и топонимы *Koráb* (р-н Голешова), *Korábek* (Kott, II, 118), *voda vzala mlynáři koráby* = 'kůru se stromů oloupanu' (там же, 444); ср. и: *korábek* от *kór* 'музыкальный инструмент' (Kott, III, 605). В моравских говорах также 'скелет', 'грудная кость' (см. Machek). В древнечешском языке — *koráb* (stromů) 'Rinde, Bast' (Gebauer, Machek).

Слово известно и словацким говорам: *koráb* 'воз, нагруженный горшками' (Kálal), *korába* 'выдолбленный ствол', 'бревно для плавания' (на р. Ваг), 'конский скелет', 'верхняя часть коры' (Kálal).

Слова с корнем *korab-* представлены и в лужицких языках: н.-луж. *kórab'e* 'скелет', *kórabja* 'хребет вместе с ребрами; ребро' (Muка, 675), в.-луж. *korjebło* 'ребро' (Pfuhl, Zeman). В карпато-украинских говорах тот же корень представлен как будто в *karábuszka* (<*korab-*) 'четыреугольная коробочка для хранения соли' (Гуцульщина)²⁹.

В польских говорах не отмечены слова, родственные указанным выше, однако следует обратить внимание на южнопольские

тогда как В. Махек видит в *korub(a)* [< (s)korub(a)] результат преобразования, сокращения праславянского *skoro-lupa, означавшего 'slupku rovahu korovité nebo kozovité' (Machek, стр. 448). Более ранним, таким образом, считается вариант *korub(a)* (Machek, стр. 220; во втором издании словаря это указание отсутствует).

²⁴ С пометами *dial.*, *nář.* слово *koráb* 'кусок древесной коры' включено в SSJČ, PSJČ.

²⁵ F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1905; Он же. Dialektologie moravská, d. I. Brno, 1886, стр. 223; d. II, 1895, стр. 330.

²⁶ I. Malina. Slovník nářečí místického. Praha, 1946, стр. 45.

²⁷ A. Gregor. Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha, 1959, стр. 49.

²⁸ J. Kubín. Lidomluva Čechů kladských. Praha, 1913, стр. 189. — В чешских говорах на территории Польши: *koráb (ama)* 'сухая верхняя кора' (зап. Клодэко) (J. Siatkowski. Dialekt czeski okolic Kudowy, cz. II. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, стр. 13).

²⁹ R. W. Nagasymszak, W. Tabor. Etnografia połonin huculskich. «Lud», t. XV. Kraków, 1937, стр. 97—98. Ср.: *korab* 'Traggestell mit Korb' (Е. Желеховский. Малоруско-німецкий словарь, Львів, 1883, стр. 365).

топонимы, содержащие корень *koḡab*. Это гидронимы бассейна р. Висла: *Koḡabianka*, *Koḡabiewka*, *Koḡabka*³⁰, название села к юго-востоку от Кракова: *Koḡabniki* (с XIV в.) и варианты *Koḡabnik*, *Koḡabno*, *Koḡabowice*³¹.

Наконец, слова с корнем *koḡab-*, вероятно, существуют и на южнославянской территории, ср. болг. диал. *корѣб* 'деревянный сосуд, куда кладут виноград' (Енина Каз., Гостилница Дрян. — БДР), *корѣбница*, 'беременная женщина' (Гоце Делчев)³².

Сопоставление слов с корнями *koḡub-* || *koḡab-* показывает, что, помимо карпатоукраинско-южнославянской параллели на уровне *к о р н я*, может быть указана еще одна, более широкая, параллель, которая — на уровне корневого элемента *ког-* — охватывает не только упомянутый выше ареал, но и часть западнославянских диалектов и которая также может считаться наследием праславянской эпохи.

Принятые сокращения

- БД — Българска диалектология. Проучвания и материали. София, т. I—IV, 1962—1968.
 БДР — Български диалектен речник (картотека хранится в Институте болгарского языка в Софии).
 БТР — Български тълковен речник. София, 1955.
 Геров — Н. Геров. Рѣчник на българский язык, ч. II. Пловдив, 1897.
 Дювернуа — А. Дювернуа. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и приведениям новейшей печати, вып. IV. М., 1888.
 ИИБЕ — Известия на Института за български език. София.
 ИС — Архив Института славяноведения АН СССР (Москва).
 ИССФ — Известия на Семинара по славянска филология. София.
 Караџић — В. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1898.
 МБТР — С. Младенов. Български тълковен речник на съвременни народен и книжовен език, т. I—II. София, 1942.
 РМЈ — Г. Димитровски и др. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, т. I. Скопје, 1961.
 РСБКЕ — Речник на съвременни български книжовен език, т. I. София. 1957.

³⁰ *Hidronimia Wisły, cz. I. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, стр. 13, 215.*

³¹ *W. L u b a ś. Nazwy miejscowe południowej części dawnego województwa Krakowskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, стр. 71.* — Автор сопоставляет эти названия со словом *koḡabnik*, -ki 'люди, изготовляющие речные суда'. Подобное толкование кажется спорным, если учесть, что само село находится на значительном удалении от реки (Вислы). Вероятно, в данном случае сближение (народноэтимологическое?) с *koḡab* 'лодка, корабль' стало возможным в результате утраты слова + *koḡab* в значении 'некто выдолбленное', '(сделанное) из (выдолбленного) дерева' и под. (ср. чеш. *koḡáb*).

³² К. Мирчев. Неврокопският говор. София, 1936, стр. 125.

- PP — Родна реч. Софија.
 СБНУ — Сборник за народни умотворенија и книжнина. Софија.
 СДЗБ — Српски дијалектолошки зборник. Београд.
 СЕЗБ — Српски етнографски зборник. Београд.
 ALR — Atlasul lingvistic român, t. I—III. Bucureşti, 1956—1967.
 DLR — Dicţionarul limbii române, v. I, p. 1. Bucureşti, 1940.
 Gebauer — J. Gebauer. Slovník staročeský, I—II. Praha, 1903—1916.
 Kálal — K. Kálal, M. Kálal. Slovenský slovník literatury aj nárečí. Banská-Bystrica, 1923.
 Kott — F. Kott. Příspěvky k česko-německému slovníku. Praha, 1896; Kott II, Druhý příspěvek k česko-německému slovníku. Praha, 1901; Kott III, Třetí příspěvek k česko-německému slovníku. Praha, 1906.
 Machek — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957; 2. vyd. — 1968.
 Muka — A. Muka. Slovník dolnosrbskeje řeči a jej narecov, t. I, Pr., 1923; t. II. Praha, 1928.
 Pfuhl — Lužisko-serbski słownik. Budyšin, 1866.
 PSJČ — Příručný slovník jazyka českého, d. II. Praha, 1937—1938.
 RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, d. IV. Zagreb, 1892.
 SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého, d. I. Praha, 1960.
 Zeman — H. Zeman. Słownik górnołuzycko-polski. Warszawa, 1967.

Географические названия

Бот. — Ботевград	Кост. — Костур	Пловд. — Пловдив
БС — Бяла Слатина	Кр. — Крумовград	Соф. — София
Год. — Годеч	Момч. — Момчилград	Ст.Д. — Станке-Димитрово
Дрян. — Дряново	Ор. — Оряхово	Тет. — Тетевен
Каз. — Казанлык	Пирд. — Пирдоп	Тр. — Троян
Карл. — Карлово		Тырн. — Тырново

О правомерности генетического соотношения праслав. *хутъ ~ лит. gudrùs

В. В. Мартынов

Семантическая близость сопоставляемых лексем и соответствующих лексических гнезд не вызывает сомнений. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно привести следующие балтийско-славянские параллели: лит. *gáuti* 'получать, принимать', лтш. *gaut* 'ловить, хватать, получать'; лит. *gáudyti* 'стремиться получить, преследовать, ловить', лтш. *gaudit* 'ловить, пытаться схватить'; лит. *gudrùs* 'умный, хитрый, ловкий, подвижный, живой', лтш. *gudrs* 'умный, мудрый' и др.; русск. *хватать*, с.-х. *хвѣтити* 'хватать, ловить', польск. *chwasić* 'захватить, похитить'; чеш. *chytili* 'поймать, словить, захватить', польск. *chusić* 'схватить, похитить'; русск. *хват*, польск. *chwat* 'хват, ловкач'; русск. *хитрый*, польск. *chytry* 'хитрый, умный', чеш. *chytrý* 'подвижный, быстрый, хитрый', с.-х. *хѣтар* 'быстрый, проворный, ловкий' и др.

В балтийском и славянском лексических гнездах обнаруживается не только семантическое сходство, но и тождество семантических переходов от глагола к имени. Аналогичные переходы мы наблюдаем в случаях типа лат. *sarere* 'брать, хватать' → *sarah* 'способный'; ср. польск. *chapać* 'хватать' и чеш. *chapatí* 'понимать', нем. *greifen* 'хватать' и *begreifen* 'понимать' и т. д.

Такого рода близость, а также некоторое фонетическое и морфологическое сходство праслав. *хутъ* и лит. *gudrùs* дало основание В. Махеку признать их генетически соотносимыми¹. Однако его этимология не разделяется или игнорируется в силу очевидной нерегулярности фонетических соответствий праслав. *хутъ* и лит. *gudrùs*. В. Махек объясняет эту нерегулярность двумя причи-

¹ См.: V. Machek. Expressive Vokaldehnung in einigen slavischen Nomina. — ZfS, I, 4, 1956, стр. 35—36. — В другой своей работе он генетически соотносит праслав. *хутити* и латыш. *gaut*, см.: V. Machek. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch-* im Slavischen. «Slavia», XVI, 2—3, 1939, стр. 199. — В. Махек не считает *хутъ* производным от *хутити*, поскольку *r*-суффиксация не продуктивна на славянской почве, тем более для производных от *verba intensiva*. В равной мере непродуктивна *r*-суффиксация на балтийской почве (лит. *gáuti* ~ *gáudyti* ~ *gudrùs*). Таким образом, если праслав. *хутъ* и лит. *gudrùs* генетически соотносятся между собой, то данное соотношение отражает балто-славянское или еще индоевропейское образование и в качестве такового должно рассматриваться в одном ряду с праслав. *xvatati* ~ *xytiti* и лит. *gauti* ~ *gaudyti*.

нами: смещением по глухости/звонкости под воздействием соседних плавных и носовых в балтийских и славянских языках² и «экспрессивным» переходом $\kappa > x$ в праславянском языке³. Это объяснение нельзя считать удовлетворительным, так как в качестве причин выступают процессы, регулярность которых в свою очередь остается недоказуемой. И все же сохраняется стойкое впечатление не только семантической, но и формальной близости праслав. *xutŕ* и лит. *gudrùs*. Обе лексемы являются прилагательными с *r*-суффиксацией и основой на *ǫ* (*gudrùs* с *i*-основой — результат позднего расширения этого класса основ в литовском литературном языке)⁴; они достаточно длинные (пять фонем, не считая исхода на *-s*, сохранившегося в балтийском); их корневые гласные соотносятся как соответствующие долгий и краткий⁵, а согласные как звонкие (балтийский случай) и глухие (славянский случай), причем соответствие начальных *x* и *g* может толковаться либо как переход $\kappa > x$ в праславянском (по Махеку), либо как утрата старой фрикации на балтийской почве (ср. переход $x > \kappa$ в литовских заимствованиях из белорусского и польского). Однако несмотря на все это, мы фактически лишены права на генетическое соотнесение *xutŕ* ~ *gudrùs* до тех пор, пока смещение по глухости/звонкости не будет рационально объяснено.

В последнее время появилась возможность объяснения этого феномена в русле регулярных фонетических процессов. Мы имеем в виду поправку В. М. Иллича-Свитыча к закону Зибса. По Илличу-Свитычу одним из источников начального *x* в праславянском является *sk* и.-е. **sg/sgħ/-* (в то время как *sk* и.-е. *sk на славянской почве сохраняется)⁶. И.-е. **sg/sgħ/-* он реконструирует на основании дублетных форм типа начальных *sk/-g-* (из его примеров ср. праслав. *xrustŕ* ~ лит. *skriaudùs/graudùs* 'ломкий,

² См.: V. Machek. Recherches dans le domaine du lexique balto-slave. Brno, 1934, стр. 6.

³ См.: V. Machek. Untersuchungen. . .

⁴ P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 34, 58—59; Chr. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966, стр. 261. Лит. *gudrùs* из старого сохранившегося еще в диалектах *gùdras*, см.: J. Otrębski. Grammatyka języka litewskiego, t. II. Warszawa, 1965, стр. 60.

⁵ V. Machek. Expressive Vokaldehnung. . ., стр. 35—36. — Долгота корневого гласного в праслав. *xutŕ* рассматривается в статье В. Махека как «экспрессивная» по происхождению. Разумеется, это не является объяснением наблюдаемого факта. Нельзя также объяснить, как справедливо замечает В. Махек, балто-славянское соотношение «краткий ~ долгий» количественным аблаутом. Следует, однако, обратить внимание на то, что славянский в ряде случаев утрачивает первичные глаголы там, где балтийский их сохраняет. В данном случае праслав. *xutŕ* является единственным надежным примером корреляции прилагательного с *r*-формантом и интенсивного глагола *xutiti*, в котором долгота корневого гласного закономерно вторичная.

⁶ В. М. Иллич-Свитыч. Один из источников начального *x* в праславянском. — ВЯ, 1961, № 4, стр. 97.

хрупкий?)⁷. Поскольку В. М. Иллич-Свитыч в числе диагностирующих форм приводит соответствия $x \sim g$ (и без дублетного начального *sk*), в нашем примере легко обнаружить ту же формулу соответствий (ср. у Иллича-Свитыча праслав. *holdъ* ~ гот. *kalds* < и.-е. *goldh)⁸. Это кажется еще более доказательным, когда мы обнаруживаем для лит. *gudrùs sk*-дублет: *skudrùs* 'проворный, быстрый, ловкий'. Таким образом, согласно формуле Иллича-Свитыча праслав. *хутръ* ~ лит. *gudrùs /skudrùs* (с ассимилятивным озвончением второго согласного корня). Казалось бы, этим можно было окончить, подкрепив этимологию Махека правилом Иллича-Свитыча и наоборот. Однако, к сожалению, проблема оказывается гораздо более сложной. Мы уже обращали внимание на некоторые уязвимые стороны концепции В. М. Иллича-Свитыча и недостаточность его примеров⁹. Суммируя эти замечания, можно сказать, что он делает слишком сильное допущение, не предполагая иных случаев дублетности кроме *sp-/b-*, *st-/d-*, *sk-/g-*, т. е. случаев, относящихся к закону Зибса. В действительности науке известны чрезвычайно разнообразные формы дублетности по звонкости/глухости, возникшие в разных языках, в разное время и по разным причинам. Для нас здесь представляют особый интерес многочисленные случаи зеркальной дублетности по звонкости/глухости в балтийских языках, отмеченные Я. Эндзелином, В. Махеком, Э. Френкелем и В. Кипарским¹⁰. Характерно, что из семи примеров соответствия праслав. $x \sim$ и.-е. *sk/g* (шесть примеров Иллича-Свитыча¹¹ и один наш) в пяти фигурируют балтийские примеры, а из остальных двух один (праслав. *šurati ~ лат. *scaurus* ~ праслав. *guriti) крайне ненадежен.

В довершение всего наш пример при дальнейшем его рассмотрении оказывается не дублетом, а триплетом. Помимо *gudrùs* и *skudrùs* в литовском языке фиксируется *kutrùs* 'быстрый, живой, ловкий', причем именно этот круг значений оказывается общим для всех трех лексем¹².

⁷ В. М. Иллич-Свитыч. Указ, соч., стр. 96.

⁸ Там же.

⁹ См.: В. В. Мартынов. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, стр. 95—97.

¹⁰ J. Endzeliņ. Lettische Grammatik. Riga, 1922, стр. 180—183; V. Maček. Recherches... стр. 6; E. Fraenkel. Baltisches und Slavisches. — KZ, LXX, 3/4, 1952, стр. 137; V. Kiparsky. Slavische und baltische *b/p*-Fälle. «Scando-Slavica», XIV, 1968, стр. 73—97.

¹¹ В. М. Иллич-Свитыч. Один из источников..., стр. 96—97.

¹² Ср.: Lietuvių kalbos žodynas, t. III. Vilnius, 1956, стр. 699—700; t. VI. Vilnius, 1962, стр. 1010; E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg—Göttingen, 1955, стр. 141, 303, 322. — Этимологические версии, приводимые Э. Френкелем, явно не удовлетворительны. Впервые, как кажется, соотнес праслав. *хутръ* и лит. *kutrùs* А. Брюкнер (см.: А. Вгүскнег. Slavisches ch. — KZ, LI, 1/2, 1923, стр. 239). В. Махек предлагает различать две лексемы *хутръ*₁ 'умный, хитрый' и *хутръ*₂ 'быстрый, ловкий'. Первая соотносится с лит. *gudrùs*, вторая —

Ряд балто-славянских соответствий, дублетных по звонкости/глухости вошел *explicito* в этимологические словари и считается надежным, хотя никаких объяснений для него не существует (ср. праслав. *tvьrdь* ~ лит. *tvirtas*; праслав. *xoldь* ~ лит. *šaltis*; праслав. *krōgь* ~ лит. *gręžti*; сев.-слав. *gruša* ~ южно-слав. *kruša*, лит. *kriūšė*; кашуб. *kêłp* ~ лит. *gulbė* и т. д.). К их числу вполне может быть отнесено и соответствие праслав. *xutъrь* ~ лит. *gudrùs/kutrùs* (*kutrùs*, кстати говоря, также имеет диалектную параллель *kùtras*, что делает его вполне зеркальным дублетом к *gudrùs*). В связи с этим должна быть отвергнута наша прежняя интерпретация праслав. *xutъrь* (*xvatati*, *xytiti*)¹³.

Нам представляется, что правильное объяснение балтийским «нерегулярностям» дано В. Кипарским. В. Кипарский объясняет многочисленность балтийских дублетов по звонкости/глухости действием прибалтийско-финского субстрата. Причем, чем ближе к прибалтийско-финскому эпицентру, тем таких дублетов больше. Отсюда шестикратное превышение числа литовских дублетов числом латышских. Вместе с тем, В. Кипарский замечает: «На севернорусской территории, ныне уже руссифицированной, но еще в раннем средневековье заселенной прибалтийскими финнами, численное превосходство славян было столь велико, что могло возникнуть лишь ничтожное число дублетов, а в дальнейшем и они были устранены»¹⁴. Ему, по-видимому, осталась неизвестной работа В. В. Колесова, в которой последний на большом количестве убедительных примеров показал совершенно аналогичное смешение по звонкости/глухости в севернорусских говорах, т. е. в говорах с тем же языковым субстратом. Вот как сам В. В. Колесов резюмирует свои наблюдения: «... смешение глухих и звонких согласных в сильной позиции (перед сонорными, гласными и между гласными — В. М.) в севернорусских говорах возникает под влиянием финского субстрата в момент активного усвоения русской

с *kutrùs* (см.: В. М а с h e к. *Expressive Vokaldehnung*. . . , стр. 35—36; ср. в самое последнее время В. М а с h e к. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1968, стр. 212). О регулярности семантического перехода от *xutъrь₂* к *xutъrь₁*, см.: В. В. М а р т ы н о в. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, стр. 118—119. Нет также никаких формальных оснований для утверждения о разном происхождении *xutъrь₁* и *xutъrь₂*. Семантические же соответствия с лит. *gudrùs* и *kutrùs* объясняются характерной дублетностью балтийских форм.

¹³ В. У. М а р т ы н а ў. Аб паходжанні славянскай фанемы *x*. Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР, вып. VIII. Мінск, 1961, стр. 97. — К этой статье в полной мере относится замечание В. М. Иллича-Свитыча: «Недостатки многих работ, посвященных проблеме возникновения начального *x*-, часто вытекают из настойчивого и понятного стремления каждого автора единообразно объяснить возможно большее количество слов» (В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Один из источников. . . , стр. 93).

¹⁴ V. K i p a r s k y. *Slavische und baltische b/p-Fälle*, стр. 97.

речи и широкого проникновения финской лексики в русские говоры»¹⁵.

Работы В. Кипарского и В. В. Колесова, выполненные независимо друг от друга на разном материале, но содержащие те же идеи, решительно свидетельствуют в пользу субстратного (прибалтийско-финского) происхождения нерегулярной дублетности по звонкости/глухости в балтийских языках и в севернорусских диалектах.

В прошлом многие фонетические явления объяснялись различного рода субстратами, и поэтому в последнее время возникает стойкая реакция против такого рода объяснений. Однако независимо от той или иной «моды», реалистический подход вынуждает нас признать неслучайный характер некоторых субстратных совпадений.

Разрешение сопоставлять лексемы праслав. хутъгъ и лит. gudrùs совсем не означает того, что сопоставимыми окажутся любые дублеты по звонкости/глухости. Так, В. Н. Топоров соотнес лит. graĩšs и праслав. grozъпъ и тем самым убедительно показал отсутствие прямого соответствия между праслав. krasa и лит. grōžis¹⁶. В каждом отдельном случае должны быть сопоставлены все pro и contra. И, разумеется, наличие дублетных форм будет всегда ослаблять надежность каждого из такого рода примеров.

Этимологические заметки (16—20)

Г. М и х а и л э

Вопросы славяно-румынских языковых отношений давно привлекали внимание С. Б. Бернштейна в рамках его славистических и балканистических исследований. В Румынии его имя стало известно особенно после опубликования книги «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. 1. Язык валашских грамот XIV—XV вв.» (М.—Л., 1948), внесшей серьезный вклад в изучение книжнославянского языка в Румынских

¹⁵ В. В. Колесов. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости / звонкости. «Вестник ЛГУ», Серия ист., яз. и лит.-ры, вып. 1, 1963, стр. 108.

¹⁶ В. Н. Топоров. Заметка об индоевропейском *grogʰ- / *gorgʰ- / : *gregʰ- в балтийском и славянском. — КСИС, 35, 1962, стр. 73—75; ср.: V. M a s h e k. Recherches. . . , стр. 12.

княжествах. За ней последовал ряд статей и исследований, посвященных славяно-румынским языковым отношениям, напечатанных как в советских, так и в румынских журналах и сборниках — некоторые из них, по желанию автора, на румынском языке¹. Славяно-румынские вопросы освещаются также в фундаментальном «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1961), который представляет и для румынских славистов широкую базу к дальнейшим разысканиям в этой области².

В связи с этим мы позволим себе затронуть здесь некоторые конкретные аспекты славяно-румынских отношений и представить этимологии ряда слов, менее известных или недостаточно изученных до сих пор с точки зрения их происхождения³.

16. Moxalie — Моха

В истории румынской культуры монах Михаил Моксалие (Michail Moxalie) или Мокса (Моха) занимает особое место: он является первым составителем Хронографа на румынском языке (1620), в основу которого были положены Хроника Константина Манассия, Краткий хронограф патриарха Никифора, Сербские «новые» (млађи) летописи и Болгарская анонимная хроника начала XV в.⁴, а также переводчиком Уложения (Pravila), напечатанного в Говоре в 1640 г. Его имя, единственное в румынской традиции, осталось необъясненным до сих пор; в истории румынской литературы об этом ничего не говорится, а этимология, предложенная

¹ S. Bernštejn. Cu privire la legăturile lingvistice slavo-române. «Omăgiu lui Iorgu Iordan». Bucureşti, 1958, стр. 77—79; Он же. A existat oare o limba aparte daco-slava? SCL, XIII, 1962, № 2, стр. 147—152; Он же. Observaţii critice privind periodizarea istoriei limbii române. «Omăgiu lui Alexandru Rosetti». Bucureşti, 1965, стр. 61—64; к этим статьям следует добавить еще две по славистике, напечатанные в румынских журналах: S. Bernštejn. Zur Genesis des Komparativs *slave* im Russischen. — CL, III. Supliment (Mélanges linguistiques offerts à Emil Petrovici), 1958, стр. 115—117; Он же. Еще раз о происхождении русского цоканья. — Rsl., X, 1964, стр. 191—192.

² См. румынский перевод этой книги: S. Bernštejn. Gramatica comparată a limbilor slave. Bucureşti, 1965.

³ Настоящие заметки продолжают серию, начатую в 1965 г.: предыдущая заметка, № 15, сдана для Сборника в честь проф. Р. А. Будагова. При цитировании ряда словарей мы используем сокращения, принятые в Dicţionarul limbii române (DLR), t. VI, Bucureşti, Ed. Academiei, 1965, стр. XXIII—XCVIII, и в кн.: G. Micăilă. Împrumuturi vechi sud-slave în limba română. Studiu lexico-semantic. Bucureşti, 1960. — Добавим здесь сокращения названий некоторых румынских журналов: CL — «Cercetări de lingvistică»; Rsl — «Romanoslavica»; SCL — «Studii şi cercetări lingvistice».

⁴ Рукопись этого сводного Хронографа на румынском языке хранится в рукописном отделе Библиотеки им. Ленина в Москве (Собрание В. И. Григоровича, № 64).

Н. А. Константинеску⁵, представляется нам неточной: Мосса (автор пишет именно так, а не Моха) < мос (чаще поасă 'дубина') + суф. -sa, неизвестный румынскому языку⁶.

В действительности мы должны исходить из формы Moxalie, происходящей от греко-византийского слова латинского происхождения *μοξαλία* или *voξαλία*, зарегистрированного в Латинско-греческом словаре, добавленном к ряду рукописей Синтагмы Матфея Властаря (первая форма, например, в Синодальной рукописи 1342 г., хранящейся в Историческом музее в Москве, а вторая в Парижской рукописи 1541 г.) и объясненного словом *ἀμαρτία* 'грех'. В славянской форме этого словарика, названного Латинская рѣчи, слово написано моѡаліа (например, в славяно-молдавской рукописи Гервасия 1474 или 1472 г.) или моѡіа (в одной рукописи Народной библиотеки в Белграде, XVI в.) наряду с формой моѡаліа (в рукописи молдавского епископа Макария 1556—1558 гг., хранящейся в Историческом музее, Фонд Барсова, № 152), и объясняется как грѣхъ⁷. Таким образом, это эпитет, прозвище, которое присвоил себе монах Михаил, проживавший в монастыре Бистрица (Олтения — Малая Валахия), со значением 'грех, грешный', подобно Георгию Амартолу ('Αμαρτωλός 'Грешный').

Что касается византийского юридического термина *voξαλία* (вариант: *μοξαλία*)⁸, то он происходит от лат. прилагательного *noxalis*, -e 'поселен вредный, преступный, виновный'⁹ (например, *noxalis actio*) с переходом прилагательного женского рода в первое склонение на -a: *noxalia*¹⁰ и с его субстантивацией в результате отказа от определяемого существительного, как можно заключить из того, что он объясняется греческим словом *ἀμαρτία*, соответственно славянским грѣхъ. В таком случае вариант имени

⁵ N. Constantinescu. Dictionar onomastic românesc. București, 1963, стр. 324—325.

⁶ Только в мегленорумынском диалекте известен редко употребляемый суффикс -să (< гр. = σα). См.: G. Pascu. Sufixele românești. București, 1916, стр. 392.

⁷ См.: G. Michăilă. Sintagma (Pravila) lui Matei Vlăstariș și începuturile lexicografiei românești (secolele XV—XVII). «Studii de slavistica», v. I. București, 1969, стр. 37.

⁸ Мы не нашли его в кн.: E. A. Sophocles. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From B. C. 146 to A. D. 1100). New-York—Leipzig, 1888.

⁹ См.: Ernout-Meillet⁴, 440; Walde—Hofmann³, 154; Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis, IV. Paris, 1848, стр. 652.

¹⁰ Это обычное явление в позднелатинском языке, зафиксированное уже в Appendix Probi (III в. н. э.): *pauper mulier non paupera mulier, tristis non tristus*. См.: Crestomație romanică, întocmită sub conducerea acad. Iorgu Iordan, vol. I. București, 1962, стр. 39; Э. Бурсье. Основы романского языкознания. М., 1952, § 97, стр. 82; Istoria limbii române. Vol. I. Limba latină, red. resp. acad. Al. Graur. București, 1965, стр. 139—140.

(прозвища, эпитета), усвоенного румынским книжником, знатком византийско-славянских юридических текстов, Моха, является усеченной формой из *Moxalie* (ср. и вариант книжнослав. *моѣіа* который происходит от лат. *poxia* 'вина, провинность; вред', безусловно, через греческое посредничество; ср. также лат. *poxa* 'вред; вина, проступок, преступление; наказание, кара', но и 'виновный', см. Ernout-Meillet⁴, 440).

17. Notótă

Уже в конце XVIII в. (1783) в северо-восточной Трансильвании было зарегистрировано название *notôta* для растения *Lycopodium selago*¹¹, известного в Румынии в основном под другими названиями: *brădișor* или *cornișor*, *cornișor de munte*¹² (плаун, баранец); позднее это слово было зафиксировано также в других диалектных глоссариях и в некоторых румынских словарях (и с ударением на первом слоге: *nótotă* также в формах: *notôate*, *noátate*, *noátătă*, *noatôtă*, *netoată*)¹³.

Чихак (Cichac, II, 217) объяснил его из польск. *nietota*, к которому добавил для сравнения чеш. *netota*, *netata*, *nětata* «*Juniperus sabina*»; это объяснение было воспринято и Тиктином (Tik-tin, 1063)¹⁴. В действительности же этот диалектный термин проник в говоры Марамуреша и северо-восточной Трансильвании из соседних украинских говоров: *нитота*, имеющее то же самое значение, *Lycopodium selago* (Гринченко, 1100)¹⁵ и заимствованное, вероятно, в свою очередь, из польск. *nietota* *Lycopodium*. Интересно объяснение, данное Брюкнером (Brückner, 361—362): «*Nietota* означает 'это не та', (у словаков 'это не та'), так как для колдовских растений не употребляют их собственных названий, их называют „это“ или „не это“». Ср. и чеш. (моравск.) *netáta*, *netota* 'chvojka, *Juniperus sabina*', словц. *netáta* 'Juniperus sabina' и 'plavúň, *Lycopodium*' (см. Machek, 324, который принимает с некоторыми оговорками это объяснение путем табу и уточняет: «Различные значения легко объединить: растения *chvojka* и *plavúň* похожи друг на друга; одна из разновидностей растения *plavúň* даже называется р. *chvojková*»).

¹¹ См.: Coteanu. Prima listă a numelor românești de plante. București, 1942, стр. 33.

¹² См.: Z. C. Paпțu. Plantele cunoscute de poporul român. București, 1906, стр. 24: *brădișor*.

¹³ См.: DLR, v. VII, p. I (в печати).

¹⁴ Шейняну, Кандря, Скрибан (Șăineanu, Căndrea, Scriban, DLRM) и А. Чоранеску (Al. Cioganescu. Dicționar Etimologic Român. Laguna, 1958—1966) не дают этого слова.

¹⁵ Со ссылкой на: В. Шухевич. Гуцульщина, I. Львов, 1899, стр. 20.

18. Paléucă

DLR, VIII воспроизводит на основе двух диалектных глоссариев диалектное, северотрансильванское слово *paléucă* 'еда, приготовленная из мамалыги и масла из тыквенных семечек' или 'еда, приготовленная из черствого хлеба, размоченного в теплой воде и политого подсолнечным маслом'¹⁶. Это же слово встречается и в венгерских говорах северной Трансильвании в форме *poluéka* (зарегистрированное в 1698 г.), *rojéka* (1799), *poléka* (1799), 'iusculum; Suppe; leves', как уточняет Kniezsa, I, 333, который объясняет его не из слов. *polievka*, как полагали предшествующие исследователи, например, Миклошич, а из польск. *polewka*, имея в виду прежние связи Трансильвании с Польшей.

Однако нам кажется, что скорее следует объяснить рум. диал. *poleucă* и венг. диал. *poluéka* из укр. *поливка* 'соус, подливка, суп, каша с тертым конопляным семенем' (Гринченко, 1392; см. и Укр.-русск., слов., IV, 86, который приводит только значение 'соус, подливка')¹⁷, известного также в Марамуреше (в селе Лунка ла Тиса и в других) в форме *пóлеу́ка*, *полеу́ка*, со значением 'еда, приготовленная из кукурузной или пшеничной муки'¹⁸.

19. Párnice

Недавно акад. Йоргу Иордан обратил внимание на диалектное слово *párnice*, известное в окрестностях г. Дорохой, на севере Молдовы, со значением 'большая бочка (для вина)': *Doiă polo-boace cît lumea de mari, numite parnice*¹⁹. Оно происходит, вероятно, из русских говоров «липованских» переселенцев²⁰; русск.

¹⁶ См.: Șt. Pașca. *Glosar dialectal*. București, 1928 (Academia Română, *Memoriile Secțiunii literare*, Seria III, t. IV, Mem. 3), стр. 46 [слово зарегистрировано в Sîngeorz-Băi, уезд Bistrița-Năsăud, недалеко от Марамуреша]; Al. Indrea. *Glosar regional din satul Someș-Guruslău [уезд Săla], недалеко от Марамуреша; материал был собран в 1930—1940 гг.*. «*Materiale și cercetări dialectale*», I. București, 1960, стр. 213. — Вероятно, случайно слово *poleucă* не было зарегистрировано в Марамуреше (ср.: Т. Parahagi. *Graiul și folclorul Maramureșului*. București, 1925, стр. LXXIII), где подчеркивается влияние украинских говоров.

¹⁷ Этимологию славянского слова см.: Вегекер, I, 709, под глаголом *lějq, liti*.

¹⁸ Сообщение Н. Павлюка, уроженца указанного села.

¹⁹ I. Iordan. *Note de lexicologie românească*. — SCL, XX, 1969, № 2, стр. 135; автор цитирует из сочинения Г. Г. Надежде, родившегося в окрестностях г. Дорохой (Gh. Nădejde *Însemnări ieșene*, III, 1938, 7, стр. 429).

²⁰ О поселениях «липован» (старообрядцев) на севере Молдовы см.: E. Vrabie. *Privire asupra localităților cu graiuri slave din Republica Populară Română*. — Rsl, VII, 1963, стр. 77—78.

пáрник 1 означает 'котел для распаривания чего-либо' (ССРЛЯ, 9, 204), 'чан, в котором парят что-либо, обдавая паром' (Даль, III, 21; корень в *парить*, *пар* — см. Vasmer, II, 316)²¹.

20. А (se) zǎrăci

Глагол а zǎrăci 'приводить в замешательство, сбивать с толку, смущать' (возвр. а se ~ 'растеряться, прийти в замешательство, потерять голову'), распространенный на всей территории румынского языка (см. примеры в словарях: Tiktin, 1792; Candrea 1457; DLRLC IV, 727; DA, рукопись: упоминаются, начиная с первой половины XIX в.), остался до сих пор недостаточно объясненным в этимологическом отношении. Căhac II, 468—469, на основе лишь одной акустической близости указывает на польск. *zarodzić* и т. п., что совершенно недопустимо с формальной и семантической стороны (это объяснение было, однако, принято Şăineanu, 706); Б. Цонев сближает его без всякого основания с болг. *запацам*, вместо *зацапам*²²; Candrea и DLRM, 950, не дают никакого указания, а Tiktin пишет: «Dunkel» (неясно)²³.

На правильное решение указал, по нашему мнению, О. Денсушану, который обратил внимание на то, что «и форма, и значение сближает его. . . с ора́ci, который в некоторых краях известен со значением 'сбивать кого-либо с толку, приводить в замешательство'. Но поскольку этот глагол соответствует сербскохорватскому ора́citi и другим славянским словам, производным от основы (о)рак- со значением 'поворачивать, выворачивать', этимология глагола zǎrăci ясна: слав. *zaračiti*, который нет необходимости реконструировать, поскольку данный глагол встречается в возвратной форме в словенском языке, правда, со значением 'гримасничать' (непроизводный глагол *račiti* означает 'гнуть, исказить' и т. п.). Таким образом, первоначальное значение глагола а zǎrăci было 'гнуть, вскружить голову кому-либо'²⁴.

²¹ Пáрник 1 является омонимом слова пáрник 2, устар. 'что-либо являющееся парой другому или подобное другому'; ср. также *парник* 'остекленное помещение для выращивания ранней рассады, ранних овощей и плодов' (ССРЛЯ 9, 204). В украинском языке слово *парник* зарегистрировано с тем же значением (Укр.-русс. слов., III, 221), а также: 'ящик, предохраняющий колесо водяной мельницы от обмерзания; род спиртного напитка' (Гринченко, 1206; Желеховский—Недельский, II, 602, где приводятся и другие значения: 'удар' и 'какое-то растение').

²² Б. Цонев. Езикови взаимности между българи и румъни. «История на български език», т. II. София, 1934, стр. 98.

²³ Alf Lombard. Le verbe roumain, v. II. Lund, 1955, стр. 844 (включает а zǎrăci в группу глаголов с «неудовлетворяющей этимологией»).

²⁴ Ов. Денсушану. Rom. zǎrăci. «Grai și suflet», v. IV, fasc. 2, 1930, стр. 390—391.

Более краткое, но аналогичное объяснение дает Scriban, 1431: «слав., производное, как и *orăcesc*».

Это объяснение не удовлетворило, однако, А. Чоранеску, автора последнего этимологического словаря румынского языка, который пишет: «Происхождение сомнительно. Возможно из слав. *zaračiti*.., ср. *orăci*.., серб. *račati se*.., вероятнее всего, он является экспрессивным образованием, ср. зар, с суф. *-ci*». (Al. Cioganescu. Diccionario Etimológico Rumano, fasc. 6, Laguna, 1961, стр. 910, № 9436). Эта попытка объяснения совершенно неприемлема.

В действительности, объяснение, хотя и неполное, данное Денсушану и отчасти Скрибаном, является верным, и его мы хотим здесь дополнить более подробными данными. На самом деле, рум. глагол *a (se) orăci* имеет значения, близкие к *a (se) zărăci*: «1. *a orăci, a împiedica* (задерживать); 2. *a (se) potoli* (успокаивать, ~ ся); 3. *a deruta, a zărăci* (приводить в замешательство); *a-și ieși din miuți* (потерять голову); 4. *a se istovi* (изнуряться); 5. *a se sluți* (изуродоваться); *a se schimonosi, a se strîmbea* (гримасничать, кривляться)» и распространен по всей стране (древнейший известный пример 1648 г.; DLR, VII, 2, 232—233). Он объясняется из болг. глагола *опача* 'представлять превратно, лукавить, вилить; кривить душой' ~ *се* 'казвам, върша нещо криво, не по правда; върша нещо опако, отивам напротив, зад на нещо' (Геров, III, 367—368; в ст.-слав. не встречается), который является производным от *опак*, прил. и нар., *опако*, нар. (см. этимологию у Младенова, Эт. 382; см. также: Vasmer, II, 269—270; Нwb., 77, 84, 280, № 628; пакаы, опакаы); ср. с.-хорв. *опăчити* 1 'портить; извращать; соблазнять', ~ *се* 'извращаться, портиться' (Rječnik, IX, 12, Толстой, 543), *опачити* 2 'препятствовать' (Rječnik, там же; в сущности, это другое, редкое значение того же самого глагола).

Поскольку данный глагол встречается в южнославянских языках также без префикса (с.-х. *пăчити* 'вредить; мешать, препятствовать'; ~ *се* 'палить, проказничать'; *пăчати* 'препятствовать, вмешиваться', *пăчати се* 'вмешиваться, впутываться' — Rječnik, IX, 545—546, 550; Толстой, 588; словенск. *pačiti* 'искажать, искривлять, обезобразивать, портить'; ~ *се* 'гримасничать, жеманиться, притворяться и т. д.' — Pleteršnik, II, 1—2; Kotnik, 289; в болгарском и македонском мы не нашли его), легко можно понять, что к данной основе мог присоединиться и префикс *za-*, на что в свое время обратил внимание Денсушану: в словенском языке существует глагол *zaračiti se* 'гримасничать, жеманиться' (Pleteršnik, II, 859). Мы не нашли его ни в болгарском, ни в македонском или в сербскохорватском, хотя подобный глагол может встречаться в некоторых говорах этих языков. Но в болгарском, как и во всех славянских языках, префикс *za-* употребляется при образовании большого количества глаголов (как правило

совершенного вида), обозначая: а) направление действия (*завія* и др.), б) начало действия (*зачетá*)х, в) полный переход в новое состояние (*заболѣя*), г) замену (*заместя*)²⁵.

Следовательно, при отсутствии данного глагола в болгарском и македонском (возможно, в сербскохорватском) языках, но имея в виду продуктивность приставки *за-* в славянских языках, мы должны прийти к заключению, что рум. а *zărăsi* — как глагол народно-разговорного типа, распространенный по всей стране, (хотя он проник в письменные тексты довольно поздно) — происходит из старославянских говоров, ассимилированных на территории Дакии (*zaračiti). Между прочим, это не единственный случай, когда приставочный глагол славянского происхождения в румынском языке не находит себе точного соответствия в славянских языках, хотя и основа, и приставка широко распространены в болгарском и других славянских языках²⁶.

Slavo-romanica

О некоторых древнейших заимствованиях в румынском языке из южнославянского¹

А. Росетти

Вопрос о наличии славянских слов в румынском, восходящих к периоду первых контактов между славянами и романизованным населением дунайских областей (VI—VII вв. н. э.), снова был поставлен в некоторых недавно опубликованных работах².

²⁵ См.: Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949, стр. 116. — См. перечень этих глаголов у Младенова, Ет., 169—189. В старославянском языке «*za-* est fréquent, mais n'a guère de sens concret bien définissable...» (A. Vaillant. Manuel du vieux slave, v. I, 2-e éd. Paris, 1964, стр. 337; см. примеры на стр. 338).

²⁶ См.: М. Moskov. Contribuții la etimologia unor cuvinte românești de origine slavă. — Rsl, XII, 1965, стр. 43—49; G. Mihăilă. Note etimologice, № 1—3. «Omagiu lui Alexandru Rosetti», București, 1965, стр. 573—576, № 4—6; «Studia linguistica slavica baltica Canuto-Olavo Falk». Lund, 1966, стр. 169—178 (глаголы: а *coborî*, а *covîrși*, а *cotropi*, а *potoli* и др.).

¹ Принятые сокращения: ILR — A. Rosetti. Istoria limbii române. București, 1968; ML — A. Rosetti. Mélanges de linguistique et de philologie. Bucarest, 1947.

² E. Petrovici. Le latin oriental possédait-il des éléments slaves? «Revue roumaine de linguistique», t. XI. București, 1966, стр. 313—321; A. Rosetti. Sur quelques emprunts anciens du roumain au slave méridional et au magyar. «Romanoslavica», v. XVI. București, 1968, стр. 19—22.

Древность этих элементов определяется на основании отклоняющихся от нормы звуковых изменений, представленных в этих словах, а именно $\acute{a}(+n)$, дающее в румынском $\hat{i}$, хотя как правило $\acute{a}(+n)$ не изменяет своего качества в элементах, пришедших из славянского (дакорум. *gană*, ст.-слав. *gana*), $j(+n)$, дающее в румынском $\hat{g}$, в то время как оно не должно было бы подвергаться изменению (ср. дакорум. *jale*, ст.-слав. *žalbъ*)³, и ст.-слав. $\hat{y}$, которому в виде исключения соответствует в румынском языке u , ср. дакорум., арум. *sută* 'сто' (ср. ст.-слав. *sŭto*).

Указанные изменения наблюдаются в следующих словах: *jurîn*, *smîntînă*, *stăpîn*, *stînă*, *stîncă* и *sută*.

Переход $\acute{a}(+n) > \hat{i}$ объясняется тем, что слова, в которых он представлен, проникли в эпоху древнейших контактов между славянами и романизованным населением дунайских областей и были приравнены к словам, существовавшим тогда в словаре, и пережили изменение $\acute{a}(+n): \hat{a} > \hat{i}$ (ML, стр. 151—152).

Гласный u в дакорумынском и арумынском числительном *sută* 'сто' соответствует $\hat{y}$ в ст.-слав. *sŭto*, изменение необычное, так как слав. $\hat{y}$, как правило, дает в румынском нуль, если оно было в слабом положении (дакорум. *beznă*, *drag* < ст.-слав. *bez-dŭna*, *dragŭ*) или o (дакорум. *dobitoc* < ст.-слав. *dobytkŭ*), если оно было в сильном положении, что характерно для румынских заимствований из болгарского⁴.

Что касается j (ср. дакорум. *jurîn*, то оно дало $\hat{g}$ в тех дакорумынских говорах, где j , восходящее к латинскому j , подверглось этому изменению; ср. *ğurîn*, как дакорум., арум. *ğos* < лат. *jocus*).

Посмотрим теперь, есть ли слова, которые мы только что перечислили, также и в румынских говорах к югу от Дуная, а именно в арумынском.

Jurîn отмечено в арумынском, но это позднее заимствование из дакорумынского⁵.

Stăpîn представлено в нем в форме *stopan* 'овчарня', что указывает на албанское происхождение (ср. алб. *stopan*)⁶.

Stînă пришло, без сомнения, также из дакорумынского, так как для арумынского общеизвестным является термин *sășeare* (арум. *stane* передает н.-гр. *στάνη* 'загон для овец')⁷.

³ A. Rosetti. Указ. соч., стр. 19—20.

⁴ См. нашу работу: *Linguistica. La Haye, 1965*, стр. 226.

⁵ T. Parahagi. [Рец. на кн.:] T. Capidan. *Elementul slav în dialectul aromân*. București, 1925. — «*Grai și suflet*», v. II. București, 1925—1926, стр. 402.

⁶ A. Rosetti. *Cercetări asupra graiului romînilor din Albania*. București, 1930, стр. 87.

⁷ T. Parahagi. *Dicționarul dialectului aromân general și etimologic*. București, 1963, стр. 977 под словом.

Арумынский не знает следующих слов, которые проникли в южнославянские языки из балканской латыни и которые существуют в дакорумынском: *bivol* (арум. *bivul*, пришло из болгарского); *sandelă*, *oțel*, *gusalii*, *troian* (ML, стр. 338, 348 сноски 1, 423; 324 и след.; ср. нашу работу, указанную в списке 2 настоящей статьи).

Среди слов этого пласта лишь *colindă* и *Grăciun* обнаруживаются в арумынском.

Отсутствие в арумынском некоторых из перечисленных слов может объясняться тем, что они исчезли, неважно по какой причине, и были заменены словами, существовавшими в языке, или заимствованиями из других языков⁸.

Можно было бы объяснить это отсутствие также тем фактом, что заимствование славянских слов происходило где-то к северу от Дуная, в области, где славяне находились с VI в., и оно могло не распространяться к югу, где находилась одна из групп румын (в дальнейшем — арумыны).

Следует учитывать, что славяне, пришедшие из северных районов Карпат, переправлялись именно с тех пор через Дунай, поскольку в 539 г. они были отмечены в Греции (ML, стр. 332 и след.). Но язык пришельцев не сохранился в этой области позднее VIII в., так как, начиная с этого времени, юг Балканского полуострова подвергался реэллинизации.

Это может означать, что некоторые славянские слова не успели проникнуть в румынский разговорный язык, бытовавший к югу от Дуная.

Все указанные выше слова могут интерпретироваться как славянские⁹.

* * *

Следует констатировать, что большинство только что рассмотренных слов составляют часть скотоводческой терминологии (даже *sută*, широко употребляющееся при пересчитывании животных). Это соответствует характеру цивилизации балканских народов этой эпохи.

⁸ Например, в румынском языке в Албании: см.: G. B r î n c u ș. *Elements lexicaux autochtones dans le dialecte aromain*. «Revue roumaine de linguistique», t. XI, стр. 549—565.

⁹ Вопреки мнению Э. Петровича (см. сноску 2) дакорум. *șchiau* объясняется как латинское. И. Пэтруц (I. Pătruț. *Originea rom. sută*. «Cercetări de lingvistică», v. VIII. București, 1968, стр. 87—89) утверждает, что дакорум. *sută* «латинского происхождения»; *măgură*, без сомнения, слово старого балканского фонда (ILR, стр. 271), а *mătură*, может быть, также объясняется из латинского (S. Pușcariu. *Etymologisches Wörterbuch der Rumänischen Sprache*. Leipzig, 1905, стр. 91).

Дакорум., арум. arat и plug 'плуг'

Слово arat (< лат. aratrum) фиксируется в дакорумынском лишь в двух областях¹⁰. Напротив, plug (< южнослав. plugŭ) является общеизвестным в дакорумынском¹¹.

Иначе обстоит дело в арумынском. Здесь засвидетельствованы и arat, и plug, а также aletră 'плуг' — заимствование из новогреческого (ἀλέτρι).

Деревянная соха с сошником отмечена на территории современной Румынии еще в древности. Большинство архаических сельскохозяйственных орудий, изготовленных из дерева, найдено в лесистых районах (или в районах, которые были покрыты лесами в прошлом) на румынской территории к северу от Дуная¹².

Исчезновение arat, слова латинского происхождения, которое обозначало соху, происходило, вероятно, в два этапа. После эпохи, в которую наряду с arat употреблялось и слово garîță 'соха', пришедшее из южнославянского (ст.-слав., болг., с.-х. и словен. galo), применение более совершенного орудия, каким был плуг, привело к усвоению слова plug славянского происхождения (< plugŭ — заимствование из германского)¹³.

¹⁰ В области Мунции Апусень (Западные Горы), в Трансильвании (Istoria României, v. II. București, 1962, стр. 20 aratru [sic]) и в Ружар (старый округ Мусчел): arat со специфическим значением 'деталь ткацкого станка' (C. L a s e a. Dacoromania, v. VI. București, 1931, стр. 339—340). Эта деталь ткацкого станка фигурирует в народной румынской терминологии под именем vataă 'battant du métier', 'montant du cadre' (F. D a m é. Nouveau dictionnaire roumain-français et français-roumain, v. V. Le lexique roumain-français et français-roumain de la terminologie paysanne. Bucarest, 1900, стр. 66; см.: О н ж е. Incercare de terminologie populară română. București, 1898, стр. 135, деталь № 9 ткацкого станка на рис. 134); aratru 'aratrum, eke' (I. B o b b. Dictionariu rumanesc, lateinesc si unguresc, v. I, Cluj, 1892, стр. 55; A. C i h a c. Dictionnaire d'étymologie daco-romane, I. Francfort s/M, 1870, стр. 14), aratu, мн.-uri (Lexicon Valachico-latino-hungarico-germanicum. Buda, 1825, стр. 28 — без точной локализации). Ср. arat (I. C a n d r e a, O. D e n s u s i a n u. Dicționarul etimologic al limbii române. București 1907, стр. 11). С. Пуншарю после цитирования работы К. Лачи определяет arat как 'plug' (Dacoromania, VIII. București, 1934, стр. 394; но см.: О н ж е. Limba română. București, 1940, стр. 279). А. Чоранеску дает arat, мн.-te (A. C i o r a n e s c u. Dicționar etimologic ruman, I. La Laguna, 1958, стр. 33), но эта форма множественного числа не зафиксирована. Для румынского см.: Т. P a r a h a g i. Dicționarul dialectului aromân. . . , стр. 82 (aletră), 128 (arat) и 868 (plug).

¹¹ Слово arat не зафиксировано в дакорумынском в анкетах ALR (Atlasul lingvistic român), нет его и в анкетах NALR (Atlasul lingvistic român. Serie nouă).

¹² G. M o r a g u - P o r a. Comentarii etnografice la arheologia plugului. «Revista de etnografie și folclor», t. 12. București, 1967, стр. 213—221; О н а ж е. Puncte de vedere în cercetarea etnografică a inventarului agricol arhaic românesc. «Revista de etnografie și folclor», t. 13, 1969, стр. 251—262.

¹³ V. K i p a r s k y. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934, стр. 258—259 (plugŭ < др.-в.-нем. pflug). —

Как мы видим, употребление этих слов определялось постепенными изменениями, происходившими в течение веков в использовании сельскохозяйственных орудий труда. Применение плуга вызвало появление слова, которым обозначалось это орудие в южнославянских языках¹⁴.

Дакорум. *rariță* (*raliță*) 'primitiver Pflug, jetzt nur noch Jäten und Häufeln gebraucht: Hackenpflug'¹⁵, как, впрочем, и другие слова, которые обозначают части плуга (см. сноску 13), произошли из сербохорватского.

Прогрессирующее применение плуга в средние века на всей территории к северу от Дуная вытеснило соху, последние экземпляры которой засвидетельствованы в нескольких изолированных районах¹⁶.

Предварительное изучение предметов¹⁷, и вместе с этим слов, которые их обозначают, позволяет уточнить историю соответствующих терминов¹⁸.

Замена латинского термина *arat*, который обозначает соху, терминами южнославянского происхождения (*raliță*, *plug*), которые обозначают соху и плуг, объясняется появлением новых

По мнению Б. Кратца, название плуга, однако, ни романское, ни германское (B. K r a t z. Zur Bezeichnung von Pflugmesser und Messerpflug in Germania und Romania. Giessen, 1966, стр. 98 и след.; M. V a s m e r Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II. Heidelberg, 1955, стр. 376). В румынском названия частей плуга имеют южнославянское происхождение (из болгарского и главным образом из сербохорватского языка). См.: P. C a n c e l. Termenii slavii de plug în dacoromână. București, 1921; а также наши заметки (ML, стр. 345 и 471).

¹⁴ ML, стр. 345, а также: Istoria României, стр. 20 («Славянские сельскохозяйственные термины свидетельствуют о высоком уровне земледелия во время совместной жизни коренного населения со славянами»).

¹⁵ M. V a s m e r. Указ. соч., стр. 478; P. C a n c e l. Указ. соч., стр. 28—29. — О деревянной сохе, найденной на севере от Дуная во время археологических раскопок, см. в указанных выше работах Д. Морару-Попа. Детальный обзор употребления сельскохозяйственных орудий на Балканском полуострове и в Румынии см.: A. G. H a u d r i c o u r t, M. J. B. D e l a m a r g e. L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955, стр. 276 и след.

¹⁶ В средние века плуг (*plug*) стал применяться на всей территории современной Румынии, соха (*arat*) употреблялась лишь в некоторых областях (G. M o r a r u - P o p a. Указ. соч., т. 13, стр. 261, сноска 34).

¹⁷ «Изучать предметы прежде, чем слова» — см.: A. G. H a u d r i c o u r t, M. D e l a m a r g e. Указ. соч., стр. 49.

¹⁸ Причиной исчезновения термина *arat* могла быть омонимия с причастием *arat*. Этой омонимии не существует в арумунском, где причастие — *arată* (E. C o ș e r i u. Semantisches und etymologisches aus dem Rumänischen. «E. Gamillscheg zum 80. Geburtstag». München, 1968, стр. 135—136). Но в дакорумунском *arat* употребляется с артиклем: *aratul*, что его отличает от причастия *arat* так же, как арум. *arată* и *arat*. Объяснение, которое мы предложили здесь, делает несостоятельными попытки решить эту проблему, игнорируя эволюцию сельскохозяйственных орудий на протяжении веков.

сельскохозяйственных орудий и усвоением их наименований заимствующим языком. Изучение сельскохозяйственных орудий позволяет нам рассмотреть одну из терминологических проблем, оставшуюся до настоящего времени нерешенной.

Перевели с французского
Э. И. Зеленина и
Г. П. Клепикова

Болгарское *vъбел* : *убел* (о развитии первичного начального *q*)

Ф. Славский

1. Уже в праславянском языке существовало слово *qъbъlъ или *qъbъlъ : *qъbъlъ 'колодец, источник, углубление в земле, из которого получают воду, яма, наполненная водой', хотя зафиксировано оно только в стадии исчезновения, главным образом на периферии славянской территории; в отдельных районах оно представлено лишь топонимами и гидронимами.

Самые древние записи имеются в Синайском патерике, очень интересном и важном памятнике, который можно считать продолжением труда Мефодия «Отъчьскыѣ кънигы». Памятник этот сохранился в списке русской редакции XI—XII вв. Недавно он был прекрасно издан В. С. Голышенко и В. Ф. Дубровиной (Москва, 1967)¹. Праслав. *qъbъlъ : *qъbъlъ зафиксировано здесь в древнерусской форме *оуболь*. Гласная *-о-* восходит к *-ъ-*, который, как это иногда случалось, мог развиваться вторично в связи с необходимостью расчленить группу согласных, возникшую после исчезновения конечного ера.

Вот два примера, известные еще А. Дювернуа и И. И. Срезневскому², сверенные с новым изданием: жена нѣкъто ... *оуболь* рылаше ... и глаубиноу прѣмноу копкаши не обръте коды (к. 57, стр. 149). къза стго и низакѣкъши него къ оуболь. акне скоро коды изиде къ кладазѣ (там же).

¹ Ср. [рец.]: Е. Благова. «Slavia», XXXVII, 1968, стр. 645—646.

² А. Дювернуа. Словарь болгарского языка. М., 1889, 1, стр. 312—313; И. И. Срезневский. Материал для словаря древнерусского языка, III, 1903, стр. 1116.

Как мы видим, *оуболь* означал 'колодец, источник, яма, наполненная водой, углубление, из которого получают воду'.

Праслав. *ǫbъlъ : *ǫbъlъ неизвестно восточнославянским языкам. Однако поскольку, как мы увидим ниже, это слово хорошо представлено в южнославянских языках, также и в окрестностях Солуни, все указывает на то, что в Синайском патерике отражена болгарско-македонская лексика, которую Мефодий, возможно, почерпнул из своего родного солунского говора. Это наблюдение полностью соответствует интересному утверждению Т. А. Ивановой относительно того, что в Синайском патерике как правило не встречается лексических русизмов, хотя имеются русские фонетические и морфологические черты³.

2. Характерно, что как апеллиатив праслав. *ǫbъlъ : *ǫbъlъ засвидетельствовано в севернославянских языках только на северо-западной периферии в полабском языке: *vǫbâl* 'колодец' < **ǫbъlъ*⁴.

3. Перейдем к южным славянским языкам. В последние годы значительно углубились наши сведения о пределах географического распространения соответствий праславянского *ǫbъlъ : *ǫbъlъ в болгарско-македонской языковой группе. Прежде всего мы получили две карты, посвященные названиям колодца в болгарских говорах: в Атласе болгарских говоров в СССР, карта 89 (АБГ, 1958), изданном под редакцией С. Б. Бернштейна, и в Болгарском диалектологическом атласе, т. II, карта 256 (БДА, Български диалектен атлас, Североизточна България, София, 1966), разработанном под руководством С. Стойкова. Ценные детали, касающиеся ареала исследуемого слова, дает также новый этимологический словарь болгарского языка (БЕР — В. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Български этимологичен речник, вып. III. София, 1964, стр. 200).

Принимая во внимание рефлекс праславянского начального *o* в данном слове на болгарско-македонской почве следует различать несколько его форм. Самые древние формы сохранились лишь в названиях местностей на территории Греции⁵: *ǫbъlъ и в еще более архаичной фонетической форме: *ǫbъlъjane, объясненное М. Фасмером как «живущий у источника». Оба эти наименования продолжают праформу *ǫbъlъ еще без каких-либо изменений в начале слова. Они тесно связаны с древнеболгарской эпохой, для которой были характерны формы *ǫdica*, *ǫglъ*, *ǫgъlъ*, ср. польск. *wędka*, *węgiel*, *węgieł*.

³ Т. А. Иванова. Заметки о лексике Синайского патерика. «Проблемы современной филологии». Сборник статей к 70-летию академика В. В. Виноградова. М., 1965, стр. 149—152.

⁴ T. Lehr-Spławiński. Gramatyka połabska, 1929, стр. 57, 85, 152; B. Szydłowska-Gegłowa. Materialna kultura Drzewian połabskich w świetle poszukiwań słownikowych. — Lud. XLVIII, 1963, стр. 94.

⁵ M. Vasmer. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941, стр. 80, 136.

С ними тесно связан аппелятив *вѣмбел*, встречающийся в районе Солуни и подтвержденный географическим названием *Вѣмбел* в окрестностях Костура⁶. Эта форма обнаруживает нормальное для болгарской и восточномакедонской территории⁷ протетическое *v-* (ср. выше полабское *v-ǫbǎl*). Из греческого ономастического материала следует упомянуть названия местностей *Βορπλο* < *vǫbľ и *Βορπλιανή* < **vǫbľjane*⁸. Характерной архаической чертой всех приведенных выше примеров является сохранившийся след первичного носового гласного *ǫ* в виде самостоятельного носового согласного *m* перед взрывным согласным *v*. Этот архаизм характерен для южномакедонских говоров.

4. Нормальным рефлексом праславянского *ǫ* в болгарском языке является гласный *ъ*, которому в начале слова как правило предшествует протетическое *v-* (оно засвидетельствовано уже в среднеболгарскую эпоху⁹), например, *вѣдица* 'удочка', древнеболг. *ждица*; *вѣтък* 'нить, уток', древнеболг. *жтокъ*; *вѣтор* 'утор (спец.)'; древнеболг. *жторъ*. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что наиболее часто встречающимся соответствием праслав. *ǫbľ, *ǫbьľ в болгарском языке является *вѣбел*. Это слово широко представлено¹⁰, в частности, формами *вѣбил* (где *-и-* из безударного *-e-*) и *вѣбел'* (прилагательное *вѣбълъов*) — прежде всего в северо-восточной Болгарии (Шумен, Преслав, район Провадии), в некоторых случаях на юге (Пазарджик). Как топоним *Вѣбел* известно в окрестностях Никополя, Пловдива, Пештеры, Асеновграда, Ченеляре. Засвидетельствована также форма жен. рода *Вѣбела* (как топонимическое наименование в районе Смоляна, как название реки в окрестностях Провадии). С формой *вѣбел* тесно связано родопское *вѣбел*, *вѣбел* 'источник или колодец в какой-либо долине'¹¹. На этой территории праслав. *ǫ-* как правило дает рефлекс *vǫ-*, например,

⁶ БЕР I. с. S. Mladenov. Etymologisches aus einer Kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache. «Списание на Българската Академия на науките», XLIII, 1930, стр. 109.

⁷ Для западномакедонских говоров, в которых данное слово не зафиксировано, характерен протетический *j-*, господствующий также в македонском литературном языке, например, *јадика* < *ǫdica* 'удочка', *јаже* < *ǫžje* 'веревка', *јазол* < *ǫzľ* 'узел'.

⁸ M. Vasmer. Указ. соч., стр. 24, 203.

⁹ Ср.: К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. София, 1958, стр. 106.

¹⁰ Кроме указанных выше источников (АБГ, БДА, БЕР), ср. также: Г. Попианов. Особенности на Шуменския говор. «Сборник на Българската Академия на Науките», 34. София, 1940, стр. 378. — Это слово в районе Провадии отметил еще Л. Милетич («Списание на Българската Академия на Науките», 56, 1937, стр. 50).

¹¹ С. Кабасанов. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско. «Изв. на Ин-та за български език», 4. София, 1956, стр. 71; Т. Стойчев. Родопски речник. Българска диалектология, 2. София, 1965, стр. 139.

вѣток 'уток < *ѡтѣкъ*, болг. *вѣтъкъ*; *вѣгал*, *вѣгле* 'уголь угли' < *ѡгль*, *ѡгльѣ*, болг. *вѣглен*, *вѣглица*; *вѣгарец* 'подкожный червячок' < *ѡгтъсь*; *вѣхам* 'дышать' < *ѡхати*.

5. Заслуживают внимания еще две архаические формы, ставшие нашим достоянием благодаря новым диалектологическим исследованиям: *ѣбел* и *ѣбел*. Форма *ѣбел*, зафиксированная в отдельных случаях в районе Провадии в северо-восточной Болгарии Г. Попивановым и БДА, относится к форме *вѣбел* как изредка встречающаяся в болгарском литературном языке форма *ѣгъл* 'уголь' (* < *ѡгълъ*, пол. *węgiel*) к нормальному типу *вѣдица*, *вѣтъкъ*, *вѣтор* (см. выше). Отсутствие протетического *В* — на болгарской почве — явление исключительно редкое. Таким образом, этот тип, несомненно, связан с древнеболгарским *ѡдица*, *ѡгла*, *ѡгълъ*, с которыми мы объединили греческие топонимы *Ἰουπλός* и **Ἀρπλιανη*.

6. Диалектная северо-восточная форма *ѣбел* хорошо представлена в нескольких надежных источниках. Исследования болгарских говоров на территории СССР под руководством нашего юбиляра С. Б. Бернштейна показали, что *ѣбил* (зафиксировано в четырех пунктах) — слово, типичное для чушмелийской диалектной группы, связанной с шуменским болгарским говором¹². Упомянутая выше работа Г. Попиванова о шуменском диалекте, так же, как БДА, 11 карта № 256 (ч. II, стр. 126—127) отмечают, что слово *ѣбел*, *ѣб'ел* встречается в районе Провадии. Гласная *-и-* в форме *ѣбил* несомненно определяется безударной позицией, ср. на той же карте *кѣди́нец* < *кѣдѣ́нец* и форму *вѣбил* < *вѣбел*, (также район Провадии), о которой речь шла выше. Как же объясняется начальное *ѣ-* в слове *ѣбел*? Это архаизм, тесно связанный с архаическим билабиальным произношением протетического *В*-. Первичное билабиальное, губное звучание *В*- в болгарских говорах хорошо известно. Древнеболг. **ѡбль*, **обвь* перешло сначала в *ѡбѣл* с начальным неслогообразующим *ѣ-* (ѣ). Сильная локальная губная артикуляция вызвала преобладание первого элемента в сочетании *ѡб-* и привела к возникновению формы *ѣбел*. В болгарских говорах встречаются аналогичные формы¹³ *ѣглен*: *ѣбглен*: *ѡбглен*: *ѡбгъл* (праслав. **ѡгль* 'уголь', болг. *вѣглен*); *ѣсенць*: *ѣсенницъ*: *ѡсенца* (праслав. **ѡсѣн-ца*, ср. польск. *gasienica*, болг. *гъсеница*, диал. также *вѣсеница*).

¹² АБГ карта 89. Вступительные статьи, комментарии к картам, стр. 34, 77.

¹³ БДА II, карты 70, 245 и комментарии в ч. II, стр. 50, 122. Я умышленно не затрагиваю здесь вопроса о предлоге *ѡ*, *ѡѡ*; в северо-восточн. диалектах часто *ѣ*, *ѣѣ*, *ѡѣѣ* (см. БДА II, карта 203, ч. II, стр. 106—107). О западноболгарских фактах см.: Ц. Тодоров. Северозападни български говори. «Сборник за Народни Умотворения и Народопис», 41, 1936, стр. 134—138.

7. Следы исследуемого слова засвидетельствованы также в сербскохорватском языке¹⁴. Вук Караджич¹⁵ привел с.-х. *ûbao*, gen. sg. *ûbla* из Черногорья в значении 'яма, углубление в земле, из которого черпают воду, вид колодца' (*jama kao bunar, iz koje se vadi voda čarom*). Несколько примеров находим в за-гребском Академическом словаре¹⁶, где содержится также единственный пример Даничича (*Rječnik iz knjževnih starina srpskih*, III. Beograd, 1864, стр. 343): *ubъль* '*piscina receptaculum aquae*' (Даничич реконструировал праформу *ubъль*). В Академическом словаре имеется также деминутив *ublić*, встречающийся на Герцеговине. На территории Черногорья, Герцеговины, Далмации имеются топонимические наименования *Ubalac* и особенно часто *Ubli* (pluralis). Деревня *Ubli* в Черногорье, видимо, получила свое название от типичных для нее многочисленных углублений с водой, ям, наполненных водой. Залив *Ubli* на острове Ластово получил данное название потому, что там бьют два источника.

На территории Косова-Метохии отмечено *ubo*, *ubla* в значении 'мера жидкости'¹⁷. О древности данного слова на сербскохорватской территории свидетельствуют романские гидронимы и топонимы в Далмации: *Ombla*, *Ombola*, *Umbla*, *Umbula*, заимствованные в тот период, когда существовали еще носовые гласные, то есть самое позднее в X в. Из сербскохорватского языка заимствован также албанский апеллатив *ubël*¹⁸.

8. В словенском языке нет апеллатива, который являлся бы рефлексом праслав. *ǫbъль, *obyль; скорее всего эти формы отражаются в названии ручья *Ubel* и топонимическом наименовании *Ubelsko* (в районах, где *ǫ > u*)¹⁹.

9. Таким образом, очевидно, что мы имеем дело с древнейшим праславянским словом, зафиксированным на стадии распада, главным образом на периферии славянской языковой территории. Это слово нельзя, конечно, связывать с рус.-старосл. *оуболь*: *амболь* 'улица, проход', которое произошло от ср.-гр. *ἔμβολος* 'улица' (согласно М. Фасмеру (III, 169) непосредственным источником могло быть ср.-гр. *ἔμβολος).

Ввиду отсутствия точных индоевропейских соответствий, этимологией праслав. *ǫbъль, *obyль нельзя считать вполне досто-

¹⁴ Ср.: J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957, стр. 67—68; I. Poročić. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 25, 151, 378.

¹⁵ Српски рјечник. Београд, 1935, стр. 788. Ср. данные из тех же самых районов: В. Милетић. Црмнички говор. Српски диалектолошки зборник 9, 1940, стр. 271: *ўвā* 'цистерна' (стяжение).

¹⁶ *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika JAZU*, sv. 79. Zagreb, 1967, стр. 85, 97, 98.

¹⁷ Гд. Елезовић. Речник Косовско-Метохијског дијалекта, 2. Београд, 1935, стр. 376.

¹⁸ J. Poročić. Указ. соч., стр. 378.

¹⁹ F. Vežlaj. Slovenska vodna imena, II. Ljubljana, 1961, стр. 282.

верной. Уже в праславянскую эпоху это слово было немотивированным. Теоретически здесь можно выделить корень *ǫb-* и суффикс *-lъ* или *-lъ: -lъ*, а также префикс *ǫ-* и корень *-bl:* *-bъl: -bъl-*. Более правдоподобен первый вариант. Возможно, корень в этом слове тот же, что в древнеинд. *ám̐bhas-* п. 'вода': *ambu* п. 'ts' греч. *ομβρος* м. 'дождь'²⁰. Нельзя исключать и того, что форма без суффикса *-lъ* скрыта в серб.-хорв. названии реки *Љв-ген. Љва*²¹. Структура праслав. **ǫblъ: *obъlъ*, **obъlъ* напоминает синонимичную форму *stub-lъ*, *stub-ъlъ*, *stъb-ъlъ* (ср. болг. *стѹбел*, *стѹбла*, также в БДА II, карта 256, серб.-хорв. арх. *stubъlъ* 'источник', др.-чеш. *stbel* 'колодец').

Принимая во внимание трудности семантического характера, морфологический анализ **ǫ-blъ*²² представляется менее правдоподобным. Префикс *ǫ-* встречается в ряде праславянских слов, например: **ǫ-tъkъ*, польск. *watek*; **ǫ-dolъ*, польск. *wadół* или **ǫ-tъlъ*, польск. *watły*, **ǫ-godъ*, ст.-слав. *ǫgodъ* 'глухой'²³. В этом случае можно было бы считать оставшуюся часть основы исчезающей ступенью и.е. корня **bhel-* 'брызгать, бить струей'. Можно было бы попытаться установить связь с зап.-слав. *bĭk* 'омут, водоворот': 'гул, шум' (ср. польск. диал. *beĭk* с XV в.) или с праслав. *bĭtъ* 'пучина, бездна' (ср. польск. диал. *beĭt* 'водоворот', словен. *bòlt* 'пропасть, овраг')²⁴.

Перевела с польского

З. Стрекалова

(см. там же о других гидронимах и топонимах, связанных с изучаемыми).

²⁰ Ср. БЭР, вып. III, 1964, стр. 200; J. P o k o r n y. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, стр. 315—316.

²¹ F. V e z l a i. Указ. соч.

²² См.: M. V a s m e r. REW, III, стр. 33.

²³ Такую возможность допускал еще Я. Розвадовский (J. R o s w a d o w s k i. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948, стр. 238).

²⁴ Возможно, также польск. *Wa-wel* < **ǫ-vъlъ* (древн.-польск. *Wawel*). См.: W. T a s z y c k i. Historia i znaczenie nazwy Wawel. «Onomastica», I, 1955, стр. 41—59 (Rozprawy i studia polonistyczne, I. Wrocław—Kraków, 1958, стр. 191—204).

Об одном иранизме в славянском: *bazuriti

В. Н. Топоров

Это слово, встречающееся в русских говорах, до сих пор не стало объектом изучения и тем более этимологического анализа. Вот несколько примеров: *базу́рить* 'жить обманом', 'плутовать' (пск., тверск.), *базу́рничать*, то же¹; ср. *абазу́рить* (= *обазу́рить*), *абазу́риться* (= *обазу́риться*)²; *абазу́рить*, 1) 'привыкнуть', 2) 'потерять стыд', 'обнаглеть' (*обазу́рефи́ый наро́т, обесты́дефи́ый*), 3) 'вести распутную жизнь' (*а фси абазу́рники, де́фки, ма́льцы; нет ма́так, ба́тяк, ани́ и абазу́рят; сваю́ волю ва́зьме́, пайде́ блядава́ть, и ма́лицу то́жы, то́льки ни называ́ют блядава́ть, а абазу́рить*), 4) 'распускать', 'портить' (*са́мы [люди] себ́я убазу́рят*), 5) 'жить обманом', 'обмануть', варианты: *базу́рить, абазу́рить, убазу́рить; абазу́риться*, 1) 'освоиться', 'привыкнуть' (*тут уж́ я бая́ца ня ста́ла, ка́к-та абазу́рилась, стра́х мяня́ пи́рста́л бра́ть; спе́рва: — ни пайде́м! — а тепе́ричка абазу́рились, напри́выкли*), 2) 'стать своевольным', 'распуститься' (*де́ти типе́рь абазу́рились, ба́луо́ца*), 'потерять стыд', 'обнаглеть' (*ани́ ужэ́ абазу́ря́ца, им ужэ́ ня обвисна...; во, гаваря́т, абазу́рился, наха́льный зде́лался*), 3) 'облентиться', 'опуститься' (ср. *абазу́литься*), 4) 'ошибиться', 'обмануться', варианты: *обазу́риться, обозу́риться, убазу́риться; абазу́ре́ть*, то же, что и *абазу́рить*; ср. также: *абазу́рка, абазу́рник*, 1) 'упрямец', 'неслух' (*а ты абазу́рник хитры́й!*), 2) 'нахал' (*ах ты абазу́рник, ты што ж думаш, я тебе́ бык, што фсе́ за тебя́ буду́ дела́ть?*), 3) 'безнравственный, распущенный человек' (*што абазу́рник, што мазу́рик, аль тряпко́, как хош*), 4) 'опустившийся человек', 'лентяй' (*дурака́ на пахотки́ и глаза́м узнáе, а лентя́я, абазу́рка на аде́жы, ве́чна на нём ря́сная рубáха*), *абазу́рница, абазу́рничать*, 1) 'озорничать', 2) 'жить обманом', *абазу́рный*, 1) 'избалованный', 'своевольный', 'упрямый' (*абазу́рный тако́й, у-у-у, ту-у, чорт абазу́рный!*), 2) 'такой, где надувают, обманывают' (*абазу́рный збрат*) и др.³; *базу́рить, базу́рничать* (пск.) 'промышлять плутнями' (Даль 1, s. v. *базу́лить*), *обазу́рить, абазу́рить* 'при-

¹ Словарь русских народных говоров, вып. 2. М.—Л., 1966, стр. 51 (СРНГ).

² СРНГ, вып. 1. М.—Л., 1965, стр. 188.

³ Псковский областной словарь с историческими данными, вып. 1. Л., 1967, стр. 46—47 (ПОС); ср. также *абазо́риться, абазо́рник, абазо́рный*. Там же, стр. 45.

выкнуть'; 'обмануть' (Даль II, s. v. *обазурить*) и др. О наличии соответствующего слова в белорусских говорах, может быть, свидетельствуют лит. *bazùrinti, išbazùrinti* с общим значением 'баловать', 'распускать', 'развращать' и под. (ср.: *mūsų mama mažesnius vaikus tik išbazùrino; ot išsibazùrinęs — toki gardūs batviniai, ir nevalgo; tavo sūnus jau kap ožys išsibazùrinęs*)⁴.

Отчетливо экспрессивный характер слова обусловил образование широкого круга формально близких лексем с более или менее рассредоточенными значениями (всегда, однако, с отрицательным оттенком); ср.:

базу́лить, 1) 'баловать', 'нежить', 'потворствовать', 2) 'шалить', 'озорничать', 'проказить', 3) 'работать' (*встанешь часа в 3 ночи и базулишь до 10 утра, не вставая*), *базу́литься* 'тепиться', 'забавляться чем-либо, дав себе волю', *базу́ла* 'шалун', 'озорник', 'повеса', *базу́льник, базу́льница, базу́ля*. СРНГ, вып. 1, 51; *абазу́лить* 'надуть', 'обмануть' (вариант: *обазу́лить*), *абазу́литься*, 1) 'выйти из повиновения', 2) 'распуститься', 'обленииться', 3) 'своевольничать', 4) 'обмануться', 'ошибиться' (вариант: *обазу́литься*); *абазу́льный* 'балованный', 'распущенный'. ПОС, вып. 1, 45—46; *базу́лить* 'баловать', 'извадить', 'давать потачку', *базу́литься*, *базу́льник, базу́льница, базу́ла*; *обазу́лить* 'обазурить', 'обмануть', 'объегорить', *обазу́литься* 'обмануться', 'ошибиться' (Даль I, s. v. *базу́лить*; II, s. v. *обазу́лить*); *базу́лить* 'баловать', 'нежить', 'потворствовать (в еде)'⁵;

базла́ть, 1) то же, что и *базáнить*, 2) 'говорить', 3) 'врать', 4) 'говорить дурно, плохо о ком-нибудь или о чем-нибудь', 'хаять', 5) 'зевать', 6) 'проводить, коротать время', 7) 'мыкать горе', 'испытывать нужду', 8) 'прятать', 'засовывать куда-нибудь'; *базли́ть*, 1) то же, что и *базáнить*, 2) 'врать', 'говорить пустое' (*не базли пустого-то!*), 3) 'шутить'; *базля́ть* 'врать', 'говорить пустое'; *базловáть* 'хвастаться'; *базло́*, 1) 'горло', 'глотка', 2) 'крикун', 'горлодер', 'плакса', 3) 'врун', 'обманщик', 4) 'злой человек', 5) о чем-либо старом, плохом, негодном, 6) 'обглоданная кость'; *базлище*; *базла́стый*, 1) 'плаксивый', 'громко плачущий', 2) 'громко-голосый' и др. СРНГ, вып. 2, 50; *базло́*, 1) 'кричало', 'орало', 'крикун', 2) 'горло', 'широкое горло', *базлище*, КЯОС, I, 27; *базло́*, *базёл*, *базли́ть* (Даль I, s. v. *базáнить*) и др.;

базла́кать 'жалобно плакать', 'реветь'. СРНГ, вып. 2, 49;

базáнить, 1) 'громко кричать', 2) 'громко плакать', 'реветь', 3) 'буйнить', 'шуметь', 'стучать', 4) 'громко разговаривать', 'перебивать' (разговор), 5) 'болтать', 'говорить о пустяках', 6) 'говорить громко и важно, напыщенно, свысока', 7) 'хвастать', 8) 'льстить кому-либо'; *базáн*, 1) 'крикун', 'говорун', 2) прозвище,

⁴ Lietuvių kalbos žodynas, I. Vilnius, 1968, стр. 699 (далее — LKŽ).

⁵ См.: Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь, I. Ярославль, 1961, стр. 27 (КЯОС).

3) о громко мычащем быке; *базáнка*, *базáнья*; *базóнить*, то же, что и *базáнить*, 1) и 2) (*теперь уже не говорят базáнить, а базóнить*), *базóня*, 1) 'крикун', 2) 'рёва', 'плакса'; *базýнить* СРНГ, вып. 2, 47—48; 51, 52; *базанить* 'кричать', 'плакать с криком', КЯОС, 1, 27; *базáнить*, *базóнить*, *базýнить* 'кричать, шумно и громко распоряжаться, орать, горланить, гаркать', 'громко взывать', 'реветь', 'плакать', 'вопить', 'выть', 'пустословить', 'болтать', 'шутить'; *базáнить* 'хвастать', 'преувеличивать свои заслуги'⁶; *базáн*, *базáнка*, *базáнья* (Даль, I, s. v. *базáнить*)⁷;

базлáнить, 1) то же, что и *базáнить*, 1) и 2); 2) 'громко мычать', СРНГ, вып. 2, 49—50; *базлáнить*, *базлáн* (Даль, I, s. v. *базáнить*);

базáрить, 1) 'громко разговаривать', 'кричать', 'шуметь'; 'браниться', 2) 'толпиться', 'глазеть на базар'; *базáриться* 'быть забиякой', 'крикливо вести себя'; *базáрник* 'забияка', 'крикун' и т. д.; *базáрный*, о бессовестном, нахальном человеке, СРНГ, вып. 2, 48; *базáрить* 'громко говорить', 'кричать', 'шуметь' и др. ПОС, вып. 1, 93; *базáрник* 'бранчивый озорник', *базáрить* 'кричать', 'шуметь' и т. д. (Даль, I, s. v. *базáр*);

базýть, 1) то же, что и *базáнить*, 2) СРНГ, вып. 2, 49;

базýкать 'разговаривать', 'беседовать', 'болтать', СРНГ, вып. 2, 49; укр. *базýкати* 'болтать', 'балагурить', 'калякать', *бáзи*, *базýка*, *базýкало*, *базýканья* (Гринченко, I, 19—20);

бáзгальничать, 1) 'повесничать', 2) 'пустословить', 3) 'ругаться нецензурными словами', *бáзгальник*, *бáзгальница*, *бáзганьничать*, *бáзгать* 'плакать', *бáзгала* и др., СРНГ, вып. 2, 48—49; *бáзгальничать* 'дурить', 'шалить', повесничать', *бáзгала*, *бáзгальник* (Даль, I, s. v. *бáзгальничать*);

базýга, 1) 'старый хрыч', 2) 'глупый и грубый человек', 3) 'сварливый и придиричивый человек', 4) 'ревун', 'плакса', 5) окрик (на кошек и собак); *базýжа*, *базýковать*, СРНГ, вып. 2, 51—52; *базýга* (вятск.)⁸;

базвúть 'хвалиться', СРНГ, вып. 2, 48 и др.

Приведенные выше слова (а их число могло бы быть увеличено) объединяются наличием корневого элемента *baz — и широкого комплекса разнородных значений, так или иначе связанных с идеей плохого, отклоняющегося от нормы поведения, выраженного словами (звуками) или действиями. Разумеется, эти слова

⁶ Г. Куликовскій. Словарь областного олонечкого наречья. СПб., 1898 (s. v. *базáнить*).

⁷ Ср. лит. *bazūnėti* «niekus kalbėti, zaunyti» LKŽ, I, 699; лтш. *bazūnēt* 'трубить в трубы', 'трезвонить' заимствовано из ср.-н.-нем. *basune*, ср. нем. *posaunen* (ME, I, 269, ср. *bazūne*—*die Posaune*, эст. *razun*), ср. также ME. Erg.-h, III, 207: *bazūnēt*: «gaḡ veļkuot gaudāt». Интересно, что лтш. *bauzēt* может значить 'лгать', 'говорить дурное' (ME. Erg.—h, III, 207).

⁸ См.: Н. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907, (s. v. *базýга*).

весьма различного происхождения (в частности, некоторые из них восточного, тюркского, а другие, наоборот, допускают объяснение из западных источников, ср. польск. *bazuna*, *bazona*, *bażan*, словинц. *bazúnovac*, ср. ср.-н.-нем. *basune* и т. п.). Сопоставление этих слов между собой имеет двоякий смысл — определение состава данного лексико-семантического поля с синхронной точки зрения и выделение ядра (*базур-*), составляющего предмет анализа в этой заметке. Несомненно, что для *базу́рить*, *-ся*, *обазу́рить*, *-ся* исходным было значение несправедности как в отношении слова (обман, ложь), так и действия (испорченность, распушенность). Все указанные выше (в примерах) значения или непосредственно отражают исходное или легко выводятся из него; комментарий требует, пожалуй, лишь значение 'привыкнуть', 'освоиться' — через 'утратить стыд (ощущение стыда)'. Глагол (*о*)*базу́лить*(*ся*) и связанные с ним слова довольно точно передает те же значения, что и (*о*)*базу́рить*(*ся*), лишь вторично и периферийно развивая некоторые новые, ср. 'тешить(*ся*)' и даже — единично — 'работать'. В других словах, приведенных выше, значения, исходные для (*о*)*базу́рить*(*ся*) и (*о*)*базу́лить*(*ся*), постепенно суживают свою сферу, затухают среди многих других более настоятельных смыслов. Тем не менее, и *базла́ть*, и некоторые другие слова еще как-то связаны с обманом (криком, воплем, пустословием) и дурным поведением. (*О*)*базу́рить*(*ся*), как и (*о*)*базу́лить*(*ся*), интересно и в другом отношении — своей словообразовательной структурой, особенно на фоне других слов с элементом *баз-*. Конкретно речь идет о необходимости выделения корня *базур-* и *базул-*, в котором, строго говоря, нельзя отделить *баз-* от *-ур-* и *-ул-*⁹. Отыменной характер глагольного словообразования заставляет предполагать соответствующее имя, однако ни *абазу́рник*, *абазу́рница*, *абазу́рка*, ни даже *базу́ла*, *базу́ля* не выглядят первичными именами, тем более, что исходное имя не должно быть *nomen auctoris*. Вместе с тем обращает на себя внимание, что из всех глаголов с *баз-* только *базу́рить*(*ся*) и *базу́лить*(*ся*) употребляются с префиксом, притом исключительно с *о-*. Уже на этом этапе анализа напрашивается предположение о переразложении старого префикса *об(о)* → *о-ба(зу́рить/ся/)* по типу, хорошо исследованному в последние годы¹⁰, ср. польск. *bagnić się* и под. Если это так, то в таком случае трудно отказаться от сравнения с рядом сходных фактов иранских языков, ср. авест. *zīrañ-*, ср. р., 'несправедли-

⁹ Случай типа *кожу́ра*, *печу́ра*, *немчу́ра*, *Сашу́ра* и под. сюда не относятся. Более сложен вопрос с отношением *кочу́ра* (: *кбчка*, *коча́н*, *кочера́*) — *кочу́риться*, *окачу́риться* (ср. *коченеть*).

¹⁰ См.: А. Vaillant. La dépréverbation. — *RÉSL*, t. 22, 1946, стр. 5—45; Л. А. Булаховский. Деэтимологизация в русском языке. «Труды Ин-та русского языка», 1. М.—Л., 1949, стр. 159—162 (Префиксальные существительные).

вость', 'обман', др.-перс. zūrah-, ср. р., то же, совр. перс. zūr 'неправильный', 'ложный'; 'ложь' и др.¹¹ Ср.: θātiy Dārayavauš xsāyaθiya avah [ya] rā[diy] Auramazdā upastām abara utā aniyāha bagāha tyai[y ha^{ti}y yaθ]ā naiy arai[ka] āham naiy draujana āham naiy zūrakara āham [naiy a]da[m na]imaiy taumā upariy arštām upariy [axšaya[iy] naiy šakauri[m naiy]++ tⁿuv^tm zūra akunavam martiya hya hamata-xšatā manā viθi[yā a]vam ubartam a.[ba]ram hya viyanā[sajya avam ufrastam aparsam || θātiy Dārayavauš xsāya-θiya tuvam [kā] xsāyaθiya hya aparam āhy martiya [hya] draujana ahatiy hyavā [zū]rakara++ ahatiy avaiy mā dauštā [bīy]ā ufra-štādiy parsā Бехистунская надпись. IV столбец. 13—14 (61—69)¹² «Говорит Дарий царь: Аурамазда потому помог мне и другие боги, которые существуют, что я не был вероломен, лжецом или злодеем, ни я, ни род мой. Согласно справедливости поступал я Я не делал зла ни слабому, ни сильному. Человека, который стремился (делать добро) моему дому, я вознаграждал, а того, кто вредил, я наказывал строго. // Говорит Дарий царь: ты, который будешь впоследствии царем, не будь другом человека, который будет лжецом и злодеем, (а) наказывай его строго». Более точно zūra следовало бы здесь перевести (что и делается в целом ряде переводов), как 'несправедливость', а zūrakara как 'делание несправедливого, неверного'. Ср. также авест. zūrō. jata 'unrechtmässig, verräterisch getötet' (ср. Yašt IX, 18). Этимологические связи иранск. zūr приводят к значению 'уклоняться от верного направления' (как в прямом, так и в переносном смысле), ср. и.-е. *g'huel-¹³, отраженное, помимо иранских фактов, в др.-инд. hvárate, hválati, ср. hváras, ср. р., 'искривление', 'изгиб', víhruta-, juhurāná- и под.; в лит. pažvilti, žylúoti, žvalūs, įžvilnas, nuožvelnūs, pažūlnus, pražuľnas, atžúlas, -ūs и пр., лтш. zvelt, zvalstītiēs, zvalns и т. п. с сильно отошедшими от первоначального значениями¹⁴; в слав. зълъ и т. д.¹⁵ Поскольку славянский рефлекс и.-е. *g'huel- хорошо известен (зълъ, зло, злой и т. д.), — зур- в базурить(ся) может быть объяснен только

¹¹ См.: Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, стр. 1697—1698; к значению и этимологии см.: О н ж е. — ВВ, XV, стр. 43; XVII, стр. 146; ZDMG, XLVI, стр. 296; IF XII, стр. 128 и др. Интересно, что zūrah — не фигурирует в Гагах и редко встречается в младшей Авесте, ср. также такие образования, как zūrō. jata — (дважды) и zūrō. bərəta (однажды). Все эти факты позволяют, видимо, искать центр иррадиации этого слова в более ограниченной области.

¹² Цит. по изд.: Н. С. Толмап. Ancient Persian Lexicon and the Texts of the Achaemenidan Inscriptions. . . N. Y. — Chicago, 1908 (Перев. М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963).

¹³ См.: Walde-Pokorny, I, стр. 643—644.

¹⁴ См.: Fraenkel, s. v. atžúlas. Тем не менее, балтийские слова этого корня достаточно отчетливо фиксируют значение отклонения от нормы.

¹⁵ Ср., видимо, др.-греч. φαλβνμορον. Hesych., φαλβς 'кривоногий', φάλχη и др.

как заимствование из иранского источника, точное определение которого в настоящее время пока затруднительно. Зато с известной вероятностью можно реконструировать форму слова, отраженного в русск. *обазурить(ся)*, — иранск. *abi-zūr- (ср. др.-перс. abīy, авест.-гаты aiβī, авест.-младш. aiwi, осет. œv-; др.-инд. abhi- и под.). Учитывая случаи типа *ωσoγδο* из бактрийской надписи из Сурхкотала, где предполагается *awa-suxta¹⁶ с префиксом *awa- из *aba-, можно пойти еще дальше и предположить в качестве источника русского слова абсолютно идентичную форму *aba-zūr- (: *обазурить*)¹⁷.

Вместе с тем есть серьезные основания предполагать, что иранское влияние в связи с анализируемым словом не ограничивалось указанным фактом. Одним из основных устоев зороастризма была, как известно, дуалистическая концепция, в которой правде, праву и справедливости, воплощенным в самом Ахура-Мазде и его помощниках *Амеша-Спента* (ср. среди них *Воху-Мана*, благая мысль, *Арта-Вахишта*, высшая праведность, и под.) противопоставлен ложь и неправедность, представленные Ахриманом и его спутниками — *дэвами* (среди них *Ако-Мана*, дурная мысль, и т. п.). В паре правда (авест. aša-, др.-перс. arša-; вед. ṛtá-) — ложь (авест. draoga-, draoça-, drug-, др.-перс. drauga-, хот.-сакск. drrūja, совр. перс. durōγ; др.-инд. druḥ-, drógha-¹⁸, droha- и др.)¹⁹ эмоциональный акцент приходится на второй член противопоставления, о чем, в частности, свидетельствуют десятки примеров из ахеменидских надписей (не говоря уже об Авесте), ср.: pasāva kāra arāika abava [pasāva] drauga dahyauvā vasi y abava... Бехист. надп. I столбец, 10 (33—34) 'после этого народ стал мятежным, и много лжи стало в стране...'; hauv udapatatā Bābirauv kāgam avaθā adurujiya. Бехист. надп. I столбец, 16 (78) 'он восстал в Вавилоне; он народ так обманывал'; θātīy Dārayavauš xsāyadīya Auramazd[am upāva]rtaiy²⁰iy²⁰

¹⁶ Ср., впрочем: Н. Humbach. *Baktrische Sprachdenkmäler*, T. I. Wiesbaden, 1966, стр. (о K I IVa: βαρτανο ω σογδο μαγγο) и 140.

¹⁷ Употребление abhi с соответствующим корнем хорошо известно и ведийскому языку: ср. abhihrūt, RV, I, 128, 5; I, 189, 6; X, 63, 11 'Beschädigung', 'Beleidigung', abhihruti, RV, I, 166, 8, то же, 'Schaden'. Из других древнеиндийских параллелей ср. hvārate: hvālati при *обазурить*: *базулить* (r-: -l-). В связи с этим чрезвычайно интересны осетинские факты (zūl/zol, zūlun/zulun, 'косой', 'кривой', 'неправый', 'виноватый', своим l (вместо r) примыкающие к славянским и балтийским словам (см.: В. И. Абаев. *Скифо-европейские изоглоссы*. М., 1965, стр. 38). Следовательно, для *обазурить(ся)* восстанавливаемо нечто вроде *ab(a)-zul-, осет. *œv-zul.

¹⁸ Весьма характерна фразеология, ср. drogha-vās- 'ведущий оскорбительные (неправедные) речи', dróghāya... vācase о лживой речи, а также ádroghavās-, drógha-mitra- и под., причем эти сочетания употребительны уже в Ведах.

¹⁹ Ср. также и соответствующие глаголы: авест. družaiti, др.-перс. duruj- (Praes. durujiya-, Praet. 3 sg. adurujiya, Part. Acc. n. sg. duruxtam и под.), др.-инд. druhyati и т. д.

yaðā ima *hašiyam* naiy *duruxtam* adam akuna[*vam* hama]huāyā ðarda. Бехист. надп. IV столбец, 7 (43—45) 'говорит Дарий царь: я обращаюсь к Аурамазде, что это — истинно, а не ложно, что я сделал в течение одного и того же года' и т. д. Противопоставления такого рода не ограничивались, естественно, зороастризмом и были достаточно широко представлены в дозороастрийских и незороастрийских вариантах иранских морально-религиозных концепций²⁰. Характерно, что в истории иранских языков с *zīg-* со временем все более связывалось значение силы, насилия²¹, тогда как слова, восходящие в конечном счете к и.-е. **dhreugh-*, стали почти единолично выражать значение лжи, обмана²². Если учесть звуковую и смысловую близость комплексов *zig-* и *dir-/dri-*, подкрепляемую хорошо известной диагностической изоглоссой при классификации иранских диалектов, а именно: *d* в юго-западных западноиранских диалектах при *z* во всех остальных (т. е. в северо-западных западноиранских и во всех восточноиранских)²³, то, может быть, станет еще более правдоподобной мысль об отношении вариативности между

²⁰ Возможно, не случайно, что именно в «Голубиной книге», несущей на себе следы несомненного иранского влияния (в форме, близкой к манихейству), содержится знаменитое место о прении Кривды и Правды:

... Это Кривда с Правдой сохodiлaся,
Промежду собой они бились-дрaлись.
Кривда Правду одолеть хочет;
Правда Кривду переспорила
Правда пошла на небеса,
... А Кривда пошла у нас вся по всей земле ...

²¹ Помимо прочего ср. тадж. *zīg*, ягн. *zig*, шугн. *zīg*, *zīgí*, барт. *zīg*, *zīgí*, руш. *zīg*, *zīgí*, хуф. *zīg*, *zīgí*, *zīgau*, ишкaш. *zig*, сангл. *zōg*, курд.-туркм. *zor*, курд. *zōrbētí* и т. д. (все со значением 'сила', 'мощь', 'насилие'; 'сильный', ср. курд.-туркм. *zor kərbn* 'насиловать' или конструкции типа тадж. *ba zig*, 'насиленно'). По-видимому, значение силы, мощи определило скифское наименование *Zōbērh* (ср. русскую фамилию *Зурин?*). Интересны согдийские факты, ср. *z'wrg* 'сила', 'войско', 'подкрепление', 'помощь', но *z'wrcyk* 'несправедливость'. Ср. (6) (...) 'tn 'βyrg rty (' 'ycw z- 'wr-cyk L' β'у. Б. 18, 6 «... доставлено. И никакой несправедливости да не будет» (см. Согдийские документы с горы Муг, вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962, стр. 154 и 156).

²² Ср. особенно формы с комплексом *dir-*, *dri-*, ср. тадж., ягн. *dūrūy* (*dūrūy*, *wovdūrūy* *kün-* 'лгать', 'врать'), руш., хуф. *durūy*, *d(i)rūy* (руш. *bād-um drūyāð luyd* 'тогда я сказал ложно'), барт. *durūy*, *dīrūy*, шугн. *dīrūy* (*dīrūy* *lūvdōw* 'лгать', 'врать') и др.

²³ Ср. авест. *zasta-* 'рука' — др.-перс. *dasta-*, авест. *azəm* 'я' — др.-перс. *adam*, авест. *zān-* 'знать' — др.-перс. *dān* — и т. д. Уже отмечалось, что *z* в др.-перс. *zūga-*, *vazrka-*, *zapa-*, принадлежащих к специальному слою языка, объясняется заимствованием из мидийского. См.: A. Meillet, E. Benveniste. *Grammaire du vieux-perse*. Paris, 1931, стр. 8, 12, 13, 52, 68. — Ожидалось бы др.-перс. **dūga-* и под.

zur- и dur-/dru-. При принятии такого предположения получают объяснение еще два вопроса. Во-первых, становится более понятным закрепление в *базурить(ся)* значения лжи, обмана²⁴. Во-вторых, удастся расширить семью этого слова за счет целого ряда фактов других славянских языков. Речь идет о продолжателях слав. *baduriti / *badoriti, представленных в чешск. baduřiti 'обманывать'²⁵, badúrat' se 'казаться'²⁶; словц. badúrit' 'подталкивать', 'подзадоривать', 'подначивать', badurkat', то же, nabadúrit'; badúrit'sa, badurkat'sa 'гневаться', 'злиться', 'раздражаться' и т. д.; nabadúrit'sa, nabadurkat'sa²⁷; н.-луж. badoriś 'болтать', pobadoriś (nebadoř pśecej! ... 'не болтай больше!'), badořeńe 'пустословие', 'сплетни', badorak 'болтун', badority 'болтливый'²⁸; польск. badurzyć 'болтать глупости' и т. п.²⁹; кашуб. *badurac,

²⁴ Кроме того, для соответствующего глагола в Авесте весьма характерно употребление именно с aiwi-, ср. kō miθrēm, aiwi, družaiti, Yt XIV, 47; X, 18; yō miθrēm nōit aiwi družinti, Yt. X, 3; yō miθrēm aiwi, družaiti yim vačahinēm, Videvd. IV, 11, 12 и сл. (ср. Videvd IV, 5, 6 и сл.) и т. д. Ср. русские аналогии, отраженные в пословицах типа *мир да правда, человек да ложь*; *мир да Бог да правда*; *в миру виноватого нет*; *вор ворует, а мир горюет* и т. п., на основе которых, в частности, реконструируется представление о лжи как преступлении против мира (miθrēm aiwi, družaiti). См.: V. N. Т о р о в. Parallels to Ancient Indo-Iranian Social and Mythological Concepts. «Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies Presented to F. B. J. Kuiper» 's-Gravenhage, 1969, стр. 111—112.

²⁵ См.: F. Kott. Česko-nemecký slovník zvláště grammaticko-fraseologický, I. Praha, 1878, стр. 42.

²⁶ Там же. Dodatky k Bart., стр. 2.

²⁷ См.: Slovník slovenského jazyka, I. diel. Bratislava, 1959, стр. 64; ср. badkat' 'подзадоривать', 'badúrit' там же, стр. 64. Любопытно — в связи с одним из основных значений архетипа *g'h₂cel- 'уклоняться от верного направления', 'идти криво' и т. п. (ср. др.-инд. hvárate 'совершает кривой путь', hválati 'идет косо', авест. zbarəpnəθ 'кривоидущего' и под.) — наличие отражений этого значения в словц. badkat' 'ist' pomalým, drobným krokom, 'krivkat' (ср. Juro badkal popri voze. Hviezd.; Rozochvená badkala po jeno boku. Ondr. и др.), badzgat', badzgovat' 'сплашене behat' sem a tam, strečkovat' ([Krauy] badz-gajú od rána. Ondr.; [Cigán] začal badzgat', Švant), там же, стр. 64; ср. русск. диал. *базыльть* 'бегать, скакать от оводов (о скоте)' (*жорьвы базыляют*), СРНГ, вып. 1, стр. 93; *базирыкать* 'бегать, скакать (о животных)', СРНГ, вып. 2, стр. 49 (яросл.); ср., может быть, *бадыться* 'ходить без дела', 'болтаться', СРНГ, вып. 2, стр. 42 и др. Ср. блр. *бадзяцца, басьцяцца* и др., см.: Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, стр. 12, 67, 94, 134, 135. Другая аналогия: словацк. *badúrit* 'robiť' (см.: A. H a b o v š t i ě k. Oravské nárečia. Bratislava, 1965, стр. [186—]187) — русск. диал. *базыльть* 'работать'.

²⁸ См.: Э. М у к а. Словарь нижнелужицкого языка, вып. 1. Пг., 1921, стр. 9.

²⁹ См.: M. S. B. Linde. Słownik, języka, polskiego, t. 1. Lwów, 1854, стр. 43: badurzyć, bandurzyć, bzdurzyć 'prawieć ni to ni owo', 'gadać nie do rzeczy', 'pleść trzy po trzy' (czego tam nie badurzyła); Słownik

obadurac (sa), badurovac, dobadurovac sa 'domyšlic się' (ср.: takô mã tvarďô głowa, że sa ni mďôg d'obadurac)³⁰ и под. Хотя продолжатели слав. *baduriti в ходе своего развития периферийно и смыкаются с другими лексическими семьями (в частности, с *badati)³¹, видимо, неверно подчеркивать именно эти вторичные связи, забывая об исходном родстве с *bazuriti. Обе эти формы находятся в отношении дублетности, которая может объясняться различно. Четкое распределение *bazuriti и *baduriti по ареалам (сев.-вост. — сев.-зап. славянских территорий) может стать важным указанием и на более древние изогlossы (например, иранские).

Две болгарские этимологии

О. Н. Трубачев

Самодѣва

Этот мифологический термин толкуется в словаре Герова следующим образом: 'измыслены отъ народа духове; . . . вила, дива и пр.', (у него же даны, как обычно, русские эквиваленты слова — *русалка, вихрь, заверть, крутень*, а также *вечерний мотылек Bombyx pavonia*). Геров, как и другие лексикографы, отождеств-

języka polskiego pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedźkiego, t. 1. Warszawa, 1900, стр. 82. — Ср. смыкание с семьей глагола bajdurzyć, bajdać и под. со сходным кругом значений (с экспрессивным суффиксом -uga, ср. bzduга при bzdzić; wilczuga и под.), ср. укр. *байдати* 'болтать вздор, чепуху', *байда*, *байдиги* (плести), *байдикувати* 'баклушничать' и др. (см. Гринченко, I, стр. 20).

³⁰ См.: В. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej I. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967, стр. 14. — Интересны значения ряда сходных слов, ср. bajdac 'bajdurzyć, zmyślać, łągać' (nic se nie wera, bo bajdās), bajda 'gadula', 'łgarz' (xtobě tak'ęgo bajda slęxāł, jak tē jes), bajdē 'brednie' (xtobě v tak'ę bajdē vēfił), там же, стр. 15. Ср. также словинц. *baderowac, dobadërowac (m^ušil̥ tãn læst četać röz r^o röz, abë dobadërowac, so çona dox tîm męšlî). См.: F. Lorentz. Pomoranisches Wörterbuch. Bd. 1. Berlin, 1958, стр. 13. — Как видно, кашубские и словинцские примеры свидетельствуют о смыкании семьи *baduriti с семьей *badati.

³¹ О *badoriti/* baduriti см.: О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков, вып. 1 (в печати). — Другой пример влияния *bazuriti — семья слов *duriti, *обь=duriti, ряд значений которых едва ли может быть выведен из этимологических соответствий этому корню.

ляет по значению болг. *самодива* и *самовила* (см. ниже). Скольконибудь систематических данных по истории слова *самодива* у нас нет. Исторический словарь болгарского языка еще не создан, поэтому мы не имеем возможности проследить первое появление этого слова и его дальнейшую историю в болгарских текстах разного времени. В настоящей заметке мы пытаемся выяснить древнюю историю слова почти исключительно средствами этимологии, при практическом полном отсутствии исторических данных. Мы исходили при этом из допущения, что перед нами — древнее название, как о том смутно догадывался еще сто лет тому назад Раковский, цитату из которого мы почерпнули в интереснейшей софийской картотеке Словаря болгарского Возрождения: Какво е то нѣшто Самодиви? Сама та рѣчь показва едно твърдѣ отдално вѣрвание остана въ Българи тѣ отъ древны времена. . .» (Г. С. Раковски. Българска старина, 1865). Как видим, для автора не вполне ясно даже значение слова, что не случайно у лексического реликта, поэтому лаконические толкования слов *самодива* и *самовила* в словарях как названий сказочной лесной женщины не вполне нас удовлетворяют.

В этом нетрудно убедиться, например, при чтении такого классического художественного текста, обнаруживающего кровную связь с народной традицией, как знаменитое стихотворение Христо Ботева «Хаджи Димитър», значительную часть которого мы считаем целесообразным привести:

Тоз, който падне в бой за свобода,
той не умира: него жалелят
земя и небо, звяр и природа,
и певци песни за него пеят. . .
Денем му сянка пази орлица
и възл му кротко раната ближе;
над него сокол, юнашка птица,
и тя се за брат, за юнак грижи.
Настане вечер — месец изгрее,
звезди обсият свода небесен;
гора зашуми, вятър повее, —
Балканът пее хайдушка песен!
И самодиви в бяла премяна,
Чудни, прекрасни, песен поемнат, —
тихо нагазят трева зелена
и при юнакът дойдат, та седнат.
Една му с билки раната върже,
друга го пръсне с вода студена,
трета го в уста целуне бърже, —
и той я гледа — мила, засмена!
«Кажми ми, сестро, де — Караджата?
Де е и мойта вирна дружина?
Кажми ми, пък ми вземи душата, —
аз искам, сестро, тук да загина!»
И плеснат ръце, па се прегънат,
и с песни хвъркнат те в небесата, —
летят и пеят, дорде осъмнат,
и търсят духът на Караджата. . .

Здесь воссоздается образ неземного существа, все черты которого (белые одежды, красота, легкая поступь) говорят о его небесном происхождении, ср. и последние строки стихотворения. Сверхъестественные силы, которыми славянские народные поверия населяли окружающий мир, как известно, довольно четко подразделялись на воздушных, водяных, лесных, полевых, домашних и т. п. духов¹. Можно думать, что болгарская самодива — это прежде всего воздушный, летучий дух, прочие ее черты — вторичные атрибуты. Это как будто согласуется и с предлагаемой нами далее этимологией. Слово *самодива* характерно для болгаро-македонской языковой области, ср. еще макед. *самодива* (и *самовила*) 'мифологическое существо женского пола, живущее в лесах и горах'². Этого слова как будто не знает сербохорватский язык, судя по тому, что сербохорватского соответствия болгарскому *самодива* не дает самый большой словарь сербохорватского языка — Загребский академический. Насколько известно, до сих пор вопрос об этимологии слова *самодива* специально не ставился, больше того — исследователи смотрят на него как на образование, прозрачное этимологически. Например, Младенов³ упоминает *самодива* в одном ряду с другими сложениями на *само-*: *самобитен*, *самовър*, *самовила*, *самовластие*, *самодовлен*, *самострел*, *самоујк* и др. Если мы встанем на эту точку зрения, мы должны будем, помимо членения *само-дива*, искать также принципиальные структурные аналогии между образованием нашего слова и прочих сложений с компонентом *само-*. Ягич в своей работе по истории сложных имен в славянских языках⁴ касается лишь бегло композит на *само-* (у него это в основном — кальки с греческого), но характеризует их вполне справедливо как детерминативные сложения. *Само-* в детерминативном сложении должно определять, детерминировать второй компонент сложения, иными словами — здесь предполагается наличие исходного или параллельного словосочетания типа 'сам владеет', 'сам стреляет' и т. п.⁵ Ничего подобного мы не можем указать или хотя бы реконструировать для слова *самодива*. В этом пункте сразу становится видна структурная аномалия слова *самодива*, его изолированность среди

¹ T. Wróblewski. Demony. «Słownik starożytności słowiańskich», T. I. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, стр. 335—338.

² «Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, III. Скопје, 1966.

³ С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.

⁴ V. Jagić. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten. — AfsIph XX, 1899, стр. 28 (не упоминает болг. *самодива*).

⁵ Об отношениях аналогии между словосложением и близким словосочетанием см., между прочим: М. М. К о п ы л е н к о. Из наблюдений над сложными словами в болгарском языке. «Уч. зап. Алма-Атинского пед. ин-та иностранных языков», т. II, вып. 5, 1957, стр. 63 и след. — Автор не говорит о *самодива*.

болгарской и славянской лексики и фразеологии. Обычная отсылка при слове *самодива* к более простому болг. *дѣва* в том же значении еще ничего не говорит или, иначе говоря, отношения между этими словами, их взаимная иерархия должны объясняться по-другому. Кроме того, это никак не объясняет функцию *само-*. Разъяснению этого последнего вопроса не помогает и привлечение праслав. *divъ 'злой дух, чудовище', 'дикий', *diviti 'смотреть', 'испытывать удивление при виде', о которых см. также далее. Кстати, парное *самовила* объяснимо как вторичное преобразование древнего *вила* под влиянием *самодива*.

В связи со сказанным нам представляется необходимым выдвинуть ранее как будто не выдвигавшееся предположение о том, что славянская по своему виду структура *само-дива* является на деле ничем иным, как славянской адаптацией иноязычного названия. Таким названием могло в данном случае послужить иранское **asma-daiva-* или его фонетический вариант. Иранское **asma-daiva-* 'небесный демон' или, скорее, 'небесный дух' было сложным словом, первая часть которого прodelала типично иранское семантическое развитие 'камень' > 'небо', а вторая часть сохранила древнее, дозороастрийское значение '(небесное) божество'. Это последнее значение является наиболее архаическим, еще праиндоевропейским, поскольку в максимальной степени отвечает этимологической связи и.-е. *deǵnos 'божество' и *dǵeu-s 'небо, небесный свет'⁶. Как хорошо известно, иранское **daiva-* после реформы Зороастра приобрело отрицательный смысл и в таком значении ('враждебный дух', 'дэв', 'бес') проникло во многие неиранские языки⁷. В изучении славянско-иранских соприкосновений, особенно в сфере религиозной лексики, еще сильна тенденция рассматривать все иранское в духе зороастризма с его противопоставлением двух начал. Поэтому всякие свидетельства об ином положении вещей сохраняют свою актуальность. Болгарский след иранского **asma-daiva-* не имеет, по-видимому, ничего общего с зороастризмом. Это вероучение, как указывают, было чуждо скифам⁸, к языку которых восходит, в конечном счете и болг. *самодива*.

В иранских текстах как будто не сохранилось следов иранского имени собственного **asma-daiva-*; так, его не дает Юсти в своем свode иранских антропонимов⁹, который, кстати, вообще не указывает имен с первым компонентом *асма-*, ср., впрочем, сомнительное 'Асрѣдѣх (древние имена людей со вторым компонентом

⁶ См.: J. P o k o r n y. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I.

⁷ Ср.: В. И. А б а е в. Антидэвовская надпись Ксеркса. «Иранские языки», I. М.—Л., 1945, стр. 134 и след.; И. М. О р а н с к и й. Введение в иранскую филологию. М., 1960, стр. 58, 75, 85.

⁸ В. И. А б а е в. Дохристианская религия алан. «XXV Междунар. конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 2—3.

⁹ F. J u s t i. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.

daiva- представлены у Юсти несколькими примерами: Arsideus, Hōsdēw). Но если мы вспомним обрывочность и неполноту сведений о древних иранских языках, то станет понятным, что отсутствие прямых письменных свидетельств отнюдь не должно служить доказательством того, что данное имя не существовало вообще. Косвенное подтверждение древнего существования этого имени мы видим в имени злого демона Асмодея, хорошо известном в европейской литературной традиции, ср. лат. Asmodeus, откуда англ. Asmodeus, далее — нем. Asmodi. Эти формы восходят к имени Ašmedai, которое в позднебиблейской письменности обозначает верховного демона, сатану (роль искушителя и разрушителя браков появилась у Асмодея—Ашмедая, возможно, вторично). Всю эту группу имен давно принято рассматривать как иранское включение, причем как на возможный источник указывают на авест. aēšma-, Айшма, воплощение гнева, и daēva- 'злой дух'¹⁰. Идентификация второй части имени не вызывает сомнений, тогда как относительно первой возможны споры, как отмечают сами исследователи. Едва ли правильно при иранской этимологизации обязательно исходить из ограниченного репертуара имен Авесты, тем более, что этот путь упирается в конкретные фонетические затруднения: asmo- упомянутых форм при авест. aēšma-. Трудности устраняются, если считать исходным иранское *asma-daiva- 'небесное божество'. Конечно, на почве библейской литературной традиции дело могло осложниться аттракцией исконно-еврейских форм, аналогично чему видим на семитической же почве в сложной судьбе арабско-еврейского термина dīn, где скрестились, как полагают, арамейско-еврейское слово со значением 'суд', родственное арабское слово со значением 'обычай, обряд' и иранское (персидское) заимствование dīn < dainā 'религия'¹¹. В основе реконструированного иранского *asma-daiva- с его семантической деградацией 'небесное божество' > 'гений зла' лежит безусловно древний образ, обретающий различные формы¹². Архаичность его отражения в болг. *самодива* состоит, по нашему мнению, в возможном сохранении примитивного значения¹³.

¹⁰ Ср., например: Brockhaus' Conversations-Lexikon. Bd. II. Leipzig, 1882, стр. 65; «The Encyclopaedia Britannica», 11 ed. Vol. II, стр. 763.

¹¹ D. B. Macdonald. *Dīn*. «Enzyklopädie des Islām. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker». 16. Lief. Leiden—Leipzig, 1912, 1016—1017.

¹² Достаточно напомним «Потерянный рай» Милтона, где Асмодей — низверженный властелин, побежденный небесной ратью в одном из сражений: . . . Adramelech and Asmadai, Two potent Thrones, that to be less than Gods Disdain'd, but meaner thoughts learn'd in their flight. . .

¹³ Слав. *divъ, *divo 'чудо, диво', *diviti можно связывать непосредственно с и.-е. *deǵ (ǵ) 'светить, свет, светлый', хотя отдельные употребления носят мифологический характер (о южнославянских заимствованиях турецкого праизма div 'злой дух' мы здесь не говорим). Ср.: Zubaty. Slavische Etymologien. — AfslPh. XVI, 1894, стр. 390; J. Rozwadowski, — RO, I, 1914—1915, 103; E. Berneker. Slavisches etymologisches

Личное собственное мужское имя *Момчил* (вариант *Момчила*) широко распространено среди носителей болгарского языка, во всяком случае обильно представлено в болгарской народной поэзии разных районов страны¹⁴. Исторические известия об этом имени не восходят ранее XIII в. и главным образом связаны с личностью знаменитого болгарского повстанца, носившего имя *Момчил* (ср. византийско-греческие записи Μορτζίλας, Μοριτίλας, Μοριτζίλος¹⁵). Тожественное имя *Мѡмчил*, *Мѡмчило* достаточно популярно в Сербии, известно в сербских народных песнях, в старосербских текстах (ср. *Момчило*, XVI в.; *Мончило*, *Мончило*, XVIII в.), но кажется, что здесь это имя — лишь эхо громкой славы болгарского Момчила-юнака¹⁶. В качестве личного имени народного происхождения, не отмеченного в христианских календарях, имя *Момчило* известно также из Черногории¹⁷, но как будто не встречается у хорватов. Таким образом, все указывает на Болгарию как на первоначальный ареал данного имени. Нельзя не признать, что упомянутое выше историческое свидетельство довольно случайно, как бы выхвачено из тьмы веков единственно благодаря незаурядной личности юнака Момчила. С равным успехом оно могло не попасть вовсе на страницы истории. Едва ли нам что-нибудь говорит и сама дата — XIII—XIV вв., поскольку имя могло существовать задолго до этого времени. У нас нет данных, свидетельствующих достаточно убедительно о том, что перед нами — чисто болгарская инновация среднеболгарской эпохи. По мысли немецкой лингвистки В. Вернер, *Момчил* произведено от существительного *момче* 'мальчик, юноша' с помощью суффикса *-ил*¹⁸. В дальнейшем, выделяя специально более употребительные суффиксы в болгарских мужских народных именах, она ставит *Момчил* рядом с именами *Игрил*, *Радил*, *Стоил*, *Стратил*, *Страхил*, *Страшил*, помещая сюда же аппеллятивы на *-ил* в современном болгарском языке: *бодил* 'колючка, чертополох', *метил* 'паразит *Distoma hepatica*', *червило* 'губная помада', *белило* 'пудра', *страшило* 'призрак'¹⁹. Но с первого взгляда

Wörterbuch, I, 202—203; P. Kretschmer. — «Glotta», 13, 1924, 109; A. Meillet, — RES VI, 1926, стр. 167—168; A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. II. 1-ère partie. Lyon — Paris, 1958, стр. 236.

¹⁴ W. Wernner. Die männlichen Personennamen in den bulgarischen Volksliedern. Berlin—Wiesbaden, 1965, стр. 110.

¹⁵ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, II. 2. Aufl. Berlin, 1958, стр. 192.

¹⁶ «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», VI dio. U Zagrebu, 1910, стр. 924.

¹⁷ П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем. — Сб. ОРЯС, т. 80, 1905, № 2, стр. 573.

¹⁸ W. Wernner. Указ. соч., стр. 110.

¹⁹ Там же, стр. 150.

ясно, что здесь представлены по крайней мере два разных суффикса -уль и -idlo, которые функционально различались и в болгарском. Думается также, что практически каждое из перечисленных имен на -ил нуждается в особой трактовке. Необходимо учитывать возможность иноязычных включений и влияний, чего В. Вернер совершенно не касается. Ввиду спорности словообразовательной стороны этимологии *Момчил* < *момче* + *-ил* (более естественно для данной суффиксальной модели производство от глагольных основ) мы предлагаем гипотезу об отражении в болг. *Момчил* иранского имени скифского (осетинского) типа *Mončil/*Moncil, продолжающего древнюю иранскую форму вроде авест. Manuščidga-, буквально 'потомок мужчины-прародителя'²⁰. Это имя известно в большом количестве продолжений и вариантов разного возраста, главным образом в западноиранских языках, ср., например, среднеиранское Manušihg (и множество близких форм), Manšēr у парсов в Индии²¹. Собственно североиранских, скифских соответствий этому имени не обнаружено, если не считать имени туранца Manšōg в эпосе Фирдоуси²². Но осетинский сохранил четкое продолжение основы *manu- (представленной в связанном виде в составе авест. Manuščidga- и отсутствующей в большинстве иранских языков), ср. осет. moj/ mojnə 'муж'²³. В таком случае североиранский прототип болгарского *Момчил* обнаруживал бы переход -an- > -on- и вторичное l, т. е. как раз особенности, развившиеся в скифском и позднее характерные для осетинского.

В предыдущих заметках содержится попытка выявить некоторые иранские элементы в болгарском. В этом смысле настоящая статья примыкает к одной нашей прежней работе о славяно-иранских лексических связях²⁴. Там уже обращалось внимание на периферийное положение болгарского относительно центра интенсивных древнейших славяно-иранских языковых общений, а также предложена этимология болг. *stopán(ин)* 'хозяин' < ир. *asta-rān- 'защитник, покровитель дома', как, впрочем, учитывалась также и возможность опосредствованного проникновения иранизмов в болгарский в дунайскоболгарскую эпоху. В разобранных выше возможных заимствованиях в болгарском из иранского мы наблюдаем лексические проникновения, вероятно, той же исторической эпохи и в той же очень сложной в этнолингвистическом отношении среде. Болгарские племена, тюркские в своей

²⁰ F. Justi. *Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1895, стр. 191.

²¹ F. Justi. Указ. соч. Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность В. И. Абаеву, который в письме от 26.IV. 1969 г. дал мне исчерпывающую консультацию о различных иранских формах этого имени.

²² F. Justi. Указ. соч.

²³ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965, стр. 30.

²⁴ См.: «Этимология, 1965». М., 1967, стр. 3 и след., особенно — стр. 36—37.

массе, имели, как это установлено наукой, определенную иранскую прослойку. Прежде всего ее следы были выявлены в составе дошедшего до нас списка имен — именника болгарских князей, причем достаточно сослаться на имя самого основателя древнеболгарского государства — *Аспарух* (VII в.), иранское происхождение которого несомненно, не говоря о других возможных иранизмах среди имен этого рода²⁵. Сюда мы относим и имя *Момчил*. Иранцы в составе древних тюркских племенных союзов были, очевидно, выходцами из скифской языковой области и сохраняли элементы культуры и религии своей древности, чем, возможно, объясняется архаическое значение иранского термина, дошедшего до нас в форме болгарского слова *самодива*. Наличие таких по сути неиранских каналов передачи, по которым попадали в Европу и там оседали или оставляли тот или иной след иранские слова, не вызывает сомнений. Мы скажем в заключение еще об одном иранском слове, упоминание о котором сохранило очень четкий отпечаток тюркской фонетической передачи ($k < h$), а именно — глоссовое *хъчюв* 'напиток из ячменя у жителей страны гуннов' в рассказе о посольстве Приска (V в.), встречается и раньше, ср. лат. *samum*²⁶. Это вероятное отражение иранского **hauma-*, ср. авестийское название ритуального напитка *haoma-*.

Названия рыбы '*Coregonus albula* L. европейская ряпушка' в славянских языках

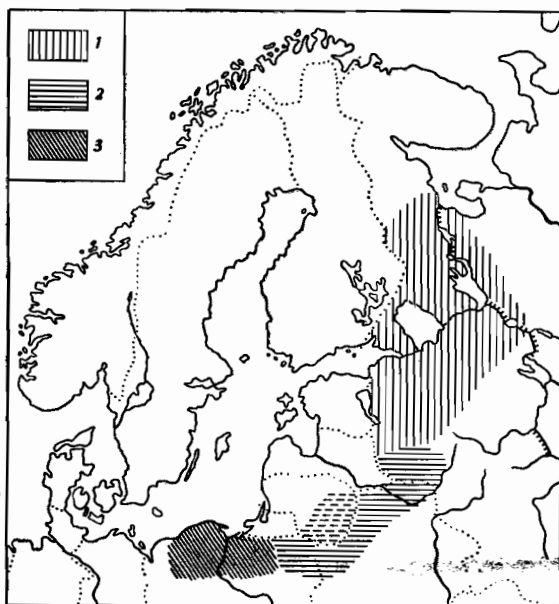
В. В. Усачева

Рыба *Coregonus albula* L. европейская или балтийская ряпушка — самая маленькая из европейских сигов (род *Coregonus*, семейство *Salmonidae*). Она населяет озера балтийского бассейна: Ладожское, Онежское, Чудское, Псковское, Валдайское, Черемнецкое, озера Эстонии, Латвии, Литвы¹, Белоруссии (Нарочь,

²⁵ См. В. Бешевлев. Ирански елементи у първобългарите. «Антично общество. Труды конференции по изучению проблем античности». М., 1967, стр. 237 и след.

²⁶ Цит. по: Gy. Moğavcsik. *Byzantinoturcica*. II, стр. 148.

¹ Н. Я. Данилевский. Описание рыболовства в северо-западных озерах. СПб., 1875, стр. 6, 33, 38, 56; Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран, т. I. М., 1948, стр. 318 (далее: Берг); П. Г. Борисов и Н. С. Овсянников. Определитель промысловых рыб СССР. М., 1964, стр. 163.

Названия рыбы '*Coregonus albula* L. европейская ряпушка' в славянских языках
1. ряпушка 2. селява 3. магупа

Мядель, Дрисвяты, Дривяты, Снуды, Пестово — бассейн Западной Двины, в бассейне Немана обнаружена только в оз. Кромань)². На территории Польши обитает в поморских и мазурских озерах, а также в некоторых озерах на севере Велькопольско-Куявской низменности³. В водоемах понтокаспийского бассейна европейская ряпушка отсутствует. Исключение составляют озера Селигер и Вселуг в верховьях Волги⁴. Плещеево (Переславское) озеро населяет ее подвид переславская ряпушка (*Coregonus albula pereslavicus* Bor.).

Итак, европейская ряпушка распространена на севере и северо-западе Европейской части СССР и на севере Польши⁵ (см. карту).

² Ф. Н. Воронин. Рыбы БССР. Минск, 1957, стр. 11; П. И. Жуков. Рыбы Белоруссии. Минск, 1965, стр. 119.

³ A. Wałęcki. Systematyczny przegląd ryb krajowych. Warszawa, 1864, стр. 67; Wielka Encyklopedia Powszechna, t. 10. Warszawa, 1967, стр. 500.

⁴ Н. А. Варпаховский. Определитель пресноводных рыб Европейской России. СПб., 1898, стр. 159; В. И. Грацианов. Опыт обзора рыб Российской империи. М., 1907, стр. 492; Берг, 318.

⁵ В статье используется не только лингвистический материал, но и данные ихтиологических работ, в которых по традиции со времен П. С. Палласа и И. И. Лепехина приводятся «местные названия» рыб.

ряпушка

В северновеликорусских говорах существует большое количество названий рыбы *Coregonus albula* L.: *рѣпукс*, *рипукса*, *рѣпус*, *рипуса*, *рѣпукса*, *рѣпус*, *рѣпуса*, *ряпуга*, *рѣпуха*, *ряпуш*, *рѣпуша*, *рѣпушка*, *ряпужина*, *ряпушина*⁶. Некоторые из этих многочисленных фонетических и словообразовательных вариантов являются русскими дпалектными новообразованиями, возникшими на основе заимствований из прибалтийско-финских языков. Ср. вепск. *fäpus* 'ряпушка', эст. *gääbis*, *gääbus* 'то же', карел. *giäpüs*, *giäpükse* 'то же', фин. *gäärys* род. п. *gääryksen* 'рипус', саам. *repas* 'то же'; возможно сюда же лтш. *repis* и нем. (вост.-прусс.) *rebs*, *gers* (из лтш.)⁷.

Многие названия, известные в говорах русского севера, отражены в памятниках древнерусской письменности. Исследуя лексический состав севернорусских памятников XVI—XVII вв., Д. Н. Шмелев выявил в них большое число прибалтийско-финских по происхождению названий различных видов рыб. Среди них и многообразные словоформы наименований рыбы ряпушки — *ряпукса*, *ряпус*, *ряпуха*, *ряпуга*, *ряпуша*, *ряпушка*⁸. В «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина (М.—Л., 1937) приводится лишь слово *репукса* из «Переписной окладной книги Вотской пятины 7008 г.». Эта же форма упоминается в «Писцовых книгах Обонежской пятины 1563 г.» при переписи рыбных ловель XVI в. на Онежском озере⁹. Я. Калима обнаружил один пример — *ряпусы* 'рыба' — в «Трудах чудовского иеродиакона Дамаскина (1701—1706 гг.)»¹⁰. У И. И. Срезневского ни одного из этих слов нет.

⁶ Ударение указано не во всех словах, так как не все источники дают акцентированные формы. Словообразовательный анализ некоторых слов см.: А. С. Герд. Из истории некоторых прибалтийско-финских заимствований в современной русской ихтиологической терминологии (рипус, ряпушка, лудога). «Вопросы теории и истории языка». Л., 1969, стр. 167—168 (далее: Герд.)

⁷ I. Kalima. Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1919, стр. 73, 241; J. C. Берг. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. «Сов. этнограф.», 1948, № 2, стр. 69. — М. Фасмер принимает этимологию Я. Калимы, отвергнув этимологии А. Маценауэра (русс. *ряпуха* < *gerucha, ср. лтш. *gerpans* 'короткий и толстый') и А. Преображенского (ср. русск. *ряпушка* с н.-в.-нем. *Raure* или с русск. *рябь* > *рябушка* — по цвету чешуи) как несостоятельные (М. Vasmеr. Russisches Etymologisches Wörterbuch, t. II. Heidelberg, 1955). Нам остается лишь присоединиться к мнению Я. Калимы и М. Фасмера.

⁸ Д. Н. Шмелев. Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности. — ВСЯ, вып. 5. М., 1961, стр. 191—193.

⁹ Н. Н. Виноградов. Рыбные ловли на Онежском озере четыре века тому назад. «Рыбное хозяйство Карелии», вып. III. Л., 1936, стр. 214, 215.

¹⁰ I. Kalima. Указ. соч., стр. 211.

Укажем локализацию перечисленных выше названий рыбы *Coregonus albula* L.:

рипукс (Ладож. оз. — Домр. и Правд. 235¹¹); *рипукса* (Ладога)¹²; *рипус* (бывш. С.-Петерб. губ. — Зол., Кес. 1864, 132; вост. побережье Ладож. оз. — Домр. и Правд. 235, Правд. и Вильс. 142; ниж. теч. Волхова — Герд 164); *рипуса* (бывш. С.-Петерб. губ. — Саб. 255); *ряпуга* (оз. Уклеино Новгород. обл., озера Вселуг, Стерж, Селигер Калинин. обл. — Герд 165); *ряпужина* (оз. Уклеино, озера Вселуг, Стерж, Селигер — Герд 165); *ряпукса* (Беломор. р-н Карельской АССР)¹³; *ряпус* (южн. Приладожье — Герд 165); *ряпуса* мн. ч. *ряпусь* (Ковжозеро — Кул.); *ряпуха* (Сл. АР; Даль); *ряпуха* (бывш. Твер. губ. — Зол., Саб. 255, Кес. 1870, 275, Вен. 139; ниж. теч. Волхова, Псков. - Чуд. оз. — Герд); *ряпуш* (Гдов. р-н Псков. обл. — Герд 165); *ряпуша* (дер. Самолва на Чудском оз.)¹⁴; *ряпуша* (Гдов. р-н Псков. обл. — Герд 165); *ряпушина* (Гдов. р-н Псков. обл. — Герд 165); *ряпушка* (Сл. АР, — с пометой «умал.», Даль, ССРЛЯ); *ряпушка* (сев. Россия — Саб. 255, Кес. 1864, 132, Вен. 139; Ладож. оз. — Правд. и Вильс. 142; сев. часть Ладож. оз. — Рыбы и рыб. пром. 10; Псков. - Чуд. оз.¹⁵; дер. Сумостров¹⁶; Кенозеро, оз. Лаче — Герд 165; озера Валдай, Велье, Шлино¹⁷; бывш. Твер. губ. — Кес. 1870, 275, Вен. 139; оз. Стерж, Селигер — Герд 165).

Иногда наблюдается сужение значения 'ряпушка — вид рыбы', т. е. то или иное слово может употребляться в более конкретном значении, например, 'крупная ряпушка', 'мелкая ряпушка'.

рипус (зап., южн., вост. побережье Ладож. оз. — Домр. и Правд. 235; р. Нева — Правд. 1939, 43, Берг 317; сев. часть Ладож. оз. — Рыбы и рыб. пром. 10); *рипуса* (бывш. С.-Петерб. губ. — Зол., Кес. 1864, 132, Вен. 139) 'крупная ряпушка'.

рипукс (южн. берег Ладож. оз. — Берг 317); *рипус* (зап. и южн. побережье Ладож. оз., устье Волхова — Домр. и Правд. 235; южн. берег Ладож. оз. — Берг 317); *ряпушка* (р. Нева — Правд. 1939, 43; Пустошкинские озера — Дрягин 161) 'мелкая ряпушка'.

рипукс (Ладож. оз. — Берг 323); *рипус* (Волхов. губа Ладож. оз. — Домр. и Правд. 236, Берг 323, оз. Уклеино, Валдай —

¹¹ См. список сокращений.

¹² I. Kalina. Указ. соч., стр. 211.

¹³ Л. А. Воронова. Из наблюдений над диалектными названиями рыб в говорах Беломорского р-на Карельской АССР. «Уч. зап. Карел. пед. ин-та», т. 17, 1967, стр. 44.

¹⁴ А. В. Никитин. Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей. Канд. дисс. (рукопись), стр. 253.

¹⁵ И. И. Васильев. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков, 1882, стр. 312; И. Д. Кузнецов. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. Пг., 1915.

¹⁶ Л. А. Воронова. О прибалтийско-финских заимствованиях в промысловой лексике беломорских рыбаков. «Уч. зап. Карел. пед. ин-та», т. 22, 1968, стр. 145.

¹⁷ О. Гримм. Рыбы Валдайских озер и их лов. — ВР, 1899, № 2, стр. 53.

Герд 165); *ряпуца* (Ладож. оз. — Берг 323) 'ладожский ряпус *Coregonus albula infraspecies ladogensis Pravdin*' (морфа европейской ряпушки)¹⁸.

ряпус, ряпуца (Водлозеро — Герд 165) 'водлозерская ряпушка *Coregonus albula vodlozericus Lukasch*' (подвид европейской ряпушки, населяющий Водлозеро).

селява

Название *селява* известно на северо-западе великорусской языковой территории, в белорусском и польском языках, а также в литовском¹⁹.

Слово *селява* отмечено в псковских говорах²⁰ на р. Черствице (бывш. Невельск. у. Псков. губ.)²¹, на озерах бывшего Великолукского уезда Псковской губ.²², на Пустошкинских озерах (Дрягин 162); южнее линии Опочка — Новосокólnики — Поречье — Усмынь указывается диалектологами многократно²³, севернее же линии Пустошка — Великие Луки название *селява* не отмечено (Герд 165).

В белорусском языке слово *сялява* является научным термином²⁴. В ихтиологической и этнографической литературе указываются такие места, где известно название *селява*: бывш. Могилевская губ. — Саб. 255, Зол., Демб. I, 217, 464, II, 561; бывш. Витебская губ.²⁵, озера бассейна Западной Двины — Нарочь, Окмяны, Дрисвяты, Дривяты, Снуды, Дисна — на территории ны-

¹⁸ Морфа — ихт. термин, обозначающий экологически обусловленный вид.

¹⁹ Об этимологии слова *селява* см.: I. Leder. Russische Fischnamen. Wiesbaden, 1968, стр. 75 (где подробно излагаются существующие мнения о его происхождении).

²⁰ Даль: «иск. рыбка в роде ряпушки»; Я. К. Грот. Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля. — Сб. ОРЯС, т. 7, № 10, 1869, стр. 105.

²¹ Об упадке рыбного хозяйства в Невельском уезде и необходимости его поддержания. — ВР, 1897, № 12, стр. 524.

²² И. И. Василев. Опыт географическо-статистического словаря Псковской губернии. Вып. 2. Великолукский уезд. Псков, 1884, стр. V.

²³ А. С. Герд. Из русско-белорусских лексических взаимоотношений. — Тезисы докл. на X диалектол. совещ. М., 1965, стр. 78—79. Автор отмечает, что эта линия исторически «... почти полностью совпадает с северной границей Литовского княжества XIII—XV вв. и позднее Польско-Литовского государства и б. Витебской губ.» (стр. 80).

²⁴ Г. Т. Аўчыньнікаў. Жыцьцё нашых вод. Менск, 1930, стр. 199; Ф. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 10; П. И. Жуков. Указ. соч., стр. 119.

²⁵ Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895, стр. 493; П. Терлецкий. Жизнь рыб в наших реках и озерах. СПб., 1879, стр. 243.

нешней Белорусской ССР ²⁶, а также несколько озер на территории Литовской ССР — Кретоны, Дрингис, Луша, Жеймяна, Тракай ²⁷. М. Каспярович записал наименование *сялява* в Витебском районе Витебской области ²⁸.

И. И. Носович приводит три формы интересующего нас слова — *сялява, слява, слявочка*, которые употребляются в двух значениях: 1. Уклея; 2. Рыба в роде сельдей, водящаяся в больших озерах Витебской и Виленской губ. Шама ²⁹. Здесь мы должны внести поправку: рыба, похожая на сельдь, живущая в больших озерах, указанных Носовичем областей, есть, несомненно, ряпушка, ибо именно этот представитель сегов населяет глубоководные озера Белоруссии и Литвы, как указывалось выше. Шемая же обитает лишь в южных широтах и в бассейне Балтийского моря отсутствует. В Белорусско-русском словаре под ред. К. Крапиви (М., 1962) блр. *сялява* переводится русск. *сельва*. В современном русском литературном языке слово *сельва* отсутствует, а в говорах может обозначать три вида рыб — ряпушку, уклейку и шемаю — поэтому остается неясным, что означает блр. *сялява* ³⁰.

Польск. *sielawa* встречается в старопольских памятниках с XV в. ³¹. Оно является научным термином вида *Coregonus albus* L. ³² Зафиксировано название *sielawa* и в говорах: в белостокском Подлясье (дер. Соболево Сувалкского пов.) ³³, на оз. Вигры ³⁴, в Августовских озерах (SW), в польских говорах на территории Литовской ССР — на озерах Тракай (*sielawa, silawa*) ³⁵ и Арненис (*s'elava* — собств. наблюдения). В Вармии и на Мазурах это название встречается редко: из 9 записей лишь

²⁶ А. П. Сапунов. Река Западная Двина. Витебск, 1893, стр. 229; Рыболовство и рыбоводство в Северо-Западном крае. Под ред. Н. Ю. Зографа и Ю. Н. Зографа. М., 1907, стр. 65, 168.

²⁷ Рыболовство и рыбоводство в Северо-Западном крае, стр. 96, 168.

²⁸ М. И. Каспярович. Витебскі краёвы слоўнік. Витебск, 1927.

²⁹ И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

³⁰ В словаре есть и слово *ряпушка*, переводимое русск. *ряпушка*.

³¹ A. Grückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

³² X. Ładowski. Historia naturalna kraju polskiego, t. II. Kraków, 1804, стр. 195; F. P. Jaroski. Zoologia czyli zwierzętopismo ogólne podług najnowszego systematu, T. IV. Ryby. Warszawa, 1822, стр. 35; P. E. Lesniewski. Rybactwo krajowe czyli historia naturalna ryb krajowych. Warszawa, 1837, стр. 31; A. Plater. Spis zwierząt ssących, ptaków i ryb krajowych. Wilno, 1852, стр. 135; A. Wałeski. Указ. соч. стр. 67; Klucze do oznaczania kręgowców Polski, cz. I. Warszawa—Kraków, 1962, стр. 65.

³³ K. Nitsch. Wybór polskich tekstów gwarowych. Warszawa, 1968, стр. 319: *śelawy to dobrze nie wem... bo mało jich jest koło nas*.

³⁴ П. И. Эглит. Несколько слов о состоянии промысла сельвы и сей на казенном озере Вигры. — ВР, 1912, № 4—5, стр. 121.

³⁵ M. Znamierowska-Prüfferowa. Rybołówstwo jezior Trockich. Rys etnograficzny. Wilno, 1930, стр. 6.

в двух пунктах — дер. Янково Ольштынского пов. и дер. Самборово Острудского пов. — название *sielawa* выступает самостоятельно, без лексических дублетов (М.—К. 18).

maɣuna

В вармийско-мазурской группе говоров употребляется три названия, которые восходят к нем. *Magine* (М.—К. 17)³⁶. Наиболее распространенной формой является *muɣanka*³⁷, известная во всех говорах этой группы (М.—К. 17). Другое название с тем же корнем *maɣuna* встречается спорадически по всей территории Вармии и Мазуров, очень редко — в Щитненском, Мронговском и Пишском поветах (М.—К. 17). Деминутив *maɣunka* образует два небольших островка, один из которых расположен на границе трех поветов — Ольштынского, Острудского и Щитненского, а другой объединяет северо-восточную часть Гижицкого повета и два пункта граничащего с ним Венгожевского повета — дер. Круклянка и Солтманы (М.—К. 18).

В кашубских говорах отмечены следующие формы: *moganka* (Benecke 152, Majew. II, 236); *morunka* (Majew. II, 236); *mogunka* (Benecke 152, Majew. II, 236, Gulg. 74)³⁸; *morènk* (пов. Пуцкий, Вейхеровский, Картузский — *Sychta*); *morènka* (зап. часть Косьцежинского, сев. часть Хойницкого и юго-вост. часть Бытовского поветов — *Sychta*)³⁹; *morenki* (Benecke 152), *muɣanka* (Majew. II, 236).

В словинских говорах Ф. Лоренц записал *máurènkä* (зап.-словин. — Log. SW), *mógrènka*, *mógrínka* (Log. PW).

Единичные названия

Кроме рассмотренных выше названий, распространенных на значительной территории, в русском и польском языках есть лексемы, которые встречаются спорадически на описываемой территории.

³⁶ Авторы Варшавского словаря (SW) дают некоторые индоевропейские параллели к польским диалектным формам *moganka*, *morunka*, *mogunka*, *muɣanka*: греч. *muɣaina*, лат. *muɣaena*, откуда ит. *morena*: ср. *brzana*, *mrzana*, *marena*, *muɣena*. О происхождении этих слов см.: V. M a c h e k. *Einige slawische Fischnamen.* — *ZfslPh*, Bd. XIX, Hf. I., 1944, стр. 55—58; I. L e d e r. Указ. соч., стр. 100—102 (где остальная литература).

³⁷ В SW дается без локализации; в некоторых русских работах (Саб. 255, Зол.) приводится с пометой «польск.».

³⁸ Ср. SGP, t. 3: *mogunka* — *gatunek*. . . *ryb z jezior nadbaltyckich*.

³⁹ Фр. Хинце рассматривает кашуб. *mórenka*, *mógrínka* как заимствование из н.-в.-нем. *Maräne* (Fr. H i n z e. *Wörterbuch und Lautlehre der deutschen Lehnwörter im Pomoranischen (Kaschubischen)*. Berlin, 1965, стр. 341.

На Плещеевом озере переславская ряпушка называется *сельдь*, *селёдка*, *селёdochка* ⁴⁰. К. Ф. Кесслер писал, что на Плещеевом озере существует предание, будто эта рыба — настоящая сельдь, разведенная там по указу Петра I ⁴¹. Название *сельдь* известно также на Ушинском озере бывш. Новгород. губ. и на оз. Заречье бывш. Твер. губ. Интересно отметить, что беломорскую ряпушку *Coregonus sardinella maris-albi* Berg на Печоре русские называют *зельда*, *зельдь* (Берг 332) ⁴², а сибирская ряпушка *Coregonus sardinella Valenciennes* на Оби зовется *сельдь*, *морская сельдь*, *обская сельдь*, в других местах Сибири — *сельдь*, *сельдюшка*, *сельдятка*, *селёдка* (Берг 328).

В русском языке отмечены вторичные названия, указывающие либо на величину рыбы, либо на время нереста, либо на место обитания: *мошкарка* 'мелкая ряпушка' (р. Нева — Берг 317); *колосовица* 'ряпушка, ловимая во время колошения ржи, очень мелкая', *листопадка* 'ряпушка, ловимая осенью, когда падает лист с деревьев, самая ценная' (бывш. Олон. губ.) ⁴³; *колосовуха* 'июньская ряпушка, идущая на нерест во время колошения озимой ржи', *листопадка* 'нерестовая ряпушка', *бегун* 'отнерестившаяся ряпушка' ⁴⁴; *листопадница*, *тяпуга*, *хет* 'сеголетки, молодь ряпушки' ⁴⁵; *сандалка* 'ряпушка, ловимая в оз. Сандал' (Кул.); *килец* 'морфа европейской ряпушки, населяющая Онежское озеро *Coregonus albula infraspecies kiletz Michailowski*' ⁴⁶; *нельмушка* 'то же' (Онеж. и Кубенск. оз. — Саб. 254).

В польском языке выступают еще два названия: *siekłuki* и *sułwica* (Linde, Brückner).

В кашубских говорах зафиксированы *břona* (Вейхерово, Пуцк — Log. PW, Sychta), *mřona* (Избица — Log. PW); в словинских говорах — *mřõnã*, *mřõõna*, *mřõnã* (зап.-словин. — Log. SW).

Итак, рассмотренные выше названия рыбы *Coregonus albula* L. образуют три четко выделяющиеся области распространения:

⁴⁰ П. Г. Борисов. Материалы к изучению Переславского озера и рыбного промысла на нем. «Изв. Иваново-Вознесенского политехнического ин-та им. М. В. Фрунзе», т. IX, 1926, стр. 130.

⁴¹ «Труды С.-Петербургского об-ва естествоиспытателей», т. I. СПб., 1870, стр. 78. — Упоминание о «переславской селёдке» находим мы и в фольклоре. Так, С. В. Фаворовский заметил, что в сказке о Ерше Щетиннике в одном из вариантов фигурирует «селёдка из Переславского озера». (С. В. Фаворовский. Переславщина как один из культурных центров древности. «Доклады Переславль-Залесского научно-просветит. об-ва», вып. 11. Переславль-Залесский, 1923; стр. 5.

⁴² А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

⁴³ А. С. Ермолов. Подводное царство — рыбы и рыбачество. — ВР, 1904, стр. 727.

⁴⁴ В. В. Покровский. Промысловые рыбы северо-восточного района Онежского озера. «Рыбное хозяйство Карелии», вып. III. Л., 1936, стр. 43.

⁴⁵ А. А. Заболотский. Рыболовство в южной половине Онежского озера. «Рыбное хозяйство Карелии», вып. III, стр. 103.

⁴⁶ Г. В. Никольский. Частная ихтиология. М., 1950, стр. 152.

- 1) *ряпушка* объединяет часть северновеликорусских говоров — псковские, новгородские и граничащие с ними калининские;
- 2) *селлява* охватывает небольшую часть северо-западных говоров русского языка, белорусские говоры севернее линии Могилев — Молодечно — Гродно и польские говоры района Сувалок и Августова;
- 3) *магуна* распространена в вармийско-мазурских, кашубских и словинских говорах польского языка.

Принятые сокращения

- Вен. — Н. Вениаминов. Рыболовство в России всеми орудиями и во все времена года. М., 1876.
- ВР — Вестник рыбной промышленности.
- Даль В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955.
- Демб. I, II. — А. С. Дембовецкий. Опыт описания Могилевской губернии, кн. I. Могилев, 1882; кн. II. Могилев, 1884.
- Домр. и Правд. — Д. Ф. Домрачев и И. Ф. Правдин. Рыбы озера Ильменя и реки Волхова и их хозяйственное значение. «Материалы по исследованию р. Волхова и его бассейна», вып. X. Л., 1926.
- Дрягин — П. А. Дрягин. Ряпушка Пустошкинских озер Калининской обл. — Изв. ВНИОРХ, т. XXII. М.—Л., 1939.
- Зол. — Н. Ф. Золотницкий. Опыт словаря местных названий рыб, населяющих воды Российской империи. М., 1887.
- Кес. 1864 — К. Ф. Кесслер. Описание рыб С.-Петербургской губернии. СПб.
- Кес. 1870 — К. Ф. Кесслер. Об икhtiологической фауне р. Волги. «Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей», т. I. СПб.
- Кул. — Г. И. Куликовскй. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Правд. 1939. — И. Ф. Правдин. Промысловые рыбы р. Невы. — Изв. ВНИОРХ, т. XXII. М.—Л.
- Правд. и Вильс. — И. Ф. Правдин и А. П. Вильсон. Рыболовство по восточному побережью Ладожского озера. «Рыбное хозяйство Карелии», вып. III. Л., 1936.
- Рыбы и рыб. пром. — Рыбы и рыбный промысел северной части Ладожского озера. М.—Л., 1940.
- Саб. — Л. П. Сабанеев. Рыбы России. СПб., 1911.
- Сл. АР — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. 5. СПб., 1822.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. 12, 13. М.—Л., 1961—1962.
- Bencke — В. Bencke. Fische, Fischerei und Fischzucht in Ost- und Westpreussen. Königsberg, 1881.
- Gulg. — J. Gulgowski. Kaszubi. Kraków, 1924.
- Linde — S. B. Linde. Słownik języka polskiego, t. V. Lwów, 1859.
- Lor. PW — F. Lorentz. Pomoranisches Wörterbuch, B. I. Berlin, 1958.
- Lor. SW — F. Lorentz. Slovinzisches Wörterbuch, t. I. St. Petersburg, 1908.
- Majew. — E. Majewski. Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, t. I. Warszawa, 1889; t. II. Warszawa, 1894.
- М.-К. — А. Мочарская-Ковальская. Словничество Warmii i Mazur. Rybółstwo. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963.
- SGP — J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. 3. Kraków, 1907.

Sychta — B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, t. I—III. Wrocław, 1967—1969.

SW — J. Karłowicz, A. Kryński, A. Niedzwiecki. Słownik języka polskiego. t. II. Warszawa, 1902; t. VI, Warszawa, 1915.

Из славянского этимологического словаря

Г. Шустер-Шевц

Русск. *туне*, *тонкий*, польск. *tani* и т. д.

Попытки доказать существование этимологической связи русск. *туне* 'праздный', 'бесполезный', 'напрасно' и родственных польск. *tani* 'дешевый' наталкивались главным образом на фонетические трудности. По этой же причине была отклонена мысль о возможной связи этих слов с русск. *тонкий*, др.-русск. *тънѣкъ* (А. Преображенский ЭСРЯ, ТИРЯ, стр. 17). Но, с другой стороны, рассмотрение этих близких по значению слов отдельно, вне связи друг с другом также до сих пор не привело к удовлетворительному решению проблемы. В то время, как др.-русск. *тънѣкъ* (ср. также болг. *тънѣкъ* с тем же значением) было непосредственно присоединено к ст.-слав. *тъпѣкъ*, лат. *tenis*, нем. *dünn*, др.-инд. *tanúh* и т. д., тип *tuñe* // *tani* остался этимологически изолированным. То обстоятельство, что распространение формы *tani* ограничено польским языком, дало исследователям повод объяснять расхождение в вокализме этих форм прежде всего на основе самого польского языка, а именно как сверхкорректную форму **toni* // **tóni*, которая возникла из **tuni* в результате понижения *u* перед *n* (под влиянием оппозиции, наблюдаемой в польском языке — литературное *rap*, а более древнее и диалектное *rąp* — более древнее **toni*, **tóni* позднее изменяется в *tani*)¹, или как результат вторичной назализации *u* перед носовым *n* (**tuñ-* → **tõñ-* → **tãñ-*) с последовавшей позднее утратой носового характера гласного (**tãñ-* → *tañ-*)². Оба объяснения мало убедительны. На трудности исто-

¹ Z. Stieber. Etymologisches. — ZfSlPh, IX, 1932, стр. 381—382.

² W. Boryś. Śląskie *tuni* i ogólnopolskie *tani*. — JP, XLIII, 3, стр. 145—148.

рического и лингвогеографического характера, связанные с первой гипотезой, выдвинутой Э. Штибером, как раз указывал В. Борысь³. Однако и другое решение вопроса, предложенное самим Борысьем, также представляется противоречивым. Прежде всего возникает вопрос, почему регрессивная назализация должна была проявиться именно в этом слове, в то время как в других словах результатов ее не наблюдается (ср., например, *łuna*, *okuń*, *kuna* и т. д.). Кроме того, в качестве конечного результата назализации, пожалуй, следовало бы ожидать скорее *toni ($\leq *t\text{õ}ni \leq tu\text{õ}ni$), а не *tani*. Не очень убедительным кажется и предположение о последовавшей затем утрате носового характера гласного.

Другое объяснение польскому *tani* попытался дать словенский ученый Боян Чоп⁴. Он связывает *tuń-* с лтш. *taĩ-ŋ-ã-t* 'завертывать', возвратный *-tiês* 'завертываться', 'медлить', 'колебаться', 'не справляться', 'быть медлительным' (Fraenkel LEW, 1140) и исходит из гипотетической балтославянской формы **tau-n-ja/ã* 'бездеятельность', 'праздность' (слов. *brezdelnost*, *postopanje*)⁵. В этом случае *u* в *tuni*, по-видимому, следует рассматривать как рефлекс индоевропейского и балтославянского дифтонга *-ãu-* (Б. Чоп. Указ. соч., стр. 189).

Изолированное польское *tani*, по мнению Чопа, возникло тоже благодаря сокращению того же долгого дифтонга (*bi-amorda rozložiti z ieor. *õ(u)*). Но тогда характер семантических связей между славянским *tuni* и латышскими примерами отнюдь не соответствовал бы тому, который имел в виду автор. Действительно, если иметь в виду слов. *stunja* 'бездеятельный, праздный человек', можно говорить о тесной семантической связи славянских и латышских форм, но только как о вторичной, возникшей в результате позднейшей конкретизации значения, имевшей место уже в самих славянских языках. Следует отметить приблизительно следующие этапы развития значения: 1. тонкий (ср. ниже!), 2. мало стоящий, напрасно,

бесполезно
 | → За. дешево, даром
 | → Зб. ничего не делающий → бездеятельный человек

(ср. также русск. *туняедец* или *дармоед*). Итак, семантическая связь слов. *tunja* и лтш. *taunja* носит явно вторичный характер. Но прежде чем обратиться к семантической стороне вопроса, укажем на некоторые фонетические проблемы. Наряду с *u*-формой в словенском и кашубском языках и *a*-формой в польском

³ Ср.: W. Boruś. Указ. соч., стр. 146.

⁴ Ср.: В. Чоп. *Etyma balto-slavica*, V, 6 Tuñe. «Slavistyczna Revija», XIII, 1961—1962, стр. 189.

⁵ Fraenkel LEW: *tauna* 'медлительный, нерасторопный или ленивый человек'.

языке представлена также и форма с гласным *o* (слов. *zastǫnj* // *obstǫnj* 'даром', 'бесплатно', 'безвозмездно', 'бесполезно', 'бесцельно', 'напрасно'; *tǫnj* 'дешевый'⁶, *zastoĵkar* 'заяц' ('безбилетный пассажир'), 'паразит, приживальщик'⁷, кашуб. *tǫni*, *tǫni* 'дешевый'⁸. В существующей литературе этим формам или вообще не уделялось внимания, или их просто объявляли вторичными диалектными формами, в которых *u* перед носовым *n* перешло в *o*⁹. Подобное толкование этих форм, равно как и польск. *tani*, весьма сомнительно. Сразу же встает вопрос, почему результатом является то гласный *a*, то снова — гласный *o*.

Кроме того, как уже отмечалось выше, остается совершенно неясным, почему действие подобного рода регрессивной назальной ассимиляции имело место только в этом слове и ограничивалось к тому же только словенским и кашубским языками (ср. такие формы, как слов. *luna*, *okun*, *lunek*, *suniti*, *kuna* и т. д., кашуб. *munia* // *mǫunia*, *ũińc* ≤ *uiti, *puna* // *prǫna* и т. д.). В фонетическом отношении более приемлемым и последовательным кажется предположение о еще праславянском чередовании *ǫ* // *ǭ* (*tǫi-* → *tani*, *tǫi-* → *toni*). Тогда словенские и кашубские формы могут быть без особых затруднений объяснены как периферийные реликтовые формы¹⁰. Если принять эти формы в качестве исходных, то сразу становится очевидной тесная формальная и семантическая связь с *тъпък* (польск. *cienki*, луж. *śeńki* // *śańki*, чеш., словц. *tenký* и т. д.). В свете этого отношение др.-русск. *тъпъкъ* к польск., кашуб., слов. *tani* // *toni* является таким же, как отношение *тъпъкъ* к лат. *tenuis* 'тонкий', 'утонченный', 'нежный', и также к др.-инд. *tanúh*, ж. р. *tanvi* 'тонкий', 'нежный', 'слабый', 'незначительный'¹¹. Редуцированные гласные переднего и заднего ряда представляют соответственно ступени редукции *e-* или *o-*ряда¹². Такое объяснение делает излишним

⁶ Ср.: A. Wolf, M. Pletersnik. Slovensko-nemški slovar. Laibach, 1894—1899.

⁷ Ср.: Fr. Tomšič. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1961.

⁸ По сведениям, полученным нами от доктора Таборской (Варшава), *o*-формы типичны для собственно кашубских диалектов. Исключение составляет юго-восточная часть территории распространения кашубского языка, где встречаются формы *tani* // *tańi*.

⁹ Ср.: W. Bogus. Указ. соч., стр. 147; F. Ramowš. Kratka zgodovina slovenskega jezika, I. Ljubljana, 1936, стр. 178.

¹⁰ Здесь следует упомянуть о том, что и в других областях есть свидетельства тесной языковой связи полабского и словенского языков в праславянский период. Обе языковые области находятся на периферии славянской языковой территории.

¹¹ Индийские формы также могут быть отнесены к *o*-ряду (в древнеиндийском *e*, *o*, *a* совпали в *a*).

¹² Ср. A. Walde. O-farbige Reduktionsvokale im Indogermanischen. «Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft». Heidelberg, 1924; R. Trautmann. Ein Kapitel aus der Lautlehre der baltisch-slavischen Sprachen. «Slavia», I, 1923.

толкование $\bar{y}$ в др.-русск. $\bar{y}$ пъкъ, как результата ассимиляции ($\bar{y}$ пъкъ $\leq$ * $\bar{y}$ пъкъ).

Семантическое равенство также представляется чрезвычайно убедительным: 'тонкое' является менее дорогим, а менее дорогое — дешевым (ср. нем. разговорное *das ist (aber) dünn*, т. е. 'бедное по содержанию, не очень ценное'). Единственным, что мешает принять выдвинутое объяснение, является существование многочисленных славянских форм с гласным *u* (ср. Vasmer REW). Это же было, пожалуй, причиной, почему до сих пор исследователи отрицательно относились (см. Преображенский ЭСРЯ) к сравнению русск. *туне* с лат. *tenuis* и нем. *dünn*, предложенному еще Горяевым (см. Горяев ЭСРЯ, 380). Но до сих пор совершенно не учитывался тот факт, что в славянских языках есть еще и другие примеры, которые указывают на дополнительную ступень с гласным *u* у форм *o//y*-ряда¹³. Приведем несколько примеров.

I. Русск. *нырять* и относящиеся к нему гнездо слов: 1) нормальная *e*-ступень **neg-* (представлена в лит. *nėrti* 'нырять'); 2) *e*-ступень редукции ($\bar{y}$) **n_eg-* (ст.-слав. *nyro*, *nrēti* 'проныкать'); 3) Ступень удлинения ст.-слав. *nyrjati*, болг. *ниря* 'нырять', срр. *ropirati* 'исчезать', 'течь под землей'; 4) нормальная *o*-ступень **nog-* (русск. *нора* 'дыра', 'нора', 'яма', чеш. *pořiti*, словц. *por'it*, в.-луж. *póricé // móricé* 'погружаться в воду'); 5) *o*-ступень редукции ($\bar{y}$) **n_og-* (не зафиксировано!); 6) Ступень удлинения **nug-* (русск. *нырять*, укр. *миряти*, блр. *нырка* 'вид утки'). Ступень удлинения *o*-ряда ($y \leq u$) объясняется как результат вторичного удлинения $\bar{y}$ ($\leq o$), так же, как и *i* из $\bar{y}$ в *e*-ряду¹⁴; 7) Вторичный гласный *u* **nug-* (в.-и н.-луж. *puricé*, *puricé* 'нырять', болг. *puram se* 'прыгать кубарем в воду', польск. *wypurzyć* 'вынырнуть').

II. В составе гнезда слов с русск. *дыра* следует учитывать родственные **d̥yati*, *derti, *dero, **d̥yō*, *dirati, **dirajō*¹⁵. *o*-ряд указывает на следующие ступени аблаута: 1) нормальная *o*-ступень **dog-* (польск. диал. *doga*, *dōga*, др.-польск. *dzioга*, чеш. диал. *d'uoга*); 2) примеры на *o*-ступень редукции (*d_og) не зафиксированы, ср., однако, лит. *dūrti* 'колоть', 'толкать'; 3) ступень удлинения **dug-* (русск. *дыра*, полаб. *darā* ($\leq$ *dyга);

¹³ Ср.: Н. Schuster-Sewc. Zur Bezeichnung der Bauern im Slawischen *chořpъ, *kъmetъ, *smfdъ. — ZfSl, 1964, IX, 2, стр. 250; Он же. Stand und Problematik der etymologischen Forschung (dargestellt am Material des Slawischen). «Probleme der strukturellen Grammatik und Semantik (Aufsätze)». Karl-Marx-Universität, Leipzig, 1968, стр. 229.

¹⁴ J. Kurýłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 418, 420.

¹⁵ Ср.: Fr. Sławski. SEJP, I, 208, *i*-ступень наряду с русск. диал. *дыра*, укр. *дыра*, блр. *дыра*, дрислав. *dīga* представлена также в в.-луж. и н.-луж. *džera // žēga* 'дыра', 'отверстие' ($\leq$ *dīga), как *mēr* $\leq$ *mīr, *wuběrać(s)* $\leq$ *wybirati* и т. д. Для *e*-нормальной ступени ср. слов. *dēga*.

4) вторичный гласный *u* *dur- (др.-польск. dura, 1471; durka, польск. dziura, укр. дюра¹⁶). Для сравнения здесь надо привести также чеш. vzdor $\leq$ vz-dor, русск. *дурной*, польск. bzdura и т. д. (Vasmer REW, 38; Sławski SEJP, I, 53).

III. Русск. *спорый*, 'быстрый, удачливый', 'обширный'; *пырить* 'растопыривать' (о перьях), 'топорщиться' (о мехе) и т. д. 1) нормальная *o*-ступень *(s)por- (русск. *спорый*, укр. *спорий* 'достаточный', 'большой', 'обширный', 'обильный'; блр. *спор* 'успех', чеш. spory 'изобильный', 'бережливый', 'сбереженный' и т. д. (Vasmer REW, II, 710); 2) *o*-ступень редукции *(s)poг- (лит. жем. ušpuiti 'топорщиться (о мехе)', 'набухать', rūtyti 'трясти', 'встряхивать', с долгим *-ī* также rūrinti 'становиться растрепанным, неровным'; далее, пожалуй, следует привести также piškšti 'прыскать', 'брызгать', разлетаться', 'шипеть'¹⁷ и т. д., которое, по мнению Френкеля (Fraenkel LEW, 673), является родственным зап.-слав. *přskati $\leq$ pьrskati ($\leq$ *pur-), чеш. pьskati 'прыскать', 'плевать', 'метать', 'фыркать', польск. pьrskati 'фыркать', 'пыхтеть', 'храпеть' (о животном), 'трещать', 'шипеть'; в.-луж. pьrskati и н.-луж. pьrskati имеют то же значение; 3) ступень удлинения *(s)purг- (русск. *пырить* 'растопыривать' (о перьях), 'топорщиться' (о мехе); в.-луж. purić so 'рассердить', 'накаливаться', 'надуваться' (от ярости), чеш. диал. морав. rūřit 'имеет то же значение (Machek ESJC), чеш. čerūřiti 'трепать', 'ерошить' (волосы), 'топорщиться' (о перьях и волосах) особенно употребительно по отношению к птицам; русск. *растопыривать* 'широко расставлять' (о крыльях), 'простирать'; лит. purinti 'рыхлить', 'взбивать' (о волосах и шерсти) и т. д. (Vasmer REW, II, 774; Fraenkel LEW, 672). По нашему мнению, здесь надо учесть также русск. пырей «Triticum repens», в.-луж. pur с тем же значением, в.-луж. purić 'зарастать пыреем' и т. д., т. е. 'быстро и обильно растущий сорняк или растительность'.

Гласный *e* в польск. perz 'пырей' можно было бы считать примером на ступень редукции (perz $\leq$ *pьгь)¹⁷; 4) вторичный

¹⁶ Ср. Fr. Sławski. SEJP, 208; SS, II, 3 (9); S. R e c z e k. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, стр. 80. «Особые трудности представляют формы с *u*, dziura, dura, которые нельзя объяснить, исходя из первоначальных dzióra, dóra (B e r n e k e r SEW, 201), т. к. они являются древними формами и распространены в говорах, различающих *б* и *ш*» (Ф. Славски).

¹⁷ Вероятно, к данному гнезду слов принадлежит также и рассматриваемая обычно изолированно такая группа, как русск. *пырей* 'отверстие для закладки угля в печи', чеш. pur 'тлеющая зола', польск. perz, perzyna 'горячая зола', в.-луж. purić 'топить печь' и т. д. (Vasmer REW, 474). Семантические связи здесь очевидны. Можно было бы, вероятно, принять в качестве исходного для этих слов очень общее значение: «интенсивный процесс и состояние, как результат этого процесса». Тогда, по нашему мнению, становится излишним искусственное разделение в.-луж. purić

гласный *u* * (s)pur- (др.-чеш. *půga* 'упрямство', 'строптивость', *purný* 'упрямый', 'упорный', *spurný*, чеш. *vzurný* с тем же значением, *zprák* 'упрямый человек', 'упрямец', *zpuřit* se 'противиться', 'сопротивляться', 'упорствовать' (Bartoš), вост.-н.-луж. *spurne* преступный (Jakubica 1548), н.-луж. *hu(j)špurnu* 'красивый' (только о внешности), 'нарядный', 'стройный', 'изящный', 'статный', 'опрятный', 'миловидный', *hušpurnosć* 'красота' 'излишество', 'утонченность', 'опрятность', 'проворство', диал. также *hušpurnu* и *hušpěrgu* (Mucke Wb, I, 433)¹⁸.

В качестве примеров для *e*-ряда можно привести в.-луж. *šerjerić* 'выступать наверх', 'растрепывать', 'ерошить', 'торчать' (о перьях), 'делаться враждебным', 'важничать' (Pfuhl Wb, 709), н.-луж. *šerjerić* имеет то же значение, чеш.-морав. *šerěit* sa, зап.-слав. *šerěit*'sa с тем же значением, чеш.-валаш. *pěřit* sa (Machek ESJC); *e*-степень редукции: праслав. *rĭchati ≤ *rychati, ср. чеш. *prchati* 'спасаться бегством', 'чуждаться', 'избегать' (кого-либо), 'скрываться'; русск. *перхать* 'кашлять', 'покашливать', польск. *piechać* разлетаться (о снеге, искрах) (Vasmer REW, 346), лит. *pirkšnis* 'тлеющие хлопья золы' и т. д. (Fraenkel LEW, 596).

IV. В.-луж., н.-луж. *chory* 'больной', русск. *хворый*, укр. *хворий*, *хорий*, др.-чеш. *chovŏy* чеш.-слав. *chorŏy*, польск. *chory* и т. д. — с гласным *o*¹⁹; русск. диал. *хирый* 'больной', 'хилый', польск. *chyrak* 'болезненный человек', н.-луж. *churnu* 'болезненный' (польск. *chęrać* 'хворать', 'чахнуть', *chęrlak* 'болезненный человек') и т. д. — с гласными *y*, чеш. *churavŏy* 'больной' — с гласным *u*.

Далее необходимо было бы сопоставить ст.-слав. *огнь* 'огонь', чеш. *vŏheň* 'дымовая труба', 'кузнечный мех', в.-луж. *wuheň*, н.-луж. *wugeň* ≤ *vugeň 'дымовая труба' и т. д., лит. *ugnis*, лтш. *uguns* 'огонь' (ср. Walde), лат. *carbon* 'уголь', лит. *kūrti* 'топить' (печку), лит. *kārštas* 'горячий', 'тлеющий', 'пылающий', 'горячий', 'огневой', 'пылкий', слав. *kuriti* se 'курить', лит. *kūrėnti* 'беспрерывно топить' (печку) (Pokorný IEW, 572, Fraenkel LEW, 223). Как видно из приведенных примеров — их число, вероятно, можно было бы увеличить — этимологическая связь слов лексического ряда русск. *туне*, польск. *tani*, кашуб. и слов.

'топить' и *puric* so 'становиться горячим, раскаленным', 'краснеть' или *puric* 'зарастать пыреем', а также польск. *perz* 'горячая зола' и *perz* 'пырей' и т. д.

¹⁸ Н.-луж. *y* в *hušpurnu* является вторичным и возникло в результате делябилизации первоначального *u*. См.: Schuster-Sewc. Beiträge zur sorbischen Sprachwissenschaft. VEB Domowina-Verlag Bautzen, стр. 212. — Гласный *e* в диалектной форме *hušpěrgu* возник в результате перехода *y* в *e* в безударном положении.

¹⁹ О различии *chvor-* ||| *chor-* ср. также: J. Schütz. Zur Abstufung und Erweiterung in diphtongischen Wurzeln. «Die Welt der Slawen», Jg. VIII, H. 4. April, 1964, стр. 337—347.

той также и в звуковом отношении полностью оправдано. Таким образом, раздельное толкование польских, кашубских и словенских форм оказывается излишним. Если принять в качестве исходных формы с чередованием $a(\bar{o}) // o(\delta)$, то можно считать, что данные выше формы находятся в отношении качественного аблаута к лат. *tenuis* др.-инд. *tanúh, tanví* и к слав. *тъпъкъ*. Русск. *тонкий* $\leq$ др.-русск. *тъпъкъ* является первоначальным, и $\bar{o}$ здесь — не результат ассимиляции, а скорее рефлекс o — окрашенного индоевропейского редуцированного гласного (o). Для праславянского языка наряду с известным рядом чередования ступеней $\delta : o$ — редуцированный гласный ($\bar{t}$) устанавливаются две вторичные ступени чередования: $y(\bar{u})$ и $u(o\bar{u})$. Надо полагать, что это вторичное расширение аблаута возникло по образцу регулярного чередования $\bar{y}(\bar{t}) : \bar{u}(y) : ou(u)$ (*dъchъ, duchati, duchъ*)²⁰. Для ступени удлинения (ср. *duga*) должно было сыграть дополнительную роль удлинение в e -ряду, типичное для балто-славянского (*dъga-ti // derti // dirati*). Отметим, что не всегда бывают представлены все ступени аблаута.

В.-луж. *kulka* 'щиколотка' и родственные слова

В верхнелужицком *щиколотка* обозначается словом *kulka* (Н. S w ó t l i k. *Vocabularium latino-serbicum*. Budysin—Bautzen, 1721: *nohowa kulka 'talus'*); Pfuhl. *Lausitzisch Wendisches Wörterbuch*. Budissin, 1866: *kulka* 'ружейная пуля'; 'клецка', 'сгиб пальцев' (на ноге и на руке). Этим верхнелужицкий язык отличается от собственно нижнелужицкого²¹ и от других славянских языков, которые чаще всего сохраняют название, восходящее к праслав. *glezъn (н.-луж. *glozonk, glozn, 1650*; польск. *glozn(a)*, чеш. *hlezo* и т. п.). Этому слову, которому в славянских языках соответствует обширное гнездо родственных слов, до сих пор почти не уделяли внимания. Мука (*Mucke Wb, I, 740*) считает в.-луж. *kulka* деминутивной формой заимствования из немецкого — *kulka*, нем. *Kugel* 'шар, пуля' (*Bielfeldt H. H. Die deutschen Lehnwörter im Obersorbischen. Leipzig, 1933, стр. 176*). Но, по нашему мнению, слово *kulka* является древним славянским обозначением части тела. При учете соответствующих аблаутных отношений его следует сопоставить с южнославянскими обозначе-

²⁰ Ср.: Fr. S ł a w s k i *SEJP*, стр. 208; V. M a c h e k. *ESJČ*, стр. 328.

²¹ Покорны и Ф. Клюге-Готце (см.: P o k o r n y J E W, K l ü g e - G o t z e E W) возводят германские формы к корню со звонким гутуральным. Однако, как показывают славянские и балтийские формы, наряду с ним должен был существовать дублет с глухим гутуральным в начале слова. В славянских языках представлены обе разновидности, ср. русск. *гуля*, польск. *gula* и т. д. рядом с луж. *kul(k)a* и т. д.

ниями типа болг. кълка 'бедро'. Среди западнославянских языков слово *kulka* только в польском языке имеет точное фонетическое соответствие. Ср. диалектное и просторечное выражение *kulka z cielęcía* 'лучшая часть телятины', т. е. 'задняя ножка телянка' (устно из окрестностей Кракова, Ченстохова, Варшавы и Поморья). Это слово не приведено в существующих польских словарях (ср. Linde; SS, SW).

Только в архиве MAGP есть следующий пример: *Kulka ćelensa* (в других диалектах *szynka*) *Kórnik. pow. Śrem*. Ср. также следующее четверостишие: «*Ja miał szperkę, Kuba nerkę, Waler kulkę* (разрядка автора), *Jan kobłiakę, dla Jezusa maleńkiego*» (*Wisła XV, 406*). Упоминание слов *szperka* 'шпик', *nerka* 'почка' и *kulka* в одном контексте указывает на то, что здесь речь идет о слове *kulka*. Но мы встречаем это слово также и в польском охотничьем языке для обозначения лопатки оленя, козули и т. д. (ср.: Hoppe St. *Polski język łowiecki*. Warszawa, 1961: *przednie kulki*)²². Таким образом, польск. *kulka* является обозначением частей ноги и, вероятно, верхних ее частей, т. е. бедра. В польском языке это название употребляется только по отношению к животным. Однако для него, как уже упоминалось, есть многочисленные соответствия в южнославянских языках, ср. наряду с болг. *kълка* еще и макед. *kólka* 'бедро', позднеславянское *kълка* 'подколенная впадина', схр. *kũk* 'бедро', диалектное употребление также и в значении 'бок (туловища)', слов. *kõlk* 'бедро'.

В качестве общего значения рассматриваемого слова должно быть установлено следующее: 'согнутая, искривленная часть тела или часть с утолщенным концом'. Многочисленные семантические соответствия к славянским словам находим прежде всего в балтийских языках, ср. лит. *kulksnis* 'щиколотка', 'голеностопный сустав', лтш. *kulksnis* голеностопный сустав (у лошадей, коров, свиней), 'часть сустава задней части туши', 'большая кость, на которой есть немного мяса', 'стопа', 'нога', др.-прус. *culczì* 'бедро', без корневого детерминанта *k-* — также лит. *kulna, -is* 'пятка', 'пята', 'каблу́к', др.-прус. *kulnis* 'сгиб пальцев на ноге'. Кроме балтийских примеров, обычно указывается на лат. *calx* 'пятка' (*Berneker SEW, I, 660*), но сравните также др.-инд. *kalkusì* 'запястье', 'локоть' и *kulyám* 'хранилище для костей' (*kũlya) (см.: М. Маурихофер. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Heidelberg, 1953).

В оппозиции *и* (слав. ъ, балт. *и*) и лат. *а* Вальде (*Walde*, стр. 191) и ссылающийся на него Курилович (*J. Kuryłowicz*, стр. 229) видят отражение соотношения — полный гласный (о): редуцированный гласный (о). Тогда лужицкие и польские диалект-

²² Новый, изданный В. Доросhevским, словарь польского языка цитирует только Ст. Хоппе.

ные *и*-формы должны были бы быть результатом вторичного расширения аблаута

$$\begin{array}{l} *ъ \mapsto \bar{u} \rightarrow y \\ \quad \downarrow \\ \quad \mapsto oi \rightarrow u \end{array}$$

установленного уже в связи с формой *tuife* и т. п. Все же мы полагаем, что едва ли стоит разбирать отдельно от рассматриваемых слов такие формы, как н.-в.-нем. *Kaule* 'шар, пуля, шарообразный предмет', ср.-в.-нем. *küle* с тем же значением, ср.-н.-нем. *küle* 'углубление, яма в земле', 'шарообразный сосуд', 'семенное ячко', 'опухоль'; ср.-в.-нем. *kiule* (др.-в.-нем. *Küle*), н.-в.-нем. *Keule* 'палка с утолщенным концом' (*Klüge—Götze EW*, 379)²³. Интересно, что *Keule* (н.-в.-нем.) в Средней и Северной Германии в разговорном языке и на жаргоне мясников также обозначает заднюю часть бедра убойного животного (скота или дичи) (*Klüge—Götze EW*; Н. Paul. *Deutsches Wörterbuch*, Halle, 1960). Возможное влияние славянских языков, особенно польского, исключается по формальным и лингвогеографическим причинам. Сравните далее лит. *káulnas* 'кость, нога, косточка (в плодах)', 'игральная кость'; др.-прус. *caulan* 'нога', которые, однако, Френкель (*Fraenkel LEW*, 230) рассматривал отдельно от лит. *kulkšnis* и т. п.

Подобного рода расширение рассматриваемого гнезда слов предусматривает, правда, другое корневое образование: **koul-* (полная ступень) **kül-* (нулевая ступень) и **kūl-* (ступень удлинения). Включение в круг рассматриваемых форм латинской и древнеиндийской формы заставляет в этом случае скорее предположить существование древнего дублета аблаута с редукцией долгого дифтонга типа **āu ≤ *ā ≤ a*²⁴.

За постулированным выше значением 'согнутая, скрюченная часть тела или кость с утолщенным концом' скрывается, вероятно, более общее значение 'скрюченный, согнутый' (ср. *Pokogny IEW*, 393ff). Это значение в славянских языках послужило источником разнообразной семантической конкретизации. В результате можно составить довольно обширное гнездо слов, формальные и семантические связи которых до сих пор в значительной степени определялись неверно. При этом следует учесть, что названия, образованные от одного корня, первоначально относились не только к частям тела, а также и к другим предметам со значением 'скрюченный, согнутый'. Названия, которые относятся к телу человека или животного, указывают на физический недостаток или

²³ Ср. также: J. Schütz. Zur Abstufung und Erweiterung in Diphthongischen Wurzeln. «Die Welt der Slaven», VIII, 1964, Hf. 4, стр. 337—347.

²⁴ Дальнейшего объяснения требует краткий гласный в латинской и древнеиндийской форме.

недуг. Преобладают формы без корневого детерминанта. Ср. в.-луж. и н.-луж. *kula* 'шишка', 'желвак', 'горб', 'нарост'; н.-луж. *kula* употребляется обычно в сочетании *stara kula* 'старая, дряхлая женщина (скрюченная)', с расширением корня н.-луж. *kułka* 'отрыжка и боль под ложечкой при испорченном желудке (раздувшийся, всученный живот)'. Мука неправильно возводит это слово к нем.-лат. *kolik* (Mucke Wb). Но ср. также схр. *kułje*, *kułja* 'брюхо, живот'. Следует упомянуть далее слов. *kułj* 'с поврежденными, согнутыми рогами'; чеш. *kułka* 'бесхвостая курица' и, пожалуй, также польск. диал. *kulk* 'болезнь ног у лошадей', укр. *кулити* 'хромать', *укулити*, *закулити* 'хромать', 'скрючить', 'парализовать', блр. *куляць* 'низко кланяться', польск. *kulić* 'стягивать', 'искривлять', *kuleć* 'хромать, прихрамывать'. Далее приведем суффиксальные образования: польское прилагательное *kuławy*, -а, -е 'хромой', *kulas* 'хромой человек', словенское прилагательное *kuļav* 'хромой', болгарское прилагательное *кулав* 'с хромой ногой', русск. *кулявый* хромой, русск. *культа*, 'беспалый человек, хромой', 'рука без пальцев', 'нога без пальцев', с расширением на элемент *g* польск. *kułgać* 'хромать'; *kułhati* 'хромать', блр. *кульгаць* 'хромать', русск. *кульга* 'хромой человек'. К данному гнезду слов, по нашему мнению, принадлежит также и рассматриваемое до сих пор изолированно славянское *kuła* 'паховая грыжа'. В русском языке это слово имеет дополнительное значение 'нарост на дереве', в чешском 'заживающий после ампутации руки или ноги обрубок' (Machek ESJČ, 253). Без особого труда зачисляются в один семантический ряд названий *грыжа* или *нарост* и *заживающий обрубок*, объединенные значением 'нечто выпуклое' и представленные образованиями с **kuł-* // **kouł-*. Точное соответствие славянскому *kuła* мы находим в лит. *kūla* 'утолщение', 'припухлость, горб, нарост' (Fraenkel LEW, 306) и н.-нем. *kūle* (см. выше; о других индоевропейских образованиях см. Berneker SEW, 680 и Sławski SEJP, 104). Однако их связь с рассматриваемым гнездом славянских слов до сих пор не выяснена (Machek ESJČ, 314: «Jinak jsou to slova nejasná»). Надо сослаться и на чеш. *kelka* 'подрезанный коровий хвост, олений хвост', 'обрубок руки', 'обрубок дерева', 'деревянная нога' (Trávníček SJČ). Поскольку гласный *e* в этой форме употреблен вместо ожидаемого *y*, Махек предполагает здесь слово из ганацкого диалекта. Но не следует также исключать образование, где представлена ступень редукции главного *kъlka с позднейшей вокализацией *ъ в *e*, как и в соответствующих деминутивных формах (ср. чеш. *dno* : *denko*). Во всяком случае здесь идет речь о прямом соответствии к луж.-польск. *kułka* или южн.-слав. *kъlk(a)*. Интересно то обстоятельство, что это слово как в чешском языке, так и в польском, употребляется в качестве терминов в охотничьем языке (Machek: *slovo se stalo odborným názvem u myslivců*).

Из названий, связанных с обозначением предметов неживой природы, надо привести н.-луж. *kula* 'палочка, которая рассыляется в деревнях по домам с приглашением на собрание или с другими сообщениями', 'палка', 'костыль' (Muske Wb). Первоначальным было значение 'палка с утолщенным концом' (ср. также нижнелужицкое название *kulař* 'работник общины', 'полевой сторож', т. е. 'тот, кто носит *kulu*'). В.-луж. *kulak*, *kulešk*, *kulušk* 'рубель (для катания белья)', *kuluch* 'кругляк', польск. *kula* 'палка', 'костыль', 'клюка', диал. и более древнее значение 'дуга (упряжная)', 'коромысло' (Pałowski. *Gwara Podegrodzka*), 'загнутая кверху передняя и задняя часть седла' (Słownik Języka Polskiego, III, Warszawa, 1963), диал. вост.-морав. *kula* скалка (для раскатывания теста), 'доска для стирки', южн.-морав. *kulač* 'вид виноградной лозы' и т. д. (Machek ESJČ, 285). Эти слова также родственны близкому по значению немецкому *Keule* 'палка с толстым круглым концом',²⁵ но отнюдь не являются заимствованиями из немецкого, как полагал Брюкнер (Brückner SEJP, 281) и др. Френкель поставил под сомнение факт заимствования из немецкого лит. *kulė* с тем же значением (Fraenkel LEW, 211). Совершенно очевидно, что в этом случае речь идет о параллельном семантическом развитии, исходный пункт которого следует искать в более древней эпохе. Интересно, что и в этом ряду слов появляются слова с корнем, имеющим расширение в виде *k*, ср. польск. диал. *kulka* 'крюк, дверной крючок', 'часть упряжки', 'рукоятка косы' и т. д. (Kałowicz SGP). Идет ли здесь речь о первоначальном названии или о более позднем переносе обозначения (скрюченный, кривой кусок кости → крючок), нельзя решить с полной определенностью.

После всего, что было сказано о данном гнезде славянских слов, кажется очень сомнительным утверждение Бернекера (Berneker SEW), что западнославянские названия для 'шара, пули' (нем. *Kugel*), т. е. чеш. *koule*, польск. *kula*, в.-луж. и н.-луж. *kula*, являются заимствованными из немецкого (см. сноску 7). Это утверждение вызывает принципиальное возражение, так как рассмотренные случаи свидетельствуют о специфическом западнославянском развитии. О влиянии немецкого языка на значение слова можно говорить, пожалуй, лишь в случае типа 'Schließkugel'.

В лужицких диалектах встречаем *kulka* также как название картофеля (которое чаще употребляется во множественном числе — *kulki*). В пользу исконности слова *kulka* говорит далее тот факт, что оно встречается в топонимических названиях: ср. в.-луж. *Kulow*, *Kulowc* (1389: *Kule*, *Kuele*). Напротив, приводимые Бернекером схр. *kùgla*, слов. *kùgla* (по свидетельству Караджича они распространены только в диалектах), являются заимствова-

²⁵ См. примечание № 21.

ниями из немецкого и явно восходят к ср.-в.-нем. *kugele*. В южно-славянских языках они появились в более поздний период. Обычно в сербохорватском для обозначения «Kugel» употребляется слово *gul'a* 'шар, пуля', которое от упомянутых западнославянских форм отличается звонким начальным согласным, в словенском *krogla* (**krqg-*), *obla//oblica* (*obyļa).

Принятые сокращения

- Горяев ЭСРЯ — Н. В. Гор я е в. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Изд. 2. Тифлис, 1896; дополненное изд. Тифлис, 1901.
- Преображенский ЭСРЯ, ТИРЯ — А. Пре о б р а ж е н с к и й. Этимологический словарь русского языка, 1—14. М., 1910—1916; Труды Ин-та русского языка АН СССР, т. I. М., 1949 (окончание).
- Bartoš — F. B a r t o š. Dialektický slovník moravský. Praha, 1905.
- Bernecker SEW — Slawisches etymologisches Wörterbuch, I, II. Heidelberg, 1908—1914.
- Brückner SEJP — Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
- Fraenkel LEW — E. F r a e n k e l. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955.
- Jakubica, 1548 — M. J a k u b i c a. Neues Testament, 1548. Hgb. H. Schuster-Šewc. Akademie-Verlag. Berlin, 1967.
- Karłowicz SGP — J. K a r ł o w i c z. Słownik gwar polskich, I—VI. Kraków, 1900—1911.
- Klüge—Götze EW — F. K l ü g e. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 12—13, Aufl. von A. Götze, Berlin, 1943.
- Linde — B. L i n d e. Słownik języka polskiego, t. I—VI. Lwów, 1854—1860.
- Machek ESJČ — V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- MAP — Mały atlas gwar polskich. I—VIII. Wrocław—Kraków, 1959—1968. . .
- Mucke Wb — E. M u c k e. Słownik dolnosербске reči, I. Praha, 1921; II. Praha, 1928.
- Pfuhl Wb — Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budissin, 1866.
- Pokorny IEW — Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949. . .
- Sławski SEJP — F. S ł a w s k i. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952—1958.
- SS — Słownik Staropolski. Warszawa, 1953. . .
- SW — J. K a r ł o w i c z, A. K r y Ń s k i, W. N i e d z w i e d k e i. Słownik języka polskiego, t. I—VIII. Warszawa, 1900—1927.
- Trávníček SJČ — F. T r á v n i č e k. Słownik jazyka českého. Praha, 1952.
- Vasmer REW — M. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950—1958.
- Walde — A. W a l d e. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Hgb. J. Pokorny, 3 BM. Berlin—Leipzig, 1927—1932.

Перевела с немецкого

М. И. Ермакова

Праславянские диалектизмы среди именных основ на *-i*

Р. Эккерт

Сравнительно-историческое изучение славянских языков и славянская диалектология — две отрасли славистики, которым наш дорогой и высокоуважаемый юбиляр уделил особое внимание в своих многочисленных плодотворных трудах. В тесной связи с этой проблематикой и находится его глубокий интерес к вопросу о праславянском диалектном членении¹.

В нашей небольшой статье предпринимается попытка обосновать диалектный характер ряда праславянских именных основ на *-i*. Нам кажется, что и в области морфологии, в частности в морфологии имени, праславянский язык не может рассматриваться как нечто монолитное, как нерасчлененное целое. Напротив, необходимо учитывать известное диалектное дробление, которое на разных хронологических этапах его развития отличалось различной степенью выраженности и различным соотношением подсистем друг к другу. В своей работе мы исходим из требования, выдвинутого С. Б. Бернштейном, согласно которому очень важным является привлечение диалектного материала, «который дает возможность значительно полнее осветить историю именных основ»².

Лексический состав типа склонения, по которому изменялись продолжения древних индоевропейских *i*-основ в эпоху, непосредственно предшествующую истории отдельных славянских языков, т. е. в так называемом позднем праславянском языке, был весьма сложен. С одной стороны мы здесь имеем континуанты *i*-основ, возникших в индоевропейском праязыке или возникших, возможно, в определенной диалектной области его (сюда, видимо, следует отнести ряд древних балто-славянских *i*-основ). Наряду с этой значительной, но по своему количеству вполне обозримой группой существовал к этому времени, вероятно, уже весьма массивный слой праславянских новообразований, т. е. имен, возникших в истории праславянского языка и изменяющихся по типу склонения древних индоевропейских *i*-основ. Хотя основообразующий звук в праславянскую эпоху, в особенности же

¹ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 66—75.

² См.: Над чем работают ученые МГУ. Профессор С. Б. Бернштейн. «Вестник Московского университета», 1967, № 2, стр. 70.

В последние этапы его существования, уже не был живым морфологическим показателем, все же модели склонения, характерные для отдельных типов именных основ были довольно устойчивыми, по-видимому, не только в течение существования праславянского языка, но и в некоторых случаях сохранились как общеславянская черта в истории отдельных славянских языков вплоть до их современного состояния. Сравните в этом отношении склонение бывших *i*-основ женского рода. Это и привело к тому, что в поздний период праславянского языка состав слов, изменяющихся по древнему типу *i*-основ, отличался большой пестротой и сложностью.

Особый интерес среди этих основ представляют праславянские диалектизмы, так как они образуют своеобразный мост между продолжениями из индоевропейского праязыка (большинство праславянских диалектизмов имеет точное соответствие в других индоевропейских языках) и праславянскими нововведениями, примкнувшими к типу склонения древних *i*-основ.

Вопрос о праславянском диалектном характере рассматриваемых ниже слов решается далеко не однозначно. Здесь по крайней мере теоретически возможны два случая:

Во-первых, древняя, частично в других индоевропейских языках отраженная основа на *-i*, сохранилась лишь в части славянских языков и диалектов и в связи с этим высказывается предположение о ее диалектном характере в праславянском языке, хотя допустимо, что она была в праславянском распространена шире и только не сохранилась в силу ряда обстоятельств в определенных языках и диалектах. В данном случае это мнимый праславянский диалектизм.

Во-вторых, не исключена возможность, что очень древняя *i*-основа (на ее возраст указывают обычно индоевропейские соответствия, а также структурные особенности), перешедшая из предшествующей праславянскому эпохи в праславянский язык, была распространена лишь в определенной части праславянской языковой территории. Тогда перед нами, по всей вероятности, праславянский диалектизм³.

В связи с этими вопросами большое значение имеют взгляды, высказанные О. Н. Трубачевым о важности внеславянских соответствий целых лексем, в частности и двухформенных соответ-

³ Нужно учесть, наконец, и возникновение независимых, параллельных основ как в отдельных индоевропейских языках, так и в отдельных славянских языках, приведшее к такому положению, которое позволяет реконструировать (мнимую) праславянскую диалектную *i*-основу. Разграничение истинных случаев праславянских *i*-основ диалектного характера и только что названных облегчается учетом ряда дополнительных критериев таких, как древность морфологической структуры, соотношение производности и непроизводности, связь с другими именными основами, диалектные черты праславянской языковой области в отношении других явлений и т. п.

ствий⁴ и о праславянских лексических диалектизмах⁵ при изучении праславянского словаря.

Для выделения праславянских диалектизмов среди *ī*-основ мы используем главным образом следующие критерии:

1) Данная основа представлена лишь в некоторых славянских языках или диалектах, т. е. она известна лишь на части праславянской языковой территории. Чаще всего языки, в которых встречается данная *ī*-основа, обладают некоторыми общими чертами, допускающими интерпретацию диалектных связей. Разумеется, из-за далеко еще недостаточной изученности диалектов славянских языков здесь многое пока может быть описано только с известной долей вероятности. Тем не менее географический аспект играет очень большую роль.

2) Данная основа должна определиться как элемент праславянского языка и тем самым разграничиваться от более поздних новообразований, имевших место в отдельных славянских языках и, может быть, вторично распространенных путем заимствований. В большинстве случаев праславянский (а возможно и дославянский) характер основы доказывается наличием точных соответствий в других индоевропейских языках.

3) Важными дополнительными критериями принадлежности данной *ī*-основы к праславянскому словарю (позднего периода) являются древность словообразовательной структуры, наличие чередований в корне слова и другие признаки архаичности данного образования, например, связи *ī*-основы с другими основами, распространение которых должно быть приурочено к более позднему времени, нежели употребление *ī*-основы.

Ниже приводим примеры праславянских диалектизмов среди *ī*-основ, причем в этой работе останавливаемся лишь на случаях с чередованием гласного корня в данной этимологической группе:

1. Праслав. диал. *xq̄ť и, возможно, *xьť

Наряду с широко распространенной основой на *-ī* праслав. *xotь с более древним значением 'хотение, желание, сильное половое влечение', ср. соответствующие ст.-слав., ц.-слав., др.-русс., русск., укр. и блр. примеры, а также факты с явно вторичной семантикой 'жена, любовница, наложница, муж, любовник' в ц.-слав., др.-русс., др.-чеш., чеш. книжн. и диал. и в словен. языках, отмечена праслав. диал.⁶ основа на *-ī* *xq̄ť. Она

⁴ О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи). «Славянское языкознание». М., 1963, стр. 165 и сл.

⁵ О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 169 и сл.; Он же. — ВЯ, 1957, № 5, стр. 69—70.

⁶ На диалектный характер этого праславянского слова указывает Ф. Славский (Sl. et, I, 64) пометой Psł, dial.

представлена следующими примерами: др.-польск. (с XV в.) и совр. польск. *chęć*, -i ж. р. 'охота, воля, вкус, желание, благосклонность', др.-чеш. *chut*, -i ж. р. 'охота, склонность, вкус, приятность', с отрицательной частицей *nechut*, чеш. диал. *chut'*, -i ж. р. 'расположение, симпатия' (Bartoš, 123), *chuć* ж. р. 'охота' (Lamprecht, 52), словц. *chut'*, -i ж. р. 'вкус, чувство вкуса, удовлетворение элементарных потребностей, как например, сон, кушанье', укр. *хуть*, -и ж. р. 'страсть, склонность, внутреннее побуждение, самосохранение' (Білецький-Носенко, 379) и блр. *хуць*, -и ж. р. 'хотение, желание, расположение' (Носович, 685, 750).

Польск. диал. и старое (XV—XVI вв.) *chuić* 'страстное желание, охота, склонность' является несомненным заимствованием или из чешского или из украинского по справедливому замечанию Ф. Славского (Sl. et, I, 88; см. еще Karł, I, 178). Включенное в словарь верхнелужицкого языка слово *khuć*, -e ж. р. 'вкус, страстное желание, произвол' выделено самим Пфулем как ботемизм.

Таким образом, определяется распространение варианта с носовым инфиксом **xǫťь* смежными центральными диалектами севернославянской языковой территории, не охватывая крайне западных и крайне восточных областей.

Производные от основы **xǫťь* известны в древнечешском, ср. у Яна Гуса *nechut*, -i ж. р., и в словацком, ср. *pachut'*, -ti ж. р. 'неприятный, плохой вкус на языке', *pochut'*, -ti ж. р. книжн. редкое, то же, что словацк. *chut'* и *prichut'*, -ti ж. р. 'привкус, чаще неприятный'.

Южнославянские языки — насколько нам известно — не участвуют в изоглоссе **xǫťь*. Однако весьма любопытна другая изоглосса, связывающая украинский и белорусский языки с восточной группой южнославянских языков. Речь идет о словах того же корня что и **xǫťь* и **xotь* только со ступенью редукции корневого вокализма, т. е. о распространении прасл. диал. **xǫť* — а может быть и **xǫťь*. Ср., с одной стороны, блр. *хоць*, род. п. ед. ч. *хци* (*Хци не маю вѣаць*) ж. р. 'охота, желание' (Носович, 683), укр. *хтвость*, -и ж. р. 'возжеление, алчность к сокровищам', *хтвий* 'жадный, алчный' (Білецький-Носенко, 379) и с другой стороны макед. диал. *повта* ж. р. 'желание кушать, аппетит, охота' (Конески, II, 206), что, по-видимому, из **roxǫta*, болг. диал. *похта* ж. р. 'желание, аппетит, охота' (Бълг. тълк. реч., 634). Блр. *хоць*, род. п. ед. ч. *хци*, предполагающее более древнее **xǫťь*, **xǫťи* может служить переходным звеном к выше рассмотренному праслав. диал. **xǫťь* и праслав. **xotь*. Чередования гласного корня /-o-// -ǫ-, -o-// -o-+ носовой инфикс/, а также территориальное распределение свидетельствуют о несомненно праславянском характере каждого из приведенных образований. Это подтверждается кроме того внешними сопоставлениями. В. М. Иллич-

Свитыч⁷ обосновал закономерные соответствия между праслав. (диал.) *xotъ и валлийским *chwant* (<**skant-*) 'похоть, алчность', арм. *xant* < и. е. **gha-n-t-* 'сильное желание', указав еще и на греч. χῆτις ср. р. и χατις ж. р. 'потребность', которые сравнимы с праславянскими словами без носового инфикса, т. е. в первую очередь по нашему мнению с *xotъ, -i ж. р. Соответствия из других индоевропейских языков согласуются с праславянскими именами в своей семантике почти полностью, а греческие к тому же и еще в основе. Все эти данные убедительно говорят о том, что к праславянскому состоянию следует отнести не только *xotъ, -i, но и диалектально распространенные *xotъ, -i и, возможно, даже *xotъ, -i.

2. Праслав. диал. *vešerъ

Основа на -o мужского (по диалектам и среднего) рода для обозначения *Abend* представлена почти во всех славянских языках. Ф. Копечный (Zákl. všesl, 467) с полным основанием приводит поэтому в качестве заглавного слова *vešerъ*, которое можно реконструировать и для позднего праславянского языка. Если однако он в скобках добавляет «в южносл. и *vešerъ* ж. р.», то это не совсем точное определение территории распространения *ī* — основы *vešerъ, так как в его работе отсутствуют данные нижнелужицкого и белорусского языков. Для южнославянских языков в данном случае, вообще, характерно наличие вариантов двух или всех трех родов, ср. словен. *vešerъ* м. р., ж. р. и, судя по выражению *dobro vešerъ*, ср. р., с.-хорв., *večerъ*, *večera* м. р., и ср. р. *večerъ*, *večera* м. р., *večerъ* ж. р., макед. *večerъ* ж. р. (изредка ср. р.), болг. *večerъ* ж. р. и м. р., болг. диал. (Ихт., 58) *dobrovečerъ* ж. р. 'добрый вечер!'

В нижнелужицком языке наряду со словом *wjacorъ*, -a м. р. 'вечер, запад' встречается у Якубицы *weserъ*, -ri ж. р. и вариант *weseraъ*, -te ж. р. в значении 'ужин', а у Мегизера производное *rodweserъ*, -ri ж. р. 'полудник, полдник' (Muske, II, 102, 863). Хотя это последнее слово, а также блр. *dobvečerъ*, -u ж. р. (Ср. *Придзи ко мне в довечери. Целую довечерь зюкали*. Носович, 136) 'предвечернее время' могут быть объяснены как вторичные, возможно параллельно возникшие образования, все же по крайней мере старолужицкое *weserъ*, -ri должно быть истолковано как вероятное сохранение *ī*-основы от более древней консонантной *r*-основы где-то за пределами южнославянских языков.

Два обстоятельства заставляют нас выдвинуть предположение о вероятном существовании праслав. диал. основы на -*ī* *vešerъ. Во-первых, в балтийских языках, в которых сохранилась

⁷ В. М. Иллич-Свитыч. Один из источников начального *x-* в праславянском. — ВЯ, 1961, № 4, стр. 95—96.

наиболее близкая к праслав. *večerъ основа на -o, ср. лит. *vākaras* и лтш. *vakars* 'вечер', обнаружен, по крайней мере один пример, не сводимый к старой o-основе: лтш. *vakari* мн. ч. 'запад'⁸. Вторых, исследования Э. Ниеминена и Э. Френкеля показали, что название вечера в балтийских и славянских языках представляет, по всей вероятности, древнюю r-основу среднего рода, а образование типа праслав. *večerъ, лит. *vākaras* являются первоначальными именами прилагательными. В качестве формы ж. р. могло в праслав. выступать соотносительное с *večerъ: *večerbь, оставившее в части славянских языков несомненно некоторые следы. Древние консонантные основы, в том числе и основы на -r, нередко переходили в ĩ-основы. По этой причине можно и не согласиться с Э. Френкелем, утверждавшим, что наличие ж. р. в праслав. *večerbь обязано ĩ-основе *nočь < *noktis.

Небезынтересно еще то, что для рассматриваемого праславянского слова также известны случаи чередования корневого гласного, ср. ступень редукции в ст.-слав. *кѣчєра*, *накѣчєръ*, русск. *вчєра*, чеш. *včєra*, польск. *wczoraj* и болг. *вчєра*⁹.

⁸ Кроме того, в литовском языке сохраняется образование, представляющее распространение древней r-основы через -t-, перешедшее впоследствии в ĩ-основу: *vakartis*, -ies; -tis, -iēs 'ужин; паек, который берут с собой на дорогу или на работу; кормление домашних животных вечером; старость'. Об этом подробнее: R. Eckert. Zu einigen Kontinuanten indoeuropäischer Heteroklita im Baltischen. «Baltistica», V, 1, 1969, стр. 11—12.

⁹ Относящееся к той же тематической группе слов, что и *večerbь, *večerbь праслав. *doba 'определенный отрезок времени' сохранилось в западной подгруппе южнославянских языков как ĩ-основа: ср. ст.-серб. *doba* 'aetas' (у Даничица, I, 459 под словом *кожь*, но исправленное в Rjebnik, V, 132), с.-хорв. *дѣб*, *дѣби* ж. р. 'возраст, aetes' (Караџић, 128), словен. *dôb* род. п. ед. ч. *dobî* 'время, вид' и *spodôb* ж. р. 'фигура, строение лица' (Pleteršnik, I, 142; II, 547). Так же как в случае со словом *večerbь, наряду с именами существительными женского рода, встречаются формы среднего рода, ср., например, с.-хорв. несклон. *дѣба* ср. р. 'время', макед. *дѣба* ср. р. (Zákl. všesl. 103) наряду с ж. р. и в.-луж. *dobo*, -a ср. р. 'момент' рядом с *doba*, -у ж. р. 'время, срок, эпоха'. Старое имя среднего рода Э. Френкель выделяет в др.-чеш. *v ta doba*, хотя здесь местоимение уже встречается в форме женского рода (ZfslPh, XXVI, 350). В самое последнее время Ф. Ливер («Studia Linguistica Slavica Baltica Canuto-Olavo Falk», Lundae, 1966, стр. 129) указал на то, что др.-чеш. *v ta doba*, *v ta dobu*, *v ta doby* и чеш. диал. *včєra tĕmi doby* заставляют предположить унаследованное сосуществование двух по своему грамматическому роду различных основ. Это подтверждается и акцентуационными данными: ударение корня в русск. и блр. *дѣба* напоминает ударение древних r-основ среднего рода, к которым праславянокое слово восходит, ср. лит. *dabaĭ*, *dābar*, а также *dabartis*, -iēs. Последнее из приведенных литовских слов относится к древним балтийским r-основам, распространенным через -t- и перешедшим впоследствии в ĩ-основы. См. уже упомянутую статью в «Baltistica», V, 1, стр. 9, примечание 12 и стр. 11—12. Таким образом, как в случае праслав. диал. *večerbь, -i и лит. *vakartis*, -iēs и здесь рядом с праслав. диал. *dobь, -i имеем лит. *dabartis*,

3. Праслав. диал.? *zěmь, -i; *zьmь, -i

Несмотря на то что исследователям именной системы в славянских языках и в праславянском уже давно были известны случаи наличия *i*-основы *zěmь наряду с праславянской и общеславянской основой *zemja 'земля', все же более подробному изучению этот вопрос не был подвергнут. Авторы этимологических словарей отдельных славянских языков приводят обычно единичные факты, свидетельствующие об основе на *-i* *zěmь, но ни кем не определено ее распространение. Даже такой сводный труд, как *Základní všeslovenská slovní zásoba* (стр. 500), не дает хотя бы приблизительного представления о территориальном распределении основы *zěmь, так как здесь зафиксированы лишь данные чешского, словацкого и польского языков. В то время эта основа была распространена гораздо шире и здесь встает уже вопрос, не представляет ли ниже приведенное территориальное распределение основы *zěmь скорее какую-то остаточную область (Rückzugsgebiet) в силу того, что основа на *-ja* стала общеславянской, вытеснив в некоторых диалектах более древнюю *i*-основу.

Праслав. *zěmь представлено в следующих примерах: ст.-слав. (Супр. р.) оземѣ в оземѣ погзлакъ 'ἐξορίσας' и производное оземѣтко 'ссылка', которые А. Вайан (Gr. comp. II, I, 150) объясняет из *ot-zemlje, хотя скорее можно предположить *otъzemi; др.-русск. на зена, что И. И. Срезневский (I, 977) рассматривал как ошибку вместо зема¹⁰, русск. диал. зем,-и, зьмь,-и 'земля, пол (в избе)' и многочисленные сочетания этого слова с предлогами, носящими адвербиальный характер, как, например: да зѣми, дб зими, пб зѣми, нѣ зѣми, нѣземь, объземь, бземь, с земѣ (см. Сл. русск. яз., II отд. ИАН, т. III, 2591—2592; Даль, I, 678; II, 415; Кур., 88, 182—183); укр. земь,-и ж. р. 'пол в доме, преимущественно вымощенный кирпичом'; чеш. диал. zem, země или zemi ж. р. 'земля, почва, пол в доме, суша, страна'; моравск. 'пашня, поле, нива' (Bartoš, 540; Malina, 158; Gregor, 192; Hruška, 120; Lamprecht, 160); ср. еще чеш. диал. v zemi 'в земле', po zemi 'по полу'¹¹, словц. zem,-e ж. р. 'земля', польск. ziem, а также oziem (Brückner, Sł. et, 653) и в.-луж. редкое zem 'земля, страна' (Pfuhl, 1010).

-iās. Думаем, далее, что славянские несклоняемые имена прилагательные на *-ь*, продолжающие, по-видимому, бывшие *i*-основы, типа ст.-слав., русск., ц.-слав. оудьць, не оудьць и кездьць также связаны с праславянской диалектной основой *doьь, -i.

¹⁰ Что это не ошибочная форма доказывает материал русских говоров; ср. арх. олон, зень, -и ж. р. 'земля, пол' (Опыт, 70; Даль, I, 680), а также формы с зѣни, к зѣни-то, на зѣнь и на зѣни (Сл. русск. яз. II отд. ИАН, т. III, стр. 2595).

¹¹ У Яна Гуса встречается выражение zemiplazov neb hadov, в котором первое слово передает лат. serpentium (Hus, 210). Возможно, в этом сложении отражена чистая основа.

Большое количество примеров для исходной основы *zēť-i нам удалось извлечь из болгарской диалектной лексики. Речь идет о наречных образованиях, возникших из предлогов с именем существительным *zēť в форме застывших выражений. Ср. болг. диал. *дбзѣми* 'до земли, низко' (Младенов, Българ. тълк. речн. I, 558; Гъл, 76; Самок, 212; Ихт., 59), *ѝззѣми* 'из земли' (И. П. Кефов. Народописни, животописни и езикови материали отъ с. Бобошево-Дупнишко. — СбНУ, кн. XII, София, 1936), *испѝдзѣми* 'из глубины' (Родоп, 173), *назѣми* 'наземь' (Младенов, Българ. тълк. речн. I, 792; Гъл, 91; Бож, 256; Самок, 246), *бзѣми* 'наземь' (Родоп, 225), *бдзѣми* 'от земли' (Гъл, 94; Самок, 252), *подзѣми* 'под землей' (Ихт. 138), *ѝзѣми* (Ихт. 182; Гъл, 109), *взѣми* и *ѝзѣми* 'в земле' (Соф., 300).

С только что приведенными наречиями можно сопоставить болг. диал. *бзми* 'до земли, низко' (с. Радуил, Ихтиманско, ИССФ, VIII, IX, 374, по материалам картотеки «Этимологического словаря славянских языков» Института русского языка в Москве). Это наречие восходит к *обзѣти*, в котором название земли характеризуется ступенью редукции корневого вокализма. Замечательно то, что в русских народных говорах обильно представлена эта же ступень **zēť-* в названиях естественных удобрений и производных от него¹². Ср. русск. диал. *назѣм*, род. п. ед. ч. *назѣма* или *назѣму* 'навоз', *назѣмѝ* 'пахотная, удобряемая земля, помочь, толока для удобрения полей, междупарье', *пбзѣмы* 'пахотная, годная на пашню земля', *назѣмить*, *поназѣмить*, *уназѣмить* 'удобрять', сибирск. *назѣмѣнный* = *наземный* 'навозный', *назмище* 'компост' (Даль; Гер. 58; Яр, 117; Обь, II, 170-171).

В отношении праслав. слова *zēťjā (*zēťjō*), характеризующегося подвижной акцентуационной парадигмой В. М. Иллич-Свитыч (Имен. акц., 108) заметил несовпадение с баритонезой в лит. *žėtė*. В связи с этим он высказал предположение, согласно которому первоначальная окситонированная акцентуационная парадигма была вытеснена подвижной акцентуационной парадигмой под влиянием акцентуации параллельной *i*-основы *zēť. Что эта *i*-основа имела когда-то подвижную акцентуационную парадигму вытекает из выше приведенных русских и болгарских примеров с оттяжкой ударения в препозициональных группах на предлог. Как нам сообщил В. А. Дыбо (Москва) древнерусские формы типа *на земли* (Чудовский Новый Завет, 111², 153³, 153¹) представляют сильное отклонение от акцентуации *ā-* и *īa-*основ, но зато полностью соответствуют акцентуационной характеристике *i*-основ в южнославянских языках типа *на власти*, *на зади* из Грамматики Ю. Крижанича. Описанное соотношение наводит на мысль о том, что *i*-основа в праславянском языке предшество-

¹² Кстати ступень исчезновения *zm-* в упомянутых *zēť, *zēť встречается в славянских названиях змеи и дракона.

вала *ja*-основе. Последняя, видимо, довольно поздно распространилась по всей славянской языковой территории. Об этом говорит, между прочим, и то, что она частично еще носит акцентуационную характеристику своего предшественника, которого она в некоторых диалектах совсем вытеснила.

И по некоторым другим соображениям такой ход развития кажется наиболее правдоподобным. Основы на *i*- представляют более древний тип основ, чем *ja*-основы¹³. Может быть, сохранение наиболее древних черт у праславянской *i*-основы *zēmь (акцентуационная характеристика, следы аблаута), распространенных в периферийных областях, т. е. в болгарских и русских народных говорах, станет более понятным, если *zēmь, *zēmь рассматривать именно как архаизмы.

Наконец, праславянская *i*-основа *zēmь находит поддержку в лтш. диал. *i*-основе *zems, -s* 'земля' (М.—Е, IV, 708; Ergb. II, 805). Кроме того, хотя бы одна из дошедших до нас древнепрусских форм этого слова, а именно др.-прусск. *semīn* вин. п. ед. ч. (Endzelin, *Apr. Gr.*, 95)¹⁴ может быть интерпретирована как форма *i*-основы. Правда, в других случаях древнепрусский язык скорее всего допускает предположение *ē*-основы *semē* ср. лит. *žēmė* лтш. *zeme*. Таким образом, в балтийских языках наряду с общепрусской *ja*-/*ē*-основой *zēmь нужно предполагать *i*-основу в латышском и, возможно, в древнепрусском, так же, как в праславянском, констатируем *ja*-основу *zēmja с общеславянским распространением и оттесненную ею *i*-основу *zēmь (возможно и *zēmь) на более узкой территории.

В нашу заметку мы не могли включить целый ряд других праславянских диалектизмов среди *i*-основ, хотя в нашем распоряжении еще более десяти достоверных примеров. Ограничиваясь выше изложенными случаями, мы можем извлечь из сказанного следующие выводы:

Во-первых, наличие существования диалектизмов среди праславянских *i*-основ мы можем принимать с несомненностью. Определенную трудность представляет разграничение случаев праславянских диалектизмов от реликтных образований, имевших на более ранних этапах более широкое распространение, но оттесненных поздними основами (случай праслав. *zēmь, *zēmь).

Во-вторых, изучение праславянских диалектизмов среди *i*-основ отчасти позволяет более глубоко понять явления вариантности основ. В целом ряде примеров сосуществование *i*-основы наряду с *ja*-основой или с *o*-основой следует объяснить как довольно древнее явление, если учитывается параллелизм славянского и балтийского материала в этом отношении. Мы имеем

¹³ Вспомним, что название земли восходит к индоевропейскому корневому имени. Ряд этих древних корневых имен еще в очень древний период был преобразован в *i*-основы.

¹⁴ Я. Эндзелин уже задавал вопрос «... von einem *i*-St?»

не только праслав. *zembь, *zьmbь: *zemļa — общебалт. *zemē: лтш. *zems, -s; праслав. *večerь: *večerъ — вост.-балт. *vakaras: лтш. vakari, но еще и праслав. doľbь: *doliā, — лит. dalis, — iēs: daliā праслав. *gordь: *gordъ — лит. gardis, -iēs: gařdas и др.

В-третьих, в качестве некоторых методологических моментов при изучении именных основ в праславянском языке следует отметить необходимость привлечения материала из всех славянских языков и из их диалектов (и не как это частично делалось раньше, исключительно ориентируясь на старославянские факты), важность использования всех ресурсов внешней реконструкции и, наконец, где это возможно, необходимость сочетания метода внутренней реконструкции с методом внешней реконструкции и взаимная их проверка.

Принятые сокращения

- Білецкий—Нос(енко) — П. Білецкий - Носенко. Словник української мови. Київ, 1966.
- Бож — З. Божкова. Принос към речника на софийския говор. — Българска диалектология. «Проучвания и материали», кн. I. София, 1962.
- Бълг. тълк. реч. — Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков, Цв. Тодоров. Български тълковен речник. София, 1955.
- Гер — М. К. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора, — Сб. ОРЯС, т. 87, № 3. СПб., 1910.
- Гъл — Л. Гълъбов. Говорът на с. Дорославци, Софийско. «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. II. София, 1965.
- Даничић — Рјечник из књижевних старина српских писцао Даничић, I—III. Београд, 1863—1864.
- Иллич-Свитыч, Им. акц. — В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Ихт — М. Сл. Младенов. Лексиката на ихтиманския говор. «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. III. София, 1967.
- Караджић — В. Ст. Караджић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. Четврто државно издање. Београд, 1935.
- Конески — Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, ред. Б. Конески, I, II. Скопје, 1961, 1965.
- Кур — С. М. Кардашевский. Курско-орловский словарь. (Материалы для изучения лексики курско-орловских говоров). «Уч. зап. МОПИ», т. XXXV, 1956, Труды кафедры русского языка, вып. 3, т. 47; вып. 4, 1956; т. 80, т. 87, вып. 5, 1960.
- Младенов, Бълг. тълк. речн., I — Ст. Младенов. Български тълковен речник с оглед към народните говори, т. I. София, 1951.
- Носович — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Обь — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, под ред. В. В. Палагиной, т. I, II. Томск, 1964, 1965.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением ИАН. СПб, 1852.
- Родоп — Т. Стойчев. Родопски речник. «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. II. София, 1965.
- Самок — И. К. Шапкарев, Л. Близнаев. Речник на самоковския градски говор. «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. III. София, 1967.

- Сл. русск. яз. II отд. ИАН, т. III — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением ИАН, т. III. СПб., 1901—1907.
- Срезневский, I — Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского, т. I. СПб., 1893.
- Яр — Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956 гг.), т. I—II. Ярославль, 1961.
- Baltistica — Baltistica. Baltų kalbų tyrinėjimai. Vilnius.
- Bartoš — F. Bartoš. Dialektický slovník moravský, část' I—II. V Praze, 1905—1906.
- Brückner, Sl. et — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- Endzelin, Apr. Gr. — Altpreußische Grammatik von J. Endzelin. Riga, 1944.
- Gr. comp. II, 1. — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. II, Première Partie. Lyon—Paris, 1958.
- Gregor — A. Gregor. Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha—Brno, 1959.
- Hruška — J. F. Hruška. Dialektický slovník chodský. V Praze, 1907.
- Hus — Slovník k českým spisům husovým sepsal K. Novák. V Praze, 1934.
- Karł. I. — J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. I. Kraków, 1900.
- Lamprecht — A. Lamprecht. Slovník středoopavského nářečí. V Ostravě, 1963.
- Malina — I. Malina. Slovník nářečí míštického. Praha, 1946.
- M.—E. — K. Mühlenbachs. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin, Bde I—IV, Riga, 1923—1932.
- Ergb — J. Endzelin und E. Hausenberg. Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs Lettisch-duetschem Wörterbuch.
- Mucke — E. Mucke. Wörterbuch der nieder — wendischen Sprache und ihrer Dialekte, I—II. Petrograd—Praha, 1921—1928.
- Pfuhl — K. B. Pfuhl. Łużiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
- Pleteršnik — M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. V Ljubljani, 1894—1895.
- Rječnik — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880.
- Sławski, Sł. et. — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, I. Krakow, 1952—1956.
- Zákl. všesl. — Základní všeslovanská slovní zásoba, ČSAV Ústav jazyků a literatur. Etymologické pracoviště. V Brne, 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

Библиография трудов С. Б. Бернштейна (1935—1970)	5
Р. И. Аванесов. Сорок лет в славистике	18

I. История славянских языков и письменности

А. В. Бондарко (Ленинград). О взаимоотношениях форм аориста и настоящего совершенного в старых белорусских, чешских и польских памятниках	28
Р. В. Булатова (Москва). Из сербской исторической акцентологии. Две просодические системы XVI в.	32
Вл. Георгиев (София). Происхождение окончаний 3-го лица множественного числа настоящего времени в болгарском языке	42
К. Гутшмидт (Берлин). Диалект и литературный язык в рукописных болгарско-новогреческих разговорниках первой половины XIX в.	45
Е. И. Демина (Москва). О характере влияния «Сокровища» Дамаскина Студита на болгарскую письменность XVI—XVII вв.	54
В. А. Дыбо (Москва). К классификации среднеболгарских акцентных систем (Предварительные итоги)	63
П. Кирай (Будапешт). Кириллические надписи на кошеле, принадлежавшем, по преданию, венгерскому королю Иштвану (Степану) первому	70
Б. Конеский (Скопье). Варианты церковнославянского языка в Македонии в первой половине XIV в.	75
К. Мирчев (София). Предлог <i>оу</i> в посессивной функции в истории болгарского языка	79
К. И. Ходова (Москва). Окказиональные смешения падежных форм в старославянском языке	84
Р. М. Цейтлин (Москва). Значение приаъективной приставки <i>при-</i> в языке старославянских памятников	92
Е. В. Чешко (Москва). Заметки о среднеболгарском Златоусте	100
З. Штибер (Варшава). О языке Киевского миссала	106

II. Современные славянские литературные языки

Р. Бернар (Париж). О месте ударения во множественном числе односложных существительных мужского рода в современном болгарском литературном языке	110
И. К. Бунина (Москва). Категория времени или категория таксиса? (О противопоставлении относительных и абсолютных времен болгарского индикатива)	124

Ж. Вейренк (Париж). Синтаксический анализ творительного падежа	129
И. Вукович (Сараево). К вопросу о лексико-синтаксической чистоте синтаксической синонимике	139
В. П. Гудков (Москва). К изучению конструкций с <i>да</i> в сербохорватском языке	146
М. И. Ермакова (Москва). О глагольном словоизменении в верхнелужицком литературном языке	150
М. Ивич (Новый Сад). О маркированности предиката придаточных предложений по признаку мобильности	158
А. М. Кузнецова (Москва). Несколько замечаний по поводу ассимиляции согласных <i>t'</i> , <i>d'</i> в славянских языках	162
Ив. Леков (София). Об одном неотмеченном явлении синтаксической фонологии в некоторых славянских языках	167
Р. Леч (Берлин). О специфическом характере грамматической интерференции, связанной с происхождением так называемых пересказывательных форм болгарского языка	173
Ю. С. Маслов (Ленинград). Членные формы болгарского литературного языка с точки зрения лингвистической типологии	181
А. С. Мельничук (Киев). Синтагматические условия употребления кратких и полных местоимений в болгарском языке	189
М. А. Михайлов (Горький). Чередования и морфологическая членимость	196
Г. П. Нецименко (Москва). О понятии вставной морфемы	201
Т. М. Николаева (Москва). Типологическое изучение фразовой интонации славянских языков	209
Ст. Пецяр (Братислава). Типы видовых альтернатив в словацком языке	216
М. Г. Рожновская (Москва). Производные безличные глаголы в болгарском литературном языке	227
Л. Н. Смирнов (Москва). Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке (сравнительно с русским)	236
Д. Станишева (София). О тождестве единиц лексического и синтаксического уровней языка (на материале славянских языков)	242
Э. Станкевич (Чикаго). Акцентные системы существительных в болгарском	251
М. Стеванович (Белград). Акцентуация союзов в сербохорватском языке	265
С. М. Толстая (Москва). Фонетические наблюдения над ономатописческими образованиями с суффиксом <i>*ot</i> в верхнелужицком	272
Б. О. Унбегаун (Нью-Йорк). Отчества на <i>-ич</i> и их отношение к русским фамилиям	280
Р. П. Усикова (Москва). О залоговом значении причастия на <i>-и/-т</i> в македонском литературном языке	286
А. Г. Широкова (Москва). Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках	292

III. Славянская диалектология

Г. К. Венедиктов (Москва). К характеристике основ настоящего времени в современных болгарских говорах	299
Б. Видоеский (Скопье). Судьба слогового <i>p</i> в говорах македонского языка	305
Э. Врание (Бухарест). Вид глаголов-неологизмов у двуязычных русских старообрядцев («липован»), проживающих в Румынии	313
Э. И. Зеленина (Москва). Шелководческая терминология в трех болгарских говорах Бессарабии	321
П. Ивич (Новый Сад). Один неисследованный штокавский говор с дwoяким рефлексом * <i>ě</i>	331
Л. Калнынь (Москва). К вопросу о системной интерпретации говора как единицы диалектного дробления	343
К. Костов (Берлин). Три немецких горнорудных термина в болгарских диалектах — <i>штуп</i> , <i>утман</i> и <i>штетина</i>	350
Т. Логар (Любляна). Каринтийские (корошские) словенские диалекты как факт исторического единства словенцев, живущих по обе стороны Караванского хребта	354
Л. И. Масленникова (Москва). Об особенностях языковой ситуации в польских говорах на территории Литовской ССР	360
М. Сл. Младенов (София). Об одной древней лексической изоглоссе в болгарском языке	364
Т. В. Попова (Москва). Чередование согласных основы при образовании сравнительной степени прилагательных в юго-западных украинских говорах	369
<u>Ст. Стойков</u> (София). Новая первая палатализация в болгарском языке	375
Н. И. Толстой (Москва). Из блокнота диалектолога: I. Страджанский предикатив <i>нема</i>	381
Хр. Холиолчев (София). Членные формы множественного числа на — <i>VǫmV(mV)</i> существительных среднего рода типа <i>пйле</i> , <i>момчѐ</i> в болгарских говорах	388

IV. Сравнительная грамматика и этимология

В. М. Илич-Свитыч (Москва). Местоимения <i>mĭ</i> 'я' <i>mĭ</i> 'мы' в вострагическом	396
М. Карась (Краков). Из карпатской лексики	407
В. Кипарский (Хельсинки). О так называемых двухсторонних чередованиях гласных	416
Г. П. Клепикова (Москва). Об одной карпатоукраинско-южнославянской лексической параллели	419
В. В. Мартынов (Минск). О правомерности генетического соотношения праслав.* <i>xutǫr</i> ~ лит. <i>gudrūs</i>	428
Г. Михалэ (Бухарест). Этимологические заметки (16—20)	432
А. Росетти (Бухарест). Slavo—romanica. О некоторых древнейших заимствованиях в румынском языке из южнославянского	439
Ф. Славский (Краков). Болгарское. <i>въбел</i> : <i>убел</i> (о развитии первичного начального <i>g</i>)	444

В. Н. Топоров (Москва). Об одном иранизме в славянском: *bazuriti	450
О. Н. Трубачев (Москва). Две болгарские этимологии. <i>Самодива. Момчил</i>	458
В. В. Усачева (Москва). Название рыбы 'Coregonus albula L. европейская ряпушка' в славянских языках	465
Г. Шустер-Шевц (Лейпциг). Из славянского этимологического словаря	474
Р. Эккерт (Лейпциг). Праславянские диалектизмы среди именных основ на -i	486

**Исследования по славянскому языкознанию.
Сборник в честь шестидесятилетия
проф. С. Б. Бернштейна**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР*

Редактор издательства Г. Н. Корозо
Художник М. Э. Шлозберг
Технический редактор Е. Н. Естьянова

Сдано в набор 7/Х 1970 г. Подписано к печати 1/II 1971 г.
Бумага № 2. Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 31,37. Уч.-изд. л.
31,8. Тираж 3600 экз. Тип. зак. 1259. Цена 2 р. 15 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

